

ВИЛИС
ЛАЦИС

Annotation

В романе «К новому берегу» показан путь латышского народа к социализму. В 1950-е годы Лацис написал эту книгу, в которой пытался объективно показать судьбу латышского крестьянства в сложных условиях советских социально-экономических экспериментов. Роман был встречен враждебно советскими ортодоксальными критиками, обвинившими Лациса в «сочувствии к кулачеству». Однако в 1952 году в «Правде» было опубликовано «Письмо группы советских читателей», инспирированное И. В. Сталиным и бравшее писателя под защиту, хотя сам вождь, по словам К. М. Симонова, этот роман не любил, но считал его выход нужным по политическим мотивам. Постановлением Совета Министров СССР Лацису Вилису за роман «К новому берегу» была присуждена Сталинская премия первой степени за 1951 год.

- [Вицис Лацис](#)
 - [Часть первая\[1\]](#)
 - [Глава первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [Глава третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
- [Глава пятая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава шестая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
- [Глава седьмая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Глава восьмая](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- Глава девятая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
- Глава десятая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
- Глава одиннадцатая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
- Глава двенадцатая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
- Глава тринадцатая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
- Часть вторая
 - Глава первая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4

- 5
- 6
- Глава вторая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
- Глава третья
 - 1
 - 2
 - 3
 -
 -
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
- Глава четвертая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- Глава пятая
 - 1
 - 2
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- Глава шестая
 - 1
 - 2
 - 3

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [Глава седьмая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [Глава восьмая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [Глава девятая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [Глава десятая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вицис Лацис
К новому берегу

Часть первая [\[1\]](#)

Глава первая

1

Добравшись до опушки леса, где большак круто поворачивал направо, Ильза Лидум остановилась и в последний раз окинула взглядом окрестность. Равнина эта, окаймленная дугой большого Змеинового болота и старым Аурским бором, темневшим на горизонте подобно гигантскому частоколу, не была ни родиной Ильзы, ни вообще чем-то близким, своим. И все же какая-то странная, теплая грусть наполнила ее сердце, когда она оглянулась на эту бесконечно знакомую картину: как бы там ни было, а шесть лет своей двадцатипятилетней жизни она провела здесь. Никакие счастливые воспоминания не связывали ее с этими местами — тяжелая работа, горькие разочарования, унижения... и тихая, робкая надежда, которую человек лелеет в глубине души, — вот и все. Но сейчас Ильза никак не могла оторваться от этого маленького мирка и вглядывалась в него с таким напряжением, будто хотела целиком вобрать в себя. Шесть лет... А вот сегодня она уйдет и никогда не вернется в эти места. И жизнь здесь потечет по-прежнему: будет шуметь на ветру Аурский бор, летними вечерами над Змеиным болотом стелиться туман, большие и малые страсти будут тревожить людей, оставшихся там, в серых домах, но никому из них не будет дела до Ильзы. Разве только сплетницы иногда вспомнят молодую батрачку да по вечерам посудачат о ней старухи.

«Живите себе... — мысленно сказала Ильза оставшимся. — Мне от вас ничего не надо и не понадобится никогда».

Она вздохнула, выпрямилась и, больше не оглядываясь, вошла в лес, волоча маленькие санки, на которых среди узлов сидел закутанный в пеструю попону сын Ильзы — пятилетний Артур. Он сладко дремал, прислонив голову к мешку с вещами. Ильза старалась выбрать дорогу поровнее, когда же путь преграждали ухабы и бугры, она замедляла шаг и осторожно, почти на руках, перетаскивала санки через препятствия.

Вскоре мальчик проснулся. Его разбудила сорока, со звонким стрекотанием перелетевшая дорогу. Артур удивленными глазами смотрел кругом и, если что-нибудь привлекало его внимание, спрашивал мать: «Что это, мамуся?»

Пестрый дятел сердито стучал длинным клювом по трухлявому пню.
— Посмотри, какая красивая птичка! — воскликнул Артур.

— Да, Артур, это дятел... — ответила Ильза, оборачиваясь и улыбаясь сыну. — Ножки не мерзнут?

Артур покачал головой и ответил с улыбкой;

— Не мерзнут. А почему дятел живет в лесу? Разве он не боится зверей?

— Здесь нет никаких хищных зверей, — сказала Ильза. — В этом лесу живут только зайчики да козули.

— Козули не кусаются?

— Нет, детка, козули хорошие. Зайчики тоже хорошие.

— И зубов у них нет? — не унимался малыш. — А если встретят волка, как они спасутся от него?

— У них быстрые ноги. Они убегут, и волку их не поймать. Не хочешь ли покушать?

— Хочу. Дай хлебушка.

Ильза на минутку остановилась, достала из мешка хлеб и отломил кусочек.

— Бери хлебушек в ручки.

Артур взял хлеб обеими ручонками, откусил и стал жадно жевать. На некоторое время Ильза избавилась от его вопросов. Задумавшись, она тащила санки, все дальше углубляясь в лес. По обеим сторонам дороги стояли старые ели, ветви их сгибались под тяжестью снега, а внизу, на дороге, царил синеватый холодный сумрак. И такая тишина стояла в этом лесу, что было слышно, как падает в мягкий снег оторвавшаяся от ветки шишка, как бегают по стволу дерева маленькая красногрудая птичка. Шаги Ильзы и однообразный скрип полозьев казались в этом царстве тишины пронзительно громкими.

Через несколько километров чаща поредела, ее сменили обширные заросли молодняка. Молодые елочки были чуть повыше человеческого роста, и лучи холодного декабрьского солнца, касаясь земли, заставляли ослепительно сверкать снег. Маленький Артур, сощурив глаза, смотрел, как мать шагает по дороге, перекинув через плечо веревку санок. На ногах у нее сапоги — такие же, как у мужчин, голенища исчезают под зеленой шерстяной юбкой. На матери серое пальто из домотканого сукна, голова окутана белым вязаным платком Бахрома платка покрывает плечи. Когда мать, улыбаясь, оглядывается, ее покрасневшее от холода и напряжения лицо с темными бровями, ласковыми голубыми глазами и темной прядью волос на лбу кажется удивительно прекрасным, прямо как у той принцессы из книжки с картинками, которую мать привезла с осенней ярмарки. Нет, мать еще красивее, она самая красивая и лучшая из всех мам в мире, —

Артур это твердо знает.

— Куда мы едем, мамуся?

— К дяде Яну, сынок... — ответила Ильза. — У него есть такой же мальчик, как ты. Будете вместе играть.

— А скоро мы приедем к дяде Яну?

— Нет. Нам еще далеко идти.

— А вечером мы поедем домой?

Губы Ильзы сжались, что-то сдавило ей горло, и прошло несколько секунд, пока она опять смогла заговорить.

— Нет, детка, домой мы больше не вернемся.

— Почему не вернемся?

— У нас больше нет дома, сыночек.

— Почему нет?

— Просто так. Ведь не у всех людей есть дом. У нас его тоже нет. Спрячь ручки под одеяло, будет теплее.

— Мне тепло.

И снова они замолчали. Снег скрипел под полозьями. Медленно скользили мимо Артура елки. Скоро молодая поросль кончилась и дорогу с обеих сторон обступила чаща старых деревьев. Вдруг откуда-то из-за поворота послышался нежный высокий звук. Артуру показалось, что это запела красногрудая птичка. Но радостный звук все усиливался — теперь это был уже не одинокий звук, а хор звонких, веселых голосов; каждый из них старался петь громче другого.

На дороге, шагах в двадцати от них, показалась упряжка, разукрашенная гирляндами из брусничника и бумажными флажками, за ней другая, третья, четвертая... целый обоз. На оглоблях висели колокольчики, на уздечках — бубенцы. В разукрашенных санях по двое, по трое сидели люди.

Ильза оттащила санки к обочине дороги, а сама отступила в сугроб.

Это был свадебный поезд. Наследник усадьбы Сурумы — Антон Пацеплис — с молодой женой Линой, дочерью богатея Мелдера, возвращались из церкви, где их только что обвенчал пастор Рейнхарт. Антон Пацеплис — плечистый и статный светлоусый мужчина, недавно отпраздновавший тридцатилетие, — важно сидел в санях рядом с молодой женой. Лина Мелдер не могла похвастаться ни стройностью, ни красотой, но отец ее был одним из самых богатых людей волости, а Лина — его единственной дочерью. Нетрудно представить, какое она получила приданое.

С миртовым венком поверх фаты, с застывшей смущенной улыбкой

сидела она в санях посаженного отца, богатого Кикрейзиса. Молодой муж заглядывал ей в глаза и весело улыбался, и что-то похожее на насмешку мелькало в его зоре. С других саней раздавались звонкие голоса, задорные выкрики и визг девушек; только гости постарше сидели в санях степенно и прямо, будто аршин проглотили.

Когда сани молодой четы поравнялись с Ильзой Лидум, стоявшей по колени в снегу, гнедой Кикрейзиса испугался и, тревожно зафыркав, остановился. Вслед за ним остановился и весь поезд. Заиндевелая морда лошади коснулась шеи Лины. Она вскрикнула и испуганно втянула голову в плечи.

— Не бойся, Линит, — успокоил ее Антон. — Это же наш Анцис, он смирный.

— Я не боюсь... — пробормотала Лина. В этот момент она заметила стоящую в снегу молодую женщину и мальчика на санках.

— Какой красивый мальчик! — вырвалось у нее. — Глазенки — как незабудки. Подождите немного, господин Кикрейзис, мне хочется поговорить с ним.

Ильза, стоя по колени в снегу, мрачно смотрела в глаза Лины. И были в этом взгляде и гордость, и вызов, и приглушенная боль.

Только на одно мгновение встретились взгляды Ильзы и Антона Пацеплиса, но Антон вздрогнул, как ужаленный, покраснел до ушей и, смутившись, отвернулся.

— Линит, надо ехать... — тихо проговорил он. — Чего нам стоять здесь.

— Одну минутку, Антон... — возразила Лина. — В такой день хочется каждому человеку доставить радость. Ну взгляни же, разве не красивый мальчик?

Но Антон будто боялся смотреть в сторону Ильзы и ничего не ответил молодой жене. Лина раскрыла сумочку, нащупала какие-то деньги и с благожелательной улыбкой протянула бумажку Ильзе.

— Возьмите... берите же. Купите своему малышу конфет.

Ильза отступила к самому краю канавы. Она и не подумала протянуть руки к деньгам. Темная краска негодования горела на ее щеках с такой силой, что казалось, вот-вот они воспламятся.

— Какая вы странная... и гордая... — сконфуженно прошептала Лина. — Ведь я даю это вашему ребенку. Такой милый мальчик, хочется его порадовать...

Поняв, что незнакомая женщина подарка не примет, Лина скомкала деньги и бросила их в санки, на колени Артура.

— Скажи маме, пусть купит тебе конфет! — крикнула она мальчику.

Ильза быстро нагнулась, подняла деньги и швырнула их обратно Лине.

— Клочком бумаги не откупитесь, — резко сказала она. — Приберегите его. Пригодится вашим детям.

Гости смущенно переглянулись. Кикрейзис дернул плетеные кожаные вожжи. Конь пошел быстрой рысью, и снова колокольчики и бубенцы зазвенели на всех санях.

Насупившийся и раздосадованный сидел рядом с женой Антон Пацеплис.

— Вот чего ты добилась, — прошипел он тихо, чтобы не расслышал Кикрейзис. — Теперь вся волость будет смеяться.

Когда за поворотом дороги исчезли последние сани свадебного поезда, Ильза вытащила санки на середину дороги и отряхнула снег с сапог, с подола юбки.

— Мамуля, тот дядя с усами... — заговорил Артур, — это хороший дядя?

— Нет, сынок, это плохой человек, — ответила Ильза. — Ты запомнил его?

— Да, такой с усами... большой дядя.

— Это не дядя. Это был... твой папа. Он тебя не любит, поэтому и тебе не следует его любить.

— Почему?

— Ты еще маленький и не поймешь, почему. Когда вырастешь большой, поймешь.

Поправив одеяло на ногах Артура, Ильза погладила щечки сына, поцеловала его в лоб и, взявшись за веревку, зашагала по дороге.

Снова среди леса, на затихшем большаке, они остались совсем одни...

2

Весь день Ильза тащила за собой санки. За лесом потянулись открытые места, где крестьянские усадьбы стояли у самой дороги и прохожих, встречал неистовый лай собак. У каждой корчмы были привязаны лошади; они грызли от скуки столбы коновязи, пока их хозяева подкреплялись пивом и водкой. В таких местах Ильза ускоряла шаг, стараясь скорее пройти мимо. Как собаки не пропускали ни одного прохожего, не залаяв, так пьяные гуляки, заметив молодую женщину, считали своей обязанностью задеть ее пошлыми остротами.

Ильза делала вид, что не слышит их.

Когда дорога снова углубилась в лес, Ильза облегченно вздохнула.

Время от времени она разговаривала с Артуром, которому становилось скучно, но как только мальчик засыпал, она погружалась в свои думы. Одна за другой сменялись в воображении Ильзы картины ее нелегкой жизни.

Ясно вспомнилась грозная ночь, когда за старым парком баронского имениа взвихрились клубы дыма, прорезанного языками яркого пламени... Красное зарево охватило небосвод, и ночь стала светлой, как день. Горел баронский замок. Батраки издали молча глядели, как свершалось возмездие. Лица их озарялись трепещущими отблесками пожара. А когда наступило утро, на пригорке, где вчера еще кичливо возвышалось разбойничье гнездо барона, виднелась черная груда закоптелых развалин.

Смелые, полные вызова песни звучали тогда в городах и деревнях Латвии, красные знамена сверкали на солнце. На собраниях гремел бесстрашный голос Петера Лидума — отца Ильзы:

— Долой насильников и кровопийц! Долой царя и черных слуг его! Мы свободные люди и возьмем власть в свои руки!

В то время Ильзе было десять, а ее брату Яну — четырнадцать лет. Еще не все понимая, они с гордостью и восторгом прислушивались к мужественному голосу отца. Отец им казался таким сильным, что был способен один перестроить жизнь — сделать ее новой, счастливой, красивой. Буря девятьсот пятого года, как весенняя гроза, пронеслась над Видземе и Курземе, над всей необъятной Россией.

...Затем вспомнился мрачный вечер в батрацкой избе имениа. В простом дощатом гробу лежал расстрелянный карательной экспедицией Петер Лидум. Плакала мать. Помрачневший, без единой слезинки в глазах, смотрел Ян в мертвое лицо отца. Ильза тихо стояла у изголовья гроба. Приходили и уходили люди. Их было много, они хотели отдать последний долг покойному. На следующий день за кладбищенской оградой — на «кладбище нечестивых» — без колокольного звона, без напутствия пастора похоронили Петера Лидума. И после этого начала скитаться по свету молчаливая батрачка с двумя сиротами. Ильза пасла хозяйский скот. Ян работал за полубатрака.^[2] Тяжелый труд рано сгорбил стройную фигуру матери. И вот наступил день, когда Ильза с Яном остались на свете совсем одни...

— Мамусенька, скоро приедем домой? — прерывает Артур нить мыслей Ильзы.

Дорога из кустарника снова вышла в поле. На пригорке стояла мельница с неподвижными крыльями.

— Да, сынок, скоро будем в тепле, — отвечает Ильза. — Когда стемнеет, мы зайдем в избу, погреемся.

— Что это? — спрашивает мальчик и показывает на мельницу.

— Это мельница, Артур. Там мелют хлебушек.

— Мне хочется хлебушка...

Ильза отламывает от каравая кусочек, протягивает сыну. И снова санки скользят по гладко накатанной дороге. В морозной мгле плывет огромный тускловатый шар заходящего солнца. Предчувствуя наступление темноты, вороны спешат устроиться на верхушках берез, — они спорят, шумят, выбирая удобное место для ночлега.

Другая картина проплывает перед Ильзой.

Она — молодая красивая девушка — с Юрьева дня^[3] нанимается батрачкой в усадьбу Кикрейзиса — одного из самых богатых землевладельцев волости. Усадьба расположена на высоком месте, и накопившаяся за многие поколения вода Змеинового болота не заливают полей и лугов Кикрейзиса. Урожай здесь ежегодно снимают лучший, чем у соседей. Внизу, рядом с болотом, расстилаются голые поля и кочковатые, изрытые кротами луга усадьбы Сурумы. Со всеми пастбищами, полянами и болотным клином там наберется около шестидесяти пурвиет^[4] — двухлошадная земля, как говорят крестьяне. Половина этой земли негодная, поэтому владелец усадьбы Сурумы всегда боролся с нуждой, а крупные землевладельцы при встречах подавали ему лишь кончики пальцев и, сказав два-три слова, поворачивались спиной. Сын хозяина усадьбы, Антон Пацеплис, красивый статный парень, в то время еще не принял от отца хозяйство. Он хорошо пел, любил потанцевать и выпить, а если где-нибудь на вечеринке затевалась потасовка, в ней неизменно одна из главных ролей принадлежала Антону. Он не мог спокойно пройти мимо Ильзы. Случалось как-то так, что Антон ежедневно появлялся на ее пути. Увлечение его было так велико, что, казалось, даже изменило к лучшему парня, за которым во всей округе утвердилось слава забулдыги и пустомели. Однажды летом, провожая Ильзу с вечеринки, Антон много говорил о своих чувствах, которые он будто бы питал к девушке. И Ильза, поверив ему, согласилась делить с ним все радости и горести будущих дней, сообщая поливать потом скудную землю Сурумов и вместе прожить жизнь.

В начале весны уже для всех стало ясно, что ее дружба с сыном сурумского хозяина не обойдется без последствий. Это знал и Антон. Сообразив, что дело зашло далеко и ему, возможно, придется кое за что

отвечать, он стал избегать Ильзы. Встречаясь с девушкой на людях, Антон делал вид, что незнаком с нею. Более месяца длилось это трусливое увиливание. Ильза поняла истинный смысл внезапного равнодушия Антона, и он сразу стал в ее глазах ничтожеством. Оскорбленная гордость заставила ее отвернуться от Антона. Поговорив с глазу на глаз со старым Кикрейзисом, отец Антона Пацеплиса добился того, что Ильзе за две недели до Юрьева дня предложили подумать о новом месте. Беременную работницу ни один хозяин не хотел нанимать. В Юрьев день Ильза, покинув Кикрейжи, переселилась в другой конец волости; в одной из усадеб ей отвели темный угол в людской комнате, за это она должна была отрабатывать хозяину по нескольку дней каждый месяц.

Когда родился Артур, все советовали ей отдать ребенка в сиротский дом, но она оставила его у себя.

Тяжелое это было время, особенно в первый год после рождения Артура. Когда малыш начал ходить, она стала брать его с собой на работу. Постепенно все привыкли к нему и не считали помехой.

Ильза твердо решила воспитать сына сама, хотя бы это потребовало от нее величайших жертв, вырастить его настоящим человеком, достойным деда, Петера Лидума.

Не будь она такой красивой, ее жизнь, наверно, шла бы гораздо ровнее и спокойнее и она была бы избавлена от многих унижений.

Не случилось бы и того, что произошло несколько дней тому назад. Богатей Стабулник, в доме которого она жила, давно засматривался на нее. И вот однажды, когда Ильза сбрасывала с сеновала сено коровам, кулак взобрался к ней и нагло заявил: «Живи со мной — и тебе будет неплохо...» Уверенный, что его предложение не может быть отвергнуто, Стабулник попытался обнять Ильзу. По его понятиям, девушка, которая прижила ребенка, не имела права строить из себя недотрогу, и он думал, что ничем не рискует, предлагая ей столь выгодные условия.

Хозяйка, для которой проделки мужа не составляли секрета, следила за каждым его шагом. И в этот раз она появилась на сеновале именно тогда, когда ее присутствие, по мнению мужа, было менее всего необходимо. Она видела, как Ильза наградила оплеухой хозяина.

— Прочь с моих глаз, бесстыжая потаскуха! — закричала Стабулнице. — Вешайся на шею парням, чего пристаешь к женатым!

Спорить и оправдываться не имело смысла. Ильза собрала скудные пожитки, какой-то сердобольный батрак отдал ей старые санки — и вот она очутилась с сыном зимой на большаке.

Ни разу в эти годы не вспомнил о ней Антон Пацеплис, не пытался

помочь. Впрочем, если б и попытался, Ильза отказалась бы от его помощи. Встреча свадебного поезда только всколыхнула в сердце Ильзы ненависть и презрение к этому человеку.

3

Поздно вечером Ильза дошла до какой-то корчмы. Здесь прохожие и проезжие могли останавливаться на ночлег. Она заказала самое дешевое — чайник чаю. Покормив Артура, съела ломоть хлеба с соленым творогом и, выбрав укромный угол, приготовила на широкой скамье постель для сына. Артур сразу уснул. Ильза примостилась рядом и так провела всю ночь. Она долго не могла заснуть. По углам и у стен устраивались на ночлег возвращавшиеся домой крестьяне и возчики бревен; они ездили на дальние лесные вырубki. За столом долго играли и громко смеялись картежники. Какой-то старичок рассказывал, как он судился с хозяином из-за невыплаченного заработка: начал с волостного и кончил окружным судом, но ничего не добился.

— Не было денег, чтоб заплатить адвокату. А ведь я не знаю ни статей, ни законов, ни всех этих высоких порядков. Поэтому и не высудил. А если написать прошение самому президенту, еще неизвестно, как повернется.

— Почему ж не напишешь? — спросил кто-то.

— У меня вот с почерком не ладится, некрасив он, — ответил старичок. — Такое прошение, пожалуй, не положат ему на стол.

— А если и дадут прочесть, ты думаешь, он лучше твоих судей? — мрачно усмехнулся какой-то возчик. — Все одним миром мазаны. У президента тоже большое поместье с батраками и батрачками. Ты думаешь, он станет другому кулаку глаза выклеивать? Как же, дожидайся...

Несколько раз Ильзу охватывала легкая дрема, но стоило кому-нибудь громче заговорить, шумно двинуть скамейкой или, бросая карты, стукнуть по столу — она просыпалась. Лишь под утро, когда кругом все спали, она тоже задремала. Как только в окне забрезжил серый рассвет, все постояльцы поднялись, развязали дорожные сумки и принялись закусывать. Вскоре на большаке заскрипели полозья и зафыркали лошади. Ильза разбудила Артура и отправилась дальше.

Весь день шла она по большаку мимо кабаков, церквей и незнакомых усадеб, а к вечеру свернула на проселочную дорогу и несколько километров брела по ней. Стало смеркаться. Налево от дороги стояла

замшелая батрацкая избенка с полуразвалившейся трубой и двумя оконцами. По другую сторону на пригорке кичливо возвышался двухэтажный деревянный дом с верандой, застекленной цветными стеклами; позади дома был разбит большой фруктовый сад. Новый каменный коровник, конюшня и клеть находились несколько поодаль, по обе стороны пригорка. К хозяйскому дому вела аллея из старых ив.

Ильза остановилась и сказала Артуру:

— Слезай-ка, сынок, разомни ножки. Сегодня мы дальше не поедем.

В окне батрацкой избушки показалась растрепанная женская голова; несколько мгновений женщина глядела на прибывших, затем исчезла за старой, рваной занавеской. Артур выбрался из санок. От долгого сидения ноги у него онемели, он, съездившись, жался к матери и удивленно озирался кругом.

— Вот мы и приехали к дяде Яну, — сказала Ильза. — Сейчас ты увидишь маленького мальчика Айвара. Побегай немножко.

Артур смотрел на большой дом и молчал. За последние два дня он наслушался столько хорошего и заманчивого о дяде Яне, о маленьком Айваре и о тете Ольге, что сейчас, когда долгожданный момент наступил, его охватила робость. Обеими ручонками ухватился он за юбку матери, прижался щекой к ее руке и молчал.

С другой стороны избушки скрипнула дверь. Накинув на плечи шаль, вышла Ольга Лидум и издали наблюдала за прибывшими.

Тогда Ильза взяла за руку Артура и направилась к невестке.

— Добрый вечер, Ольга... Не ждала гостей?

Как всегда унылая и замкнутая, невестка тревожно посмотрела на Ильзу, на Артура и тихо вздохнула.

— Добрый вечер... — ответила она. Лицо ее осталось таким же озабоченным. Она не протянула Ильзе руки, не расцеловалась с ней, не нашлось у нее и ободряющего слова для Артура. Ильза понимала, что у жены батрака не было никакой причины радоваться их появлению, — они могли принести только новые заботы, стать лишней обузой, сделать ее жизнь, и без того полную лишений, еще тяжелей.

— Далеко ли путь держите? — спросила Ольга, и глаза ее, обращенные к санкам, осторожно ощупали каждый предмет: ясно — они пустились в путь со всеми пожитками. Наверное, опять что-нибудь случилось. Взгляд Ольги подозрительно скользнул по фигуре Ильзы.

— Не знаю, Ольга... — ответила Ильза. — Посмотрим. Хочу поговорить с братом, спросить совета, как быть.

— Яна нет дома, — сказала Ольга. — Хозяин послал вывозить из лесу

бревна.

— Вот как... — тихо отозвалась Ильза. Наступило неловкое молчание. Сдержанность и холодность невестки не удивили Ильзу — Ольга всегда была такой, и Яну жить с ней нелегко. Неизвестно, долго ли простояли бы они посреди двора, если бы Артур не заметил большого серого полосатого кота; вынырнув из дровяного сарайчика, он стоял в снегу, сердито помахивая хвостом.

— Киска! — крикнул мальчик и дернул мать за рукав. — Посмотри, мамуся, какая большая киса! Как у нас дома!

— Да, сынок, красивый кот... — отозвалась Ильза и погладила сына по головке. — Только не напугай его — киски боятся незнакомых детей.

— Чего ж мы стоим здесь, — спохватилась наконец Ольга. — Идемте в избу. Ян вернется не так скоро, а вы на ночь глядя все равно никуда не поедете. Придется переночевать у нас.

Ильза вернулась к санкам и подвезла их к дверям. Вещи сложила в сених, санки прислонила снаружи к стене и вошла с Артуром в избу. Пользуясь случаем, за ними шмыгнул серый кот.

В комнату можно было попасть только через кухоньку, где в плите потрескивали дрова. Ильза повесила пальто на крюк у двери, раздела Артура и, обтерев сапоги, вошла в комнату. Потолок был так низок, что приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о почерневшую балку.

Ольга засветила маленькую керосиновую лампочку, и сразу стала видна вся нищета батрацкой семьи. В углу за печкой стояла старая деревянная кровать, до половины закрытая самодельным коричневым шкафом. У окна — стол, покрытый скатертью из пестрых лоскутков. Два стула, скамья, в углу — зеленый сундук, на стене — полочка с книгами и несколько выцветших фотографий в самодельных рамках, вот и все. Да еще малыш — Айвар; он спрятался в углу за печкой и исподтишка наблюдал за вошедшими. Когда Ильза его заметила, Айвару пришлось покинуть свое убежище и поздороваться за руку с Артуром. Они оба были одного роста и очень походили друг на друга: прямой нос, голубые глаза, только волосы у Айвара были темнее.

Оглядев друг друга, они быстро освоились и ушли в угол за печку, где Айвар хранил игрушки: глиняную уточку-свистульку, сделанный отцом лук и надутый свиной пузырь с горошинами внутри, которого так боялся старый кот. Сначала из угла доносился только приглушенный шепот, затем загрохотал пузырь, засвистела уточка, и ребята разразились веселым смехом. Прислушиваясь к возне детей, несколько повеселела и Ольга. Она

вышла в кухню, собрала ужин и пригласила гостей к столу. Поев, дети снова исчезли за печкой, а женщины стали мыть посуду.

— Как же это случилось с тобой? — наконец поинтересовалась Ольга. Она была всего года на два старше Ильзы, но казалась гораздо старше золовки. Маленький, слегка вздернутый нос, сжатые губы выражали упрямство, а карие глаза глядели на мир холодно и равнодушно. Красавицей она не слыла, но и некрасивой ее нельзя было назвать, — просто одна из тех обыкновенных, не бросающихся в глаза женщин, мимо которых люди проходят равнодушно и редко оглядываются. Только один — Ян Лидум — оглянулся, и она стала его женой.

— Случилось так, что надо было уйти, — ответила Ильза. — Хозяин в Стабулниеках стал слишком наглеть... начал приставать. Я не могла больше там оставаться...

— Где же ты думаешь найти честного хозяина? — в голосе Ольги задрожал холодный смешок. — В твоём положении... с ребенком без отца...

— Не знаю... — сказала Ильза, задумчиво глядя в одну точку. — Неужели не найдется на свете ни одного честного человека? Может, Ян что-нибудь посоветует.

— Тебе не следует быть слишком гордой, вот и все, — ответила Ольга. — Кто раз в жизни поскользнулся, тот должен научиться ходить по краешку дороги.

— Разве я так не поступаю? Держусь обочины, и все равно многие стараются затоптать. И, конечно, затоптали бы, если бы я не противилась.

— Ты говоришь так, будто это еще не случилось. Выплеснутую воду не соберешь. А теперь твоя гордость становится только бременем и мешает жить.

— Что ты этим хочешь сказать? — Ильза выпрямилась и пристально посмотрела невестке в глаза.

— Только то, что не надо быть такой привередливо — ответила Ольга.

— Но я ведь ничего не ищу, не привередничаю. Я хочу жить честно и растить своего ребенка.

— Так ты ничего не добьешься. Будешь батрачить и бродяжничать до конца своих дней, — внезапно выпрямилась и Ольга, с нее как бы спали путы равнодушия, сдерживавшие ее. Злой огонек мелькнул в глазах, а голос зазвучал резко: — Ну, посмотри, что здесь? Нищета! Или ты думаешь, что быть женой батрака веселей, чем сделаться любовницей какого-нибудь богатого хозяина? Тогда тебе хоть что-нибудь перепадет в жизни.

— Ольга... ты это всерьез? — спросила Ильза. — Ты жалеешь, что

вышла замуж за Яна? Мне всегда казалось, что вы... счастливы... довольны своей жизнью.

— Не про нашу жизнь разговор, а про твою, — возразила Ольга. — Твое положение с моим не равняй. Моя жизнь устроена, в ней все правильно. Я только хотела тебе сказать, как поступила бы на твоём месте, вот и все. Но вижу, что ты это поняла совсем по-иному.

Разговор оборвался и не возобновлялся до самого прихода Яна Лидума.

4

Ян Лидум с другими батраками и крестьянами вывозил из Айзупского леса к железнодорожной станции бревна. От вырубki до станции было километров двенадцать, и больше двух концов за день сделать не удавалось хоть и вставали до зари, а возвращались домой ночью.

Когда Ян в тот день во второй раз появился на вырубке, был уже третий час дня. Для погрузки он выбрал Два основательных сосновых бревна, лежавших по обе стороны проложенного возчиками санного пути. Через несколько минут воз был готов, но Ян Лидум не торопился уезжать. Взяв кол, он пошел к товарищам и добрых полчаса помогал им нагружать сани. Выехав на большак, возчики закурили трубки.

— Ну и силища у тебя — медвежья, — удивлялся сухопарый возчик. — Что мы втроем, то ты один. Я б на твоём месте не батрачил, а пошел в цирк борцом. Думаешь, какому-нибудь Луриху^[5] мало платят?

Ян Лидум добродушно улыбнулся. Да, от отца он унаследовал большой рост, силу и могучие руки, в которых была такая железная хватка, что кости трещали, если он за кого-нибудь брался.

— С сильным можно бороться не только в цирке, — ответил Лидум, усмехнувшись, и на мгновение в его голубых глазах сверкнул озорной огонек. — Если бы когда-нибудь удалось положить на обе лопатки всех кулаков и других кровопийц, это было бы куда ценнее, чем победить сотню цирковых борцов. Уж мы-то тогда не дали бы им подняться, пусть лежат до самого страшного суда.

— Они удивительно живучи... — пробормотал средних лет мужчина, Гравелис, новохозяин с другого конца Айзупской волости. — В пятом году ведь некоторых уложили, в восемнадцатом тоже, но что поделаешь с сорняком, — дай только волю, он тебе полезет даже из камней. А те, кто осмелился пойти против них, теперь лежат в могилах. — Лежат не все, —

сказал Ян, пристально посмотрев на Гравелиса. — Народ нельзя зарыть в яму. И последнее слово все же скажем мы.

Видя, что его попутчики уже закурили, он направился своему возу и взялся за вожжи.

Гладко наезженная дорога шла под уклон. Когда воз двинулся, Ян уселся на бревна и дал коню волю идти мерным шагом, наблюдая лишь за тем, чтобы его сани, идущие в голове обоза, не слишком отрывались от остальных. Лошади новохозяев и испольтчиков с трудом поспевали за крупным жеребцом кулака Лавера.

Лицо Яна Лидума еще горело от недавнего напряжения. Чтоб не простудиться, молодой батрак потуже затянул вокруг шеи шерстяной шарф, застегнул на все крючки поношенный полушубок и оббил кнутовищем набравшийся в постолы и прилипший к онучам снег.

Яну Лидуму было двадцать девять лет, но он не отпускал ни бороды, ни усов, поэтому казался моложе. С четырнадцати лет он работал, как взрослый, но больше чем на хлеб да на кое-какую одежонку заработать не мог. Да и как заработаешь, если плоды твоего труда достаются хозяину, а тебе лишь перепадают крохи, несколько медных грошей, на которые и не живешь и не умираешь... Вот и сейчас: Ян высчитал, что он зарабатывает в день меньше, чем стоит корм лошади. «Но ведь это хозяйский конь, — с горечью думал Ян, — имущество и гордость Лавера, а я...»

Если бы остальные возчики могли сейчас увидеть Яна Лидума, они удивились бы, каким мрачным стало его лицо, которое все привыкли видеть или добродушно улыбающимся, или спокойно-задумчивым и ласковым.

«Сила... да, этим ты наделен с детства. По всей округе — от Змеинового болота до больших Айзупских лесов — рассказывают чудеса про твои дела. Поднять на прилавок бочку с пивом тебе ничего не стоит, ухватить лошадь за хвост и одним рывком повалить ее ты можешь хоть десять раз подряд. Ты свободно поднимаешься с десятипудовым мешком зерна по мельничной лестнице; это очень нравится хозяину, но он не платит тебе за эту сумасшедшую работу ни одного сантима больше, и, если через сорок лет все останется по-старому, к концу жизни тебя ждет волостная богадельня и больше ничего.

«Через сорок лет? Нет, нет!.. — Ян Лидум тихо засмеялся. — Как долго это не протянется, ведь мы не будем ждать вечно... Мы — Ян Лидум и сотни тысяч таких, как я».

Когда дорога шла в гору, Ян слезал с воза и шагал рядом, помогая лошади.

Бревна принадлежали Тауриню из Пурвайской волости. Каждую зиму он приобретал на торгах небольшую вырубку и понемногу торговал лесом, прибавляя хорошую деньгу к доходам от усадьбы. В ту зиму в Аурском бору не рубили, поэтому Тауринь приобрел на торгах две вырубki в большом Айзупском лесу. Сам он редко появлялся на вырубках — там за работой наблюдал браковщик, — зато у станции его можно было видеть часто. Когда возчики в сумерках подъезжали к лесному складу, Ян Лидум издали узнал серого в яблоках жеребца и новые сани Тауриня. Тауринь вышел навстречу возчикам, махая рукой, чтобы они остановились.

Немного старше тридцати лет, среднего роста, сухопарый, со светлыми усиками, одетый в полушубок темно-зеленого сукна с высоким овчинным воротником, в черной ушанке, в фетровых сапогах, он больше походил на торговца или волостного писаря, чем на крестьянина. Холодным взглядом маленьких серых глаз встретил он Яна Лидума.

— Подъезжайте к путям, — сказал Тауринь спокойным, мягким голосом. — Бревна можно сразу же грузить на платформу.

Ян повернул воз влево и съехал с дороги. На запасных путях стояла почти пустая железнодорожная платформа, на которую только недавно был нагружен первый ряд бревен. Остановив лошадь у платформы, Ян развязал веревки и огляделся. У запасного пути и на складе не было ни одного человека.

— Господин Тауринь, а где же грузчики? — спросил он.

— Какие грузчики? — удивился Тауринь.

— Да те, которые будут грузить лес... — ответил Ян.

— Каких вам еще грузчиков? — переспросил Тауринь. — Разве вы сами, шестером, не накатите бревна на платформу? Друг другу подсобите, вот и все.

— Ах вот как? — усмехнулся Ян. — А вы заплатите нам за погрузку?

Возчики, столпившись в стороне, прислушивались к их разговору. Тауринь сжал губы и о чем-то задумался, затем, пожав плечами, сказал, глядя в землю:

— Не все ли вам равно, куда сгрузить — на платформу или на штабель? Ведь все равно надо закатывать наверх. О лишней доплате не может быть и речи.

— Не о лишней, нет, а о той, которая полагается, — ответил Ян. — За те деньги, что вы платите Лаверу, я должен привезти бревна только на склад. До платформы мне нет никакого дела.

— Договор заключен с Лавером, а не с вами, — продолжал Тауринь в том же спокойном, вежливом тоне. — Ваше дело сделать, что от вас

требуют, мое дело заплатить Лаверу сколько полагается. Лошадь принадлежит хозяину, а не вам, и мне нет нужды с вами пререкаться.

— Лошадь, верно, хозяйская, но руки мои, — возразил Ян. — С ними я делаю то, что мне нравится.

Тогда Тауринь тихо рассмеялся.

— Ошибаетесь, лошадь принадлежит хозяину и эти руки тоже. Все принадлежит хозяину, потому что он платит вам. Ну, а теперь довольно разглагольствовать. Делайте, что я велю. У меня нет времени возиться здесь до полуночи.

Возчики подмигивали Яну, чтоб он бросил спорить.

— Да что там... в два счета накатим сообща... — подал голос новохозяин Гравелис. — Неужели уж господин Тауринь не даст на водку?

Ян махнул рукой.

— Ну, ладно, пусть подавится. Приступим!

Вытаращенными глазами посмотрел Тауринь на Лидума, хотел что-то сказать, но сдержался. Отойдя в сторону, он наблюдал, как возчики накатывают бревно за бревном на платформу. Когда был разгружен последний воз, Тауринь достал кошелек, вынул две кредитки, немного подумал, сунул одну обратно, а другую подал айзупскому новохозяину.

— Вы там сами поделите между собой... Как захотите. Ну, разве от вас отвалился кусок? С полчаса поработали — и готово. Не стоило рот студить. Только некоторые горлопаны пусть поостерегутся, когда-нибудь им вставят затычку. Знаем мы, как утихомирить таких крикунов.

Холодно и насмешливо взглянув на Яна, он направился к своим саням.

— Теперь придется заехать в кабак, — сказал Гравелис, когда Тауринь ушел. — Выпьем по бутылке пива. Иначе деньги не разменять.

Одна за другой выехали пустые подводы на большак. Возчики, понукая лошадей, проехали рысью до самого трактира, который находился в километре от станции. У трактира засуетились, привязывая лошадей к коновязи, — хотелось скорее очутиться в тепле.

В трактире было людно и шумно.

— Полштофа и дюжина пива для меня — все равно что плюнуть! — бахвалился пьяный кулак, направляясь к двери. — Могу пить, когда захочу, могу ущипнуть трактирную мамзель, а вам — голи перекаточной — нет до этого никакого дела. Мои двести пурвиет все выдержат.

Это был один из тех, кто не пахал и не косил. А у трактирной стойки толпилась кучка мелкоты — испольтчиков, батраков и бобылей.^[6] Их заплатанная одежда была залита пивной пеной. Они посоловевшими глазами глядели на захватанные стаканы и упрашивали трактирщика дать

им несколько бутылок в долг.

Выпив свое пиво, Ян Лидум вышел из трактира и уехал. А возчики еще остались: они вывозили бревна на собственных лошадях, заработали сегодня сносно и могли позволить себе пол-литра водки на троих. Иначе не стоило и в лес ехать. Батраку Лавера такая роскошь была недоступна, да он и не тосковал по ней.

5

Был уже поздний вечер, когда Ян Лидум добрался до усадьбы Лавера. Яркая луна освещала притихшую землю, придавая всей окрестности таинственный, призрачный облик. Блестел гладкий лед пруда. То тут, то там под навесом клетки и перед каретным сараем как бы вспыхивали маленькие белые огоньки, когда на какую-нибудь отшлифованную часть машины падал луч луны.

Ян распряг лошадь и повесил сбрую на крюк под навесом, затем дал жеребцу поваляться в снегу. Покатавшись с боку на бок и освежив натертые седелкой и хомутом разопревшие места, жеребец поднялся и пошел вслед за Яном в конюшню.

Привязав коня, Ян вышел из конюшни. От дома по пригорку спускался человек. Ян издали узнал своего хозяина — Лавера. Приземистый толстяк, сопя и пыхтя, катился по снегу, точно шар. При свете луны было ясно видно круглое лицо со старомодной бородкой, выбритая верхняя губа была прикушена. Ян понял — хозяин не в духе.

— Добрый вечер... — поздоровался он.

— Вечер добрый, вечер добрый... — точно сыпал горохом, ответил Лавер. — Сколько кубических футов сегодня вывез?

— Семьдесят два, хозяин, — ответил Ян. — Думаю, что неплохо. Можно было еще с десятков выжать, но не хотелось мучить коня, — на Козьей дамбе дорога совсем оголена.

— Гм, да... больше не надо, мне конь дороже, чем весь заработок от возки. Но скажи, что ты там наговорил этому господину Тауриню? Звонил по телефону... жаловался.

— А, даже позвонил? — Ян усмехнулся. — Так и знал. Такой клещ разве успокоится. По мне — пускай он идет к черту.

— Кто пускай идет к черту? — переспросил Лавер, словно не веря своим ушам.

— Да ваш господин Тауринь, — ответил Ян, начиная раздражаться. —

Пусть командует своими работниками. Он мне не отец и не хозяин, наплевать мне на него.

— Слушай, ты... — вдруг заговорил Лавер тихим, угрожающим голосом и, поднявшись на цыпочки, попытался приблизить свое лицо к лицу Яна, но его нос еле достиг подбородка батрака. — С этим Тауринем будь поосторожней и повежливей. Из-за твоего горлопанства я не намерен терять дружбу с другими хозяевами. Тауринь — человек уважаемый, и я запрещаю тебе поносить его при мне. Чтоб я больше не слышал такого. Времена большевиков прошли, ты это заруби себе на носу.

— Придется запомнить, — проворчал Ян. — Но вам, хозяин, советую не забывать, что времена барщины тоже кончились и баронов прогнали в тартарары. Покойной ночи.

Ян повернулся и пошел к батрацкой избенке. Потрясенный Лавер долго глядел ему вслед.

— Ах ты, разбойник этакий... — прошипел он, когда Ян уже не мог расслышать его слов. — Перечит хозяину! Как такого не лупить? Ну, кабы ты не был таким работником, я б тебе показал. В наши времена быстрехонько можно получить билет в каменные хоромы...

Сопя и почесывая желтую бороду, он направился обратно к дому: «Одно спасенье — вступить скорее в айзсарги.^[7] Когда у меня будет мундир да винтовка, в усадьбе воцарится строгий порядок и истинное послушание. А так — это не жизнь. Батрак перечит хозяину — где такое видано! Эхма... но работник он отличный, другого такого не сыщешь».

Подойдя к своей хибарке, Ян Лидум сразу заметил прислоненные к стене чужие санки. Он сбил снег с постол и, оправив одежду, вошел в дверь, напрасно пытаясь угадать, кто так неожиданно явился к ним.

В кухне у плиты сидела Ильза и штопала детские чулки. На скамеечке у окна примостилась Ольга и что-то вязала. Ян широко улыбнулся и сказал:

— Гляди, какой дальний гость... — и крепко пожал сестре руку.

Они не виделись с позапрошлого Юрьева дня, почти два года, и теперь с волнением вглядывались друг в друга, будто желая установить, какие перемены внесло время в их внешность. Впрочем, перемен не было: прошло два года, но ни тот, ни другой не постарели. Как и раньше, сердечно и ласково смотрела Ильза в обветренное лицо брата, и так же добродушно и дружески улыбался Ян. Пока он раздевался и вешал в углу полушубок, Ольга за спиной золовки шепнула Яну на ухо:

— С ребенком... наверно, надолго... — и выразительно покачала головой.

— Ребята уже спят? — поинтересовался Ян, не отозвавшись на

беспокойный шепот Ольги.

— Да, уложили обоих в углу за печкой, — ответила Ольга. — Тебе придется ужинать одному. Мы уже поели вместе с детьми.

Ян поужинал. Ольга убрала со стола, потом, сказав, что хочет спать, ушла в комнату, оставив дверь в кухню полуоткрытой. Прежде чем начать беседу с сестрой, Ян на минутку вошел в комнату, взял с полки какую-то книгу и, возвращаясь, плотно затворил дверь.

— Ну, Ильзит, как ты поживаешь? — спросил он, усевшись на скамеечку у плиты.

И Ильза спокойно, не торопясь, начала свою повесть. Когда все было сказано, она взглянула на брата и добавила:

— Не везет мне в жизни. Всегда получается так, что я кому-нибудь в тягость.

Ян грустно улыбнулся и медленно покачал головой. Прядь густых темных волос упала на глаза. Он рукой отвел их назад и ответил:

— Мне ты никогда не была и не будешь в тягость. Что есть у самих, тем и поделимся, и у меня ты всегда найдешь приют.

— Все же, братец, разве я не понимаю... Хотя у тебя плечи и широки, но и на них нельзя наваливать непосильную тяжесть.

— Еще немножко можно, — улыбнулся Ян. — Иначе куда же я дену свою медвежью силу?

Чем больше глядела Ильза на своего статного, красивого брата, тем острее становилась боль в сердце. Каким он был одаренным, способным парнишкой, на удивление всей школе, но больше трех лет ему не удалось проучиться. Старый учитель приходской школы даже заплакал, когда Ян ушел к хозяину работать за полубатрака.

— Бросить на ветер такие дарования... — сокрушался учитель. — Нет справедливости на свете.

А Ян, впрягшись в борьбу за существование, продолжал учиться. Сколько было книг в окрестных библиотеках, он все прочел. Позже он уже не брался за всякую книгу, читал с выбором, только то, что, по его мнению, могло обогатить новыми познаниями. Когда началась первая мировая война, его мобилизовали и послали на австрийский фронт. Дома осталась молодая жена. Через некоторое время он вернулся в родные края и был зачислен в один из латышских стрелковых батальонов. Остров смерти, Тирельское болото, Пулеметная горка^[8]... легендарный бой в рождественскую ночь и ранение в ногу... По выходе из госпиталя Ян получил трехмесячный отпуск, но работать еще не мог. Ольга, у которой в то время уже кричал в люльке сыночек Айвар, самоотверженно ухаживала за

мужем. Когда немцы заняли Ригу и половину Видземе, нога Яна еще не зажила, и он никуда не мог уйти.

1918 год... В Латвии установилась Советская власть. Первый раз после великой бури 1905 года трудовой народ Латвии всколыхнулся до самых недр своих и стал строить новую, свободную жизнь. Положив конец власти помещиков, он по-хозяйски оглядел свою страну и взялся за работу. Это был могучий порыв навстречу свободе и вековым мечтам, которые наконец-то можно превратить в действительность. Дали бы ему время — несколько лет, — и показал бы он, на какие богатырские подвиги способен свободный народ, но в 1919 году белый террор потопил в крови молодую, еще не окрепшую Советскую Латвию. Ян мог бы эвакуироваться с красными латышскими стрелками, старыми боевыми товарищами, но партия приказала ему остаться на месте и в подполье продолжать борьбу с угнетателями рабочего люда. Ян уже тогда был членом великой партии и, ни на мгновение не усомнившись, не испугавшись опасностей, взялся за ответственные обязанности коммуниста.

«Сильный, добрый Ян, — думала Ильза. — Придет ли такое время, когда ты сможешь жить по-человечески?»

— Значит, договорились... — внезапно промолвил Ян и, взяв Ильзу за локоть, легонько потряс ее руку. — Ты здесь дома и пробудешь столько, сколько потребуется. Неужели все вместе ничего путного не придумаем? А теперь иди спать, Ильзит, после такой утомительной дороги тебе надо хорошо отдохнуть.

— А ты... ты еще не идешь спать? — спросила Ильза. — Тебе больше нужен отдых, чем мне.

— Мне еще надо сделать одну маленькую работенку, — ответил Ян и лукаво сощурил глаза. — Надо прочесть несколько глав из этой книги. Тогда будет о чем сказать другим людям.

Он показал Ильзе обложку книги — это был какой-то роман из великосветской жизни XVIII века.

— Ты и впрямь думаешь читать это? — удивилась Ильза, хорошо знавшая вкус брата. — Ведь это дрянь...

— Смотри-ка сюда, — сказал Ян, раскрыв книгу где-то в середине, — о каких аристократах здесь идет речь!

Ильза прочла один абзац и поняла, что это совсем не роман, а научный труд о государстве и революции. Страницы запретной книги, за одно хранение которой грозили долгие годы каторги, были вплетены в бульварный роман; один печатный лист о графах и маркизах, другой — научной работы, которая давала людям возможность познавать самые

сложные исторические процессы и предвидеть события будущего.

— Знаешь ли, кто это написал? — шепнул Ян.

Ильза отрицательно покачала головой. Тогда Ян приблизил губы к самому ее уху и прошептал:

— Ленин...

Восхищение и гордость слышались в его словах.

— Только никому ни слова об этом... — предупредил Ян и шутливо погрозил пальцем.

— И Ольге нельзя? — спросила Ильза.

— И ей ни слова... — ответил Ян.

— Запомню, — сказала Ильза. Она еще немного постояла рядом с братом, погладила его по плечу и ушла в комнату. В углу, на старом сундуке с приставленным к нему стулом, была приготовлена для Ильзы постель. В другом углу, у печки, прижавшись друг к другу, сдали Айвар и Артур, а старый кот, свернувшись калачиком, сладко мурлыкал у них в ногах.

6

Узнав, что в батрацком домике поселились новые жильцы, Лавер вначале немного поворчал, но в конце концов разрешил Ильзе и Артуру остаться при условии, что сестра Яна будет помогать в работах по усадьбе. На скотном дворе и в кухне женских рук хватало, поэтому хозяин предложил Ильзе ездить на второй лошади с Яном в лес за бревнами.

Каждое утро, лишь только занималась заря, они запрягли лошадей и уезжали в лес, а домой возвращались поздно вечером, когда Артур с Айваром уже спали. Убедившись, что сейчас ничего не изменишь, Ольга смирилась и вооружилась терпением — нечего было думать, что Ильза до весны найдет себе постоянное место.

Проходили дни.

Айвар и Артур играли вместе. Днем Ольга выпускала их часа на два погулять; они сразу же направлялись к замерзшему пруду, с радостными криками бегали по льду, катались на доске с косогора, лепили снежную бабу.

По субботним вечерам, когда семья Лавера и работники из хозяйского дома уже успевали побывать в бане, обитатели батрацкой избенки тоже шли попариться. По воскресеньям возчики леса разрешали себе поспать несколько дольше обычного.

В середине прошлой недели Ян сказал, что ему нужно отдать в

починку старые рабочие сапоги, иначе в весеннюю распутицу он не сможет выйти из дому. В воскресенье утром, позавтракав и побрившись, он завернул сапоги в старую мешковину и ушел к сапожнику, жившему в центре бывшего имения, километрах в четырех от усадьбы Лавера.

Сдав в починку сапоги, Ян не спешил возвращаться домой, а прошел через центр имения и, обогнув старую водяную мельницу, направился к старинному баронскому кладбищу. За кладбищем Ян свернул с дороги и по узкой тропке, протоптанной в снегу, углубился в рощу. В чаще ее, на пригорке, была небольшая поляна с замшелыми деревянными скамьями и павильончиком для оркестра — летом здесь устраивали деревенские гуляния. С поляны были видны и та дорога, по которой пришел Ян, и другая, огибавшая рощу с севера.

С пол часа Ян в одиночестве прохаживался по роще, тщательно наблюдая за обеими дорогами.

Но вот на тропке показался молодой парень Мартын, дорожный рабочий. Немного погодя пришел пожилой мужчина, батрачивший в соседней волости, — он проделал дальний путь, выйдя из дому еще задолго до рассвета. По другой тропинке, со стороны второй дороги, пришла девушка Зента — прошлым летом она окончила среднюю школу. Скоро к собравшимся присоединился учитель начальной школы и руководитель местного хора Улуп, высокого роста моложавый мужчина с чахоточным румянцем на щеках. Всего собралось восемь человек. Каждый из этих людей представлял какую-нибудь подпольную группу, а Ян Лидум, знавший всех их, руководил партийной организацией всего района. Из присутствовавших только двое — учитель Улуп и Мартын — знали его настоящее имя, для остальных он был известен только как руководитель организации, товарищ Акот.

— Можем начать, — сказал Ян, поздоровавшись с пришедшим после всех молодым парнем, музыкантом оркестра местной пожарной команды; его можно было встретить на всех вечерах с танцами, устраиваемых в округе. — Больше никто не придет.

Они сели рядом, на скамейках справа от павильончика. Один из мужчин стал за караульного и, медленно прохаживаясь по полянке, не спускал глаз с тропинок и обеих дорог, в то же время стараясь не пропустить ни одного слова своих товарищей.

Участники собрания сообщили о положении на местах. Деревенские кулаки с каждым днем все больше и больше нагнали. Они спешили стать наследниками прогнанных баронов, занять их место. Организация айзсаргов вбирала в себя активнейшую часть реакционеров и успешно

соревновалась с полицией. На шею народа вместо прибалтийского дворянства старались сесть доморощенные господа — в умении эксплуатировать, в гнусности они не отставали от своих предшественников. Самая ценная прослойка народа — революционеры, закаленные в открытых боях, — понесла большие потери и была слишком ослаблена, чтобы в ближайшее время развернуть более широкую деятельность: многие ушли с красными полками в Россию и участвовали теперь в великой борьбе за укрепление молодой Советской власти, а те, кто остался на месте, тысячами гибли в тюрьмах. Интеллигенцию старались отравить ядом дювинизма и всякими националистическими иллюзиями. Прожорливый и ненасытный кулак прочно уселся на грудь народа и душил его, убежденный в том, что нет такой силы, которая может его прогнать и уничтожить.

— Трудно что-нибудь сделать при таких обстоятельствах, — сказал музыкант. — Товарищи начинают терять веру в успех борьбы. Та малость, которую нам удастся осуществить, несоразмерна с жертвами. Ничего мы не добьемся, только злим своих противников, а на большее мы сейчас не способны. Выловят нас по одному и сгноят в тюрьме.

— А что ты предлагаешь? — спросил Ян Лидум.

— Надо сохранить оставшиеся силы, — ответил парень. — Вы сами видите, что сейчас слишком неблагоприятное время для активной борьбы. Если мы будем продолжать борьбу, то все погибнем. Но через несколько лет обстоятельства могут измениться; народ убедится, какое ужасное ярмо приготовила для него национальная буржуазия, настроение масс станет революционным, — тогда понадобится партийный актив, чтобы руководить борьбой и довести массы до победы. Надо подождать — вот самое разумное.

— За такую услугу ты можешь получить от буржуазного правительства орден, — сказал Ян. — Того, что ты нам предлагаешь, больше всего добиваются наши враги. Допустить, чтобы у рабочего пропала вера в необходимость борьбы, в возможность победы, жалобно вздыхать, сложить оружие и сдаться, признать, что наши враги непобедимы... Дорогой товарищ, да что ты говоришь? Именно теперь, когда положение самое трудное, когда даже иной член партии начинает терять веру в победу революции, нам надо делать все, чтобы в сердцах людей не погасло пламя борьбы. Большими и малыми делами мы должны ежедневно доказывать, что есть сила, которая продолжает расти и зреть в недрах народа, что у рабочего класса всегда жива его великая цель и борьба кончится только тогда, когда будет одержана окончательная победа. В огромном море лжи должен гореть и пламенеть наш маяк правды, его яркие

лучи — проливать свет на каждую гнусность, на каждое преступление угнетателей. Это ускорит пробуждение классового самосознания масс, ускорит рост новых отрядов борцов.

— Товарищ Акот прав, — заговорил учитель Улуп. — Не замолкнуть и сдать, а собрать все силы для более напряженной работы, для более острой борьбы — вот что нужно.

— С дезертирами нам не по пути! — страстно воскликнула Зента. — Кто бросает товарищей на поле боя, тот предатель, и партия должна судить его.

— Я совсем не собираюсь дезертировать, — смущенно оправдывался музыкант. — Я только рассказал, какое настроение начинает появляться у некоторых товарищей. Что касается меня, — я буду действовать, как решит организация.

Ян взглянул на учителя.

— Товарищ Яков, тебе придется поработать с этими товарищами, — сказал он. — Освети им правильно создавшееся положение и задачи нашей партии. Когда они освободятся от этой куриной слепоты, им будет стыдно вспоминать о своих теперешних настроениях.

— Хорошо, товарищ Акот, — сказал учитель. — Я это сделаю.

Слово взял Мартын.

— Айзсарги издеваются и всячески угнетают простых людей. Мы это переносим стиснув зубы, а наши враги думают, что мы их боимся и только поэтому молчим. Местный начальник айзсаргов Олинь — настоящая кровожадная собака — до потери сознания избил позавчера какого-то пожилого человека на дороге только потому, что тот не поклонился ему. Если организация одобрит, я готов хоть через неделю уничтожить Олиня.

— Организация не может с этим согласиться, — ответил Ян. — Индивидуальный террор — не наш метод.

— Но проучить этого мерзавца все же следовало бы, — заговорил пожилой батрак, пришедший на сходку из соседней волости. — Если такую подлость оставить безнаказанной, их бесчинству не будет конца. Если уж нельзя застрелить, то как следует поколотить обязательно надо.

Этот вопрос вызвал горячие споры. Авторитет Яна Лидума был настолько велик, что участники сходки в конце концов согласились с его предложением пострадать Олиня, но от террористических актов воздержаться.

В этот день на сходке решали вопросы о подготовке к празднику Первого мая, о том, каким путем привлечь к подпольной работе новых товарищей. Затем подпольщики бесшумно, по одному и по двое,

разошлись.

В роще остались лишь Ян Лидум и молодой рабочий с паровой мельницы, которая находилась километрах в двенадцати отсюда. Он только несколько месяцев тому назад вернулся из Советского Союза, где воевал в рядах латышских стрелковых полков против белогвардейцев и интервентов.

— Товарищ Акот, мне надо поговорить с тобой... — начал он, когда остальные уже разошлись. — Нужен совет.

— Я слушаю, товарищ Лаунаг, — ответил Ян.

Лаунаг (это была подпольная кличка рабочего с мельницы) подошел вплотную к Яну и заговорил вполголоса:

— Я, как дурак, приехал сюда, в Латвию, думал, что здесь меня ждут не дождутся. Тьфу! Задыхаюсь. Разве это жизнь? Если бы еще можно было сотворить что-нибудь такое, что принесло бы пользу рабочему делу, тогда бы другая статья, а такое положение мне осточертело. Не лучше ли вернуться в Россию и помогать строить там государство трудящихся? Я совсем одинок, никого близких нет. Здесь от меня пользы мало, а там...

— Знаю, что ты хочешь сказать, — прервал его Ян. — Но я не согласен с тобой.

— Почему?

— Здесь ты нужнее. Можешь не сомневаться, что наши русские товарищи, вместе с другими советскими народами, построят социализм и без твоей помощи, но что будет, если все, кто может активно бороться за дело трудящихся, убегут из Латвии? Кто же будет бороться за нашу победу? Конечно, сейчас здесь очень трудно, но именно поэтому нам нужны люди, которые не боялись бы этих трудностей и с огромным терпением работали бы долгие годы в подполье, выковыывая победу над темными силами.

— Я не ищу, товарищ Акот, легкой жизни. И там, в Советской стране, я работал бы много, упорно.

— Здесь твоя работа нужнее, чем там. Никогда не забывай об этом, в особенности, когда тучи реакции совсем низко нависли над землей и не хватает свежего воздуха. Вот когда важно выдержать. И уж если станет совсем невмочь, думай о прекрасной стране свободы и справедливости, о России — она наша надежда, великий пример для нашей борьбы и работы. Придет время — и мы зашагаем в ногу с нею. Только не сдавайся и не теряй надежды — нам надо дождаться, надо завоевать победу.

— Ладно, Акот... — сказал Лаунаг. — Придется выдержать. — Ян крепко пожал его руку, ободряюще похлопал по плечу, затем они расстались и ушли из рощи, каждый в свою сторону.

Медленно прошел Ян через центр бывшего имения. У лавки

потребительского общества он немного задержался и перекинулся несколькими словами со знакомыми крестьянами, стоявшими на улице. Распрощавшись с ними, Ян направился домой, размышляя о своей маленькой жизни и великой борьбе. Его сердце всегда трепетало от счастья, когда он вспоминал о сыне, маленьком Айваре. Ян был готов пожертвовать всем, отдать все силы, чтобы завоевать счастливую, светлую, достойную человека жизнь для всех детей, которые сегодня росли в горькой нужде и чье детство походило на детство его Айвара.

Ольга встретила его с заметным недовольством:

— Обед давно остыл. Где ты так долго пропадаешь?...

Ян пожал плечами и спокойно ответил, выдержан пытливый взгляд жены:

— Сапожника не было дома. Мне пришлось подождать.

Глава вторая

1

Четыре месяца прожила Ильза в усадьбе Лаверов. Пока держался санный путь и хозяин отряжал на заработки двух лошадей, Ильза не только зарабатывала на пропитание себе и Артуру, но кое-чем могла помочь и семье брата. Выбрав в лавке потребительского общества дешевый вязаный костюмчик для Артура, она купила такой же и Айвару; маленькие друзья, шагу не ступавшие друг без друга, обрадовались обновкам.

Когда все бревна были вывезены, Ильза несколько недель пряла лен для хозяйки усадьбы, потом села за станок и наткала целый тюк простынного полотна. Пока у Ильзы была работа, Ольга не показывала и вида, что ее тяготит присутствие золовки. Случалось, по вечерам женщины беседовали о своей юности, вспоминали общих знакомых. Особенно разговорчивой Ольга никогда не была, только теперь ее сдержанность уже не проявлялась так подчеркнуто, а в иных словах звучало что-то похожее на задушевность. Но были минуты, когда Ильза чувствовала, что невестка ревнует к ней брата за то, что Ян в свободное время любил поговорить с сестрой. Иногда Яну удавалось урывать время и для детей, он усаживал их на колени, рассказывал им сказки, учил новым играм. Хотя он делил свое внимание и ласку поровну между обоими, Ольге казалось, что Ян как-то особенно привязался к Артуру и что каждая даже сдержанная ласка, которую он дарит племяннику, отнята у их собственного сына, а он имел право на всю любовь отца — без остатка. Если Ян и впредь намерен делить заботы между своим сыном и ребенком от неизвестного молодца, то Айвару и в детские годы придется от многого отказаться. Кроме того, жить в маленькой батрацкой избе впятером было тесно.

Когда Ильза снова осталась без работы, Ольга уже не скрывала, что ей надоела эта теснота. Все чаще случалось, что при входе в комнату Ильзы Ольга умолкала на полуслове и, повернувшись к ней спиной, начинала делать что-нибудь такое, в чем не было никакой надобности. Артур все чаще вертелся под ногами, Ольге приходилось покрикивать на него и отталкивать в сторону. Тогда Ильза поняла: больше так жить нельзя.

Как только наступила теплая погода, Ильза стала искать работу. Однажды ее не было два дня. А когда она вернулась, ее приподнятое настроение яснее всех слов говорило, что на этот раз поиски увенчались

успехом: Ильза нашла работу в небольшом местечке, километрах в тридцати от Лаверов, на предприятии, которое объединяло лесопилку, мельницу и шерстечесалку, и уже сняла небольшую комнату недалеко от места работы. Можно было перебираться туда хоть сегодня.

Лицо Ольги сразу точно просветлело, весь вечер она была суетлива, со всеми любезна и необыкновенно разговорчива. Эта внезапная перемена еще больше убедила Ильзу, что они с Артуром были здесь в тягость. На другой день Ильза попрощалась с невесткой и Айваром. Ян попросил у Лавера лошадь, чтобы отвезти сестру в местечко.

Когда весь скарб Ильзы погрузили на телегу и можно было трогаться в путь, Ольга с Айваром вышли проводить их.

Чувствуя, что скоро придется расстаться, ребята все утро ни на шаг не отходили друг от друга. Они обошли все знакомые места, где играли вместе, взобрались на земляную крышу погреба, чтобы в последний раз кубарем скатиться с нее, пили березовый сок, собранный отцом Айвара в роще. За эти четыре месяца они так привязались друг к другу, что не могли и представить себе, как будут жить врозь.

— Мамочка, почему Артуру надо уезжать? — грустно спросил Айвар. — Пусть он останется у нас.

— Нельзя, сынок, — ответила Ольга. — Артур должен жить у своей мамы. На новом месте им будет лучше, чем у нас.

— А мне не хочется, чтоб Артур уходил... — не унимался сын.

— Пускай Айвар едет с нами, — в свою очередь настаивал Артур. — Мне жаль, что он остается здесь.

— Летом ты можешь приехать в гости к Айвару, — успокаивала Ильза. — Приедем оба. И Айвар с мамой тоже когда-нибудь приедут к нам.

Только так удалось их немного успокоить.

До конца аллеи все шли пешком. Выехав на дорогу, Ян остановил лошадь. Яркое апрельское солнце ласково сияло над черными полями. Снег уже сошел, и на подсохших участках крестьяне пахали. В рощах и придорожных кустах весело чирикали птички.

— Напиши, как устроишься на новом месте... — сказала на прощание Ольга.

— Ян тебе расскажет, — ответила Ильза. На мгновение она задержала руку Ольги, застенчиво и вопросительно посмотрела ей в глаза. Но невестка сделала вид, что не понимает этого взгляда, натянуто улыбнулась и, освободив руку, спрятала ее под передник. Тогда Ильза отошла от Ольги, и они расстались, не поцеловав друг друга. Айвар с Артуром подали друг другу руки и сказали: «До свидания...» В последний момент, уже сидя в

телеге, Артур, что-то вспомнив, вскрикнул:

— Подожди, дядя Ян, не езжай еще!

Он вынул из кармана пальто две переводные картинки и протянул Айвару:

— Возьми, я тебе дарю.

Тогда и Айвар в свою очередь вытащил из-за пазухи ивовую свирельку, сделанную вчера отцом, и, встав на спицу колеса, отдал Артуру:

— Возьми себе. Мне папа сделает другую.

Телега тронулась. Артур все оглядывался на стоявшего в конце аллеи друга, махал ему рукой и вдруг заплакал:

— Мне жалко, что Айвар останется здесь.

Увидев это, не удержался и Айвар. Глотая слезы, он побежал за телегой и с плачем кричал:

— Подожди меня... Я хочу... Я хочу...

Но ждать было некогда. Ольга догнала Айвара и взяла его за руку.

— Глупенький, чего ты, — успокаивала она сына. — Найдешь других друзей. Они будут не хуже Артура.

Но мальчик не слушал ее, вырывался и громко плакал. Ему было горько, что в этот весенний солнечный день увозят неизвестно куда его лучшего друга. Айвару казалось, что он никогда не увидит Артура и не будет больше с ним играть... это было страшно. Почему взрослые этого не хотят понять?

2

После отъезда Ильзы и Артура Яну Лидуму казалось, что дом вдруг опустел. Ему не хватало сестры, с которой он мог свободно и откровенно поговорить почти обо всем; с Ольгой он пока что так разговаривать не мог. Может, позднее, когда ему удастся поднять жену до своего уровня, Ольга станет разделять с ним его убеждения и стремления, — тогда прекратится теперешнее духовное одиночество, которое иногда угнетает человека больше, чем самая тяжелая работа.

Свободные минуты, редко выпадавшие на его долю, он посвящал сыну. Он учил его читать и писать, простыми, чудесными рассказами знакомил Айвара с природой и жизнью людей. Ему рано удалось пробудить в сыне любознательность, а когда мальчик все чаще стал приставать к отцу со своими многочисленными «а что это?» и «почему?», Ян никогда не оставлял этих вопросов без ответа, терпеливо объяснял непонятное Айвару.

Поэтому не удивительно, что сын всей душой привязался к отцу. Мать он любил — к ней можно было приласкаться, откровенно поведать свои чувства, а отец был самым сильным, умным и самым замечательным человеком на свете, каждому его слову следовало верить.

В жизни батрака все времена года одинаково тяжелы. Когда на полях и лугах нечего было делать, Лавер находил работу для Яна по дому, а когда там все было переделано, посылал выполнять гужевую повинность или заставлял, с большой выгодой для себя, заниматься извозом. Вся эта работа проходила на глазах у людей, этим трудом Ян зарабатывал на жизнь семье. А вот о другой работе, которая была несравненно тяжелее, больше, ценнее, знали только немногие. И именно ей Лидум посвящал весь остаток своего времени и сил. Что эта незримая работа приносит зримые плоды, чувствовалось к по возрастающей нервозности властей, опирающихся на кулаков и айзсаргов, и по ожесточенной возне полицейских в соседних волостях, и по резким разговорам батраков при заключении с хозяевами договоров, и по смелым, «еретическим» вопросам учеников в школе, и по тому, как уменьшались в церковных приходах группки молодежи на конфирмации.

Подпольная организация, руководимая Лидумом, хотя и медленно, но заметно росла: когда поздней осенью созвали районную конференцию, он убедился, что, невзирая на полицейский террор, число членов за год удвоилось.

Все это оставляло очень мало времени на заботы о семье и на личные дела. Ян переписывался с Ильзой, но побывать у нее в местечке так и не удалось, хотя Айвар постоянно напоминал про обещание отца отвезти его к Артуру в гости. Мальчик часто вспоминал своего двоюродного брата и общие игры прошлой зимой. Прошло лето, и вновь наступила зима, но встречи все не было, от Артура он только получал приветы, собственноручно приписанные им в конце писем Ильзы. Такие же приветы в каждом письме отца Айвар посылал Артуру, но ведь этого было мало.

С тех пор как уехала Ильза с Артуром, прошло полтора года. Осенью Айвару исполнилось семь лет; в тот день отец подарил ему сказки с красивыми картинками и такими большими и четкими буквами, что мальчик смог сам довольно бойко прочесть ее. Это был последний подарок, который Айвар получил в детстве от отца. Через несколько дней темной, ненастной осенней ночью батрацкую избушку в Лаверах окружила толпа айзсаргов и полицейских. Несколько незнакомых мужчин вошли в комнату и принялись рыться по всем углам, а толстый Лавер, приглашенный понятым, строя невинное лицо, сидел на табуретке и все время, пока

продолжался обыск, сладко позевывал. Грубые голоса полицейских и айзсаргов разбудили Айвара. Он испугался, заплакал, и мать не знала, как его успокоить. Он перестал плакать, только когда отец издали ласково улыбнулся ему.

Айзсарги перевернули все вверх дном, перетрясли и разбросали по полу всю одежду, белье, книги Яна Лидума, но ничего запрещенного не нашли.

Когда полицейский чин уже приступил к составлению протокола, в комнату вбежал начальник айзсаргов Олинь и, ликуя, показал две винтовки:

— Вот что мы нашли на чердаке! Готовились к вооруженному восстанию! Хотели нас всех перестрелять! Расскажи, разбойник, откуда у тебя оружие?

— Мне нечего рассказывать, — спокойно ответил Ян — Винтовки не мои, я вижу их впервые. Не знаю, где вы их взяли.

— Может, ты скажешь, что мы принесли их с собой? — побагровев, закричал Олинь.

— Иначе быть не может, — сказал Ян. — Вам это лучше знать.

Потом Айвар видел, как айзсарги колотили рукоятками револьверов и кулаками отца, а отец не мог защищаться, руки у него были связаны.

Ольга мрачно молчала и смотрела на Яна с укором и тревожным удивлением. Когда был написан протокол обыска и Яна Лидума собирались уводить, она не удержалась и истерически крикнула:

— Вот ты какой! Понимаешь ли ты, в какую беду вогнал семью?

— Успокойся, Ольга... — сказал Ян. — Тяжело будет вам обоим... я это знаю. Думай об Айваре, делай все, что в твоих силах, вырасти его настоящим человеком. Когда-нибудь я верну тебе все сторицей — до последней капли пота, до последней слезинки. Думай о нашем ребенке, милая...

— Почему ты не думал? — опять закричала Ольга, исступленно ударяя себя в грудь. — Теперь ты беспокоишься о своем ребенке! Где была твоя любовь раньше?

Ян тяжело вздохнул.

— Я хотел добра... тебе и ему... — прошептал он. — Всем людям хотел добра...

Яна увели. Уходя, он посмотрел на Айвара глубоким, полным нежности взглядом, затем собрал всю силу воли и в последний раз подмигнул, соорудил смешную гримасу, но вызвать улыбку на лице сынишки ему уже не удалось.

Широко раскрытыми глазами, полными страха и удивления, смотрел

Айвар вслед отцу. Когда стукнула наружная дверь и все на дворе затихло, мальчик спросил:

— Мамочка, куда ушел папа?

Ольга не ответила. Она нервно гладила голову сына и тихо всхлипывала. Вдруг, будто что-то вспомнив, она поспешила к окну и, отдернув занавеску, долго вглядывалась в ту сторону, куда увели Яна Лидума. В темноте ничего нельзя было разглядеть, только где-то вдали, за дорогой на пастбище Лаверов, блеснул на мгновение огонек — наверно, кто-нибудь из полицейских закуривал. — Мамочка почему ты ничего не говоришь? — снова раздался голос ребенка. — Куда ушел папа? Я хочу знать...

И опять мать ничего не ответила.

3

Учитель Улуп узнал об аресте Яна Лидума уже на следующий день. После уроков, когда часть учеников разошлась по домам, а те, кто жил в школьном интернате, готовили уроки, к Улупу явилась пожилая женщина и передала ему письмо от члена их партийной организации — дорожного рабочего.

«Дорогой Яков... Я должен сообщить тебе плачевное известие: Акот, наш славный друг, тяжело захворал, и ночью пришлось отвезти его в больницу. Кажется, это не случайное заболевание, а мы здесь имеем дело с эпидемией: в одно время с Акотом заболели и отправлены в больницу еще двое из наших близких друзей — Зента и Лаунаг. Не иначе, как их заразил человек, который соприкоснулся с очагом заразы. Думаю, что это наш юркий музыкант, — в последнее время он выглядел очень вялым. Не исключено, что эпидемия может перекинуться еще на кого-нибудь. Очень хочется поговорить с тобой об этом. Если можешь, приходи сегодня попозже. Буду ждать тебя там же, где и в прошлый раз. С приветом. Мартын».

Прочитав письмо, Улуп нахмурился.

— Скажите ему, что приду, — сказал он женщине — это была мать Мартына. — Большое спасибо за то, что принесли письмо.

Когда женщина ушла, Улуп прочитал еще раз письмо и, обдумав каждое слово, сжег его, потом положил в портфель документы, деньги и

две смены белья. Ничего компрометирующего его и товарищей в квартире не было, поэтому сборы в дорогу заняли немного времени. В соседнем уездном городке жила старушка швея — мать Улупа, — больше близких родных у него не было.

«Как хорошо, что она не перебралась осенью ко мне... — подумал Улуп, поздно вечером навсегда покидая школу. — Тяжело было бы оставить ее одну среди чужих людей».

Моросил дождик. Улуп не спеша зашагал по дороге, подняв воротник демисезонного пальто и настороженно, насколько это позволяла темнота, наблюдая за окрестностью. С полкилометра надо было идти полем. Дул встречный ветер. Временами Улуп останавливался и прижимал ко рту носовой платок, пока не проходил приступ кашля. Минут через десять он достиг леса. Здесь идти стало легче, не было ветра. Вскоре Улуп сошел с дороги и несколько минут простоял в тени молодых елок: навстречу ехали две повозки, судя по доносившимся голосам, они были полны людей. В темноте вспыхивали огоньки папирос. Когда первая подвода поравнялась с деревцами, где стоял Улуп, один из седоков сказал:

— Улуп рассердится, когда мы потревожим его первый сон, ха, ха, ха!

— Ничего, — ответил кто-то, и Улуп узнал голос начальника айзсаргов Олиня. — В каменном дворце он отоспится до одурения. А вот когда его водворят туда, наш сон по ночам будет спокойнее.

На телеге весело расхохотались. Подождав, пока затихнет шум колес, и удостоверившись, что никто за ним не следит, Улуп снова вышел на дорогу.

«Опоздали, мерзавцы... — пронеслась в мозгу горькая и вместе с тем радостная мысль. — Облизнетесь, цепные псы Ульманиса. Вам нужен безмятежный сон — погодите, мы вам покажем такую безмятежность, что своих не сыщете. А ты, Мартын, просто золото. Подумать только, что могло произойти, если бы ты не предупредил меня». И Улуп ускорил шаг, насколько позволяли ему силы.

...Они встретились в кустарнике у дороги. Мартын — крепкий парень с огромными и сильными руками каменотеса — так сжал пальцы Улупа, что тот чуть не вскрикнул от боли. Узнав о встрече Улупа и услышанном разговоре, Мартын негромко выругался и поспешно заговорил:

— Мерзавцем, Яков, оказался музыкант. Это вне всякого сомнения. Позавчера один из моих товарищей видел его вместе с Олинем на опушке леса за кладбищем. Как влюбленная парочка на свидании. Какие могут быть тайны у музыканта с начальником айзсаргов? Ясно, какая-нибудь мерзость. Жаль, что я сразу же не предупредил Акота, Зенту и Лаунага...

— Ты уверен, что они арестованы? — спросил Улуп.

— Совершенно точно. Своими глазами видел, как их увезли полицейские и айзсарги... наверно, в город. Что нам теперь делать, Яков?

— Будем продолжать борьбу, Мартын. Только теперь нам придется работать в иных условиях. Мне придется уйти в подполье. Тебе тоже надо быть готовым ко всему... Некоторое время не ночуй дома. Надо предупредить товарищей: с музыкантом прекратить всякие отношения, не подпускать за версту.

— До утра я навешу нескольких наших. Они смогут предупредить тех, кто живет далеко.

— Правильно, Мартын...

Улуп опять закашлял. Мартын, подождав, пока товарищ откашлялся, спросил:

— А как же теперь будет с нашей организацией, Яков? После ареста Акота тебе придется руководить.

— Согласно прежним установкам, так оно и будет, — ответил Улуп. — Только плохо — здоровье у меня никуда не годится. Год, самое большее два, а потом нужна будет смена, но думать об этом надо уже сейчас. Не исключено, Мартын, что когда-нибудь тебе придется возглавить организацию.

— Да что я... — смущенно пробормотал Мартын. — Нет никакого опыта... знаний тоже маловато.

— В работе накопишь.

— Какие будут указания на ближайшее время?

— Надо сделать все, чтобы больше не потерять ни одного члена организации и не распылить сил. Еще больше конспирации и бдительности. Но работа ни на день не должна прекращаться. С этого момечта я уже буду не Улупом, а... Цинисом. На лесных лугах есть небольшой крестьянский хуторок, зовется он Терце. На первых порах я буду встречаться только с тобой. Первый раз придешь на хуторок через две недели. Я буду ждать тебя у старого сарая. Если случится что-нибудь непредвиденное, чрезвычайное или тебе придется спастись, — приходи туда, на хуторок Терце. А если ты мне понадобишься, к тебе — на работу или домой — придет человек с приветом от двоюродного брата Циниса. Ты ответишь: «Как его здоровье?» Запомни это, Мартын.

— Запомню, Яков.

— А теперь вот какое дело... — сказал Улуп. — Лаунаг был одиноким человеком, у него родных не осталось. Родители и братья Зенты трудоспособны и продержатся без материальной помощи, а вот у Акота остались без кормильца жена и маленький сын. О них надо будет

позаботиться. Кто-нибудь из наших должен их навестить и передать им хоть немного денег. Без нашей поддержки им будет трудно.

Улуп достал бумажник и дал Мартыну несколько кредиток.

— Только имей в виду: жена Акота не была вовлечена в нашу организацию, Акот скрывал от нее свою подпольную деятельность, она отсталый человек, с мещанскими взглядами и разными там предрассудками, к ней нужен особый подход.

— Если у тебя, Яков, не будет возражений, я попрошу об этом мою мать. Ей легче сговориться с женой Акота, да и ее посещение не бросится в глаза людям.

— Верно, Мартын, так будет лучше.

Крепко пожав друг другу руки, они расстались. Улуп окольной дорогой направился к лесным лугам, где уже загодя, на всякий случай, было приготовлено конспиративное убежище, а Мартын ушел предупреждать товарищей. До утра ему предстояло пройти много километров, но он не унывал: разве считаешься с трудностями, когда дело касается великой борьбы?

4

Через день после ареста Яна Лидума в батрацкой избушке Лаверов снова появился начальник айзсаргов Олинь вместе с полицейским надзирателем и каким-то агентом охраны. Целых полдня допрашивали они Ольгу о родных и знакомых Яна Лидума, обо всех, кто за последнее время навещал его и с кем он встречался вне дома.

— Вам же будет лучше, если вы чистосердечно расскажете обо всем, что видели и слышали, — старался внушить Ольге агент охраны. — Ваш муж обвиняется в весьма тяжких государственных преступлениях, но мы не хотим вести следствие односторонне, поэтому делаем все, чтобы найти таких людей, которые могли бы показать что-нибудь в пользу Лидума.

В подобных делах у Ольги не было опыта, но она догадывалась, что ее хотят обмануть — напасть на новые следы, по которым найдут товарищей Яна. В сущности она и не знала, с какими людьми он встречался на стороне.

Убедившись, что эта женщина не откроет им ничего нового, следователи попытались счастья у Айвара: ласково разговаривали с мальчиком, угощали его конфетами, спрашивали, какие дяди и тети приходили в гости к отцу. Но Айвар прятался за спину матери и смущенно

молчал.

Наконец они ушли, заметно рассерженные и разочарованные. В тот же вечер в батрацкую хижину пришел Лавер. Без всякого приглашения он уселся на стул и, почесывая бородку, скороговоркой выпалил:

— Выходит, нам следует расстаться. Твоему коммунисту придется долго сидеть, а мне ждать, пока он выйдет из тюрьмы, нет резона. Мне нужен работник, семейный, а работнику нужно жилье. Даю неделю сроку, после этого тебе придется отсюда убраться. Ты пока подумай, куда переселяться. Ничего страшного в этом нет, где-нибудь угол найдешь. Значит, через неделю.

Сказав это, Лавер ушел, а Ольга в ту ночь до самого утра не сомкнула глаз.

Куда ей деваться? К кому обратиться за советом и помощью? Родители Ольги умерли от тифа, и нет у нее сейчас ни одного близкого человека... только Ильза. Но у той свои беды и заботы. Ольга не сомневалась, что Ильза приютила бы ее, но именно к Ильзе ей не хотелось обращаться: с первого дня замужества у Ольги сложилось убеждение, что золовка в глубине души считает выбор Яна роковой ошибкой. И эта мысль превратилась потом в предубеждение, от которого Ольга не могла освободиться даже сейчас, в самую трудную пору своей жизни. Если не будет уже никакого другого выхода, только тогда она постучится в Ильзины двери, но не раньше.

Ольга ожесточилась и с гордым упрямством решила идти навстречу всем испытаниям. В поисках работы и крова она исходила всю округу, побывала во всех крупных усадьбах. Одну ее соглашались принять на работу, но когда узнавали, что есть ребенок и ему семь лет, хозяева отказывали ей. Наконец ей посчастливилось зайти в какую-то усадьбу, где недавно, бросив работу и не полученный за два месяца заработок, ушли в город две батрачки. В Кукажах — так называли эту усадьбу — позарез требовалась еще хоть одна батрачка, поэтому хозяин без лишних слов отвел Ольге угол в людской комнате и послал батрака с подводой в усадьбу Лаверы за ее домашним скарбом. Назначенный Лавером срок еще не прошел, а Ольга с Айваром уже покинули батрацкую избушку. Когда Лавер и кое-кто из батрачек стали интересоваться, куда она переезжает, Ольга гордо сказала:

— К богатым родичам, подальше от этого мерзкого места, где честным людям жить не дают.

— Вот как, у тебя, оказывается, есть богатые родичи? — удивился Лавер.

— А вы думали, они могут быть только у вас? — насмешливо спросила Ольга. — Иногда случается, что у бедных тоже находится богатый дядюшка или двоюродный братец.

Когда через несколько дней в Лаверы завернула мать Мартына и спросила об Ольге, сам хозяин ответил ей совершенно серьезно:

— Позавчера уехала со всеми пожитками. У нее нашлись состоятельные родственники. Раньше, наверное, из-за мужа не знали с ней, а сейчас, когда этого коммуниста посадили, они взяли ее к себе. Теперь она заживет на славу.

Мать Мартына поговорила с батрачками и батраками Лавера, они тоже подтвердили слова хозяина:

— Оказывается, у Ольги Лидум есть важные родственники. Какой-то там двоюродный брат или дядя — так заявила сама Ольга. Прислали за ней батрака с повозкой.

— А куда она уехала? — спросила мать Мартына.

— Точно не знаем. Верно, поближе к городу, в ту сторону поехали.

Богатые родичи... дядя или двоюродный брат... Это казалось вполне правдоподобным. Когда вечером мать Мартына рассказала об этом сыну, тот задумался.

— Если это правда, Ольга Лидум сейчас в нашей помощи не нуждается, — решил он. — Может, позже. Надо думать, Ольга скоро даст знать Яну, куда она перебралась. Тогда и мы узнаем, где она живет, и кто-нибудь сможет проверить, как ей с сыном живется.

— А что делать с деньгами? — спросила мать.

— Их мы перешлем Яну Лидуму, — ответил Мартын. — Они ему очень пригодятся.

— Как же вы это сделаете? Ведь он в тюрьме.

Мартын улыбнулся.

— Не беспокойся, мама. В тюрьме или на воле, мы никогда не забываем о товарищах и не оставляем их без помощи. Ну, а теперь я пойду.

Мартын уже несколько ночей не был дома.

— Если меня кто будет спрашивать, говори, что вызван к дорожному мастеру. Кстати, завтра я должен быть у него с отчетом.

Жилой дом в Кукажах был разделен на хозяйскую и батрацкую половины. Дверь хозяйской половины выходила в сторону фруктового сада,

а в батрацкую попадали через общую кухню. Мимо кухонной двери проходила дорога.

Приехав в Кукажи, Ольга Лидум поставила свою кровать в углу большой людской комнаты. Старый платяной шкаф теперь отгораживал пожитки Ольги и Айвара от остальных обитателей людской. Это был работник Судмал с женой и тремя детьми; младший еще лежал в люльке, подвешенной к тонкому концу гибкой еловой жерди, прикрепленной к почерневшей потолочной балке. Был еще старый, слабоумный батрак — хромой Микель, он прожил здесь лет двадцать и работал на хозяина лишь за еду и одежду. В отдельной избушке по другую сторону проезжей дороги ютился пожилой бобыль с женой.

Уже в первый вечер Ольга убедилась, что настоящим хозяином в усадьбе была властная и энергичная хозяйка. Ее муж был примаком и боялся в чем-либо перечить жене. Дебелая, высоченная и грубая, хозяйка Кукажей, даже не дав Ольге устроиться, отправила доить коров, и, пока Ольга доила, она стояла и наблюдала, как новая батрачка справляется с работой. За этим последовали другие дела: Ольга нарубила картофель и кормовую свеклу, наполнила водой большой котел для варки поила скоту, затопила печку на хозяйской половине и притащила из клетки мотовило и веретено.

Со следующего дня рабочее время Ольги начиналось до зари и кончалось глубокой ночью. Мучная болтушка на завтрак, синеватая похлебка на снятом молоке с кусочком селедки и ломтем черствого ржаного хлеба в обед, вареная картошка, немного соленого творога и кружка простокваши на ужин — вот каково было питание Ольги и Айвара. К вечеру Ольга так уставала, что у нее не хватало даже сил поболтать с Айваром, но, ложась в постель, она подолгу не могла уснуть. Мрачные, полные отчаяния мысли мучили ее. Временами хотелось плакать, чуть ли не выть, или наложить на себя руки; удерживал Айвар.

Однажды вечером Айвар, набегавшись на дворе с детьми Судмала, подошел в кухне к матери, варившей поило для скота, приласкался, а потом так грустно и долго глядел на огонь очага, что сердце Ольги чуть не разорвалось от жалости.

— Что с тобой, сынок? — спросила она. — Отчего ты такой грустный?

— Где сейчас папа? — тихо заговорил Айвар. — Почему он не приходит домой?

Кровь отхлынула от лица Ольги, и она дрожащими руками принялась гладить голову, плечи и руки сына, глядя затуманенными глазами куда-то вдаль.

— Он не может, сыночек, прийти к нам... — шептала она. — Твой папа в тюрьме. Возможно, он навсегда оторван от нас. Тебе придется самому заботиться о себе... тяжелое у тебя будет детство.

— А почему он не пришлет письма? — не успокаивался Айвар.

— Наверно, нет возможности написать, — ответила мать. — Ведь он не знает, где мы живем.

— А почему ты ему не напишешь, где мы с тобой живем?

Вопрос Айвара, высказанный с детской непосредственностью, словно заставил Ольгу очнуться: и вправду, почему она до сих пор не написала Яну? Как это она не догадалась известить его о своем уходе из усадьбы Лаверы, попытаться что-нибудь выяснить о его судьбе?

— Я обязательно напишу, Айвар, отцу... — пообещала мать. — И от тебя передам привет. Только ты никому не говори, что папа сидит в тюрьме, иначе хозяин нас прогонит отсюда.

— Не скажу, мамочка, — обещал Айвар. — А письмо папе ты напишешь сегодня?

— Нет, мой сыночек, времени сегодня не будет, — ответила Ольга. — Напишу в воскресенье. Ведь еще надо купить бумагу и конверт.

— И папа тогда получит письмо и напишет ответ, правда? Он скажет, когда вернется к нам?

— Конечно, сыночек, может, и об этом напишет... — прошептала Ольга и тайком от Айвара смахнула рукавом слезы. — Только ты никому ничего не говори... ни детям, ни взрослым... Иди теперь в комнату, посмотри книжку с картинками. Сейчас понесу скотине пойло.

Айвар ушел, а Ольга опять принялась за работу. Она много раз выходила из кухни в хлев, отнесла коровам пойло и все время думала про Яна: что-то сулит ему судьба? Она любила Яна по-прежнему, только одного не могло простить ее сердце: как это он тайно от нее занимался такими делами, которые довели его до тюрьмы.

«Ах, Ян, милый, зачем ты так поступил? — мысленно корила она его. — Разве тебе было плохо со мной и Айваром?»

Не будучи в состоянии по своему развитию подняться до Яна, она не могла понять ни смысла, ни величия его борьбы. В ее представлении Ян в лучшем случае был мечтателем, вообразившим, что, безумно дерзая, человек может изменить незыблемый порядок жизни, установившийся испокон века. Понятно, что из этого ничего не выйдет, — ведь тогда люди могли бы заставить воду потечь вверх на гору. Почему Яну надо было подвергать себя опасности? Разве его совсем не беспокоило, что будет с семьей, если случится беда? Теперь эта беда пришла, а все остальное на

свете осталось неизменным. Так не лучше ли Яну и тем, кто поступал так, как он, забыть мечты и жить тихо, смиренно, довольствуясь тем, что у них есть, как большинство людей? Может, со временем посчастливилось бы приобрести небольшой клочок земли, свой уголок, и на старости лет своей семьей спокойно закончить жизненный путь...

Только такую малость требовала она от жизни и за эту малость готова была бороться неистово, упорно.

В воскресенье Ольге не удалось сходить в лавку за бумагой и конвертами, потому что к хозяину приехали гости и она весь день проработала на кухне. Хозяйка не осталась в долгу: за эту работу она принесла Ольге и Айвару мисочку куриного супа с клецками, недоеденного на хозяйской половине. Вечером, подоив коров, Ольга вырвала из тетрадки Айвара листок и написала Яну письмо. Она рассказала о переменах в ее жизни, спросила про его здоровье и в конце добавила:

«Айвар постоянно вспоминает Тебя, каждый день спрашивает, когда вернешься. Трудно ребенку расти без отца. Другие дети спрашивают, где папа Айвара, но мы не хотим, чтобы они узнали правду, тогда они станут дразнить и высмеивать Айвара. Милый Ян, не можешь ли сделать так, чтобы Тебя освободили и Ты мог бы снова жить с нами? Повинись от всего сердца, обещай больше такими делами не заниматься — может, тогда они простят и выпустят на свободу. Ты ведь можешь жить так же, как все честные люди. Тогда никто Тебя не тронет и Твоему сыну не придется расти без отца. Я Тебя очень прошу подумать об этом.

Жду от Тебя хоть несколько строчек. Если что нужно, напиши, я сделаю все, что будет в моих силах. Сердечный привет от меня и Айвара. Не забывай, что мы очень ждем Твоего возвращения домой. Ольга».

Листок она сложила вдвое и спрятала в одну из немногих книг, привезенных из Лаверов. На днях она пойдет в лавку, купит конверт и заодно опустит письмо в почтовый ящик — тогда в Кукажах никто не узнает, что она посылала письмо в тюрьму.

6

В понедельник утром, сразу же после того как Ольга подоила корову, хозяин велел ей ехать в лес, помогать батраку Судмалу. Кукажа недавно купил на торгах несколько кубометров пней, их надо было привезти домой, тогда хромоту Микелю хватит работы на несколько недель, пока он их расколет.

Судмал и Ольга поехали в лес на двух подводах. Около полудня они достигли вырубки, где на краю дороги были сложены пни.

— Попробуй, взвали таких чертяк на подводу! — сердился Судмал. — Подохнешь, пока справишься с ними.

Он все время чертыхался, накладывая воз. Если бы только Кукажа слышал, какими словами честил его батрак!

— Скупердяй, хоть бы разок купил для людской настоящих дров. За десять сантимов готов черту душу продать. В прошлом году навез в усадьбу трухи да мокрой ольхи, сейчас — набросился на пни. В будущем году разыщет еще какую-нибудь дрянь. Сам только пухнет от нашего пота. До тех пор будет пухнуть, пока не лопнет.

Ольга хотела помочь, но Судмал не дал ей дотронуться до пней.

— Это не бабье дело. В два счета надорвешься, и тогда уж ты больше не человек — покойник. Я и один как-нибудь справлюсь.

Прошло больше часу, пока нагрузили обе подводы. Поев хлеба и немного передохнув, они поехали домой — Судмал впереди, за ним, шагах в двадцати, Ольга. На пнях сидеть было нельзя, поэтому весь путь пришлось пройти пешком. Шагая рядом с возом, Ольга задумалась.

«Вот так и проходят лучшие мои годы — в одних мучениях и тяготах. Незаметно подойдет и старость, и не останется у меня радостных, хороших воспоминаний. Всю жизнь только тяжелый труд, нужда да вечные издевательства хозяев. А когда Айвар вырастет, разве его ждет лучшая доля? Чего может ждать от жизни сын батрака? Три-четыре зимы школа, а потом впрягайся в ту же лямку, которую тянули твой отец и дед. Чужие люди будут распоряжаться тобой, выматывать твои силы, а платой за это будет скудный кусок хлеба. Стоит ли тогда жить? Нет, не стоит. Ян тоже думал, что не стоит, но он вообразил, что можно изменить эту жизнь. Ах, если бы все эти тяготы были только сном и можно было утром проснуться в довольстве и счастье... Если бы произошло чудо...»

Нет, ни в какие чудеса Ольга больше не верила. Сердце постоянно переполняли мрачные предчувствия: ей казалось, что со времени ареста Яна жизнь превратилась в непрестанное страдание.

«Только бы Ян попросил прощения и обещал господам исправиться... Это совсем не так трудно, надо только превозмочь свою гордость. Из-за одного Айвара стоит это сделать. Завтра обязательно надо отнести письмо и бросить в почтовый ящик... обязательно».

Так размышляла она, меся холодную грязь и совсем не чувствуя, что начинают мерзнуть ноги.

До усадьбы оставалось еще около полутора километров, когда Судмал

услышал за своей спиной отчаянный крик. Остановив лошадь и оглянувшись, он увидел накренившуюся набок подводку, а под ней, в придорожной грязи, придавленную пнями Ольгу. Судмал бросился на помощь, но прошло несколько минут, прежде чем удалось откатить в сторону тяжелые пни и освободить Ольгу.

Она лежала, не открывая глаз, в груди ее что-то страшно хрипело и из уголков рта текли струйки крови.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Судмал. — Ты сильно разбилась? Наверно, лошадь чего-нибудь испугалась и бросилась в сторону?

Но Ольга была в глубоком обмороке. Судмал тяжело вздохнул:

— Ох, беда, ох, несчастье...

Он откатил пни к придорожным кустам, поднял телегу, уложил на нее Ольгу, подсунув под голову мешочек с овсом; Ольга даже не стонала, только в груди хрипело по-прежнему да из уголков рта тоненькой струйкой бежала кровь. Судмал снял пиджак, накрыл им Ольгу и, взяв лошадь под уздцы, повел ее по раскисшей дороге, стараясь избегать рытвин.

— Ох, несчастье, ох, беда... — все время повторял батрак. — Что теперь будет?

Управляясь с обеими подводами, он через полчаса достиг Кукажей. На пустой подводе лежала неподвижная и безгласная Ольга. Ехать за врачом не было смысла — каждому было ясно, что никакой помощи ей уже не надо.

— Едут, как скоты! — закричал хозяин, узнав о случившемся. — Сами себе ломают шею, а мне теперь отвечать!

Старого бобыля сразу же послали за полицейским. Надо было составить акт о смерти Ольги. Покойницу внесли в каретник и временно, пока не были оформлены все нужные в таких случаях документы, никого туда не пускали.

Айвар узнал о смерти матери только поздно вечером, но и ему не разрешили войти в каретник. Растерянный и испуганный, сидел он на кровати и долго-долго плакал. Старшие дети Судмала старались успокоить своего товарища.

На следующий день, когда судебный врач осмотрел покойницу и были закончены все формальности, Судмала послали к столяру за гробом. Судмалиене с женой бобыля обмыли и одели покойницу в лучшую одежду, какую нашли среди ее вещей, затем гроб внесли в батрацкую клеть, и обитатели этой половины побыли несколько часов с покойницей. Айвару в тот вечер тоже разрешили посидеть у гроба матери.

В среду под вечер гроб с телом Ольги Лидум вынесли из клетки и поставили на телегу, покрытую пестрой попоной. Батрак Судмал отвез гроб на кладбище, несколько работниц и жен батраков проводили покойницу до могилы и вместе со старым причетником, заменившим пастора, пропели зауспокойные псалмы. Айвара оставили дома с детьми Судмала, чтоб он хоть сегодня не чувствовал себя одиноким и брошенным.

7

Мрачным и озабоченным был хозяин усадьбы Кукажи. Жена сердилась и не давала ему покоя ни утром, ни вечером.

— Как на беду привез чужого ребенка. Заботься теперь о нем, будто своих не хватает.

— Что ты все ворчишь? — возражал хозяин. — О нем позаботится волость...

— Волость... волость... — кипятилась жена. — Где ж у тебя эта волость? Видишь, никто и знать его не хочет. Если сам не позаботишься, никто тебя искать не станет. Но имей в виду: кормить я его не буду и ухаживать за ним не стану. Я не прислуга для чужого ребенка. Постарайся скорее убрать его из дому.

— Дай мне подумать и посоветоваться с волостным писарем Друкисом, — сказал он. — Тот знает все законы.

На следующее утро он запряг лошадь в рессорную тележку и поехал в волостное правление. Почти час совещался Кукажа с волостным писарем Друкисом, который по всей округе славился как «подпольный» адвокат и большой мастер по составлению всяких прошений. Когда хозяин возвращался домой, настроение его было гораздо бодрее. От радости, что неприятное дело можно будет уладить в ближайшие дни, он по дороге завернул в трактир, подкрепился и домой вернулся только поздно вечером в таком состоянии, что не было никакого смысла разговаривать с ним о результатах поездки.

Жена сейчас же уложила его спать, стащив с него только сапоги и вынув из кармана кошелек.

— Свинья свиньей... — сердилась она. — Ты его весь день ждешь, думаешь, что все выяснит, а он нажрался, что боров. Теперь до утра будет дрыхнуть, как мертвец.

Айвар чувствовал, что хозяйка его ненавидит, и поэтому боялся попадаться ей на глаза. С утра он забивался в угол за шкаф, молча, как

мышонок, просиживал там целыми часами и выходил лишь тогда, когда сердобольная Судмалиене звала к столу. Разливая крупяную похлебку, сваренную на снятом молоке, она никогда не забывала маленького сироту и делила ее всем поровну.

— Ах ты, бедный цыпленочек, — приговаривала она, глядя заскорузлой рукой голову ребенка. — Тяжело тебе будет жить теперь. Не дай бог, чтобы моим детям выпала такая доля. Ешь, мальчик, ешь, тебе нужно много сил.

Судмалиене стирала штанишки и рубашку Айвара, а по вечерам, постелив ему постельку, сидела рядом, пока он не засыпал. Айвар ждал отца с утра до вечера, но никому о своих надеждах ничего не говорил. Но шли дни, а отец так и не приходил. На сердце у Айвара становилось все грустнее, иногда его охватывала такая тоска, что он, забившись в укромный уголок, тихо плакал.

Стояла поздняя осень. Дорогу затопила непролазная грязь, а дождь все лил и лил под завывание холодного ветра. В такую пору нечего было и думать о прогулке: Айвар целыми днями сидел в избе вместе с детьми батрака. Когда до его слуха доносился скрип колес проезжающей повозки, Айвар бросался к окну и взволнованно глядел, не приехал ли отец.

Как-то утром в людскую вошли двое мужчин; один был хозяин Кукажей, другой — член волостного суда. Они осмотрели оставшиеся после Ольги вещи и составили акт.

— Пока пусть все остается на месте, — сказал член суда. — Только смотрите, чтобы ничего не пропало, а то вам придется отвечать перед судом, потому что это имущество сироты. На аукционе каждый сможет приобрести то, что ему понравится.

Дня через два, рано утром, в людскую вошел хозяин и велел одеть Айвара потеплее, а жене Судмала сказал, чтобы она вещи мальчика связала в узел и снесла на телегу.

Когда все было сделано, Кукажа вывел Айвара во двор.

Моросил дождь, и дул сильный ветер. Посадив Айвара на телегу, хозяин уселся рядом, закрыл колени кожаным фартуком, и лошадь тронулась. Дети Судмала, взобравшись на подоконник, смотрели, как увозят Айвара, и на прощание махали ему рукой. Но он так растерялся, что забыл ответить друзьям. Айвар боялся хозяина, поэтому не осмелился спросить, куда они едут.

Через некоторое время телега остановилась у большого двухэтажного каменного дома. Во дворе уже стояло много повозок. К головам лошадей были подвязаны торбы с овсом или мешки с сеном; привязанные к

коновязи, животные дрожали от холода. Поставив свою лошадь и накинув на нее попону, Кукажа сказал Айвару:

— А теперь слезай. Дальше не поедем.

Он помог мальчику слезть с телеги, взял его за руку и повел в дом. В большой комнате, где толпилось много людей, их встретил тот же член волостного суда, который два дня тому назад описывал вещи покойной Ольги Лидум. Поздоровавшись с хозяином Кукажей, он увел Айвара в другой конец комнаты и посадил на скамью рядом с четырьмя другими детьми. Самому старшему можно было дать лет десять, рядом с ним сидела сестренка, года на два моложе его, и еще два мальчика: один лет семи, другой — девяти. Притихшие и взволнованные, глядели они на чужих людей. Когда подошел Айвар, они немного потеснились, чтобы дать ему место на скамье. Справа стоял большой стол с письменными принадлежностями и деревянным молотком.

Довольно молодой человек в пенсне, сидевший за столом, писал в толстой конторской книге. Член волостного суда что-то тихо спросил у писавшего. Тот так же тихо ответил. После этого член волостного суда повернулся к собравшимся.

— Господа, кто желает участвовать в аукционе, прошу сесть ближе. Мы скоро начнем. Пока еще есть время, прошу осмотреть детей. Если будут какие-нибудь вопросы, господин писарь даст пояснения.

Люди зашевелились. То были местные крестьяне, главным образом кулаки, явилось также несколько середняков, которым нужен был даровой пастух. Некоторые приехали с женами. Один за другим они подходили к скамье, на которой сидели дети, и бесцеремонно осматривали их. Какой-то хозяин велел старшему мальчику подняться и повернуться к нему спиной, а на его сестренку он бросил лишь мимолетный взгляд. Какая-то кулацкая супружеская чета долго обследовала мальчика, наконец жена велела ему раскрыть рот и показать зубы.

— Кажется, здоров, — пробормотала она, видимо довольная результатами обследования. — А вшей нет?

Паренек отрицательно покачал головой и смущенно опустил глаза.

Айваром пока никто не интересовался. Промокнув в дороге, он сидел, сжавшись в комок, и весь дрожал, исподлобья рассматривая чужих людей.

Вскоре начался сиротский аукцион. Член волостного суда велел брату и сестре встать, чтобы их лучше могли разглядеть, и, назвав имена, сказал, сколько кому лет.

— Дюжий парень, он скоро сможет ходить за плугом, а лучшего пастуха и желать нечего. Сестра его тоже девочка сильная — ей восемь лет.

Может пригодиться в подпаски и на легкие работы по дому. Желательно, чтобы оба попали в одну семью. Есть ли желающие? Наивысшая сумма, которую можем платить их воспитателям, — тридцать латов в месяц за обоих. Кто желает взять за меньшую сумму?

— Двадцать пять латов! — раздается голос в зале.

— Двадцать пять латов — первый раз! — выкрикнул аукционер, член суда.

— Двадцать латов!

— Восемнадцать!

— Пятнадцать!

— Пятнадцать латов — раз! — снова выкрикнул член суда. — Пятнадцать латов — два! Кто меньше? Такого крепыша можно взять даром и еще приплатить.

— Двенадцать латов и ни сантима меньше!

— Десять латов!

За десять латов брата и сестру приобрел какой-то крупный кулак, владелец самого большого стада в волости, которому нужны были пастух и подпасок.

Девятилетний мальчик довольно быстро перешел за десять латов в месяц к супружеской паре, которая при первом осмотре велела ему показать зубы. Какой-то хозяин за двенадцать латов взял себе семилетнего мальчугана. После этого большинство крестьян разошлось.

Дети, точно пойманные зверьки, смотрели на чужих людей, во власть которых их теперь отдали. Старшие старались прочесть на лицах чужих, добрые ли они люди, друзья или враги? Во взгляде младших были откровенный страх и глубокое, неудержимое отчаяние. Они жались друг к другу, а маленькая девочка ухватила своими судорожно сжатыми пальчиками руку брата и не отступала от него ни на шаг.

Подошла очередь Айвара. Он ничего не понимал в этой странной игре, у него не было даже туманного представления о смысле происходящего. Когда член волостного суда велел ему встать, он медленно поднялся со скамьи и, как бы ища спасения, с отчаянием оглянулся кругом.

— Айвар Лидум... — начал член суда. — Семи лет. Мать умерла, отца... нет. Высшая плата — пятнадцать латов в месяц. Кто меньше?

Некоторое время в помещении царила тишина. Мальчик был слишком мал. Пройдет год, прежде чем его можно будет использовать в хозяйстве; это казалось слишком долгим сроком для собравшихся здесь людей, которых занимало только одно — выгодная сделка.

— Ну, если желающих нет, за пятнадцать латов в месяц я готов его

взять! — произнес наконец какой-то бородач. Лицо его покраснелось и язык слегка заплетался. На ногах он держался нетвердо. — Пятнадцать латов и ни сантима меньше. Иначе не стоит.

— Пятнадцать латов — раз!.. — объявил член суда и, словно нехотя, продолжил: — Пятнадцать латов — два! — Затем внезапно, точно испугавшись, как бы охмелевший крестьянин не передумал и не отказался от своего предложения, крикнул: — Пятнадцать латов — три! — и громко ударил деревянным молотком по столу. На этом детский аукцион закончился.

— Господин Коцинь, подойдите расписаться! — Друкис жестом подозвал бородача. Тот, шатаясь, подошел к столу и трясущимися пальцами нацарапал свое имя.

— Ну, теперь все? — спросил он.

— Пока все, — ответил писарь. — Удостоверение получите через несколько дней вместе с первым платежом.

— Быть по сему! — Коцинь ударил кулаком по столу с такой силой, что подскочила чернильница. Член волостного суда неодобрительно покосился в его сторону, но ничего не сказал: с пьяным связываться не стоит. — Значит, я этого молодчика могу сразу забирать домой?

— Да, можете... — сказал писарь.

Крестьянин подошел к Айвару, поглядел на него с минуту, потом громко рассмеялся и, положив свою тяжелую руку на плечо мальчика, слегка встряхнул его.

— Небось, испугался. Ну, соберись с духом и подыми повыше нос. Я неженюк не люблю.

Подталкивая идущего впереди Айвара, он вышел из комнаты, держа в руке узелок с одеждой ребенка. Немного погодя они уже сидели в телеге и ехали по грязной дороге. Лошаденка была малорослая, худая и еле вытягивала повозку из попадавших на дороге рытвин. Коцинь нещадно колотил ее кнутовищем и обзывал бранными словами.

И снова, как утром, когда Кукажа вез его к дому волостного правления, Айвар не осмелился спросить у этого чужого, от которого за версту разило водкой, куда они едут. А бородач только икал да иногда, ухмыляясь, поглядывал на своего маленького спутника. Раз он спросил:

— А что, мать тебя порола?

Айвар вздрогнул, с ужасом посмотрел на бородача и отодвинулся. Но тот только посмеялся и тыльной стороной ладони вытер себе нос.

— Значит, ты все-таки не знаешь, что такое розги. Ничего, парень, скоро познакомишься. У нас, в Коцинях, порядки строгие — слушаться

надо с первого слова. Если что-нибудь не так, розги тут как тут. У моей старухи удивительно легкая рука на это. Да что я тебе рассказываю, сам скоро увидишь.

Всю дорогу не переставал дождь, и ветер бросал в лицо путникам холодную изморось. Айвар начал мерзнуть.

8

У Коциня была большая семья и старая, запущенная усадьба, арендованная его отцом у барона и перешедшая после мировой войны во владение крестьянина. Вся земельная площадь не превышала пятидесяти пурвиет. Коцинь с женой, пока были молоды, бились изо всех сил, чтобы поднять доходы своего хозяйства, но из этого ничего не получилось: слишком уж скудная была земля — валуны, камни, кустарники. С каждым годом Коцини все больше залезали в долги и часто не знали, как свести концы с концами. Убедившись, что никакой раоский труд не поможет выбиться из горькой нужды, Коцинь махнул на все рукой и запил с горя.

Хозяйские дети — их было с полдюжины — ходили грязные и неопрятные; мальчикам по полгода не стригли волос, их головы полны были насекомых. С утра до вечера в Коцинях раздавались брань, сердитые окрики и плач детей.

В ненастный, ветреный вечер привез хозяин Айвара.

— Ну, старуха, иди встречай приемного сына! — закричал он, остановив лошадь у самого порога избы. Дверь была раскрыта настежь и походила на огромную дыру, ведущую в темную дымную пещеру, которую называли кухней. Вход сейчас же загородили косматые детские головы. Ребята толкали друг друга, стараясь протискаться вперед. Старшие наделяли младших тумачами, а те отвечали такими словцами, которые не принято печатать в книгах. Наконец откуда-то из тьмы кухни показалась высокая худощавая Коциниене, с закоптелым лицом и в облепленных грязью мужских сапогах. Как ледокол, она рассекла толпу детей и протиснулась вперед, напоминая растрепанную наседку, которая, завидя тень ястреба, собирает под крылья цыплят. Она долго и пристально разглядывала чужого мальчишку, дрожавшего на телеге — не то от холода, не то от страха. Лицо Айвара было мокрое и синее; он съежился и казался меньше и тщедушнее.

— Куда нам такого заморыша... — заговорила хозяйка суровым голосом. — Разве там поздоровее детей не было?

— Он совсем не такой заморыш, — пробасил в ответ Коцинь и с оханьем стал выбираться из телеги. Его сапоги по щиколотку погрузились в липкую грязь. — Ну, молодчик, давай слезать. Иди в избу, согрейся и покажись другим.

Он снял мальчугана с телеги и опустил на землю у самого порога, затем подал знак старшему, тринадцатилетнему сыну Мике:

— Поди распряги лошадей...

Недовольный Мика пробормотал что-то, но долго мешкать не стал. Босыми ногами он полез в грязь и взялся за вожжи:

— Ну, трогай, дохлятина!

Через минуту Айвар оказался в узкой полутемной комнате с таким низким потолком, что взрослым приходилось наклонять головы. Угол разбитого стекла в маленьком оконце был заткнут тряпкой, и с подоконника на некрашенный грязный пол стекала вода. В комнате пахло плесенью и дымом. В одном углу была печь с широкой лежанкой, по которой бегало множество прусаков. У стены стояла старая кровать с высокими бортами, походившая на ящик. На ней сразу же устроился вошедший в комнату отец хозяина — старый Коцинь, высокий, плечистый старик с длинной седой бородой и огромными костлявыми руками. У наружной стены стоял широкий топчан, на полу лежала солома и разбросанные в беспорядке одеяла, простыни из мешковины и несколько подушек в липких, грязных наволочках.

Хозяйка сняла с Айвара пальтишко. Ее взгляд скользнул по одежде мальчугана. Потом она развязала узелок с его вещами и все осмотрела у окна.

— И все это к нему в придачу? — спросила она у мужа.

— Все до нитки и еще пятнадцать латов в месяц, — поспешил пояснить Коцинь. — На меньшее я не согласился. Зимой эти пятнадцать латов будут нам хорошим подспорьем.

— Подспорьем... — мрачно повторила жена и засмеялась сердито, без улыбки. — Сам пропьешь. Моим глазам их не видать.

— Чего выдумываешь... — пробормотал Коцинь. — Если хочешь, можешь сама ходить в волостное правление за этой доплатой.

— А ты думал, что я тебя пущу! — решительно заявила Коциниене. — Тогда лучше сразу вези мальчишку обратно. Пусть волость деваает его куда хочет.

Она подозвала младших детей — семилетнего Карлушку и пятилетнюю Мирдзу — и примерила им одежду Айвара.

— Все как будто сшито на Мирдзу, — решила она. — Карлушке

тесновато, но можно выпустить складки, а внизу чем-нибудь надставить.

Всю одежду и обувь Айвара тотчас же распределили между хозяйскими детьми, а вместо нее мальчик получил старые отрепья, которые ему были велики.

— Обойдется, — сказала хозяйка. — Не барчук, на бал не ходить. Если наши дети обходились, этот тоже не умрет.

— Правильно, старуха, — поддакнул Коцинь. — Никто не может требовать, чтобы мы за пятнадцать латов в месяц наряжали его, как барчука.

Обедала хозяйская чета вместе со старым Коцинем в другой комнате, после этого к столу допускались дети. Айвар почти ни к чему не прикоснулся, он был слишком подавлен и расстроен, чтобы думать о еде.

Вечером его вместе с другими детьми уложили спать на широкий топчан, но он долго не мог заснуть. Мальчики баловались, брыкались и дразнили девочек, пока не вывели из себя старого Коциня. Он встал, схватил вожжи и начал стегать по спинам шалунов:

— Вы перестанете? Грызутся, как собаки! Вот спущу с вас шкуру!

После этого наступила тишина. Дети один за другим уснули. Не спали только Айвар да старый Коцинь, у которого ломило кости. Мальчуган прислушивался, как старик со стоном поворачивался с боку на бок и по временам раскачивал больную ногу. Таинственная темнота незнакомой комнаты казалась Айвару угрожающей. Дождь стучал в оконце, а с потолка на спящих падали прусаки и кусали так больно, что дети во сне вздрагивали и стонали.

«Может, теперь скоро придет отец? — думал Айвар. — И тогда он возьмет меня отсюда». Ему хотелось, чтобы отец скорее явился сюда, — можно будет к нему приласкаться, рассказать обо всем, что он видел и слышал за это время. Тогда не надо будет бояться чужих людей, — они не сделают ему ничего плохого, если отец будет с ним... Он думал об этом большом, счастливом событии, и его сердечко, ободренное надеждами, начинало усиленно биться. Но стоило лежащим рядом детям застонать во сне или коснуться локтем Айвара, как он возвращался к действительности. Все надежды рушились, были только темень, страх и много чужих людей, которые его не любили. Свернувшись калачиком и спрятав голову под тонкое грязное одеяло, он долго плакал, содрогаясь всем телом от сдерживаемых рыданий. Никто не слышал его плача, никто не пришел утешить...

В жизни Айвара настала самая мрачная пора. Суровая пора — без солнца, без дружбы, без ласки. За стол его, правда, сажали вместе с

хозяйскими детьми, но Коциниене между завтраком и обедом старалась сунуть своим то кусочек хлеба с творогом, то кружку простокваши. Айвар ел только за столом, поэтому он всегда чувствовал голод. В этом, впрочем, он не был одинок: пастуший пес Дуксис жил тоже впроголодь, довольствуясь только тем, что находил в помойной яме и что удавалось стащить у свиней. Когда хозяйка ставила в углу кухни котел с мелкой картошкой и рубленой кормовой свеклой, Дуксис подбирался к котлу и пожирал горячие овощи. Если его застигали на месте преступления, порка была обеспечена.

Дети Коциня любили дразнить и пугать Айвара.

— Мой папа купил тебя за деньги, — объявлял Карлушка. — Он может с тобой делать все, что захочет, как с Дуксисом или старой лошадью. Моя мама может тебя пороть каждый день, сажать в темный чулан и продать цыганам.

Детские забавы в этой усадьбе были грубы и жестоки. Старшие дети старались одурачить младших, причинить им боль и всячески их унижить. Одетый наподобие огородного пугала, Айвар служил посмешищем для всего семейства. Часто случалось, что другие дети что-нибудь натворят: разобьют посуду, опрокинут ведро со свиным кормом, выбьют стекло в окне, — а вину взвалят на Айвара, и порка доставалась ему. У хозяйки действительно была легкая рука на такие дела, но справедливости ради надо сказать, что и ее собственным детям часто приходилось не слаще, чем Айвару.

Хозяин большую часть времени проводил вне дома, и видеть его трезвым можно было очень редко. Пособие, получаемое на содержание Айвара, Коцинь исправно пропивал, хотя в день выдачи жена всегда ездила в волостное правление сама.

Айвара сразу впрягли в работу: его заставляли носить в кухню хворост, рубить картофель и кормовую свеклу, крутить точило, когда старый Коцинь точил топор. Мальчик честно зарабатывал скудный кусок хлеба, который уделяли ему в этом чужом доме, но угодить хозяевам ему удавалось редко. В глазах этих людей он оставался чужаком, низшим существом, куда более бесправным, чем все они. Единственным другом его стал Дуксис. Пес понимал его без слов и никогда не пытался обмануть или обидеть мальчика. Айвар делился с ним хлебом, часто оставлял в миске немного похлебки, и Дуксис привязался к нему.

Образы отца и матери все еще ясно сохранялись в памяти Айвара, он часто думал о них, но при воспоминаниях тоска больно сжимала сердце.

В Коцинях Айвар прожил лишь несколько месяцев. В начале декабря хозяйку разбил паралич, и она больше не вставала с постели. Участковый врач заявил Коциню, что нечего надеяться на выздоровление жены — в подобных случаях медицина бессильна.

Пролежав несколько недель и убедившись в безнадежности своего состояния, Коциниене однажды заговорила с мужем:

— Для тебя лучше, чтобы я скорее умерла. Тогда бы ты привел в дом новую жену, она бы помогла тебе вырастить детей. Трудненько, правда, найти такую, которая согласится выйти за вдовца с полдюжиной ребят, придется, видно, подыскать пожилую работницу.

— Пятнадцати латов в месяц, что мы получаем за Айвара, как раз хватит, чтоб платить работнице, — сказал Коцинь.

— От этих денег придется отказаться, — продолжала Коциниене. — Если нельзя как следует управиться со своими детьми — это еще полбеды, и людям тут сказать нечего. Такова судьба, ничего не поделаешь. Но как мы объясним волости, сиротскому суду, если заболеет, пропадет чужой ребенок? Никак. Все скажут, что мы виноваты, мы довели его до этого. Поэтому, не откладывая, сходи в волостное правление к Друкису, расскажи о нашем теперешнем положении — и пусть забирают мальчишку... чем раньше, тем лучше.

Коцинь пытался было возразить, что зимой пятнадцать латов в месяц будут большим подспорьем, но жена настояла на своем, и ему ничего не оставалось больше, как отправиться к Друкису.

Сообщив о тяжелой болезни жены, он сказал писарю:

— Забирайте его у нас. Своих детей больше чем нужно. В таком положении, как сейчас, мы не можем воспитывать чужих детей. Конечно, жаль, что приходится расставаться с этим мальчуганом... после того, как успели полюбить, словно своего. Прямо-таки за сердце берет, как подумаешь, что он теперь будет жить у чужих! Такую любовь и заботу он найдет не в каждом доме.

И он до тех пор тер большим пальцем глаза, пока они не покраснели; доверчивый человек мог бы и впрямь подумать, что он расплакался от избытка чувств.

Удивительно, что Друкис, узнав, по какому делу явился Коцинь, явно чему-то обрадовался.

— Ладно, господин Коцинь, если уж жизнь у вас так сложилась, то мы

попытаемся снять эту ношу с ваших плеч. Пусть мальчуган побудет у вас еще недельку — пособие вам выплачено за весь месяц, — но я думаю, что до конца года вам его держать не придется. У меня есть кое-какие планы. Как только все будет устроено, я дам вам знать и вы привезете мальчугана ко мне.

Не прошло и недели, как Коцинь получил от Друкиса письмо, он просил привезти Айвара в волостное правление. Перед отъездом мальчугана хорошенько вымыли в бане, и сам хозяин ножницами для стрижки овец остриг его. Благодаря этой заботе Айвара снова можно было показать людям.

...За полгода до этих событий в дальней Пурвайской волости, что была расположена у Змеинового болота, бездетная супружеская чета — Рейнис Тауринь и его жена Эрна — после долгого раздумья пришла к выводу, что их богатой усадьбе Урги нужен наследник. Тауриню в ту пору исполнилось тридцать пять лет, а жене тридцать восемь. Уже восьмой год жили они, как говорится, в законном браке, а детей у них все еще не было. Доходы усадьбы умножались с каждым днем, близкие и дальние родичи взвешивали свои шансы на получение богатого наследства, и многие из них желали скорейшей смерти Рейнису Тауриню. Эрна, убедившись, что у нее нет надежды подарить мужу сына, с тревогой, не лишенной оснований, начала замечать недовольство мужа. Все чаще задумывалась она над тем, что Тауринь может возбудить дело о разводе; причина была достаточно веской, суд признает просьбу Тауриня обоснованной и расторгнет брак.

Не дожидаясь, пока дело примет такой оборот, умная женщина принялась действовать. Выбрав удобный момент, когда Тауринь не был занят хозяйственными заботами, Эрна вызвала его на откровенный разговор.

— Годы проходят, скоро мы станем пожилыми, а детей у нас нет... — начала она. Хмурый взгляд Тауриня показал, что она попала в самое чувствительное место. — Если человек не знабббет, кто после его смерти будет продолжать начатую им работу, пропадает цель жизни и нет никакой радости что-нибудь строить, предпринимать. Мы оба скоро можем очутиться в таком положении, но я думаю, с этим нельзя мириться.

— Что же ты советуешь сделать? — спросил Тауринь.

— Надо взять на воспитание какого-нибудь мальчика, — предложила Эрна. — Взять малышом и воспитать по-своему. Может быть, среди твоей родни есть подходящий ребенок? Подумай, ты их лучше знаешь.

— Не знаю, — ответил Тауринь. — Разве у меня было время

интересоваться ими? Но твоя мысль неплоха.

— Правда ведь? — обрадовалась жена. — Слишком маленького братъ невыгодно. Неизвестно, какое у него здоровье и каков он будет собой, когда подрастет. Лучше всего взять лет пяти-восьми, из такого еще можно вылепить все, что хочешь, и не надо возиться с пеленками. Главное, чтобы был здоров, неглуп и приятной наружности.

— Идиота или калеку я воспитывать не собираюсь, — согласился Тауринь. — Если уж братъ в дом чужого ребенка, то он должен быть первосортным. Иначе не стоит. Мы можем предъявить самые высокие требования.

— Верно, — согласилась Эрна. — Тогда начнем действовать.

Они перебрали семьи всех родственников, где были дети, но ничего подходящего не нашли. У некоторых родичей дети уже ходили в школу, у других еще кричали в люльке. Иной подходящий по возрасту оказывался таким заморышем, что не хотелось даже смотреть на него, а тех двух или трех, которые понравились Тауриню, родители не соглашались отдавать.

— С родственниками возиться не стоит, — сказал наконец Тауринь. — Этим мы только ограничиваем выбор. Кроме того, если возьмем родича, то полностью, как своего, его воспитать не удастся. Родители постоянно будут лезть, интересоваться и постараются сесть нам на шею — всегда придется им кое-что подбрасывать. Другое дело, если нет ни отца, ни матери. Такого мы можем воспитывать, как нам нравится, и никто не будет беспокоить нас.

— Я подумала об этом с самого начала, — призналась Эрна. — Если мы возьмем чужого, у нас будет возможность усыновить его не сразу. Мы сможем лучше приглядеться, познакомиться с его характером и способностями и, если все будет как надо, тогда только дадим ему свое имя и примем в свою семью.

— Это ты хорошо придумала, — сказал Тауринь, — и риска будет меньше.

Теперь у них был действительно большой выбор, но с каждым днем они становились все разборчивее. Полгода супружеская чета Тауриней объезжала детские приюты: они осмотрели сотни детей, но никак не могли найти ребенка, который бы им понравился. Некоторые не подходили по росту, у иного наружность не отвечала представлениям Эрны о мужской красоте. Случалось и так, что мальчик нравился Эрне, а мужу нет. Тогда Эрна уступала и соглашалась на дальнейшие поиски.

— У него должен быть хороший экстерьер, — сказал Тауринь, а он-то кое-что понимал в породах. Даже лошадь или охотничью собаку он отказывался покупать, если замечал малейший недостаток, а сейчас дело

шло о человеке, возможно о приемном сыне, которому придется унаследовать уважаемое имя Тауриней и богатую усадьбу Урги, поэтому надо было проявить усиленную осторожность, чтобы не всучили брака.

В рижских газетах супруги читали объявления: матери, очутившиеся в безвыходном положении, предлагали своих детей.

«ОТДАЮ НА УСЫНОВЛЕНИЕ В МАТЕРИАЛЬНО ОБЕСПЕЧЕННУЮ СЕМЬЮ ЗДОРОВОГО БЕЛОКУРОГО ТРЕХЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА...»

«ГОДОВАЛУЮ ДЕВОЧКУ С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ СОГЛАСНА ОТДАТЬ БЕЗДЕТНОЙ ПАРЕ, ЖЕЛАТЕЛЬНО В ЗАЖИТОЧНУЮ СЕМЬЮ».

«ШЕСТИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, ШАТЕН, ИЩЕТ СЕБЕ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ».

Таурини откликались на некоторые объявления, и кто-нибудь из них, а то и оба ездили осматривать ребенка, но все их поиски пока оставались тщетными. Цепь неудач уже начала волновать Эрну. Она видела плохо скрытое недовольство мужа, и в ней вновь пробудились прежние опасения.

— Хватит привередничать, — решила Эрна. — Если бы у меня самой родился ребенок, пришлось бы довольствоваться таким, какой есть. Из-за нашей требовательности можно остаться ни с чем.

Она решила впредь не навязывать мужу своего вкуса и позволить ему выбрать приемного сына по своему усмотрению. Домой будет привезен первый мальчик, понравившийся Тауриню, даже в том случае, если ей он не понравится. В конце концов важно, чтобы появился ребенок и положение Эрны укрепилось, а какой ребенок — для нее в сущности все равно.

В середине декабря на лесных торгах Тауринь встретился с писарем соседней волости Друкисом. Зная, что Тауринь давно ищет мальчика в приемьши, Друкис посоветовал приехать к нему.

— У нас есть один мальчик, он вполне подойдет вам. Круглый сирота — мать умерла, отец пропал без вести, других родственников нет. Ни один человек не сможет предъявить претензий. Волостное правление вправе отказать в выдаче каких бы то ни было справок бывшим родственникам такого ребенка. Если желаете, я могу сделать так, что ни один человек не узнает, куда он девался.

Так действовать Друкиса побуждало не столько желание помочь Тауриню, сколько практические соображения: если Тауринь усыновит

мальчугана, волости не придется в дальнейшем расходовать ни одного сантима на его содержание. Поэтому он сознательно умолчал о том, что отец мальчика жив и находится в тюрьме.

Они договорились, что Тауринь с женой через несколько дней приедут в волостное правление...

Когда Тауринь с Эрной приехали в правление соседней волости, там не было ни одного лишнего человека — только писарь Друкис, член волостного суда и маленький Айвар. Эрна начала ласково разговаривать с мальчиком и вдохнула в него ту крупинку доверия, какая была необходим а, чтобы хоть немного оттаяла душа ребенка и он мог бы ответить на ее вопросы.

Осмотрев мальчугана и немного поговорив с ним, супруги переглянулись и, отойдя в сторону, посоветовались.

— Не знаю, как тебе, а мне кажется, что можно будет остановиться на этом, — сказал Тауринь.

— Мне тоже так кажется, — призналась жена.

За четверть часа они покончили с формальной стороной дела: с этого дня Айвара отдавали на воспитание Тауриням. Тауринь отказался от волостной приплаты, а Друкис обещал за это ни одному человеку не выдавать справок о мальчике.

— Не думаю, что кто-нибудь станет искать его, — сказал Друкис, передавая Тауриню справку о только что совершенной сделке и метрику Айвара. — А если кто-нибудь полюбопытствует, я скажу, что мальчик уже усыновлен и по закону я не имею права ничего разглашать. Положитесь на меня, господин Тауринь.

— Иначе я и не согласился бы, — напомнил Тауринь. — Если по этому делу кто-нибудь начнет меня беспокоить, я мальчика немедленно привезу обратно. Тогда делайте с ним что хотите.

— Будьте покойны, господин Тауринь, — еще раз заверил Друкис. — Вас никто тревожить не станет.

И через несколько минут Айвар сидел в чужой бричке и двое людей, которых он сегодня увидел впервые, снова увозили его куда-то далеко и, может быть, на долгие годы.

10

В усадьбе Урги — самой крупной в Пурвайской волости — было двести семьдесят пурвиет земли. Поля и луга Тауриня были на

возвышенности, и их не заливали воды Змеиного болота. Валуны были убраны, старые пни выкорчеваны и кустарник вырублен. У Тауриня была собственная молотилка, а прошлой осенью он первым в уезде приобрел небольшой трактор. Вместе с усадьбой он унаследовал от отца и водяную мельницу в низовьях реки Раудупе.

В то время как земли окрестных крестьян постепенно заболачивались, скудно вознаграждая тяжелый труд землепашца, Тауринь из года в год снимал хороший урожай и его состояние умножалось. Дом хозяина стоял на краю большого фруктового сада и напоминал настоящий господский дом: двухэтажный, выкрашенный в белый цвет, с красной шиферной крышей, большими окнами, крытой верандой внизу и балконом наверху. Для батраков и батрачек был построен особый, «людской», дом. Над новым коровником был устроен ветряной двигатель, который качал воду, обеспечивал электричеством хозяйство и одним своим видом издали оповещал всю округу о богатстве хозяина усадьбы Урги. Других хозяев Пурвайской волости звали просто Мелдером, Кикрейзисом или Стабулниеком, а владельца усадьбы Урги даже за спиной величали господином Тауринем. Да и как иначе можно было назвать этого почтенного человека, имевшего пять рабочих лошадей, двадцать дойных коров, полный сарай сельскохозяйственных машин, трех постоянных батраков и четырех батрачек? На лето он нанимал еще несколько сезонных работников и пастуха.

На его полях и лугах работали батраки и батрачки, а сам Тауринь только похаживал да распоряжался. Если ему что-нибудь не нравилось в их работе, он не бранился, как другие кулаки, не орал и не топал ногами, а спокойно говорил лишь несколько слов, но этих слов работники боялись больше самых грубых ругательств. Редкий работник или работница выражали желание остаться в Ургах дольше Юрьева дня. Работники и бедняки-соседи прозвали Тауриня кровопийцей и живодером — наверно, эти прозвища были даны не без основания.

Хозяйка, Эрна Тауринь, происходила из зажиточной семьи, ее отцу принадлежал большой магазин возле шоссе, и именно тесть надоумил зятя взяться за торговлю лесом. Окружающие не могли только понять, почему эта женщина, у которой всего было вдоволь, оставалась такой бледной и тощей, будто она голодала.

— Иная жена батрака перебивается с хлеба на воду, а ходит с румяными щеками, а этой не помогает ни пареное, ни жареное — глиста глистой, — говорили про нее люди, — наверно, из породы ненасытных. Только и есть, что богатая одежда да острый горделивый нос.

Лишь один человек жил в Ургах уже пятнадцатый год и не собирался никуда уходить. Это был старый Лангстынь — садовник и пасечник, небольшого роста старичок с густой седой бородой до пояса. Большой знаток своего дела, он знал себе цену и не привык гнуть спину перед хозяином. Придя в усадьбу еще при старом Таурине, Лангстынь вырастил такой фруктовый сад и завел такую пасеку, что они стали не только украшением усадьбы, но и приносили владельцу изрядный доход. По этой причине молодой Тауринь, став хозяином в Ургач, не вмешивался в дела Лангстыня, а предоставлял ему действовать по своему усмотрению. Он даже побаивался этого старика: уж очень он был остер на язык и не раз говорил ему в глаза такие вещи, которые тот не привык выслушивать ни от кого, — о ненасытности хозяев, о выжимании пота, о том, что большинство здешних столпов пустомели. В подобных случаях Тауринь старался поскорее убраться, чтобы не вступать в спор со старым садовником.

Вот в такую усадьбу и к таким людям привезли однажды вечером Айвара. Утомленный дальней дорогой, он захотел спать, как только очутился в тепле. Его повели в кухню. Там было много полок с начищенной до блеска металлической посудой. На белой изразцовой плите в золотистой медной кастрюле варилось что-то удивительно вкусное; от запаха пара Айвар сразу почувствовал голод.

Эрна Тауринь сказала молодой толстушке-прислуге, готовившей ужин:

— Вот тебе еще один жилец, Ирма. Дай ему поесть, а потом приготовь постель в маленькой каморке. Нам с хозяином ужин подай в большую комнату.

— Сейчас, сударыня? — спросила Ирма.

— Не в полночь же! — резко сказала хозяйка и вышла из кухни.

— Тебе придется немножко подождать, пока я подам ужин хозяевам, — заговорила с Айваром Ирма. — Сними пальтишко и полейся у плиты. Пока закуси вот этим...

Она отломила кусок ватрушки и, положив на стол перед Айваром, стала вынимать из духовки всякую еду: оладьи, жареное мясо, соус, яичницу. Поставив все это на поднос, она понесла ужин в большую комнату. Вернувшись в кухню, Ирма увидела, что Айвар уже съел ватрушку и не знает, куда девать свое старое пальто.

— Давай сюда... — весело сказала девушка. Взяв пальтишко Айвара, она вынесла его в переднюю и повесила подальше от одежды Тауриней. В маленькой каморке рядом с кухней она приготовила постель Айвару, в соседней такой же каморке стояли кровать и шкаф Ирмы.

В ожидании, когда поедят хозяева и остатки еды достанутся ей с

Айваром, Ирма стала расспрашивать мальчугана: как его зовут, откуда он, где родители и как он попал в Урги? Осмелев от ласкового обращения девушки, Айвар рассказал ей о себе все, что знал.

— Значит, все равно, что сирота... — заключила Ирма. — У меня тоже нет родителей, только я потеряла их несколько позднее. Ну, ничего, Айвар, здесь ты одиноким не будешь. В Ургах есть ребята, такие же, как ты. Друзей у тебя хватит.

Хозяева наконец поужинали, и Ирма могла убрать со стола.

— Вначале не давай этому мальчишке есть слишком много, — поучала Эрна Тауринь, — а то еще заболит.

Оставшись одна с мужем, она сказала:

— Я думаю, что пока Ирма одна справится с Айваром. Пусть она на первых порах его одевает и кормит — не такой уж он младенец. Я совсем не знаю, как обходиться с такими детьми. Ирма до нас служила в нянях.

— Понятно, Эрна... — согласился Тауринь. — Если мы его приняли на воспитание, это еще не значит, что мы должны стать его слугами. Баловать не в моем духе.

— Я тоже не признаю этого, — добавила Эрна. — Баловством только испортишь ребенка.

Невзирая на запрет хозяйки, Ирма сразу же разрешила Айвару есть сколько ему захочется, а потом, заботливо укрыв, уложила спать и оставила дверь на кухню полуоткрытой. Айвар моментально уснул.

Ночью он проснулся и вначале не мог понять, где он. Рядом не храпели мальчишки Коциня, не кусали прусаки а кровать была мягкая и теплая. Он вспомнил поездку в удобной рессорной бричке по окаменевшей от мороза дороге и двух чужих людей, которые привезли его сюда. Тогда он успокоился и, немного поворочавшись в кровати, снова заснул и уже не просыпался до утра.

В первый день Айвару выходить из дому не разрешили: Тауринь уехал в город, и Эрна посоветовала купить кое-какую одежду и обувь для Айвара.

— Хотя и не свой ребенок, но таким оборванцем его нельзя показывать людям. Ничего особенного не надо, лишь бы был чистым и здоровым.

Как животное, которое хотят приручить, чтобы оно привыкло к новому месту, Айвара в тот день особенно не тревожили. Справившись, как он спал, хозяйка оставила его на попечении Ирмы. Та помогла ему одеться и показала, где и как умыться, затем накормила, ласково поговорила с ним и разрешила осмотреть и потрогать каждую вещь в кухне, поясняя, для чего они нужны. Когда Эрна ушла на прогулку, Ирма показала Айвару все жилые комнаты в доме. Там было много прекрасных вещей: такие гладкие

и блестящие столы и шкафы, что в них можно было смотреться, как в зеркало, а на стенах висели картины и большие часы.

В одной из комнат все стены были увешаны рогами оленей и скрещенными ружьями, а в углу стояли чучела птиц.

— Теперь ты видишь, Айвар, как живут господа... — сказала Ирма, когда они вернулись в кухню. — В наших каморках таких вещей нет, а если бы ты пошел в людской дом, то увидел бы сырые клетушки.

— А кто там живет? — спросил Айвар.

— Батраки и работники — те, кто зарабатывает хозяину все это добро, — пояснила Ирма. — У них никогда не будет ни хороших вещей, ни красивой одежды. Твои родители тоже из батраков, — разве у вас было что-нибудь хорошее?

Айвар представил себе старую батрацкую избушку в Лаверах — он еще помнил каждую вещь в кухоньке и в комнате, — действительно, там все было старое, изношенное... но там была мать, маленькая, всегда серьезная женщина, которая одевала и кормила его, и отец... большой, сильный и всегда ласковый. Однажды ночью его увезли чужие люди.

Грусть снова охватила сердце Айвара. Он сжал губы, чтобы не расплакаться, но удержать слезы ему не удалось.

— Почему ты плачешь, Айвар? — спросила Ирма. — С тобой что-нибудь случилось?

— Папа... — ответил он, тяжело и прерывисто дыша. — Мне хочется к нему... домой...

— Теперь нельзя, мальчик, — успокаивала его Ирма. — Когда-нибудь он придет. Ты его жди и не забывай.

Девушка взяла полотенце и вытерла слезы мальчику, потом сказала:

— Не плачь, Айвар. Хозяйка рассердится, если увидит. Она не любит, когда плачут. Лучше погляди в окно, как играют другие дети.

На другой стороне двора, у людского дома, бегали и кричали несколько девочек и мальчиков; один был с Айвара, остальные поменьше. Айвар долго наблюдал за игрой детей и постепенно забыл о своем горе.

— А ты читать и писать умеешь? — спросила Ирма. — Будущей осенью ты пойдешь в школу.

— Меня папа научил, — ответил Айвар. — В Коцинях у Мики были книжки. Иногда и мне разрешали почитать. Там были интересные сказки про зверей и птиц. Писать я умею чуть-чуть.

— Ничего, Айвар, до весны я тебя научу, — обещала Ирма. — Скоро я тебе принесу красивую книгу с картинками. Тогда ты сможешь читать.

Ласковое отношение Ирмы быстро расположило к ней мальчика, и с

первых же дней он привязался к девушке. Хозяин с хозяйкой ему тоже ничего плохого не делали, но они никогда не говорили с ним так ласково и задушевно, как Ирма, поэтому он немного побаивался их и не умел разговаривать с ними так свободно и смело, как с Ирмой.

Вечером из города вернулся Тауринь и привез Айвару простой полушерстяной костюмчик с короткими штанишками, ватное пальтецо и две пары обуви — резиновые туфли и резиновые сапожки. На следующее утро его одели в новую одежду, и Эрна позволила ему погулять.

Робко ходил Айвар вокруг дома, не осмеливаясь подойти к детям, которые катались на замерзшем пруду, хотя ему и очень хотелось поскользнуть по льду. Таким расстроенным увидел его старый Лангстынь, который направлялся в сад закутывать тряпками молодые деревца. Вначале Айвар испугался бородатого старика, но когда тот состроил смешную гримасу и дружески улыбнулся, страх его пропал.

— Нравится тебе у нас? — спросил Лангстынь.

— Не знаю, дедушка... — застенчиво ответил Айвар.

— Яблоки любишь?

Айвар утвердительно кивнул головой и потупил глаза.

— Тогда приходи ко мне в мастерскую, вон туда, в конце конюшни. Я тебя угощу такими сладкими яблоками, каких ты еще не едал. А почему ты не играешь с ребятами?

— А может быть, им не хочется со мной играть.

— Ну и пустяки ты говоришь! — засмеялся Лангстынь. — Почему же им не играть с тобой? — он повернулся в сторону пруда и крикнул: — Инга! Поди сюда!

И сейчас же светловолосый мальчуган подбежал к Лангстыню.

— Зачем звали, дядя Лангстынь? — спросил он, внимательно оглядывая Айвара.

— Вот тебе еще один товарищ, — ответил Лангстынь. — Веди его на пруд и прими в свою ватагу, а после, когда вдосталь набегаетесь, приходите ко мне в мастерскую.

Инга взял Айвара за руку.

— Пойдем.

За каких-нибудь полчаса Айвар перезнакомился и подружился со всеми детьми. У Инги была маленькая сестра, моложе его на два года. Отец Инги — Регут — работал у Тауриня батраком. Другие дети тоже были детьми батраков Тауриня — Ансис и Лида Риекстыни и Робчик Иесалниек, еще совсем малыш, с ним таким «парням», как Инга и Айвар, даже и не пристало водиться. А вот Айвар и Инга, как только познакомились, сразу и

подружились, у обоих сразу же нашлись общие интересы.

Побегав некоторое время по льду вместе с ребятами, Инга и Айвар убежали. Инга показал своему новому другу все, что в Ургах казалось ему достойным внимания: каретник, машинный сарай, конюшню и коровник, полный коров. После этого он повел его в людскую избу и показал комнату Регутов. В ней было одно окно, сырые стены, покрытые плесенью; в углу, за печью, стояла старая кровать, а на почерневшей кирпичной лежанке сушилось несколько пар носков и зачиненные варежки. Воздух был тяжелый, пахло дымом. Все остальное напоминало Айвару их комнатенку в батрацкой избушке в Лаверах.

— Ты заходи когда-нибудь ко мне, — сказал Инга. — К тебе в хозяйский дом я приходить не могу.

— Почему? — удивился Айвар.

— Хозяину с хозяйкой не нравится, когда в дом заходят батрацкие дети, — объяснил Инга. — Они нас прогоняют. А сюда ты можешь приходить смело.

Инга показал Айвару свою книгу для чтения и тетрадь, половина страниц ее была исписана большими корявыми буквами.

— Ты это сам писал? — спросил Айвар.

— Ну конечно, я, — не без гордости ответил Инга. — Айна еще не умеет писать. А ты умеешь?

— Немного умею.

— Тогда будущей зимой мы с тобой вместе в школу пойдем.

Когда они снова вышли во двор, у конюшни какой-то молодой плечистый мужчина распрягал лошадь. Заметив ребят, он весело кивнул им головой, внимательно взглянул на Айвара, но ничего не сказал.

— Кто это? — спросил Айвар у Инги.

— Мой папа...

Айвар еще раз внимательно взглянул на мужчину. «Какой он большой и широкоплечий... такой же, как мой папа... Нет, мой папа был еще больше...»

Они посмотрели, как Регут отвел лошадь в стойло, потом пошли к старому Лангстыню: его мастерская находилась тут же, возле конюшни.

Старик стоял у столярного верстака и строгал доску. Пол мастерской был устлан свежей стружкой, а в углу стояло несколько полуготовых ульев.

— Ну что, набегались? — встретил их старик. — Теперь не вредно будет полакомиться.

Лангстынь открыл ящик, разворошил сухое сено и вытащил два больших румяных яблока.

— А ну, закусите.

Ребята жадно принялись за яблоки, наблюдая, как Лангстынь, попыхивая маленькой глиняной трубочкой, строгал доску. Потом он распилил конец одной доски на мелкие разной формы кусочки и показал ребятам, как строить из них разные фигурки и сооружения. Так же, как вчера Ирма, Лангстынь не спеша спрашивал Айвара про его прежнюю жизнь, по временам побрякивая и глубокомысленно ворча себе в бороду:

— Так, так, вот как... Вон как...

Наконец старик сказал:

— Тогда ты нашего поля ягода, кость от нашей кости. Если только не испортят тебя господские харчи... Ну, ничего, держись ближе к нам, тогда тебе жить будет теплей. От тех клещей... — он кивнул в сторону хозяйского дома, — ты никакой любви не дождешься. У них в голове одна дума: как бы побольше нажать добра чужими руками.

Айвар тогда еще не понял, что хотел сказать Лангстынь, осмыслил он эти слова гораздо позднее.

Поиграв с Ингой и поболтав с Лангстынем, Айвар пошел домой. Он пообедал вместе с Ирмой в кухне, и только под вечер ему удалось снова выскользнуть из дому. Он сразу же разыскал в людском доме нового друга. В тот вечер Инга научил Айвара игре в «ричу-рачу».

Перед сном Эрна Тауринь сказала Айвару:

— Ты во всем должен слушать меня и хозяина. Если ты куда-нибудь хочешь пойти, надо раньше попросить у нас разрешения. Мне не нравится, что ты водишься с этим мальчишкой — Ингой: он грубый и озорной.

Айвар кивнул головой в знак того, что понял, чего от него хотят, но об Инге Регуте у него сложилось совсем иное представление, чем у хозяйки.

11

Только через полтора года Ильза Лидум узнала, что случилось с братом. За это время она ни разу не отлучалась из местечка, а люди Айзупской волости здесь появлялись редко. Ян и раньше, бывало, не писал по несколько месяцев, и его молчание не удивляло Ильзу — не любил брат писать письма.

Вернувшись однажды вечером с работы, она увидела в газете сообщение о суде над Яном.

гласил жирный заголовок. Дальше следовало краткое описание судебного процесса. Яна Лидума обвиняли в принадлежности к «антигосударственной» террористической организации, которая якобы ставила своей целью подорвать существующий государственный строй с помощью вооруженного восстания. Хотя суд и не мог ничего доказать, но все же, основываясь единственно на агентурных сведениях, присудил Лидума к десяти годам каторжных работ.

— Десять лет... — с отчаянием прошептала Ильза, перечитывая статью. — Все лучшие годы пропали... Несправедливый и жестокий приговор... но разве впервые такой приговор выносится в белой Латвии... Как же будут жить Ольга с Айваром? Бедные, несчастные... И так никакого счастья они не видели, а теперь новая беда.

В тот же вечер Ильза написала Ольге письмо, от первой до последней строчки полное участия и любви. От чистого сердца она предлагала невестке помощь, сообщала, что готова взять Айвара к себе и заботиться о нем, — Артуру и Айвару будет лучше расти вместе.

Ильза послала заказное письмо в усадьбу Лаверов. Через неделю оно вернулось с пометкой, что адресат выбыл. Ильза не успокоилась, написала второе письмо в адрес Айзупского волостного правления с просьбой сообщить местожительство невестки, даже марки приложила для ответа. Через несколько недель пришел краткий стереотипный ответ: «Ольга Лидум вычеркнута из списков жителей волости, несколько месяцев тому назад выехала отсюда, и ее теперешнее местожительство неизвестно».

Тогда Ильза поместила в газете краткое объявление: «Если кому известно что-нибудь об Ольге Лидум и ее сыне Айваре, проживавших до прошлой осени в Лаверах Айзупской волости, прошу сообщить сестре ее мужа Ильзе Лидум по адресу...»

Никто не откликнулся на это объявление. Молчал и Ян — ему, по всей вероятности, была запрещена переписка. В конце зимы к Ильзе явился один из товарищей Яна, это был дорожный рабочий Мартын, и рассказал, что ему было известно об Ольге и Айваре.

— Из Лаверов их выгнали сразу после ареста вашего брата. Вначале у нас были сведения, что они уехали к каким-то богатым родственникам, но позднее, когда удалось наладить связь с Яном, стало известно, что никаких богатых родственников у них нет. При помощи товарищей мы установили, что некоторое время они жили в соседней волости у какого-то кулака. Там

ваша невестка погибла при несчастном случае — на нее опрокинулся воз и задавил ее. Мальчика волость отдала на воспитание в семью какого-то крестьянина, а несколько месяцев спустя его усыновила бездетная пара и увезла к себе в другую волость. Куда именно — этого мы еще не узнали, — волостное правление отказывается выдать справки. Может, вам, как близкой родственнице, они что-нибудь и скажут. Что вы думаете делать? Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам?

— Спасибо, пока никакой помощи не надо, — сказала Ильза. — При первой возможности я направлюсь туда и не отстану до тех пор, пока мне не скажут, куда девался Айвар. Я своего племянника не оставлю у чужих, кто бы они ни были.

Вскоре Ильза получила отпуск и, оставив Артура на попечение одной из работниц их предприятия, отправилась в путь. В Кукажах ей рассказали про смерть Ольги. Судмалиене показала и могилку Ольги, обещала весной убрать ее. В усадьбе Коцини Ильза убедилась, что обитатели этой усадьбы знают о дальнейшей судьбе Айвара столько же, сколько она сама, а писарь Друкис, к которому она обратилась в последнюю очередь, отказался вступать с ней в какие бы то ни было разговоры.

— Ребенок усыновлен, и делу конец, — грубо заявил он. — По закону мы не имеем права выдавать какие-либо справки родственникам усыновленного ребенка, таков закон, и нарушители его строго караются. Будьте здоровы...

— Я обращаюсь в суд, — попыталась пригрозить Ильза.

— Хоть к самому президенту — никто вам не поможет, — ухмыльнулся Друкис — Или тогда надо изменить закон.

Ничего не добившись и ничего не выяснив, Ильза вернулась в местечко. Адвокат, к которому она пошла на следующий день, посоветовал ей примириться, так как здесь ничем помочь нельзя.

В глубоком отчаянии Ильза написала письмо Яну и рассказала все, что знала о судьбе Ольги и Айвара, но ответа не получила. Ян, по всей вероятности, содержался в особо строгих условиях. Прождав недели две, она послала второе письмо. А месяцем позднее, не дождавшись ответа, с большим трудом выбралась в Ригу и, приготовив передачу, понесла в Центральную тюрьму. Там она узнала от помощника начальника тюрьмы, что сейчас Ян Лидум лишен права на передачи и свидания; единственное, что она может сделать, — это внести несколько латов на имя брата: когда закончится его «черный месяц», он сможет их получить.

Огорченная и подавленная, вернулась Ильза в местечко и решила через месяц снова попытаться встретиться с братом. Возможно, ей и удалось бы

осуществить свое решение, если бы внезапно в их жизнь не ворвалось непредвиденное обстоятельство, которое принесло Ильзе и Артуру новые трудности...

12

Артур быстро рос и все больше походил на мать. В шесть лет он уже научился читать, и для него не было большей радости, более увлекательного занятия, чем читать сказки и узнавать все, что там рассказывалось про зверей, гномов и красавицу-принцессу, которую злые люди заставляли страдать, а храбрый принц освобождал. Мальчик придумывал разные игры и часами играл один, а если, случалось, вечером после работы и Ильза играла с ним, радости Артура не было предела.

Мать не хотела, чтобы сын ее рос дичком, поэтому советовала ему играть с другими детьми. Товарищей по играм у него в местечке хватало, но ни с одним мальчуганом или девочкой он не мог подружиться так, как в свое время дружил с Айваром. Долго не забывал он зиму в Лаверах и не терял надежды, что когда-нибудь к ним приедет Айвар. Как они весело будут бегать по полям и лугам, сколько расскажут друг другу!

Мать и сын жили простой, скромной жизнью. Ее нельзя было назвать легкой, были в ней трудности и заботы, но света и тепла тоже хватало. Самоотверженная любовь Ильзы солнцем озаряла детство Артура, он рос жизнерадостным, и характер его под влиянием ласковой матери складывался светлым и ровным.

Кроме работы на лесопилке, Ильза кое-что прирабатывала на стороне: собирала ягоды, грибы, стирала белье, а в длинные зимние вечера занималась рукоделием — вязала для жен местных богачей всякие замысловатые вещи. Это давало возможность кое-как перебиваться.

Ни трудная работа, ни тяжелые жизненные испытания ничего не могли поделаться с румяными щеками и стройной фигурой Ильзы. К двадцати семи годам она только по-настоящему расцвела, и редкая женщина в местечке не смотрела ей вслед с завистью, когда она, накинув на плечи платочек, всходила по воскресеньям погулять с Артуром. Но еще меньше было мужчин, способных равнодушно пройти мимо нее, и один из тех, кто воспылал к ней страстью, был владелец лесопилки, мельницы и шерстечесалки — Блумберг, самый богатый человек в местечке и в ближайшей округе. Весною ему стукнуло пятьдесят лет; его юбилей высшие слои местного общества отметили пышным банкетом и

всевозможными чествованиями. Сын его учился в университете, дочь была замужем за старшим лесничим, что, конечно, не вредило лесопилке, а жена каждое лето лечилась в Кемери. Когда весной на деревьях и кустах начали распускаться почки, расцвело и сердце Блумберга, и почтенный промышленник стал взволнованным и неуравновешенным. Ежедневно раз по десять он заворачивал на лесопилку и находил всякие поводы, чтобы некоторое время побыть возле Ильзы, укладывающей в небольшие штабеля только что напиленный штакетник для заборов. Однажды, улучив момент, когда вблизи никого не было, он сказал Ильзе:

— Зайдите сегодня часиков в восемь в контору. Мне надо вам кое-что сообщить.

— В восемь? — удивилась Ильза, зная, что контору закрывают в шесть часов, а в восемь там обычно нет ни одной живой души — все предприятия Блумберга работали только в одну смену.

— Да, в восемь, — повторил Блумберг. — Прошу не забыть.

Сказав это, он ушел и больше в тот день не показывался на лесопилке.

В пять часов Ильза кончила работу. По дороге домой она зашла в лавку. Дома отмыла выпачканные смолой руки, приготовила ужин. Артур, бегавший целый день на улице, сильно устал и вскоре после ужина уснул.

В назначенное время Ильза явилась в контору. Открыл ей сам Блумберг. Больше никого в конторе не было.

— Садитесь... — сказал хозяин, указывая на стул по другую сторону письменного стола. Сам он расположился в директорском кресле и, достав папиросу, закурил. Когда Ильза села, он спросил: — Скажите, сколько вы у нас зарабатываете?

— Полтора лата в день, — ответила Ильза. — Женщинам больше не платят.

— Да, это обычный женский тариф, — согласился Блумберг. — Полтора лата в день... за месяц выходит что-то около тридцати шести — тридцати девяти латов. А сколько вы платите за квартиру?

— Десять латов в месяц... — сказала Ильза, удивляясь внезапному любопытству Блумберга: до сих пор не было слышно, чтобы хозяин интересовался условиями жизни своих рабочих.

— Но ведь тогда на жизнь в среднем не остается даже лата в день, — заключил владелец лесопилки. Склонив на грудь круглую голову с коротко остриженными седоватыми волосами и сложив руки на солидном брюшке, обтянутом темно-синими шерстяными брюками и жилетом, он что-то подсчитал в уме и затем внезапно, не скрывал удивления, посмотрел на Ильзу. — На это ведь вы не можете просуществовать. Не может быть,

чтобы вы обходились только этим.

— Нет, я еще кое-что прирабатываю, — ответила Ильза.

— Ах так, прирабатываете? — Блумберг казался весьма заинтересованным. — Каким образом?

— Собираю грибы, ягоды, стираю белье, рукодельничаю.

— Правда? А я думал, что... — в голосе Блумберга послышались нотки разочарования. — Молодой женщине в ваши годы... и с вашей наружностью совсем не надо так утруждать себя, чтобы жить прилично. Ходить по грибы, по ягоды, ха, ха, ха!..

— Господин Блумберг, по какому делу вы пригласили меня? — тревожно спросила Ильза.

— А как вы думаете, какое может быть дело? — усмехнулся Блумберг, устраиваясь поудобнее в кресле.

— Не знаю, — ответила Ильза, хотя именно сейчас она начала понимать намерения Блумберга.

— Ну ладно, не буду затягивать, — сказал Блумберг. — Если говорить коротко — я желаю вам помочь. То, что вы прирабатываете этими грибами, ягодами и прочими мелочами, я готов вам уплатить из своего кармана... может, даже больше. Но за это... — он немного помедлил, стараясь угадать, какое впечатление произвели на Ильзу его слова, — но за это вы должны оказать маленькую любезность. Вы знаете... моя жена прихварывает. А мне еще хочется жить — ведь это совершенно естественно. Вы молоды, красивы. Приходите иногда ко мне на свидание, попозже вечером... к кустам у речки. Разрешите иногда навестить вас дома... конечно, никто не должен об этом знать. Скажите «да», и у вас будет лучший друг в мире.

— Нет... — резко ответила Ильза и встала. — Вам придется поискать другую.

— Что вы говорите? — воскликнул Блумберг с неподдельным изумлением. — Вы отказываетесь от моего предложения?

— Да, господин Блумберг. И я попросила бы вас никогда больше о подобных вещах со мной не говорить.

— Да понимаете ли вы, какую возможность вы упускаете? Вы могли бы жить без забот. Из ста женщин девяносто девять посмотрели бы на это как на величайшее счастье.

— Господин Блумберг, у меня нет времени. Разрешите мне уйти.

— Уйти? — простонал Блумберг. — Я не могу... я не могу обойтись без вас. Вы мне... нужны! Неужели вы этого не понимаете? Ведь никто ничего не узнает.

Он загородил Ильзе дорогу — огромный и страшный, как голодный

зверь.

В сердцах он выхватил свой бумажник и так швырнул его на стол, что из него выпали и рассыпались деньги.

— Все это вы можете взять! Хоть сейчас! Только не уходите, остановитесь... сжальтесь надо мной...

Он подскочил к Ильзе, обхватил ее и попытался поцеловать. Ильза дала ему пощечину — точно так же, как тому кулаку у Змеинового болота, который приставал к ней на сеновале.

Удар был сильный — у Блумберга из носа пошла кровь. Пока он старался унять ее, Ильза выскочила на улицу.

На следующее утро ее уволили. В тот же день хозяин дома, где она жила, предупредил, что с первого числа помещение нужно ему самому, пусть поищет себе другую квартиру.

Опять молодость и красота Ильзы доставили ей горе, поэтому ей снова пришлось пуститься в путь-дорогу и искать нового пристанища.

Через несколько дней она с Артуром перебралась в уездный город и поступила на работу в прачечную. Там ее никто не знал.

Глава третья

1

Хозяин усадьбы Сурумы Антон Пацеплис надеялся, что выгодный брак поможет ему поправить запущенное хозяйство. Женившись на дочери богатого кулака Мелдера, он породнился с видной семьей, имевшей вес в волости. Старый Мелдер даже был несколько лет волостным старшиной, а в последнее время подвизался в местном обществе взаимного кредита, Антон рассчитывал, что старик поможет ему стать каким-нибудь должностным лицом. Человек, от которого зависело распределение кредитов, в первую голову выкроит кое-что для себя, а лишние деньги в Сурумах уже давно были нужны как воздух.

Но все обернулось не так, как надеялся Антон. Лина Мелдер получила в приданое две дойные коровы, полный сундук полотна и ровно столько денег, сколько было необходимо на приличную свадьбу, — с остальным старый Мелдер велел подождать. Зятя он не стал устраивать ни на какие должности, только обещал каждый год выдавать Лине небольшое денежное пособие, чтобы она не зависела в мелочах от мужа. Главная добыча, на которую больше всего надеялся Антон — богатая усадьба Мелдеров, — на неопределенное время осталась только приятной мечтой. И нельзя было даже с уверенностью сказать, исполнится ли она когда-нибудь. Мелдер объявил, что он сделает своим наследником старшего сына Лины, но и тот вступит в права только по достижении совершеннолетия.

«Ну а если у Лины будут рождаться одни девочки, что тогда? — с тревогой думал Антон. — Наверное, в таком случае тесть поищет наследника среди других родственников Настоящий скряга, сидит, как собака, на своем золоте, сам не пользуется и другим не дает». Знать не желает что тут же, рядом, находится человек, который хорошо понимает, что можно взять от жизни, когда есть деньжата. Эх, дали бы только ему волю: сам бы повеселился и других бы потешил. За полными кружками пенистого пива проводил бы он дни, с утра до вечера напевая:

Ну, катитесь, ну, катитесь,
Тестюшкины рубрики!

Жестокость Мелдера огорчала Антона, но он старался не выказывать этого, чтобы не смешить соседей, — уж и так некоторые, ухмыляясь, говорили, что молодой Пацеплис крепко просчитался, женившись на некрасивой Лине.

Родители Антона были еще живы. Они разделяли горести своего единственного сына, советовали запастись терпением — авось старый Мелдер, увидев серьезное отношение зятя к хозяйству, изменит решение и расщедрится. Лезть на стенку и ссориться с тестем во всяком случае было неразумно.

Антон принял во внимание мудрые советы родителей. Первое время после свадьбы он воздерживался от развлечений: не ходил по кабакам, не дрался на вечеринках, в будни не шатался без дела по волости. Если уж очень хотелось выпить, просил Лину на обратном пути с молочного завода прихватить бутылочку — ведь у нее не было большей радости, как угодить красивому мужу, в которого она все еще была сильно влюблена. Получив бутылку, Антон забивался в укромный уголок — в клеть или на сеновал — и в полном одиночестве услаждал свою однообразную, незавидную жизнь. Конечно, в компании пить гораздо приятнее, но тогда слава пьяницы пойдет по всему свету и, между прочим, достигнет ушей скупого Мелдера. Ничего не поделаешь, приходится пить в одиночку.

Антон стал уделять гораздо больше внимания хозяйству: починил изгородь скотного двора, сделал несколько новых мостиков через канавы, позвал печников и велел замазать дымившую старую печь; но это было каплей в море запущенности и разрухи, кратковременный отчаянный порыв не мог изменить к лучшему положение в Сурумах.

Нужны были деньги, много денег, и в первую очередь следовало обуздать неумолимые воды Змеинового болота, которые из года в год наступали на земли Сурумов и других крестьян. Однако никаких денег у Пацеплиса не было, а кроме того, борьба с болотом не по плечу одному человеку, — здесь нужна коллективная сила многих людей. Антон понимал, что ему не дано ничего изменить, поэтому сдался без борьбы.

Еле держалась на пригорке поставленная еще предками изба, покосившаяся набок, с маленькими низкими оконцами, с дырявой соломенной крышей, и не было смысла заниматься ее починкой, следовало строить новый дом. Полуразвалившийся хлев держался только благодаря многочисленным подпоркам; коровы стояли по брюхо в навозе и круглый год ходили такие грязные, что трудно даже было определить их масть. На лугу, кроме жесткой болотной осоки, ничего не росло, а летом, когда косарь выходил на работу, земля колыхалась под ним и болотная жижа обдавала

ноги. Кустарник отвоевывал обратно поля, которые человек когда-то отнял у него. У дома росло без всякого ухода несколько фруктовых деревьев и кустов сирени. Две лошади, три коровы, свинья и несколько овец — вот все, что можно было держать на шестидесяти пурвиетах усадьбы Сурумы.

— Не стоит надрываться... — решил Антон и оставил все по-старому. В глубине души Лина тоже считала, что не всю жизнь придется провести в Сурумах, а поэтому лучше, если муж сохранит силы для благоустроенных полей Мелдеров.

Она слышала о грехах молодости Антона, знала, что какая-то девушка родила от него, но ей и в голову не приходило посоветовать мужу помочь той. Старые проказы — дело прошлое; сегодня Антон — ее законный муж, и надо делать все, чтобы их жизнь не тревожили тени былого.

Меньше чем через год супружеской жизни, поздней осенью, Лина подарила Антону сына — здорового, крепкого мальчика, которого назвали Бруно. Родители были очень счастливы. Старый Мелдер подарил на радостях зятю деньги на новый костюм. Но счастье скоро омрачилось большим горем: Лина схватила родильную горячку и умерла, не успев помянуть сына.

Мелдеры хотели немедленно взять маленького Бруно к себе на воспитание: мать Лины чувствовала себя достаточно бодрой, чтобы вынянчить внука, но тут Антон ответил таким категорическим «нет», что дальнейший разговор об этом стал невозможным. Его соображения были просты: если мальчика отдать Мелдерам, они будут заботиться только о нем и забудут, что у будущего хозяина усадьбы Мелдеров есть отец, которому также кое-что необходимо в жизни. Если же Бруно останется под родительским кровом, дед и бабушка окажутся в некоторой зависимости от Антона и, желая помочь внуку, будут вынуждены поддерживать и отца.

Старая Сурумиене^[9] сама нянчила и кормила Бруно, а Антону посоветовала скорее присмотреть себе новую жену.

— Неизвестно, долго ли я еще проживу, — говорила она. — Без хозяйки весь дом развалится. Хорошо еще, что я справляюсь с ребенком, а кто же будет заботиться о скотине, о кухне? Ты еще молодой, зачем тебе оставаться вдовцом, надо, сынок, жениться.

Антон Пацеплис и сам понимал, что матери одной не справиться с хозяйством, но выгодная женитьба была делом нелегким. Он не хотел брать первую попавшуюся девушку. Вот если бы опять удалось найти какую-нибудь хозяйскую дочь с приданым... Антон готов был жениться даже на вдове, но богатой и не очень старой, — исключение можно допустить только для очень богатой вдовы.

Он стал разыскивать, расспрашивать, пускался в ближние и дальние разведки, откликался на газетные объявления и сам поместил объявление в «Яунакас Зиняс»,^[10] но ничего подходящего не встречалось. Посылал сваху к двум хозяйским дочкам, но получил отказ. Одной вдове Антон сам открыл сердце и по всем правилам хорошего тона просил руки — и опять неудача. Одну девицу ему почти удалось уговорить, но когда она приехала в Сурумы познакомиться с семьей и усадьбой жениха, у нее пропала всякая охота стать там хозяйкой.

Видя, что сыну не везет, и признав его действия недостаточно энергичными, старая Сурумиене слегла и объявила, что дни ее сочтены. Понимая, что в случае смерти матери не будет никакой возможности удержать у себя Бруно и придется отказаться от надежд на помощь Мелдера, Антон снова заметался по волости. Убедившись наконец, что с богатыми невестами ничего не получается, Пацеплис обратил свои взоры на более обыкновенных девушек и нашел наконец новую жену.

Это была молодая девушка по имени Кристина, служанка на мызе пастора Рейнхарта. По виду ее нельзя было даже сравнивать с покойной Линой: красивая, стройная, только характером слишком тихая и робкая.

Старые Сурумы поморщились, узнав, что избранница сына происходит из батрацкой семьи, но в конце концов примирились с выбором Антона: в Сурумах прежде всего нужна была даровая работница. Урожденную хозяйскую дочь нельзя было эксплуатировать, как простую батрачку. Через тринадцать месяцев после свадьбы с Линой Мелдер Антон Пацеплис снова стоял перед алтарем, и золотое обручальное кольцо, которое пастор Рейнхарт в свое время надел на палец Лины, перешло ко второй жене хозяина Сурумов. Старые Мелдеры шипели от злости и стыда, что зять, не выдержав положенного срока после смерти их единственной дочери, снова женился, но изменить ход событий не могли.

Сурумиене сразу же после свадьбы сына, которую на сей раз сыграли тихо и скромно, выздоровела и поднялась с постели, так как в доме нужен был человек с опытом, знавший, как надо распоряжаться и извлекать пользу из работницы.

2

Подойв обеих коров — третья еще не отелилась, — Кристина процедила молоко и слила утренний удой в большой бидон, оставив только пол-литра для маленького Бруно. Услышав, что невестка уже возится около

плиты и тихо переставляет посуду, Сурумиене высунула седую голову в дверь и зашипела:

— Нельзя ли потише! Еще ребенка разбудишь...

Кристина вздрогнула и виновато опустила глаза, будто действительно допустила большую оплошность.

— Что готовить к завтраку? — немного погодя спросила она, видя, что свекровь все еще наблюдает за ней. В длинной рубахе, босая, растрепанная, старуха казалась настоящей ведьмой. Беззубый, впалый рот с плотно сжатыми губами злобно кривился, подслеповатые глаза глядели холодно и пытливо.

— Завари мучную кашу и поджарь всем по ломтику мяса, я вчера нарезала; возьми сама в чулане на полке.

— Разве там для всех хватит? — необдуманно спросила Кристина.

Старуха снова зашипела:

— А, тебе опять не хватает? Не можешь отвыкнуть от пасторских хлебов. Чего же ты пришла к нам, к таким простым людям, — надо было оставаться там. Мы бы уж как-нибудь обошлись без тебя.

Кристина ничего не ответила, но свекровь не уходила. Как вскочила в одной рубашке с постели, так и стояла в кухне, назойливо наблюдая за каждым движением невестки. Она смотрела, как та насыпала в чашку муку, как принесла из чулана нарезанные вчера ломтики свинины.

— Куда ты их кладешь? — крикнула Сурумиене, когда Кристина, не найдя свободного места, поставила тарелку с мясом на опрокинутое ведро. — Чтоб кошка стащила? Прямо как ребенку, все надо показывать. Неужто мать тебя ничему не учила?

Когда мясо на сковородке зашипело, старуха подошла к плите, оттолкнув невестку.

— Пусти меня, иначе опять пережаришь или оставишь с просырью. Могла бы принести хворосту, здесь не хватит, чтобы сварить свиньям варево, — и, схватив кухонный нож, стала передвигать и переворачивать побуревшие ломтики свинины.

Кристина вышла во двор, набрала полную охапку сухого хвороста, вернулась в кухню и опустила ношу на пол у плиты.

— Сколько раз говорила: приноси хворост с вечера, чтоб подсох, — но разве мои слова действуют? — ворчала свекровь. — Какая от такого хвороста польза — только шипит, дымит, а жара никакого.

К счастью в маленькой комнатке заплакал Бруно. Сурумиене сейчас же передала нож Кристине, обтерла руки подолом рубахи и поспешила к своему любимцу.

— Не забудь наносить воды в большой котел и начистить картошки, — напомнила она. — Хозяину сапоги тоже не вычистила... Опять поедет грязный, как медведь.

Ребенок кричал все настойчивее. Уже в дверях старуха состроила ласковое лицо, вытянула тонкие губы и зашамкала:

— Что с моим птенчиком? Наверно, постелька мокренькая? Иду, иду, мое золотце, иду... ты только не плачь, мой сладенький, хорошенький.

Но «сладенький, хорошенький» орал благим матом, пока бабушка не сунула ему в рот соску.

На некоторое время Кристину оставили в покое. Она спешила скорее приготовить завтрак и подать его на стол, чтобы старый Сурум и Антон сразу могли позавтракать, как встанут.

Ее не особенно беспокоила вечная ругань и ворчание свекрови: она с детства привыкла к тому, что ею помыкали чужие люди — иные грубо, другие более сдержанно. Привыкнув выполнять все, что ей приказывали, она не могла себе представить свою жизнь без вечного послушания, без угождения чужой воле. Ни один человек до сих пор не надоумил ее восстать против несправедливых требований, защищаться или возражать. Трудлюбивая и неумолимая, Кристина была на ногах с раннего утра до позднего вечера, и не было такого дела, с которым бы она не справилась. Прожив четыре месяца в Сурумах, она наперед знала, какая работа и в какое время ждет ее завтра, послезавтра, через неделю. Порядок здесь был такой же, как и в любой крестьянской усадьбе: ни один день не приносил чуда или неожиданностей. Несмотря на то, что она работала в усадьбе за всех, Кристина ни на минуту не чувствовала себя здесь хозяйкой. Сразу же после свадьбы Антон попросил, чтобы она не ссорилась с матерью.

— Не перечь ей, тогда она тебя скорее полюбит, — сказал он.

Но как ни старалась Кристина завоевать любовь старой Сурумиене, это ей не удавалось. Свекровь то и дело придиралась к невестке.

Неприятнее всего, когда другой человек заставляет тебя делать то, что ты уже делаешь или собираешься сделать без указки. В этом отношении никто не мог превзойти Сурумиене. На каждом шагу она старалась напомнить Кристине о ее зависимости, подчиненном положении, давала понять, что хозяйкой в Сурумах была и останется только она, а невестке нечего на это рассчитывать. Ключи от клетки и погреба хранились у свекрови, без ее ведома Кристина не могла взять ни капли молока. Даже у чужих людей, где она раньше служила, ей доверяли больше, чем здесь.

Как-то Кристина заикнулась об этом Антону.

— Разве нельзя устроить так, чтобы хоть в пустяковых делах

распоряжалась я сама? — жаловалась она. — Мне не нужна власть — пусть власть остается в руках матери, но если я тебе жена, скажи, чтобы она не обращалась со мной, как с батрачкой.

— Старые люди всегда так... — успокаивал ее Антон. Сам он относился к жене хорошо и даже ласково, но у него не хватало духа заступиться за Кристину. Конечно, и ему хотелось, чтобы мать знала меру и не держалась так властно с невесткой, но характер у Антона был не такой, чтобы он стал ссориться с матерью из-за жены.

— Я поговорю с нею, — обещал он Кристине и действительно попытался завязать разговор с матерью, но старуха оборвала его на полуслове.

— Ах, ей уже не нравится? — раскричалась Сурумиене. — Забыла, из какой грязи мы ее вытащили. Голую, нищую взяли, а она уже нос задирает, хочет гулять барыней. Вот она — благодарность! Только покажи, что тебе можно сесть на шею! Околпачит тебя, как глупого барана, и на старости лет нас всех из дому выгонит. Пляши, пляши, сыночек, под ее дудку, далеко пойдешь.

Антон сдался быстро. Он сам в глубине души думал, что Кристина не может требовать для себя таких условий, в которых жила Лина. Ведь та была хозяйской дочерью и с рождения привыкла к иному обхождению, у нее хозяйские замашки всосались в кровь с молоком матери, и их не выжечь огнем, не залить водой. А Кристина, наоборот, росла в батрацкой семье, с детских лет топтала навоз в чужих хлевах; с какой стати вдруг ее так баловать? Мать права — так только испортишь человека.

Все осталось по-старому. Сурумиене еще туже натянула вожжи. Еще безжалостней стала она тиранить невестку, смотрела на нее, как на низшее существо, хотя Кристина уже четыре месяца была членом семьи. Старый Сурум не имел своего мнения. Он давно подпал под влияние властолюбивой жены, во всяком случае он ни разу еще не сказал невестке ласкового слова, — Кристина не могла представить его улыбающимся.

Утром Антон с отцом в глубоком молчании садились за стол и, задумчиво посапывая, ни разу не взглянув друг на друга, завтракали. Когда мужчины, подкрепившись, выходили из избы, их место занимали женщины и доедали остатки.

Антон запряг лошадь и повез на маслобойный завод молоко, старый Сурум чинил возле сарая грабли. Апрельское солнце отражалось в мутной стоячей воде на лугах. Посвистывали скворцы, жаворонки рассыпали свои трели над полями, а в хлевах волновалась и мычала стосковавшаяся по

зеленому пастбищу скотина. Весь корм был съеден, оставалось не больше воза черного, сопревшего сена, а молодая трава не спешила всходить.

— Выпусти скотину и постой около нее, — сказала Сурумиене Кристине. — Хоть что-нибудь пощиплет.

Закутав Бруно в ватное одеяло, старуха уселась с ним на солнышке и равнодушно смотрела на черные, залитые талой водой поля. Только на полях Тауриня были видны пахари — там, на высоком месте, земля уже достаточно просохла.

Кристина выпустила скотину и, присев на большой валун, наблюдала, как коровы шарили мордами по голой земле. У них даже ребра торчали под длинной свалывшейся шерстью. Изголодавшиеся животные с жадной торопливостью спешили от одной кочки к другой, но им никак не удавалось захватить губами поникшую прошлогоднюю траву и утолить голод.

«Бедная скотина, — думала Кристина. — За что тебе такое наказание, почему тебе выпала доля жить в этой усадьбе, где тебя никто не любит?»

Го же самое она могла спросить и у себя. Ее молодость, свежие силы высасывал — каплю за каплей — чужой, враждебный ей мир. Не было никакой надежды, что эта вечная ночь когда-нибудь сменится светлым утром.

У дома на скамейке сидит старая женщина. Она качает и уговаривает раскапризничавшегося ребенка, не зная, какими еще нежными именами назвать его. Ведь он станет хозяином в Мелдерах. Правда, не скоро. Но уже сегодня он идол в этой мрачной усадьбе: его балуют, боготворят, за ним днем и ночью следят несколько человек — уже смотрят, как на будущего хозяина.

«Как-то будет расти мой ребенок?» — думает молодая женщина, прислушиваясь, как бьется под сердцем новая жизнь; будущая мать переживает одновременно глубокое счастье и еще более глубокую боль.

3

Поздней осенью 1922 года, в ненастную, ветреную ночь, когда северо-западный ветер нес над полями и лесами Видземе дождь со снегом, у Кристины Пацеплис родилась девочка, которую назвали Анной. Как только молодая мать поднялась с постели, Антон запряг лошадь в сани и повез жену с ребенком к старому Рейнхарту. Крестным и крестной были записаны зажиточный крестьянин — молодой Кикрейзис — с женой.

Кикрейзис был другом юности и верным собутыльником Антона. Вот и теперь, окрестив ребенка, они не в силах были проехать мимо корчмы. Пока они там подкреплялись, жены сидели в санях и ждали на морозе, когда их благоверным заблагорассудится продолжать путь. Кикрейзиене была лет на восемь старше Кристины, дома у нее бегало двое ребят — старшему, Марцису, было шесть лет, а Густу недавно исполнилось три года.

Померзнув с полчаса в санях, Кикрейзиене рассердилась и направилась было в корчму, чтобы пробрать своего мужа — она была строга с ним, — но в это время оба друга, нежно обнявшись, показали на пороге. У Антона в руках была бутылка вина, Кикрейзис нес кулек с конфетами.

— Милая женушка, мы сейчас затеяли обручение наших детей! — громко закричал Кикрейзис. — Распили магарыч, а теперь вам тоже придется с нами выпить. Антон, дай сюда бутылку!

— Что за обручение? — нелюбезно отозвалась Кикрейзиене. — Что ты плетешь, точно белены объелся...

— Да, свашенька, это уже решено раз и навсегда... — заговорил и Антон. — У вас сын, у меня с Кристиной дочь. Лет через двадцать справим свадьбу.

— Вот ветрогоны... — Кикрейзиене сердито сплюнула. — Кто его знает, что еще будет через двадцать лет.

— Тут ничего не поделаешь, милая женушка, — бормотал Кикрейзис — Уговор дороже денег. Нашему Марцису придется жениться на Аннушке, как мы порешили. На, отпей глоточек, и ударим по рукам с будущей родней.

Антон сунул в руку Кикрейзиене бутылку с вином и не отстал до тех пор, пока она не хлебнула как следует прямо из горлышка.

— Закуси... — бормотал заплетающимся языком Кикрейзис и услужливо поднес к самому лицу жены кулек с конфетами. — Бери побольше, чтобы хватило до дому сосать.

Кикрейзиене схватила целую пригоршню, потом кивнула на другие сани:

— Угости и Кристину! Дочка-то ее. Как знать, захочет ли она выдать ее за какого-то Марциса Кикрейзиса.

Антон уловил в ее голосе что-то вроде насмешки, но не подал виду.

— Что верно, то верно. Кристине тоже надо выпить с нами. И тогда пусть дочка растет на здоровье.

— Мне нельзя, — пыталась отговориться Кристина, когда Антон и Кикрейзис стали приставать к ней с вином. — Я ведь кормлю, мне нельзя пить.

— Это не волка — легкое клубничное вино, — объяснил Антон. — Этот сироп и больные могут пить.

Когда Кикрейзис стал величать ее сватьей и рассыпаться в пьяных любезностях, Кристина сдалась и поднесла бутылку к губам. Глотнув, она поперхнулась и закашлялась, а стоявшие рядом мужчины громко смеялись над ее смущением. После этого все уселись в сани и разъехались по домам, так как в Сурумах никаких крестин справлять не собирались — мать Антона не хотела.

Лошадь лениво трусила по дороге, и Антон все время подстегивал ее кнутом. Когда впереди, справа от дороги, показались яркие огни усадьбы Урги, Антон одной рукой обнял Кристину, лукаво посмотрел ей в глаза и заговорил:

— Ты счастливая мать, Кристина: дочь еще не ходит, а уже почти выдана замуж. Начинай думать о приданом...

Он громко, от души засмеялся и разбудил ребенка. От его смеха и ласкового прикосновения Кристине стало тепло и радостно. Давно она не чувствовала себя так хорошо, и вдруг ей показалось, что вместе с рождением Анныни в мире как будто посветлело и все люди подобрели. Может быть, самые тяжелые дни уже миновали и теперь наступит более счастливое время?

— Дай тебе бог беззаботное детство, — шептала Кристина, наклоняясь над ребенком, и ее вдруг охватило такое волнение, что слезы навернулись на глаза. — Самой мне ничего не надо. Только бы тебе, доченька, хватило тепла.

— Почему же не хватит?! — спросил Антон, — Об этом ведь мы позаботимся. Разве я не отец ребенку?

— Это хорошо, Антон, что ты так говоришь, — сказала Кристина. — Будь всегда добр к своей дочке. Если ты за нее не заступишься, жизнь у нее будет не легче моей.

— Ну, ну, разве уж тебе так плохо живется... — пробормотал Антон. — Ведь я о тебе забочусь. Что тебе еще нужно?

Они замолчали и больше не заговаривали до самых Сурумов

...К рождению Анны старики Сурумы отнеслись равнодушно. Вскоре после крестин Сурумиене объявила, что двух младенцев ей старыми руками вынянчить не под силу, поэтому пусть Кристина заботится о своем ребенке сама.

— Хорошо еще, что я управляюсь с Бруно. Как начал ходить, ни на минутку нельзя оставить одного.

Только первый месяц после родов на Кристину не взваливали самую

тяжелую работу, затем все пошло по-старому. От зари до темна работала она не покладая рук. В сенокос Кристина брала Анныню с собой на луга, осенью, когда копала картофель, оставляла ее где-нибудь на поле в старой тележке и, когда ребенок плакал, не всегда могла оставить работу.

Старая Сурумиене проявляла твердость характера, сказав, что с нее хватит забот о Бруно: она в самом деле не обращала внимания на внучку; Анныня могла кричать часами — старуха не подходила к ее люльке и не пыталась успокоить ребенка.

Через год после рождения Анныни у Кристины родился сын. Его назвали Жаном. Анныня уже ходила, могла сама подойти к старой люльке и посмотреть на маленького братика. Жан разделил участь Анныни: старые Сурумы его почти не замечали.

Когда дети подросли, различие в отношении к ним стало еще более заметным. Бруно одевали и кормили лучше, чем Анныню и Жана. Все ему разрешалось, над его шалостями добродушно посмеивались, в каждой его проказе видели только проявление способностей, самостоятельность характера и благородство хозяйской породы. Быстро сообразив, что ему все позволено, Бруно, будучи старше и сильнее, на каждом шагу давал Анныне и Жану чувствовать свое превосходство: он таскал за волосы сестренку, царапал лицо, бил маленького Жана.

Сурумиене наблюдала за всем этим с добродушной улыбкой:

— Ах ты, проказник... Разве так обходятся с барышнями? Поди-ка, золотко, на колени к бабусе, я тебе вытру носик.

Запуганной и одинокой росла Анныня. Отец никогда не ласкал ее, не сажал на колени, а когда она пыталась рассказать, что видела или что сделала, — ни у кого не было времени ее послушать или ответить ей. Дед и бабка никогда не рассказывали ей сказок, а она очень любила старинные истории о зверях и чудовищах. Сурумиене знала их бесконечное множество. Приходилось ждать, когда она начнет рассказывать сказки Бруно, и слушать танком. Если, забывшись, Анныня выдавала свое присутствие каким-нибудь восклицанием, старуха гнала ее прочь.

Девочке не с кем было играть. Несколько раз пыталась она присоединиться к мальчикам, но Бруно был груб и жесток — всегда старался обидеть Анныню, причинить ей боль. Она стала избегать его.

И девочка постепенно становилась замкнутой, сторонилась людей, за исключением матери. Спрятавшись где-нибудь в укромном уголке, она играла одна. Старые Сурумы и Антон считали ее тупицей, так как она не проявляла интереса к шумным детским играм. Они не понимали, что сами убили ее интерес и отдалили от себя любознательную девочку. Антон и

стариками ошибались: просто Анныня рано привыкла к одиночеству и знала, что ей нечего ждать ни от бабушки, которая ее не любила, ни от отца, который был к ней равнодушен. Мечтать и объяснять по своему разумению явления окружающего мира Анныня умела, как и все дети, только она мечтала про себя, иногда открывая свои мечты матери.

Кристина любила дочь глубокой, самоотверженной любовью, и ребенок это чувствовал. Анныня уже понимала, что матери живется тяжело, слишком много ей приходится работать — больше всех в семье. У нее появилось одно желание, одна-единственная мечта: облегчить жизнь милой мамусе, взять на свои маленькие плечи хоть частицу ее непосильной ноши. Очень рано, еще совсем маленькой, Анныня начала помогать матери. Она нянчила маленького братишку, таскала в кухню хворост по одной хворостинке и приносила столько топлива, что хватало сварить обед. Когда зимними вечерами мать пряла лен или шерсть, Анныня мотала клубки. Все это сберегало Кристине лишнюю минуту, которую она могла посвятить детям.

Кристина быстро старилась и с каждым днем становилась бледнее и слабее; потух блеск ее ласковых глаз, согнулся стройный стан, преждевременный иней упал на густые волосы. Жизнь еще не была прожита, а неотвратимый вечер уже простер над нею свою тень. Никто этого не хотел понимать... Понимала только она сама. Чувствуя, что конец ее жизненного пути близок, Кристина неустанно думала о том, что станет с детьми, когда ее не будет.

4

Будущей осенью Анныня должна была пойти в школу. Мать уже научила ее читать и писать. В шесть лет Анныня знала таблицу умножения лучше Бруно, с которым занималась бабка, а иногда и отец. Когда Анныня выучила всю азбуку, книжка перешла к Жану. Кристина в последнюю зиму научила читать и сына.

Весною Кристина стала кашлять кровью. Врач, к которому Антон повез после Юрьева дня жену, советовал отправить Кристину в санаторий.

— А если это не по карману, то во всяком случае освободите ее от тяжелых работ, больной надо отдыхать, хорошо питаться, — сказал врач. — Я надеюсь, что вы это понимаете и послушаетесь моих советов.

Антон и Кристина обещали следовать советам уважаемого лекаря. Но о санатории нечего было и думать, — средства Пацеплиса не позволяли

таких больших расходов. Чтобы хоть немного облегчить Кристине жизнь, следовало нанять работницу. Это тоже требовало денег: до сих пор Сурумы привыкли обходиться без батраков. На это лето не взяли даже пастуха, так как, по общему мнению, Анна уже подросла и могла пасти коров, — неужели семилетний ребенок не сумеет приглядеть за таким небольшим стадом?

Вернувшись от врача, Кристина снова стала доить коров, кормить свиней и одна управляться по дому. Два раза в месяц она стирала белье, а когда наступал субботний вечер, кроме нее, некому было истопить баню. Старый Сурум все жаловался на ломоту в костях, а свекровь ухаживала за Бруно и хранила ключи от дома, клетки и погреба, — нельзя же было требовать, чтобы она разрывалась на части.

Так продолжалось до Янова дня.^[11] В это утро Кристина не смогла подняться с постели, и вся семья осталась без завтрака. Теперь Антон понял, что без наемной работницы не обойтись. Он запряг лошадь и поехал к Кикрейзисам. Вечером он привез пожилую женщину, жившую у Кикрейзисов на правах дальней родственницы.

Пригнав в обед стадо, маленькая Анна все время сидела возле больной матери. В хорошую погоду мать и дочь выходили из избы, садились на скамью под куст сирени и смотрели, как наседка с цыплятами ходит по зарослям крапивы, как ползет пчела по цветку, собирая дань. Иногда к ним присоединялся Жан, но старая Сурумиене тут же прогоняла его, боясь, что Кристина заразит мальчика. Кристина и сама не забывала об этом и, как бы ни рвалось сердце к Анне, не позволяла дочке слишком близко подходить к себе. За последнее время она ни разу не поцеловала ее, не прижала к груди.

Однажды вечером, пригнав домой скотину, Анна увидела во дворе много незнакомых мужчин, — они разговаривали с отцом. Только одного из них, черноусого Клугу, знала она, остальные были чужие. Загнав скотину в хлев, она налила в шайку воды, присела на колоду у кучи хвороста и стала чистить постолы.

— Если мы будем сидеть сложа руки, лет через десять Змеиное болото нас всех затопит, — горячо говорил Клуга. — Половина моей земли уже сейчас заболочена.

— А разве у меня лучше? — добавил другой. — С каждым годом урожай все меньше. Скоро нечем будет кормить семью, а чем платить налоги и долги в банк? В один прекрасный день пустят с молотка.

— Я разве что говорю... — задумчиво протянул Антон Пацеплис. — Но что мы можем предпринять? Это огромная работа. Кто может ее осилить, и где нам взять деньги на мелиорацию? Влезать в новые долги? Я

и от старых задыхаюсь.

— Но ведь это окупится! — воскликнул Клуга. — В несколько лет мы вернем с лихвой затраченные средства и труды. Без пота и жертв такие дела никогда не делались. Надо только, чтобы все этого захотели. Ну, подумайте сами: когда осушим болото, на наших лугах вырастет такой клевер, что его не скосить, а на самом болоте поседем хлеб, разведем сады. Сейчас здесь от одних комаров нет никакого спасения.

— Как смотрит на это Тауринь? — поинтересовался Пацеплис.

— Да ну его... денежный мешок... — Клуга махнул рукой. — Ему ведь вода к горлу не подступает. И слышать ничего не желает. Его земля от излишка влаги не страдает, и пусть его не беспокоят, вот что он говорит. Его мельнице нужна вода. Мы будем тонуть, а он — наживать деньги.

— Без Тауриня нам этого дела не поднять, — заметил кто-то. — Если он отказывается принять участие в рытье канала, не стоит и начинать. Не нам тягаться с таким богатеем.

— Я тоже так думаю, — сказал отец Анны. — И почему этот канал обязательно проводить через мою землю? Пользу получают все, а я потеряю несколько пурвиет земли. Кто мне заплатит за это — может, ангелы?

— Через твою землю самый короткий путь к реке, — пояснил Клуга. — Да и уклон здесь тоже самый большой. А вместо земли, которая отойдет под канал, тебе прирежут от высушенного болота.

— Да, и я должен буду корчевать пни и маяться с кустарником, — холодно ответил Пацеплис. — Вместо обработанной земли получить целину — это здорово!

Так они спорили довольно долго и разошлись, ни до чего не договорившись. Слишком велико и могуче было Змеиное болото, чтобы горсточка людей осмелилась начать с ним решительную схватку. Слишком силен был и Рейнис Тауринь. Как страшное чудовище, лежало проклятое болото в своем огромном гнезде, с каждым днем все больше раздаваясь в ширину. Не первый раз отчаявшиеся крестьяне думали начать с ним борьбу, но всякий раз их попытки оставались бесплодными.

Жили тогда латыши разрозненно, на небольших хуторах, которые казались им целым миром; редко они действовали сообща, поэтому не привыкли совместными усилиями совершать большие дела, непосильные для одного человека. Хутор, это обособленное гнездо крестьянской семьи, отдалял людей друг от друга, ограничивал их горизонт межой поля и накладывал отпечаток на всю жизнь латышского крестьянина. Не было ничего удивительного в том, что Антон Пацеплис спрашивал эгоистично: «Почему этот канал обязательно проводить через мою землю?» Это

спрашивал хуторянин...

Утром, выгнав скот на пастбище, Анна долго смотрела на мрачное болото. Оно тянулось на много километров, другим краем вдаваясь в поля соседней Айзпурской волости. Подобно зеленому поясу, рос вокруг болота густой ольшаник. За ним раскинулось унылое пространство с карликовыми сосенками, чахлыми березками и мелким кустарником на редких болотных островках, к которым вели узкие тропинки. Отовсюду глядели круглые бездонные болотные «окна», блестели маленькие озерца. Но и здесь, в этом царстве запустения и тлена, росли алые и белые цветы, порхали птицы и звучали голоса живых существ. Тучи комаров носились над трясинной, вечерами в воздухе кишмя кишела мошкара, а в полдень, свернувшись на кочках, грелись на солнцепеке гадюки. Ни одно лето не проходило без того, чтобы змея не укусила скотину или человека, поэтому пастухи носили толстые шерстяные чулки и всегда ходили с палками. Отец научил Анну бить змей, и она их уже не боялась. Иногда она убивала по две-три гадюки в день. В сущности искусство это небольшое: нужно только с первого удара точно попасть в голову змеи и при втором взмахе не поднимать высоко палку, чтоб не забросить обвившуюся вокруг нее гадюку себе на шею.

Старый пес Рипсис оказался хорошим помощником Анны. Стоило ему увидеть гадюку, как он, схватив зубами, яростно мотал ее из стороны в сторону до тех пор, пока она не становилась неподвижной. Во время этих схваток бывало, что змея жалила собаку; тогда пес несколько дней ходил с опухшей мордой и терся ужаленным местом о землю, но ничего худого с ним не случалось. Старики говорили, что собаки знают такие травы, которые помогают от укусов змей, находят их и едят, пока не выздоравливают.

«На самом болоте можно будет сеять хлеб, разводить сады...» — вспоминала Анна слова Клуги. Убедившись, что скотина спокойно щиплет траву, девочка замечталась о том времени, когда она вырастет большая и сделает так, чтобы Змеиное болото превратилось в прекрасный цветущий сад. Она не знала, как это сделать, но крепко верила — придет время, и она победит болото. Словно по щучьему велению, исчезнут страшные болотные окна, сгинут змеи, и там, где сегодня чернеет грязь, расцветут красивые яблони и вишни. Посреди огромного сада будет возвышаться красивый дом — такой белый, с большими окнами, под красной шиферной крышей, ну прямо, как в Ургах у Тауриня. Вокруг дома расцветет много красивых цветов — красных, лиловых, белых и желтых, а в центре сада будет скамейка и маленькая простая табуретка. Отец с матерью сядут на скамейку отдохнуть после работы, а Анна присядет на маленькую

табуретку и почитает им вслух о далеких солнечных странах, где круглый год так тепло, что люди даже зимой ходят в тонкой белой одежде. Мамочка тогда не станет так много работать, все для нее сделает Анна. А подальше от их дома будут красоваться такие же дома соседей, и все будет так чудесно, как в сказке.

«Я это сделаю... — думала девочка. Она решила сегодня в обед рассказать матери про свою мечту. — Может, тогда мамочке станет легче и она больше не будет так сильно кашлять».

В одном месте Анна нашла много сладкой лесной земляники; сделав из бересты туесок, она наполнила его ягодами.

«Отнесу маме, она в этом году не попробовала земляники. Пусть попробует. Я посижу с ней и не отстану, пока не съест все до последней ягодки».

Приятно было сознавать, что можешь доставить радость единственному человеку, который тебя действительно любит всем сердцем.

С туеском ягод и с букетиком пестрых цветов в руках девочка пригнала в обед домой скотину и, загнав ее в хлев, поспешила к матери. На пороге ее задержала старая Сурумиене:

— Не ходи сейчас туда. Побудь здесь.

Все люди казались серьезными и озабоченными, у отца были покрасневшие глаза, а Жан, сидя в углу кухни на чурбачке, тихо плакал.

— Что с тобой, Жанит? — спросила Анна.

— Мамуся умерла... — всхлипывая, ответил мальчуган. — Она больше не говорит... не встает...

Девочка вздрогнула и некоторое время, оцепенев, стояла посреди кухни, устремив взгляд куда-то далеко-далеко. Потом в лице ее что-то дрогнуло, и она вдруг так обессилела, что не могла устоять на ногах. Присев рядом с Жаном, не выпуская из рук букетик и туесок, Анна судорожно зарыдала.

...Позже этот букетик Анна положила в гроб, на грудь матери. Туесок с земляникой взрослые не разрешили класть в гроб и оставили его тут же, на подоконнике; там он стоял до вечера, пока его не заметил Бруно, которого тоже на минуту впустили посмотреть покойницу. Он сейчас же стянул ягоды и, выйдя в сад, съел их.

Не стало больше у Анны единственного друга, к которому можно было приласкаться и рассказать все, что она думала и чувствовала. И некому теперь было поведать о своей большой мечте: о превращении Змеиного болота в чудесный сад, который вырастет над трясиной.

Через три дня Кристину похоронили на старом пурвайском кладбище,

поодаль от могилы Лины Мелдер: хоронить ее рядом с первой женой Антон Пацеплис не осмелился — старые Мелдеры могли это расценить как оскорбление памяти их покойной дочери. Человеку батрацкого происхождения даже после смерти не полагалось лежать рядом с дочерью богатого хозяина, поэтому между их могилами оставили два свободных места — на семейном кладбищенском участке Пацеплисов места еще хватало.

5

Через полгода после смерти Кристины умер старый Сурум. Двумя месяцами позже Антон привез домой третью жену — рослую и костлявую старую деву, с большой волосатой бородавкой на щеке, придававшей ее лицу смешное выражение. Лавиза Плука — так звали новую жену Антона — была сестрой какого-то разорившегося середняка. Анна и Жан обрели в ней строгую мачеху, а их отец — суровую жену, у которой он в скором времени очутился под башмаком. Сурумиене пришлось уступить новой невестке все ключи: та не терпела, чтобы свекровь совала нос в хозяйственные дела. После нескольких неудачных попыток сопротивления старая хозяйка смирилась и большую часть времени проводила в маленьком чуланчике рядом с кухней. С тех пор как Бруно стал ходить в школу, ей почти нечего было делать — пришло время, когда старуху стали больше всего занимать воспоминания. Теперь случалось, что Сурумиене в присутствии Лавизы расхваливала покойную Кристину: какой она была хороший человек — исполнительная, учтивая, нетребовательная — и как во всем слушалась свекрови.

Лавиза, казалось, не обращала внимания на болтовню старухи, только всегда почему-то получалось, что в тарелке Сурумиене похлебки оказывалось меньше, чем у других, а ломоть хлеба доставался ей с самой толстой и подгорелой коркой.

Может быть, по этой причине властолюбивая старуха стала так быстро чахнуть, что пережила своего старика только на несколько месяцев. Когда ее отвезли на кладбище и похоронили рядом со старым Сурумом, никто особенно не горевал, а Лавиза даже не пыталась скрыть радость.

Антон велел детям называть Лавизу матерью, но здесь он в первый раз натолкнулся на сопротивление: Бруно называл мачеху или Лавизой, или просто мачехой, Анна и Жан — тетей Лавизой. Наследника Мелдеров мачеха не осмеливалась трогать — это было ей строго-настрого запрещено

на другой же день после свадьбы, — но тем чаще таскала она за волосы Анну и Жана, срывая таким образом накопившуюся злость.

Осенью, вскоре после смерти матери, Анна пошла в школу. С первого дня ей очень там понравилось. Учение давалось легко, почти по всем предметам Анна получала пятерки, но главное было то, что в школе она чувствовала себя гораздо спокойнее, чем дома. Учителя любили старательную девочку и ставили ее в пример другим детям. Ученики не обижали Анну, не дразнили. Многие пытались подружиться с нею, только Анна была слишком застенчива. В школе она отдыхала, но стоило ей вернуться домой, мачеха начинала командовать ею и не давала падчерице ни минуты покоя.

— Анна, пойди нарежь соломы скотине! Принеси хворосту! Подмети избу! Вычисти подойник! Сходи в погреб, принеси картошки! — Команда следовала за командой.

Анна безропотно делала все, что ей приказывали. Уроки приходилось готовить поздно вечером, когда взрослые уже спали. Только благодаря своим способностям и прилежанию Анна не отставала и училась хорошо.

Бруно пошел в школу годом раньше и был уже во втором классе. В школе его окружали друзья и он даже не подходил к Анне. Можно было подумать, что это дети из разных семей. Домой они возвращались порознь.

Через год в школу пошел и Жан. Теперь у Анны был попутчик. Только зимой, в очень плохую погоду, Пацеплис отвозил детей на лошади, но слишком их не баловал: шесть километров туда и шесть километров обратно — не такое уж большое расстояние.

Летом Анна опять пасла скотину, теперь уже вдвоем с Жаном, а Бруно все каникулы проводил в Мелдерах.

Так проходил год за годом.

Анна окончила пятый класс начальной школы. Когда она принесла домой свидетельство, где по всем предметам стояли одни пятерки, отец с Лавизой долго разглядывали его и совещались о чем-то наедине, затем позвали Анну.

— Вот ты и получила образование, — сказал отец. — Мне удалось проучиться только три года в волостной школе, но разве у меня не хватает ума? Ты училась пять лет. Для женщины этого хватит с излишком.

Анна побледнела. Она надеялась, что ей разрешат по крайней мере окончить все шесть классов школы: зимой ведь дома особой работы не было.

— Тебе уже больше двенадцати лет, — сказала мачеха, — скоро

будешь взрослой. Пора помогать родителям зарабатывать хлеб.

— Да, конечно... — прошептала Анна.

Не имело смысла просить и уговаривать — в Сурумах нужен был работник. Тоска весь день сжимала сердце Анны, вечером она даже немного поплакала, но изменить что-либо в своей судьбе не могла. Отца, пожалуй, удалось бы переубедить, но этим ничего не достигнешь — он во всем подчинялся жене.

Для Анны началась тяжелая пора жизни. Летом Жан пас скотину один, Анна доила коров, полола огород, варила корм свиньям, таскала воду из колодца, а во время сенокоса работала на лугу. Лавиза не любила стоять у корыта с бельем — ее больное сердце будто бы не переносило пара. Анна стирала на всю семью, по субботам скребла и мыла полы, топила баню. К осени ей купили ситцевую юбку и желтые резиновые тапочки — это все, что она заработала за целое лето.

Бруно, окончив основную школу, уехал учиться в школу лесничих, так как старые Мелдеры хотели, чтобы их наследник не отставал по образованию от первых людей округа; все расходы по обучению они взяли на себя. Жану, как будущему хозяину Сурумов, разрешили закончить основную школу, но о дальнейшем учении ему и думать не приходилось, хотя мальчик он был способный и проявлял большой интерес ко всяким машинам и технике.

Анна, собрав старые учебники Бруно за шестой класс, в течение нескольких месяцев, занимаясь только по вечерам, прошла начальный курс основной школы.

А дальше? Дальше опять были хлев, кухня, мокрые борозды картофельного поля и корыто с бельем.

В волостном Народном доме устраивались иногда театральные представления и концерты хора, но во главе местной культурной жизни стояли айзсарги и айзсардзе.^[12] Вся эта «культурная деятельность» была насквозь слащавым раболепием перед «вождем» — Ульманисом, — безудержным чванством: ведь айзсарги думали, что воспевают самих себя.

Однажды Анна заговорила о своем желании вступить в хор, но мачеха высмеяла ее и грызла потом целую неделю.

— Смотрите, какой соловушка нашелся! Хор ей понадобился! Если ты не знаешь, куда деть свою глотку, — пойди на болото и наорись там всласть. Кто же будет коров доить, если ты два раза в неделю, задрав хвост, будешь бегать на спевки? Не думай, что я за тебя буду надрывать.

Анна смирилась и больше не мечтала о хоре.

Она стала брать из библиотеки книги. Но читать можно было только

по ночам, когда все дневные работы были кончены и отец с мачехой уже спали. Жертвуя своим коротким отдыхом, девушка с увлечением читала.

Она понимала, что не читать нельзя. Надо искать в книгах то, чего не было в ее теперешней жизни. Если она не будет этого делать — ей грозит отупение: как воды Змеинового болота постепенно затопляют луга и низменные поля, так эта пустая, тяжелая жизнь понемногу задушит ее, она станет тупой и ограниченной. Этого как раз хотел отец Анны — Антон Пацеплис. Этого же добивалась мачеха, которой в тягость стала даже кухонная плита; все остальные домашние работы надоели ей еще раньше. Лавиза не жалела сил, чтобы превратить Анну в покорную рабыню, которой ничего не нужно и которая не смеет ничего требовать для себя. Но, словно наперекор невыносимой жизни, девушка с каждым днем расцветала, становилась красивее и привлекательнее и все больше походила на свою мать.

Глава четвертая

1

Ян Лидум лег спать сразу после поверки. Днем он получил письмо от Ильзы и теперь думал о тех скурых вестях из внешнего мира, которые оно принесло.

Вытянувшись на нарах, Ян предался воспоминаниям: перед ним проходили картины его трудной, но богатой событиями жизни. Уже более трех лет он провел в тюрьме.

Несколько месяцев, пока тянулось следствие, он просидел в одиночке. Охранка не могла предъявить ему никаких конкретных обвинений — при аресте не было найдено ничего компрометирующего, — к тому же, она не хотела разоблачать своих агентов, по доносам которых был арестован Ян. Следователи извивались как ужи, стараясь заставить Яна хотя бы нечаянно проговориться об участии в подпольной работе. Убедившись, что все их усилия тщетны, ищейки переменили тактику — они стали помещать к нему в одиночку провокаторов. Один такой тип, очень разговорчивый парень, пробыл с Яном почти целый месяц. Он много рассказывал о своей революционной деятельности, надеясь, что простой батрак ответит на его откровенность еще большей откровенностью. Но Лидум отмалчивался. «Товарища» по камере убрали, и спустя неделю его место занял другой. Этот весь первый день молчал, притворялся подавленным и давал понять, что присутствие Яна его тяготит. На следующий день он потихоньку начал ругать тюремную администрацию и существующий государственный строй, на третий день не удержался и стал просить у Яна совета, как ему вести себя на суде: его, видите ли, обвиняют в подготовке вооруженного восстания; к несчастью, имеются определенные доказательства; если он не будет знать, как защищаться, дело может кончиться весьма скверно. Ян не поддался и на эту удочку. Попытали счастья еще двое, но простой батрак не сделал ни одного ложного шага: в конце концов его пришлось судить только на основании агентурных донесений.

Вскоре после суда его перевели в общую камеру. Выяснив, что Ян Лидум во время следствия на суде вел себя так, как полагается настоящему борцу, товарищи приняли его в свой коллектив. Теперь вся его жизнь была связана с этим коллективом, в жизни которого царил удивительный порядок, железная дисциплина и благородное чувство товарищества —

сила, которую ненавидели и которой боялись те, кому принадлежала власть в Латвии. Каждый кусок хлеба, каждая капля супа, каждый сантиметр — все было общим и распределялось так, как этого требовали интересы коллектива. Авторитет Яна Лидума быстро рос. Скоро его выбрали старостой камеры, а когда подошли выборы партийных органов, его единогласно избрали в комитет этажа, а годом позже — в корпусный комитет.

Как все политзаключенные, Лидум все время неустанно учился. Он изучал языки и общественные науки, где главное место занимали философия марксизма-ленинизма и политическая экономия, интересовался также математикой и техникой. Связь с внешним миром была налажена так хорошо, что о многих событиях жизни Латвии и зарубежных стран в тюрьме узнавали одновременно с находящимися на свободе товарищами. Каждый день, сразу после утренней поверки и завтрака, все двадцать пять заключенных общей камеры садились за столы и начинали заниматься. И это спасало их от тоски и скуки, сохраняло бодрость духа. Гимнастика помогала сохранять физические силы.

Но не только это давало им силы выдержать все испытания и ужасы долголетнего заключения: главный источник, откуда они черпали силы, было сознание того, что они не одиноки. За тюремными стенами, на воле, в глубоком подполье напряженно работали товарищи по борьбе, руководимые Центральным Комитетом неустрашимой Коммунистической партии Латвии. Везде — на больших заводах и в небольших мастерских, в портах и на железной дороге, в городах и селах угнетенной страны — всюду были смелые и самоотверженные люди, готовые отдать все силы борьбе за освобождение народа. И была — совсем недалеко, на Востоке, — великая страна победившего социализма, Советский Союз! Туда обращались взоры и мысли заключенных: в самые мрачные дни их неволи сознание того, что в мире существует Советский Союз, давало им ту сказочную силу, которую не могли сломить ни «черные месяцы», ни карцер, ни истязания, ни голод. Люди жадно подхватывали каждую весточку *оттуда*; не было большего счастья, чем получить какую-нибудь советскую книгу или журнал, где рассказывалось, как советские люди строят новый, чудесный мир.

Все попытки тюремной администрации сломить эту силу сопротивления оставались безуспешными. Если кто-нибудь из заключенных начинал сдавать, коллектив сейчас же окружал его заботой и помогал ему.

Когда Лидум получил от Ильзы письмо, в котором она рассказала о

смерти Ольги и о том, что Айвара отдали неизвестным, чужим людям, он был потрясен; находись Ян в то время в одиночке, весть эта, наверное, лишила бы его духовного равновесия, но товарищи по камере позаботились, чтобы этого не случилось. Только на один день Ян был выбит из колеи — не мог ни читать, ни заниматься, — но потом он сумел одолеть тоску. И все же сердце у него болело. Айвар — надежда всей его жизни, сын, которого он мечтал видеть в рядах славных борцов и строителей новой жизни, — что теперь станется с ним? Чужие люди воспитают его по-своему, поведут его по чужим тропам, и он — Ян Лидум — не в силах предотвратить это.

Вот и сейчас он думал об этом. В камере постепенно воцарялась тишина. Один за другим ложились и засыпали товарищи, но он не сомкнул глаз до утра. Скрестив на груди могучие руки, Ян Лидум смотрел в потолок, где слабо светилась маленькая лампа, и думал свою тяжелую думу. Ни шаги надзирателей в коридоре, ни резкие свистки проносащихся мимо тюремной стены паровозов не могли отвлечь Яна Лидума от мрачных мыслей, хотя он и сознавал, что, как ни велико его горе, надо перенести его. Пусть сердце исходит кровью и острая боль пронизывает все существо, но никакие враги не смогут сказать, что им удалось сломить Яна Лидума.

2

Настала пятница. В шесть утра, после звонка, Ян Лидум встал, поднял нары и вместе со всеми товарищами по камере стал ждать, когда их поведут умываться, — обычно вели всю камеру сразу.

Коридор наполнялся звуками. Бряцали ключи, стучали деревянные коты, раздавались голоса, но сегодня этот шум был необычный, чувствовалась какая-то приподнятость в движениях и в выражении лиц заключенных — наступал очередной день передач и свиданий. Каждый, у кого было основание ожидать посещения, чувствовал себя необычно. Более беспокойные разговаривали друг с другом, пытались угадать, кого из них вызовут сегодня на свидание.

Впервые за все тюремные годы это настроение передалось и Лидуму. Он стеснялся признаться в этом товарищам, но те и так знали, почему Ян не может усидеть за книгой, почему он так долго не переворачивает страницы, уставившись глазами в одну точку. Ясно — его мысли заняты чем-то другим.

— Ждешь, Лидум, не правда ли? — спросил, улыбаясь, один из

товарищей по камере. — У тебя есть основание ждать.

— Ты думаешь? — вопросом ответил Ян. — Хотелось бы разок дожждаться, но кто знает, найдется ли у сестры время.

— От души желаю тебе удачи, — сказал товарищ.

Скоро надзиратели начали приносить «пудинги». Впервые получил передачу и Ян. Масло, белый хлеб, сахар, сыр — все было истыкано щупом вдоль и поперек. Староста камеры присоединил «пудинг» Яна к остальным передачам и записал в список что и сколько принято (позже весь этот запас продуктов будет распределен среди заключенных камеры).

Теперь надежды Яна на свидание стали еще более определенными. Ильза была в Риге, совсем близко, и ждала, когда помощник начальника тюрьмы вызовет ее. Еще полчаса, час, может быть два — и они смогут глядеть друг другу в глаза, искать на лице новые черточки, проведенные незримым карандашом времени, и говорить. Пятнадцать минут пролетят как сон, и только позже, когда их разъединят, они вспомнят, что остались сотни незадаанных вопросов, что они почти ни о чем не успели поговорить. Чтобы лучше использовать короткое свидание, Ян заранее обдумал, о чем он расскажет и какие вопросы задаст Ильзе, но он забыл, что и у Ильзы найдется что рассказать и о чем спросить, поэтому все его планы разлетелись как дым.

Наконец наступила долгожданная минута. Надзиратель отворил дверь камеры и выкрикнул фамилию Яна.

— На свидание!

Вместе с другими заключенными Лидум вошел в помещение для свиданий. Проходя мимо первых отсеков, где за двойной проволочной решеткой уже стояли посетители, дожидаясь родственников и друзей, Ян зорким взглядом впивался в каждое лицо, и вдруг его сердце забилося учащенно, порывисто: в четвертом отсеке стояла Ильза. Этот отсек был одним из самых неудобных: он находился посередине, с обеих сторон разговаривали, и трудно было расслышать, что говорят тебе.

Брат и сестра сразу узнали друг друга. Вцепившись в решетку, Ильза со слезами на глазах смотрела на Яна и взволнованно улыбалась; в первый момент она не могла вымолвить ни слова.

— Братик... Ян, милый... — шептала она, не соображая, что в гомоне раздающихся кругом голосов Яну не слышны ее слова. Потом, успокоившись, Ильза заговорила громче и наконец поняла, что брат ей что-то рассказывает и о чем-то спрашивает, — Как твое здоровье, родной? — был ее первый вопрос — Почему ты такой бледный? Не болит ли у тебя грудь?

— Я так же здоров, как прежде, — ответил Ян. — Где же я загорю, если не бываю на солнце? А как ты сама, Ильзит? Вообще-то выглядишь молодцом... как всегда.

— Привет тебе от Артура.

— Передай и ему сердечный привет. Об Айваре ничего нового не узнала?

— Нет, ничего нового, родной, — Ильза тяжело вздохнула и потупила глаза, чувствуя себя виноватой перед братом. — Все, к кому я обращалась по этому делу, говорят, что мы ничего не добьемся. Таков закон. Мы потеряли всякие права на Айвара, и он потерян для нас навсегда. Что нам теперь делать?

— Ты ничего не добьешься, — ответил Ян. — Может, когда-нибудь... я сам... когда выйду из тюрьмы. Я подумаю об этом, поговорю с товарищами. Если придумаем что-нибудь дельное, я сообщу тебе.

Они заговорили о другом: об Ильзе, ее работе, об Артуре, о разных повседневных делах. За спиной Яна стоял тюремщик и с усмешкой вслушивался в их разговор.

— Ты очень часто на свидания не приезжай, — сказал Ян напоследок. — Это тебе слишком трудно.

— Буду навещать тебя два раза в месяц, — ответила Ильза. — Мне это совсем не трудно, и лучше ты не отговаривай.

Они не спускали глаз друг с друга. Страдальческое выражение не сходило с лица Ильзы. Ян был, как всегда, спокоен и невозмутим, его фигура, голос, каждое движение выражали уверенность и силу. Ильза думала, что увидит надломленного пережитым, подавленного человека, но в нем не было ничего такого, разве только лицо стало бледнее, больше впали щеки да появилось несколько глубоких морщин в уголках рта и резче стало очертание подбородка.

— Кончать! Время свидания истекло! — прервал их разговор резкий окрик надзирателя.

Ян приветственно махнул рукой, улыбнулся и, уходя, поднял кулак над головой — то был привет борцов. Ильза даже не сообразила, как ему ответить. Стуча деревянными котами, заключенные вышли из помещения.

Вечером в общей камере ждали обыска. Надзиратель после обеда беспрерывно вертелся у дверей и исподтишка наблюдал, но заключенные спокойно беседовали; ничто не показывало, с каким нетерпением ждут они вечера, когда обычно читались тайно полученные записки.

Написанную на тонкой папиросной бумаге записочку обычно складывали между листами книги. Читающий садился за стол, раскрывал

книгу и, стараясь сохранить обычное выражение лица, прочитывал нелегальную весть из внешнего мира или из другого тюремного корпуса, — в своем корпусе заключенные разговаривали перестукиванием. Но каким бы спокойным ни казался читающий, внутренне он был напряжен до предела, готовый в любой момент скомкать папиросную бумажку и проглотить ее.

Сегодня шестерым товарищам по камере прислали «пудинги» и четверо получили свидание. Тюремная администрация была уверена, что в одной из передач должно находиться тайное письмо. Во время ужина его, конечно, нашли и сейчас при первой возможности попытаются прочесть.

После ужина, состоявшего из нескольких картофелин и куска гнилой селедки, Ян Лидум сел за стол и стал читать.

Внезапно растворилась дверь, и в камеру ворвались дежурный надзиратель и старший по этажу. Старший одним прыжком подскочил к столу и выхватил из рук Яна Лидума книгу, а коридорный надзиратель наблюдал за каждым движением заключенного.

Не найдя в книге того, что искал, старший надзиратель приказал Яну раскрыть рот, осмотрел зубы, пошарил пальцем под языком, нажал даже на гортань. Не успокоившись, он велел Яну раздеться догола и тщательно осмотрел тело, прощупал каждый шов одежды, а после долго рылся в принесенных продуктах.

— Скажите добром, куда спрятали письмо! — кричал он. — Все равно найду. Вам ведь меня, старого воробья, не провести.

— Никто не собирается это делать... — ответил Ян.

— Молчать, образина! — неистово закричал старший надзиратель и поднес к лицу Яна кулак. — В два счета фонарь поставлю. Зубы выбью, тогда посмотрим, чем будешь кости грызть!

Наконец он ушел, метнув злой взгляд на заключенных.

— Я вам еще покажу!

Коридорный надзиратель последовал за ним, в свою очередь погрозив кулаком.

А через четверть часа все обитатели общей камеры уже знали содержание конспиративной записки, все-таки дошедшей по назначению. Товарищи из соседнего корпуса сообщали о провокаторе, засланном вчера к ним. Надо было сейчас же выяснить, в какой камере он находится. Вечером, когда после поверки заперли коридор и унесли ключи, началось перестукивание. Из камеры в камеру, из этажа в этаж передавалась предостерегающая весть. А наутро какой-то побледневший тип просил надзирателя перевести его в другое место, потому что оставаться здесь он

больше не может. Ни один этаж, ни одна камера его не принимали, и тюремной администрации осталось только поместить иуду в одну из «звериных клеток», которые занимали целый этаж в одном из корпусов. Только там он не ощущал гнева заключенных и на некоторое время был избавлен от справедливого возмездия.

Всю ночь после свидания с Ильзой Ян не мог уснуть. Мозг его, как раскаленные угли, жгли тяжелые думы о смерти Ольги, о судьбе Айвара, находившегося теперь во власти неизвестных, возможно черствых, бессердечных людей.

3

Прачечная, в которой трудилась Ильза Лидум, находилась недалеко от центра уездного города, в полуподвальном этаже старого кирпичного дома. Первый год Ильза проработала сборщицей белья: с объемистой корзиной и мешком ходила она из квартиры в квартиру, собирая грязное белье. Потом ее перевели на работу в стиральное отделение, где она проработала больше двух лет, а сейчас Ильза уже третий год гладила белье и так освоила все тонкости своей профессии, что хозяин прачечной давал ей в последнее время крахмалить и гладить самые дорогие и тонкие вещи: дамское белье с кружевами, гардины, шелковые сорочки.

Как и остальные работницы прачечной, Ильза весь день гладила стоя и, закончив вечером работу, чувствовала себя бесконечно усталой. Ее товарки — жены и дочери рабочих — любили посудачить; если вблизи не было хозяина прачечной или мастерицы, они вполголоса говорили о владельцах и владелицах белья, о личной их жизни, которая давала достаточно пищи для насмешек, презрения и ненависти. Ильза в этих разговорах не участвовала, но относилась она к товаркам хорошо и сердечно — ведь всем им приходилось одинаково тяжело работать, всех одинаково давила горькая нужда, а бесправное положение порождало жгучую ненависть.

Сознавая свою власть и важность, словно надувшийся индюк, ходил из отделения в отделение хозяин прачечной Лемкин. На работе никто и никогда не видел его улыбающимся, не слышал от него приветливого или просто вежливого слова, а вот по воскресеньям в церкви этот тип сидел в первых рядах, рядом с городским головой, мясником Треем, директором школы и другими столпами местного общества, пел хоралы и шептал молитвы. По вечерам Лемкин любил играть на бильярде в доме

общественного собрания и, подкрепившись несколькими глотками спиртного, пробирался в темноте к ресторану «Астория», где были отдельные кабинеты и «девочки». Все это отнюдь не мешало ему состоять членом приходского совета и занимать почетные общественные посты.

— Лениость и озорство суть главные причины бедности... — обыкновенно отвечал он тем, кто в тяжелую минуту обращался к нему за помощью. — Будьте трудолюбивы, как я, живите по заповедям господним, и вы будете преуспевать.

Ни для кого не было секретом, что он живет с мастерицей прачечной, краснощекой толстой Эперман, что он не прочь пристать и к молодым работницам, но разве это могло как-нибудь повредить доброй славе такого «честного» человека? Конечно нет: он был хозяином, богатым человеком и видным деятелем городка — ведь его нельзя мерить на один аршин со всеми прочими смертными. Зато никто не мог запретить прачкам называть за глаза хозяина пиявкой, лицемером, прохвостом и гадиной. Особенно ядовитые замечания по адресу Лемкина отпускала прачка Карклинь, довольно молодая женщина, жена подносчика досок с лесопилки. Несмотря на ее острый язык, Ильза крепко подружилась с ней, видимо потому, что резкость Карклинь всегда была справедлива.

— Взять бы и поставить самого Лемкина на несколько месяцев к бельевому котлу, — начала как-то Карклинь, возвращаясь вместе с Ильзой домой. — Тогда бы мы посмотрели, какое покорное лицо он соорудил бы в церкви. Последнюю кровинку готов высосать из рабочего, а перед богом чист как ангел. Настоящая дрянь.

— Если бы у нас было, как в Советской России, то Лемкину пришлось бы самому ходить по домам с бельевой корзиной и собирать грязное белье, — ответила с усмешкой Ильза.

— В России... — вздохнула Карклинь. — Когда-нибудь и здесь так будет. Только бы все рабочие поняли, что для этого надо, и все бы разом потребовали справедливости. Но люди еще не поумнели. Каждый думает только о себе, поэтому ничего не получается. Когда люди начнут думать об общем, тогда Лемкин и все прочие живодеры должны будут сказать аминь своим денежкам.

На углу они расстались, так как Ильза хотела еще зайти в библиотеку обменять книги. Хоть Карклинь и не сказала ей ничего такого, о чем Ильза не думала раньше, но пока она шла в библиотеку, в ее ушах звенели смелые слова прачки.

«Значит, и здесь, в этом тихом углу, есть люди, которые думают так же, как Ян, как я. Немало людей чувствуют несправедливость и думают о

завтрашнем дне. Пока только думают, ждут, надеются... Придет время, и они сами будут действовать и осуществлять свои чаяния. Ян, дорогой, тогда исполнится то, за что ты боролся, за что сейчас брошен в тюрьму. Когда же это будет?»

Ей показалось, что прозрачный апрельский небосвод ласково улыбается ее вопросам, будто понимает красоту и благородство ее мечтаний. Но об этом мечтала не одна Ильза — об этом мечтали сотни, тысячи людей и здесь и по всей Латвии.

Библиотекарь, моложавый мужчина в роговых очках, с густыми, зачесанными назад волосами, хорошо знал вкусы своих читателей, поэтому он не стал предлагать Ильзе новинки — бульварные романы Ольги Бебутовой и Курт-Малер, на которые в городке был большой спрос. Он не навязывал ей и псевдоисторических романов Александра Грина или произведений других националистических «трубадуров». Библиотекарь, как всегда, не глядя в глаза, молча положил на прилавок большую стопку разных книг. Здесь были и классики мировой литературы и несколько политических брошюр. Сверху лежал роман Федора Гладкова «Цемент», недавно изданный в Латвии на русском языке. Других посетителей в библиотеке не было: поток школьников прошел, чиновники, кончавшие работу раньше, тоже уже обменяли книги. Библиотекарь незаметно наблюдал за Ильзой.

«Возьмет или не возьмет «Цемент?» — думал он. Он давно знал, что Ильза Лидум читает и русские книги.

Ильза взяла «Цемент» и, отложив книгу в сторону, обратилась к библиотекарю:

— Нет ли у вас книги «История рабства»? Автора не помню. Может, вы знаете...

Библиотекарь вышел в соседнюю комнату, где хранилась научная литература, и, порывшись на полках, подал Ильзе:

— Пожалуйста. Эту вы хотите?

— Да, — ответила Ильза, перелистывая брошюру. — Большое спасибо.

Библиотекарь, вынув из книги карточки и отметив число выдачи, отпустил Ильзу. Как только за нею затворилась дверь, он достал из кармана блокнот и записал: «Читательница Ильза Лидум — «Цемент», «История рабства».

«Придется сегодня же сообщить начальнику точки политической охраны... — подумал он. — Первое мая не за горами. Ему полезно знать, какими книгами интересуется эта женщина. За последнее время начальник

точки должен быть мною доволен, я доставляю ему интересные сведения».

Из библиотеки Ильза направилась домой. Жила она на окраине, в чердачном помещении старого деревянного домишка. Она не торопилась: была прекрасная погода, и хотелось подышать свежим воздухом.

Ильза всю дорогу думала о своей жизни. Окружающая обстановка не отвлекала ее внимания. Жизненный пульс уездного городка бился так медленно и тихо, что был почти незаметен. За годы, которые Ильза с Артуром прожили здесь, ничего не изменилось. Тот же городской голова, тот же начальник полиции, те же самые жители... только дети подросли да кое-кого из соседей отвезли на кладбище. В жизни самой Ильзы внешне тоже ничего не изменилось, но внутреннее содержание ее медленно и беспрестанно менялось, становилось с каждым днем богаче. Каждая прочитанная книга расширяла кругозор, будила потребность в новых знаниях. Вспоминая, как учился брат в юности, Ильза хотела походить на него, жить с ним в одном мире, понимать его. В маленькой комнатке часто повторяли имя Яна Лидума — особенно теперь, когда Артур подрос и стал интересоваться тем, что происходило в окружающем мире. В школе он учился отлично, только не умел заискивать перед одноклассниками, сынками зажиточных родителей, не любил уступать им дорогу, и поэтому его отметка за поведение порой не подымалась выше четверки. Прошлой осенью, когда он подрался с сыном мясника Трея, Ильзу впервые вызвали в школу, и директор Лейниек прочел ей нравоучение о правильном воспитании детей. Она пообещала принять во внимание советы уважаемого педагога и быть строже с сыном, но какую можно было проявить строгость, если правда была на стороне Артура? Полкласса могло подтвердить, что сын богатого мясника напал первым. Он не любил, когда дети бедноты сопротивлялись, и уж вовсе не переносил, если кто-нибудь в драке поколотит его, а в этот раз так и случилось.

— Ты держись от них подальше, — советовала Ильза, — а если кто оскорбит, не обращай внимания. Эти Трей всегда будут правы в глазах учителя, потому что у них богатые отцы.

— Что же, молчать и тогда, когда они при мне смеются... над тобой? — спросил Артур. — Трей рассказывал всему классу... Нет, мама, мне не хочется повторять, это слишком подло...

— Мне ты можешь сказать, — ответила Ильза. — Могу себе представить, о чем он говорил. Наверно, спрашивал, почему у тебя нет отца?

— Он сказал, что у меня целая дюжина отцов, только неизвестно, который настоящий. Поэтому меня и зовут сыном Ильзы. Мамуся, неужели

я должен спускать ему? Ведь не я первый ударил, я только сказал, чтобы он придержал язык. Тогда Трей ударил меня ногой и назвал... скверным словом. Ну... после этого он и получил как следует. И я опять поколочу его, если он будет говорить такие гадости.

Ильза долго разговаривала с Артуром и добилась того что он обещал впредь не драться, а все рассказывать матери, и она уже решит, что делать. Можно ведь обойтись без драки: поговорить с директором школы или с родителями драчуна-мальчика. О своем отце Артур знал только, что он негодяй и с ним не стоит знаться. Как его зовут и где он живет, Ильза ему не сказала.

То ли взбучка» которую получил в тот раз сын мясника, напугала наглых сверстников Артура, то ли сын стеснялся передавать матери все неприятное и унижительное, что ему приходилось выслушивать в школе, — только после этого Ильзу не вызывали к директору. У матери и сына теперь было много других тем для разговоров.

Больше всего Артур любил слушать рассказы матери о дяде Яне Лидуме: как он рос, как учился, каким стал большим и сильным — таким сильным, что задумал сокрушить всех угнетателей и насильников и начал с ними борьбу. В руках врагов была власть, и, опасаясь Яна Лидума, они заточили его в тюрьму. Но когда-нибудь он выйдет из тюрьмы, и тогда пусть остерегаются все негодяи и кровопийцы. Каждый получит по заслугам.

Во время рассказа Ильзы глаза Артура сверкали восторгом. Постепенно он узнал о Лидуме все, что было известно самой Ильзе, и в его сознании сложилось представление о дяде, как о сказочном герое. Теперь Артур больше всего хотел стать похожим на дядю, быть таким же большим, сильным и бесстрашным, так же смело бороться с угнетателями.

Он часто глядел на фотографию Яна Лидума, висевшую на стене, и мечтал о том, как вырастет и распахнет тюремные ворота, разгромит стражу и выпустит на волю борцов за свободу и счастье народа, — тогда начнется совсем другая жизнь и всем беднякам станет хорошо.

Иногда он делился своими мыслями с матерью, и Ильза поддерживала его, но советовала не надеяться на легкую победу. Если бы угнетателей можно было осилить без жестокой борьбы и тяжелых жертв, их давно бы победили. Но до сих пор это сумели сделать лишь рабочие и крестьяне России — там больше нет угнетателей и эксплуататоров. Трудовой народ сам управляет государством.

— Если ты будешь учиться у них, вы сможете построить в Латвии такое государство, только для этого надо очень много учиться.

Он, тринадцатилетний мальчик, обещал посвятить этому делу всю свою жизнь. Сейчас, медленно шагая к себе на окраину, Ильза Лидум думала об этом.

Артур пришел из школы на несколько часов раньше. Он встретил мать с таинственной, лукавой улыбкой. Ильза поняла — ее ожидает сюрприз, но, не желая расстраивать задуманную сыном игру, сделала вид, будто ни о чем не догадывается. Артур еле дождался, пока она умылась и переоделась.

— Мама, — сказал он, весь сияя, — угадай, что у меня в кармане. Если угадаешь — получишь, если не угадаешь... тоже получишь, только немножко позже. Если бы ты знала, что это, тебе бы сразу захотелось получить, сию же секунду.

— Наверное, письмо... — сказала, улыбаясь, Ильза. Не впервые Артур задавал ей такие загадки.

Лицо Артура вытянулось от разочарования.

— Как ты узнала? Встретила на улице почтальона? Вот болтун, не мог удержаться... сразу надо все рассказать.

— Почтальон мне ничего не сказал, — ответила Ильза. — Но когда ты объявил, что у тебя в кармане есть кое-что, что я хотела бы сразу получить, мне все стало ясно. Ну, давай сюда, сынок, не дразни мать.

Артур положил на стол голубовато-серый конверт с продолговатым шпанпом рижской Центральной тюрьмы. Ему и самому не терпелось — в их тихой, однообразной жизни каждое письмо Яна Лидум а было великим событием.

Ян, как и раньше, не мог сообщить в своем письме ничего особенного. Он просил Ильзу прислать ему англолатышский или англо-русский словарь. Он изучает английский язык и надеется за последние годы тюрьмы овладеть им. «Тогда попробую говорить с Артуром по-английски, — писал он, — пусть занимается хорошенько, пока еще есть время, а то дядя Ян перегонит его. Поцелуй его, Ильзит, за меня, теперь он, наверно, уже большой. Пусть учится как можно лучше, я в тюрьме тоже занимаюсь каждый день. Знания нам когда-нибудь очень пригодятся, это такое богатство — дороже целой горы золота. Ты, сестренка, тоже подумай об этом и не жалея своей головы. Но только береги свое здоровье и силу — они долго будут нужны тебе».

Была еще только середина недели, но Ильзе и Артуру казалось, что сегодня суббота и завтра наступит большой, радостный праздник. Они несколько раз перечитали письмо, пока не заучили наизусть. Потом Ильза достала бумагу и села писать ответ. Артур просил написать, что он будет учиться так, чтобы стать первым учеником в классе, а нужный словарь

достанет ему завтра. Письмо вложили в конверт, но до утра оставили незаклеенным: ночью еще что-нибудь могло прийти в голову.

На следующее утро, заметив, что мать проснулась, Артур сказал.

— Мама, ты знаешь, я в этом году не пропустил ни одного дня в школе. Не беда, если до конца учебного года я пропущу один день?

— Что же ты будешь делать в этот день? — поинтересовалась Ильза.

— Когда ты в следующий раз поедешь в тюрьму на свидание с дядей Яном... возьми меня с собой, — попросил Артур. — Мне очень хочется повидать его.

Ильза задумалась.

— Я не знаю, пустят ли тебя. Свидание разрешается только ближайшим родственникам. В следующий раз останься дома, а я постараюсь выяснить в тюремной канцелярии, и если разрешат, поедем вместе.

— Ну, тогда поезжай в Ригу в эту пятницу, — сказал Артур.

Ильза пообещала, но в пятницу поездка не состоялась. Библиотекарь донес начальнику точки, какие книги читает Ильза Лидум; в городке было известно, что ее брат сидит в рижской Центральной тюрьме и она переписывается с ним. Этого было достаточно, чтобы накануне Первого мая, когда охранка имела обыкновение арестовывать на несколько дней «подозрительных», взяли и Ильзу Лидум.

Ее арестовали в ночь на 28 апреля и продержали в уездной тюрьме до утра 3 мая. Несмотря на предусмотрительные действия охранки и полиции, красное знамя все же развевалось над башней старого замка, а в первомайское утро жители городка читали на заборах и на белых стенах дома мясника Трея революционные лозунги.

На свидание с Яном Лидумом Артур так и не попал: при очередном посещении тюрьмы Ильза узнала, что Артуру не разрешат встретиться с дядей.

С той поры Ильзу каждый год накануне Первого мая и годовщины Великой Октябрьской революции арестовывали на несколько дней. Артуру пришлось привыкнуть к посещениям полицейских и два раз в год несколько дней управляться по дому без матери. В городке их прозвали «красными».

Прошло еще несколько лет. В жизни Яна Лидума за это время ничего

не изменилось. Срок заключения истек, но сейчас его держали в тюрьме на основании так называемого закона Керенского.^[13] Время от времени его сажали в карцер и переводили на режим «черного месяца». В тюрьмах были периоды, когда надзиратели по несколько месяцев подряд воздерживались от жестоких расправ с заключенными — не придирались к мелочам, не занимались рукоприкладством. А за этими периодами следовали другие, когда надзиратели внезапно врываются в камеры, избивали заключенных, запирали без всякого повода в карцер. Все это происходило по указанию свыше: если общественное мнение слишком активизировалось, тюремный режим на время смягчался, но когда правящей клике по каким-либо причинам было выгодно сгустить атмосферу — в тюрьмах Латвии начинался террор.

Ян продолжал заниматься, заканчивал изучение «Капитала» Маркса, изучал английский язык и много читал по истории. Время от времени он встречался с Ильзой, переписывался с ней и получал передачи. Про Айвара он по-прежнему ничего нового не знал.

Наступило лето 1933 года. Подходил к концу одиннадцатый год тюремного заключения Яна Лидума. В те дни всех прогрессивных людей Латвии взволновал законопроект, который правительство старалось провести через сейм. Это было так называемое «Новое уложение о наказаниях», предусматривавшее кандалы, телесное наказание, изоляцию и карцеры. Рабоче-крестьянская фракция упорно боролась против его принятия в сейме, но что она могла сделать против объединенного фронта национальной буржуазии и реакционеров всех оттенков! Пример Гитлера не давал покоя правителям Латвии — уже давно мозолил им глаза сейм, левые профсоюзы, «свободы» собраний и печати. Буржуазия не могла дождаться, когда правящая клика ликвидирует эти атрибуты демократии и открыто станет на путь фашизма. Для реакционеров «Новое уложение о наказаниях» означало приближение фашистской диктатуры, которую позднее — 15 мая 1934 года — во всей полноте осуществил кулацкий главарь Ульманис с помощью своей банды айзсаргов.

В тюрьме стало известно, что гнусное «уложение» вступит в силу с 1 августа 1933 года. Центральное бюро тюремной партийной организации, членом которой был и Ян Лидум, по согласованию с Центральным Комитетом Коммунистической партии Латвии решило в знак протеста объявить голодовку и разослало по всем корпусам письмо. В письме были изложены основные требования, их предлагалось обсудить во всех камерах; они выражали категорический протест против применения в тюрьмах Латвии «Нового уложения о наказаниях». Политические

заклученные требовали улучшить освещение камер, чтобы можно было читать и вечером; улучшить медицинское обслуживание, которое было ниже всякой критики; увеличить хлебный рацион — вместо четырехсот граммов выдавать в день по семьсот граммов; допустить переписку, передачи и свидания каждую неделю, не отстраняя от этого и дальних родственников; разрешить два раза в день получасовую прогулку на свежем воздухе, выписку газет и еще ряд мелких требований.

Это письмо обсудили во всех камерах тюрем Латвии. Каждый коллектив принимал решение, в котором формулировал свои требования и дополнения к предложениям Центрального бюро. Эти решения и требования отдельных коллективов конспиративными путями пересылались Центральному бюро, и на основании всего этого материала оно постановило объявить голодовку, начиная с 1 августа — со дня вступления в силу «Нового уложения о наказаниях».

Заклученным разрешалось два раза в месяц требовать от тюремной администрации лист бумаги и карандаш — для подачи заявлений прокурору и начальнику тюрьмы. В пятницу 30 июля все политзаклученные потребовали письменные принадлежности, и каждый от своего имени изложил требования к тюремной администрации. Кроме основных требований, каждый выдвинул свои претензии общего и частного характера и объявил, что в случае их отклонения начнет голодовку. В субботу утром 31 июля все заявления были переданы старшему надзирателю корпуса.

Голодовка началась со следующего утра. Все продукты, находящиеся в камерах, заклученные сдали тюремной администрации и предложили удостовериться, что в камерах не осталось ничего съестного. В тех этажах и коридорах, где надзиратели не принимали продукты, заклученные выбросили их в уборную. Больным руководители забастовки предложили перевестись в больницу, некоторых поместили в одиночку — они не должны были участвовать в голодовке. Каждый участник голодной забастовки, набрав котелок воды, унес его в камеру и после этого не вступал ни в какие переговоры с тюремной администрацией.

Так началась эта героическая борьба. Затаив дыхание, следил за ней весь трудовой народ Латвии, все честные люди страны, которую правящий класс стремился столкнуть в бездну полного бесправия и унижения. Эхо великой борьбы отдалось далеко за пределами Латвии. Цвет народа, мужественные и самоотверженные сыны и дочери его дерзнули в беспросветную ночь реакции поднять в родной стране знамя борьбы. Напрасно правящая банда негодяев старалась сломить, усмирить их,

сгноить в каменных мешках — они еще раз бросили в лицо своим противникам бесстрашный клич протеста и вызова, подтверждая этим свое единство и непоколебимость в борьбе за правое дело. У вас пулеметы, штыки полицейские, полки айзсаргов, золото, власть, а мы, заключенные в камерах и карцерах, стоим с голыми руками, физически находимся целиком в вашей власти, но что вы можете сделать нам и нашей правде? Все ваши происки разбиваются о нее, как о гранитную скалу, ваше оружие одно за другим ломается, а скала стоит, как стояла, несокрушимая, вечная, и, глядя на нее, вы дрожите в животном страхе. Не помогут оковы, не помогут нагайки и виселицы — нашу правду нельзя заковать в кандалы, как нельзя задушить нашу борьбу, а она не прекратится до той поры, пока не будут стерты с лица земли все угнетатели.

Притихшие надзиратели слонялись по коридорам, подглядывали в двери, наблюдали, подслушивали, но как ни старались они держаться спокойно, скрыть свое волнение и тревогу, им это не удавалось. В камерах жизнь продолжалась по-старому: люди сидели у столов, читали, разговаривали вполголоса, на некоторых лицах даже искрилась задорная улыбка. Когда подошло время обеда, никто не встал и не пошел получать похлебку. Надзиратели сами внесли дымящийся бак, разгоняя душистый пар по камере; набрав полную поварешку похлебки, которая была гуще обычной, медленно выливали обратно, расхваливая вкусное варево.

Но никто даже не смотрел в их сторону.

В первый и второй день голодной забастовки заключенные утром и вечером становились на поверку. На третий день Центральное бюро партийной организации, руководившее голодовкой, дало указание: на поверку не становиться. Нары к стене больше не поднимали. Заключенные перестали ходить на прогулку и в баню, отказались от свиданий.

Огромная тюрьма напряженно притихла. Присоединилась к голодовке и часть уголовных, солидаризируясь с политзаключенными.

С пятого дня голодовки заключенные больше не подымались с нар. Сберегая силы, они старались как можно меньше двигаться, разговаривали вполголоса и усилием воли заставляли себя не думать о еде, хотя мысль о ней неотступно лезла в голову.

На восьмой день в одной из «звериных клеток» объявился первый дезертир — находись он в общей камере, моральная сила коллектива безусловно помогла бы ему выдержать борьбу до конца. В следующие дни попросили пищу еще некоторые из более слабых, но их можно было сосчитать по пальцам; это никак не могло ни повлиять, ни бросить тень на ход голодной забастовки.

А там, на воле, сотни тысяч людей с возрастающим напряжением следили за героической борьбой. Читали скудные заметки газет о ходе голодовки, обсуждали каждую новую весть и проклинали тех, кто был причиной этой мрачной борьбы; их сегодня еще охраняли штыки наемников, но придет время, когда не помогут этому змеиному отродью ни штыки, ни пулеметы... Голодовка продолжалась, несмотря на злорадные предсказания реакционной печати, что она сорвется в конце первой же недели. Прошло восемь, девять, десять дней, но еще незаметно было ни малейших признаков срыва. Напрасно пытались надзиратели соблазнить страдающих от голода людей пищей, напрасно жевали они на виду у заключенных бутерброды; в конце концов они были вынуждены прекратить эту гнусную игру: ни одна рука не протянулась к ним.

...Как ни избегали малейшего движения участники голодовки, как ни берегли силы, но они убывали с каждым днем. Ян Лидум ощущал в теле свинцовую тяжесть. Это чувство день ото дня все усиливалось. От долгого лежания в одном положении начинала болеть спина, и, когда Ян попытался повернуться на бок, ему казалось, что он привязан невидимыми узами к нарам, а на груди лежит тяжелая каменная плита и сбросить ее не хватает сил. Всякий раз, когда, преодолев нечеловеческим усилием смертельную усталость, он менял положение тела, у него кружилась голова, лоб покрывался холодным потом, сердце учащенно билось и он словно падал в темную бездну.

Тогда некоторое время он лежал не шевелясь, с расслабленными мускулами, дышал медленно, вдыхал неглубоко, чтобы не тратить тот ничтожный запас энергии, который еще сохранился в теле.

Яна Лидума, как и его товарищей по камере, порой мучили галлюцинации, знакомые переутомившимся и измученным голодом людям. Огромным усилием воли ему удавалось освободиться от этих кошмаров. Замечая, что товарищ начинает бредить, он находил в себе силы приподняться с нары и, медленно волоча ноги, дотянуться до него. Сев на нары, Лидум брал руку товарища, поглаживал ее и, улыбаясь, шептал:

— Ну как, старина, держимся? Надо выдержать... Ничего они не могут с нами сделать... Еще последнее усилие... немного терпения... и все будет позади.

Более слабым он подавал воду и примером своей сказочной выносливости как бы вливал в них новые силы. Возвращаясь на свое место, он шатался, как пьяный, в глазах было темно. Ян старался думать о тех сильных людях железной воли, которые умели превозмочь самые невероятные трудности и в ужасную стужу, страдая от голода, искали

дорогу к полюсу или, изнемогая от жары, пересекали бесконечные песчаные пустыни. Какая все же огромная сила дана человеку!

«Ведь и ты человек, Ян Лидум... — говорил он себе. — Ты должен преодолеть все, что могли преодолеть другие... ты не смеешь быть слабее их. И ты это сможешь... сможешь... надо только хотеть... выдержать...»

Выдержать, не поддаться... Эта мысль даже во сне жила в сознании заключенных.

Когда они бодрствовали, знали, что не одиноки в борьбе, понимали, что сотни тысяч трудящихся, честных боевых товарищей — здесь же, в Латвии, и далеко за ее пределами — напряженно следят за героической борьбой, гордятся их несгибаемой волей.

...Ночь. Тюрьма молчит, как затаившее дыхание чудовище. Даже надзиратели, которых с каждым днем все больше смущает сказочное геройство заключенных, боятся шуметь и при очередных обходах стараются ступать по возможности тише. Как воры, подкрадываются они к дверям, заглядывают в камеры и, опустив глаза, идут дальше.

Ян Лидум лежит на нарах, вытянув руки вдоль тела. Сон не идет к нему, глаза устремлены в мрак камеры, а мысли витают где-то далеко. Вся жизнь — с того дня как он себя помнит — проходит перед ним. О прошлом все передумано, его мысль не задерживается на настоящем, духовный взор Яна Лидума, не затуманенный и не потерявший остроты, обращается к лазурным далям будущего, когда не будет голода и люди не будут знать, что такое тюрьма. Это наполняет сердце чувством бесконечной радости и гордости за героическое племя, которое завоеует это будущее.

«И ты будешь среди них... и ты завоеешь... Только не сгибайся. То, что ты преодолеваешь сегодня, еще не самое тяжелое...»

И вдруг он слышит детский плач. Маленький мальчик, одетый в отрепья, стоит под осенним дождем. В мольбе протягивает он худые, озябшие ручонки к Яну Лидуму и рыдает.

— Папочка, помоги мне, спаси меня! Почему ты не идешь?

Лидум узнает сына, отчаянным усилием рвется к нему, но не может двинуться с места. И грубый мужчина бьет толстой веревкой ребенка.

— Айвар... — стонет Лидум и открывает глаза, смежившиеся лишь на одну секунду; снова перед ним стены тюрьмы и он на нарах, а на него пристально смотрит надзиратель. Где-то, в нескольких шагах от Лидума, тихо стонет товарищ, и этот стон похож на предсмертный хрип. Лидум с трудом спускает ноги на пол и медленно-медленно, осторожно встает, опасаясь соскользнуть в маячащую впереди бездну. Выждав, пока пройдет приступ головокружения, он начинает свой путь в сторону стола.

Достигнув стола, наливает кружку воды, пьет и отдыхает, присев на скамью, затем снова наполняет кружку и направляется к нарам, где мучается от голода его товарищ. Обратный путь тяжелее: Ян держит в руках кружку и остерегается пролить воду.

— Выпей, старина... — шепчет он.

Хрип затихает. Серый утренний свет блеснул у верхней части стены, в том месте, где находится окно.

«Победить, сломить и уничтожить тело вы можете... — думает Ян. — Но нет у вас власти над нашим свободным духом. Нас не сломить, мы не поддадимся... победа все-таки будет принадлежать нам. Потерпи, Айвар, мой мальчик... потерпите, все обездоленные, мы придем к вам».

Немного погодя Лидум впадает в тяжелый бредовый сон — со стороны даже незаметно, что он дышит, и кажется, что человек мертв. Но он жив и выдержал борьбу вместе с другими товарищами; оголтелой своре белых насильников оказалось не под силу сломить их боевой дух.

...На следующий день Центральное бюро тюрьмы получило директиву Центрального Комитета партии о прекращении голодовки с 13 августа. В некоторых камерах и «звериных клетках», где директивы получили с опозданием, голодовка продолжалась и 13 августа.

Ян Лидум еще несколько дней после окончания голодовки ощущал в теле свинцовую тяжесть, при каждом резком движении у него кружилась голова. Некоторых товарищей пришлось перевести в больницу, кое-кому эти нечеловеческие испытания надломили здоровье на всю жизнь. Хотя и не удалось добиться полной отмены «Нового уложения о наказаниях», но теперь политических заключенных приравнивали в смысле режима ко второй группе, и это безусловно была значительная победа. В тюрьме улучшилось медицинское обслуживание; в одиночках на стене рядом с нарами появились электрические лампочки, а в общих камерах лампочки повесили над столами на высоте человеческого роста, и теперь по вечерам можно было читать. Кроме того, заключенным разрешили выписывать «Ритс» и «Латвияс Саргс».^[14]

Главным же достижением было то, что удалось всколыхнуть общественную мысль и привлечь внимание широких слоев населения к этой борьбе, в которой господствующий класс окончательно раскрыл свое звериное лицо; увидев его во всей неприглядности, народ никогда не забудет его, никакие льстивые заверения, никакая ложь не обманут больше честных людей страны.

Когда Артур поступил в среднюю школу,^[15] многие жители уездного городка иронически посмеивались. Мастерница Эперман совершенно открыто издевалась над Ильзой:

— Подумайте только, добрые люди, что эта женщина выдумала: сама гладит господское белье, а из мальчишки хочет сделать барина!

А Лемкин осуждающе покачивал головой и ворчал:

— Скоро каждый бедняк начнет задирать нос до небес. Такую гордыню господь бог не оставит безнаказанной, вспомните мои слова.

Ильза не находила сочувствия и среди простых людей. Им казалось, что она взяла на себя непосильное бремя.

— Проучится годика два в средней школе, и окажется неспособен... — рассуждали они. — Придется бросить ученье на полпути. Лучше бы определила парня к какому-нибудь мастеру, научился бы он ремеслу. Сапожники, кузнецы и шорники сегодня больше нужны, чем люди, умеющие работать за письменным столом; интеллигентных безработных в Латвии и теперь много, и каждый год прибавляются тысячи новых — рижская биржа труда не успевает регистрировать их.

Нельзя сказать, чтобы Ильза не подумала об этом, прежде чем решила вопрос о дальнейшем пути Артура. Однажды вечером, завернув к Карклиям, она посоветовалась с мужем приятельницы-прачки. Одно плечо у Карклия было ниже другого, как у всех носильщиков тяжестей, но этот невысокий плечистый человек всегда держал голову гордо поднятой, и в уголках его губ, прикрытых светлыми усами, часто появлялись морщинки добродушной улыбки.

Его никогда не видели пьяным, не в пример многим другим рабочим лесопилки; если кто из его молодых товарищей позволял себе какую-нибудь грубоватую шутку и пытался блеснуть скабресным остроумием, Каркльинь спокойно указывал ему, что такие вещи не к лицу рабочему человеку.

— Возможно, хозяевам и хочется, чтобы мы жили и вели себя, как скоты, но я думаю, не стоит доставлять им этого удовольствия.

Ильзе он сказал:

— Пусть барыньки насмеются над вами. Разве нашим детям не пригодится образование? Это ничего, что сегодня много безработной интеллигенции, ведь мы будем жить не только сегодня, но и завтра. Надо думать о будущем. Тем, кто не имеет возможности приложить свои силы

сегодня, они пригодятся в будущем.

Почти то же самое сказал и Ян, когда Ильза в середине лета встретила с ним в тюрьме.

— Посылай Артура в школу, Ильзит. Не жалея средств, жертвуй всем и не сомневайся: образование пригодится ему больше, чем деньги.

После этого Ильза больше не колебалась, и вскоре Артур поступил в среднюю школу.

В летние каникулы Артур уходил на заработки. Последние два лета до окончания начальной школы он нанимался пастухом к окрестным кулакам, а когда подрос, стал подрабатывать то на ремонте дорог, то на посадке леса, то на реке у сплавщиков. Лето 1933 года он проработал полубатраком у одного кулака. Но, несмотря на все старания, мать и сын едва сводили концы с концами. Яну в тюрьме тоже надо было помогать. Небольшие сбережения, сделанные в прежние годы, быстро растаяли, и подчас Ильза не знала, чем заплатить за учение Артура и за квартиру. До последней возможности урезали они расходы: обходились собранными осенью грибами и картошкой, которую Ильза получала за работу в кулацких усадьбах по вечерам и в воскресные дни. Масло и мясо они видели только по воскресеньям. Артур уже вырос из одежды, ему нужно было теплое зимнее пальто, но приходилось терпеть до лучших времен. В средней школе, где учились по большей части дети зажиточных родителей, бедность Артура резко бросалась в глаза, но он спокойно переносил пренебрежительное отношение девочек и не обращал внимания на дерзкие замечания сынков богачей по поводу его подозрительного происхождения, а то, что его прозвали «красным», доставляло ему удовольствие. Главное, надо было хорошо учиться, а в этом отношении даже самый придирчивый учитель не мог ни в чем его упрекнуть: из года в год он оставался лучшим учеником в классе.

Так подошел февраль 1934 года. Осенью Артуру исполнилось восемнадцать лет, и теперь он учился в предпоследнем классе средней школы. Высокий, худощавый, с шапкой густых волос, с несколько угловатыми плечами, он выглядел почти уже взрослым парнем.

Однажды, вернувшись из школы, Артур сел писать сочинение по латышской литературе. На лестнице раздались тяжелые шаги, в дверь постучали, Артур вышел в кухню и, отодвинув засов, приоткрыл дверь: перед ним стоял незнакомый широкоплечий мужчина на полголовы выше его.

— Вам кого? — спросил Артур, не совсем ясно различая в полутьме лицо человека.

— Скажите, здесь живет Ильза Лидум? — спросил незнакомец.

— Да, — ответил Артур, — Ильза Лидум — моя мать.

— Значит, я не ошибся. Мне надо видеть вас обоих.

— Мама придет только часа через два, — сказал Артур. — Если можете подождать — пожалуйста, прошу... — и он широко растворил дверь.

— Времени у меня достаточно, — ответил незнакомец. Войдя в кухню и почти касаясь головой низкого потолка, он огляделся, потом взглянул на Артура, улыбнулся ему и тихо промолвил: — Здравствуй, Артур...

— Здравствуйте, — смущенно ответил Артур. Теперь, когда он разглядел лицо пришельца, его коротко остриженные волосы и ласковые голубые глаза, в голове его мелькнула неясная догадка.

— Вы знаете мою мать? — спросил Артур.

— Конечно... — снова улыбнулся пришедший. — А ты разве не узнаешь меня? Вот какой у меня племянник!

— Дядя Ян? — вырвался у Артура радостный взглас; он бросился к Яну, схватил его огромную руку, потрянул раз десять подряд, все время взволнованно шепча: — Дядя Ян... наконец-то ты вернулся... вот мама обрадуется!

Ян Лидум обнял его за плечи, слегка притянул к себе и сказал:

— Вернуться-то вернулся... Но надолго ли?... Ты помнишь, как сидел когда-то у меня на колене — на одном ты, на другом... Айвар?

— Как же, помню, — ответил Артур. — Мы с мамой часто вспоминаем тебя.

— Да... — вздохнул Ян. — Тогда и Айвар, наверное, кое-что помнит.

Артур помог Яну снять старое серое полупальто, повесил его в углу кухни и повел гостя в комнату. В тот вечер нечего было и думать об уроках. Артур не сводил глаз с дяди, и чем больше он глядел на него, тем больше убеждался, что Ян Лидум действительно таков, каким он его представлял. Какой рост и какие могучие руки! И какое спокойствие, какая твердая уверенность в каждом его движении, в каждом слове! Одиннадцать лет просидел он в тюрьме, а держится прямо, как двадцатилетний юноша, хотя позади у него уже сорок два года... и какие годы! Только в коротко остриженных волосах уже появилась проседь.

— Расскажи о своей жизни в тюрьме, — попросил Артур.

— За стеной кто-нибудь живет? — спросил Ян.

— С этой стороны нет, — пояснил Артур. — Можем разговаривать свободно.

И Ян рассказал ему о том, что представляет собой тюрьма, как живут и

учатся политические заключенные, о большой голодовке, взволновавшей несколько месяцев тому назад всю Латвию, и о непрестанной борьбе с тюремной администрацией. Конспиративная почта, потайные места — «молены» — в камерах, «звериные клетки» и карцеры и собственный радиоприемник в радиаторе центрального отопления... Каждое слово было откровением для Артура. Слушая рассказы дяди, он мечтательно улыбался, глаза у него блестели. Ян и Артур совсем не заметили, как пролетело время, и приход Ильзы показался им неожиданным.

Какой счастливый, радостный был этот вечер! Ильза снова и снова подкладывала еду на тарелку Яна, угощая его всем, что у нее было. В честь возвращения брата она купила в лавке белый хлеб и полфунта масла.

Хорошо зная, как относятся правители белой Латвии к политическим заключенным, отбывшим срок наказания, Ян не был уверен, что его завтра же не арестуют. Поэтому он хотел возможно лучше воспользоваться днями своей относительной свободы. Сразу же по выходе из тюрьмы он выполнил несколько заданий Центрального бюро тюремной парторганизации: встретился в Риге с некоторыми членами организации, возобновил связи с одной из подпольных групп, потерявшей после недавних арестов связь с руководством, и собрал нужные сведения о двух недавно арестованных товарищах, которые было чрезвычайно важно получить Центральному бюро. Все приходилось делать с величайшими предосторожностями, соблюдая строжайшую конспирацию, потому что охранка, несомненно, следила за каждым шагом выпущенного на волю Яна. Про эти дела он, конечно, ни словом не обмолвился в разговоре с Артуром и Ильзой.

Только после выполнения партийных поручений он поехал к сестре, чтобы за время, которое предоставят ему враги, привести в порядок личные дела.

В тот вечер, глядя на Артура, Ян Лидум думал: «Вот точно таким должен быть теперь мой сын... Где он сейчас? Где искать его следы?»

Подробно расспросив Ильзу о ее разговоре с волостным писарем, Ян объявил, что завтра же отправится в дальнюю волость и попытается выяснить то, что не удалось Ильзе.

6

Когда в канцелярию волостного правления вошел незнакомый мужчина, писарь Друкис понял, что это не крестьянин, хотя одежда его почти не отличалась от деревенской. Взгляд пришельца был так

проницателен, что его трудно было выдержать. И часто собеседник невольно опускал перед ним глаза, чувствуя себя как-то неловко. Друкис с первой же минуты испытал это.

— Что вам? — спросил он, не отрываясь от бумаг.

— Могу ли я поговорить с господином Друкисом? — спросил вошедший.

— Прошу, — сказал Друкис и подошел к барьеру, отделявшему канцелярию от посетителей. — С кем имею честь?

— Меня зовут Ян Лидум. Вы меня не знаете, я никогда не жил в этой волости. Но у меня к вам есть дело.

В канцелярии, кроме них, никого не было. Помощница писаря ушла обедать, волостной старшина в этот день не принимал.

— Слушаю, господин Лидум... — сказал Друкис. — Чем могу служить?

Ян немного подумал, глядя в глаза Друкису, и сказал:

— Я потерял сына. В последний раз я видел его, когда он был малышом, но с того времени прошло больше одиннадцати лет.

— А какое это имеет отношение ко мне? — удивился Друкис — Ведь вы никогда в этой волости не жили...

— Отношение весьма определенное... — перебил Ян. — Мне известно, что одиннадцать лет тому назад в этом здании происходили сиротские торги и один из мальчиков, отданных в тот день на воспитание, был мой сын — Айвар Лидум. Мне известно и то, господин Друкис, что вы при этом присутствовали и составили акт о торгах.

— Такого случая я не помню... — пробормотал Друкис. — Сиротских торгов было много, я на всех присутствовал, но разве можно запомнить имя каждого ребенка.

— Верно, требовать от вас этого нельзя, — продолжал Ян. — Но ведь это можно выяснить по старым протоколам.

— Что вы, собственно, хотите? — спросил Друкис, избегая взгляда Яна.

— Я хочу знать, куда делся мой сын... кому тогда вы отдали его? Не думайте, что я собираюсь вас в чем-нибудь упрекать. Вы делали то, что в подобных случаях делают местные власти.

— Разрешите спросить, где вы сами находились в то время? Почему вы сами не заботились о своем сыне? — В голосе Друкиса появилась резкая нотка.

— Я был в тюрьме, — спокойно ответил Ян.

— За какие дела?

— Ни за какие. Меня подозревали в нелегальной политической деятельности. Этого оказалось достаточно.

— И долго вы просидели так, ни за что ни про что?

— Больше одиннадцати лет.

— Что-то не слышал я, чтобы ни в чем не виноватых людей держали столько времени в тюрьме, — усмехнулся Друкис.

— Об этом вам следовало бы поговорить с Поммером.

— Кто это?

— Начальник рижской Центральной тюрьмы.

— У меня нет ни малейшего желания знакомиться с этим уважаемым господином, — засмеялся Друкис — Ну скажите на милость — одиннадцать лет! Как медленно, однако, работают у нас судебные органы. Вас давно освободили?

— Полторы недели тому назад.

— А, так вы даже и свежего воздуха еще не понюхали как следует.

Друкис задумался. Он хорошо помнил случай с маленьким Айваром. Друкису казалось, что к этому делу никогда не придется возвращаться, его ответ Ильзе Лидум был достаточно ясным и понятным. Кто бы мог подумать, что на сцене когда-нибудь появится такая важная персона, как отец мальчика.

— Господин Друкис, я надеюсь, вы поможете мне, — продолжал Ян. — Я не уйду, пока не узнаю, куда девался мой сын.

— Боюсь, что вам все же придется уйти ни с чем, — ответил Друкис. Сняв роговые очки, он долго протирал запотевшие стекла.

— Почему вы так думаете? — спросил Ян, стараясь говорить спокойно, хотя это стоило ему больших усилий.

— По двум причинам, — ответил Друкис, продолжая заниматься очками. Со второго этажа лились звуки какой-то красивой грустной мелодии — наверно, включили радиоприемник. — Вы сами сказали, что торги происходили более одиннадцати лет тому назад. Это значит — все акты и другие документы давно сданы в архив, и у меня нет никакой возможности найти нужные вам сведения. Это первая причина.

— А вторая? — спросил Ян, перегнувшись через барьер, будто намереваясь схватить Друкиса за плечи.

Писарь инстинктивно отодвинулся и нащупал в кармане брюк револьвер.

— Вторая причина, что ваш *бывший* сын уже давно усыновлен, — сказал он. — Он многие годы носит другую фамилию, и у него теперь другой отец. Согласно закону и высказанному усыновившим его лицом

пожеланию, ни один государственный служащий не имеет права выдать вам об этом какую-либо справку. Это для того, чтобы *бывшие* родители и другие родственники не мешали воспитывать его. Вы утратили все права на своего сына, господин Лидум, и я при всем своем желании ничем не могу вам помочь. Я не желаю попасть в тюрьму. Вам тоже не надо было попадать туда, тогда сегодня все было бы в порядке.

Лицо Яна помрачнело.

— Значит, не скажете? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

Друкис пожал плечами.

— Мне нечего сказать вам. У вас еще есть ко мне вопросы, господин Лидум?

— Послушайте... — прошептал Ян. — Попробуйте на минуту очутиться в моем положении. Если бы на месте моего сына был ваш сын и сегодня бы вы стояли здесь за барьером, как нищий, у которого отняли самое дорогое в жизни Поймите мою боль, прошу вас...

— Никто ничего у вас не отнимал, — ответил Друкис. — Сами потеряли, и хорошо, что потерянное нашли люди, которых никому не приходит в голову сажать в тюрьму. А теперь извините — у меня дела. Будьте здоровы...

В знак того, что разговор окончен, он сел за стол и уткнулся в бумаги. Со второго этажа, из квартиры Друкиса, опять донеслась чудесная мелодия — это был танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро» Чайковского, мелодия, знакомая всему цивилизованному миру. Человеку, которому принадлежал этот приемник и который безусловно причислял себя к цивилизованным людям, Ян Лидум, уходя, бросил всего одно лишь слово:

— Дикарь...

— Потише, вы... — Друкис угрожающе повысил голос. — Иначе можете опять попасть туда, откуда вы недавно вышли Оскорблять государственного служащего при исполнении служебных обязанностей...

Но Яна Лидума уже не было в канцелярии. Когда он вышел на рябившую от летящих снежинок улицу, в его душе бушевала буря.

«Неужели потерян? — спрашивал он себя. — Навсегда потерян для меня? Это невозможно. Я не допущу, нет, нет... Друзья мне помогут... мы обыщем все окрестности, объездим всю Латвию, и если только он жив... я найду его! Да, да, Друкис, найду! Твое молчание не поможет!»

Снег падал крупными хлопьями, заслоняя небо, солнце, и казалось — наступил вечер. Размеренно, широко Ян Лидум шагал по дороге — он шел обратно в уездный городок, к Ильзе и Артуру.

...Ян пошел работать на лесопилку носчиком досок. Старые носчики одолжили ему наплечную подушечку и показали, как брать на плечо доски, чтоб не терялось равновесие, и как сбрасывать их на штабель, чтобы они не расползались. Несколько дней у Яна болели ноги и ныло плечо, но скоро он привык и уже не отставал от товарищей. Только по вечерам, когда рабочие приглашали Яна выпить бутылочку водки, он добродушно отказывался и шел домой. Потеряв надежду найти Айвара, он еще сильнее привязался к племяннику и отдавал ему каждую свободную минуту.

По указаниям партийного руководства, Ян должен был несколько месяцев прожить так, чтобы у охранки не возникло ни малейшего подозрения. В Риге он получил несколько адресов и пароль, чтобы позднее, когда позволят обстоятельства, связаться с подпольщиками уездного городка и включиться в партийную работу. А до тех пор ничего иного не оставалось, как читать книги, которых не было в тюрьме, и заниматься политическим воспитанием сестры и Артура. Он делал это с большим увлечением.

Из первых же разговоров Ян понял, что Ильза много читала и довольно хорошо разбирается в основных вопросах классовой борьбы и международной политики. Лицемерие и предательство латвийских меньшевиков для Ильзы было ясно, но до сих пор никто ей не указывал путь борьбы, по которому следовало идти. Однажды вечером, когда Артур ушел покататься на коньках, Ян заговорил об этом с сестрой.

— Ты видишь несправедливости и возмущаешься ими. Тебе ясно, какой строй нужен человеческому обществу. Но какая польза от того, что ты сознаешь это?

— Никакой, — согласилась Ильза. — А что может сделать для всего общества слабая женщина?

— Во-первых, ты не слабая женщина, — возразил Ян. — Это ясно уже потому, что, несмотря на трудности, довольно крепко держишься на ногах. Во-вторых, действовать ты будешь не одна. В большом механизме нужно много маленьких винтиков, каждый из них выполняет определенную работу. И когда такой механизм приходит в действие — дрожит земля... а иногда и люди, у которых есть основания дрожать.

— Ты думаешь... я могу? — шепотом спросила Ильза, краснея от волнения.

— Если уж ты не сможешь, то мало кто сможет. Риск большой, настаивать я не могу. Но тебе, сестра, роль стороннего наблюдателя не к лицу.

— Я не хочу быть сторонней наблюдательницей, только у меня в таких делах нет никакого опыта. Что толку, если я нечаянно сделаю что-нибудь необдуманное и с первого шага попаду в тюрьму? Попасть в тюрьму дело нехитрое, но если это произойдет по глупости, меня никто не похвалит.

— Правильно, Ильзит, — улыбнулся Ян. — Надо так работать и бороться, чтобы у тебя были успехи, а наши враги оставались бы с носом. Ты понимаешь, с каким риском это связано, и все же не боишься начать?

— Не боюсь, Ян... — сказала Ильза.

— Хорошо, тогда ты скоро получишь работу... — обещал брат.

Несколькими днями позже произошел такой же разговор с Артуром, только на этот раз начал его не Ян.

— Дядя Ян, я хочу жить так, как ты, — объявил Артур, оставшись наедине с дядей. — Я учусь только для того, чтобы быть полезным в великой борьбе. Посоветуй, что мне делать?

И Ян рассказал племяннику о смысле и целях революционной борьбы, познакомил его со сложным искусством конспирации и добился того, что Артур загорелся желанием как можно скорее вступить в ряды борцов.

Спустя несколько недель, в воскресенье, Ян с Ильзой пошли в лес за сухим хворостом. На обратном пути они встретили носчика Карклина и обменялись с ним несколькими словами. Только теперь Ильза узнала, что Карклин — один из тех людей, вместе с которыми Ян борется за лучшую долю трудового народа. Они договорились, где и когда встретятся в следующий раз. Так Ильза включилась в подпольную работу. Ян держался так, словно встреча и разговор произошли совершенно случайно.

В другое воскресенье Ян с Артуром пошли в кино. Демонстрировали фильм с участием Чарли Чаплина. Когда сеанс окончился, на улице уже стемнело. Выходя из кино, они встретились с молодым человеком, учителем географии местной средней школы, Пилагом. Он недавно окончил учительский институт и первый год работал в городке. Ян поздоровался с ним, только когда они свернули в совершенно темный переулок.

— Вот, Артур, это твой будущий руководитель в том деле, о котором мы столько говорили в последние дни, — сказал Ян, положив руку на плечо племянника. — Поговорите обо всем и в дальнейшем действуйте сами.

Оставив Артура с Пилагом, Ян отправился домой. На сердце у него было легко и радостно.

Артур вернулся домой через несколько часов. По серьезному виду и сияющим глазам племянника Ян догадался, что для него началась новая жизнь. Он обнял его и крепко прижал к себе.

— Поздравляю тебя... — взволнованно сказал Ян и улыбнулся Артуру. — Будь мужчиной, смело гляди в будущее. Нам надо пройти немалый путь, пока достигнем цели.

— Я тебе очень благодарен, дядя Ян... — прошептал Артур. — А я думал, что у тебя в нашем городке нет ни одного знакомого человека. Оказывается, ты знаешь многих, и еще лучше, чем я. Дорогой дядя, мне даже трудно поверить, что теперь у нас — у тебя и у меня — общая дорога.

Ян предостерегающе приложил к губам палец:

— Тише, Артур! О таких вещах, товарищ Лидум, не надо говорить много.

Ему все время казалось, что он говорит со своим сыном.

...Прошло еще несколько недель. Как-то ночью, в середине апреля, на квартиру Ильзы явилась полиция и шпики охранки. Они искали Яна. Понимая, что означает это позднее посещение, Ян сейчас же встал и оделся в дорогу. В квартире сделали обыск, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить соседей. Через час Яна увели. Один день его продержали в уездной тюрьме, затем на полицейской машине увезли в Ригу и вновь, на основании закона Керенского, заключили в рижскую Центральную тюрьму.

Недалек был день 15 мая 1934 года. Готовясь к фашистскому перевороту, правящий класс стремился заточить в тюрьму всех тех, что мог в день преступления назвать настоящим именем это преступление.

7

Два раза в неделю Артур уходил по вечерам из дому и возвращался только после полуночи. Ильза не спрашивала его, где он проводит время, а сам он тоже ничего не говорил, хотя это молчание заметно тяготило его. Только однажды — это было 30 апреля — вечером, перед уходом, Артур подошел к матери и тихо сказал:

— Сегодня опять приду поздно. В случае, если к утру не буду дома, не беспокойся. Так... надо.

Они спокойно, ободряюще посмотрели друг на друга.

— Будь осторожен, — сказала Ильза. — Возьми с собой ключ. Я сегодня дома не буду ночевать. Может, опять придут незваные гости. Пусть на этот раз уйдут ни с чем.

После ухода Артура Ильза оделась потеплее и вышла на улицу. Возможно, охранка и не собиралась арестовать ее в этом году — в

предыдущие годы ее арестовывали 28 апреля и держали в тюрьме до 3 мая, — но на всякий случай она решила эту ночь провести вне дома. Некоторые жители городка были арестованы уже накануне. Ильяза подозревала, что охранка оставляет ее на свободе в надежде на более крупный улов: ведь Ян Лидум жил у нее несколько месяцев, и следовало предположить, что его пребывание в городке не осталось без последствий.

«Очевидно, они попытаются усыпить мою бдительность и некоторое время не будут беспокоить, чтобы я начала действовать смелее и решительнее, а в удобный момент свалятся как снег на голову».

С той поры как Ильяза включилась в работу подпольной организации, жизнь ее стала более тревожной, но в то же время интереснее и содержательнее. По железным законам конспирации, при выполнении партийных заданий Ильяза встречалась только с двумя-тремя членами организации, но, несмотря на это, она постоянно чувствовала себя членом сильного и широко разветвленного коллектива. Почти на всех городских предприятиях работал кто-нибудь из партийных товарищей; судя по всему, представители подпольной организации действовали и в различных учреждениях городского самоуправления, и на почте, и в школах, и среди железнодорожников. Руководитель городской организации Карклинь всегда знал все, что происходило в городе, у него была налажена связь и с сельскими ячейками уезда.

По заданию Карклиня Ильяза уже два раза ходила в деревню, передавала сельским товарищам литературу и руководящие указания. Каждый раз ей приходилось проделывать большой путь, и каждый раз она встречалась только с одним человеком, имени которого не знала: в условленном месте ее встречал неизвестный товарищ, она узнавала его по определенным приметам в одежде и проверяла паролем.

Это была опасная, но захватывающая работа. Вначале Ильяза не могла освободиться от тревожного чувства, будто каждый айзсарг или полицейский, каждый встречный глядит на нее с подозрением, читает ее мысли и знает про ее подпольную работу. Постепенно это чувство прошло, и она уже не принимала каждого прохожего за шпика, однако состояние настороженности никогда ее не покидало. Подпольщику надо было каждую секунду быть готовым к любой неожиданности; какая-нибудь мелочь, единственное неосторожно сказанное слово могло привлечь внимание врагов и сорвать задуманное дело.

На такой работе острее становилась мысль, в человеке создавались и развивались новые качества: быстрота реакций, способность быстро определить психику противника, разумная смелость и большое

самообладание. Пройти мимо полицейского, когда у тебя в руках корзинка с пачкой воззваний, спрятанная под мешочком крупы и полкараваем хлеба, — казалось бы, пустяковое дело, но какое требовалось напряжение нервов, чтобы не выдать своего возбуждения, не ускорить шаг и не оглянуться на прошедшего мимо врага! И какое глубокое удовлетворение, почти счастье ощущалось после удачно выполненного задания!

Да, это была борьба — не тихая, терпеливая тоска, а сознательная и бесстрашная работа по осуществлению своих заветных мечтаний. Ильза чувствовала, что она в этой борьбе растет и с каждым днем становится сильнее, духовно богаче. Она уже не была прежней одиночкой, которая, замкнувшись в своем узком мирке, шагала по жизни, неся на плечах ношу повседневных забот и лишь изредка испытывая маленькие радости. Теперь у нее была ясно осознанная жизненная цель, общая для всего рабочего люда, и сознание, что она член непобедимого коллектива. До сих пор у нее во всем мире были только два близких, бесконечно дорогих существа — Артур и Ян; сейчас этих родных по духу и судьбе людей можно было считать сотнями, тысячами. Со многими Ильза встречалась изо дня в день, знала все их радости и беды, про других только догадывалась, что они повсюду окружают ее. И это было хорошо, чудесно — теплое дыхание дружбы и товарищества оведало ее жизнь, делая ее прекрасной.

Всю ночь она провела в лесу и в городок возвратилась только утром, когда на улицах стало оживленно и она никому не могла броситься в глаза. Ильза проходила через городской парк, возле старинного замка на холме. Посреди парка у высокого дерева с совершенно гладким стволом и пышной кроной собралось много людей: несколько полицейских во главе с уездным начальником Риекстом, айзсарги, подростки-школьники и толпа любопытных.

«Зачем они собрались здесь?» — удивилась Ильза. Она подняла голову, и ей стала понятна причина этой суеты: на самой верхушке дерева развевался прикрепленный к длинному шесту красный флаг. Весь городок, расположенный в котловине, мог видеть его. «Все-таки недосмотрели», — подумала Ильза, и на душе у нее стало радостно при виде традиционного символа Первого мая, который и в этом году реет над городом. Накануне Первомайского праздника полицейские охраняли все места, где могло появиться красное знамя, но пока они боролись со сном, подпольщики делали свое дело, и каждый год красное знамя развевалось на новой вышке — иногда на башне старинного замка, иногда над фабричной трубой, а иногда даже над зданием городской управы.

Подойдя к толпе, Ильза остановилась и некоторое время наблюдала за

происходящим. Начальник уездной полиции Риекст разговаривал с подростками.

— Ну, ребята, кто из вас хочет заработать целый лат? — спрашивал он, поглаживая свою черную холеную бороду. — Что тут особенного, я в ваши годы больше времени проводил на деревьях, чем на земле. Ну, кто будет молодцом? Пять минут работы — и целый лат в кармане. Можно купить мороженое, да еще и на кино останется.

Никто не откликнулся. Тогда начальник начал предлагать каждому в отдельности:

— Вот ты, кажется, храбрец. Берись за дело.

— Я боюсь... — ответил один.

— У меня новые штаны, — сказал другой.

— Я не умею... — заявил третий.

— Мне отец не велит лазить на деревья... — объяснил четвертый.

— Мне не хочется... — равнодушно буркнул пятый.

Ствол дерева до самой верхушки был обмазан смолой. Один полицейский, видимо, уже пробовал взобраться на дерево, и о результатах этой попытки красноречиво свидетельствовали черные руки и совершенно испорченный мундир. А красное знамя продолжало развеиваться на ветру, приветствуя трудящихся в день их великого праздника и приводя в бешенство всех тех, для кого этот праздник был вызовом и угрозой.

Лат Риекста не соблазнял подростков. Тогда начальник полиции прибавил — обещал заплатить два лата. Но и после этого охотников не нашлось. Больше трех латов скупой Риекст платить не хотел. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в парке не появился хулиганистый отпрыск мясника Трея — рыжий Лудис. Смекнув, в чем дело, он немедленно разделся, остался в одних трусах и, поплевав на ладони, полез на дерево. Минут через десять флаг был снят, а Лудис выглядел так, что противно было смотреть на него: ноги, грудь, руки и лицо были сплошь измазаны смолой.

Мальчишки хлопали в ладоши и кричали:

— Черт, черт! Черный чертяка! Теперь тебе вечно ходить черным. Никаким мылом не отмоешь своей рожи!

Получив три лата, Лудис схватил одежду, ботинки и побежал к озеру отмываться. Толпа ребят следовала за ним по пятам, продолжая насмехаться. Кто-то бросил в него камнем, и он ударился в спину Лудиса, еще несколько камней просвистали над его головой. Тогда Лудис бросился бежать, петляя, как заяц, и низко пригибаясь, чтобы сберечь свою драгоценную голову.

...Ильза застала Артура еще в постели. Когда он проснулся, мать рассказала, что видела в парке.

— Лудис Трей! — сказал Артур, когда Ильза кончила рассказ. — Ни одно грязное дело не обходится без него. Где что-нибудь такое — он тут как тут. Ребята правы: будет грязным всю жизнь.

В полночь по городку были разбросаны листовки, а на заборах пестрели лозунги. По улицам бегали полицейские, всюду шныряли шпики. Агенты охраны допрашивали торговцев, кому они в последние дни продавали красный материал и смолу; оказалось, что красного материала не было в лавках с Нового года, а смолу отпускали многим крестьянам — иди ищи теперь.

Скоро об этом перестали говорить, так как в Латвии начались события, затмившие все остальные: 15 мая 1934 года Ульманис разогнал сейм и захватил власть в свои руки. Тюремь не успевали принимать всех, кто теперь стал помехой для главарей кулацкого «Крестьянского союза», — приходилось на скорую руку готовить концентрационные лагеря. В городке арестовали около двадцати человек, но Ильзу почему-то оставили в покое.

Спустя неделю после фашистского переворота Артур снова ушел на всю ночь. Утром он был чем-то встревожен. Когда Ильза оделась, чтобы идти на работу, он сказал ей:

— Мама, у меня к тебе просьба. Если ты сочтешь это опасным, можешь мне отказать, — тогда мы попытаемся найти иной выход. Но хорошо, если бы это удалось организовать у нас.

— В чем дело?

— Завтра вечером приедет один человек. Он не может остановиться в гостинице, но одну ночь ему надо побыть здесь. Могу я... привести его сюда?

— Ты думаешь, у нас будет безопаснее?

— Нет, опасно-то везде, но у других еще хуже. Только на одну ночь, мама...

— Ладно, пусть переночует, — сказала Ильза. — Неужели уж обязательно завтра кто-нибудь сунет к нам нос.

К вечеру Артур ушел и вернулся только после полуночи вместе с каким-то молодым человеком. Ильза оставила им в кухне на столе еду и записку: «В духовке горячий чай. Возьми сам».

Они закусили в темноте и еще долго о чем-то разговаривали вполголоса. Проспав на кровати Артура всего несколько часов, незнакомец рано утром ушел и больше не возвратился.

Вечером, узнав от товарищей, что представитель ЦК комсомола

Латвии сел в автобус и благополучно уехал из городка, Артур сказал матери:

— Спасибо, мама. Ты оказала нам большую услугу. Комсомол этого не забудет.

Ильза села рядом с Артуром, задумалась, потом ответила:

— Хорошо, Артур, что ты участвуешь в справедливой борьбе. Продолжай и дальше. Я мешать тебе не буду. Только помни — наша квартира может когда-нибудь стать ловушкой. Я не боюсь неудобств, мне не страшна и тюрьма, но мы не смеем подвергать опасности людей, нужных народу.

— Я это учту... — обещал Артур. — К следующему приезду мы подготовим вполне надежное место. Мама... ведь ты не очень опасаясь за меня?

— Опасаться за тебя я буду всегда, — ответила Ильза. — Но я не могу тебе запретить то, на что ты имеешь право, — бороться. Ты должен бороться, Артур. И я буду бороться. У нас с тобой большой счет к жизни, и пока по нему не будет заплачено за пролитый пот, за каждую каплю твоих и моих слез, за муки и унижения всех простых людей, — мы не смеем успокаиваться. Ты понимаешь меня, Артур?

— Понимаю... — прошептал юноша. — Я горжусь тобою, мама. Мы всегда были хорошими друзьями. Теперь постараемся быть еще и хорошими товарищами.

Ильза прижала к груди голову Артура и поцеловала в лоб.

— Да, сын, будем товарищами.

Обоим казалось, что сейчас они стали гораздо ближе друг другу, чем до сих пор.

Глава пятая

1

В усадьбе Урги жизнь шла по-старому: каждый год Тауринь делал новые приобретения для своего хозяйства, а часть денег помешал в банк на проценты. В коровнике теперь были только породистые коровы, в конюшне, рядом с рослыми тяжеловозами, били копытами и ржали от избытка сил два рысака, которых хозяин два раза в год отправлял в Ригу на ипподром. В батрацком доме каждую весну менялись жильцы. На смену латгальцам приходили батраки из Литвы и Польши, но и те больше года в Ургах не выдерживали. Только старый Лангстынь никуда не уходил, не мог расстаться с любимым садом и пасекой, созданными и взлелеянными его многолетним трудом. Возможно, что не только это удерживало седого садовника в Ургах, но об этом он молчал, и никому не могло прийти в голову, что здесь играет некую роль маленький Айвар. С первых дней мальчик подружился с садовником и нигде не чувствовал себя так хорошо, как в обществе Лангстыня. Зимой он целыми часами просиживал в мастерской у садовника и без усталости наблюдал, как старый пасечник делает ульи и рамки для сот, а летом для него не было большего удовольствия, чем ходить за стариком по саду.

В Ургах у Айвара был еще один верный друг и хороший товарищ по играм — Инга, сынишка батрака Регута. Старый Лангстынь всячески покровительствовал их дружбе. Каждый день по несколько часов Айвар учился под присмотром кухарки Ирмы, изредка с ним занималась даже Эрна Тауринь, но когда заданный текст был прочтен и страница тетради исписана буквами, ничто не могло удержать Айвара в комнате.

Весною Айвар вместе с Ингой исходил все окрестные рощицы и кустарники; они знали наперечет чуть ли не все птичьи гнезда вблизи усадьбы и под стрехами строений. Иногда они отправлялись вместе с подростком-пастухом на пастбище и помогали ему пасти большое стадо Тауриня; там, на просторе, можно было побегать, напрыгаться, покричать, а когда надоедало резвиться, ничто не мешало помечтать о далеких морях и южных странах, куда они обязательно отправятся, как только подрастут. Попугаи и пальмы, львы и крокодилы, красивые парусники среди океанских просторов и индейцы с головными уборами из орлиных перьев — кто из ребят в свое время не мечтал об этих далеких чудесах,

простодушно веря каждой книжной картинке и услышанному рассказу. И Айвар с Ингой строили планы далеких путешествий, геройских подвигов, уверенные в том, что в их жизни не встретится такого препятствия, которого они — самые сильные и ловкие мальчишки на свете — не смогут со временем одолеть. Что будет не по плечу одному, то вдвоем они осияют шутя, надо только всегда держаться вместе, поэтому они торжественно поклялись в вечной дружбе; но ни один человек — даже старый Лангстынь — не должен был знать об этом.

Прошло с полгода, как привезли Айвара в Урги. Однажды Эрна и Рейнис Тауринь стали совещаться о дальнейшей судьбе мальчика.

— Память у него хорошая, — сказала Эрна. — Ученье дается ему легко. Посмотри, как красиво он стал писать буквы.

— Да, — согласился Тауринь, — паренек способный. А главное — здоров, как бычок, и растет не по дням, а по часам.

— Осенью ему надо идти в школу, — заметила Эрна. — Как ты думаешь, Рейнис, не лучше ли до того времени все решить?

— Мне кажется, дольше его испытывать не стоит, — согласился Тауринь. — Материал как раз какой нам нужен, а получится ли из него дельный парень, это зависит всецело от нас самих.

И вот было принято важное решение: усыновить Айвара. Вслед за тем Тауринь посетил некоторые учреждения и выполнил все формальности.

Как-то вечером Айвара позвали в охотничью комнату, где на стенах висели ружья и олени рога. Там его ждали торжественно серьезные хозяева.

Тауринь закурил папиросу, глубоко затянулся и, пристально посмотрев на Айвара, спросил:

— Ты знаешь, как тебя звать?

— Айвар... — ответил мальчик.

— Только Айвар? Больше имен у тебя нет?

— Айвар Лидум, — смутясь, прошептал Айвар.

Тауринь усмехнулся.

— Так тебя звали раньше, — пояснил Тауринь. — Теперь ты уже не Айвар Лидум, а Айвар Тауринь. Запомни это хорошенько, а свою прежнюю фамилию забудь навсегда. Повтори, как тебя зовут?

— Айвар Тауринь...

— Правильно, Айвар Тауринь. Теперь ты наш сын. Я твой отец, а это твоя мать. С этого дня ты будешь называть нас папой и мамой. Раньше у тебя были другие папа и мама, но оба они давно умерли и похоронены. Ты о них больше не думай, а во всем слушайся только нас — своих отца и

мать. У нас тебе будет житься неплохо.

— Гораздо лучше, чем у прежних отца и матери, — добавила Эрна.

— Пока ты нас будешь во всем слушаться, тебе здесь всегда будет хорошо, — сказал Тауринь. — Никто не посмеет тебя тронуть, потому что ты теперь мой сын. Мы тебя вырастим хозяйским сыном. У тебя будут хорошие друзья, с которыми ты можешь играть. Все они будут хорошо одеты. С грязными мальчишками батраков ты дружить не должен — они тебе не ровня. Я пошлю тебя в школу и сделаю барином. Когда вырастешь, будешь носить красивый мундир айзсарга — такой, как на мне, — и у тебя будет своя винтовка и револьвер. А когда я состарюсь, все, что здесь есть, перейдет к тебе, ты станешь хозяином этой усадьбы. Только ты должен крепко любить нас, своих отца и мать, и быть нам благодарным, потому что мы тебя осчастливили. Ты до конца жизни сможешь жить в Ургах. Ты понял, что я сказал?

В знак того, что понял, Айвар молча кивнул головой. Немного погодя он встретился во дворе с Ингой и рассказал ему все.

— Мне всю жизнь придется прожить в Ургах, — поведал ему Айвар. — Как ты думаешь, Инга, хорошо это? Тебе бы понравилось?

— Нет, не понравилось бы... — задумчиво ответил Инга. — Ты никогда не сможешь поехать на юг, не увидишь ни чужие страны, ни индейцев. Это плохо.

— Это ужасно... — согласился Айвар.

Спрятавшись за каретником, они долго обсуждали создавшееся положение и поняли, что теперь им придется скрывать свою дружбу от приемных родителей Айвара. Чем больше они об этом думали, тем грустнее становилось обоим.

— Мы все равно навсегда останемся друзьями, — сказал Айвар. — Это ничего, что Тауриню... отцу не нравится. Мы будем встречаться, играть, говорить в лесу, тогда никто об этом не узнает.

— Можно и так... — согласился Инга.

И они действительно там и встречались — до самой осени, когда оба пошли в школу.

В школе Айвар познакомился с сынками окрестных хозяев, но ни с кем так не подружился, как с Ингой Регутом. Все эти избалованные, заносчивые и спесивые мальчишки привыкли свысока смотреть на бедных сверстников. Иногда Айвар в перемены участвовал в их играх и соревнованиях, но, заметив, что они и на него посматривают сверху вниз, отошел от них. Настоящим другом и товарищем Айвара оставался Инга Регут. Они сидели на одной парте, а после уроков вместе шли домой,

вдвоем бродили по лесу и продолжали мечтать о будущем. Айвар всегда делился вкусными, густо намазанными маслом бутербродами с Ингой, но зато ему в свою очередь приходилось съесть половину скудного завтрака Инги, состоявшего чаще всего из куска ржаного хлеба, — иначе тот не соглашался брать его бутерброды.

Теперь супруги Таурини стали уделять больше внимания воспитанию Айвара. Эрна старалась привить мальчику хорошие манеры, которым сама научилась у образованных людей. Ни разу Айвар не поел без того, чтобы она не сделала ему несколько замечаний.

— Сиди прямо и не клади локти на стол... Вилку держи пальцами, а не зажимай в кулаке... Не облей штаны... Рукавом губ не вытирают — для этого есть носовой платок... Почему ты чавкаешь? Так делают только поросята...

Весной Тауринь, отправляясь в поле, иногда брал с собой Айвара. Везде он находил какие-нибудь непорядки или недоделки и своими ядовитыми замечаниями давал почувствовать хозяйскую власть. Если батрак пытался оправдываться или обижался на незаслуженные нарекания, Тауринь впивался в него, как клещ, и терзал до тех пор, пока не вгонял в седьмой пот и батрак уже не осмеливался перечить. Айвар слушал и с каждым днем все больше понимал, что приемный отец — самый сильный человек в Ургах. Он заметил, что ближайшие соседи относятся к Тауриню с большим подобострашием, почти унижаются, и решил, что его власть распространяется и на них. Встречаясь с кем-нибудь на дороге — кто бы это ни был, — Тауринь никогда не кланялся первым.

Другая мысль, которую Тауринь старался внушить приемному сыну, была немного сложнее, но по существу столь же примитивна: все люди, говорящие на чужом языке, поучал он, хуже и ниже латышей.

Неизвестно, какие плоды принесло бы это воспитание, если бы в Ургах не было маленького седого человека — старого Лангстыня. В его присутствии Айвар чувствовал, что попал в другой мир, где не было ни зазнайства, ни нетерпимого отношения к другим людям. Спокойно и ловко делал Лангстынь свое дело: копал землю, известковал яблони, прививал фруктовые деревья и ухаживал за ульями, а своими рассказами он прививал Айвару нечто такое, что совсем не входило в планы Тауриня и за что Лангстыню не платили ни одного сантима, — уважение ко всем людям, делающим полезную работу, любовь и сострадание к тем, кому тяжело живется на свете. Лангстынь интересовался чуть ли не каждым шагом Айвара и с большим удовольствием слушал, когда мальчик рассказывал о том, что видел дома, в поле или в школе. Однажды Айвар рассказал, как два

хозяйских сына, возвращаясь из школы, разорвали одному ученику штаны и запачкали грязью книги и тетради. Старый садовник, нахмутив лоб, спросил Айвара:

— Тебе это нравится?

— Он был такой смешной в разодранных штанах, — ответил Айвар, не сдерживая смеха. — Рубашка вылезла, а книги так запачкались в грязи, что их нельзя было взять под мышку.

— Смешной, говоришь? — проворчал Лангстынь. — Тебе смешно? Ну, а если у этого мальчика единственные штаны, а у отца нет денег на новые учебники — что ему тогда делать? Он не сможет больше ходить в школу. Если бы с тобой так поступили, ты бы тоже смеялся? Это скверно и подло. Ты должен был прийти ему на помощь и так проучить хулиганов, чтобы они долго помнили. Если слабого обижают, ему надо помочь. Так делают все честные и смелые люди, а ты вел себя, как трусливый заяц.

Айвар, покраснев, слушал упреки садовника.

— Совсем не так, дядя Лангстынь, — пытался оправдаться он. — Я совсем не боялся... только мне не пришло в голову, что надо сделать. В другой раз буду знать.

— Ну ладно, только не забудь, что я тебе сказал, — Лангстынь стал ласковее. — Таких псов надо учить. Они думают, если у отца есть дом и земля, то можно плевать на всех. Пусть поостерегутся, а то как бы когда-нибудь не наплевали и на них.

При разговоре о хозяевах и богачах у Лангстыня всегда выходило так, что эти уважаемые люди представляли в смешном и невыгодном свете. Он смеялся над их толстыми животами, их чванством, рассказывал об их ограниченности, тупости и жестокости. Они становились неприятными, даже противными Айвару, и он не понимал, почему приемный отец водит знакомство с такими плохими людьми. Больше всего Лангстынь любил посмеяться над лицемерием и ханжеством — тут самой подходящей мишенью для его насмешек был приходский пастор Рейнхарт. Старик рассказывал о его страшном обжорстве и стяжательстве, о том, что его преподобие на словах проповедует одно, а на деле творит другое — именно го, за что по воскресеньям бранит с церковной кафедры своих прихожан.

— Но ведь тогда он лгун! — удивлялся Айвар.

— Понятно, лгун... — подтверждал Лангстынь. — Нельзя верить ни одному слову этого ловкача.

— А почему же люди ходят в церковь и слушают его?

— Потому, что на свете еще много дураков, — пояснил Лангстынь. — Если бы люди поняли, что Рейнхарты думают только о своем брюхе и о

том, как бы больше выудить денег, они бы его не слушали.

В другой раз Лангстынь начал с Айваром разговор о Змеином болоте.

— В старину болото было совсем маленьким. Беда началась с того времени, когда дед теперешнего хозяина усадьбы Урги построил в нижнем течении реки водяную мельницу. Плотина мельницы задержала воды Раудупе и подняла их уровень. Речка вышла из берегов, и болото стало с каждым годом расширяться. Но это еще не все. Если люди не возьмутся за ум, воды затопят половину волости.

— А почему люди ничего не делают, чтобы избавиться от излишней воды? — удивился Айвар.

Лангстынь хмуро усмехнулся.

— Если бы все люди были честными, это было бы простым делом. Но ведь мельница принадлежит твоему отцу. Ей весь год нужна вода. Без согласия хозяина усадьбы Урги ничего не выйдет. Однажды уже брались за это. Крестьяне собрали подписи и обратились с просьбой к правительству. Приехали начальники, все осмотрели, сказали, что и как надлежит делать, а Тауринь говорит: «Нет! Если хотите что-нибудь предпринять, углубите в нижнем течении речку Раудупе, чтобы плотину можно было опустить ниже, и платите мне по тысяче латов в месяц, пока мельница будет простаивать, — иначе я не согласен». Никто таких денег не мог уплатить, и все осталось по-старому. И с Таурином ничего не поделаешь — он хозяин, а с такими людьми правительство не хочет спорить. Может быть, ты, когда вырастешь, будешь не таким, как твой отец, и подумаешь о нуждах других людей.

Так воспитывал Лангстынь приемного сына владельца усадьбы Урги. Сколько Тауриню удавалось посеять эгоистической жизненной мудрости, столько потихоньку выпалывал старый садовник сорняк за сорняком, росток за ростком. Только поэтому совесть Айвара не успела окаменеть в атмосфере самодовольства, царившей в семье Тауриня. Благодаря усилиям Лангстыня Айвар получил правильное представление о чести, научился уважать человека независимо от его имущественного и общественного положения, сочувствовать обездоленным и презирать подлецов.

Айвар находился между двух миров, как бы на распутье: обстоятельства и семья направляли его по одному пути, старый Лангстынь побуждал идти по другому.

Тауринь был убежден, что Айвар с каждым днем все больше становится настоящим хозяйским сыном. Он скорее видел в нем объект опыта, чем живого человека; он очень привык к мальчику, но не научился любить его всем сердцем, потому и в сердце Айвара он не затронул те

глубокие, самозабвенные чувства, которые рождают любовь. Откуда же ей было взяться, когда все делалось для того, чтобы будущий хозяин хутора вырос самоуверенным эгоистом. То, что в душе Айвара посеял старый Лангстынь, не принадлежало Тауриню, не принадлежало ему и то, чему Айвара учила сама жизнь, — все, что он видел и слышал на полях и в батрацком доме усадьбы Урги, все, о чем он мечтал вдвоем с Ингой Регутом, идя домой из школы или спрятавшись в мастерской Лангстыня, где они были недостижимы зоркому оку Тауриня.

2

Тауринь постоянно ставил себя в пример Айвару.

— Действуй по-моему, иди по моим стопам, тогда ты всегда будешь на верном пути, — повторял он при каждом удобном случае. Тауриню казалось, что в этой фразе заключается вся житейская премудрость, и он совершенно забывал, что в возрасте Айвара такой совет даже невыполним.

Наблюдательный и пытливый, как все дети, Айвар искал объяснений вещам и событиям, с которыми ему приходилось сталкиваться. У приемных родителей не хватало терпения все подробно объяснять мальчику. Поэтому Айвар старался все реже тревожить их своими вопросами, и, если что-нибудь не давало покоя его пытливному уму, он — обращался или к Ирме, или к старому Лангстыню, а иногда, набравшись храбрости, задавал вопросы отцу Инги, — от этих людей Айвар узнавал гораздо больше, чем от приемных родителей.

Прошло больше года с тех пор, как Айвар появился в Ургах, когда произошел случай, который ему никто не мог или не хотел объяснить. Однажды вечером Тауринь вернулся домой с собрания айзсаргов, сильно подвыпив. После ужина, когда все улеглись спать, хозяин вошел в каморку кухарки и стал приставать к Ирме. Спавшего за тонкой стенкой Айвара разбудил плач Ирмы.

— Уходите, хозяин... — умоляла девушка, — Что вы меня мучаете? Я ведь тоже человек.

Затем Айвар услышал приглушенный смех приемного отца, какую-то возню и наконец громкий крик.

— Свинья... вот ты со мной как! — кричал Тауринь. — Теперь ты увидишь! Поднять руку на своего хозяина!

Он выскочил из каморки, громко захлопнув за собою дверь.

Утром Эрна Тауринь велела Ирме убираться прочь.

— В моем доме потаскухам не место! — заявила она. — Получай заработанное — и с глаз долой.

— Здесь не хватает пятнадцати латов, — сказала Ирма, сосчитав деньги, брошенные на стол хозяйкой. — Я не получила за последние три месяца.

— Скажи спасибо, что я удержала с тебя за разбитую посуду только пятнадцать латов! — отрубил Эрна.

— Вы сами ее разбили, не я...

— Если хочешь, подавай в суд, но ни одного сантима я больше тебе не дам.

— Подавитесь, живодеры! — сказала, уходя, Ирма.

Тауринь целую неделю не выходил из дому, потому что в ту ночь Ирма исцарапала ему лицо — надо было подождать, пока заживет.

— Чем провинилась Ирма, за что ее прогнали? — спросил Айвар.

— Держи язык за зубами! — резко сказала Эрна Тауринь. — Какое тебе дело!

Тогда Айвар задал тот же вопрос Лангстыню. Старичок вздохнул и ответил:

— Нет на свете справедливости, вот и все. Богатый думает, что он может поступать с бедным, как ему вздумается. Но они забывают, что и бедняк — человек и нельзя его топтать ногами. Бедному так же больно, как и богатому, ведь и он живое создание.

— У отца исцарапано все лицо, — заметил Айвар.

— Вот и хорошо, — сказал Лангстынь. — Получил, что заработал. Ирма — храбрая девушка.

Лангстынь замолчал. Так и осталось неясным Айвару это происшествие. Он понял только, что Ирму обидели и приемный отец поступил скверно.

Вместо Ирмы в Ургах появилась новая кухарка. Иногда после ужина Тауринь заходил в ее каморку, но она не плакала и не царапалась.

Вскоре после ее появления в Ургах приемная мать велела переставить кровать Айвара в небольшую комнатку, окно которой выходило в сад, — он все-таки был хозяйским сыном, и ему не подобало спать в каморке рядом с кухней.

В Юрьев день в Ургах снова произошли некоторые перемены: проработавший два года у Тауриня батрак Регут не захотел больше оставаться у старого хозяина и подрядился к новому — Стабулниеку. С грустью расставался Айвар с другом; после отъезда Инги ему казалось, что

жизнь в Ургах сразу стала невеселой, неинтересной.

— Почему отец Инги не захотел остаться в Ургах? — спрашивал он Лангстыня. — Разве у Стабулниека ему будет лучше?

— Батраку всюду живет не сладко, — ответил Лангстынь, — в Ургах или Стабулниеках — всюду его ждет рабский труд и нищенский заработок.

— Почему же он ушел, если у Стабулниеков не лучше?

— Когда человеку тяжело, ему хочется перемены. Если и не будет лучше, то пусть хоть иначе. С какой стати Регуту всю жизнь слушать понукания и распоряжения какого-то Тауриня? Можно годок послушать, как это делает Стабулник.

В конце учебного года Инга сказал Айвару, что летом он будет пасти коров Стабулниека.

— Ты бы лучше пас стадо в Ургах, — сказал Айвар. — Я бы тебе помогал. Там тебе никто не будет помогать.

— Наверяд ли ты бы помог мне, — усомнился Инга. — Твоему отцу это не понравится. Он не позволит тебе ходить на пастбище.

— Да, верно, — согласился Айвар. — Но дружить мы все равно будем, правда?

— Если ты хочешь... я согласен, — ответил Инга.

До чего скучно и медленно тянулось это лето для Айвара, с каким нетерпением дожидался он осени! Раза два-три за лето он навел своего друга на пастбище Стабулниеков. Айвар всегда приносил Инге какую-нибудь новую, уже прочитанную самим книгу, и снова друзья несколько часов проводили вместе. Обоим тогда казалось, что наступил большой праздник. Когда Айвар вспоминал, что Инге приходится рано вставать по утрам и, несмотря ни на какую погоду, весь день ходить за стадом, у него сжималось сердце, было стыдно перед другом: пока Инга одиноко бродит по пастбищу, он может каждое утро спать сколько вздумается, а потом целый день занимается чем хочет — гуляет по лесу, играет, читает книги или удит на речке рыбу. Почему же так устроено, что одному живет плохо, а другому хорошо? Ведь Инга ничуть не хуже его, Айвара, — в школе по всем предметам у них одинаковые отметки.

Мальчику казалось, что он как-то обкрадывает своего друга.

Зимой друзья снова сидели за одной партой, помогали друг другу решать трудные арифметические задачки, но после уроков уже не могли, как раньше, вместе бродить по лесу, так как идти им было в разные стороны. По очереди они провожали друг друга, говорили о прочитанных книгах, о предстоящем путешествии в жаркие страны, а затем, расставшись, спешили домой, чтобы родители не подумали, будто учитель

в наказание оставил их после уроков в школе.

3

Прошло четыре года. Инга Регут каждое лето нанимался пастухом, зарабатывал себе одежду и хлеб — для батрацкой семьи это было большим подспорьем. Айвару не приходилось зарабатывать себе на хлеб и одежду — все это доставляли ему с избытком батраки Тауриня. Если мальчик в летние каникулы помогал в легких работах по усадьбе, то только потому, что будущему хозяину надо было и самому разбираться в полевых работах. Уже давно было решено, что после окончания начальной школы Айвара пошлют учиться в сельскохозяйственное училище.

Время это подошло быстро. Айвару и Инге было по четырнадцати лет, когда они окончили начальную школу. Получив свидетельства — лучшие в классе, — друзья в последний раз пошли в Аурский бор и несколько часов бродили по любимым тропинкам.

— Что ты теперь станешь делать? — поинтересовался Айвар.

Инга пожал плечами и попробовал улыбнуться, но улыбка получилась грустная, вымученная.

— Мне выбирать не приходится. Надо начинать работать. На отцовский карман надеяться нечего. Уже договорились — у Кикрейзиса полубатраком.

— А как с дальнейшим ученьем?

— Там видно будет.

— Тебе надо учиться, Инга! — страстно воскликнул Айвар. — У тебя хорошая память.

— Какой в том прок, если в кармане ни гроша. Мне и начальную-то школу окончить нелегко было, а о средней школе или техникуме и думать нечего. Это для хозяйских сынков.

— А если у них башка звенит от пустоты? Учиться надо тем, у кого есть способности, а не у кого много денег, да мало ума. Надо бы издать такой закон, чтобы в среднюю школу не принимали неспособных людей, пусть они будут какие угодно богачи. Ты, Инга, не имеешь права останавливаться на полдороге.

— Я и не думаю. Проработаю у Кикрейзиса до осени, куплю книги и буду заниматься по вечерам дома, а весной попробую сдать экзамены.

— А не трудно будет?

— Выдержу... силы хватит... — засмеялся Инга.

Он был на полголовы ниже Айвара, но плечист и мускулист, почти как взрослый парень.

Айвару было жаль Ингу, и, так же как при встречах на пастбище Стабулниеков, он чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним. Почему Инге, с его светлой головой, приходится так рано впрягаться в тяжелое ярмо? Почему он, Айвар, не может ему помочь и как-то изменить его судьбу? Почему так бессмысленно устроена жизнь?

Много было этих «почему», слишком много, и Айвар тщетно старался найти на них ответ. Ответа он не нашел, только теперь он особенно ясно увидел, что в жизни, которую ему приходилось наблюдать, царит жестокий закон — право сильного — и один человек изменить этот закон не в силах, будь он самым способным и самым честным.

Прощаясь, они крепко пожали друг, другу руки и, ободряюще кивнув, улыбнулись, но у обоих на душе было тяжело. Они понимали, что сегодня их пути расходятся надолго, возможно — на всю жизнь.

Дома Айвара ждал сюрприз, в связи с успешным окончанием школы Тауринь подарил ему велосипед. Вручая подарок, он торжественно сказал приемному сыну:

— Это за школу. Когда окончишь училище и пройдешь конфирмацию, получишь мотоцикл, а вернешься с военной службы, велю сшить тебе мундир айзсарга из лучшей материи, как офицеру.

Жизненный путь Айвара был намечен далеко вперед, и никто не спрашивал, нравится ли ему этот путь.

В конце лета Тауринь отвез приемного сына в одно из прославленных сельскохозяйственных училищ — в Приедоле.

4

Приедольское сельскохозяйственное училище было устроено в бывшем дворце какого-то помещика, сбежавшего после войны в Германию. В одном флигеле помещались классы, в другом — интернат. Здесь же, за большим парком, начинались поля, где воспитанники проходили сельскохозяйственную практику. Окрестности были живописны — березовые рощи, пологие холмы и богатая рыбой речка Приедоле.

Большинство воспитанников составляли дети богачей. У них были примерно одинаковые интересы, одинаковое отношение к окружающему миру. Почти все они готовились применять приобретенные в школе знания в отцовских усадьбах, и лишь немногие, у кого родители не имели

собственного хозяйства, думали о службе. Кулацкие сынки, которым во всех школьных делах принадлежало решающее слово, называли себя «молодыми волками» и составляли замкнутое, крепко спаянное общество, во главе которого стоял так называемый «старый волк» — один из самых энергичных и влиятельных воспитанников последнего класса. Такого главаря выбирали в начале учебного года на открытом собрании; это событие почему-то именовали «завыванием молодых волков», и ученики первого класса участвовать в нем не имели права.

С нескрываемой радостью они восприняли фашистский переворот Гитлера в Германии; еще с большей радостью приветствовали события 15 мая в Латвии^[16] — эти события казались им чем-то само собою разумеющимся и необходимым, они придавали их классу большой вес и значимость. Наследники состоятельных хозяев, поставщиков масла, льна и бекона, считали новый курс правительства вполне естественным — ведь он был на руку крупным землевладельцам. Государственная дотация за каждый произведенный для экспорта килограмм масла, льна или бекона, так же как доплата за каждого занятого в усадьбе городского безработного, не казались им странными и несправедливыми, как как они готовились строить свое благополучие именно на этих доплатах.

Айвар скоро привык к режиму училища: воспитанники вставали в один и тот же час, в определенное время шли в классы, обедали, готовили уроки, отдыхали и ложились спать. С первого же дня Айвар серьезно взялся за учебу и без особого усилия стал одним из лучших учеников в классе; однако первое место принадлежало Юрису Эмкалну, сыну кузнеца. Айвар сидел с ним за одной партой. Их кровати в интернате тоже стояли рядом. Они быстро подружились. Юрис Эмкалн заменил Айвару Ингу Регута. Без такой дружбы не может обойтись ни один юноша: он должен иметь единственного, настоящего друга, которому можно доверить свои мечты и тайны. У Юриса не было надежды когда-нибудь попасть в общество «молодых волков» — для сына простого кузнеца, которому отец не мог ежемесячно высылать карманные деньги, не было места в этом обществе, но он и не стремился туда, Иногда Эмкалн, не стесняясь, высмеивал высокомерных «молодых волков». Богатые сынки кое-как мирились с зубоскальством Эмкалн на и не задевали его, потому что он обладал качеством, которое всегда высоко ценят все подростки: физической силой и ловкостью. В приедольском училище не было лучшего гимнаста, чем этот светлокудрый худощавый юноша, а когда он в гимнастическом зале брался за гири или штангу, то некоторые хвастуны от удивления разевали рты.

По совету Эмкална Айвар тоже стал в свободное время заниматься гимнастикой и гирями. В конце концов это было полезнее, чем тайное курение и увлечение пивом, распространенные среди большинства «молодых волков»; они считали это проявлением истинного мужества и молодечества.

Воспитанники училища всегда отмечали именины выпивкой: в одной из комнат интерната приготавливали стол с пивом, вином и закусками, и, когда учителя уходили, начинался пир. У некоторых старшеклассников уже были подруги среди дочек соседних хуторян, к которым они ходили по ночам на свидания, и порой рассказывали товарищам совершенно неслыханные вещи о благосклонности возлюбленных.

— Мы — будущие хозяева жизни! — хвалились «молодые волки». — Надо заранее учиться брать от жизни все, что можно. Надо наслаждаться — вот в чем главное.

Чувствуя за спиной коренастые фигуры отцов и их тугие кошельки, молодчики держались свободно и самоуверенно, не особенно церемонясь даже с учителями, которые все же были не одной с ними кости, не одной плоти. Случилось, что один из приедольских воспитанников, сын владельца крупного имения, пристал в пьяном виде к молодой жене учителя, о которой болтали, что она благоволит к ученикам старших классов. Парень действовал слишком опрометчиво и высказал свои предложения в присутствии госпожи директорши. Произошел скандал. Однако дело кончилось отеческим внушением в кабинете директора и формальным извинением перед оскорбленной дамой; из училища исключали только сыновей бедноты, а сынки состоятельных родителей могли позволить себе то, за что других сажали в тюрьму.

В таком окружении приходилось жить и учиться Айвару. И если он не испортился, то только благодаря Юрису Эмкалну, у которого в жизни были совсем иные цели и содержание и который сумел хоть отчасти привить свои идеалы Айвару.

— Труд — вот главное содержание человеческой жизни, — сказал как-то во время прогулки Эмкалн Айвару. — И нет более благородной цели, чем служить человечеству своей деятельностью и этим способствовать приходу лучшей жизни не только для себя, но и для всего общества.

— Что бы ты сделал, если бы у тебя была возможность исполнять все свои желания? — спросил его Айвар.

— Во-первых, я постарался бы познать мир и жизнь людей во всей ее многогранности, — ответил Эмкалн. — Много бы путешествовал, читал и постарался бы за самый короткий срок усвоить опыт и мудрость,

накопленные человечеством, чтобы потом с большим успехом поработать в той области, которая была бы мне по душе и где я мог бы принести больше пользы обществу. А что бы ты, Айвар, стал делать, если бы у тебя была такая возможность?

— Я об этом не думал. Когда все возможно, трудно выбрать. А может, совсем и не стоит думать о таких вещах, когда знаешь, что они недостижимы.

— Например? — Эмкалн участливо посмотрел в глаза Айвару. — Чего бы ты хотел такого, что сейчас тебе кажется недостижимым?

— Я очень хотел бы повидать далекие земли, моря, но... мне придется жить в усадьбе отца, в Ургах. Я буду к ней привязан до конца жизни.

— А кто тебе мешает уйти, порвать эту связь?

— Долг, Юри. Меня ведь только потому воспитывают, посылают в училище, чтобы Урги не остались без хозяина.

— Я не завидую тебе, Айвар, — сказал Эмкалн, обхватив рукою плечи Айвара.

...Первый учебный год пролетел быстро. Летние каникулы Айвар провел в Ургах, а Эмкалн — в маленькой отцовской кузне, работая молотобойцем и помогая старому Эмкалну: нелегко было кузнецу обучать сына, когда дома были едоки, которые еще не могли помогать отцу.

В начале второго учебного года, когда приедольцы на очередном «завывании» выбирали «старого волка», Айвару предложили вступить в стаю «молодых волков», но он отказался: слишком дурацким казалось ему это паясничание, эта пародия на общественную деятельность. Звали его не очень настойчиво, потому что в училище хватало парней, желающих получить звание «молодого волка».

В эту зиму Айвар прочел множество книг. Вначале читал все, что попадалось под руку: под его подушкой произведения Виктора Гюго сменяли мрачные романы Достоевского; «Мистерии» и «Голод» Кнута Гамсуна Айвар прочел после романов Бальзака, их в свою очередь сменили «Война и мир» и «Крейцера соната» Льва Толстого. Как-то Эмкалн достал сборник рассказов Максима Горького, и они так очаровали Айвара, что он не успокоился, пока не прочел все произведения Горького, какие только мог достать: «Старуха Изергиль», «Городок Окуров», «Мальва», «Дело Артамоновых». С этого времени Айвара уже не прельщали переводы французских салонных романов и стряпня доморощенных трубадуров, до хрипоты восхвалявших сына земгальского прасола и установленный им в Латвии режим.^[17] В начальной школе Айвар настолько усвоил русский язык, что мог с помощью словаря читать русских писателей в оригинале.

Таким путем ему удалось познакомиться с «Петром I» Алексея Толстого и с нелепо сокращенным изданием «Тихого Дона» Шолохова. В голове Айвара все еще царил большой сумбур, но некоторые книги, беседы с Эмкалном о новой, строящейся в Советском Союзе жизни и несколько советских фильмов, которые ему удалось посмотреть в рижских и уездных кинотеатрах, сделали свое. Айвар уже перестал слепо верить всему, что старалась втемяшить латышскому народу продажная свора пропагандистов министерства общественных дел.

«Врет, негодяй... — думал он, когда кто-нибудь из учителей начинал горячо восхвалять «изобилие» ульманисовской Латвии и мрачно и враждебно, не жалея черной краски, рисовать жизнь в Советском Союзе. — Грязи и безобразий хватает и у нас, а в Советском Союзе достаточно найдется хорошего».

Но ложь еще не пробуждала в нем отвращения и гнева, Айвар думал о ней, добродушно усмехаясь, как о неловком ходе уличенного шулера.

Быстро пролетел и второй учебный год. Когда Айвар приехал домой на каникулы, он столкнулся с одним из проявлений несправедливости, при столкновении с которой честный человек должен возмутиться до глубины души.

5

Приехав в Урги и повидавшись с приемными родителями, Айвар пошел искать старого Лангстыня, но ни в мастерской, ни в саду его не было. Какой-то незнакомый мужчина, вдвое моложе Лангстыня, работал в саду, но Айвару не хотелось обращаться к нему с вопросами, поэтому он вернулся в свою комнатку и до вечера приводил в порядок вещи, книги и школьные тетради.

За ужином ему пришлось много рассказывать о школьной жизни, об учителях, одноклассниках, а потом, улучив момент, Айвар спросил:

— Куда девался Лангстынь?

Тауринь переглянулся с женой. Оба мешкали с ответом. Наконец Эрна, зевнув, сказала:

— Он больше у нас не живет... с прошлого Юрьева дня.

— На его место взяли того человека, которого я видел давеча в саду? — спросил Айвар.

— Ну конечно... — пробормотал Тауринь.

— А где сейчас Лангстынь? — не успокаивался Айвар. — Почему он

оставил Урги?

— Так нужно было, — резко ответил Тауринь, и Айвар не осмелился больше задавать вопросы. Тауринь закурил папиросу, сделал несколько глубоких затяжек, затем заговорил спокойным тоном:

— Я надумал построить рядом с садом несколько теплиц с центральным отоплением. Помидоры, редис, салат и огурцы... в одной теплице будет виноград — это принесет изрядные деньги. В Риге на Центральном рынке будем держать свой ларек. Старый Лангстынь со всем этим не справился бы, поэтому взяли человека помоложе.

— Лангстынь мог бы помогать ему, — заметил Айвар. — Хотя бы на пасеке...

— Где это сказано, что я обязан вечно кормить его? — Тауринь пожал плечами. — Он мне не сват, не брат — чужой старик. Устраивать богадельню в Ургах я не намерен.

— Для этого существует волостная богадельня, — добавила Эрна.

— Значит... он теперь там? — спросил Айвар, потрясенный до глубины души.

— Да, сейчас он там, — сказал Тауринь. — Я сам его отвез туда. Он может мне сказать спасибо. Иначе побирался бы — работать ему сейчас не под силу.

В ту ночь Айвар долго не мог уснуть. Снова и снова лезли в голову мысли о старом Лангстыне. Полжизни проработал он в Ургах, поливая своим потом чужую землю, и развел на пустыре лучший и самый доходный сад во всей волости, а когда пришла старость, его выгнали из дому, как старую собаку, — что могло быть несправедливее? В ушах Айвара звенели слова приемного отца: «Он мне не сват, не брат...» — Конечно, он тебе не сват, но ведь он человек... и человек, который работал на твоего отца, на тебя и половину своей жизни был тебе полезным. Как могли поступить так со старым Лангстынем? Это мерзко, это преступление... так поступают только волки.

Через несколько дней Айвар, тайком от родителей, навестил Лангстыня в богадельне. Он нашел его в темном, душном углу, куда редко пробивался солнечный луч. По стене, над постелью Лангстыня, ползали прусаки. Во всех углах кряхтели и вздыхали бездомные старики. Каждое лицо, даже каждый предмет в этом доме были отмечены горем, безнадежностью и глубокой скорбью.

— Вот как со мной расплатились за всю мою работу... — сказал Лангстынь. — Но что поделаешь, такова уж судьба рабочего человека. Не стоит говорить об этом. Расскажи-ка лучше, как твои успехи в этом

питомнике управляющих имениями. Много ли у тебя друзей?

Айвар рассказал про Эмкална. Наконец он не утерпел и рассказал старику про «молодых волков», про их «завывания».

— Настоящая псиная свора... — проворчал Лангстынь и сердито плюнул. — Волки... хищники. С малых лет тянет к крови. Когда они станут хозяевами, батракам жизни не будет, — он вздохнул и замолчал, а когда снова заговорил, голос у него дрожал от волнения: — Бедный парень... что они из тебя хотят сделать? Зверя. Сделают клещом и кровопийцей, душителем бедных людей.

— Я никогда не стану кровопийцей, — сказал Айвар. — Если человек сам не захочет, как же его могут сделать таким?

— Привыкнешь понемногу. Придутся по вкусу их блага... власть, богатство. Но ты не поддавайся, Айвар! Не отдавай свиньям честь и совесть. Помни, что ты сам родился среди бедняков.

— Буду помнить, дядя Лангстынь...

— Дай бог, дай бог.

Несколько часов проговорил Айвар с Лангстынем о всяких вещах. Уходя, он отдал старику все деньги, которые были при нем, и долго жал ему руку, с состраданием вглядываясь в его глаза, словно чувствуя, что в последний раз видит этого доброго и честного человека, который для него был другом и ласковым дедом.

Впервые в его сознании возник вопрос: почему со старым Лангстынем он мог свободно и откровенно говорить обо всем, а со своими приемными родителями нет? Может, он не доверял им? Может, понимал, что существуют две правды и что правда Тауриней — не его правда?

«Нет... — ответил он сам себе. — Настоящая правда может быть только одна. Человеку надо самому найти ее. А если он нашел и понял, то надо держаться, не предавать и не отступать, — иначе он не будет честным человеком. Только честный имеет право жить, носить имя человека».

«Честен ли я? — спросил себя Айвар и после некоторого раздумья ответил: — Не знаю. По-видимому, нет, ведь я до сих пор не сумел помочь ни одному человеку, нуждавшемуся в помощи. Два года назад я не сумел помочь Инге Регуту... сегодня — Лангстыню».

Спустя два месяца Айвар вернулся в Приедоле и в новом году учился так же прилежно, как раньше, но отодвинуть Юриса Эмкална на второе

место ему не удавалось. Вскоре после Нового года он получил известие, что старый Лангстынь недавно умер и похоронен на приходском кладбище Пурвайской волости. Несколько дней Айвар ходил подавленный и не принимал участия в играх и зимних соревнованиях своих товарищей, но долго ли может грустить человек о безвозвратной утрате, если жизнь ежедневно требует отклика на каждое новое событие... Успокоилось сердце юноши, шершавая рука повседневности отодвинула в царство воспоминаний образы прошлого, каждое утро сулило что-то новое, еще небывалое, и хотя обещания чаще всего не исполнялись, но человеку приятнее глядеть вперед, в будущее, чем назад, в прошедшее.

Третий учебный год подходил к концу, когда Приедоле облетела новость: Юриса Эмкална исключили из училища! Он не совершил никакого проступка, его считали примерным воспитанником, поэтому многие «молодые волки» вначале решили, что это недоразумение и ошибка.

Айвар очень любил и уважал друга и, узнав об его исключении, огорчился до глубины души; все было сделано так внезапно и ловко, что Эмкалн даже не успел попрощаться с товарищами: в начале урока его вызвали к директору и после краткого разговора сразу же отвезли на станцию.

— Надо протестовать против этой нелепости, — сказал Айвар товарищам. — На каком основании директор выгоняет лучшего ученика? Мы знаем Юриса и можем поручиться за каждый его шаг. Кто пойдет со мной к директору?

Никто не отозвался.

— Вы боитесь? — спросил Айвар. — Может, вам запрещают думать, поэтому вы принимаете на веру все, что вам здесь преподнесут!

— Не стоит связываться, — в конце концов ответил ему Берзинь из Гулбене. — Пусть Эмкалн, если он прав, сам хлопочет за себя. Почему я должен из-за него портить отношения с директором? Это не мое дело, я ничего не знаю...

— Значит, не пойдете со мной? — переспросил Айвар. Все молчали. — Ну ладно, и не надо, если вы такие трусы. Я пойду один.

Директор принял сына богатого Тауриня очень вежливо, но, узнав, по какому поводу явился Айвар, вдруг стал официален и резок.

— По какому праву вы суете нос в мои дела? — спросил он. — Где это сказано, что директор училища должен отчитываться перед воспитанниками? Если бы ваши родители не были весьма уважаемыми людьми и верными приверженцами нашего вождя, мне оставалось бы только исключить и вас из училища вместе с Эмкалном! Тауринь, да есть

ли у вас стыд? Выступить в роли адвоката и защищать такого человека!

— Эмкалн лучший ученик нашего класса, господин директор, — твердо ответил Айвар. — За ним не замечалось ничего плохого. Как это самый лучший вдруг стал самым плохим — это не понятно ни мне, ни моим товарищам.

Директор покраснел от волнения и гнева. Но с сыном Тауриня волей-неволей приходилось сдерживаться и говорить корректно.

— Мы не можем давать образование детям врагов, — сказал он. — Отец Эмкална недавно арестован. Его сыну нет места в нашем учебном заведении, которое так высоко оценил в одной из последних речей сам вождь. Можете передать это своим товарищам. И вообще бросьте эти глупости, никогда больше не выступайте в качестве адвоката, если вас не задевают. Как вам не стыдно: отец — командир айзсаргов, образцовый хозяин и общественный деятель, а сын защищает отпрыска какого-то коммуниста! Идите, Тауринь, и никогда больше с такими делами ко мне не приходите.

Айвар ушел. В интернате его встретили молчанием и вопросительными взглядами.

— Ну, чего добился? — наконец не вытерпел тот же Берзинь. — Оставили Эмкална в училище?

— Его исключили из-за отца... — мрачно ответил Айвар. — Отца недавно арестовали, а сыну приходится страдать.

— Красный? — глаза хозяйских сынков вспыхнули, как у молодых волков, когда они чувствуют добычу.

— Так говорит директор, — ответил Айвар, — и все равно это несправедливо.

— Значит, ты не согласен с директором? — спросил один из «молодых волков». — И ты ему сказал об этом?

Возник горячий спор, в котором Айвар остался в одиночестве. Все воспитанники признали, что директор поступил правильно, исключив Эмкална, — этого требовала добрая слава учебного заведения. Удивительно, как такой человек вообще сумел пробраться в приедольское святилище, откуда Ульманис ждал полноценное пополнение для своей кулацкой гвардии.

Увидев, что товарищей невозможно переубедить, Айвар обособился, стал замкнутым. Целую неделю он не разговаривал с одноклассниками.

Первая попытка Айвара восстать против несправедливости и активно повлиять на ход событий потерпела полный провал. По-видимому, жизнь нельзя было изменить гуманностью только одного человека: чтобы

добиться улучшения, нужно было что-то большее. А что именно — Айвар не знал.

В начале мая он получил письмо из дому. Эрна Тауринь писала, что после Юрьева дня состав обитателей батрацкого дома почти целиком обновился. Отец нанял несколько поляков и латгальцев, так как с местными батраками нет никакого сладу: они только и знают, что требуют немислимую плату, а за спиной хозяина говорят про него разные гадости. Из местных в Ургах будет работать только один сезонный рабочий, Инга Регут, — может, Айвар помнит его?

Конечно, Айвар хорошо помнил верного друга детства. Это известие очень его обрадовало. С нетерпением ждал он окончания учебного года. Хотелось скорее попасть в Урги — там его ждал человек, которому он дал слово вечно быть его другом и с которым целых три года не виделся.

7

На станции Пурваи Айвара встретил сам Тауринь. Расцеловавшись, они сели в дрожки. Рысак, прошлой осенью получивший на рижском ипподроме большой сезонный приз, быстро домчал их в Урги. По дороге Айвар узнал все главные новости: Тауринь был недавно назначен старшиной Пурвайской волости, местные айзсарги получили нового батальонного командира; сын хозяина соседней усадьбы после обязательной военной службы остался на сверхсрочной; в Ургах в одной из новых теплиц сняли первый урожай ранних овощей.

— Все бы хорошо, только не везет мне с батраками. В Юрьев день нанял сезонным работником сына бывшего батрака Регута. Работник он неплохой, но что в том проку, если у человека голова набита всякой мерзостью.

— Что ж он натворил? — спросил Айвар, с трудом сдерживая волнение.

— Что натворил? — проворчал Тауринь. — Оказался коммунистом. Две недели назад его арестовали и отвезли в Ригу. Вместо него пришлось нанять другого работника, какого-то ученика средней школы из уездного города... Летом работает, зимой учится. Поди узнай, каким он еще будет. Сейчас ни на кого нельзя положиться.

«Инга в тюрьме... — думал потрясенный Айвар. — Со всеми, кто мне близок, случается какая-нибудь беда. Лангстынь умер в богадельне... Юриса Эмкална исключили из училища... Инга Регут, как зверь,

задыхается теперь в клетке... За что? Почему судьба так безжалостно обрушивается именно на самых честных и способных людей?»

Тауринь продолжал:

— У меня к тебе просьба, Айвар. Я понимаю, тебе захочется во время каникул сойтись с молодыми людьми твоего же уровня. В этом отношении наш новый рабочий, Артур Лидум, кажется подходящим, но лучше тебе с ним не связывайся. Сам понимаешь — ты сын хозяина, а он просто батрак... мать у него прачка. У вас разные интересы. Если ты заведешь дружбу с этим бедняком, он обязательно постарается извлечь из этого выгоду, — это уж такой народ. За свою отзывчивость ты получишь только насмешки, поэтому послушайся моего совета — держись от него подальше. Ведь и среди пурвайцев ты найдешь интеллигентного хозяйского сына, с которым стоит подружиться. Подумай об этом.

— Ладно, подумаю... — сказал Айвар. Эта заботливость приемного отца для Айвара не была новостью: и раньше Тауринь вот так же учил его избегать детей батраков и бедных соседей. Но разве это возможно? Самые различные люди волей-неволей ежедневно встречались друг с другом. Что же в этом плохого? Ведь они жили не на островах, не за крепостными стенами. Совет Тауриня достиг одного — возбудил любопытство Айвара. Не начни приемный отец разговора про Артура Лидума, может, Айвар не обратил бы на него внимания; теперь юноше захотелось узнать, что это за человек.

На дворе усадьбы хозяин передал рысака стройному, плечистому юноше.

— Выпряги и отведи в загон, только хорошенько оботри его, — сказал хозяин.

— Ладно, хозяин... — ответил юноша, внимательно посмотрев на Айвара. Его смелый, уверенный вид, без тени покорности и угодливости, заставил предположить, что это и есть тот самый сезонный рабочий, о котором говорил Тауринь.

— Добрый день... — сказал Айвар.

— Здравствуйте... — ответил Артур Лидум и стал распрягать лошадь. Тауринь с Айваром пошли в дом, где их с нетерпением ждала Эрна — болезнь уже третью неделю не давала ей подниматься с постели.

После обеда Айвару пришлось долго просидеть у постели приемной матери, рассказывать ей про училище и выслушивать жалобы на постоянные боли под ложечкой. Как только ей станет немного полегче, она уедет лечиться в Кемери, а по пути посоветуется в Риге с профессором — большой знаменитостью по внутренним болезням. Эрне Тауринь еще не

было и пятидесяти лет, а она превратилась в седую, увядшую старуху. Одновременно с телом увядала и душа, и теперь трудно было найти в ней какое-нибудь светлое, жизнерадостное чувство или стремление. Она была похожа на надломленное дерево, скрипящее при каждом порыве ветра.

— Как ты вырос и похоронел, — сказала она приемному сыну, и это звучало почти укором. — Скоро отбоя не будет от девиц, только ты не позволяй каждой вертихвостке обводить себя вокруг пальца. Выбор у тебя большой. Но ты не торопись, сынок. Молодость дается только раз в жизни. А придет время, мы с отцом тебя женим.

Наконец она отпустила Айвара.

Вечер был чудесный, сидеть дома не хотелось. Айвар разыскал велосипед и поехал покататься. Он доехал до Аурского бора, растянулся на мху под старой сосной и долго-долго смотрел, как светлые острова облаков проплывали над вершинами деревьев. «Почему жизнь так сложна? — думал он. — Одни люди хотят одного, другие — совсем другого. Почему они не могут все желать одного, быть добрыми, любить, помогать друг другу? Ведь были на свете великие и мудрые люди, возвещавшие человечеству истину, но почему их призыв остался без ответа, почему люди продолжают жить такой уродливой жизнью, в которой царят ненависть, взаимное уничтожение и бесконечная борьба?»

Уже смеркалось, когда Айвар возвращался домой. Проезжая мимо загона усадьбы Урги, он услышал громкие, взволнованные голоса. Айвар сошел с велосипеда и свернул в кусты, чтобы проскользнуть мимо незамеченным. Но когда он поравнялся со спорящими, происходившее так заинтересовало его, что он остановился. За изгородью загона, шагах в десяти от остальных, он увидел Артура Лидума. На дороге стояла девочка лет двенадцати — Анна Пацеплис, — босая, в тонком ситцевом платье; ее густые волосы спадали на плечи. Как загнанный зверек, испуганно смотрела она на трех окруживших ее подростков. В ее взгляде были страх и мольба. Один из подростков в форме воспитанника школы лесничих был брат Анны — Бруно; двое других — сыновья крупного кулака Стабулниека, самые отъявленные хулиганы во всей волости, — один ровесник Бруно, другой помоложе.

— Ррр... ррр... — дразнили они Анну, стегая ее крапивой по голым ногам. — Красивая собачка, но не лает и не кусается... ррр...

Бруно, ухмыляясь, смотрел, как сынки Стабулниека издеваются над сестрой, и поощрительно подмигивал им. Когда Анна пятилась назад, Бруно загораживал ей дорогу. А оба хулигана, продолжая свою мерзкую игру, били ее крапивой по лицу и шее.

— Пустите меня... — просила девочка. — Мне надо домой... коров доить... Ну, не деритесь — мне больно.

— У тебя будут красные щеки — ты станешь красивой! — смеялся старший Стабулник. — Ррр, собачка, ну полай немного, нам хочется слышать, как у тебя получится. Ты ведь хотела поступить в хор... Мы тебя...

Но закончить он не успел: Артур перескочил через изгородь и схватил за волосы обоих Стабулников. Он повалил их, как щенков, ткнул носом в дорожную пыль.

— Я вам покажу, негодяи... — тяжело дыша, говорил он. — Языками будете крапиву лизать, пока не завоюете. Таким собакам, как вы, этому и учиться не надо.

Он еще несколько раз ткнул их в дорожную пыль, потом поставил на ноги и оттолкнул с такой силой, что хозяйские сынки опять свалились. Но они довольно ловко вскочили на ноги и пустились наутек.

Артур повернулся к Бруно и угрожающе посмотрел на него:

— А ты чего глаза вылупил, сопляк? Тоже захотелось? Ладно, могусыпать... — и он шагнул к наследнику Мелдеров. Гордый Бруно не выдержал и, не обращая внимания на то, что его постыдное отступление видит Анна, бросился бежать. Еще издали слышно было, как он испуганно хныкал:

— Я... я... я... пожалуюсь... по... по... полиции...

Анна стояла посреди дороги как вкопанная и не спускала глаз с незнакомого юноши. Впервые в жизни нашелся человек, поднявший руку в ее защиту. Это было нечто такое, чего она — униженное и забитое существо — не в состоянии была охватить. Целый переворот произошел в душе девочки.

— Вы такой добрый... — шептала она. — Я вам очень благодарна.

— Почему ты не защищалась? — спросил Артур. — Вырвала бы у них крапиву, хлестнула бы их самих. Царапаться надо было, кусаться... таким собакам поддаваться нельзя, иначе они горло перегрызут. В другой раз действуй смелее.

Он ободряюще кивнул ей головой, негромко засмеялся и ушел. Девочка долго смотрела ему вслед сияющими глазами.

Нагнав Артура недалеко от усадьбы, Айвар спрыгнул с велосипеда и несколько шагов молча прошел рядом с ним. Потом заговорил смущенно и неловко:

— Я все видел.

Айвар протянул руку Артуру. Тот в первое мгновение не знал, как

быть. Затем выпрямился и взял дружески протянутую руку.

Через минуту один уже шел к батрацкому дому, другой — к белому хозяйскому коттеджу, окна которого озарял электрический свет.

8

У Рейниса Тауриня были на ближайшее время кое-какие планы, с которыми он ознакомил Айвара при обходе хозяйства. Прежде всего они остановились у каретника и машинного сарая.

— Здесь, с этой стороны, надо будет пристроить гараж, — сказал Тауринь. — Я хочу на будущий год купить грузовик. Зерновых посею меньше, больше будем заниматься картофелем и сахарной свеклой. Тогда без грузовика не обойтись. Тебе после сельскохозяйственного училища надо будет пройти курсы шоферов, иначе придется держать платного шофера. Как ты на это смотришь?

— Ничего не имею против, — ответил Айвар. — Но если ты перейдешь на технические культуры, потребуется больше рабочих.

— Это ведь все окупится, — продолжал Тауринь. — В людском доме можно поместить еще с полдюжины батраков и батрачек. Мы сами будем возить на грузовике картофель на спиртовой завод, а свеклу — на станцию. Куда девать деньги, об этом, кажется, задумываться не придется — в банке места хватит. Хотя нигде не сказано, что деньги обязательно должны лежать в банке. Почему не купить акций, не стать совладельцем прибыльного завода или фабрики? Или можно принять на паях участие в покупке парохода.

Вот куда залетал в мечтах Рейнис Тауринь! Его не удовлетворяло положение крупного землевладельца, он хотел быть промышленником, совладельцем пароходов, предпринимателем крупного масштаба. Он не был обыкновенным кулаком, которому хватало его полей и стада, — ему требовались размах, разнообразие. Но самое удивительное, что он без всякого увлечения говорил о своих честолюбивых планах; им руководил только холодный расчет.

Айвар с самого высокого места владений Тауриня взглянул на соседние поля и низинные луга, отравленные тяжелым дыханием Змеиного болота, на старые крестьянские избы, только изредка крытые тесом. На большинство изб были нахлобучены прадедовские соломенные шапки или замшелая дранка.

— Живут, как барсуки, и мокнут в болотной грязи, — сказал Тауринь с

презрительной гримасой. — Если б я захотел, завтра бы увеличил вдвое свои земли за их счет. Но к чему мне эта трясина?

Айвар, вспомнив разговор со старым Лангстынем, робко заметил:

— Люди говорят, что Змеиное болото образовалось из-за нашей старой мельницы на Раудупе...

Тауринь взглянул на Айвара, задумался и, усмехнувшись, сказал:

— А мне-то что до этого? Не стану же я бросать доходное дело Кому сыро — пусть поищет место посуше. Разве я должен о них заботиться? Прошлой осенью, когда ты уехал в училище, ко мне сюда явилась целая делегация. Всякая мелкота — Мурниек, Индриксон, Клуга... Старались уговорить, чтобы я принял участие в осушении болота и понизил уровень воды в мельничном пруду. Это значит ликвидировать мельницу. Я им так и сказал, что мои прежние условия остаются в силе. Пусть построят мне вместо водяной мельницы паровую и заплатят за вынужденный простой по тысяче латов в месяц, тогда я соглашусь.

— Разве мельница приносит такой доход? — удивился Айвар.

Тауринь усмехнулся.

— Неважно, сколько она приносит. Валено, что она моя — моя собственность, — а следовательно, она неприкосновенна и я могу с ней делать, что захочу. По правде говоря, старая раудупская мельница ни черта не стоит, но именно из-за этого болота она становится в моих руках ценным капиталом. В Латвии, слава богу, собственность — святыня, и я был бы плохим хозяином, если бы не умел извлекать из своего добра наибольшую пользу. Так-то, Айвар. Пусть каждый сам заботится о себе и кует свое счастье. Я ничего ни у кого не украл, а от своего не откажусь, и нет такого закона, который заставил бы меня это сделать. Если тебя будут убеждать в ином — не верь никому, все они лгут и хотят поживиться за наш счет. В таких вещах мы не должны сентиментальничать.

На обратном пути они увидели Артура, окучивающего картофель. Занятый делом батрак даже не взглянул в их сторону, хотя Тауринь и Айвар прошли совсем близко.

После случая у загона Айвар несколько раз пытался встретиться с Артуром наедине, но это никак не удавалось. Так и казалось, что Артур нарочно избегает хозяйского сына. Заговаривать с ним в присутствии других людей Айвар не осмеливался: родители быстро узнали бы, и неизвестно еще, как Артур посмотрел бы на это. Но что-то непреодолимо влекло Айвара к этому стройному, уверенному парню, у которого хватило смелости назвать наследника Мелдеров и будущего лесничего сопляком.

...В воскресенье Артур на целый день ушел из дому. Его не знали в окрестностях, и ему удалось добраться до Аурского бора, не обратив на себя внимания. На опушке он встретился с двумя подростками, и они зашли в самую чащу леса. Несколько часов беседовали там, а когда разошлись в разные стороны, в карманах подростков лежало по тонкой брошюре, которые они берегли как зеницу ока.

Артур не торопился с возвращением в Урги. На обед он захватил ломоть хлеба с маслом и творогом. Присев на пень, юноша закусил, потом стал собирать на вырубке землянику. Ему приятно было наблюдать за бегущими в траве насекомыми, смотреть, как дятел долбит засохшую сосну, как рыжая белка прыгает по ветвям деревьев. Целый час наблюдал он за оживленной деятельностью муравьев. Какой-то паук слишком неосторожно приблизился к муравьиному государству; тотчас его атаковало множество муравьев. Буквально в один миг у паука оторвали ноги, а беспомощное туловище медленно поволокли к муравейнику. Носильщики по дороге менялись, на место уставших становились новые, и минут через десять страшный враг исчез в одном из многочисленных входов в муравейник.

«Так-таки попался... — подумал Артур. — Выходит, что даже такого кровопийцу могут победить маленькие муравьи, если будут держаться вместе и не потеряют присутствия духа. А что могут сделать люди, если будут действовать так же сообща...»

Под вечер в роще заиграл духовой оркестр. Между деревьями замелькали платья женщин, черные и серые костюмы мужчин и зеленоватые мундиры айзеаргов. Артур, остановившись на дороге, издали прислушивался к грустным звукам вальса. Узнав в одном из молодых людей Айвара, Артур не стал больше слушать музыку и пошел дальше. Вдруг он заметил на краю дороги девочку. Она сиротливо прижалась к старой ели и глядела в сторону рощи. Одета она была в полушерстяную домотканую юбку и белую кофточку, на ногах простые резиновые тапочки. В руках она держала пучок полевых цветов. Артур узнал девочку, которую тогда вечером хлестали крапивой мальчишки Стабулниека.

— Добрый день... — поздоровался он и протянул ей руку.

— Здравствуйте... — ответила Анна.

— Ты, наверное, на вечеринку? — спросил Артур.

— Нет... я так... — ответила девочка. — Пришла послушать, как играют.

— Тебе нравится духовая музыка?

— Очень. Я больше никакой и не слыхала.

— У вас дома нет радио?

— Нет. Отец давно обещал протянуть антенну, но... нет времени. Приемник тоже больших денег стоит.

— Можно слушать с детектором и наушниками, хотя это не так хорошо, как настоящий приемник. Где ты живешь?

— В Сурумах... там, у большого болота.

— А, знаю, — рядом с Ургами. Хозяин Сурумов твой отец?

— Да... но хозяйка мне не мать.

— Ах, так... — Артур внимательно взглянул на девочку. — У тебя нет матери. А я никогда не видел своего отца. Выходит, что у нас почти одинаковая судьба.

Как-то само собой получилось, что они медленно пошли в сторону дома. Естественность Артура, дружеский тон, в котором не было ни тени зазнайства и насмешки, заставили осмелеть и Анну. Куда девалась робость, все увереннее звучал ее голос; впервые после смерти матери она говорила с чужим человеком, как равная. Артур рассказал, что он живет с матерью в уездном городке, учится в средней школе, а прошлые летние каникулы работал на сплаве. Анна в свою очередь сказала, что очень хотела кончить школу, но родители взяли ее из предпоследнего класса. В Сурумах нужен работник — чужой человек обойдется отцу слишком дорого.

— Не вешай головы, Анна... — сказал Артур. — С жизнью надо воевать, бороться за свое место под солнцем. Если сама не будешь бороться, никто тебе ничего не подарит. Смелость и упорство... и всегда держи голову выше.

— Я попытаюсь... — ответила Анна. Возле ее дома они расстались, и каждый пошел своей дорогой.

9

Через неделю Рейнис Тауринь повез свою больную жену в Ригу. В последнее время Эрне стало немного лучше, поэтому она решила на поездку в Кемери.

Они уехали в субботу утром. Хозяин должен был вернуться лишь в понедельник вечером. В распоряжении Айвара было три дня, которые он мог провести, как хотел. Встретившись с Артуром в субботу вечером у конюшни, он поздоровался с ним и поспешил спросить:

— Вы любите ловить раков?

Застигнутый врасплох, Артур не знал, что и ответить. Он с удивлением

посмотрел на Айвара и наконец, пожав плечами, сказал:

— Не знаю. Никогда не ловил.

— Тогда пойдемте ловить завтра, — предложил Айвар. — Говорят, что в Инчупе полно раков. Если не понравится, бросим это занятие в любое время. Правда, идти порядочно, около шести километров.

— Хорошо, можно попытаться, — ответил Артур.

— Если вы ничего не имеете против, встретимся в девять часов утра на дороге у загона, — предложил Айвар. — Только не говорите никому об этом, иначе привяжутся любопытные и в случае неудачи еще на смех поднимут.

— Вы обращаете внимание на такие мелочи? — удивился Артур. — Ну, ладно, не скажу никому.

Утром они встретились в условленном месте и через час достигли берега речки. Сняв с себя все, кроме трусов, юноши повесили на шею старые торбы из-под овса и полезли в воду. Речка сильно заросла и была не шире четырех метров, вода в самых глубоких местах доходила лишь до груди. За час они поймали с полсотни раков; некоторые были довольно большие.

— Хватит, пожалуй? — спросил Айвар. — Немного надо оставить и на развод?

— Хватит, — согласился Артур, — не на рынок везти. — Они завязали торбы, чтобы не расползлись раки, уложили свой улов под кусты, а сами растянулись на траве погреться на солнышке.

Вы, наверно, занимаетесь спортом, — заговорил Айвар, оглядывая мускулистую фигуру Артура. — Как вы добились таких бицепсов?

Немного занимался гимнастикой, но в основном помогла работа, — ответил Артур, осматривая в свою очередь фигуру собеседника. — У вас бицепсы не хуже моих, дренируетесь?

— Понемногу... — признался Айвар и улыбнулся. — Иначе вырастешь слизняком. У нас в Приедоле есть гири. Я ежедневно работаю с ними... Слышал, что вы учитесь в уездной средней школе.

— Да, — сказал Артур. — Если бы все осталось по-старому, будущей весной я бы окончил школу, но ведь только что Уль... только недавно правительство увеличило на год срок обучения в средних школах. Придется учиться еще два года.

— Что вы думаете делать дальше? Поступите в университет?

— Наверяд ли выйдет — не по карману. А вы?

— Я должен остаться в Ургах... учиться хозяйничать.

— Вам хочется быть хозяином? — Артур повернулся на бок и

пристально взглянул на Айвара.

Айвар немного помедлил с ответом, потом сел и, раздумывая, принялся покусывать травинку.

— Трудно сказать, хочется или нет. В жизни ведь надо что-то делать. А вам бы хотелось?

— Нет, — решительно ответил Артур.

— Почему? — в голосе Айвара послышалось удивление. — Разве это так плохо?

— Как для кого... — Артур тоже сел, обхватил руками колени и задумчиво посмотрел через речку в сторону Аурского бора. — Одному от этого хорошо, а многим плохо. Тем, кто живет на хозяйской половине, жаловаться не на что, и, напротив, тот, кто живет на батрацкой половине, не имеет достаточных оснований для радости. И все-таки я не хотел бы жить на хозяйской половине.

— Вы думаете, что в положении хозяина есть что-то нечестное? Если он хорошо относится к работникам, платит причитающийся им заработок и сытно кормит — что тут плохого?

— Нет таких хозяев, которые платили бы работникам все, что они заработали... — сухо засмеялся Артур. — Разница только в том, что один удерживает у рабочих больше, другой меньше, но львиную долю все они оставляют себе.

— К какой группе вы причисляете моего отца? — спросил Айвар. Когда Артур замешкался с ответом, он добавил почему-то гораздо тише: — Говорите смело. Я не обижусь, и никто о нашем разговоре не узнает.

— Для чего вам это?

— Чтобы проверить собственное мнение.

— Ну ладно. Могу сказать. Вашего отца следует причислить к самым заядлым хищникам. Вы только не обижайтесь, но раз мы заговорили о таких вещах, надо высказать все, что думаешь.

— Ради бога, говорите только правду! — воскликнул Айвар. — В чем же проявляется его хищничество?

— Во всем, что мы видим в Ургах, — продолжал Артур. — Строения, машины, скот, поля, нивы — все это ведь не свалилось с неба. Добыто, создано человеческим трудом, а прибрано к рукам теми, кто меньше всего трудился. На протяжении поколений сотни людей приходили и уходили, оставляя в Ургах, на полях этой усадьбы, часть своей жизни и сил. Кто знает, в какой богадельне задыхаются теперь они, на каком погосте их похоронили, а господин Тауринь остается на месте и один присваивает все, что эти сотни построили и возделали. Может, вы скажете, что это

правильно, что закон не воспрещает это?

— Закон действительно не воспрещает. Наоборот, он охраняет частную собственность. Но если бы этот закон был неправилен, человеческое общество не терпело бы его так долго.

— Каждый класс, приходящий к власти, издает такие законы, которые отвечают его интересам.

— Значит, абсолютно справедливого закона, который могли бы принять все классы, не существует? — спросил Айвар.

— Читали вы что-нибудь по политической экономии? — спросил в свою очередь Артур.

— До сих пор нет, — признался Айвар.

— Тогда прочтите, и если мы когда-нибудь встретимся, продолжим разговор по этим вопросам. Сейчас с вами трудно разговаривать об этом.

Но Айвар не сдавался. Уверенный тон Артура начал его задевать, кроме того, никому не приятно, когда его выставляют невеждой.

— Я обязательно попытаюсь прочитать, — ответил он, — но вряд ли это откроет мне новую Америку. Отец мой часто напоминает, что такой порядок существует тысячелетиями и всегда одним принадлежит больше имущества, другим — меньше. Если оно не украдено, а приобретено законным порядком, в этом ничего несправедливого нет. Один накапливает плоды своих трудов и умножает их, другой расточает, и у него не остается ничего — кто из них умнее и действует правильнее? Думаю, тот, кто умножает добро. Что касается усадьбы Урги, то всем известно, что несколько поколений Тауриней трудились в поте лица, пока было создано все то, что в ней теперь есть.

Артур усмехнулся.

— Сомневаюсь, чтобы ваш отец вкладывал з работы по усадьбе все свои силы, однако он получает во много раз больше того, что наработает сам. И потому он хищник. Другого, более мягкого слова я не могу для него найти.

— Вы сами когда-нибудь будете образованным человеком и со временем — это не исключено — можете стать хозяином многих рабочих, иначе ведь не стоит так много учиться. А когда это случится и вы достигнете благополучия, все, что сегодня вам кажется неправильным и несправедливым, предстанет совсем в другом свете.

: — Во-первых, это никогда не случится! — страстно воскликнул Артур. — Но предположим, что произойдет. Если я буду думать иначе, чем сегодня, я стану подлецом. Неужели вы думаете, что я так говорю только из зависти? Зависть — плохой судья в оценке жизни. Но есть ведь какая-то

единственная правда, которая правильно отражает сущность вещей. Например, что вы скажете про раудупскую мельницу? Разве только зависть заставляет крестьян проклинать эту мельницу и вашего отца? Может, вы считаете честным и правильным, что из-за жадности одного человека сотни семей задыхаются в нужде? Как вы оправдываете вашего отца в этом случае?

Айвар покраснел.

— Я совсем не оправдываю это. На его месте я бы давно отказался от мельницы, но он об этом и слышать не хочет. А если он заупрямится, то убедить его нет возможности, в особенности когда на его стороне закон. А здесь дело обстоит именно так.

Дальнейший разговор не клеился.

Через час они расстались у сада усадьбы Урги.

Весь вечер Айвар просидел в своей комнате. Горькое обвинение, брошенное Артуром классу, к которому принадлежал Рейнис Тауринь, не выходило из головы юноши. Айвар понимал, что это обвинение относится и к нему, ведь он был приемным сыном Тауриня. Эта мысль угнетала его, но избавиться от нее он не мог.

В понедельник вечером Айвар поехал на станцию встречать Тауриня. По дороге со станции Тауринь рассказал, что мать осталась в Кемери и вернется только через месяц.

— Я привез тебе охотничье ружье, — сказал он. — Пора учиться стрелять. У нас в роду все мужчины были хорошими стрелками, ты не должен быть исключением.

Айвар кивнул в знак согласия головой и продолжал молчать.

— Что с тобой? — спросил Тауринь. — О чем ты думаешь?

Айвар попытался улыбнуться, но улыбка получилась деланная.

— Просто так. Интересно, какой доход приносит наша усадьба в год? Наверно, довольно большую сумму?

— Ничего, довольно основательную, — засмеялся Тауринь. — Писать ее приходится с четырьмя нулями.

— И сколько остается чистой прибыли?

— Почти половина.

— Значит, вы с матерью вдвоем получаете намного больше всех батраков и батрачек, вместе взятых.

— Конечно. А что в этом плохого?

— Правильно ли это, отец?

— Конечно, правильно. Усадьба ведь принадлежит мне. Земля, скот, машины, семена — все мое. За вложенный капитал мне причитается

законный процент.

— А откуда взялся этот капитал? Было же время, когда его не было...

Тауринь круто обернулся к Айвару и посмотрел на него сверлящим взглядом.

— Послушай, Айвар, что это за речи? Где ты нахватался этих глупостей?

Просто так... — ответил Айвар, избегая взгляда Тауриня. — Задумался. Нечаянно пришло в голову.

— Нечаянно? С кем ты разговаривал в последние дни?

— Почти ни с кем.

— Смотри... — Тауринь погрозил пальцем. — Сейчас же выбрось из головы эти глупые вопросы. С ними далеко не уедешь. И пойми раз навсегда: что наше — то наше. Мы в своем добре ни перед кем не обязаны отчитываться. Пусть другие завидуют. Если кто-нибудь начнет болтать что-нибудь подобное, плюнь ему в глаза и пошли ко всем чертям. Подожди еще несколько лет — в Ургах появится много такого, о чем наши завистники и понятия не имеют. Только научись удерживать все это в своих руках.

Молча и угрюмо присидел Тауринь в дрожках остальной путь.

Выпрячь рысака опять велели Артуру. Тауринь отдал чемодан Айвару, подождал, пока тот скрылся за углом каретника, а затем с показным равнодушием спросил:

— Как провели воскресенье? Наверно, потанцевали на вечеринке?

— Я на вечеринке не был, — ответил Артур, развязывая ремень седелки. — Что делают люди в воскресенье? Отдыхал.

— Отдыхать можно по-разному, — сказал хозяин и пошел в дом.

Он поговорил в этот вечер чуть ли не со всеми работниками и работницами, был необычайно болтлив и любопытен, спрашивал о всяких мелочах. Люди решили, что Тауринь в Риге выпил лишнего и это развязало ему язык. Но он почти ничего не пил, если не считать нескольких рюмочек коньяку в станционном буфете. Из разговоров он узнал все, что его интересовало: Айвар встретился с батраком, они целый день вместе ловили раков на Инчупе.

«Вот откуда дует этот дурной ветер... — подумал Тауринь. — Ничего, сейчас прикроем эту дыру».

Поздно вечером, когда в Ургах все спали, хозяин послал кухарку за Артуром Лидумом, велел ему тотчас явиться к нему. Тауринь не кричал, не ругался, только подал ему заготовленную квитанцию и велел расписаться в получении заработной платы.

— Я вам плачу за две недели вперед. Получите деньги и сегодня же

ночью оставьте мою усадьбу. Если до утра не уберетесь, дам знать о вас полиции. И попробуйте только еще когда-нибудь засорять мозги моему сыну — тогда скоро попадете в серый дом за Матвеевским кладбищем.

Артур посмотрел на него, повел плечами и сказал:

— Как хотите...

Он вышел, не попрощавшись, и в ту же ночь, собрав пожитки, отправился на станцию.

Айвар, узнав утром о случившемся, побледнел и весь день избегал Тауриня. «Артур теперь считает, что я не сдержал слова и передал отцу разговор у реки. Нет, у отца нельзя было искать правды... — тоскливо подумал юноша. — Я не виноват, Артур, ты слышишь, я не предал тебя. Я это докажу!»

Когда и на другой день Айвар продолжал избегать приемного отца, Тауринь велел разыскать его.

— Сопляк! — зашипел Тауринь, оставшись с ним наедине в охотничьей комнате. — Такова твоя благодарность за то, что вытащил тебя из грязи? Кем бы ты был сегодня, если бы я не принял тебя в свою семью? Голью, отбросом и обузой общества! И ему еще не стыдно разыгрывать из себя обиженного.

С перекошенным лицом, сжатыми кулаками он стал наступать на юношу и вдруг размахнулся, намереваясь закатить Айвару оплеуху. Юноша отступил и выпрямился. Глаза его угрожающе сверкнули и голос дрожал от волнения, когда он сказал Тауриню:

— Если я для тебя стал отбросом и обузой, могу уйти... освободить тебя от надоевшего бремени, И если ты меня ударишь, я действительно уйду.

От изумления рот Тауриня так и остался открытым, но угроза Айвара подействовала отрезвляюще. Поднятая для удара рука вяло опустилась, лицо судорожно передернулось.

— Ладно, не будем ссориться... — сказал он. — Но эти безумные мысли надо выбросить из головы. С такими мыслями в этом доме жить нельзя. Зачем ты ломаешь голову над всякими глупостями? Если тебе что-либо непонятно в жизни, смотри на меня. Я для тебя образен на всю жизнь. Постарайся подражать мне, и ты всегда будешь на правильном пути. Что тебе еще нужно? Разве этого недостаточно?

«Нет, мне этого недостаточно!» — хотел крикнуть Айвар этому жестокому, самоуверенному человеку, который старался навязать свою волю всем, кто от него зависел. Зависел от него и Айвар, поэтому он молчал.

Глава шестая

1

Новое распоряжение правительства Ульманиса об увеличении срока обучения в средних школах на один год поставило Ильзу и Артура в крайне затруднительное положение: это означало, что Артуру надо учиться еще два года и что старой, поношенной формы не хватит до окончания школы.

Вернувшись в середине лета из усадьбы Урги, Артур оставшееся время каникул проработал на лесопилке, а по воскресеньям ходил с матерью собирать ягоды и грибы. К осени им с большим трудом удалось сколотить средства, чтобы заплатить за учение Артура и купить школьную форму. Понимая, что им дорог каждый сантиметр, Ян Лидум в письмах из тюрьмы просил Ильзу реже привозить ему передачи, а больше заботиться о сыне, ведь Артур обязательно должен окончить среднюю школу. Но как Ильза могла послушать Яна? Она сократила хозяйственные расходы до последней возможности, себе не покупала ничего, по ночам вязала и вышивала для жен местных богачей скатерти и коврики, так что могла, как и раньше, два раза в месяц ездить в Ригу и носить передачи Яну.

Следующее лето Артур работал на лесосплаве, а осенью снова вернулся в школу. Учебная программа в последнем классе была очень велика, приходилось заниматься целые ночи напролет, подпольная работа тоже требовала с каждым днем все больше и больше времени. Артур руководил теперь одной из самых больших комсомольских групп в округе, и прошлой зимой его выдвинули членом окружного комитета. Учитель Пилаг проработал в городке только два года, затем его перевели в какую-то отдаленную волость учителем начальной школы. Но Артур и за этот короткий срок достаточно вырос и мог самостоятельно вести подпольную работу. Как член окружного комитета, он был связан с представителями партии и указания получал от прикрепленного к его группе опытного партийного товарища.

С каждым днем нарастал террор ульманисовцев; охранка не спускала глаз ни с одного политически неблагонадежного человека. Во всех предприятиях и учреждениях были осведомители, в каждую подпольную организацию старались подослать провокатора, поэтому партия и комсомол еще больше укрепили дисциплину и бдительность. Ответом на террор реакции был новый прилив революционных кадров в подпольные

организации. Наперекор всем угрозам и провокациям доморощенных фашистов, рабочий Латвии упорно копил силы для непримиримого сопротивления; батрак гнул спину, но не склонял головы перед угнетателями; трудовая интеллигенция, задышавшаяся в чаду мракобесия, находила свое место в великой семье борцов.

Мрачное и трудное это было время.

...Стояла поздняя осень.

Артур Лидум готовил отчет окружному комитету комсомола, когда к нему явился неожиданный гость — Айвар Тауринь. Последний учебный год в сельскохозяйственном училище он не пользовался летними каникулами: выпускники проходили усиленную практику. И теперь, окончив училище и возвращаясь домой, Айвар остановился в уездном городке, чтобы объяснить Артуру неприятное недоразумение. Адрес Лидума он узнал в его школе.

Бывший сезонный батрак Тауриня встретил Айвара сдержанно, ничуть не скрывая, что это посещение ему неприятно.

— Что вам нужно? — спросил Артур, холодно поздоровавшись с гостем и подождав, пока тот не сел.

Айвар попросил разрешения закурить и протянул папиросы Артуру. Когда тот отказался, закурил сам и в несколько затяжек выкурил половину папиросы. Успокоившись немного, Айвар заговорил:

— Я знаю, вы больше не захотите мне довериться... как в тот раз у реки. Достаточно, если вы согласитесь меня выслушать.

Артур сел по другую сторону стола, смотрел, как мелкий дождь барабанил в окно.

«Что ему еще нужно? Оправдываться или шпионить? — думал он, стараясь сохранить хладнокровие. — Если он пришел оправдываться, значит чувствует себя виноватым. А если пришел выведать мои политические взгляды — второй раз я на его удочку не попадусь».

— Что вам нужно? — повторил Артур.

— Вы убеждены, что вам по моей вине пришлось так внезапно покинуть Урги, — сказал Айвар. — Но это не так. О нашем разговоре я до сих пор не сказал отцу ни слова. И другим ничего не говорил... и не скажу. Можете мне верить, можете не верить, это ваше дело, но слово я свое не нарушил и никогда не нарушу.

— Тогда выходит, ваш отец ясновидец, — мрачно усмехнулся Артур. — Или вы думаете, что я рассказал ему про наш разговор?

— Вы имеете право насмехаться, — продолжал Айвар. — Но я не

желаю, чтобы меня без всякой причины считали подлецом. В вашем увольнении я все же косвенно повинен. Встретив отца на станции, я задал ему несколько необдуманных вопросов, а он решил, что меня кто-то подучил так спрашивать. После я мог молчать сколько угодно, отцу достаточно было поговорить с батраками, и нашу прогулку скрыть было невозможно. Значит, я все-таки виновен, но, поверьте, я не хотел вам повредить.

— И это все, что вы хотели мне сказать? — спросил Артур.

— Если вам когда-нибудь будет нужна помощь, какая-нибудь услуга, — ответил Айвар, — я готов сделать все, чтобы искупить свою вину и показать... что я не враг вам.

— Надеюсь, мне не понадобятся ваши услуги, — ответил Артур. — А если бы и случилось так, из ваших рук я ничего не приму. Вы знаете почему.

— Потому что... я хозяйский сын? — спросил Айвар, поднимаясь.

— Но ведь это так и есть! — воскликнул Артур. — Скоро вы, образованный сельский хозяин, станете в Ургах рядом с отцом. Вместо одного погонщика ваши батраки будут иметь двоих. Или я ошибаюсь?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Артур усмехался. Айвар нервно кусал губы.

— Понимайте это, как хотите, — заговорил наконец Айвар. — Я сказал то, что должен был вам сказать. С меня довольно, что вы это знаете. Будьте здоровы.

— Будьте здоровы... — ответил Артур. Они расстались, не пожав друг другу руки. Взволнованный и угнетенный вышел Айвар из комнаты. Артур подошел к окну и посмотрел, как он, не оглядываясь, шагал по улице. Артур еще раз презрительно усмехнулся, когда представил, что сегодня вечером два человека — Тауринь и его сын, — сидя за богато накрытым столом, будут обсуждать планы на будущее: как выжать побольше доходов из своего хозяйства, из батраков и батрачек.

«Между нами возможна только борьба», — подумал Артур, отходя от окна.

Наступило утро, когда Ильза Лидум в последний раз проводила сына в школу. Она не позволила Артуру уйти, пока не сняла с его одежды последнюю пушинку и не осмотрела его с головы до ног. Мать осталась

довольна осмотром. У других лучше одежда, новее обувь, но навряд ли кто-нибудь сможет сравниться с ее сыном в стройности, в знаниях, смелости, силе духа.

Когда Артур ушел, Ильза впервые за всю жизнь улыбнулась гордо и уверенно, как победительница.

В честь знаменательного дня она не пошла на работу. Убрала комнату, словно к празднику, расставила полевые цветы в кружках и приготовила обед, какого много лет не готовила: сварила куриный бульон, напекла блинов и сбила земляничный крем. Когда все было готово, Ильза накрыла стол чистой скатертью, придвинула к нему стулья — один для себя, другой для Артура. И хотя еще рано было ждать сына, она села к окну и, не отрываясь, глядела на улицу.

Выпускной акт в средней школе начался проповедью пастора и традиционной молитвой «Отче наш». Потом стал говорить директор школы. Его речь была пересыпана цитатами из Аристотеля, Платона и Канта; он сетовал на лжеучения, которые смущают легковверных и подстрекают членов человеческого общества друг против друга, вызывая взаимное недоверие, вражду и борьбу.

— Не в ссорах и разладе, а в братском согласии заключается счастье нашей жизни, дорогие девицы и юноши. Идя по жизненному пути, всегда помните об этом. И куда бы вас ни занесло, какие бы бури ни проносились над вами, каким бы соблазнам вы ни подвергались, всегда помните: вы латыши! Да будет посвящена вся ваша жизнь прославлению всего латышского — это ваша главная цель. Служите своему вождю и выполняйте его волю. Знания, приобретенные в этих дорогих стенах, применяйте так, чтобы каждый ваш шаг, каждое биение вашего сердца были новым цветком в том венке, который сплела история латышского народа руками Намея,^[18] Виестура^[19] и доктора Ульманиса.

В таком духе он говорил целых полчаса и закончил речь прямой угрозой тем, кто ждет хорошего только с Востока:

— Эти вредные плевелы надо искоренять без всякой пощады и жалости, и каждый из вас, обезвредив хотя бы одного лжеапостола, исполнит свой долг патриота. Да благословит вас господь на этом светлом пути!

Не спуская глаз с круглого лица директора, выслушал Артур этот националистический бред, и ни один из присутствующих не догадался, каких усилий стоило ему сдержать негодование.

Когда выпускникам стали вручать аттестаты зрелости, директор долго тряс руку Лудиса Трея и растроганно смотрел в глаза сыну мясника,

вероятно надеясь, что отец парня, сидевший в одном из первых рядов актового зала, пришлет ему вечером в знак благодарности за такое внимание круг колбасы или кусок свиного сала. Артуру он сухо сказал: «Желаю успехов», — и поспешил обратиться к следующему выпускнику.

После торжественной части все сфотографировались группой, и пастор тут же в актовом зале открыл запись желающих подтвердить этим летом.

Артур переглянулся с товарищами и незаметно вышел.

С аттестатом зрелости в кармане он радостно шагал домой. Спустя полчаса, сидя за обеденным столом, Артур спросил мать:

— А дальше? Что мне делать с этим аттестатом?

Ответить было нелегко. Поехать в какую-нибудь волость помощником писаря? Искать сверхштатную должность служащего в каком-нибудь учреждении городской управы? Без справки из охранки о политической благонадежности никто даже и говорить не захочет с сыном прачки. А они знали, какую справку мог получить юноша, дядя которого сидел в рижской Центральной тюрьме.

— Не унывай... — сказала Ильза. — Я тебя растила не для господ, а для народа. Господам ты не нужен. Иди, Артур, затраченное на учение время не пропадет.

— Зачем ждать, мама? — улыбнулся Артур. — Работа уже есть. Аттестат средней школы может полежать, а мне ждать некогда: я хочу уже сейчас быть полезным своему народу. Ты не будешь возражать, если пойду работать на лесопилку носчиком досок? Старые товарищи дяди Яна согласны принять меня в артель.

— А выдержишь, сынок? С утра до вечера подносить на штабель тяжелые доски — это под силу только закаленному человеку. Раньше времени искривятся твои молодые кости.

— Не искривятся. Я не всю жизнь собираюсь таскать эти доски, а только до осени.

— А осенью?

— Тогда в лес, к лесорубам, — Артур встал, подошел к матери и обнял ее. — Мама... разве носчики досок и лесорубы не должны слышать ни одного правдивого слова... о великой борьбе?

— Разве это... задание? — спросила Ильза тихо.

— Да, мама, задание, — ответил Артур. — Потому его и поручили мне, что молодые кости смогут это выдержать. Я горжусь, что меня посылают на такое трудное дело. В следующем письме обязательно как-нибудь сообщу об этом дяде Яну.

— Если это так, я согласна, — задумчиво произнесла Ильза. — Когда ты начнешь работать?

— С понедельника. Несколько дней могу полодырничать: спать, гулять и есть.

— Уж так ты и будешь лодырничать?... — улыбнулась Ильза.

Артур вышел из дому, когда коровы возвратились с пастбища и жизнь уездного городка, которая не отличалась ни быстрым темпом, ни значительными событиями, незаметно погружалась в идиллический покой субботнего вечера. Соорудив из пышных волос замысловатые прически и скрыв летний загар под густым слоем пудры, сидели у растворенных окон надушенные, упитанные маменькины дочери. Они кокетничали с франтоватыми молодыми людьми, которые стояли на улице с черными лакированными тросточками, с большими белыми или красными цветками в петлицах. Приказчики, делопроизводители городских учреждений, конторщики и бракеры с лесопилки, от которых за версту пахло бриолином, изощрялись в остроумии перед жаждущими замужества девицами. Иному удавалось уговорить свою даму выйти из дому, и они, медленно прогуливаясь, направлялись к центру городка, тогда как более застенчивые пары, дойдя до старого парка на холме, проводили там несколько счастливых часов под густыми ветвями лип, каштанов и дубов. Навстречу Артуру шла молодежь — недавние товарищи по школе и соседские парни со своими девушками. Далеко в вечерней тишине громко и беззаботно звучали их молодые голоса. В иных девичьих глазах вспыхивал робкий призыв, нежность, и если бы только Артур захотел, он бы коротал этот вечер не один. Но сейчас его не могли пленить ни призывно смеющиеся глаза девушек, ни шумная ватага ребят, с которыми он раньше любил поозоровать, — в лесу за кладбищем его ждал человек, с ним надо было встретиться без свидетелей. Нарядившись в форму, с самодовольным, чванливым видом шагали молодые айзсарги. Они не считали нужным обращать внимание на обыкновенных смертных, услужливо уступающих им дорогу. Начальник местного пункта охраны совершал обычную вечернюю прогулку с красивой овчаркой. Как всегда в субботние вечера, на одном из подоконников в доме мясника Трея на подносе стыли сдобные булочки со сбитыми сливками. Жена мясника не таила под спудом свое благополучие: пусть глядит весь город, пусть все знают, какое изобилие царит в этом доме!

Мелкие мечты и мелкое честолюбие, подобно легкому ветерку, веяли по улицам городка, и, пожалуй, у доброй половины гуляющих, вынесших напоказ согражданам новые костюмы и платья, не было большей радости в

жизни, как заметить в глазах встречных холодный огонек зависти. Но, несмотря на это, вечер был изумительно прекрасен, и у многих людей на лицах сияла улыбка, как будто они опьянели от весеннего воздуха. Улыбался даже начальник пункта охраны, ведя на поводке свою собаку.

«Если б ты только знал, начальник ищек, с кем я сейчас встречусь... — думал Артур, медленно проходя мимо. — Тогда бы ты не повел на прогулку свою собаку, а сам бы, как пес, бегал со своими полицейскими и айзсаргами по лесу, обнюхивая следы. Если б ты только знал, чванливый дурень!»

Но начальник пункта охраны даже не взглянул на юношу.

3

Зимой Айвар несколько месяцев учился на шоферских курсах в Риге. Ко дню получения шоферского свидетельства Тауринь купил грузовик, и они приехали домой на своей машине.

Сразу после окончания весеннего сева Айвар две недели готовился к конфирмации, слушал религиозные поучения старого Рейнхарта, вызубрил наизусть катехизис со всеми десятью заповедями и символ веры, В одно из ближайших воскресений его конфирмировали в приходской церкви вместе с другими юношами и девушками Пурвайского прихода.

В день конфирмации Айвар получил в подарок хороший мотоцикл с прицепной коляской, давно обещанный Тауринем. Были и другие подарки от родственников приемных родителей, от сыновей и дочерей соседних землевладельцев: сборник духовных песнопений в черном кожаном переплете, евангелие, сборник речей Ульманиса, трость с серебряной монограммой, несколько альбомов для фотографий и стихов, Самый роскошный альбом для стихов подарила дочь крупного кулака Майга Стабулниск; на первой странице красовалась ее собственноручная запись: «Любовь — самое прекрасное украшение жизни».

Весной Майга окончила семинарию домоводства и слыла в Пурвайской волости чуть ли не самой богатой невестой. Супруги Тауринь старались обратить внимание Айвара на эту «интересную, миловидную девушку». О женитьбе, понятно, пока речь не шла — Айвару еще надо было отбыть полтора года обязательной военной службы, но, как говорят, порядочный хозяин зимой готовит телегу к лету, поэтому заботы Тауриней о будущей подруге жизни для приемного сына нельзя было считать преждевременными.

Чтобы не перечить родителям, Айвар иногда по вечерам отправлялся к Стабулниекам и катал на мотоцикле Майгу, а раза два в месяц он танцевал с нею на вечеринках: этого было достаточно, чтобы соседи глядели на них как на будущую супружескую пару и чтобы Эрна Тауринь была спокойна за выбор сына.

Рослая румяная блондинка, с круглым лицом, Майга Стабулник — утвердись она когда-нибудь хозяйкой в Ургах — была бы полной противоположностью старой хозяйке, от которой остались только кожа да кости. Рейнис Тауринь и раньше не питал особой любви к своей жене, а в последние годы в Урги всегда нанимали смазливых кухарок, и хозяйка смотрела сквозь пальцы на то, что ее супруг нег-нет да и навестит прислугу в ее маленькой комнатке. Но Тауринь высоко ценил практический ум своей жены. Злые языки говорили, что у Рейниса Тауриня есть связи и вне дома — с какой-то буфетчицей из трактира и с моложавой женой аптекаря, к которой он заезжал раз в неделю (в те дни, когда аптекарь ездил в Ригу за товаром для аптеки). Эрну эти сплетни не беспокоили: пока дело не доходило до публичного скандала, она не считала нужным вмешиваться в интимную жизнь мужа.

Майга Стабулник не пленила Айвара, но молодому красивому человеку отнюдь не было стыдно появляться с нею на людях. Майга кое-что читала, кое-чего наслушалась в обществе, кое-чему научилась в школе и могла непринужденно болтать за столом и быть довольно приятной партнершей в танцах.

Эрна Тауринь ясно видела, что Айвар не влюблен в ее избранницу, но считала это несущественным: подумаешь, каким счастьем наслаждаются те, кто женится по пламенной любви! Главное, чтобы все выглядело прилично, остальное устроится само собой.

Выполняя волю родителей, Айвар носился на мотоцикле по большаку, а за его спиной сидела светловолосая девушка, ухватившись обеими руками за его плечи (сидеть сбоку, в прицепной коляске, Майга не любила). Когда мотоцикл проносился мимо какой-нибудь деревенской женщины или девушки, они провожали Майгу неодобрительными взглядами и говорили: «Невеста ветра... так несется, так несется, будто за смертью, даже с юбкой не может справиться».

Понятно, с их стороны это была только зависть — кому не лестно стать хозяйкой в Ургах.

Иногда случалось, что Айвар по целым неделям не появлялся в Стабулниеках, и Майга напрасно глядела по вечерам на дорогу — не покажется ли мотоцикл с красивым юношей, о котором она мечтала ночи

напролет. Бывали у Айвара мрачные периоды, когда он не мог избавиться от странных мыслей о жизни и о своем месте в ней. Он не мог забыть разговора с Артуром Лидумом в его маленькой комнатке. Снова и снова в ушах у него звучали, подобно осуждению, слова Артура, с каждым днем все больше оправдывались его предсказания: «Вместо одного погонщика ваши батраки получают двоих». В эти дни тяжелых раздумий Айвар был мрачен и неразговорчив; взявшись за какую-нибудь трудную работу, он впрягался в нее как вол, надеясь физической усталостью заглушить сомнения. Но он был слишком умен, чтобы таким способом обмануть себя.

«Почему мы не можем быть друзьями? — иногда спрашивал себя Айвар. — Ну и что ж, что мы живем в разных условиях? Мы еще не успели ничего сделать, жизнь у нас только начинается, почему же нам стоять на противоположных берегах? Неужели дружба, настоящая человечность не в состоянии перебросить мост через этот поток вражды?»

Раньше в часы таких сомнений Айвар искал облегчения в обществе Лангстыня, но старый садовник лежал в земле, а у юноши не было больше друзей, которым он мог бы открыть свое сердце. Будь даже жив Лангстынь, навряд ли он сумел бы теперь помочь Айвару: ведь к концу жизни старики живут больше воспоминаниями о прошлом.

Иногда Айвар садился на мотоцикл и на весь день пропадал из дому. Он предпринимал дальние поездки через несколько волостей, случалось, заезжал и в уездный город, но еще раз навестить Артура у него не хватало духу. Мотоцикл несся по большаку с бешеной скоростью, оставляя за собой тучи пыли и неистовый лай встревоженных собак, но нигде мотоциклисту не хотелось остановиться, посидеть на краю дороги и послушать голоса окружающей жизни, которыми был полон мир.

В одно августовское воскресенье Айвар возвращался из уездного городка. Он ехал незнакомой дорогой через Айзупскую волость. Был теплый солнечный день. На убранных нивах стояли скирды хлеба, иной нетерпеливый крестьянин, не глядя на воскресенье, махал косой. В некоторых местах уже пасли скот на запущенных лугах, где после первого сенокоса отаву не растили: скотина вытаптывала луг. «Много ли травы вырастет здесь следующим летом?... Кочка на кочке, как бородавки на лице». Сердце образованного сельского хозяина не могло мириться с этим.

Впереди показалась усадьба. Справа от дороги, на пригорке, стоял хозяйский дом со службами, слева — маленькая, старая батрацкая избушка. Айвар остановил мотоцикл и некоторое время осматривал усадьбу. Странно: казалось, что каждая мелочь была здесь ему знакома. Где-то в глубине его сознания запечатлелась эта картина. Подъезжая к дому, Айвар

уже наперед знал, что будет через десять, пятнадцать и сотню шагов. У маленькой батрацкой избушки он слез с мотоцикла, и его охватило непонятное волнение: этот дровяной сарайчик в углу двора он когда-то видел. «За тем холмиком должен находиться пруд...» — подумал Айвар. Он поднялся на холмик и остолбенел от неожиданности: внизу блестел пруд, в точности такой, какой он представил себе. Он продолжал бродить по чужой усадьбе, и все ему было знакомо, он все здесь припоминал. Айвару казалось, что он видит сон.

Что-то здесь все больше и больше очаровывало его: маленькая батрацкая лачужка стала невыразимо милой, так и казалось, что из нее вот-вот выйдет женщина в белом платочке или широкоплечий мужчина с густой шевелюрой, в старых, стоптанных постолах.

Наконец он понял: в этом месте он когда-то — давным-давно — жил!

— Вы кого-нибудь ищете? — раздался за спиной Айвара голос, тоже показавшийся ему знакомым. Айвар обернулся и увидел плотного старика с совершенно седой бородой, закрывавшей только подбородок.

— Нет... — смутившись, ответил юноша. — Просто так, остановился. Мне эта усадьба кажется знакомой.

— Это Лаверы, — пояснил старик, — Айзупские Лаверы.

— Вы давно здесь живете? — спросил Айвар.

— Всю свою жизнь прожил здесь, молодой человек.

— А кто жил в этой маленькой избушке раньше?

— Многие жили, разве их всех вспомнишь. Часто меняются. Поживут несколько лет и ищут другого места. А вы откуда?

— Из Пурвайской волости, дедушка...

— Это далеко... — глубокомысленно покачал головой старик.

«Лаверы... — думал Айвар, садясь на мотоцикл. — Так вот где я когда-то жил...» Он уехал, взглянув на остров счастья своего раннего детства, когда у него еще были родные отец и мать, свой теплый уголок за печкой и маленький друг, с которым он играл и катался по замерзшему пруду. Его детский мир на мгновение ласково улыбнулся ему.

В Ургах его ждал знакомый Тауриня — офицер связи полка айзсаргов Стелп.

— Не желаешь принять участие в одной интересной операции? — спросил Стелп, здороваясь с Айваром.

— Что за операция? — спросил Айвар.

— Сегодня ночью мы будем охотиться за коммунистами, — заговорил шепотом Стелп. — У них в лесу какая-то сходка, один из наших втерся в их организацию и знает точно место и время. Надо всех их разом накрыть. В

мою задачу входит окружить лес с севера. Интересное будет приключение. Если хочешь, поедem с нами.

Айвара охватило отвращение. Сославшись на усталость, он отказался.

Через несколько дней Стелп опять заехал в Урги. Оказалось, что, несмотря на помощь провокатора, большинству участников сходки удалось уйти. Айзсарги и полицейские арестовали только троих.

— Знаете, кто оказался в числе этих троих? — сказал Стелп. — Некий Артур Лидум — ваш бывший сезонный рабочий! Оказывается, он был самым опасным коммунистом во всем уезде. Секретарь комсомола — подумайте только! А когда-то разгуливал здесь, на виду у нас.

— Вот и хорошо, что его поймали, — радовался Тауринь. — Пусть поживет на казенных хлебах.

Когда Стелп ушел, Тауринь сказал приемному сыну:

— Видишь, Айвар, что это за птица. Я был прав, когда говорил, что с ним не следует встречаться. А ты еще не хотел мне верить. Ну да ладно, теперь он не будет больше мутить воду.

Айвар молчал. Разве он мог сказать Тауриню, что ему жаль смелого парня, ставшего добычей охраны. И Айвар еще неделю не показывался в Стабулниеках и не катал по большаку Майгу — это было все, что он мог себе позволить, не вызывая подозрения приемных родителей. Так он и поступил, но достиг лишь того, что Майга сама, найдя какой-то пустячный предлог, появилась в середине недели в Ургах, и Айвару пришлось потом проводить ее домой.

— Что с тобой? — спросила Майга. — Почему ты не появляешься у нас?

— У меня было много работы... — уклончиво ответил Айвар.

Майга поняла, что он лжет, но все же была любезна и выразила желание поехать с ним в следующее воскресенье на легкоатлетические соревнования в соседнюю волость.

4

Инга Регут и Артур Лидум сидели в одной камере, вместе с другими шестнадцатью заключенными. Когда Артура перевели после суда в общую камеру, Инга уже просидел в тюрьме два года и считался здесь старожилом. До провала он некоторое время работал в подпольной комсомольской организации, которой руководил Артур Лидум, поэтому они сейчас встретились как старые товарищи.

Инга рассказал Артуру о тюремном режиме, о методах террора и слежки, применяемых тюремной администрацией, и подробно охарактеризовал каждого надзирателя. За несколько дней Артура вооружили всеми знаниями, необходимыми новичку, чтобы он с самого начала знал, как себя вести, не нарушая принятого коллективом распорядка и традиций и не давая тюремной администрации повода для новых гнусностей и зверских расправ. Надо сказать, что о тюремном режиме Артур уже многое знал раньше по рассказам Яна Лидума и некоторых товарищей по подпольной работе, поэтому он был хорошо подготовлен для жизни в заключении. Попав в другие жизненные условия, где каждый шаг регламентировался и где человеку ежеминутно давали чувствовать его бесправие и полную зависимость от враждебной власти, Артур ни на мгновение не поддавался унынию и малодушию. Как и раньше, на воле, он верил в неизбежную победу трудового народа; у него не было никаких сомнений — все было ясно с начала до конца.

Заключение не было и не могло быть перерывом в великой борьбе: она продолжалась и здесь, только в ином виде, чем за тюремными стенами, на свободе. Палачи старались сломить силы борцов, уничтожить их духовно и физически, но борцы не только сохраняли силы, но и непрерывно накапливали их, зная, что рано или поздно они понадобятся для строительства нового, свободного мира. Они учились овладевать знаниями, в тюремном мраке ковали то оружие, которым впоследствии придется воспользоваться в решающей битве.

Так же, как Ян Лидум, Артур с утра до вечера просиживал за книгами, и благодаря этому в его жизни даже сейчас не было ни одного бесцельно прожитого дня. Он был счастливее многих своих товарищей по заключению: у него было законченное общее образование. Теперь Артур ежедневно по несколько часов занимался с Ингой Регутом и еще двумя юношами, которые решили путем самообразования пройти курс средней школы. В то же время товарищи по камере интересовались всем, что происходило в мире, переживали все события, отзвук которых долетал до тюрьмы.

Через полгода товарищи с воли прислали Артуру книгу, которая теперь ходила из камеры в камеру. Это было бессмертное произведение Николая Островского «Как закалялась сталь» — чудесное повествование о благородстве, о сказочной силе духа, о неустрашимой борьбе настоящего человека, об его несгибаемом мужестве. Миллионы людей, потрясенные до глубины души, читали эту книгу, которая казалась былиной о сверхчеловеческом подвиге легендарного великана, а в то же время это

было самой настоящей действительностью. Так же как все, с восхищением прочли Артур Лидум и Инга Регут благородную повесть о жизни Павки Корчагина, и у них появилось лишь одно желание: быть такими, как Павка! Хоть немного походить на него и совершить подвиг во имя счастья угнетенных людей.

Переплетенная в пеструю обложку какого-то занимательного переводного романа, эта книга обошла всю тюрьму. Ее прочли в одиночках и коллективно в общих камерах. Как светлый гимн, проникла она в сердца борцов и наполнила их новой силой, новой верой и новой жаждой борьбы. Политзаключенные решили отправить Николаю Островскому коллективное письмо.

В одной из общих камер написали первоначальный текст, письма на папиросной бумаге, бисерным шрифтом; спрятанное в соломинке из матраца, оно пропутешествовало из камеры в камеру. Его обсуждали и дополняли новыми строчками, новыми, глубоко прочувствованными словами. Наконец, оно пришло в камеру, где находились Артур Лидум и Инга Регут.

По поручению товарищей Артур приписал к письму несколько строк, и неделю спустя один из товарищей по камере, отбывший срок заключения, вынес письмо из тюрьмы. Но пока оно совершало сложный путь, негибавший борец окончил свой жизненный подвиг, так и не прочитав братского приветов и слов товарищеской благодарности от заключенных латвийских революционеров.

«Ваша книга, дорогой товарищ, заставила нас забыть, что мы находимся в тюрьме, — она разрушила стены, наполнила нас чудесной силой и ясностью... — говорилось в письме. — И в то же время нам захотелось скорее вырваться отсюда, чтоб понести эту силу и ясность тем тысячам, которые задыхаются под железной пятой фашизма. Долго с добрым чувством мы будем вспоминать часы, когда мы собирались и читали вашу книгу.

Павка Корчагин — как дорог и мил он нам! Он стал своим, родным, нашим лучшим товарищем, мы страстно желаем походить на него.

Мы не боимся трудностей борьбы за пролетарскую революцию в условиях фашизма. Нас не остановят никакие смертельные угрозы, не устроят пытки охранки, годы каторги, невыносимые условия работы и жизни в 'тюрьме. Мы сравнительно легко переносим долгие годы вынужденного отрыва от активной борьбы только потому, что эти годы учат нас еще сильнее ненавидеть врага и вооружают идеологическим оружием нашей классовой борьбы.

Подобно великому человеку прошлого, который, переборов свою глухоту, создал чудесную Девятую симфонию,^[20] Павка Корчагин своим несчастьем создал счастье другим. Слепой писатель озарил ярким светом путь борьбы и подвига. И Павка не одинок, он не избранник, а представитель молодого поколения человечества — об этом свидетельствует то, что в Советском Союзе рабочий становится Человеком с большой буквы...»

Так думали и чувствовали Артур Лидум и его товарищи. Так же думал и чувствовал в одной из камер той же тюрьмы Ян Лидум и многие другие, которых пытались сломить те, кому пока еще принадлежала власть в Латвии. Но никому не дано побороть жажду свободы и справедливости. Нет такой силы. Только глупец и одержимый могут питать такие надежды.

5

Во второй половине 1937 года Айвар ушел на действительную военную службу. Он должен был призываться годом раньше, но Тауринь хотел, чтобы приемный сын закрепил на практике в Ургах свои знания, приобретенные в Приедоле. Тауриню не стоило больших трудов отодвинуть срок призыва, а также обеспечить Айвару самые лучшие условия при прохождении военной службы. Чтобы приемного сына не услали в какой-нибудь отдаленный гарнизон, Тауринь навестил в Риге кое-кого из начальников военного ведомства, а влиятельное лицо из «Крестьянского союза» позвонило уездному воинскому начальнику. Этого было вполне достаточно, чтобы Айвара зачислили в один из пехотных полков, расквартированных в Риге.

В роте, куда был зачислен Айвар, он пробыл всего несколько недель. Потом его откомандировали учиться в инструкторскую роту. Через полгода он закончил обучение, и его произвели в капралы. Тауринь прислал денег, и один из лучших рижских портных сшил Айвару парадный мундир. Вскоре его послали на курсы заместителей офицеров,^[21] и он их кончил с отличием. В свою основную роту Айвар вернулся почти через год в чине сержанта — заместителя офицера.

В хромовых сапогах, в хорошо сшитом диагональном мундире молодежавый сержант почти не отличался от младших офицеров полка — лейтенантов и старших лейтенантов, которые охотно приняли его в свое общество. Прослужив один месяц сержантом, Айвар наконец принял третий взвод роты и командовал им до окончания срока его обязательной

службы. Ему были присвоены почти все права младшего офицера, только жить он должен был в казарме вместе со своими солдатами.

Пехотный полк, в котором служил Айвар, считался одним из самых «крепких», его офицерский и инструкторский состав был укомплектован сыновьями состоятельных отцов: кулаков, домовладельцев, торговцев и зажиточных горожан. В событиях 15 мая этот полк сыграл значительную роль, и сейчас его рассматривали как надежную опору фашистского режима. Командный и инструкторский состав представлял хорошо спаянное ультранационалистическое ядро, и делалось все, чтобы ультранационалистические настроения впитала вся солдатская масса. Почти каждую неделю во всех ротях офицеры-пропагандисты из штаба армии читали лекции о внутреннем и международном положении, в которых главное внимание было сосредоточено на двух великих державах — Великобритании и Советском Союзе. Великобританию изображали как мощное в экономическом и военном отношении государство, кровно заинтересованное в так называемом Балтийском пространстве. О Советском Союзе рассказывали фантастические нелепости, стараясь внушить слушателям ложное представление о жизни советского народа, о Красной Армии, которая якобы беспомощна в современной войне. Солдатам пытались привить убеждение, что Латвия — одно из самых счастливых государств в мире, с сильным, справедливым государственным устройством и самым высоким жизненным уровнем, что латвийская армия представляет огромную силу и ей никого не следует бояться. И все больше входили в раж кулацкие сынки, все выше и выше задирали они носы, — пестрый петух националистической спеси и шовинизма кричал свое «кукареку» от пограничной реки Зилупе до Лиепаи.

Айвар заходил иногда в гарнизонный офицерский клуб, где имел честь сидеть за одним столом с лейтенантами, старшими лейтенантами и капитанами, которые относились к нему, как к своему.

— Если мы будем держаться вместе, нас никто не одолеет, — рассуждали они. — У коммунистических агитаторов нет никаких перспектив перетянуть на свою сторону массы рабочих и батраков. Латыш — прирожденный индивидуалист, и никакими коммунами его не прельстишь. Он любит патриархальные нравы: хозяин и работодатель для латышского рабочего все равно что отец, глава большой семьи, которого надо любить и уважать. Мы должны стараться, чтобы эти здоровые нравы еще крепче укоренились в сознании наших воинов.

Офицеры пили водку, закусывали миногами и рассказывали друг другу о своих победах над женщинами — словом, держались почти так же, как

когда-то «молодые волки» в приедольском училище. Айвар скоро понял, что все эти лейтенанты и капитаны в сущности те же волки, только у них уже выросли крепкие клыки хищников. В тесном кругу они рассказывали анекдоты про Ульманиса и Валяй-Берзиня,^[22] зубоскалили о промахах некоторых «вождей» на публичных собраниях, но в этом сказывалось лишь желание пофорсить собственной независимостью. Кадровых офицеров несколько раздражала конкуренция айзсаргов, их усиливавшееся влияние, все заметнее проявлявшееся в последнее время, но ошибся бы тот, кто стал бы искать в этих настроениях элементы оппозиции, — это было лишь всегдашним стремлением офицерской касты занимать первое место среди равных. И надо сказать, Ульманис учитывал эти настроения: Новый год он всегда встречал в рижском офицерском клубе, и первый его тост был за «нашу славную армию, на которую мы можем надеяться как в светлые дни мира, так и в ненастные дни военной бури».

Командир батальона подполковник Экис был хорошим знакомым Рейниса Тауриня и иногда приглашал Айвара на ужин. Ему приходилось заниматься разговорами госпожу подполковницу и в промежутках слушать рассказы офицеров о том, как они в бане намыливали спину командиру полка и как вместе пили водку после того, как удачно порыбачили вблизи летних лагерей.

Раза два в неделю Айвар ходил в театр, оперу или кино, а остальное свободное время занимался спортом и много читал по вопросам мелиорации. Не зная, придется ли когда-нибудь применять на деле эти познания, Айвар изучал все, что имело отношение к осушению болот и культивации заболоченных земель: может быть, позже, когда он станет самостоятельно хозяйничать в Ургах, он разрешит этот давно наболевший вопрос об осушении Змеиного болота.

Айвар не был неженкой и тяготы военной службы переносил гораздо легче, чем многие его сослуживцы, но ему претило подчеркнутое барство и чванство офицеров, которые они на каждом шагу давали чувствовать подчиненным. В их глазах рядовой солдат был представителем низшей расы, и от него требовалось только одно: слепое подчинение. Строевые учения напоминали дрессировку зверей и проходили в атмосфере грубости и унижения человеческого достоинства.

Особенно отличались сверхсрочники-инструкторы, которых рядовые прозвали стародавней кличкой, установившейся с царских времен, — «шкурами». Поэтому Айвара особенно неприятно удивило предложение батальонного командира остаться после обязательной службы на сверхсрочную.

— Ваш отец с успехом сможет еще несколько лет управляться с хозяйством один. Армия нуждается в новых кадрах. Вы легко можете получить звание лейтенанта и через несколько лет станете старшим лейтенантом. Армия вас хорошо обеспечит. Служба интересная и раскроет перед вами новые перспективы. Как вы на что смотрите?

— Решение этого вопроса от меня не зависит, — ответил Айвар. — Надо поговорить с отцом. Сомневаюсь, чтоб он согласился на это.

Он знал — Тауринь не согласится, а если бы даже и согласился, Айвар твердо решил не оставаться. Что угодно, только не военная служба!

Экие написал Тауриню, и тот ответил таким решительным «нет», что батальонный командир уже не пытался уговаривать Айвара. Если бы у Тауриня было несколько сыновей, одного из них он, несомненно, хотел бы видеть в офицерском звании, но у него один Айвар, а без него в Ургах больше нельзя обойтись. Майга Стабулник тоже с нетерпением ждала возвращения Тауриня: ее приданое давно было готово, даже материал на подвенечное платье куплен.

Осенью 1939 года Айвар демобилизовался и уехал домой.

По мнению Рейниса и Эрны Тауринь, он был вполне подготовлен для той жизни, которую они давно предназначили ему.

6

Сразу после возвращения Айвара Эрн Тауринь начала говорить, что мундир ему больше к лицу, чем штатский костюм, а Рейнис Тауринь торопил вступить в организацию айзсаргов.

— Пока ты не станешь айзсаргом — не будешь настоящим человеком, — сказал он.

— Только что избавился от одной оравы начальников, от всяких там больших и малых командиров, и опять выполняй приказания каких-то господ в мундирах! — сердито ответил Айвар. — Хотя бы годик дали отдохнуть от всех этих прелестей...

— Ну что ж, можно подождать до весны, — согласился Тауринь. — Только не забывай, что когда-нибудь тебе все равно придется это сделать. Что это за хозяин, если он не айзсарг? В обществе у него не будет никакого веса, и уважением он не будет пользоваться. Вот я... у меня все, что человеку нужно и что можно пожелать за свои заслуги.

Когда поздней осенью Рейнис Тауринь праздновал в обществе офицерского состава полка айзсаргов свой пятидесятилетний юбилей, ему

вручили орден «Трех звезд» и прекрасное охотничье ружье. Командир полка Риекст произнес поздравительную речь, в которой превозносил заслуги Тауриня перед «Латвией 15 мая» и от имени всех присутствующих поблагодарил крупного землевладельца. В тот вечер было произнесено много тостов, выпито много вина и съедено много яств. Под утро пьяные айзсарги пели «Гордую песню», «Ястреба Даугавы» и стреляли в воздух из револьверов.

Айвару было грустно и противно наблюдать все это. Он с содроганием подумал о том, что через некоторое время ему придется стать членом этой компании, часто встречаться с этими хвастливыми эгоистами и пошляками, и юноша почувствовал себя обреченным, его охватило отчаяние.

Утром он вместе с Рейнисом Таурином на мотоцикле возвращался домой из уездного города — больная Эрна не смогла принять участие в юбилее мужа.

— Вот каковы настоящие люди и какова настоящая жизнь, — сказал Тауринь приемному сыну. — Сейчас ты этого, пожалуй, еще не сумеешь оценить как следует, но поживи с ними годиков десять, тогда поймешь.

Айвар задумался. Он думал о той роковой случайности, которая связала его с Ургами, с Эрной и Рейнисом Тауринями и еще со многими людьми; они претили ему, как претила орава пьяниц в клубе уездного полка айзсаргов, или были безразличны, как Майга Стабулник, но с ними ему придется прожить всю жизнь. И неужели ничто на свете не сможет порвать эту проклятую связь?

В ту зиму Айвару несколько раз приходилось участвовать в охотах. Там он познакомился со многими известными людьми: старшими лесничими, купцами, врачами и агрономами. Каждая такая охота завершалась обедом и основательной выпивкой, после чего начинались бесконечные охотничьи рассказы и болтовня о мировой политике. В этих разговорах откровенно проявлялась ярая ненависть к Советскому Союзу и презрение к простым людям. Айвар скоро понял, что причиной этой ненависти был животный страх перед народом и боязнь возможной перемены государственного строя. Любая прогрессивная мысль, каждое слово о демократии, о социальной справедливости и революции приводили этих людей в бешенство: с перекошенными лицами и пеной у рта они ругались самыми грубыми словами, грозились расправиться с бунтовщиками, кричали о тюрьмах и виселицах, и тогда во всей неприглядности выявлялось их хищническое нутро.

Айвар не мог понять ненависть этих людей к своим согражданам, так же как не понимал их страх, потому что сам не испытывал его. Он

находился как бы между двумя непримиримыми враждебными мирами и все еще смотрел на них взглядом стороннего наблюдателя.

Время от времени Тауринь получал циркуляры и информационные бюллетени, с помощью которых штаб айзсаргов стремился поддержать воинственный дух среди командного состава. Особенно много таких бюллетеней получал он в начале 1940 года, в связи с так называемой финской кампанией и расквартированием советских гарнизонов в западных районах Латвии. Это походило на рев разъяренного быка. В каждом бюллетене содержались недвусмысленные намеки на предстоящую войну с Советским Союзом и указания на то, что Англия и Франция стали на сторону Финляндии; говорилось и о решающей роли трех прибалтийских государств в предстоявшем конфликте. Подбадриваемый и науськиваемый империалистическими державами Запада, пигмей размахивал жестяной сабелькой и угрожал великану:

«Я тебя растопчу, разорву в клочья, а свои пограничные столбы перенесу к берегам Волги. Бойся меня, ибо я могуществен!»

Это было тревожное время. Трудовому народу, как и всегда, было ясно, что только с Востока, со стороны Советского Союза, он может ждать своего освобождения; кто бы ни пришел с Запада, ничего хорошего ждать не приходилось: и Германия, и Англия, и Франция могли стать только угнетателями латышского народа. Труднее было определить свою позицию правящей клике — сельской и городской буржуазии Латвии. Ей было ясно, что назревают большие события и теперь не удастся остаться в стороне. Присутствие в Латвии советских гарнизонов злило буржуазию, тем более что рабочий класс и прогрессивная интеллигенция стали смелее и беспокойнее. Когда, подстрекаемая Англией и Францией, маннергеймовская Финляндия спровоцировала вооруженный конфликт с Советским Союзом, латвийская буржуазия по существу была готова пойти по стопам Финляндии, только очень уж неблагоприятно для самих зачинщиков конфликта развивались события там, на севере. Может быть, надежнее будет ставка на Гитлера? Он тут же, рядом, от Восточной Пруссии до Риги рукой подать... И действует куда энергичнее, чем эти англичане.

— Что-то зреет... что-то обязательно будет... — с тревогой перешептывались властители этой маленькой, угнетенной страны. — Куда же податься в конце концов?

Больше всего они боялись своего народа — ведь знает кошка, чье мясо съела.

Зимой самые надежные айзсарги и уволенные в запас армейские инструкторы получили приглашение вступить в добровольческие группы и

отправиться в Финляндию на помощь Маннергейму. Получил такое приглашение и Айвар Тауринь, но у него не было ни малейшего желания проливать кровь за каких-то лапуасцев.^[23] Из их уезда уехало только несколько айзсаргов, в числе их — сын мясника Лудис Трей.

Майга Стабулниеке признала решение Айвара весьма разумным: молодому человеку, который в ближайшем будущем поведет к алтарю свою избранницу, не было никакого расчета уезжать на чужбину и подвергать себя смертельной опасности. Пусть финны сами расхлебывают горячую кашу, которую заварили, а мы лучше потанцуем на вечеринках и поговорим о нашей будущей жизни...

У Майги были все основания спешить со свадьбой, это было ясно всем соседям. От праздной жизни и на хороших хлебах кулацкая дочка начала толстеть. Преждевременно накопившийся жир грозил уничтожить даже ту малую долю привлекательности, которой она располагала. Пришлось взять в тиски пышную грудь и могучие бедра, чтобы сохранить если не стройность фигуры, то хотя бы девичий облик. Старая Стабулниеке успокаивала дочь: она сама до свадьбы была очень полной, но первый ребенок сделал ее опять умеренно стройной. Майга могла бы иначе совладать с преждевременной пышностью, но что поделаешь, если у нее такой чудесный аппетит и такое отвращение к физическому труду? На что это будет похоже, если хозяйская дочка с дипломом семинарии домоводства будет разбрасывать на поле навоз, косить траву или вязать снопы!

Айвар по-прежнему навещал усадьбу Стабулниеки, в хорошую погоду катал Майгу на мотоцикле, но о свадьбе не заикался. Взгляды Майги с каждым днем становились все отчаяннее, а вздохи все громче; сидя за его спиной на подушке мотоцикла, она все время прижималась к нему, но он даже ни разу не попытался ее поцеловать. Самой проявить инициативу? И так уж завистливые языки болтают, что она вешается Айвару на шею.

Айвар не чувствовал к этой девице ничего похожего на любовь. Он ездил к Стабулниекам только из чувства долга. Он терпеливо жертвовал собой приемным родителям и встречался с этой девушкой потому, что это входило в планы двух зажиточных семей. Может, он пойдет с Майгой к алтарю, если этого потребуют общие интересы семей Тауриней и Стабулниеков, но никогда не полюбит ее, как не любит и сейчас. В глубине души Айвар желал, чтобы сердце Майги в один прекрасный день повернулось к другому парню, — он бы воспринял это как подарок судьбы.

Жизнь пока что протекала спокойно и однообразно, Айвара не волновали сильные чувства, сон его не тревожили отчаянные и страстные мечты. Работа, бессодержательный отдых, Майга... и в перспективе какая-

то сделка, в которой ему отведена определенная роль.

В одно майское воскресенье в Пурвайском приходе шла конфирмация. Вокруг церковной ограды застоявшиеся лошади переминались с ноги на ногу, грызли от скуки коновязь. Пока в церкви шло богослужение, у входа толпилась кучка любопытных — друзей и родных confirмующихся: некоторым не хватало места в маленькой церковке, а другим не хотелось слушать шамканье старого Рейнхарта.

Айвар тоже приехал посмотреть на хорошо известный церемониал и поздравить confirмующихся сегодня соседских парней и девушек. В ожидании выхода confirмованных на колокольне разместился духовой оркестр полка айзсаргов. Многие ожидающие держали в руках цветы, коробочки и сверточки с подарками, конверты с поздравительными открытками. Айвар тоже приготовил несколько поздравительных карточек, альбомов для стихов и издание гетевского «Фауста» в роскошном переплете — книга эта предназначалась дочери заведующего школой. Его пригласили на обед несколько семейств, но так как всюду все равно не поспеешь, он решил никуда не ходить — тогда никто не обидится.

Когда оркестр заиграл хорал, толпы ожидающих бросились к церковным дверям, образовав живую изгородь по краям дорожки. Торжественной и медленной поступью парами выходили из церкви confirмованные — девушки в белых платьях, юноши в черных костюмах. Началась веселая суета, рукопожатия, поцелуи, поздравления. Матери confirмованных всхлипывали, а молодые парни, из которых многие впервые надели крахмальные воротнички и галстуки, держались серьезно и прямо, точно аршин проглотили.

Айвар быстро покончил с поздравлениями, отдал кому следует подарки и поздравительные открытки, только не мог избавиться от одной из них, предназначавшейся Анне Пацеплис. Он видел Анну мельком раза два, поэтому сейчас не мог ее узнать в белом праздничном наряде. Тщетно пытаясь определить, которая из шестнадцати девушек может быть Анной, он в конце концов обратился за помощью к знакомым. Один парень показал ее. Она вышла из церкви в последней паре вместе с какой-то дочерью батрака и сразу затерялась в толпе. Айвар с трудом протиснулся к ней.

В простом белом платье, стройная и гибкая, с пышными темными волосами, она взглянула на Айвара, будто не понимая, зачем он подошел к

ней. Большие, серые глаза под темными бровями глядели робко, лишь временами зажигаясь внезапным сиянием и снова потухая, и тогда лицо девушки казалось мрачным, потемневшим.

— Анна Пацеплис? — спросил Айвар, и неизвестно почему сердце его сжалось, а взгляд не мог оторваться от лица Анны.

— Да... — тихо ответила Анна.

— Разрешите поздравить вас в день конфирмации и пожелать много счастья в вашей будущей жизни... — пробормотал Айвар шаблонную фразу, ясно понимая, что говорит совсем не то, что нужно сказать этой молодой девушке, с которой он разговаривает впервые. Он как бы опьянел от очарования. Взяв натруженную руку Анны, он пожал ее так легко, будто она была из хрупкого хрусталя. Отдав поздравительную открытку, Айвар смущенно улыбнулся девушке и, не спуская с нее глаз, отошел в сторону. Все в Анне бесконечно понравилось ему: серьезное, красивое лицо, каждое ее движение, голос, простая прическа... Когда взгляд девушки, отыскивая кого-то в толпе, невзначай задержался на Айваре, сердце его забилося.

«Милая...» — подумал он, впервые за свою жизнь чувствуя себя счастливым и несчастным.

Конфирмованные собрались у церкви, чтобы сфотографироваться. Айвар издали наблюдал за группой молодежи. Ему казалось, что девушка в простом наряде, отодвинутая назад состоятельными хозяйскими дочками, сияет среди всех, как солнышко.

Юноша видел, как Анна села в старую рессорную тележку между своим отцом, плечистым крестьянином с густыми седеющими усами, и младшим братом Жаном. Больше никто из домашних Анны в церковь не приехал. Когда тележка скрылась за поворотом, Айвар сел на мотоцикл и поспешил окольным путем опередить их. Ему пришлось сделать по проселочной дороге крюк в шесть километров, но мотоцикл прошел их в четверть часа. Айвар сел на краю дороги рядом со своей машиной и стал ожидать, когда на большаке появится старая рессорная тележка. Наконец она показалась. Айвару вдруг неизвестно отчего стало неловко, он хотел вместе с мотоциклом спрятаться в кусты. Но желание еще раз взглянуть на Анну удержало его. Когда тележка проезжала мимо, он осмелился бросить на девушку лишь мимолетный взгляд и сразу же отвернулся, но и этого мгновения было достаточно, чтобы образ Анны с новой силой запечатлелся в его памяти и перевернул душу.

— Милая, прекрасная... — шептал он, глядя ей вслед. — Почему я не знал тебя раньше? Как слепой ходил по свету, не видел, что ты рядом...

Он долго еще сидел на краю дороги и мечтал. В сущности, это было

только началом мечты, ее первой картиной — светлой, солнечной и увлекательной. Но Айвар уже предчувствовал завтрашнюю драму. Он стал на запретный путь. Где-то темнели грозные фигуры Тауриня и Стабулниека, горячее дыхание Майги обжигало его затылок. Задуманная двумя семьями сделка превратилась сегодня в проклятие, все его существо отказывалось примириться с нею! Нет! Я не принесу себя в жертву вашим низменным целям! Ваша усадьба со всем скотом и машинами не стоит одной улыбки на милом лице Анны!

С глаз Айвара словно спала завеса, и перед ним раскрылись новые, неизвестные горизонты. За один день изменились все вещи на земле и его отношение к ним. Через полчаса Айвар ветром промчался мимо Стабулниеков и продолжал нестись с той же скоростью еще несколько километров, пока дорога не свернула в лес. Весело и тревожно было на сердце: не поймали, даже не заметили! И никогда больше не поймаете!

Весь вечер Айвар бродил возле Змеинового болота, но ему не удалось увидеть Анну даже издали. Весь следующий день он провел в поле, граничившем с землей Сурумов, и часто поглядывал на дом, где жила Анна. Один раз он увидел ее издали, но она даже не посмотрела в сторону Айвара и опять скрылась. Однажды, вскоре после троицы, он снова сел на мотоцикл и поехал кататься. На этот раз был выбран новый маршрут, ведущий мимо усадьбы Сурумы. Какая-то седая женщина с большой бородавкой на щеке посмотрела из-за угла на проезжающего Айвара, высморкалась с помощью пальцев и повернулась к нему спиной. Больше он никого не видел.

Домой Айвар возвращался уже поздно вечером. Одно из окон старой избы Сурумов было освещено. У стола, склонившись над книгой, сидела Анна. Долго глядел на нее Айвар, шептал ласковые слова, надеясь, что она посмотрит в его сторону, но книга ей была милее, чем одинокий парень, стоявший на дороге.

От наблюдательных глаз Тауриня не укрылось странное поведение Айвара. Заметив, что приемный сын больше не навещает Стабулниеков, а скитается на своем мотоцикле по лесам и вдоль Змеинового болота, он посоветовался с женой.

— Мне кажется, что мальчишка втюрился, только неизвестно, в какую юбку... — сказал хозяин.

— У него же есть невеста, Майга.

— Но он к ней больше не ездит.

— Куда же ему больше ездить? — улыбнулась Эрна.

— Слишком часто начал бродить около избы Сурумов. У них недавно

конфирмовали дочь. Довольно милостивая.

— С Майгой ей не сравняться.

— Это тебе так кажется, а у Айвара может быть другой вкус. Хотела бы ты породниться с той болотной голытьбой?

— Этого еще не хватало! — Эрна возмущенно посмотрела на мужа. — На порог таких голодранцев не пущу. А ты думаешь, что увлекся всерьез?

— А кто его знает, — пожал плечами Тауринь. — Одно ясно: если мы его в этом году не женим на Майге, потом нечего и думать об этом. Майга тоже не может взять себя в руки: жрет больше, чем следует, и уродует себя.

— Тогда надо положить конец этому ухаживанию, — предложила Эрна. — На Янов день справим свадьбу. Это можно устроить, только надо сейчас же договориться с пастором, иначе он не успеет сделать оглашение в церкви.

— На Янов день не выйдет, но к осени обязательно, — рассудил Тауринь. — Сейчас надо отпраздновать обручение. Если Айвар обручится с Майгой, ему уж ничего не останется, как жениться на ней.

— Ну, тогда сделаем так, — согласилась Эрна. — Ты сам будешь говорить с ним?

— Лучше поговори ты, — сказал Тауринь. — У женщин в таких случаях язык гибче.

— Ладно, я поговорю с ним.

Эрна взялась за дело в тот же вечер. Тауринь поспешил поужинать и удалился в охотничью комнату. Оставшись вдвоем с Айваром, Эрна лукаво улыбнулась и начала:

— Как ты думаешь, Айвар, не пора ли тебе кончать с холостяцкой жизнью? Майга может еще умереть от тоски.

— Не умрет, — ответил Айвар, внезапно покраснев. — Но я не собираюсь на ней жениться. О таких вещах у нас разговора не было.

— На ком же ты думаешь жениться? — приемная мать зло сощурила глаза.

— Пока ни на ком. Поживу еще годика два холостым.

— И ты думаешь, что Майга согласится ждать тебя столько времени?

— Я ее и не заставляю ждать! — Айвар начал нервничать. — Пусть хоть завтра выходит замуж. Мне от нее ничего не нужно.

— А нам с отцом нужно. Нам нужна невестка. Если ты думаешь, что мы позволим тебе жениться на любой смазливой рожице, — ты очень ошибаешься. Мы с отцом знаем лучше, что тебе надо.

— Возможно... — ответил Айвар, вставая из-за стола. — Но мужем Майги Стабулник я никогда не буду.

Он вышел из комнаты, даже не пожелав матери покойной ночи.

Приемные родители решили оставить его на некоторое время в покое, — может, горячка пройдет и он, обдумав все более хладнокровно, в конце концов поймет, что родители правы. Только плохо, что Стабулниеки могут всякое подумать: уже третью неделю Айвар к ним глаз не показывает.

Наконец в начале июня Айвару удалось встретить Анну на дороге. В своем будничном платье она показалась ему еще прекраснее, чем в белом праздничном наряде. Айвар поздоровался. Опасаясь, что девушка пройдет мимо, сразу спросил, не хочет ли она вечером прокатиться на мотоцикле.

Анна удивленно взглянула на него.

— Прокатиться? В такое время... господин Тауринь? Кто же в Сурумах будет доить коров?

— Тогда, может быть, в другой раз... в воскресенье? — не отступал Айвар.

— И в воскресенье нельзя, — ответила Анна. — Скоро начнется сенокос, тогда все дни будут заняты.

Анна ушла, оставив Айвара одного на дороге.

«Она не хочет быть моим другом. Я не нравлюсь ей. Но как мне жить без ее дружбы?» — с отчаянием думал Айвар.

Ему стало холодно в этом мире, где не было тепла, любви, дружбы — только яростная борьба и жестокость. Ему так хотелось склониться головой к человеку, который так же одинок, как он, но сегодня и это ему было заказано.

— Я буду любить тебя всегда... — шептал Айвар. — Ты можешь не отвечать мне, избегать меня, — я всю жизнь останусь твоим.

Ему не было дела до того, что в это время происходило на белом свете. Живя в узком мирке личных чувств и мечтаний, он не интересовался исторической грозой, надвигающейся на «Латвию 15 мая» и на его собственную жизнь. Ему казалось, что это к нему не относится. Но когда раздались первые громовые раскаты, встрепенулся и он, поняв, что остаться в роли стороннего наблюдателя ему не удастся, — жизнь требовала, чтобы каждый человек ответил на вопрос: кто ты такой?

Глава седьмая

1

И вдруг все изменилось...

Стоило только показаться на улицах Риги нескольким советским танкам, как всколыхнулся весь трудовой народ Латвии — восстал и сбросил ярмо рабства. Он вышел на улицы столицы и после долголетнего молчания вдруг заговорил голосом хозяина, настоящего хозяина своей страны.

Как карточный домик, был сломан строй насилия и обмана одним-единственным ударом возмущенного народа. Не стало ульманисовского правительства. В Латвии начались новые времена.

Весть о падении режима Ульманиса облетела, подобно вещему золотому дятлу, всю Латвию. Приближение великой перемены можно было заметить уже за несколько дней до крушения старой власти — по тревоге больших и малых ее представителей и по столбам дыма, которые в теплые июньские ночи поднимались над трубами зданий государственных учреждений: уходящий, свергнутый народом режим спешил уничтожить следы своих черных дел, несчетные доказательства насилий и преступлений против народа.

Но сгорела только бумага, потому что не существовало огня, способного уничтожить в памяти народа пережитые им несправедливости.

...Ильза Лидум выгладила светлый костюм Артура, приобретенный незадолго до ареста, уложила в чемодан чистое белье, носки, полуботинки и поехала в Ригу, уверенная, что пробил час освобождения брата и сына.

И она не ошиблась: 21 июня растворились ворота тюрьмы, и борцы, приветствуемые ликованием народа, вышли на свободу! Но Ильзе, еле успевшей при радостном свидании обнять брата и сына, пришлось снова расстаться с ними на несколько часов: уговорившись встретиться вечером на квартире одного товарища, они ушли — один на заседание Центрального Комитета партии, другой — в ЦК комсомола. Их руки и мозг истомились по работе, а жизнь на них глядела, как поросший сорняками перелог, и звала: «Иди, новый сеятель, возделывай землю, сей золотое семя!»

Поздно вечером вернулся Артур. Хозяева квартиры ушли в другую

комнату, чтобы Ильза могла провести наедине с сыном первый вечер его свободы. Ильза еще днем принесла сюда чемодан Артура.

— Примерь, годится ли костюм, — торопила она его. Но он только мельком взглянул на вещи, все признал хорошим и поспешил поделиться с матерью новостями.

— ЦК комсомола предложил мне на выбор: или остаться в Риге и работать в центральном аппарате, или поехать в свой уезд первым секретарем уездного комитета комсомола. Угадай, что я выбрал.

— Наверно, останешься в Риге... — сказала Ильза.

— Вот и не угадала! — засмеялся Артур. — Завтра мы поедем домой и начнем творить такие дела, что Риексту тошно станет. Тебе больше не придется дрожать за меня, когда по вечерам я подолгу не буду возвращаться домой. Комсомольские собрания мы будем проводить не в лесу, а в центре города, а полицейским скажем: «Вам вход воспрещен!» И красный флаг станет свободно развеваться над дверями уездного комитета, независимо от того, нравится это охранке или нет.

— Наверно, редко мне придется видеть тебя, — сказала Ильза. — Надо будет обзавестись прялкой и прясть на кулаков, чтобы как-нибудь коротать вечера.

— Ты это серьезно? — Артур с удивлением посмотрел на мать. — Ты еще думаешь работать на них?

— Да нет же, нет... — засмеялась Ильза. — С меня хватит. Неужели не найдется подходящей работы и для моих рук? Пусть теперь кулаки сами научатся зарабатывать себе хлеб насущный.

Ильза с тревогой глядела на бледное лицо Артура: не подорвала ли навсегда тюрьма его здоровье, не болит ли у него грудь? Спрашивать об этом сына она не решалась, да он и не признается — разве теперь время болеть и отдыхать?

Мать и сын, поджидая Яна, рассказывали друг другу о том, как жили в разлуке, мечтали вслух о будущем.

Хотя Ян Лидум пришел очень поздно, они все еще не спали.

— Что это за мода? — в шутку рассердился он. — Вот нашлись полуночники! Марш спать!

Но его никто не послушал, да и ему в эту ночь не хотелось спать. Присев к столу напротив Ильзы и Артура, Ян Лидум долго смотрел на них, и его ласковая, светлая улыбка будто согревала мать и сына.

Ильза вздохнула.

— Как подумаешь... чего ты только, брат, не перевидал на своем веку... С малых лет ничего не знал, кроме тяжелой работы, жизни

впроголодь да тюремных стен. Теперь, может, и для тебя начнется лучшая пора, настоящая человеческая жизнь.

— Моя и твоя жизнь, Ильзит, — это мелочь, — ответил Ян. — А вот весь трудовой народ Латвии — разве он когда-нибудь жил по-человечески? Столетия рабства под игом чужеземных и своих господ... Наконец-то кончилась эта мучительная ночь, наконец-то начнется настоящая жизнь не только для нас, но и для миллионов. Какое счастье, сестра, что мы оба сможем еще поработать на благо народа! Я сегодня чувствую себя, как застоявшийся конь: не могу дождаться, когда можно будет навалиться всей грудью на работу.

— После долгих тюремных лет тебе надо бы немного отдохнуть, набраться сил... — заикнулась Ильза.

— Работа для меня лучший отдых, — ответил Ян.

Потом он рассказал, что Центральный Комитет партии утвердил его первым секретарем укома партии в одном из уездов Видземе.

— Завтра же отправляюсь туда и начну работать.

— Почему ты не просился в свой уезд? — спросила Ильза. — Тогда бы мы были вместе.

— Партийное руководство лучше знает, где каждый из нас нужен, — ответил Ян. — Мне дали настоящую кулацкую и айзсарговскую цитадель. Между прочим, наш старый знакомый, начальник уездной полиции Риекст, недавно тоже переведен туда. Наверно, думает, что в другом месте удастся скрыть старые грехи. Померяемся силами.

— Значит, мы опять не будем видеть друг друга... — вздохнула Ильза. — Так и пройдет вся жизнь.

— По пути в Ригу мне каждый раз придется проезжать через ваш уважаемый старинный городок, — успокоил ее Ян, — будем видеться довольно часто. А как же, Ильзит, ты? Не пора ли и тебе включиться в общественную работу?

— Да разве я что умею? — Ильза испуганно посмотрела на брата.

Ян погрозил пальцем.

— Нехорошо лгать, сестренка. Проработала в подполье шесть лет и ничего не умеешь? Это ты рассказывай кому-нибудь другому.

— В подполье — это одно, а работать на виду у всех — совсем другое, — ответила Ильза. — Я не умею разговаривать с людьми. В бумагах тоже ничего не смыслю.

— Сумеешь и будешь смыслить. Для чего партия тебя учила шесть лет? Это была твоя школа, Ильзит! Завтра же попрошу Карклина — он твой старый знакомый и назначен секретарем укома партии вашего уезда, —

пусть переговорит с тобой.

— И это называется брат... — Ильза притворилась обиженной. — Ждала его из тюрьмы, а он в первый же вечер причиняет сестре неприятности.

— И буду причинять... — смеялся Ян. — Пока не добьюсь своего и пока ты не признаешь, что это правильно... А об Айваре... ничего не известно? — спросил он вдруг, и у Ильзы сжалось сердце, когда она услышала, как дрогнул голос брата. Эта рана, наверно, не заживет у Яна никогда.

— Не знаю... — ответила она, виновато опустив глаза. — Никто ничего не знает. Но теперь ведь у тебя повсюду хорошие друзья. Может, общими усилиями удастся найти.

— Если только он жив, я найду его... — шепотом произнес Ян. — Теперь найду. Никакими законами об усыновлении его от меня больше не скроют.

Ильза положила руку на его большую ладонь, и так они сидели долго, думая одну и ту же думу.

2

В кабинете начальника уезда и командира полка айзсаргов Риекста происходило весьма важное совещание. Приглашены были очень немногие: уездный старшина Руткис, городской голова Гариндрик, начальник местного отделения охраны Пека и пробст^[24] Зирак. Риекста только недавно перевели сюда из соседнего уезда, поэтому его отношения с участниками совещания были пока официальные. В серой форме, часто поглаживая холеную бороду, уездный столп власти сидел за письменным столом и вел совещание.

«Что с нами будет?» — можно было прочесть на всех лицах, и наконец городской голова Гариндрик, не вытерпев, произнес этот вопрос вслух, за что был награжден уничтожающим взглядом Риекста.

— Что будет? — прорычал Риекст. — Будет драка не на жизнь, а на смерть. Все зависит от того, насколько мы сумеем сплотиться. Если опустим руки, нас в один день растопчут, а если станем держаться мужественно, им придется считаться с нами, оглядываться на каждом шагу: не забежали ли слишком далеко вперед? Вспомните, что сказал наш вождь несколько дней тому назад: «Я остаюсь на своем посту — оставайтесь и вы на своих!» Вы понимаете, что означает эта директива президента? Мы

остаемся на своих местах, будем по-прежнему выполнять его волю при любых обстоятельствах. Ошибаются те, кто думает, что мы побеждены.

— Но что мы — можем теперь делать? — вздохнул старшина уезда Руткис. — Где у нас сила?

— Наша сила — в нашей вере, — раздался голос пробста Зирака. — С божьей помощью и при большом желании мы будем скалой, которую не разбить никакой буре. Мои пасторы в приходах своими проповедями будут укреплять уставшие души и не дадут угаснуть пламени надежд. Пусть каждый терпеливо несет свой крест и не заботится о завтрашнем дне — господу известно, что уготовано каждому.

— Гм, да... — проворчал Риекст. В комнате было жарко и душно, но расстегнуть форменный френч он все же не хотел. — Вера и молитвы — вещь хорошая, но в настоящих условиях хорошее огнестрельное оружие ценится больше, уважаемый отец пробст. Церковь должна стать цитаделью не только в духовном, но и в прямом смысле этого слова.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил пробст.

Риекст встал, дошел до двери и приоткрыл ее. Убедившись, что передняя хорошо охраняется, он, снова тщательно затворив дверь, вернулся на свое место и заговорил приглушенным голосом, пристально глядя то на одного, то на другого:

— Нам надо быть готовыми к тому, что противники поспешат разоружить наших людей. В распоряжении полка айзсаргов есть много оружия. Его, несомненно, прикажут сдать. Но не все винтовки, пулеметы и боеприпасы внесены в списки полкового вооружения. Не станем же мы и эти излишки сдавать им. Часть, конечно, придется спрятать в лесах, а другую часть надо будет отцу пробсту разместить в подвалах своих церквей.

— Это, конечно, можно, — согласился пробст. — Мы все христовы воины.

— Распоряжение я дам сегодня же ночью, — продолжал Риекст. — Прошу позаботиться о том, чтобы пастыри приходов были готовы выполнять свои обязанности.

— Будет сделано, господин Риекст, — сказал пробст.

— Господин Пека, уничтожены ли списки и документы могущие скомпрометировать наших людей? — обратился начальник уезда к начальнику местного пункта охраны.

— Прошлой ночью сожгли последние бумаги, — ответил Пека. — У меня они ничего не найдут, но я не ручаюсь за Ригу. Главная картотека находится в управлении. Надо надеяться, что господин Фридрихсон тоже

не дремал.

— Будем надеяться... — буркнул Риекст.

Они совещались довольно долго и, наверно, просидели бы до ночи, если бы в девять часов вечера не случилось нечто, непредусмотренное повесткой дня. Внезапно, без доклада и стука, в кабинет Риекста вошли трое мужчин. Старший из них, почти седой, был огромного роста; второй, невысокий, лет пятидесяти, и третий — еще молодой мужчина, с загорелым лицом и военной выправкой.

— Добрый вечер, господа... — приветствовал старший. — О чем вы здесь совещаетесь?

Его спокойный иронический тон привел в бешенство Риекста.

— Кто вы... что вам нужно? — крикнул он и вскочил со стула. — Кто вам разрешил войти?

— Кто разрешил? — незнакомец посмотрел в глаза начальника уезда таким взглядом, что у Риекста затряслась борода. — Народ разрешил. Больше ни у кого мы разрешения не спрашивали. Чтобы вам было ясно, с кем имеете дело, давайте познакомимся. Это — Индрик Регут, новый начальник уездной полиции... — он показал на молодого мужчину с военной выправкой. — Приказ о его назначении подписан только сегодня утром, так что вы могли и не знать об этом. А это наш новый уездный старшина Лиэпа... Документы у него в полном порядке, в этом можете не сомневаться. А я... мое имя Ян Лидум. В тысяча девятьсот тридцать четвертом году вы меня, господин Риекст, арестовали, так что мы с вами старые знакомые. Решением Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Латвии я утвержден первым секретарем партийной организации этого уезда. Все понятно, господа?

— Ясно... — пробормотал Риекст. — Когда прикажете сдавать дела?

— Об этом договоритесь с Регутом, — сказал Лидум. — Я думаю, что он вас долго не задержит с формальностями. Насколько мне известно, в Риге новые министры приняли свои ведомства от предшественников за полчаса. А теперь нам придется разрешить несколько мелких вопросов. Вы позволите сесть, господин Риекст?

— Пожалуйста, пожалуйста... — командир полка айзсаргов силился говорить вежливо, но глаза его злобно сверкали, а руки дрожали от бессильной ярости. — Когда вы меня арестуете?

— По этому вопросу вам тоже придется говорить с Регутом, — ответил Лидум. Он сел и, немного подумав, продолжал: — Как вы уже слышали, в уезде теперь будет комитет коммунистической партии. Будет еще и другая организация — комитет комсомола. У этих организаций

много работы, а поэтому нужны подходящие помещения. Что вы можете рекомендовать мне?

— Сколько комнат вам нужно? — спросил городской голова Гариндрик, плотный мужчина с голым черепом. — Тремя обойдетесь?

— Пожалуй, маловато, — ответил Ян Лидум, почти любезно взглянув на говорившего. — Лучше всего подошел бы какой-нибудь двухэтажный дом. По дороге сюда я видел подходящий — около базарной площади.

— Но ведь он занят! — воскликнул Гариндрик. — Там помещается уездная управа.

— Попросим освободить, — сказал Лидум.

— А куда деваться уездной управе? — спросил сквозь зубы Риекст. — Выбросить ее на улицу?

— Почему на улицу? — удивился Лидум. — Некоторые учреждения окажутся лишними. Уездную управу переведем в освободившиеся помещения.

— Не будет ли двухэтажный дом слишком велик для вас? — вставил пробст Зирак. — Насколько мне известно, обстановка там тоже... мягкая мебель и полированные шкафы...

— Мы умеем сидеть и в мягких креслах, — ответил с усмешкой Лидум. — На лесных сходках достаточно насиделись на мхе. Господину Риексту это должно быть известно.

Командир полка айзсаргов покраснел до кончиков ушей, но промолчал.

— Значит, договорились? — сказал Лидум и встал. — Надеюсь, что господин Риекст сегодня же вечером отдаст соответствующие распоряжения. Иначе...

— Что иначе? — не выдержал наконец Риекст, вскочив с кресла и принимая прежний грозный вид. — Вы не имеете права...

— Товарищ Регут вам объяснит, как обстоит дело с этими правами... — сказал Лидум. Затем он обратился к Регуту и Лиепе: — Когда примете дела, придите ко мне в гостиницу. Нам надо договориться о первом заседании укома.

Ян Лидум ушел. Пробст Зирак тоже хотел удалиться, но Индрик Регут попросил его остаться:

— У меня могут возникнуть вопросы по вашей части, и неудобно будет нарушать ваш ночной покой.

...На следующее утро Ян Лидум совещался с Регутом, Лиепой и несколькими местными коммунистами — бывшими подпольщиками. Речь шла о кадрах.

— Не думайте, товарищи, что на все руководящие должности нам

пришлют людей из Риги, — говорил Лидум. — Центральный Комитет дал, сколько мог. Остальных надо найти на месте. Назовите мне всех честных людей в городе и в уезде — рабочих, батраков, интеллигентов, мужчин и женщин, стариков и молодых. Не может быть, чтоб мы не нашли несколько сот таких людей, которым можно доверить ответственную работу. Если в ком-либо и ошибемся, народ поможет исправить ошибку. Чем скорее мы заменим старых волостных старшин своими людьми, тем скорее начнется новая жизнь. Завтра же должно быть хотя бы по одному надежному человеку в каждом предприятии, магазине, учреждении — тогда ничего не утаят, не разбазарят и не украдут у народа. К полицейским надо приставить людей из вспомогательной службы. В каждой волости провести народные собрания и разъяснить жителям мероприятия нового правительства и нашей партии по переустройству жизни. Надо работать дни и ночи: если не будем работать мы, вместо нас потрудятся враги. Поэтому нельзя терять времени.

И люди нашлись. Из гущи народа, из его недр шли новые кадры. Во главе волости вместо кулака стал батрак и безземельный крестьянин. Рабочий наделялся правами государственного комиссара на фабрике, заводе, в магазине. Культурной жизнью стала руководить прогрессивная интеллигенция, которой прежний режим не давал работы. Выдвинутые из населения кадры вспомогательной службы заботились о порядке, становясь постепенно ядром организующейся народной милиции. И все это продвигала, создавала, видоизменяла и направляла сильная и смелая рука партии.

С каким наслаждением и вдохновением работал сейчас Ян Лидум! Энергия, накопившаяся за долгие годы вынужденного бездействия, требовала применения. Как теперьгодились знания, накопленные в стенах тюрьмы! Работа Лидума охватывала все, что делалось в уезде. Другие могли уставать, у других могло не хватать времени, а первый секретарь уездного комитета партии не имел права ни уставать, ни в чем-либо опаздывать. И пока все не было поставлено на место, он должен был забыть о себе, о своих личных нуждах.

Поглощенный огромной работой, Ян Лидум сумел выкроить время только на одно личное дело: с первого дня свободы он искал своего сына. Помещал объявления в газетах, сносился с товарищами из других уездов и городов, обращался к заведующим архивами и в судебные учреждения, но напасть на следы Айвара ему так и не удалось. Оставалось предположить, что сын или умер, или так упрятан, что найти его немислимо. Понемногу Ян Лидум свыкся с этой мыслью, но старая рана продолжала кровоточить.

Предположение Ильзы оправдалось: она считала неделю удачной, если ей удавалось раз или два видеть сына. Организовав уездный комитет комсомола, Артур большую часть времени проводил в волостях, на предприятиях, в школах. По заданию укома партии он участвовал во многих народных собраниях, разъяснял политику партии и правительства. Население помогало ему, и он выдвигал на работу новых людей. Быстро рос актив. Понятно, что Артур ни на мгновение не упускал из виду основной задачи — организацию молодежи. Почти во всех волостях уезда ему удавалось создать комсомольские группы. Юноши и девушки, вместе с которыми он работал в подполье, образовали ядро уездной организации комсомола, вокруг них объединилась прогрессивная молодежь.

Артур, как член уездного комитета партии, участвовал во всей его работе.

Уездный комитет комсомола находился в одном доме с укомом партии — новая смена борцов и строителей жизни чувствовала, в буквальном смысле этого слова, рядом плечо старшего поколения, и эта близость, эта согласованность действий придавала смелость и уверенность молодому поколению.

Однажды, когда Артур вернулся из поездки по волостям, в уком комсомола пришли несколько посетителей, все по таким важным вопросам, что разрешить их будто бы мог только первый секретарь.

В маленькую, просто обставленную рабочую комнату Артура, которую называли кабинетом первого секретаря, вошел посетитель — пожилой, седой человек. Это был директор начальной школы Лейниек.

— Приветствую вас, господин Лидум... — сказал он, угодливо кланяясь и улыбаясь так, будто встретился с дорогим другом. — Не забыли еще старого учителя? Вы были у меня самым лучшим учеником, я всегда с гордостью вспоминал вас. Самое приятное для учителя — это видеть своего воспитанника известным деятелем и честным человеком! Вы, господин Лидум, уже давно стали гордостью родной школы. Поздравляю, поздравляю...

Глядя на его притворную улыбку, Артур думал: «Ах ты, старый жулик... Что тебя привело ко мне? Не ради Дружбы и приятных воспоминаний пришел ты сюда».

— Прошу садиться... — сказал он. — Чем могу быть полезен?

— Не правда ли, приятно делать добро людям? — шепелявил Лейниек.

Его рот был полон искусственных зубов. — Эту добродетель я всегда старался привить своим ученикам. — Не дождавшись, чтобы Артур подкрепил это заявление, он несколько умерил пыл и приступил к делу. — Если бы все были такими уравновешенными, справедливыми и дальновидными, как вы, — новая власть имела бы гораздо больше надежных друзей, чем, к сожалению, можно наблюдать сейчас. Я понимаю, молодежи свойственны горячность, желание быстрее достичь своей цели... но такая горячность, однако, не должна превращаться в предрассудок и бездушное сведение счетов с нами, стариками. У нас ноги не такие быстрые, мы не успеваем за молодыми. Если иногда зацепимся, споткнемся, отстанем, разве за это нас надо сразу уничтожать?

— А в чем дело? — спросил Артур.

— Третьего дня меня отстранили от должности директора школы, — продолжал Лейниек. — Понимаете ли вы, что это для меня значит? Тридцать пять лет проработать на ниве народного просвещения, растить молодые поколения... в позапрошлом году весь город отмечал двадцатипятилетний юбилей моего пребывания в должности директора. И вдруг я больше не гожусь. Как кость, выбрасывают на свалку... собакам. Где же тут справедливость?

— Каковы официальные мотивы вашего увольнения? — поинтересовался Артур. — Не может быть, чтобы это сделали без всяких причин. Если произошло недоразумение, я постараюсь это выяснить и помогу вам.

— Понятно, недоразумение! — воскликнул Лейниек. — Досадное и чрезвычайно неприятное недоразумение. Они обвиняют меня в политической демонстрации против нового государственного строя, обзывают реакционером, а всему виной моя старая, забывчивая голова. В мои годы это вполне естественно. Ну поймите, господин Лидум, я забыл в актовом зале снять портрет Ульманиса и красно-бело-красные флажки.^[25] В моем кабинете они тоже нашли висевший на стене портрет Ульманиса. Разве это такое большое преступление? Я...

— Простите... — прервал его Артур. — Мне известно, что эти портреты и флажки были сняты еще в конце июня. Это сделали сами ученики. А вы тогда не разрешили их уничтожить.

— Разве можно так просто уничтожать? — удивился Лейниек. — Ведь это государственное имущество, внесенное в инвентаризационные списки. При ревизии мне придется отвечать за малейшую недостачу.

— И поэтому вы снова повесили их на стены? — спросил Артур.

— Но сейчас их там уже нет.

— Школьники сняли?

— Да... пионеры и комсомольцы. Не только сняли, но облили чернилами, а потом сожгли. Когда государственный контроль начнет проверять, мне придется отвечать.

— И больше ничего не случилось?

— Так точно, это все.

— А «то наказал комсомольцев и пионеров за уничтожение портретов фашистов? — спросил Артур, не спуская глаз с Лейниека. — Кто требовал, чтобы их исключили из школы, несмотря на то что это самые прилежные и успевающие ученики вашей школы?

— Но проступок нельзя оставлять без наказания! — заволновался Лейниека. — Что станет с дисциплиной, если я буду смотреть сквозь пальцы на такое самоуправство? Инспектор народного образования меня бы с землей сравнял за такие вещи.

Артур поднялся в знак того, что разговор окончен.

— Вы многого не понимаете, гражданин Лейниека. А если понимаете, то ведете себя, как большой наглец, и вам никак нельзя доверять воспитание молодого поколения. Если не ошибаюсь, у вас недалеко от города есть дом с большим садом и пасекой. Ухаживайте за ним, а молодых советских людей разрешите воспитывать другим, которые не так забывчивы.

— И это говорит мой бывший ученик, которого я воспитал порядочным человеком? — удивился Лейниека.

— Не вы воспитали меня таким. Лейниека покраснел от злобы и сказал:

— Я все же буду добиваться справедливости. Дойду до Москвы. Не может быть, чтобы Советская власть разрешила всяким молокососам сводить счеты с заслуженным педагогом...

Сказав это, «заслуженный педагог» ушел.

Его место в кабинете Артура заняли другие посетители — мясник Трей и его сын Лудис, оба плотные, круглые, с красными лицами.

— Здорово, старина! — фамильярно воскликнул Лудис и долго тряс руку Артура. — Не забыл еще старых Друзей? Ведь одиннадцать лет проучились вместе... в одно время кончили среднюю школу.

— Все детство и юность, так сказать, шагали по одним тропам, — поддакнул мясник. — Значит, есть что вспомнить.

— Вспомнить действительно есть о чем, — согласился Артур. Он предложил посетителям стулья и, когда те сели, будто между прочим спросил:

— Как тебе понравилось в Финляндии? Я слышал, ты воевал.

— По дурости, послушался командира полка Риекста, — поторопился объяснить старый Трей. — Он ведь не хотел ехать, всячески отговаривался, но этот проклятый не давал покоя.

— Сражаться нам не пришлось, — добавил Лудис. — Пока добрались туда через Швецию, надо было возвращаться обратно. В этом-то и вся беда: ведь я решил перейти на сторону Красной Армии, как только попаду на фронт.

— Действительно? — не скрывая удивления, спросил Артур. — Ты хотел перейти фронт?

— Честное слово, Артур! — заверил Лудис. — А теперь за мою поездку в Финляндию мне грозят большие неприятности. Никто не хочет верить, что у меня были такие благие намерения. Но ты... ты ведь меня знаешь с малых лет. Хорошо знаешь, каков я на самом деле.

— Ты прав, я действительно знаю тебя, — согласился Артур. — Чего ты от меня хочешь, Лудис?

— Не можешь ли ты написать мне поручительство? — спросил Лудис. — Замолви за меня словечко... Иначе может завариться каша. Ну, будь добр, помоги старому другу. Ведь это ничего, что мальчишками иногда дрались.

— Понятно, ничего, — усмехнулся Артур. — Личные счета надо забыть.

— Правда ведь? — Лудис повеселел. — Я сразу сказал, что Артур Лидум порядочный мальчик. Не то что некоторые горлопаны.

— О чем же они горлопанят? — поинтересовался Артур.

— Хотя бы об этом флаге, — пояснил Лудис. — Ты, может, помнишь. В парке на Первое мая был поднят красный флаг. К несчастью, мне в то утро приходилось проходить мимо. Начальник уезда Риекст заставил меня взобраться на дерево и снять флаг. Сейчас кое-кто хочет этот случай изобразить чуть ли не какой-то контрреволюцией. А как же я мог не полезть, когда меня заставили это сделать с оружием в руках.

— Я этот случай помню очень хорошо, — сказал Артур, — потому что в ту ночь сам водрузил этот флаг.

— Гляди, какой молодец! — порадовался старый Трей. — Какое мужество, какая ловкость! Учись у своего друга, Лудис.

— Сколько ты в тот раз получил — кажется, три лата? — спросил Артур.

— Я и не хотел брать их! — Лудис развел руками. — Насильно всучили.

— Странно, что тебя все заставляли делать насильно... — усмехнулся

Артур.

— У него такой покладистый характер, — пояснил мясник.

— Это все, что вы хотели мне сказать? — спросил Артур.

— Все... — пробормотал Лудис. — Ведь ты дашь мне поручительство? Я тебя очень прошу. Помогите в этот раз. В дальнейшем ты обо мне будешь слышать только хорошее. Теперь я знаю, как жить.

— Тебе придется поискать другого поручителя, — голос Артура зазвучал резко. — Я не желаю лгать только потому, что тебя ждут неприятности. Заварил кашу — расхлебывай сам.

— Но вы же видите, что происходит недоразумение! — воскликнул старый Трей. — Мальчишка сам не знал что делал. Кроме того... — его голос понизился до шепота, а взгляд стал заискивающим и ласковым, — мы умеем отблагодарить. Если нам кто-нибудь помог, мы этого вовек не забываем. Могу доказать хоть сегодня. Моя мясная доставит вам самый лучший товар, сколько вам только потребуется, — о деньгах можете не беспокоиться. А если когда-нибудь времена изменятся, в моем доме вы всегда найдете надежное убежище. Только помогите в этот раз...

Артур подошел к двери и распахнул ее настежь.

— Вон! Торгуйте своими колбасами и костями, но оставьте в покое честных людей! Ну, быстрее, быстрее!

4

Вскоре после установления Советской власти Артур приехал в Пурвайскую волость. По заданию укома партии и уездного исполнительного комитета он должен был созвать собрание и разъяснить населению решение Верховного Совета республики о земельной реформе и национализации крупной собственности. Заодно следовало подобрать членов волостной землеустроительной комиссии и организовать подготовительные работы по проведению реформы. Комсомольской группы в волости еще не существовало, Артур решил не уезжать, пока не будут решены и эти задачи. В воскресенье утром надо было провести общее народное собрание, а после обеда созвать молодежь волости.

Не успели разойтись участники общего собрания, как в Народном доме появилась молодежь. Пришло около ста человек.

Артур рассказал им об огромных переменах, происшедших в Латвии, о замечательной роли молодежи в государственной жизни и социалистическом строительстве в старших советских республиках.

Остановился и на задачах молодежи в Пурвайской волости. Земельная реформа, культурные мероприятия, механизация сельского хозяйства, борьба со старыми предрассудками, антирелигиозная пропаганда — вот какое обширное и многостороннее поле деятельности открывалось сегодня перед молодежью.

Пока Артур говорил, одна из девушек не спускала с него глаз. То была Анна Пацеплис. В Сурумах никто не знал, что она пошла на собрание. Анна заняла место в одном из задних рядов. Она не выступала в прениях, не задавала вопросов, только жадно вслушивалась в каждое слово Артура. Как и прежде, он сегодня казался ей самым благородным, умным человеком на свете. В ее памяти все еще звучали сказанные им несколько лет тому назад дружеские, ободряющие слова. Они помогли девушке не склониться перед обстоятельствами, не дали задохнуться. Сегодня, разговаривая с этими юношами и девушками, Артур снова указывал Анне путь. Ей очень хотелось идти по этому пути, только она не знала, как это сделать.

Собрание окончилось. Молодежь начала расходиться. Анна расхрабрилась и подошла к Артуру.

— Товарищ Лидум, могу я вас побеспокоить? — обратилась она к Артуру.

— Пожалуйста... — отозвался Артур, взглянув на девушку. Он не узнал ее: Анна за эти годы сильно выросла и изменилась.

— Вы меня, наверное, не узнаете? — спросила Анна. — Тогда вы работали батраком в Ургах. С тех пор прошло шесть лет...

— Анна из Сурумов! — воскликнул Артур с изумлением и пристально взглянул в лицо девушке. — Все помню, до последней мелочи, только тебя совсем нельзя узнать. Как ты выросла! Знаешь что, подожди меня несколько минут, я поговорю с ребятами, потом освобожусь до самого вечера.

— Ладно, я вас... я тебя подожду на улице.

Спустя полчаса они медленно шагали по дороге в сторону Сурумов. Артур рассказал Анне про тюремные годы и теперешнюю работу, а она в свою очередь рассказала о себе. Но в ее повествовании не было ничего примечательного: однообразная жизнь деревенской девушки, работа, учеба украдкой от домашних и вечное одиночество.

— Скажи, что мне делать? — спросила Анна. — Я не хочу жить по-старому. Чувствую, что мое место в комсомоле. Но если я поступлю в организацию и буду участвовать в работе, дома меня будут грызть с утра до вечера.

Артур задумался.

— Дорогая Анна, — наконец заговорил он, — я, конечно, не могу тебя уговаривать и усложнять твою жизнь, которая и без того нелегка. Но если ты хочешь наконец стать свободным человеком, тебе все равно когда-нибудь придется выдержать борьбу с семьей. Не лучше ли сделать это сейчас? Может быть, тебе придется тяжело, но потом ты сможешь ходить с гордо поднятой головой и никогда не останешься одна со своими бедами и невзгодами. На каждом шагу тебя поддержат товарищи.

— Ты думаешь, что мне так и поступить?

— Да, Анна. Ведь ты выбираешь себе честный, правильный путь. На твоей стороне весь советский народ. Кого тебе бояться?

— Ладно, Артур, я так и сделаю... — обещала Анна. — Только прости, если вначале не сумею быть такой, какой должна быть настоящая комсомолка. Но я постараюсь делать все, что в моих силах, и со временем стану такой.

— Правильно, Анна, и не надо таиться. Пусть все знают, кто ты.

— Пусть знают!

Веселых и улыбающихся увидел их на дороге Айвар. Он поспешно отступил в кусты, чтобы его не заметили. Грустным взглядом проводил молодой парень этих счастливых людей. Он готов был отдать все за то, чтобы Анна согласилась пройтись с ним и так же просто и свободно разговаривала, как сейчас с Артуром. «Для Артура, наверно, это ничего не значит, а для меня...»

Дома Айвар не находил себе места. С полчаса он подбрасывал большие двухпудовые гири, пока не заныли мускулы. Устал. Немного передохнул, затем сел на мотоцикл и уехал куда-то.

Но он не поехал к Стабулниекам, где, изнывая от тоски, его ждала белокурая Майга, — там ему нечего было делать. Айвар гнал мотоцикл по неровной лесной дороге, по извилистым тропам лесорубов и охотников и все время думал об Анне.

«Каким я должен быть, чтобы она смогла стать моим другом? Что я должен совершить, чтобы взгляд Анны остановился на мне с уважением и... может быть... с любовью?»

Он не находил ответа на эти вопросы.

В конце августа Анну Пацеплис приняли в комсомол. Сначала

организация не давала ей никаких поручений, только зачислила в политкружок и пригласила помочь украсить Дом культуры — Артур, по видимому, рекомендовал на первых порах не слишком загружать Анну заданиями, пока семья Пацеплисов не привыкнет к ее самостоятельности.

У Анны так и не хватило смелости признаться родителям в том, что она вступила в комсомол. Ежедневно выслушивая язвительные замечания мачехи о советских людях, она понимала, что это признание вызовет бурю в Сурумах. Бруно, служивший сейчас лесничим, жил в Мелдерах и только изредка заходил в усадьбу отца, и каждый раз он выкладывал ворох ядовитых сплетен и слухов. Антону Пацеплису старший сын казался воплощением мудрости, и он подпевал ему. Анна отмалчивалась. С утра до позднего вечера она тянула тяжелую рабочую лямку, терпеливо перенося и равнодушие отца, и брань, и ненавистное шипение мачехи. После конфирмации Лавиза больше не била Анну, но ее острый, желчный язык жалил гораздо больше, чем розги. Миловидность Анны (о которой Лавизе в последнее время приходилось слышать все чаще) всю жизнь была для нее бельмом на глазу. Она не могла примириться с мыслью, что падчерица, которую здесь заставляли работать до седьмого пота и на которую смотрели как на рабочую скотину, могла привлечь внимание людей. Чтобы Анна не зазнавалась, мачеха старалась вытравить из нее зачатки пробуждающейся гордости.

Анна пропускала мимо ушей замечания Лавизы, зная, что мачеха ее ненавидит. Отец ни разу не попытался заступиться за нее, а брат Жан был слишком молод, чтобы прийти на помощь сестре, — с ним в Сурумах не считались. Можно было подумать, что Жан равнодушен к сестре, но однажды вечером произошел такой случай. Явился Бруно, хмурый и злой.

— Где Анна? — сразу спросил он.

— Что тебе нужно от этой растяпы? — поинтересовалась мачеха.

— Позовите ее сюда, тогда услышите, что эта дура наделала! — закричал Бруно. — Пусть отец тоже идет. Ему надо знать, какие вещи творятся без его ведома в Сурумах...

Лавиза поняла, что раз уж Бруно так встревожен, значит произошло что-то чрезвычайное. Анна с Жаном в тот день копнили сено позднего укоса. Лавиза зашла за угол клетки и позвала Анну.

Вся семья Пацеплисов собралась в комнате хозяина. Все смотрели на Бруно, а тот ходил из угла в угол и злыми глазами косился на Анну. Вдруг он остановился и крикнул:

— Красная! Ком-со-мол-ка!

— Что за комсомолка, Бруно? — спросил Антон Пацеплис. — Что

случилось?

— Что случилось? — закричал Бруно. — В том-то и беда, что вы ничего не видите! У вас за спиной можно творить всякие безобразия: Анна вступила в комсомол! Понимаете ли вы, что это значит? Сегодня она вступает в комсомол, завтра — в партию, а послезавтра начнет помышлять о колхозе. А вы будете хлопать глазами и удивляться: глядите, какая у нас умница дочь...

Казалось, Лавиза вот-вот задохнется от злобы. Ее лицо посинело, глаза были готовы выскочить из орбит. Брызгая слюной, она закричала:

— Анька! Урод проклятый, правду говорит Бруно? Говори, подлюга!

— Да говори же... — повторил и Антон Пацеплис. — Ты и вправду это сделала? Завела дружбу с коммунистами?

Анна посмотрела на отца и тихо ответила:

— Да, отец, это верно. Я вступила в комсомол.

— О господи, господи! — визжала Лавиза. — Такой стыд, такой позор! Теперь эта красная слава прилипнет ко всей нашей семье! Антон, ты ей отец или нет? Как без твоего согласия дети творят такие вещи?

— Кто тебе позволил это сделать? — строго прозвучал голос хозяина Сурумов. — У кого ты спросила разрешение?

— Ни у кого, — ответила Анна. — Знала, что не разрешите, поэтому не спрашивала. В уставе комсомола не сказано, что при вступлении нужно разрешение родителей. Ведь вступила я, а не вы, и вам нечего волноваться.

— Дрянь... — проговорил Бруно. — Уже набралась всякого бесстыдства!

— Антон, неужели ты это так и оставишь? — закричала Лавиза. — Не покажешь свою отцовскую власть? Если ты скажешь «нет», Аньке придется выйти из комсомола. Может, тебе приятно, что дочка стала красной?

Антон Пацеплис побагровел и сердито посмотрел на Анну.

— Ты слышала? Сразу же, немедленно пойд и заяви, что ты выписываешься. Иначе не являйся домой. Я приказываю тебе это сделать, Поняла?

— Из комсомола я не уйду, — ответила Анна и смело посмотрела в глаза отцу, на Лавизу она ни разу не взглянула. — Если подымете шум... я уйду из Сурумов.

— Ну, это уж чересчур! — вскрикнула Лавиза. — Она еще грозитя!

— Это только цветочки, — съязвил Бруно. — Погодите, когда Анна с годик поучится коммунистической мудрости, тогда вы узнаете.

— Так я этого не оставлю! — сказал Пацеплис. Сняв ремень, он

угрожающе приблизился к Анне. — Я с тобой управлюсь. Послушаем, что ты теперь запоешь.

Анна побледнела — не от испуга, а от стыда. Отступив за стол, она крикнула:

— Не тронь меня, отец! Прошу тебя... Опомнись! Ты не смеешь меня бить. Я не выдержу, я убегу... к соседям.

Но Бруно все предусмотрел: он стоял у двери, зло ухмыляясь.

— Не убежишь, останешься здесь и получишь по заслугам.

Лавиза обежала вокруг стола и обеими руками вцепилась в волосы Анны.

— Бесстыдница! Возражать отцу! Я тебе покажу!

Она изо всей силы дергала Анну за волосы, пытаясь принудить падчерицу стать на колени, но у нее не хватало силы.

Вот тогда-то и произошло то, чего никто не ожидал. Молча выслушав грубую брань, Жан уже не мог остаться безучастным зрителем, когда мачеха начала расправу с его сестрой. Будто какая-то невидимая рука толкнула его, он одним прыжком очутился рядом с мачехой, яростно схватил ее за плечи и оторвал от Анны с такой силой, что Лавиза отлетела к стене и ушибла голову о деревянный крюк для одежды.

— Убери руки! — закричал Жан. — Ты не смеешь трогать мою сестру... ты... чужая баба! Если ты еще раз тронешь, я тебя убью, как змею! Да, да, своими руками! — потом повернулся к Бруно. Его взгляд был так страшен, что тот побледнел и на всякий случай схватился за ручку двери. — Чего ухмыляешься, шут гороховый? Хочешь получить по голове табуреткой?

В приступе гнева Жан схватил табуретку, размахнулся и бросил в Бруно.

— Сумасшедший, что ты делаешь!.. — закричал Бруно и выскочил в дверь, но угол табуретки задел его за плечо, и он завопил от боли. Рассерженный и испуганный, он побежал по двору, потирая ушибленное место.

Растерянный Антон Пацеплис с удивлением смотрел на своих детей. Жан стоял рядом с Анной и вызывающе смотрел на отца.

— Послушай, отец, если ты и дальше будешь потакать этой бабе, живи с ней в Сурумах один, — сказал он. — Мы с Анной уйдем. Ты всегда относился к нам не как отец, а как чужой. Мы больше не согласны так жить. Поступай как знаешь, только запомни: Анну и меня ты бить не смеешь.

— Антон, ты ему долго позволишь лаять? — застонала Лавиза.

— Не вой! — рявкнул Пацеплис. — Держи язык за зубами...

— Как? Что? — Лавиза широко раскрытыми глазами смотрела на мужа. — Ты их...

— Говорю тебе — не вой! — голос Пацеплиса стал грозным. — Кто здесь хозяин и глава семьи — ты или я? Если я говорю: кончать эту перепалку, то все должны слушать... и ты тоже, Лавиза.

После этой ссоры в семье Пацеплисов установилась длительная, напряженная, как после бури, тишина. Все вернулись к своим делам и продолжали работать, будто ничего не случилось, только исподтишка поглядывали друг на друга, наблюдая и выжидая. О том, что Анне надо уйти из комсомола, никто больше не заикался. Она все активнее участвовала в общественной работе и посвящала ей все свободное время. Бруно не появлялся в Сурумах до самой весны.

...В начале сентября в Урги приехали представители землеустроительной комиссии, осмотрели землю и начали выделять десятигектарные участки для батраков и безземельных. Тауринь от злости слег и совсем не выходил пока продолжались землеустроительные работы.

После того как шестьдесят гектаров земли распределили среди новохозяев, у Тауриня осталась приличная усадьба — тридцать гектаров хорошо обработанной земли с лугами и новыми постройками. О разорении не могло быть и речи, поэтому Айвара удивляла люта́я злоба приемного отца. Он так неистовствовал, что даже слег в постель. Если нельзя держать батраков и работниц и придется своими силами хозяйничать на этих тридцати гектарах, этого все равно слишком много — почти половина земли останется в перелогe.

В батрацкой избе усадьбы Урги теперь жило несколько семей новоселов; среди них были и прежние батраки Тауриня, но никому и в голову не приходило пахать хозяйские поля; у каждого теперь была своя земля, которую и надо было обрабатывать.

Всю осень Айвар прожил, почти не встречаясь с молодежью волости. В Стабулниеках ему делать было нечего, он не спешил искать новых друзей среди хозяйских сыновей и дочек, с которыми у него и раньше не налаживались приятельские отношения. Из прежних друзей Айвара здесь никто не жил: Инга Регут, который сейчас работал в соседнем уезде начальником отдела Министерства внутренних дел, изредка навещал своего отца-новохозяина, но до сих пор Айвару никак не удавалось повидаться с ним; о Юрисе Эмкалне он знал только то, что тот недавно сдал экстерном экзамены за сельскохозяйственное училище и сейчас работает

инструктором в одном уюте партии. Пойти к ним, как-нибудь напомнить о себе и попытаться возобновить старую дружбу Айвар стеснялся: а вдруг Инга и Юрис воспримут это как попытку использовать их... Все они — Инга, Юрис, Артур, Анна — жили новой, содержательной жизнью, которая неслась, как бурная, полноводная река, и было в этой жизни много благородного, молодого задора и дерзания. Эти люди создавали новое, не сомневаясь крушили все старое, отжившее, вместе со всем народом воздвигали прекрасное, могучее здание новой жизни. Они чувствовали себя членами великой братской семьи, и это сознание руководило их действиями. Все за одного и один за всех! На первом месте — общие интересы.

И что-то непреодолимо влекло к ним Айвара. Ему хотелось быть там, где находилась Анна, делать то же, что делала она, делить с нею радости и горе. Когда с осенними полевыми работами было покончено и свободного времени стало больше, Айвар начал чаще ходить в волостной Народный дом, чтобы посмотреть кино или послушать лекцию. Для него и то было счастьем, что он мог побыть несколько часов вблизи Анны, видеть ее милое лицо и изредка услышать ее голос. Каждый раз Айвар уносил домой какие-то новые впечатления, и они, понемногу накапливаясь в его сознании, постепенно становились убеждениями. Эти люди — товарищи и друзья Анны — не отталкивали его, не заставляли чувствовать себя чужаком среди них, но Айвар понимал, что остаться с ними навсегда и стать их товарищем — дело не простое, надо прежде всего порвать старые связи, уйти из усадьбы Урги и от Тауриней, начать жизнь снова.

Такой решительный момент, когда человек уже не может остаться на распутье, для Айвара еще не наступил, но он был не за горами — это юноша чувствовал с каждым днем все сильнее. Об этом заботилась и новая жизнь, расцветавшая перед его глазами; об этом заботилась правда этой новой жизни, голос которой Айвар слышал каждый день; ближе к этой жизни подвигала его и Анна; день, когда ему не удавалось хоть издали увидеть Анну, он считал потерянным.

Глава восьмая

1

В июле 1940 года прошли выборы в Народный сейм Латвии, и вскоре после этого состоялась первая сессия, где избранники народа единогласно приняли решение об установлении в Латвии Советской власти и вступлении в Союз Советских Социалистических Республик. Ян Лидум тоже был избран депутатом Народного сейма и участвовал в историческом заседании, происходившем в Риге, в здании драматического театра. Зал, балкон, галерея и фойе были переполнены до отказа. Рядом с учеными и деятелями искусства сидели простые рабочие и крестьяне. Вытягивая шею и поблескивая моноклями и пенсне, сидели в ложах послы и атташе западных империалистических государств во главе со старейшиной дипломатического корпуса — папским нунцием. Долгие годы эти господа вдохновляли, подпирали и направляли сокрушенный сейчас реакционный режим. Еще недавно они чувствовали себя в этой стране большими хозяевами, нежели ее официальные властители, а о народе и говорить не приходится, у него еще с 1919 года была отнята всякая возможность хоть в какой-то степени влиять на судьбы своей страны. Сегодня дипломаты с мрачным любопытством наблюдали последний, заключительный акт одной из исторических драм, в которой им долгое время принадлежали главные роли, и начало чего-то нового — великого и героического, — где главным героем становится сам народ Латвии и где для них не останется даже самой ничтожной роли.

«Сколько хотите смотрите, — подумал Ян Лидум, бросив взгляд на правую сторону балкона. — Долго вы здесь грабили и науськивали, теперь хозяин страны возьмет метлу и выметет вас на свалку».

Так и произошло.

В притихшем зале торжественно, как клятва, звучали слова великого решения. Его прочел один из депутатов. Единодушная воля всего народа была выполнена: от имени и по поручению его Народный сейм Латвии постановил обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой принять Латвию в состав Союза Советских Социалистических Республик.

— Кто за это предложение, прошу поднять руки! — раздался взволнованный голос председателя сейма — простого рабочего, который прошел сквозь долгие годы суровой борьбы в подполье, испытал ужасы

тюрьмы и Калнциемских каменоломен. В зале поднялся лес рук, и через несколько мгновений бурные аплодисменты приветствовали великое историческое событие. Народ Латвии вступал в новую, солнечную полосу своей жизни. Все встали. Люди улыбались, обнимались, целовались. У многих на глазах были слезы. Ян Лидум почувствовал, что и его щеки увлажнились, но он не стыдился слез. Его сердце переполняли радостные чувства. Величие победы в первые мгновения даже нельзя было охватить разумом.

Это был величайший день и в жизни народа Латвии и в жизни Лидума. Он ощущал это всем своим существом. «Петер Лидум, услышь в своей далекой могиле: мы победили, а вместе с нами — ты! Мечта поколений претворилась в явь. Пот и кровь, муки и смерть героев, сиротские слезы и вздохи стариков — все, все испытал этот священный час!»

Когда Ян Лидум немного погодя еще раз взглянул на правую сторону балкона, дипломатические ложи были пусты. Папский нунций ушел вместе с послами, секретарями и атташе западных государств, чтобы больше никогда не возвращаться, но никто даже и не заметил их ухода, схожего с бегством разбитого войска с поля боя.

— Очень хорошо, что они убралась, — сказал Лидум своему соседу, министру народного правительства, с которым он просидел несколько лет в одной камере рижской Центральной тюрьмы. — Здесь им больше нечего делать. Пусть упаковывают чемоданы да убираются восвояси.

Весть о решении Народного сейма на крыльях ветра облетела всю Ригу и Латвию. Улицы столицы заполнялись народом. Из Задвинья, из всех пригородов потекли реки шествий, они направлялись к центру города. Началась грандиозная демонстрация, какую не видела со дня своего основания седая Рига. В лучах июльского солнца пламенели красные знамена; плакаты, лозунги в медленно-торжественном ритме покачивались над людским морем.

После заседания Народного сейма Ян Лидум присоединился к демонстрантам и еще раз отпраздновал великий всенародный праздник.

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ!

Сотни тысяч людей повторяли эти слова с трепетом радостного изумления. Окончилась черная, кошмарная ночь, и перед глазами миллионов предстала озаренная солнцем необъятная Родина — с лесами, полями и нивами, реками, холмами, селами и городами; задымились

заводские трубы, закипела работа, и теперь все это, созданное и накопленное поколениями, вновь принадлежит народу, на веки вечные!

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ!

То что получил сегодня народ, был не подарок, а победа, обретенная в тяжелых боях. Сердце Яна Лидума наполнила гордость, когда он подумал, что и он помог выковать эту свободу. Поэтому она была ему особенно дорога, и сейчас, среди праздничного шума, Ян Лидум уже думал о работе, которая ждала его. Много было больших и малых забот: надо закрепить добытую победу, удержать при любых условиях и умножить во много крат добытое наследство — только тогда будет достигнуто то, о чем мечтали и за что боролись многие поколения людей.

2

Приехав из Риги домой, Ян Лидум собрал уездный актив и ознакомил товарищей с указаниями ЦК партии — необходимо было незамедлительно создать на местах органы Советской власти и в самом ближайшем будущем провести земельную реформу. Так же как месяц тому назад, когда Лидум впервые появился в этом уезде, труднее всего было с кадрами. Конечно, несколько недель были слишком маленьким сроком для того, чтобы установить степень пригодности каждого человека к ответственной работе, но все же и этого времени было достаточно для того, чтобы Ян не совершил грубую ошибку при выдвижении молодых активистов членами землеустроительных комиссий. Нужны были честные и преданные делу люди. Не всякий из тех, кто на собраниях умел обратить на себя внимание звонким голосом и энергичным выступлением, оказывался на работе столь же энергичным и способным; кое-кто из них, попав на должность волостного старшины, пытался ходить по проторенным тропкам своих предшественников и в первую очередь заботился о собственном благополучии или начинал сводить счеты со своими недругами; случалось и так, что в период первой спешки к руководству волостной жизнью пробирался замаскировавшийся враг или подкулачник, он всеми силами старался тормозить дело и извратить каждое начинание, а тем самым подорвать авторитет народной власти.

— Надо прислушиваться к голосу народных масс, — учил Лидум

ближайших товарищей. — Народные массы — вернейший советчик, бдительный страж нашего общего дела.

Сам он не пропускал ни одного случая поговорить с рабочими и крестьянами, чтобы знать их настроения и желания, знать все, что занимало помыслы народа, и вовремя вмешаться, выправить уже совершенные и предотвратить готовящиеся ошибки. Сплетников и подхалимов он не переносил; если кому-нибудь из них удавалось добраться до него, он выслушивал их, а потом говорил прямо в глаза, как он расценивает такие «услуги», и был при этом так резок, что скоро отвалил их.

Хотя Ян Лидум и проработал в уезде только несколько недель, но уже знал почти все слабые места, успел снять с работы некоторых болтунов и прогнать замаскировавшихся врагов, а вместо них выдвинуть на ответственную работу немало светлых голов.

— Надо добиться такого положения, чтобы у нас в каждой волости, на каждом предприятии, в каждом учреждении было бы хоть по одному человеку, в которых мы можем быть полностью уверенными, зная, что эти люди нас не обманывают и ничего не скрывают, как бы горька ни была правда. Даже замалчивание мелкой ошибки есть обман. Такому человеку мы не можем поверить в большом деле. Каждый из нас должен быть честным и откровенным перед партией и народом.

Сам он старался быть таким во всем, поэтому не удивительно, что авторитет его в уезде быстро рос.

Как только был опубликован закон о земельной реформе, во всех волостях учредили землеустроительные комиссии. Теперь Лидум большую часть времени проводил в поездках по уезду: проверял работу комиссий, исправлял допущенные ошибки и подгонял нерадивых.

Классовый враг, кулак, извивался гадюкой, стараясь ужалить и в то же время ускользнуть целым и невредимым. На какие только хитрости он не пускался: жены фиктивно разводились с мужьями, сыновья и дочери выделялись из общего хозяйства и требовали для себя десятигектарных участков, полагавшихся безземельным; старому батраку хозяин чуть ли не силком навязывал порядочный участок усадебной земли и еще давал в придачу скот и сельскохозяйственный инвентарь. Все это, конечно, делалось для обмана легковерных, так как урожай с батрацкого участка ссыпался в хозяйские закрома а удои молока от «батрацких» коров сливался, как и раньше, в большой кулацкий бидон.

— Не выйдет, почтенный... — высмеивал Ян Лидум какого-то крупного кулака, уличенного в такой проделке, — Деньги или мешок с

хлебом, может быть, и удастся утаить — да и то это плохо, — но если думаете такой же номер выкинуть с землей, то напрасно стараетесь. Можете совершенно спокойно разобрать перегородки, поставленные в своем доме; за ними не скроете обманный раздел семьи.

Как-то утром, когда Лидум после нескольких дней отсутствия вернулся в город, к нему в партийный комитет явился неожиданный и давно невиданный гость: старый Лавер из Айзупской волости. Прошло почти двадцать лет, как Ян в последний раз видел бывшего хозяина, поэтому вначале он его даже не узнал, но когда старикашка стал сыпать словами, как горохом, в памяти Лидума всплыла батрацкая хибарка, дальние леса и поля, где он несколько лет тянул тяжелую лямку.

— Я к вам с важным делом и очень большой просьбой, — зачастил Лавер. — Никто, кроме вас, мне не поможет, товарищ Лидум. — Не дождавшись ответа, он продолжал плаксиво, но сердито: — Меня разоряют! Лаверы — вы, верно, помните, какая это усадьба, — хотят разбить на семь частей, и на моих полях голытьба собирается до осени построить свои лачуги! Скоро дойдет до того, что я не смогу выбраться из своего дома, придется просить чужих людей, чтобы разрешили старому Лаверу с его белой кобылой проехать мимо их порога! Так намерили, так поделили — прямо курам на смех. Разве не могли им отмерить где-нибудь в одном месте — вдоль лесной опушки, там, где пастбища? Почему надо обязательно отнять у меня кусок моих обработанных полей? Молодые люди пусть годик-другой потрудятся над кочками и пнями, как я когда-то трудился.

— Что вам нужно? — спросил наконец Ян Лидум.

— Да то, про что я говорил, — удивился Лавер. — Пусть дают им землю у леса, а мои тридцать гектаров оставят в одном куске возле дома. Тогда мы друг друга и беспокоить не будем.

— Почему вы обращаетесь ко мне? — удивился Ян. — Айзупская волость находится не в нашем уезде. Вам надо обратиться к товарищу Карклиню...

— Я уже обращался, да разве с этим человеком сговоришься? Раздел должен быть справедливым, так он сказал. Вот тебе и справедливость! Вы, товарищ Лидум, сами жили в нашей усадьбе... все знаете. Будьте так милосердны, позвоните этому Карклиню в наш уезд, заступитесь за меня. Я не то чтобы даром... я никогда не оставался в долгу, когда мне делают добро. Деньгами там или натурой — как вам лучше, а мне все равно.

— Так же, как вам было все равно, когда меня в вашем присутствии с вашей помощью арестовали! — встав со стула, глухо сказал Лидум. — Так

же, как вам было все равно, когда вы выгнали из дома в осеннюю непогоду мою жену и ребенка и мне их после этого не суждено было видеть! Вы, матерый волк, хищник, торговец, вон! Справедливость не покупают! Мы не променяем ее ни на какие деньги и прочие блага мира. За все свое богатство вы не купите даже крупицы ее.

Отделавшись от наглого старика, Лидум глубоко задумался. Вскрылась и опять кровоточила старая рана.

«Айвар! — мысленно звал он. — Где ты? Почему не придешь ко мне, если я не могу отыскать тебя? Неужели ты больше не помнишь меня и я не существую в твоём сознании?»

Далеко за полночь проработал Лидум в своем кабинете и там же на диване заснул, потому что до сих пор еще не позаботился о квартире. Хотя и давно собирался он исправить эту оплошность, но каждый день случалось что-нибудь поважнее, и снова это дело откладывалось.

3

Решение Верховного Совета СССР о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик состоялось 5 августа. Когда Верховный Совет СССР обсуждал этот вопрос, Ян Лидум вместе с работниками укома и уисполкома был в зале заседания и, затаив дыхание, слушал радиопередачу из Кремлевского дворца. И когда сессия приняла решение и маленькая Латвия стала составной частью могущественнейшей великой державы, Яну Лидуму казалось, что и он с этого момента стал сильнее. Думы о Родине теперь устремлялись через горные хребты, бесконечные степи, тайгу и моря — от полуночного солнца Заполярья и Берингова пролива, где встречаются два континента, до солнечных долин Грузии и сказочных высот Памира на юге.

Родина! Какой простор, какая беспредельность связывались сейчас с этим понятием! Какая свобода для самых смелых мечтаний, осуществить которые по силам только человеку этой страны.

— У нас теперь одна дорога вместе со всеми советскими народами! — говорил Лидум на митинге после окончания радиопередачи из Москвы. — Все сообща пойдем к одному будущему. Кончились времена, когда чужестранец мог топтать ногой нашу землю и приказывать нам, как своим слугам! Кончилось время зависимости и унижения: кто сегодня захочет поговорить с нами, должен учесть, что имеет дело не с двумя, а с двумястами миллионов людей, а еще до разговора ему придется снять

шляпу и вынуть руки из карманов. Но, дорогие друзья, того, что мы от всего сердца радуемся великому счастью, обретенному нашим народом, еще недостаточно — нам надо оправдать это счастье и доказать своими делами всему советскому народу, что мы достойны стать рядом с ним.

Через полчаса из соседнего уезда позвонил Карклинь: тому тоже хотелось поделиться радостью со старым товарищем. Вечером к Яну Лидуму приехал гость, доставивший и большую радость и большие заботы. То была Ильза.

— Как хорошо, что ты приехала! — приветствовал он сестру. — Как будто знала, что именно сегодня я нуждаюсь в человеке, перед которым можно излить душу. Ты ведь знаешь, Ильза, что за день сегодня?

— Знаю, Ян... — ответила Ильза. — Теперь совершилось все, за что тридцать четыре года назад отдал свою жизнь наш отец — Петер Лидум.

— Да, пятое августа... — прошептал Ян, потрясенный этим воспоминанием. — Об этом я не подумал, а ты... вспомнила. Прости. Теперь я понимаю, что значит этот день для нас обоих.

— Надо было бы съездить к отцу, отвезти цветы на могилу, — продолжала Ильза — И ограду надо сделать, чтобы не топтали могилку. Я там была на прошлой неделе. Рядом растет старая красивая сосна, можно было бы поставить скворечницу, весной там щебетали бы птички... Отец так любил птиц...

— Больше всего в мире он любил людей, — добавил Ян. — Ему не жаль было отдать жизнь за их счастье. Съездим, сестра, обязательно съездим. Завтра мне как раз надо быть в тех краях; в бывшем центре имения, где отец перед смертью работал батраком, теперь хотят организовать первый совхоз в нашем уезде — от меня требуют заключения по этому вопросу.

В тот вечер они долго просидели в кабинете Яна, вспоминая детство и юность, рассказывая друг другу свои планы. Ильза заведовала уездным отделом социального обеспечения, и эта работа больше всего отвечала ее склонностям. Испытав на своих плечах тяжелое бремя жизни, она сейчас всю теплоту сердца отдавала горемыкам — инвалидам труда, оставшимся без кормильцев старикам и сиротам. Она предложила открыть детский дом в одном имении.

— Там большой, правда несколько запущенный, парк, озеро возле самого дома, вблизи сосновый бор... — рассказывала Ильза. — Можно устроить настоящий рай. Если мне удастся это осуществить, я согласна уехать из города и работать в детском доме.

— А с Карклинем ты уже говорила об этом? — поинтересовался Ян.

— Он меня всячески поддерживает, — ответила Ильза. — Из него вышел очень дельный первый секретарь. Простой рабочий, такой же, как мы с тобой, долгие годы проработал на лесопилке носчиком, а любой сложный вопрос решает отлично. Только вот в детский дом ни за что не хочет отпустить меня.

— И правильно делает, — улыбнулся Ян. — Если тебе по плечу заботы об инвалидах и сиротах всего уезда, с какой стати сужать эти заботы до масштабов одного учреждения.

— Говоришь — по плечу... Если бы Карклинь и Артур не помогли, не знаю, как бы я справилась.

— Но ведь это их обязанность. Сейчас они помогают тебе, а когда ты освоишь свой участок работы, в свою очередь будешь помогать им. Так мы все, Ильзит, делаем. Потому что мы коммунисты.

На дворе уже давно стемнело, когда Ян наконец вспомнил, что еще не ужинал и ничем не угостил сестру. Вот тогда-то и начались заботы и огорчения.

— Каково твое хозяйство? — поинтересовалась Ильза, когда брат заговорил об ужине. — Где ты живешь?

— Здесь вот и живу... — пробормотал Ян, окинув взглядом кабинет.

— Как? — не поняла Ильза.

— Ну так, как видишь...

Ильза удивленно взглянула на брата.

— Ведь ты не хочешь сказать, что у тебя... что ты?...

Он даже немного покраснел.

— Так оно и есть, сестричка... — неловко улыбнулся он. — Не умею жить. Самому стыдно, Ильзит, но так оно выходит.

Неизвестно, как бы он выпутался из создавшегося положения, если бы в этот момент не позвонил начальник уездного отдела Наркомата внутренних дел Регут.

— Товарищ Лидум, мне только что сказали, что у тебя гость. А ты подумал о ночлеге? На постоянный двор ведь не поведешь — там полно, как сельдей в бочке.

— Может... здесь же, товарищ Регут... — сказал Ян. — Мы ведь люди простые.

— Знаешь что, товарищ Лидум, — возразил Индрик. — Моя сестра приготовила ужин и велит передать, что смертельно обидится, если вы оба через четверть часа не будете сидеть у нас за столом. Ждем, товарищ секретарь...

Все кончилось тем, что Ян и Ильза в тот вечер поужинали вместе с

Индриком и его сестрой Айной, которая временно вела маленькое хозяйство брата. Там же, у Регутов, Ильзе приготовили постель на диване, а Ян, как обычно, ночевал у себя в кабинете.

Когда он ушел, Ильза обратилась к Индрику с просьбой:

— Возьмите, товарищ Регут, это дело в свои руки. Так ведь он совсем измотается. Если у него самого нет времени и охоты подумать об этом — подумайте вы.

— Уже думали, товарищ Лидум, — ответил Индрик, — и нашли ему квартиру рядом с укомом. Через несколько дней там закончат ремонт, но мы не знаем, как на это посмотрит товарищ Лидум. Две солнечные комнаты с кухней во втором этаже.

— Утром покажете мне. Я сама отведу его туда и устрою все остальное.

На следующее утро, сразу после завтрака, пока Ян Лидум просматривал почту и распределял задания своим помощникам, Ильза вместе с Индриком Регутом осмотрела квартиру, которая сразу же понравилась ей. Надо было еще только купить самую необходимую мебель. Индрик обещал взять шефство над переселением.

Когда Яну стало известно об этом, он без всяких возражений принял эту новость.

— Позор... — признался он. — Как малое дитя, заставил заботиться о себе других. Будто сам был без рук и головы. Впредь будет наука: буду знать, что и о таких делах надо думать. О какой культуре быта может говорить человек, который сам некультурен в личной жизни?

Справившись с самыми неотложными делами, Ян Лидум вызвал машину и вместе с Ильзой уехал в те места, где когда-то прошли их детство и юность.

4

Бывший центр имения с каменными хозяйственными постройками и большими массивами полей и лугов был точно создан для организации совхоза. Во времена Ульманиса здесь хозяйничал какой-то отставной генерал, кавалер двух орденов Лачплесиса; прошлой зимой, когда балтийские немцы уезжали в «фатерланд», сей муж, вдруг обнаружив в своих жилах несколько капель немецкой крови, признал за лучшее репатриироваться. Для настоящего животноводческого совхоза земли было маловато, но можно было предвидеть, что с окончанием земельной

реформы в ближайшей окрестности еще найдется несколько сот гектаров свободной земли, поэтому Ян Лидум, ознакомившись с положением, поддержал предложение об организации совхоза.

Навестив с Ильзой могилу отца и поручив кладбищенскому сторожу поставить ограду вокруг могилы Петера Лидума, они решили на обратном пути завернуть в соседний уезд и зайти в волостное правление, где когда-то работал писарем Друкис: если бы этого человека удалось встретить, он, несомненно, оказался бы более разговорчивым, чем в тот раз, когда к нему обратился и предъявил свои права бывший арестант Лидум.

— Может, он сейчас вспомнит, куда они спрятали Айвара, — рассуждал Ян. — Только бы мне попался в руки Друкис, на этот раз он бы не отвертелся. Ах, Ильзит, если б моя мечта исполнилась, в нашей семье прибавился бы еще один любимый человек.

Чтобы попасть в нужную волость, им надо было ехать лишних пятьдесят километров, но Ян был бы согласен проехать все пятьдесят тысяч, лишь бы найти потерянного сына.

Но этого не случилось. Оказалось, что еще в июне Друкис оставил на произвол судьбы волостное правление и скрылся, взяв с собой, а может быть предварительно уничтожив, многие документы и служебные бумаги. Видимо, знала кошка, чье мясо съела, поэтому постаралась исчезнуть; не только из-за Айвара и Лидума пришлось ему спрятаться в подполье: на служебном пути агента охраны и гитлеровского шпиона это была лишь одна, сравнительно небольшая сделка. Позднее Индрик Регут рассказал Яну, почему органы государственной безопасности разыскивают Друкиса.

— Не теряй надежды, — успокаивала его Ильза. — Может, Айвар еще найдется и без помощи Друкиса. Чего в жизни не случается.

— Надежды терять не буду, Ильзит... — ответил Ян. — Но ужасно тяжело жить в таком неведении, невыразимо тяжело. Когда я думаю, что мой мальчик, может быть, живет где-нибудь здесь же, рядом, а я, как слепой, десятки раз прохожу мимо и не узнаю его, то такая мысль просто невыносима. Насколько легче знать, что близкий человек умер, чем жить в таком неведении.

Ян отвез Ильзу домой, поговорил немного с Артуром и Карклинем, затем поехал к себе. Уже светало, когда Лидум достиг города. Он уже не ложился спать, а просидел до начала работы, раздумывая о своей жизни. Утром первый секретарь укома провел заседание, будто у него все было в порядке и никакие заботы не тревожили его.

...Большинство крестьян, получивших в ту осень земельные наделы, успели вспахать и засеять озимые, а кто получил землю позже, тому

землеустроительная комиссия старалась выделить хотя бы по гектару от засеянного кулаком поля, иначе при первых же шагах новохозяину — бывшему батраку — пришлось бы снова впрягаться в старое ярмо, прислуживать кулаку. Зимой новохозяева спешили с заготовкой строительного материала, чтобы к будущей осени построить хоть временное жилье и начать самостоятельную жизнь на «своем клочке земли, в своем уголке».

Об этом «своем клочке и своем уголке», которые все еще оставались мечтой огромной массы бывших батраков и безземельных крестьян, Яну Лидуму не раз приходилось слышать всякие скептические вопросы от активистов и членов партии.

— Стоит ли создавать сотню тысяч карликовых хозяйств, которые все равно никогда не будут товарными: это будут чисто потребительские хозяйства, работающие только на самих себя, — заметил как-то Индрик Регут. — Разве это не шаг назад? Не для того ведь устанавливали Советскую власть, чтоб Латвию превратить в «мелкоусадебный рай»; наша цель совсем иная — колхозы! Разве мы жизнь деревни хотим направить по другому руслу и обойтись без колхозов? Что ж это будет за советская республика, если здесь все будет иначе, чем в братских республиках? На каждом шагу особенности да исключения из общего правила.

— Революции не делают распоряжениями или декретами сверху, — ответил Ян Лидум. — Когда в Латвии свергли фашистский режим и установили Советскую власть, эта революция была совершена в несколько дней, но сколько лет понадобилось, пока народные массы, рабочий класс созрели для этого переворота и население нашей страны в своем подавляющем большинстве не захотело больше жить по-старому и безотлагательно пожелало перестроить все до самого основания?

— Так зачем же останавливаться на полпути и не перестроить до основания жизнь деревни? Разве потом легче будет это сделать? — продолжал сомневаться Индрик Регут.

— Это должны сделать сами крестьяне, и когда придет время, они это сделают, — ответил Ян Лидум. — Надо добиться, чтоб они поняли необходимость коллективизации. Как я уже сказал — приказами и декретами этого не сделать. У латышского крестьянина голова еще набита всякими предрассудками, он все время слышал всякие небылицы про колхозную жизнь; по правде говоря, у него даже нет ни малейшего понятия о том, что представляет собой колхоз в действительности. Как же вы можете от него требовать, чтобы он сегодня захотел того, о чем не имеет никакого понятия? А захотеть он должен сам — мы за него желать не

можем, вот как обстоит с этим делом. Помочь, разъяснить непонятное и показать правду — это мы должны начать делать с сегодняшнего дня, но приказать, чтобы крестьянин совершил революцию в деревне, не поняв ее смысла и не желая совершать ее, — абсолютно невозможно.

— И поэтому надо делать эксперимент со «своим уголком, своим клочком земли»?

— Если бы мне пришлось стать таким новохозяином с десятью гектарами земли, я, понятно, на это не пошел бы, — ответил Ян Лидум. — Я бы подождал, пока созреют условия для организации колхоза. Но попытайся на минуту влезть в шкуру алчущего земли безземельного и представь себе, как бы он чувствовал себя, если бы не получил земли из рук Советской власти. Он так сильно тосковал по этому «своему уголку, по своему клочку земли», мечтал о нем всю свою горемычную жизнь, надрываясь на чужой земле... и вдруг он остался бы с пустыми руками! Да мы бы тогда оставили его во власти кулака, он был бы недоволен Советской властью, а кулак смеялся бы себе в бороду и был доволен нами: «Молодцы, большевики, меня не тронули, даже батраков мне предоставили». Теперь кулак нас не восхваляет, сейчас он обозлен, ругается, и это хорошо, так как нам его похвал не надо. А труженики полей сейчас благодарят Советскую власть и вместе с нами борются с кулаками. Исполняется закон классовой борьбы, претворяется в жизнь то, чему нас учил Ленин. Ну, а об этом «своем уголке, своем клочке земли» не стоит много печалиться. Это мечта поколений латышского батрака и безземельного; он хочет почувствовать, подержать в своих руках свою землю, обласкать ее, как родное дитя; надо дать ему это сделать, иначе он будет возвращаться к этой не осуществленной до конца мечте. Вот подождите, когда эти мечты исполнятся, он достигнутым не удовлетворится, у него появится новая, еще большая мечта — мечта о колхозе. Долго этого ждать не придется — вспомните мои слова, — или я совсем не знаю трудового латышского крестьянина.

— А ты, видимо, прав, — согласился наконец Индрик.

Предвидение Яна Лидума исполнилось: уже весной 1941 года часть новохозяев начала поговаривать о совместной обработке земли, то тут, то там стали раздаваться голоса об организации колхозов, и если это не осуществилось, то только потому, что стояла горячая пора весеннего сева. А вскоре после этого в мире начались события, которые прервали на время строительство новой жизни в Советской Латвии и разрушили многое из того нового, что латышский рабочий и крестьянин успели создать в своей стране.

Глава девятая

1

Не для всех людей Латвии время шло одинаково. Для советских людей — рабочих, трудовых крестьян, активных строителей новой жизни — первый год свободы пронесся как на крыльях; так много надо было успеть создать и построить, что в неделе не хватало дней. Правда шагала твердой, смелой поступью по своему прямому пути, истребляя одно за другим гнезда вековой несправедливости.

Все братские советские народы, во главе с великим русским, бескорыстно помогали латышскому народу на каждом шагу, и не было ничего удивительного в том, что Советская Латвия так быстро двигалась вперед навстречу могучему, расцвету.

Но очень медленно тянулось время для вчерашних властителей Латвии. Выброшенные со своих фабрик, из больших магазинов и многоэтажных домов, они издали смотрели на победное шествие новой жизни, и злоба сжимала их сердца. Они внимательно следили за международными событиями. Вторжение гитлеровских орд в Норвегию и Францию оживило их надежды — они ждали возможности вернуть потерянное. Агенты Гитлера доставляли инструкции загнанным в подземелье темным силам. Тауринь со Стабулниеком, бывшие айзсарги собирались в укромных местах на совещания, и, пока народ работал, закладывая фундамент новой жизни, горсточка его врагов точила ножи и составляла черные списки.

Однажды в первой половине июня в Ургах появился необычный гость — Бруно Пацеплис. Тауринь почти час беседовал с ним с глазу на глаз, а потом велел жене потихоньку уложить белье и продукты в большой вещевой мешок. Ночью, когда новохозяева в людской избе уже спали, Рейнис Тауринь облачился в мундир айзсарга, надел новые охотничьи сапоги, достал из тайника винтовку, револьвер и, спрятав их под серый плащ, позвал жену.

— Я ухожу, — объявил он. — Мне надо скрыться на некоторое время, иначе может получиться, что я не сумею выбраться из собственной усадьбы. В НКВД пронюхали о моих связях с подпольем. Если меня будут искать, скажи, что уехал по хозяйственным делам в Ригу и неизвестно, когда вернусь. Держись так, будто ничего не случилось. Тебя они навряд ли

тронут.

— Долго тебя не будет? — спросила Эрна.

— Сколько понадобится, — ответил Тауринь. — Когда я вернусь, знай — пришел наш день и можно поднять на шесте красно-бело-красный флаг.

Он поцеловал в щеку Эрну, вылез через окно в сад и направился в сторону Аурского бора.

Теперь по утрам Айвар один чистил хлев, выгоняя в загон коров, помогал матери подоить их. В Ургах в этом году не было ни батраков, ни батрачек. Внешне жизнь протекала мирно: люди работали на полях, на лугах поспевала трава, но порой в эту мирную жизнь врвалось что-то тревожное. Кулаки снова подымали головы, более нетерпеливые айзсарги начинали грозить новохозяевам скорой расплатой, а старый Рейнхарт шамкал с церковной кафедры о божьих жерновах, которые мелют медленно, но зато верно.

Все эти тайные разговоры, угрожающее шипение и угрозы злопыхателей казались Айвару только бредом разгоряченного мозга. Его радовало погожее лето, солнечные дни и пение птиц. Не взволновало его и то, что в середине июня выслали вместе с семьями некоторых старших и более активных айзсарговских командиров. Там, на краю Змеинового болота, жила девушка, которая была для Айвара дороже всего на свете. Одно только сознание, что она существует, наполняло светом его жизнь. В бессонные ночи он отдавался думам об Анне. Если случится то, на что надеялись Тауринь и ему подобные, Анне будет угрожать опасность: злые, алчущие мести люди постараются ее убить или по крайней мере унижить. И тогда Айвар станет ее другом и защитником: днем и ночью он будет охранять Анну, вовремя предупредит ее, спрячет, а если понадобится, защитит в открытом бою, не щадя своей жизни.

Больше всего боялся Айвар, чтобы какой-нибудь негодяй не напал на Анну исподтишка, как злой пес, — это могло произойти и теперь, потому что у смелой девушки, вступившей против воли родителей в комсомол, ненавистников хватало. Это опасение все больше усиливало неприязнь Айвара к Тауриню и его единомышленникам. Они угрожали его собственному, еще не сбывшемуся счастью, его прекрасной и чистой мечте — ведь все, что было обращено против Анны, обращалось и против него.

...Война началась внезапно.

В ночь на 22 июня на большаке, пролежавшем через Пурвайскую волость, в четырех местах были перерезаны провода телефонных линий: некоторые уезды на несколько часов потеряли связь с Ригой. Под вечер того

же дня застрелили направляющегося на дежурство милиционера. Следующей ночью вооруженная банда обстреляла в лесу грузовик с красноармейцами и ранила двух бойцов. Под утро в окно комнаты Айвара тихо постучали. Айвар поднялся и отворил окно. Под ним стоял Бруно Пацеплис.

— Одевайтесь и пойдете со мной, — сказал он шепотом.

— Куда? — спросил Айвар.

— В лес, к наши м... — тихо ответил Бруно. — Вам придется командовать группой и наблюдать за дорогой, идущей через Аурский бор к северу. Ни один красный не должен уйти по этой дороге, вы будете отвечать за это. Поторопитесь, скоро начнет светать.

— Я никуда не могу уйти, — сказал Айвар. — Кто же присмотрит за домом? Пока отец не вернется, я должен оставаться в Ургах.

— Вы с ума сошли! — рассердился Бруно. — Ведь я передал вам приказание вашего отца.

— Я ничего не знаю, — Айвар пожал плечами. — Я не могу поверить каждому случайному человеку, который прибежит ко мне ночью.

— Значит, не пойдете?

— Ни в коем случае.

— Смотрите, как бы вам не пришлось в этом раскаяться, — пригрозил Бруно.

— Разрешите мне самому судить об этом, — отпарировал Айвар и захлопнул окно.

Потоптавшись на месте, Бруно в сердцах сплюнул и исчез в предутреннем сумраке. Когда он скрылся, Айвар оделся, растворил окно и выскочил в сад. По межам он направился к болоту. Недалеко от Сурумов Айвар сел в кустарнике на пригорке и стал дожидаться утра, не спуская глаз со старой избы, тихого двора и покосившегося хлева. Примерно через час там, внизу, скрипнула дверь. Немного погодя на дворе показалась стройная фигурка с подойником в руках. У Айвара сильно забило сердце.

— Анна... — шептал он. — Ты жива и здорова... Привет тебе, мое солнышко...

Он видел, как девушка отмахнулась от весело прыгавшей вокруг нее собаки, как наконец исчезла в старом хлеву, откуда уже несло тихое мычание коров. Тогда он поднялся и, радостно вздохнув, медленно зашагал в Урги.

Как не могло остаться без отпора вероломное нападение врага на Советскую землю, точно так же не могли остаться безнаказанными вылазки тыловых бандитов.

По заданию уездного комитета партии Артур Лидум организовал несколько вооруженных групп истребителей и сам возглавил одну из них. В его распоряжении было два грузовика и несколько мотоциклов. Вскоре по всему уезду стало известно про истребителей группы Лидума. Они всегда вовремя появлялись там, где больше всего были нужны. Стоило только врагу в каком-нибудь темном уголке поднять голову, как через несколько часов там появлялась бесстрашная группа бойцов, сваливалась как снег на голову и уничтожала осиные гнезда предателей и диверсантов. Сам народ помогал истребителям находить и опережать врага, наводил их на след бандитов и сообщал о каждом подозрительном случае в округе.

В течение недели Артур со своим отрядом провел несколько удачных операций. Боевое крещение они приняли в открытом бою с десантной группой, которую удалось окружить в Айзупском лесу. После нескольких часов боя всю группу полностью уничтожили. Оружие, отнятое у гитлеровцев, Артур распределил между своими бойцами, а часть отдал айзупским активистам, чтобы они могли бороться с врагами, если те высунут голову.

Двумя днями позже Артур обнаружил бандитскую базу в Аурском бору и дотла разгромил ее; захваченных бандитов постиг быстрый и грозный суд.

В небольшом перелеске, который вклинивался между двумя большаками, ранним утром, еще до первых петухов, истребители Артура Лидума застигли врасплох какого-то шпиона. Сидя в хорошо замаскированном убежище, он наблюдал за продвижением войск по обеим дорогам и доносил об этом гитлеровцам при помощи портативного передатчика. Когда истребители предложили ему сдаться, шпион метнул — одну за другой — две ручные гранаты и пытался скрыться, но не успел пробежать несколько шагов, как пуля, посланная Артуром Лидумом, навсегда утихомирила врага. Просматривая вещи диверсанта, обнаружили старый латвийский паспорт на имя Арнольда Друкиса, и один из истребителей признал в убитом шпионе бывшего волостного писаря, который в июне 1940 года пропал без вести.

Узнав об этом, Артур с особым интересом посмотрел на уничтоженного врага: так вот он, Друкис, которого Ян Лидум искал с первых дней установления Советской власти в Латвии... Вот он, верный слуга и наемник темных, враждебных народу сил. Сжав тонкие губы, он

лежал теперь перед Артуром, унеся с собой в могилу трагическую тайну, разгадку которой Ян Лидум надеялся найти именно у него.

— Жаль, что так скоро пристрелили этого пса... — сказал Артур. — Он бы мне пригодился живым.

— Для чего? — спросил парень, опознавший Друкиса. — Это была такая гадина. Теперь он получил по заслугам.

— Он знал кое-что важное для меня, — объяснил Артур. — Сейчас ничем уже не поможешь.

Взяв вещи Друкиса и захватив передатчик, отряд Артура вернулся к спрятанным в лесу машинам и двинулся в путь. Они не проехали и десяти километров, как их нагнал мотоциклист. Это был один из истребителей группы Артура, направленный утром в город с донесением.

— Товарищ Лидум, вам без промедления надо явиться в уком партии, — сообщил связной. — Приехал товарищ из Риги. Он хочет говорить лично с вами. Вот письмо.

Артур вскрыл конверт. На листе бумаги было написано всего несколько слов: «Немедленно со всеми людьми вернитесь в город получить новое важное задание. Поспешите!»

— Ну ладно, спешить так спешить... — сказал Артур. Он приказал повернуть машины, и они на предельной скорости поехали в город.

Было начало июля.

3

Когда немецкие военные самолеты появились над Змеиным болотом и стали сбрасывать бомбы на большак, жители Пурвайской волости поняли, что на этот раз дыхание войны заденет их, хотя волость и находилась в стороне от главных дорог, по которым двигались войска в первую мировую войну.

Анна Пацеплис тайком от отца и мачехи уложила все необходимое в дорожный мешок и спрятала его в стогу сена, чтобы в случае необходимости без задержки отправиться в путь. Когда — об этом известят товарищи из волостного исполкома.

В Сурумах начался сенокос. По утрам, подоив коров, Анна уходила на луга и вместе с Жаном косила грубую болотную осоку; иногда, вернувшись с молочного завода, к ним присоединялся отец. На юге грохотала канонада, в воздухе гудели моторы самолетов, скрипели повозки на пыльных дорогах, а на лугу в Сурумах звенели косы и Антон Пацеплис по временам

покрикивал на детей, когда те на минуту останавливались, не закончив ряд, чтобы прислушаться к голосам войны:

— Нечего смотреть! Пусть их воюют сколько хотят. Нам надо думать о том, как жить!

Нельзя было сказать, чтобы он на своем веку много думал о том, как будут жить его дети, и эта внезапная серьезность звучала в устах Пацеплиса почти смешно.

Фронт с каждым днем приближался, а вместе с этим менялось и отношение отца и мачехи к Анне. Выжидательное, угрюмое молчание сменили грубые издевательства.

Анна заметила, что мачеха все время старается не спускать с нее глаз. Случалось, что кто-нибудь из комсомольцев приходил в Сурумы к Анне, тогда Лавиза вертелась около них и мешала им говорить наедине.

«За что они меня так ненавидят? — думала Анна. — Что я им сделала, за что они так хотят мстить мне? За то, что не послушала их и вступила в комсомол? И что плохого сделала Советская власть моему отцу? Пусть бы кричали Тауринь, Стабулник, Кикрейзис — у тех отняли излишки земли; но почему неистовствует Пацеплис?»

Она не находила этому объяснений.

Только раз, поздно вечером, появился в Сурумах Бруно; он что-то шепнул отцу, мачехе, а уходя, бросил на Анну взгляд, полный ненависти.

— Скоро ты запоешь такой мотивчик, что крышка с избы приподнимется... — сказал он. — Тогда я послушаю.

Однажды канонада раздалась так близко, что казалось, бой происходит тут же, за большим болотом. Вечером все Змеиное болото озарилось багряным отсветом. Как только стемнело кто-то постучал в дверь избы Сурумов. Во дворе залаяла собака. Анна торопливо оделась, обулась, повязала на голову пестрый платочек и накинула на плечи легкое летнее пальто. В приоткрывшейся двери родительской комнаты показались две головы — отца и мачехи.

— Никуда не ходи! — крикнул Антон Пацеплис. — Оставайся дома, тебе говорят!

— Я сама знаю, что мне делать! — бросила в ответ Анна и поспешила к двери.

За дверью стоял один из местных комсомольцев.

— Немцы переправились через Даугаву, — прошептал он. — Надо сейчас уходить, чтобы не попасть в лапы фашистам. Ты готова?

— Да, готова... — ответила Анна и вышла во двор. Вслед за ней выскочили Пацеплис с Лавизой и загородили дорогу к воротам.

— Не давай этой красной уйти! — шипела мачеха. — Тебе придется отвечать за нее! Пусть останется и получит по заслугам!

— Анна, ты никуда не пойдешь! — крикнул и отец. — Ты несовершеннолетняя, ты должна делать, что велят родители.

Мачеха пыталась схватить падчерицу за рукав пальто, но в этот момент между ней и Анной блеснул металлический предмет, заставивший Лавизу отступить назад.

— Не хватайся, Сурумиене... — сказал комсомолец. — Это револьвер. Он стреляет, когда нужно.

— Прямо разбойник... — испугавшись, проворчала Лавиза, но осталась на месте. — В ночное время врывается в чужой дом с оружием в руках.

Анна ушла, не оглядываясь.

Огромными зарницами полыхали вспышки выстрелов артиллерии. Воздух содрогался от взрывов. Вспугнутые птицы, тревожно перекликаясь, летали над краем болота. Кроваво-красное небо пламенело над землей. Весь мир был полон тревоги, только деревья в лесу стояли неподвижно, с замершими ветвями, здесь не чувствовалось даже легкого ветерка, шелестевшего в кустарнике на равнине.

— Мы успеем? — спросила Анна.

— Надо успеть, — отозвался парень. — Товарищи не уйдут, пока все не соберутся в лесу. Пойдем скорей, Анна...

— Давай поторопимся.

Через час тронулись в путь более ста человек: мужчины, женщины, молодежь, дети. Некоторые ехали на своих подводах, у них были с собой кое-какие пожитки, другие на велосипедах, но большинство шагало пешком, в легкой летней одежде, с маленькими узелками или мешками за спиной. Некоторые шли с совершенно пустыми руками, без вещей. Многие из них не успели даже забежать домой, сообщить родным об уходе и взять хоть что-нибудь на дорогу, другие не могли попасть к своим семьям, потому что в южную часть волости уже ворвались гитлеровские мотоциклисты, — надо было успеть переправиться через реку, пока неприятель не дошел до моста. Это им удалось, но только сейчас всем стало ясно, что они отошли в самый последний момент: спустя несколько минут саперы взорвали мост.

Какой-то комсомолец затянул стародавнюю песню:

Ну прощай же, Видземите,
Не бывать в родном краю... —

но никто к нему не присоединился. Пропев первую строфу, он умолк и, будто устыдившись своего легкомыслия, нахмурился и с опущенной головой зашагал в хвосте колонны. Дорога пылила под ногами, но в темноте этого не было видно, люди только чувствовали, что их лица понемногу покрываются толстым слоем пыли и что-то начинает хрустеть на зубах.

Здесь, среди товарищей, Анна чувствовала себя бодро и спокойно — впервые в жизни действительно свободной и самостоятельной.

4

Узнав об уходе активистов, Рейнис Тауринь и Бруно Пацеплис кусали от злобы пальцы: несмотря на разведку и секреты, расставленные по возможным путям отхода, решающий момент кулаки прозевали. Утолить свою злобу можно было только кровавыми расправами над родственниками ушедших коммунистов, комсомольцев и советских работников, а также над оставшимися новохозяевами из батраков и безземельных крестьян.

Бруно злился на Айвара Тауриня: из-за его каприза осталась без наблюдения дорога к реке, и именно по ней ночью ушли активисты.

— Это граничит с предательством, господин Тауринь! — заявил лесничий. — За такие дела ставят к стенке и расстреливают, но вы для него, конечно, найдете всякие оправдания.

— Успокойтесь, Бруно... — сказал Тауринь. — Можете быть уверены, что Айвар искупит свою вину в ближайшие же дни. Наша борьба не кончена, и он еще заставит говорить о себе, это я гарантирую своим честным словом айзсарга.

— Посмотрим... — пробурчал Бруно.

Убедившись, что немецкие войска с обеих сторон обошли Змеиное болото и таким образом совершенно отрезали Пурвайскую волость от свободной территории, «герои» Аурского бора вышли из лесу и во всем своем блеске «победителей» показали перед жителями волости. Чуть не лопааясь от важности и задирая головы, бандиты явились в волостное правление, и один из них остался там временным вершителем судеб волости.

Тауринь вернулся к себе в усадьбу и первым делом проверил, не остался ли в батрацкой избе кто-нибудь из тех, кто весной, став на хозяйскую землю, гордо заявил: «Теперь это моя земля, и я буду

хозяйничать на ней, как мне понравится...» Они почти все ушли, не смог по болезни эвакуироваться только пожилой батрак с женой. Тауринь вызвал его во двор, размахивая плеткой и грязно ругаясь.

— Никаких болезней, ленивые скоты! Достаточно належались за времена большевиков! Марш за косами, живо на луга! Я с вас шкуру спущу, если до вечера не будут скошены все окрайки большого луга так, чтобы можно было пустить сенокосилку. Теперь вам некуда бежать жаловаться, забудьте про те дни, они никогда не вернуться. А о том, как вы готовы были выцарапать хозяину глаза, поговорим потом.

Выгнав на луг больных, Тауринь вернулся в дом и предоставил Эрне возможность полюбоваться и подивиться на него — «героя» Аурского бора.

— Где Айвар? — спросил он, когда Эрна немного успокоилась.

— Он с самого утра на лугу, — ответила Эрна. — Теперь уж, наверно, много накопил.

— Это хорошо, — сказал Тауринь. — Настоящий хозяин каждую работу начинает вовремя. Я схожу туда, посмотрю, как идут дела; Айвар теперь сможет вернуться домой — на его место станут двое косцов.

Тауринь хотел было сразу отправиться на луг, но внезапно вспомнил то, о чем неделю назад в Аурском бору сообщил ему Друкис. Он сказал, что родной отец его приемного сына — Ян Лидум — еще жив и работает первым секретарем уездного комитета партии в Н-ском уезде.

— Вам надо этого человека остерегаться, господин Тауринь, — сказал Друкис. — Он ищет пропавшего сына и не теряет надежды найти его. Можете себе представить, какие у него будут к вам претензии.

«Вот оно что... — подумал Тауринь, узнав про это. — Я похитил сына у какого-то красного... Но теперь это мой сын... Ты опоздал, Лидум: что мое, то навеки останется моим. Ты упустил время... сегодня слишком поздно ждать, что он вернется к тебе, даже если б знал, что ты существуешь».

Всегда самоуверенный, Рейнис Тауринь верил в свое влияние на приемного сына. «Я его вырастил, и он мой до мозга костей. Если бы сейчас Ян Лидум вздумал встать между нами и попытался отнять у меня Айвара, он ничего бы не добился — в особенности сейчас, когда его мир рушится, а мой возносится на прежнюю высоту. Теперь и от Айвара не стоит это скрывать. Для него наступило время определить свою линию и утвердиться в нашем обществе. Ему надо взяться за оружие, и он это сделает... и это будет окончательным ответом Лидуму...»

Самонадеянность Тауриня была так велика, что он решил тут же обо всем сообщить Айвару. Он вошел в комнату и, немного порывшись в

ящичках письменного стола, достал несколько пожелтевших от времени документов, сунул их в карман и направился на луга к Айвару.

...Все утро Айвар был точно на распутье и не знал, что предпринять. От проходившего мимо Жана Пацеплиса только недавно он узнал, что Анна прошлой ночью ушла из Сурумов. Теперь ему здесь все стало безразличным, и он чувствовал себя бесконечно одиноким. Он больше не понимал, зачем ему оставаться здесь.

В отдалении, справа и слева, раздавался гул оружейных выстрелов, в воздухе рокотали моторы самолетов: там шел бой, умирали люди... и среди всех опасностей брела Анна... Айвару было невыразимо жаль ее. Ему казалось: будь он возле Анны, ей ничего не грозило бы, он защитил бы ее от всех опасностей и угроз.

Пылят дороги, ржут кони, грохочут военные повозки... и среди этого хаоса шагает одинокая, хрупкая девушка... Устало идет она по незнакомой дороге. «Милая, почему ты ушла одна? Почему не позвала с собой меня? Если бы сказала одно-единственное слово, я бы все бросил и средь ночи ушел бы с тобой хоть на край света...»

Вдруг за его спиной раздались шаги, и голос, который он хорошо знал, но не научился любить, произнес:

— Бог в помощь, Айвар. Оставь же и другим, ты что, хочешь один весь луг скосить?

Айвар повернулся к Тауриню.

— Больше нельзя ждать ни одного дня, — ответил он. — Иначе трава перезреет.

— Ничего, теперь у тебя будут помощники, — усмехнулся Тауринь. — Пусть батраки поработают на лугу. Тебя ждет другая работа. Нам еще много придется потрудиться, пока очистим нашу землю от коммунистов. Кто ушел — ушел, с теми расправится немецкая армия, а кто остался на месте, тех нам самим придется выловить и доставить в надежное место. Взгляни на усадебную мачту — что на ней?

Айвар взглянул туда, но сразу же отвернулся и вопросительно посмотрел на Тауриня.

— Красно-бело-красный флаг! — гордо воскликнул Тауринь. — Вот чего мы уже достигли, Айвар.

— Ты думаешь, Красная Армия больше не вернется? — спросил юноша.

— Откуда ей прийти? — усмехнулся Тауринь. — Мы опять хозяева земли и будем жить в свое удовольствие. Только сначала надо очистить страну от тех, кто нам может помешать спокойно жить, — он заговорил

тише: — Я разговаривал с нашими. Все того мнения, что тебе надо возглавить одну из карательных групп и сразу же взяться за дело. Действуй, как мужчина, Айвар, — твердо. Кто заслужил смерть, пусть получит ее без лишних церемоний.

Айвар ничего не ответил Тауриню, только беспокойно посмотрел на усадьбу Сурумы, где уже не было Анны. Наконец, словно проснувшись, спросил:

— Почему именно я должен за это браться?

— Потому что пришло наконец время доказать делами свою принадлежность и верность нашему сословию. До сих пор ты ничем не проявил себя. Сейчас так нельзя. Каждому человеку надо доказать делами, что он достоин занимаемого им положения в жизни. Тем более это необходимо тебе.

— Чем же я отличаюсь от других людей? — с нескрываемым удивлением спросил Айвар.

— Своим происхождением, — продолжал Тауринь. — Для многих не секрет, что ты родился в семье простого батрака.

— Это я знаю... — тихо ответил Айвар. — Раньше меня звали не Таурином, а... Лидумом.

— Вот именно поэтому тебе надо доказать, что сегодня ты действительно Тауринь, а не Лидум. Ты ни одного часа не имеешь права сидеть сложа руки, иначе наши начнут думать, что ты колеблешься... оглядываешься на красное гнездо, из которого я тебя вовремя вызволил, чтобы сделать настоящим человеком.

— Красное гнездо? — Айвар удивленно сдвинул брови. — Что ты этим хочешь сказать?

Тауринь вынул из кармана метрику Айвара и удостоверение за подписью Друкиса о передаче его на воспитание в семью Тауриня.

— На, прочти, что здесь написано.

Когда Айвар прочел оба документа, Тауринь продолжил:

— Ян Лидум очень видный коммунист... он первый секретарь партийного комитета в Н-ском уезде. Он наш враг до мозга костей... также он и твой враг, Айвар. Он бы нас уничтожил, если бы встретил, только теперь это ему не удастся. Если он сегодня еще не уничтожен, то завтра уже не избежит своей собачьей участи, — об этом позаботятся люди Гитлера. Теперь-то ты понимаешь, что не можешь оставаться бездеятельным?

— Да, понимаю... — прошептал Айвар. Он был глубоко потрясен и смущен, но в то же время чувствовал, что в его жизни наступает решающий

момент прояснения, когда он выйдет на правильный путь. — Теперь мне многое становится понятным. Надо бороться, взяться за оружие и доказать, кто я.

— Правильно, сынок... — Тауринь обрадовался. — Именно этого я ожидал от тебя. Тебе надо приниматься за дело, чтобы каждому человеку стало понятным, кто ты таков. Тогда никому не придет в голову вспоминать о твоём прошлом. На краю Змеино́го болота, где сложены березовые кругляки, спрятан ящик с оружием. Там одна винтовка давно ждет тебя. Сегодня ты можешь ее взять.

Айвар надел пиджак, спрятал в карман оба документа, потом медленным шагом направился в сторону леса.

— Куда ты, Айвар? — спросил Тауринь.

— В лес, за своей винтовкой, — ответил Айвар. Ему хотелось бросить в лицо этому человеку совсем другие, резкие и безжалостные слова! Но он понимал — перед ним стоит враг, безжалостный и кровожадный волк, который немедленно его растерзает, если узнает, что происходит в душе приемного сына. Поэтому Айвар сдержался и больше не сказал ни слова, предоставляя Тауриню понимать по-своему происходящее.

— Правильно, Айвар! — опять воскликнул Тауринь. — За винтовку тебе надо взяться сегодня же, — он посмотрел вслед приемному сыну: тот размеренно, не спеша, как человек, знающий свое место в жизни, уходил через луг к темному бору на краю болота. У Рейниса Тауриня не было сомнений в помыслах Айвара: он сегодня же хотел начать беспощадную борьбу со своими врагами — с Яном Лидумом и его товарищами.

— Действуй смело, парень... — шептал Тауринь. — Это будет настоящим ответом им всем. Мои труды не пропали даром. Ян Лидум, ты проиграл в этой борьбе, да, да... У меня есть сын, товарищ и друг, а у тебя его нет и никогда не будет. Сама жизнь посмеялась над тобой.

5

Горько ошибался Рейнис Тауринь в своих предположениях. Его самоуверенность, циничные, злобные советы, которые он давал Айвару, вызвали у того отвращение к приемному отцу.

В лесу, сев на подгнивший пень, по расщелинам которого бегали муравьи, Айвар стал думать о своей жизни в Ургах. Он пытался вспомнить все, что с ним происходило за прошедшие годы. Его первые шаги в этой богатой усадьбе уже покрыла мгла времени, но некоторые неясные отрывки

удавалось вырывать из сумерек забвения. Чем ближе к настоящему, тем явственнее становились воспоминания. Через все события красной нитью проходила одна устойчивая линия в действиях приемных родителей: с первых дней они делали все, чтобы воспитать Айвара кулаком, преисполненным ненависти к простым людям. Они стремились убить в нем все человеческое, чистое и честное, искоренить появившиеся в раннем детстве представления о жизни и людях, о добре и зле. «Тауринь, Тауринь, как исковеркал ты мое детство и юность, — думал Айвар. — Еще немного, и ты окончательно искалечил бы меня. Теперь моя жизнь так замарана черным, постыдным пятном, что неизвестно, удастся ли мне его когда-нибудь смыть. Сын кулака... Разве Анна могла подарить такому свою дружбу и доверие?»

Подперев голову руками, Айвар застонал от стыда и злобы. Он понимал, что его место рядом с Яном Лидумом, Анной... С Ингой Регутом и Юрисом Эмкалном — с людьми, близкими его сердцу.

«Но как мне стать вашим? — спрашивал Айвар. — Захотите ли вы принять к себе такого, как я? Мне придется долго работать, чтобы искупить ошибки своей прежней жизни и смыть все пятна. Сперва надо стать настоящим человеком, которого отцу не стыдно будет назвать сыном. И только тогда, когда это произойдет, я могу прийти к Яну Лидуму, стать перед ним и сказать: «Дорогой отец, это я — твой сын... позволь мне остаться с тобой».

Он проверил содержимое карманов. Паспорт был при нем, а в бумажнике Айвар нашел свой воинский билет и немного денег. «Вот и хорошо, — обрадовался он. — Могу сразу пуститься в путь».

В обычной рабочей одежде, с пустыми руками и смятым сердцем ушел в неизвестный путь Айвар Тауринь, чтобы снова стать Айваром Лидумом. И в тот миг, как он решил начать новую жизнь, ему показалось, что Анна приблизилась к нему, не было больше темной стены, отделявшей их друг от друга. Это сознание наполнило сердце юноши радостью, счастьем и глубокой верой в то, что теперь жизнь его не обманет.

Напрасно ждал Тауринь возвращения приемного сына. Когда тот не вернулся ни на второй, ни на третий день, он подумал, что Айвар по юношеской горячности не удержался и на свой страх и риск начал неравную борьбу с большевиками.

Через несколько дней стало известно, что отступающие истребители в другом конце Пурвайской волости убили какого-то молодого парня, стрелявшего в них из кустов. Труп убитого целый день лежал на краю

дороги, а потом исчез — наверно, жители ближайших усадеб зарыли его в лесу.

«Это Айвар, — решил Тауринь. — Безрассудный мальчишка, зачем тебе надо было начинать одному... Почему не собрал людей и не начал вместе с ними большое дело!»

Несколько дней ходил молчаливый и мрачный хозяин усадьбы Урги, человек с твердым, как кремь, сердцем. Жена успокаивала его, говорила, что не надо терять надежды на возвращение Айвара, ведь никто точно не знает, был ли убитый парень их приемным сыном. Тауринь не спорил с ней, но и не пытался ей поверить: если Айвар не погиб, то находится где-то в другом месте, по ту сторону фронта, — и это казалось Тауриню еще ужаснее, чем его смерть. «Во сто раз лучше Айвару быть убитым в бою с большевиками, чем хоть один день действовать с ними заодно, участвовать в их делах», — думал он. Но Тауринь не мог примириться с этим положением, поэтому не верил в такую возможность.

В комнатке Айвара Таурини повесили его фотографию в черной, траурной окантовке. Затем после длительного перерыва хозяин усадьбы Урги вдруг вспомнил, что у аптекаря хорошенькая жена, с которой можно приятно провести время в отсутствие мужа. Он запряг лошадь и поехал в аптеку. Пусть погибали другие люди, а он еще был жив и хотел взять от жизни все, что только возможно.

...По тихим перелескам, по лесу и болотным стежкам, мимо одиноких лесных сторожек и вырубок новохозяев, где земля пахла гарью и среди небольших полянок торчали обгорелые пни, Айвар шагал на север, все время только на север. Пройдя километров десять-двенадцать, он садился отдохнуть, сосал корешки каких-то трав, ел росшую поблизости ягоду, затем подымался и шел дальше. Когда стемнело, он решил выйти на большак и всю ночь шагал по дороге, не встретив ни одного человека: крестьяне были слишком напуганы, чтобы выходить из дому в ночное время, а фашистские войсковые части с наступлением темноты прекращали продвижение вперед.

Хорошо зная эти места, Айвар к утру достиг территории, куда еще не ступила нога вражеского солдата. Теперь он мог и днем шагать по большаку. Вместе с ним на север шло много других людей.

На третий день пути Айвар примкнул к какой-то группе молодежи. В каждом населенном пункте он расспрашивал о пурвайцах и о девушке по имени Анна, но никто о них ничего не знал. Много разных дорог вело через Латвию к северу и к северо-востоку — кто мог указать, которую из них

избрала Анна и ее товарищи?...

Айвар и его попутчики шли молча, с плотно сжатыми губами, шли по земле, над которой сияло июльское солнце. В одном месте на краю дороги стояло что-то вроде монумента — каменный столб с надписью. Здесь кончалась земля Латвии и начиналась Эстония, и здесь, на границе, Айвара вдруг охватило странное смятение. Его попутчикам, советской молодежи, все было ясно — в их сознании советская Родина не кончалась у пограничного столба Латвии. Айвару же казалось, что он стоит у порога чужой земли и что там, по ту сторону границы, он будет для всех лишним и чужим.

Попутчики Айвара, сделавшие в том месте короткий привал, не знали, какую душевную борьбу пришлось юноше пережить, пока чувства его не подчинились разуму. Он все же взял с собой горсть латвийской земли.

6

На происходившем зимой IX съезде Коммунистической партии Латвии Яна Лидума избрали в члены Центрального Комитета. Незадолго до начала войны он участвовал в работе пленума ЦК. Здесь Лидум с радостью рассказал, как слаженно действовала уездная партийная организация при осуществлении всех начинаний. Н-ский уезд, как говорится, был на хорошем счету, в ближайшее время никаких особенных кампаний не предстояло, поэтому Ян Лидум решил впервые за всю свою жизнь взять отпуск и провести июль на Черноморском побережье. В Центральном Комитете он получил две путевки в Сочи — одну себе, другую Ильзе: они заранее договорились провести отпуск вместе.

По дороге к себе в уезд Ян завернул к Ильзе, и они условились о дне отъезда — сразу же после Янова дня, который Ян хотел отпраздновать среди старых товарищей-подпольщиков.

— Надо испробовать, не разучился ли я петь песни Лиго... — шутил он. — К тому же около двадцати лет не видел я ни Яновых огней, ни дубовых венков — так можно все позабыть.

Но из этого у Яна и Ильзы ничего не вышло: утро 22 июня перечеркнуло все их планы...

Переход от одного состояния к другому был так резок, что некоторые, более слабые, люди растерялись. И тогда такой человек, как Ян Лидум, своим хладнокровием и спокойствием оказывал благотворное влияние на окружающих, подавлял панику в самом начале и успокаивал разгоряченные

головы.

— Паники и растерянности не должно быть! — говорил он секретарям партийных организаций, собравшимся в первый день войны. — Надо быть готовым к величайшим трудностям. Нужно позаботиться, чтобы каждому была ясна его задача и чтобы каждый выполнял ее как следует.

Как и повсюду, Лидум организовал в своем уезде сильные группы истребителей, которые боролись со шпионами и диверсантами, пока активисты готовили к эвакуации учреждения и предприятия. Еще до вступления врага на территорию уезда было отправлено в восточные области страны самое важное: ценности Государственного банка, основное оборудование и материалы предприятий, тракторы МТС, документы учреждений и все средства механического транспорта. Когда больше нельзя было оставаться, уездный актив организованно ушел из города. Он отходил на северо-восток, как вооруженный отряд, в необходимых случаях обеспечивая свою сохранность, вступая в жаркие короткие бои с врагом. Так они почти без потерь достигли ближайшей русской области, сели в поезд и добрались до Поволжья.

Когда стало известно о создании Латышской стрелковой дивизии, Ян Лидум, живший в то время в центре одного приволжского района, собрал всех мужчин латышей, способных держать в руках оружие. Организованно, как единый коллектив, они направились к месту формирования дивизии. Среди них было много таких, которые, подобно Яну Лидуму, еще в первую мировую войну воевали в рядах латышских стрелковых полков.

— Воевать так воевать, — сказал им Лидум. — Провоюем и эту войну и покажем, что наш порох еще сух. Пусть не думает Гитлер, что ему больше повезет, чем Вильгельму Последнему.

Об Ильзе и Артуре Ян ничего не знал — ему не удалось связаться с ними перед уходом. Но он был уверен: они-то будут знать, что им делать. Если по каким-либо причинам они не успеют эвакуироваться, то все равно найдут свое место в великой борьбе, будут знать, как лучше всего служить в это грязное время народу.

«Нет, за них мне не придется краснеть... — думал Ян Лидум, отводя свою группу добровольцев в лагерь дивизии, — Мне самому надо сделать все, чтобы потом не стыдно было смотреть в глаза людям».

Глава десятая

1

Прибыв со своими истребителями в город, Артур Лидум сразу направился в уком партии. Там он два часа беседовал с представителем ГДК Коммунистической партии Латвии и секретарем укома Карклинем. Представитель Центрального Комитета, пожилой человек — по выправке в нем угадывался бывший военный, — сначала расспросил Артура, как он подготовил к эвакуации комсомольцев уезда и как показали себя в боях с диверсантами истребители, затем сел рядом с Артуром и, понизив голос, продолжал беседу.

— Не исключена возможность, что территория нашей республики на время попадет в руки врага, тогда партийному и советскому активу придется эвакуироваться. Это означает, что большинство коммунистов Латвии — и как раз самые опытные, закаленные подпольной работой, — уже не будут находиться здесь, когда враг со своими подручными начнет хозяйничать в нашей стране. Красная Армия разгромит захватчиков, выметет их с Советской земли. Но необходимо, чтобы борьба с гитлеровцами развернулась и по эту сторону фронта — в тылу врага. Само собою это не произойдет. Нам надо взять это дело в свои руки. Товарищ Лидум, согласен ли ты остаться на месте и организовать по поручению партии партизанское движение в этой области? Работа трудная и опасная. Если у тебя есть хоть малейшее сомнение, мы принуждать тебя не будем. По правде говоря, за эту задачу должен взяться он... — председатель ЦК кивнул в сторону первого секретаря, — но здоровье его так плохо, что оставлять его работать в подполье нельзя. Здесь нужны сильные, здоровые люди, способные вынести самые трудные условия — мокнуть в болотах, мерзнуть в зимнюю стужу под открытым небом, переносить голод и жажду. Как ты смотришь на это предложение?

— Сейчас для меня не может быть большей чести, чем получить от партии такое задание, — ответил Артур. — Доверие партии оправдаю делами.

— Значит, договорились?

— Договорились.

Представитель ЦК крепко пожал руку Артуру. Затем они обсудили практические вопросы: о пригодных для этого дела людях, о материальной

базе и связи. Представитель ЦК дал Артуру много ценных советов по тактике партизанской борьбы, познакомил с разными приемами подпольной работы — в гражданскую войну в Сибири он руководил большим партизанским соединением.

Артур должен был сейчас же скрыться из города, не дожидаясь прихода немецких войск. Из своих истребителей он выбрал только самых крепких, проверенных и надежных, — всего человек пятнадцать. С каждым из них Артур поговорил с глазу на глаз. В результате образовалось ядро будущей партизанской части. Для главной базы Артур выбрал большие Айзупские леса. Аурский бор, непроходимое Змеиное болото могли служить опорными пунктами и резервными базами.

Времени оставалось так мало, что нельзя было терять ни часа. Сдав дела укома комсомола второму секретарю, Артур ночью вместе со своими боевыми товарищами исчез из города. В Айзупские леса доставили на грузовике оружие, взрывчатку и продовольствие. С матерью Артуру не удалось встретиться. Илья уехала по заданию уисполкома в одну из ближайших волостей проверить, как идет эвакуация детского дома.

Несколько дней партизаны просидели в чаще леса, наблюдая за событиями и отлучаясь лишь в небольшие разведки. Почти в каждой волости у них было по наблюдателю и связисту, от которых Артур получал информацию о передвижении немецких войск, о местопребывании вооруженных фашистских групп, комендатур и учреждений, а также о деятельности местных предателей. С первых дней немецкой оккупации ему стало известно о преступной деятельности некоторых старых знакомых. Рейниса Тауриня назначили старостой Пурвайской волости, и он сейчас же составил длинный список советских активистов и «подозрительных» лиц.

Артур не удивлялся рассказам о кровожадности Тауриня — от этого «культурного» кулака всего можно было ожидать. Артур не удивился и тому, что Анна Пацеплис ушла из дому вместе с пурвайскими активистами, хотя ему больше хотелось, чтобы она осталась: пригодилась бы как связная между отдельными партизанскими группами.

Бруно Пацеплис стал во главе одной из карательных команд и действовал, как настоящий палач. С благосклонного разрешения оккупационных властей он расстреливал евреев и устраивал облавы на своих соплеменников, которых Тауринь занес в черные списки. Не проходило дня, чтобы наследник Мелдеров не убил самолично человека. В уездном городе у него был настоящий конкурент в лице Лудиса Трея. Сын мясника, почти весь год прятавшийся у знакомых отца и своих друзей, сейчас носился с видом триумфатора на полицейском мотоцикле по улицам

города и северной части уезда, которую ему поручили очистить от «вредных и нелояльных элементов». После удачной операции оба «героя» обыкновенно встречались и отмечали свои «подвиги» шумной оргией. Всему уезду стала известна циничная фраза Лудиса Трея, что у него болит голова в те дни, когда не удастся убить ни одного красного.

— Ладно, Лудис, я позабочусь, чтобы у тебя никогда больше не болела голова... — сказал Артур, узнав про дела бывшего школьного товарища, — Скоро тебе придется держать ответ. И тебе, Бруно Пацеплис, и тебе, Рейнис Тауринь.

Артур собрал партизан на совещание. После обобщения донесений разведчиков и его собственных наблюдений картина положения в уезде стала вполне определенной. Террор оккупантов отчасти уже достиг своей цели: жители были напуганы, угроза смерти возымела свое действие. Поэтому прежде всего было необходимо пробудить силы народа и показать всем, кто сжимал кулак в кармане, что сопротивление возможно, что можно заставить дрожать насильников, а для этого надо теперь же, не теряя ни одного дня, совершить подвиг, который отозвался бы эхом по всей области.

Партизаны разработали подробный план операции, разделились на несколько групп и в следующую же ночь отправились к намеченным объектам. Группой, которая должна была провести операцию в уездном центре, руководил сам Артур Лидум. Вместе с ним пошло несколько молодых парней.

2

Комендант гауптман Шперличг после обильного ужина, основу которого составляли присланные мясником Треем продукты и крепкие напитки, направил к начальнику карательной команды Людвигу Трею и начальнику уездной полиции Скуевицу вестового с приглашением прийти играть в карты.

— Господа, я доволен вашей работой и считаю, что этот вечер мы можем заслуженно отдохнуть, — сказал Шперлинг, когда приглашенные явились. — В нашем городе через несколько дней можно будет повесить почетные вывески: «Judenfrei».^[26] Этим в значительной мере мы обязаны вам... — он признательно улыбнулся Людвигу Трею. — Будьте уверены, что обергруппенфюрер в донесении рейхминистру Гиммлеру не замолчит это обстоятельство и фюрер отметит ваши заслуги орденом и званием офицера эсэсовских войск.

Польщенный Трей выбросил вверх мясистую руку с короткими толстыми пальцами и громко выкрикнул:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — отозвался Шперлинг. — А вы, господин Скуевиц, принимая во внимание ваш многолетний опыт и успешную деятельность в уезде, можете надеяться на повышение по службе. Мне известно, что в последнее время вами сильно интересуются в Риге. Сам генерал полиции на каком-то совещании упоминал о вас, как о примерном полицейском работнике в оккупированной стране. Возможно, что вас переведут в Ригу, может, даже в Белорутению, где очень нужны энергичные деятели... Что вы на это скажете?

— Чувствую себя польщенным таким вниманием и понимаю, кого я должен благодарить за повышение... — пробормотал Скуевиц, долговязый, худощавый мужчина с большим горбатым носом. — Против Риги я ничего не имею... я там некоторое время работал в бытность префектом Лютера, но что касается Белоруссии... пардон, Белорутении, то может оказаться большим препятствием незнание местных условий.

— Местные условия? Да там нечего знать! В каждом месте, куда мы приходим, мы создаем эти местные условия, а туземцев заставляем привыкать к ним, нравится им это или не нравится. Еще не хватало, чтобы мы начали изучать их нравы и приспособливаться к ним. Такими приемами новый порядок в Европе не строят. Как вы на это смотрите, господин Трей?

— Очень просто, господин гауптман, — ответил Лудис. — Повесить и пристрелить негодного человека в любом месте можно одинаково легко. Когда уезд будет очищен от последнего большевика, прошу послать меня в Белорутению или на Украину, и я докажу на практике, что хорошо можно работать в любых местных условиях.

— Вы слышали, господин Скуевиц? — подмигнул комендант начальнику уездной полиции. Затем вдруг добавил: — Говорят, вы большой любитель прекрасного пола. Какие женщины вам больше нравятся — блондинки или брюнетки?

— Мне нравятся и те и другие, только они должны быть молоды и красивы, — ответил Скуевиц.

— Значит, и это обстоятельство не мешает вашей успешной деятельности в Белорутении, — Шперлинг засмеялся. — Там у вас будет большой выбор. Но если вам попадется ярко выраженная блондинка, умеренно полная и средних лет, дайте мне знать — мне такие ужасно нравятся. Как это хорошо, когда человеку что-нибудь нравится и когда он может получить то, что ему нравится! Стоит жить в эпоху Адольфа

Гитлера!

— Хайль Гитлер! — опять воскликнул Трей.

— Хайль Гитлер! — ответил Шперлинг. — Господа, мы сыграем только две-три партии на невысокие ставки, после этого я вас угощу чудесным коньяком, и около полуночи мы будем наслаждаться обществом трех самых красивых и веселых дам города. Вы довольны, господин Скуевиц?

— Вот это я понимаю, вот это настоящее гостеприимство! — воскликнул Скуевиц. — Надеюсь, моя жена об этом не узнает?

— И вы еще беспокоитесь о таких мелочах? — удивился Шпелинг. — Наши любовницы — это наше личное дело, и никто, даже жена, не имеет права совать нос в эти дела. Я свою Амалию отучил от ревности и тому подобных эмоций на второй же год после свадьбы. Люди должны понять, что высшей смысл жизни состоит в наслаждении. Мы живем, чтобы наслаждаться, и каждого, кто попытается помешать мне выполнять главную задачу моей жизни, я рассматриваю как личного врага. Древние римляне — о! те умели жить... Плохо ли жилось Нерону или, скажем, Калигуле? Ну, ничего, при Адольфе Гитлере мы создадим новый Рим и возобновим некоторые старые полезные традиции. У нас будут свои рабы и рабыни.

— Рабы вещь хорошая! — заметил Лудис. — Вы можете делать с ними что хотите.

С час они играли в карты. Ставки были действительно маленькие, и Лудис со Скуевицем нарочно проигрывали одну партию за другой, чтобы доставить удовольствие Шперлингу, гордившемуся своим искусством игры. Затем на столе появился коньяк, и, когда было изрядно выпито, Шперлинг велел Лудису рассказать, как он в один день расстрелял в каком-то местечке более ста человек: как жертвы сами рыли себе могилу, раздевались догола и ложились на дно ямы. Некоторые были только ранены, их зарыли живыми.

— Когда у вас будет в виду что-нибудь подобное, дайте мне знать, — сказал Шперлинг. — Я поеду посмотреть.

— Если угодно, я могу завтра же организовать нечто подобное, — сказал Лудис — В городе осталось еще восемь семей, которые нам все равно надо уничтожить. Место уже выбрано — в лесу, километрах в двух от города. Скажите только одно слово, и я это устрою.

— Хорошо, только чтобы не слишком рано, — согласился Шперлинг. — У меня по утрам крепкий сон.

— Мы можем это сработать под вечер, около шести-семи часов. Тогда и жара спадет.

— Вам, господин Скуевиц, тоже надо посмотреть, — сказал Шперлинг. — Может быть, вам приглянется какая-нибудь красotka.

— Можно... я с удовольствием... — буркнул Скуевиц и многозначительно покосился на пустые бутылки. Ему понравился этот крепкий напиток, и он с удовольствием выпил бы еще рюмочку, другую.

— Вернер! — позвал Шперлинг вестового. Тот, очевидно, вышел во двор и не отозвался на зов гауптмана. — Проклятие! Куда опять запропастился этот лентяй... Придется самому идти в кладовую за коньяком.

Он встал и нетвердой походкой вышел из комнаты. Немного спустя оставшиеся в комнате услышали, как Шперлинг, словно споткнувшись, упал, и Скуевиц недовольно проворчал:

— Еще разобьет бутылку, и мы останемся ни с чем...

— Слишком наливать не стоит, — заметил Лудис. — Ты слышал, Скуевиц, около полуночи придут женщины. Что мы, пьяные, будем с ними делать?

— Поди ты, еще неизвестно, какие они... Может, на них и смотреть не захочешь.

— У Шперлинга недурной вкус. Он-то знает, кого пригласить.

— Тогда увидим, каков его вкус. «Умеренно полная, средних лет». Ха-ха-ха!

Шперлинг не возвращался. Скуевиц пошел узнать, почему так долго задержался хозяин дома. И снова оставшийся в комнате Лудис услышал как бы шум падающего тела, и опять все замолкло.

«Как скоро насосались, на ногах не стоят... — подумал он. — А еще хорохорятся, как петухи».

От скуки он начал перелистывать какой-то берлинский иллюстрированный журнал. Там была почти сплошная порнография. Углубившись в разглядывание соблазнительных фотографий, Лудис не слышал, как за его спиной тихо отворилась дверь и в комнату вошли трое молодых рослых мужчин.

— Добрый вечер, Луди... — внезапно услышал он над ухом. Обернувшись, сын мясника побледнел и вскочил со стула: перед ним, в шинели гауптмана немецкой армии, стоял Артур Лидум, держа наготове револьвер. — Только пикни, и твоя песенка спета. Веди себя тише воды, иначе с тобой произойдет то же, что со Шперлингом и Скуевицем. Ну, ребята, нечего мешкать, наденьте Лудису намордник.

Товарищи Артура всунули в рот Лудису кляп и скрутили за спиной руки. Артур толкнул его в плечо и сказал:

— Двигайся, старина. Прогуляемся по свежему воздуху, здесь очень накурено. Только не пугайся, если увидишь что-нибудь на кухне.

В углу кухни лежали трупы гауптмана Шперлинга и грозного шефа уездной полиции Скуевица.

— Так иногда случается с подлецами, — сказал Артур Лудису, у которого от страха глаза полезли на лоб, а ноги почти перестали слушаться.

По темным улочкам окраины они вывели Лудиса из городка. На опушке леса их ждал партизан на немецком армейском мотоцикле. Лудиса посадили в боковой прицеп и привязали к сиденью, но партизаны не спешили с отъездом. Остановившись у края дороги, они смотрели с холма на темнеющий в долине городок, будто чего-то ожидая.

Вдруг в ночной темноте один за другим раздались два мощных взрыва. Высоко в воздух взвились два огненных снопа, и начался пожар. Послышались выстрелы, затарахтели автоматы. Вскоре на дороге показались два мотоцикла. Достигнув места, где стоял Артур Лидум со своими товарищами, оба мотоцикла остановились.

— Все в порядке? — спросил Артур.

— В порядке, товарищ командир! — ответил один из прибывших. — Комендатура взлетела на воздух вместе со взводом солдат и горит, как факел. Дом уездного полицейского отделения сначала не загорался, пришлось подлить бензину. Этой ночью дежурил помощник самого Скуевица с тремя полицейскими. Их с полчаса тому назад утихомирили.

— Значит, сейчас они могут доложить своему шефу об успешном окончании дежурства, — сказал Артур. — Полчаса назад Скуевиц тоже отправился к праотцам, из вежливости пропустив вперед коменданта Шперлинга. Нацистам, как известно, предпочтение. Мне гауптман оставил на память свою служебную шинель и документы: возможно, пригодятся, так же как эти мотоциклы карательной команды, которые нам любезно подарил сегодня ночью сам фюрер команды.

— Товарищ командир, одно задание нам так и не удалось выполнить. Лудиса Трея мы не нашли ни в комендатуре, ни на квартире. Этот субъект...

— Этот субъект сидит уже в мотоцикле и поедет с нами в лес, — сказал Артур, кивнув в сторону Лудиса. Сын мясника застонал и так заметался на своем сиденье, что заскрипел прицеп. — По местам, товарищи! Нечего прохлаждаться. Надо быть на месте еще затемно.

Все уселись на мотоциклы и с потушенными фарами умчались по большаку. Первую машину, с Лудисом в прицепе и молодым партизаном на запасном сиденье, вел Артур.

В ту ночь партизаны Артура Лидума провели еще две операции. Одна группа, состоящая из комсомольцев, пустила под откос военный эшелон, а по пути на сборный пункт эта же группа заминировала дорогу к Аурскому бору, — утром там взлетела на воздух машина с шестнадцатью эсэсовцами.

Другая группа под руководством бывшего комсорга Нурвайской волости устроила засаду неподалеку от усадьбы Мелдеров и захватила Бруно Пацеплиса, когда тот поздно вечером возвращался домой на мотоцикле. Когда Артур с товарищами и Лудисом прибыли к месту сбора, пурвайский комсорг встретил их на лесной тропе и доложил о выполненном задании.

— Великолепно... — сказал Артур. — Начало неплохое. Генерал-директор Дрехслер в Риге будет сегодня ругать генерала Данкера, а шеф гестапо не сможет составить очередное донесение начальству. Если не дивизию, то по крайней мере полк фашисты не дошлиют фронту, — он понадобится для усиления внутренней охраны.

Рассветало. Недавно прошел дождь, мох и трава в лесу были совершенно мокрые.

Артур велел отвязать Лудиса Трея от сиденья и вынуть кляп изо рта.

— Ну, вылезай, — сказал Артур.

Лудис выбрался из прицепа. Голова его коснулась еловой ветки, и за воротник попало несколько дождевых капель. Он отряхнулся и тупо посмотрел на Артура.

— Я знаю, куда вы меня привезли, — сказал Лудис. — Это Аурский бор.

— Совершенно верно, — подтвердил Артур. — Это Аурский бор. Прекрасное место для партизанской базы, не так ли?

— Скверное место... — пробормотал Лудис. То обстоятельство, что партизаны не завязывали ему глаза, наводило Лудиса на мрачные мысли: только тому человеку не было смысла завязывать глаза, который не сможет никому рассказать о виденном.

«Теперь мне крышка... — подумал сын мясника и даже вспотел от страха. — Но может, они еще не знают, что я делал у немцев? За старые дела не расстреливают. Может... Артур хочет использовать меня?»

Он ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку, и решил держаться очень угодливо. Спокойствие Артура обнадежило Лудиса. Шагая среди группы партизан в глубь леса, он заговорил:

— Артур, нельзя ли развязать руки? Веревки врезались в тело...

— Нельзя, Луди... — ответил Артур.

— Ладно, Артур, я ведь ничего... — пробормотал Лудис, и ему опять стало не по себе. «Ни черта не узнаешь, что у них на уме...» — подумал он, украдкой присматриваясь к местности.

За километр от дороги среди чащи леса была небольшая полянка с несколькими пнями и повалившейся старой елью. Там их ожидали партизаны. У всех было какое-нибудь оружие: винтовка, автомат, револьвер. Поговорив вполголоса с товарищами, Артур сказал:

— Здесь мы проведем судебное заседание. Председательствовать буду я. Прошу членов суда занять места.

Он сел на ствол поваленной ели. От кучки партизан отделились два человека и сели рядом с Артуром — один слева, другой справа. Лудиса Трея вывели на середину полянки и поставили лицом к членам суда. Двое партизан с автоматами в руках стали по обе стороны.

Наступила напряженная тишина. Глаза всех были обращены на Лудиса, и хотя никто ничего еще не сказал, он понял, что этим людям известно гораздо больше, чем ему хотелось бы в таком положении.

— Обвиняемый Лудис Трей, — спокойным голосом сказал Артур Лидум, — вы обвиняетесь в измене Советской Родине и в совершении террористических актов против мирных советских граждан. Суду известны многие факты, характеризующие вас как активного пособника немецких оккупантов и врага советского народа. Как вы можете объяснить суду ваши действия? Говорите, Лудис Трей.

Лудис повертел головой, вытянув шею, будто воротник сразу стал ему узок, и, посмотрев на Артура, начал говорить.

— Я не знаю... кто-нибудь оклеветал меня. В политику никогда не вмешивался и вообще в таких вещах ничего не понимаю.

— Когда вы лезли на дерево снимать красный флаг, разве это не было действием политического характера? — прервал его Артур. — И когда в конце тысяча девятьсот тридцать девятого года уехали к Маннергейму^[27] воевать против Советского Союза, разве это не была политика?

— Но тогда я еще не был советским гражданином...

— Нам это известно, и не за то мы судим вас сегодня.

— Ну вот и все, — сказал Лудис. — Больше никаких ошибок в своей жизни не знаю. О террористических актах вам нагнали. Разве кто-нибудь из вас видел, чтобы я сделал что-нибудь подобное?

— Значит, вы отрицаете?

— Отрицаю целиком.

— Будут ли у членов суда вопросы к обвиняемому? — спросил Артур.

— Вопросов нет, — ответили члены суда.

— Уведите обвиняемого за те деревья и приведите второго обвиняемого, — сказал Артур.

Партизаны увели Лудиса. Через минуту его место на поляне занял Бруно Пацеплис. Злобно и хищно, как волк, смотрел он на судей-партизан.

— Обвиняемый Бруно Пацеплис, — начал Артур, — вы обвиняетесь в тяжких преступлениях против Советской власти и в массовых убийствах советских граждан. Какие объяснения вы можете дать суду?

— По какому праву вы меня допрашиваете? В этой стране действуют законы великой Германии, и я отвечаю только перед ними.

— Здесь не «великая Германия», а советская земля, и советские законы не перестанут действовать ни на один день. Говорите.

Бруно пожал плечами и вызывающе усмехнулся.

— Все ваши обвинения я отвергаю как необоснованные. Нет надобности отвечать на выдумки чьей-то больной фантазии.

— Разве имя Людвиг Трея вам не знакомо? Между прочим, скоро вы его увидите. С ним мы уже беседовали. Что вы знаете о нем?

— Трей — человек ограниченный и большой руки подлец. Пьянствовать, убивать — вот и все, что он умеет. Если вы считаете свидетелем Трея, могу наперед заявить, что он готов оболгать родного отца, если это будет ему выгодно. Лучше спросили бы его, сколько советских активистов он убил своими руками.

— Сколько советских людей убил, по вашему подсчету, Трей? — спросил Артур.

— Не меньше двухсот, — без запинки ответил Бруно.

— Свинья! — раздался из-за ближних елок крик Лудиса. — Так ты помогаешь своему товарищу? Расскажи-ка лучше, Брунит, как ты выламывал золотые зубы у евреев, сколько детей убил прикладом, сколько изнасиловал женщин? Чего стыдишься — выкладывай!

Бруно побледнел и сторбился.

Артур кивнул партизанам, и Лудиса Трея снова вывели на полянку. Оба командира карательных команд, шипя по-змеиному, с ненавистью смотрели друг на друга; если бы партизаны их не удерживали, они сцепились бы.

Минут десять Артур не мог задать ни одного вопроса. Стараясь перекричать друг друга, оба негодяя рассказывали один про другого такие вещи, что партизаны, слушая их, не могли спокойно устоять на месте. Казалось, встретились два смертельных врага, а всего два дня тому назад

Бруно Пацеплис и Лудис Трей еще пьянствовали вместе и наперебой хвастались своими подлостями.

В пылу взаимных обвинений они выболтали ценные сведения, назвали имена еще невыявленных пособников немцев. Артур быстро записывал в блокнот. Кроме Рейниса Тауриня, о черных списках которого партизаны уже знали, Лудис и Бруно назвали и владельца кирпичного завода, руки которого были обгажены кровью невинных людей.

— Будут ли у членов суда вопросы? — спросил Артур и окинул взглядом группу партизан.

— Все ясно! — отозвались они. — Нечего тянуть. Выносите скорее приговор. Земле тяжело носить таких выродков.

Через несколько минут Артур прочел приговор: «Именем советского народа суд приговорил обоих обвиняемых к высшей мере наказания — смертной казни через повешение. Приговор привести в исполнение немедленно».

Тут произошло нечто невообразимое: поняв, что настал его последний час, Лудис упал к ногам Артура и молил пощадить его, обещая заплатить любую цену, какую потребуют.

— Если хотите, я заведу в западню и отдам в ваши Руки всю свою карательную команду, — делайте с ней, что хотите! Доставлю сколько хотите оружия!.. Уничтожу по одному всех гестаповских чиновников уезда. Я поеду в Ригу и застрелю генерала полиции и самого шефа гестапо или генерала Данкера. А чтобы у вас не было сомнения, разрешите мне сейчас своими руками удавить эту змею, проклятого фашиста Бруно Пацеплиса, — я сделаю это на ваших глазах. Разрешите только, прошу вас...

— Товарищ командир, разрешите мне расправиться с Бруно Пацеплисом! — послышался голос одного партизана. — Он убил мою сестру.

— А Лудиса Трея разрешите уничтожить мне! — попросил другой. — Он убил всю мою семью.

— Пусть так и будет, — согласился Артур.

Когда партизаны повели осужденных в чащу, Бруно в последний раз выпрямился и обратился к Артуру:

— Я офицер. Нельзя ли вместо петли... пулю?

— Нельзя... — ответил Артур. — Вы не офицер, а обыкновенный палач и убийца. Пуля пригодится для другого негодяя...

— Дружок, милый, неужели не помилуешь меня? — вопил Лудис, но Артур не слушал его.

И свершилось то, чего требовала высшая справедливость.

...Весть о взрыве в комендатуре и пожаре в доме уездного полицейского отделения скоро распространилась по всей округе. Внезапный конец гауптмана Шперлинга и Скуевица не вызвал ни одной слезинки, только жена начальника уездной полиции некоторое время носила траурную вуаль, пока ей не удалось обратить на себя внимание офицера немецкой жандармерии и стать его любовницей. Убитым солдатам комендатуры и полицейским устроили пышные похороны, на которые приехал генерал полиции и гебитскомиссар, но в газетах об этом ничего не писали. Однако народ узнал о партизанском подвиге, и все честные люди восприняли это известие с чувством глубокого удовлетворения. За первой вестью пришла другая радостная весть — о пущенном под откос воинском эшелоне и о взрыве автомашины с эсэсовцами. Вскоре на дверях некоторых волостных правлений и уездных учреждений появились сообщения партизан о суде над Бруно Пацеплисом и Людвигом Треем. Создавалось впечатление, что это — дело нескольких крупных партизанских отрядов, действующих в разных местах. Забот у оккупационных властей прибавилось. Пришлось усилить комендатуры, держать в боевой готовности несколько вооруженных дежурных групп с грузовиками и полицейскими собаками, а на место происшествий посылать карательные экспедиции.

Задрожали и предатели. У кого совесть была не чиста, те боялись по вечерам выйти за порог дома. У стонущего под игом народа рождалось убеждение, что враг не так уж силен, как показалось вначале, — с ним можно бороться, народные мстители заступаются за честных людей!

4

Однажды, в середине августа 1941 года, когда Артур с партизанами возвращался с успешно проведенной операции, в чаще леса на тропинке они встретили смертельно уставшую девушку. Весь вид ее говорил, что она долгие недели провела в тяжелых скитаниях. От ботинок почти ничего не осталось, чулок совсем не было, серый костюм изорван. Коричневое от загара, исхудавшее лицо девушки обрамляла волна пышных светлых волос. Большие серые глаза тревожно смотрели на незнакомых людей, окруживших ее со всех сторон.

— Кто вы такая? — спросил Артур. — Куда идете?

Девушка только покачала головой в знак того, что не понимает. Тогда Артур повторил вопрос по-русски. Догадавшись, что перед ней советские партизаны, девушка откровенно рассказала Артуру о себе.

Ее имя — Валентина Сафронова. Девятнадцати лет, москвичка... Отец — инженер-металлург Сафронов — в начале 1941 года был переведен из Москвы на работу в Лиепаяу.

— Весной я кончала десятилетку, — рассказывала Валентина, — поэтому осталась в Москве до окончания учебного года. После экзаменов подала заявление на исторический факультет Московского университета, двадцать первого июня выехала в Ригу, где меня должен был встретить отец. Весть о начавшейся войне застала меня в дороге. Вернуться в Москву я не захотела, думала сначала повидаться с отцом, посоветоваться, как быть дальше. Но я уже тогда решила поступить добровольцем в Красную Армию. На курсах Осоавиахима я приобрела специальность радистки — мне казалось, что я пригожусь на фронте. В Риге немецкие самолеты пытались бомбить железнодорожную станцию и мосты на Даугаве... Я своими глазами видела, как над окраиной города загорелся и рухнул фашистский бомбовоз. Отец не мог приехать в Ригу и встретить меня. Я направилась в Лиепаяу, но поезд дальше станции Салдус не пошел: моторизованные части врага уже отрезали Лиепаяу. Железнодорожники и военные говорили, что у самого города начались тяжелые бои. Тогда я пошла дальше пешком и добралась до какого-то села или местечка, которое называлось Скрунда.

Артур покачал головой.

— Чистое безумие: лезть в самую пасть зверя!

Валентина опустила глаза, потом продолжала:

— Мне стало ясно, что я нахожусь на оккупированной врагом территории. Какой-то лиепаец, которому в последний момент удалось покинуть город, рассказал мне, что отец вместе с рабочими завода участвовал в защите Лиепай — он командовал ротой добровольцев. Искать его в Лиепайе не было никакого смысла: если он не погиб в бою с фашистами, то, наверно, пробивался с остатками роты по лесам и болотам на восток. Я повернула обратно, но когда дошла до Добеле, в Риге уже хозяйничали гитлеровцы. Тогда я решила любой ценой пробраться к своим. Вы понимаете, как это мне было трудно. Одна, без друзей и знакомых, в незнакомом краю, не зная латышского языка, без денег... И вот я несколько недель блуждаю по лесам и болотам. Питаюсь тем, что удастся собрать на полях и в лесу или что изредка дают мне добрые люди... Это все, товарищи.

Она замолчала.

Артур видел, что Валентина Сафронова истощена, что уже не в силах пробиваться дальше, на восток. Посмотрев документы девушки и посоветовавшись с товарищами, Артур решил принять ее в отряд. Валентину увели на партизанскую базу. Там она отдохнула и залечила натертые ноги. А после ей уже не захотелось уходить от этих отважных людей: ведь свое заветное желание — бороться с врагами — она могла исполнить и здесь. В латвийских лесах, во вражеском тылу, тоже был фронт, и советский человек мог полноценно служить своей Родине и народу.

В школе Валентина изучала немецкий язык, теперь ей не раз пришлось применить на практике свои знания. Но по-настоящему нового боевого товарища партизаны оценили позднее, когда Артуру Лидуму удалось установить связь со штабом партизанского движения и получить несколько раций: Валентина оказалась великолепной радисткой.

Партизанский отряд Артура Лидума постепенно становился внушительной силой, с которой гитлеровцам приходилось считаться. Вместе с увеличением численности и усилением вооружения все расширялся и круг деятельности партизан: соединение Артура оперировало в трех уездах, и у него была налажена связь с Ригой и Латгалией.

Валентина провела всю войну с латышскими партизанами, делила со своими товарищами все опасности и трудности и с честью выполняла все порученные ей задания. За это время она настолько усвоила латышский язык, что даже разговаривала без акцента.

Там, среди болот и лесов, возникла и окрепла дружба Артура Лидума и Валентины Сафроновой. Пройдя плечом к плечу тяжелый путь, нередко смотря в глаза смерти, празднуя вместе победы и переживая утраты, они стали нужны друг другу на всю жизнь. Однако заговорили они об этом гораздо позже — когда период кровопролитных боев подходил к концу и советский народ ясно увидел рассвет великой победы. Да, тогда они заговорили об этом, а вот сейчас у них была одна только дума, одно желание: сделать для победы все, что под силу советскому человеку, а если понадобится — пожертвовать для этого и жизнью.

...Несколько недель стонал и охал Антон Пацеплис, когда узнал о позорной смерти своего баловня Бруно. Но еще больше стонали и охали

старые Мелдеры, потерявшие наследника. Только Жан Пацеплис не печалился о гибели чванливого брата. Теперь в Сурумах остался он один из молодого поколения, и отец с мачехой стали считаться с ним больше, чем раньше. А Жан становился все независимее и самостоятельнее и больше не отчитывался перед родителями в каждом своем шаге.

Хотя старый Пацеплис признавал на словах власть оккупантов, но на деле избегал в чем-нибудь помогать им. Он не сдавал им ни одной капли молока, ни одного яйца, пока волостной староста и крейсландвирт не пригрозили судом и конфискацией. И уж когда совсем не стало выхода, Пацеплис отвез на заготовительный пункт самые плохие продукты, да и то не сполна. Волостной староста Тауринь предупреждал его несколько раз, что он может угодить в Саласпилский концентрационный лагерь, откуда только немногим удалось выйти живыми. Если за него еще не брались, то, наверно, только благодаря Бруно: повешенный партизанами начальник карательной команды оставался для некоторых кругов трагическим героем, поэтому они относились довольно снисходительно к не совсем лояльному поведению его отца.

А пока отец спорил с Таурином и крейсландвиртом, Жан слушал на сеновале хлеба московские радиопередачи и услышанное передавал другим: гитлеровцы застряли под Москвой и Ленинградом!

«Вот увидите, — думал Жан, — Анна еще когда-нибудь вернется домой, вот тогда помотрим, что скажет Лавиза. Плохо только, что отец в последнее время начал путаться с Кикрейзисами и Стабулниеками — из этой дружбы ничего хорошего не выйдет».

Иногда Жан пропадал по ночам из дому, временами его навещали знакомые пурвайские парни, но никто в Сурумах не знал, о чем они беседовали. После того как весь мир взволновали отголоски великих событий под Сталинградом и в Риге начали формировать латышский легион, все эти парни, а вместе с ними и Жан Пацеплис скрылись из дому, когда их собирались мобилизовать. Партизанский отряд Артура Лидума получил новое ценное пополнение.

Марцису Кикрейзису отец достал при помощи взяток белый билет и устроил его в своей же волости в команду по охране дорог и мостов. Рослый увалень с одутловатым румяным лицом и вечно полуоткрытым ртом (он был глуховат на оба уха) выглядел идиотом и особого утешения родителям не доставлял, но в нем крепко держался хозяйский душок. Смеяться над собой он не позволял и когда вступал в драку с теми, кто пытался его подразнить, то не знал удержу.

Антон Пацеплис и старый Кикрейзис не забыли шуточного уговора о

женитьбе Марциса и Анны, заключенного в день ее крестин. В самый канун войны они вспомнили этот уговор, и он уже не показался смешным ни Кикрейзису, ни Пацеплису. Когда Марцис узнал про это, он заторопил отца со свадьбой: Анна ему очень нравилась, хотя и вступила в комсомол. Уж после свадьбы он как-нибудь сумеет обломать жену и сделать из нее настоящую хозяйку — главное, что она красивая и работающая.

Война расстроила планы двух семейств. От Анны не было ни слуху ни духу, а Марцис ждал, что произойдет в мире, и на всякий случай поддерживал хорошие отношения с Антоном Пацеплисом. Время от времени он заходил в Сурумы и, зная пристрастие Пацеплиса к крепким напиткам, всегда захватывал с собой бутылочку. Опрокидывая рюмку за рюмкой, они как бы в шутку величали друг друга тестем и зятем.

Так они жили, чего-то выжидая, настороженно приюхиваясь, чем пахнет в воздухе. Большевиков они не ждали, но у них не было ни малейшего желания приносить что-либо в жертву Гитлеру, а меньше всего собственное добро и жизнь — и то и другое могло им еще пригодиться.

Позиция Рейниса Тауриня была всегда вполне определенной. Он знал, по какую сторону баррикады его место, и энергично доказывал это с первых дней войны. Он знал также, что в округе его многие ненавидят и с удовольствием свернули бы ему шею, если бы могли до него добраться. Обагрив руки кровью соотечественников, он понимал, что позади сожжены все мосты, поэтому его Душу не терзали никакие сомнения. Только вперед, вместе с гитлеровцами, чем бы все это ни кончилось! До сталинградской катастрофы Тауринь был уверен, что победит Германия и что ему никогда не придется отвечать перед народом за черные списки, за упрятанных в могилы и тюрьмы советских людей и за все награбленное для немцев у крестьян Пурвайской области. Когда повесили Бруно Пацеплиса и Лудиса Трея, он стал очень осторожным: с наступлением темноты не выходил из дому, много ночей не являлся домой, а ночевал или в волостном правлении, или у знакомых. Несколько раз его почти настигали партизаны, но ему всегда как-то удавалось уйти от расплаты. После сталинградских событий Тауринь понял, что его игра проиграна и рано или поздно народ предъявит полный счет за все его дела. Речь могла идти только о том, насколько удастся оттянуть неизбежный час расплаты. Тауринь стал еще осторожнее, а в начале 1943 года, когда после долгой болезни умерла от рака желудка Эрна Тауринь, решил, что ему не следует жить в Ургах: в городе, за спиной полиции и немецких воинских частей, можно чувствовать себя куда спокойнее.

В Ургах на Тауриня работали несколько советских военнопленных.

Пригласив в усадьбу какого-то дальнего родственника, он оставил на его попечении все хозяйство, научил, как держать в повиновении военнопленных, и однажды утром уехал, предварительно освободившись от обязанностей волостного старосты. Соседям было сказано, что ему необходимо длительное лечение под наблюдением опытных врачей, но кто из пурвайцев не знал, какой болезнью заболел Рейнис Тауринь! Болезнь эта называлась страхом. В ту пору этой болезнью заболевали многие люди, у которых совесть была нечиста. Самые предприимчивые и осторожные уже бросали взоры за море, в сторону Швеции. Пурвайским волостным старостой вместо Тауриня назначили Стабулниека, но тот оказался таким трусом, что через полгода гебитскомиссару пришлось заменить его более решительным человеком.

Он вообразил, что нашел его в лице старого Мелдера.

Глава одиннадцатая

1

В конце августа 1941 года на место формирования Латышской стрелковой дивизии прибыла новая партия добровольцев. Весть о создании дивизии еще не достигла всех эвакуированных из Советской Латвии, поэтому приток добровольцев в новое войсковое соединение на первых порах казался таким ничтожным, что командиры сомневались: удастся ли собрать в срок необходимое число бойцов? Но эти сомнения оказались напрасными: в то время, когда на территории обширного лагеря из прибывших латышских добровольцев можно было едва-едва составить одну пехотную роту, по всем дорогам из ближних и дальних мест уже потекли людские ручейки, которые, слившись, должны были превратиться в мощный поток.

Добровольцы, прибывшие в то утро к штабу дивизии, который занимал один из домов почти у самого шоссе, застали там несколько сот земляков. Это было первичное ядро будущих полков и батальонов. Но когда такой батальон отправлялся сомкнутым строем на ученье, он казался взводом, а не батальоном.

Среди юношей и дюжих усатых мужчин находилась одна девушка. Вначале она чувствовала некоторую неловкость, думая, что ее присутствие здесь слишком необычно; ее смущали, иногда даже сердили любопытные взгляды незнакомых. И верно: каждый проходящий внимательно смотрел на девушку, но ни на одном лице она не заметила ни удивления, ни усмешки. Позднее, когда в дивизии появились другие женщины, девушка стала чувствовать себя спокойнее и больше уже не краснела от каждого любопытного взгляда.

Это была Анна Пацеплис.

Когда добровольцев выстроили для приемочной проверки вдоль шоссе и один из штабных работников — молодой еще капитан — после краткого опроса начал распределять добровольцев по роду оружия и подразделениям, он ничуть не удивился, увидев молодую женщину.

— Вы где-нибудь раньше служили? — спросил капитан.

— Не служила... товарищ... — смутилась Анна. — Но я очень хочу...

— Есть у вас какая-нибудь специальность?

— Нет... но я скоро научусь. Разрешите мне остаться, очень вас

прошу. Я трудностей не боюсь.

— Не сомневаюсь, — капитан улыбнулся, потом обратился к стоявшему рядом военному врачу: — В медсанбате вам, кажется, еще нужны санитарки?

— Точно так, но мы принимаем людей с опытом, — ответил врач.

— До войны я училась на курсах Осоавиахима, — поспешила объяснить Анна, — только не успела сдать экзамена, война помешала, поэтому у меня нет никаких удостоверений, но я почти всю программу прошла.

Капитан вопросительно взглянул на врача. Тот пожал плечами и не особенно приветливо сказал:

— Ну, ладно... Предложений много, и нам не трудно укомплектовать санбат даже одними опытными операционными сестрами, но в отдельном случае можно сделать исключение.

Таким образом, дальнейшая судьба Анны была решена, и девушка просияла от радости.

— Товарищ капитан, у меня к вам просьба... — вдруг расхрабрилась она. — Можно?

— Говорите... — отозвался капитан.

— Не находится ли у вас в дивизии Ян Петрович Лидум? До войны он был первым секретарем укома в Н-ском уезде.

— Да, у нас... — ответил капитан и пристальнее взглянул на Анну. — Не родственница ли вы?

— Нет. У меня к нему письмо от его сестры. Мы вместе эвакуировались из Латвии... ехали в одном вагоне, и она ничего про него не знает.

— Товарищ Лидум сейчас военком батальона Н-ского полка. Вы его можете встретить хоть через полчаса.

— Вот хорошо! — воскликнула Анна. — Может, вы что-нибудь знаете и о его племяннике — Артуре Лидуме?

— Нет. Ничего не знаю. Думаю, что товарищ Лидум сообщит вам что-нибудь более определенное.

Немного погодя Анну отвели в медсанбат, и когда со всеми формальностями было покончено, один из «старых» стрелков показал ей дорогу к батальону Яна Лидума.

В жизни Анны после ухода из дому все изменилось. Как только мрачные, покосившиеся постройки Сурумов остались позади, она словно вышла из темной, чадной риги на свежий воздух. Девушка прошла пешком через всю Латвию и в Валке села в эшелон, который шел в город Иваново.

Ни тогда, ни позже, когда Анна вступила в Латышскую стрелковую дивизию, никто не пытался обидеть или унижить ее, все уважали, держались, как с равной. Попав в настоящую, товарищескую среду, девушка расцвела, как перенесенный на солнце увядавший в темноте и холоде цветок.

От Валки до Иванова Анна ехала в одном вагоне с Ильзой Лидум. Они познакомились и в Иванове несколько недель прожили вместе. Там они поступили работницами на текстильную фабрику, работали в одном цехе. Закаленная, привыкшая к тяжелой работе, Анна без труда справлялась теперь со своими обязанностями и часто помогала другим.

Анна за эти дни сблизилась с Ильзой. Вечером, придя домой, они подолгу рассказывали друг другу о своей жизни. Узнав про тяжелое детство и юность Анны, Ильза всей душой привязалась к девушке — дочери Антона Пацеплиса, но ни единым словом не обмолвилась о том, какую роль сыграл Пацеплис в ее собственной жизни. Ильза легко себе представила, как ей тяжело жилось в Сурумах. Анна казалась ей дочерью, которой пришлось до конца изведать горькую сиротскую долю: вырасти без материнской ласки, без отцовской любви, без детства.

Когда они узнали о формировании Латышской дивизии, Ильза не стала отговаривать Анну, а помогла ей собраться в дорогу и проводила, как родную дочь. Каждую неделю они писали друг другу. Теперь у Анны в тылу был близкий человек, который думал о ней, беспокоился за нее.

...Военкома батальона, старшего политрука Яна Лидума, Анна встретила во дворе домика дачного типа — здесь, в сосновом бору, их было очень много.

— Вы ко мне? — спросил Лидум Анну.

— Точно так, товарищ... Лидум... — ответила Анна. Она еще плохо разбиралась в воинских знаках различия. — Я только что приехала из города Иванова. У меня к вам письмо от вашей сестры Ильзы.

— Ильза выбралась? — воскликнул Лидум с такой радостью, что у Анны стало тепло на сердце: верно, хороший человек, как он любит сестру. — Чудесно, девушка. Вы привезли мне самый лучший подарок.

Взяв письмо, он сразу же разорвал конверт и начал читать. Несколько раз, отрывая глаза от листка бумаги, он ласково поглядывал на Анну.

Ильза писала о своей эвакуации из Латвии, рассказала о жизни на новом месте и коротко, сдержанно спрашивала, известно ли Яну что-нибудь об Артуре: перед уходом из дому ей не удалось проститься с сыном, и сейчас она ничего не знает ни об Артуре, ни о Яне.

«Но я думаю, — писала Ильза, — если не оба, то по крайней мере

один из вас должен быть там, где сейчас собираются сыны нашего народа. Если ты получишь это письмо, большая к тебе просьба — позаботься об этой хорошей девушке, которая передаст тебе его. Помогите ей, не давай в обиду — она действительно заслуживает внимания...»

Дочитав до конца, Ян Лидум задумался, потом обратился к Анне:

— Жаль, что не смогу порадовать Ильзу весточкой об Артуре.

— Я его тоже знала, товарищ Лидум, — сказала Анна. — Он поручился за меня в комсомол.

— Вот как? Значит, вы земляки?

— Да, я из Пурвайской волости...

— Я когда-то бывал в тех местах... в молодости. Ильза тоже. Но Артур... я думаю, беспокоиться за него еще рано. Россия очень велика, сразу-то и не найдешь друг друга. Возможно, что он отошел в Эстонию или в Ленинград, — я слышал, что там дерутся отдельные латышские части.

Лидум расспросил Анну о ее дальнейших планах. Узнав, что она уже зачислена в медсанбат, Ян понимающе кивнул ей и сказал:

— Значит, станем боевыми товарищами? Ладно, девушка, пусть будет так. Я теперь буду интересоваться вами и заходить в медсанбат, а вы тоже не стесняйтесь: если когда-нибудь понадобится — не забывайте о старом Лидуме.

— Я вам очень благодарна, товарищ Лидум... Надеюсь, мне не придется надоедать вам со своими делами, сама справлюсь.

— У вас в дивизии есть знакомые или кто-нибудь из близких? — спросил Лидум.

— Кажется, нет.

— Тогда считайте меня своим родственником и впредь так и относитесь ко мне. Договорились?

— Если разрешите...

Лидум засмеялся и крепко пожал Анне руку.

— На войне нелегко, — уже серьезно сказал он. — Не забывайте нашего девиза: коммунисты умирают, но не сдаются. Что бы ни случилось — выше голову! А теперь — как с обедом? Вы, конечно, еще не обедали?

— Благодарю, товарищ Лидум, я сыта, у меня был хлеб, а скоро в медсанбате выдадут обед... — хотела отговориться Анна.

Но Лидум только улыбнулся и повел ее в домик.

— Я ведь знаю, как бывает в таких случаях. На радостях, что вас зачислили в дивизию, вы еще два дня будете забывать про еду. А без еды какой из вас солдат? Нет, нет, я не согласен с этим.

И он не успокоился до тех пор, пока Анна не пообедала вместе с ним и

еще двумя политработниками батальона. Только после этого он разрешил ей вернуться в медсанбат, пообещав как-нибудь зайти посмотреть, как она устроилась.

«Какой же он чудесный человек... — думала Анна, возвращаясь в свою часть. — Думает и заботится обо всем, точно отец, хотя я ему совсем чужая».

Она еще не знала, что точно так же думали о Яне Лидуме все, кому приходилось встречаться с ним. Именно таким он и был.

2

Вместе со своими попутчиками-комсомольцами Айвар вступил на территории Эстонии в один из латышских полков рабочей гвардии и там же принял боевое крещение. Когда после отступления остатки полка были окружены гитлеровцами, рабочегвардейцы с боем прорвали окружение и соединились юго-западнее Ленинграда с частями Красной Армии, державшими здесь фронт. Айвар командовал стрелковым взводом. Несколько недель он оставался в этом районе и участвовал в боях за Ленинград, потом вместе со значительной группой латышей уехал к месту формирования Латышской стрелковой дивизии.

В обширном лагере, где на каждом шагу звучала латышская речь, Айвар наконец нашел Анну Пацеплис и Яна Лидума. Но он твердо решил не давать о себе знать, пока не покажет на поле боя своего мужества и не получит, таким образом, права открыться отцу и Анне. На Ленинградском фронте ему присвоили звание младшего лейтенанта, поэтому в Латышской дивизии Айвара назначили командиром пехотного взвода того же полка, в котором служил Ян Лидум.

Впервые Айвар увидел отца на полигоне, когда взвод проходил одно из последних упражнений в стрельбе. Сердце Айвара дрогнуло, когда к нему вместе с батальонным командиром подошел этот высокий, могучего сложения человек. Густые седые волосы выбивались из-под фуражки на загорелый лоб. У Яна были такие ясные и ласковые глаза, что Айвару, когда он увидел его, захотелось открыться отцу. В разговоре со стрелками Лидум держался очень просто и спокойно, казалось, что отец разговаривает с сыновьями. Он задал Айвару несколько вопросов по поводу учений взвода, а уходя, одобрительно похлопал его по плечу:

— Прекрасных ребят воспитали, товарищ лейтенант... Если они и на фронте будут стрелять, как сегодня, фрицам не наготовиться березовых

крестов.

Айвар от смущения не нашел слов для ответа. Долго смотрел он вслед уходящему Лидуму и глубоко, взволнованно дышал.

«Вот какой он... мой отец...» — думал Айвар. А стрелки, от которых не укрылось смущение командира взвода, пытались угадать, отчего это младший лейтенант Тауринь так разволновался после разговора с военкомом батальона.

Теперь Айвар часто видел отца, все лучше узнавал его, и с каждым днем ему становилось яснее, что рядом с этим умным и самоотверженным человеком Рейнис Тауринь с душонкой жадного стяжателя был настоящий пигмей. Если этого требовало дело, Лидум был строг и непреклонен, но он никогда не давал волю гневу, никогда не был несправедлив. Весь батальон уважал и любил его, как родного отца, и сердце Айвара наполнялось радостью и гордостью. Были моменты, когда ему хотелось подойти к этому седому великану и рассказать о себе всю правду, но у Айвара все еще хватало силы молчать.

«Еще слишком рано, я еще ничего такого не сделал, что бы показало в ином свете приемного сына кулака. Надо терпеть и довольствоваться тем, что моя жизнь проходит у него на глазах».

Когда Айвар узнал, что Анна тоже находится в дивизии, он совсем успокоился. Все было так, как должно быть: Анна жива и здорова, она здесь, рядом, и в жизни у них одна цель, один смысл. Придет наконец время, когда он сможет встречаться с ней, как равный с равной. «Анна очень удивится. Сегодня, наверно, она меня, приемного сына Рейниса Тауриня, может представить только пособником врага, и если когда-нибудь и вспоминает, то только с ненавистью и презрением».

Первый из старых знакомых, с кем встретился Айвар в лагере дивизии, был Юрис Эмкалн. Он служил политруком батарее артиллерийского полка. Юрис не удивился, увидев здесь бывшего товарища; он рассказал Айвару о своей жизни после исключения из училища и теперь в свободное время часто заходил к нему. Осторожно, не задавая навязчивых вопросов, которые могли бы отпугнуть товарища, Эмкалн проверил его политический кругозор и, убедившись, что он очень узок и что голова Айвара засорена всякими нелепостями, очень деликатно занялся его политическим образованием. Он понимал, что это дело не одного дня, поэтому не стремился к немедленным результатам, а, вооружившись терпением, шаг за шагом приближал Айвара к правильному пониманию великой правды, во имя которой сегодня боролся с врагом весь советский народ. Как раньше, в Приедоле, Эмкалн заставил Айвара полюбить чтение, так и теперь он стал

давать ему произведения классиков марксизма-ленинизма, а затем в дружеской беседе старался выяснить, как тот понял прочитанное. Много времени для чтения у Айвара не оставалось, большая часть дня проходила в занятиях на плацу и на полигоне, а по вечерам молодой комвзвод изучал уставы Красной Армии. Но все же Айвар успевал кое-что прочесть за неделю, и Эмкалн считал, что он своей цели достиг.

3

Двенадцатого сентября полкам и отдельным частям Латышской стрелковой дивизии вручили боевые знамена, и все бойцы и командиры были приведены к воинской присяге.

Стрелки надеялись, что теперь их пошлют на фронт, и с нетерпением ждали этого. Вместе со всем советским народом они напряженно следили за событиями на огромном фронте, изучали каждое сообщение Советского Информбюро и карту военных действий. Полчища Гитлера приближались к Москве, над столицей советской Родины нависли грозные, темные тучи.

«Почему нас не посылают на фронт? — думали стрелки. — Долго ли нам еще бездействовать?»

Шли недели и месяцы, а приказа об отправке на фронт все еще не было. Стрелки и командиры продолжали учиться, накапливая знания и опыт для предстоящих боев, и нетерпеливо ожидали отправки.

Из летних палаток полки и батальоны перебрались в теплые землянки. Выпал снег, мороз накрыл ледяной крышкой озера, реки и болота... И вот в один из тех дней, когда тысячи советских орудий стали разрушать вражескую оборону и Красная Армия пошла в гигантское контрнаступление, — тогда наконец пробил долгожданный час, и Латышская дивизия двинулась на фронт. На большой, светлый праздник походил день погрузки полков в эшелоны. Все улыбались, поздравляли друг друга. Каждый понимал: происходит нечто великое и торжественное.

Сидя в теплушке у раскаленной добела печурки, Ян Лидум наблюдал за людьми, и сердце его наполнялось глубокой радостью и гордостью. Все были охвачены одним чувством, одним желанием — до последнего вздоха служить Родине.

...Выгрузившись из эшелонов вблизи Москвы, латышские стрелковые полки направились к линии фронта. Переходы совершали ночью, по обледенелым дорогам, по которым еще недавно стучали подкованные гвоздями каблук фашистов. Несколько дней тому назад враг был изгнан из

этих мест, на каждом шагу еще виднелись следы его недавнего пребывания.

— Вот что осталось там, где ступили ногой гитлеровские псы... — раздался почти рядом с Айваром дрожащий от негодования голос. Айвар подумал, что это ротный командир Круминь, который только что шагал рядом. Он хотел ему ответить, но, взглянув на говорившего, узнал батальонного военкома Лидума и смущенно пробормотал:

— Точно так, товарищ военный комиссар... Как только земля их терпит!

— Они от расплаты не уйдут, — заговорил лейтенант Круминь, шагавший по другую сторону Лидума.

Угрюмо смотрели стрелки на разрушения. Черные, закоптелые трубы сгоревших домов маячили по обеим сторонам дороги; то здесь, то там вспыхивали тлеющие угли, словно глаза какого-то сказочного существа, и каждый порыв ветра взметал вверх фейерверки искр, перемешанных с пеплом, — снег вокруг пожарища был серо-черным, в нос ударял запах гари. Еще несколько дней тому назад здесь был большой колхозный поселок с клубом, школой, новым скотным двором и домами, а сейчас даже одинокий прохожий не нашел бы себе приюта от стужи декабрьской ночи. Отступая под сокрушительными ударами Красной Армии, враг старался оставить позади себя пустыню — будто развалины и обгорелые трубы могли задержать Красную Армию в ее непреклонном движении на запад!

В каждом освобожденном селении советских воинов встречали следы фашистских зверств: тела замученных советских людей, обугленные останки сгоревших женщин и детей, сотни и тысячи разрушенных жилищ... И когда поседевшая женщина, признав в прибывших своих, с плачем припадала головой к груди какого-нибудь парня из Видземе или Латгалии и, захлебываясь от рыданий, рассказывала о пережитых ужасах, латышскому стрелку казалось, что это его родная матушка, которую он, успокаивая, гладит по голове, и что он сейчас стоит среди развалин родного дома. И ему хотелось скорее попасть на фронт — бить, крушить и уничтожать извергов-фашистов. Где-то — у Даугавы, Гауи или Венты — задыхаются под пятой врага его престарелый отец, сестренка или светловолосые мальчуганы, лишенные отцовской ласки. Зов растерзанной Родины и днем и ночью звучал в сердцах стрелков. Им все время казалось, что полк продвигается вперед слишком медленно, что они слишком долго задерживаются на привалах. Священная ненависть и жажда расплаты гнала их по заснеженным просторам Подмосковья навстречу орудийной канонаде, пылающему от разрывов снарядов и ракет ночному горизонту.

— Изверги... — сквозь стиснутые зубы сказал Айвар. — За все

заставим заплатить, товарищ военный комиссар... за все.

Сухой снег пронзительно скрипел под полозьями саней и валенками стрелков. Фыркали заиндевелые лошади. Вытянувшись в походную колонну, полк спешил еще до зари занять исходные позиции, чтобы принять участие в бою.

— Из каких вы мест? — спросил Лидум Айвара.

— Я из Видземе, товарищ военный комиссар... — ответил Айвар и отступил на середину дороги, чтоб Лидуму не идти по глубокому снегу обочины. — Из Пурвайской волости.

— А я из Бауски, — сказал лейтенант Круминь. Он был одних лет с Айваром, веселый и ладный парень. — У отца был домик на берегу реки Мемеле и четыре гектара земли. Прошлой осенью прирезали еще шесть гектаров. Как-то моему старику живется теперь... Не прикончили ли его кулаки... Даже не удалось проститься перед уходом. До войны я работал в милиции, в начале войны вместе со своей частью отошел на территорию Эстонии.

— А ваша семья эвакуировалась? — снова обратился к Айвару Лидум.

— Да, товарищ военный комиссар, все мои родные и близкие ушли... — ответил Айвар, думая о Яне Лидуме... и об Анне: Тауриней он больше не считал близкими. — Все ушли вместе с Красной Армией.

— Это хорошо — тогда у вас одной заботой меньше, чем у многих ваших товарищей... — заметил комиссар.

Лейтенант Круминь вздохнул и крепко сжал губы.

«Где я этого парня видел раньше?» — думал Лидум, при лунном свете присматриваясь к Айвару. Ему все время казалось, что они где-то встречались. Впервые это чувство охватило его еще в лагере дивизии, когда он увидел на полигоне стройного младшего лейтенанта, и потом, встречая Айвара, он каждый раз испытывал странное чувство. Этот высокий рост, твердая походка, высоко поднятая голова, несколько мрачноватый и в то же время мечтательный взгляд — все казалось виденным, знакомым. И Ян Лидум только ломал голову, стараясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах он встречал этого человека. Может быть, на каком-нибудь собрании этот парень на несколько мгновений привлек его внимание или просто на улице?

Как могла ему прийти в голову мысль, что в Айваре Таурине он видит повторенный образ собственной молодости? Если бы Лидум взглянул на свои немногие юношеские фотографии, сбереженные Ильзой, это странное чувство стало бы ему понятным.

— Лейтенант Тауринь, — не удержался на этот раз Лидум, — скажите,

мы с вами не встречались где-нибудь до войны? Мне все время кажется, что я вас где-то уже видел.

— Кажется... нет, товарищ военный комиссар... — ответил Айвар, покраснев до ушей. — Такого случая я не помню.

— Тогда я вас, наверно, путаю с кем-нибудь другим, — сказал Лидум. — Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Двадцать шесть... — задумчиво повторил Лидум. — У меня был сын. Ему теперь тоже было бы двадцать шесть лет...

Айвар не осмеливался обратиться к нему с вопросом, он чувствовал, что дольше скрываться и лгать этому чудесному человеку — своему отцу — не в силах.

Через минуту они расстались, Ян Лидум ушел вперед, проверить остальные роты батальона: не слишком ли они растянулись, не оторвались ли друг от друга. Часа через два они должны были прийти на исходные позиции. В такое время военком батальона должен находиться среди своих людей и чувствовать, как бьется сердце каждого стрелка и командира, — он должен успокоить нетерпеливых и вдохнуть новую силу и бодрость в уставших, а вот сам он не смеет быть ни слишком горячим, ни слишком медлительным.

4

Дни и ночи не прекращался гул великой битвы. С каждым днем линия фронта удалялась от Москвы на запад. На одном из секторов этого фронта, плечом к плечу с русскими, украинцами, грузинами, казахами, сражалась Латышская стрелковая дивизия. После первого огневого крещения прошло уже две недели, и теперь собравшиеся у костров бойцы разных дивизий заводили разговоры о самых ярких моментах битвы, об отличившихся бойцах и рядом с первыми гвардейскими соединениями, кавалеристами Доватора,^[28] пехотинцами генерала Панфилова,^[29] упоминали и латышских стрелков.

Две недели... Но что это были за недели!

Если бы Анне, Айвару, Юрису Эмкалну или Яну Лидуму пришлось описать все, что они видели и пережили за это время, каждый из них мог бы более или менее ясно и последовательно передать только несколько эпизодов из слагавшейся в те дни огромной эпопеи, озаренной красотой мужества, преодоления трудностей и героизма.

Первая братская могила, которую с помощью взрывчатки приготовили саперы в окаменевшей земле рядом с большаком... Убитых и раненых стрелки видели и раньше, но увидеть искалеченного или навсегда умолкнувшего боевого товарища, с которым еще недавно шагал рядом в строю и бросался в атаку, — это совсем другое, и этого никогда не забудешь... Первый уничтоженный своими руками враг... Первая советская деревня, которую ты с товарищами освободил из кровавых рук фашистов... Эти события запечатлелись в памяти каждого воина на всю жизнь. Человеческая душа содрогалась до самых глубин, и в сознании возникало новое — человек обретал новые качества. Он больше не вздрагивал, когда мимо со свистом проносилась пуля врага; услышав в воздухе особый звук, он сразу определял, что это мина, и он мог сказать, откуда она летит, в каком месте упадет, и спокойно принимал такое положение, при котором возможность ранения осколком была наименьшей. На самом поле боя, при непосредственном соприкосновении с врагом, воин уже не подчинялся внезапным порывам — ни ярость, ни страх не затемняли его сознания и не толкали на необдуманные шаги; как каждый выполняющий тяжелую, сложную и ответственную работу человек, он взвешивал все, мгновенно учитывал обстановку и делал то, что было в ту минуту единственно правильным.

— Не тот герой, — напоминал Ян Лидум своим стрелкам, — кто не вовремя ухарски вскочит и становится живой мишенью для вражеских пуль, а герой тот, у кого хватает выдержки и силы воли в самом трудном и сложном положении сохранить ясность ума и действовать целеустремленно даже, когда нет больше никакой возможности что-то сделать.

Все эти качества теперь приобрел и Айвар. Когда полк получил приказ перейти в наступление, роту, в которой служил Айвар, оставили в резерве, и как это ни было горько, пришлось с этим примириться. Через день Айвар участвовал в освобождении какой-то деревни и с лихвой наверстал упущенное: в этом бою воин мог до конца показать не только свою храбрость и презрение к смерти, но и боевое уменье. Пока две другие роты вели лобовую атаку, лейтенант Круминь провел свою роту в тыл врага. Стрелки, под прикрытием берегов небольшой речки, по-пластунски продвинулись на полкилометра и достигли дороги, связывающей неприятеля с тылом. Почувствовав угрозу окружения, укрепившийся в деревне фашистский батальон дрогнул и в панике побежал. На улицах деревни и на дороге остались в снегу сотни гитлеровских трупов. Освободителям деревни досталось много трофеев: несколько орудий, тяжелые минометы, автомашины и склад боеприпасов.

Айвару и многим его боевым товарищам казалось, что они не сделали ничего особенного и что их успеху не хватает настоящего блеска, поэтому велико было их изумление, когда в армейской и фронтовой газетах этот боевой эпизод был передан во всех подробностях как пример до конца продуманного и согласованного тактического маневра.

Вскоре Айвару пришлось провести со своим взводом разведку одного населенного пункта, который гитлеровцы ни за что не хотели оставлять. Целый день и две ночи находился взвод в тылу врага, долгие часы отлеживались бойцы в снегу на январском морозе, а с наступлением темноты проходили большие расстояния на лыжах. Разведав все и захватив на обратном пути находившегося в секрете немецкого ефрейтора, они вернулись к себе, валясь с ног от усталости. И снова они считали, что сделано самое обыкновенное дело. Айвару все время казалось, что то, к чему он готовился вот уже полгода — большой, яркий, героический подвиг, — все еще не осуществлено и он еще не может подойти к Яну Лидуму, как сын к отцу.

Однажды вечером во время короткой передышки между боями Айвар увидел Анну — она приехала на санитарной машине за тяжелоранеными. В бою пал командир роты лейтенант Круминь, и Айвару пришлось временно заменять его. По несколько суток он не смыкал глаз: полк находился в непрерывном движении, одна за другой следовали стычки с неприятелем. Вот когдагодились Айвару его физическая сила и выносливость! Когда взвод ворвался в укрепленное селение, у него после трех бессонных ночей еще хватило сил взяться за винтовку и в рукопашном бою прикладом бить гитлеровцев.

Там он впервые встретился с Индриком Регутом.

— Молодец, Айвар! — сказал Индрик и крепко пожал руку своему другу детства. — Я рад, что ты с нами и пошел по верному пути.

Но в тот раз много разговаривать не пришлось: Айвар со своими бойцами должен был преследовать отходящего врага, а Индрик спешил на командный пункт командира полка. Он еще раз крепко пожал руку Айвару, обещал навестить его при первой возможности и, не торопясь, хорошенько поговорить о прошлом и настоящем.

Вскоре после этого Айвар как-то на рассвете еще раз увидел Анну. Она еле держалась на ногах от усталости, но помогала размещать раненых в машине, наконец села рядом с шофером и уехала — может быть, в медсанбат, может быть, в Москву, куда прямо с поля боя отвозили тяжелораненых.

«Тяжело тебе, дружок, приходится... — думал Айвар, глядя вслед

удаляющейся машине. — Но ты молодец, настоящая молодчина, Анныня... Я горжусь тобою. Может быть, тебе когда-нибудь придется и меня отвезти в тыл, может, и нет... Кто знает».

...После нескольких недель непрерывных боев Латышскую дивизию с передовой линии вывели на кратковременный отдых. Какой приятной казалась теперь воинам горячая баня, как сладок был сон на мягкой соломе под теплым кровом! Стрелки попарились, помылись и в один день помолодели на несколько лет. Но на каждом лице переживания последних недель оставили след.

В огне войны быстрее вырастали и созревали люди, — Ян Лидум убеждался в этом на каждом шагу. Вспоминая, как ему несколько месяцев назад в лагере дивизии приходилось бороться со всякими предрассудками, обывательскими настроениями, проявлениями шовинизма и национальной ограниченности, теперь он мог спокойно, с гордостью смотреть на своих стрелков: на поле боя, как мякина на ветру, развеялись старые предубеждения. Те же парни, которых он тогда терпеливо учил и воспитывал, стали теперь лучшими помощниками военкома батальона. Если кое-где и пробивался сорняк, сами стрелки спешили его выполоть, заботясь о том, чтобы весь коллектив был здоров и крепок духом.

5

После отдыха и пополнения Латышскую дивизию перебросили на Северо-Западный фронт. Там она приняла участие в наступательных боях в районе Старой Руссы.

Болота, однообразная, покрытая снегом равнина, заросшие кустарником берега речушек и рек, редкие березовые рожицы открылись глазам стрелков. Стремясь хоть сколько-нибудь облегчить положение своей зажатой в Демьянский «мешок» армии, немецкое командование сосредоточило на этом участке фронта большие военно-воздушные силы и частыми налетами и бомбардировками пыталось деморализовать наступающие советские войска, сорвать подвоз продовольствия и боеприпасов. С утра до вечера рокотали в воздухе моторы «юнкерсов», «мессершмиттов», «хейнкелей», раздавались взрывы бомб и выстрелы зениток. Фашистские самолеты держались на большой высоте, поэтому бомбежка давала ничтожные результаты; стоило появиться звену истребителей с красными звездами на крыльях, как целый авиационный полк противника, подобно стае испуганных ворон, бросался врассыпную.

Случалось, что фашистские бомбовозы, удирая от наших истребителей, сбрасывали груз бомб куда попало — нередко на головы своим.

Не помогали «юнкеры» и «мессершмитты», не помогало отчаянное сопротивление дивизии СС: советские войска освобождали одно селение за другим и продолжали продвигаться на запад. Как огненный шквал, проносились ночью смертельные залпы реактивных минометов — славных «катюш». В белых защитных халатах батальоны советских лыжников как снег на голову сваливались на гитлеровцев, и «завоеватели мира» в ужасе поднимали вверх руки и кричали свое обычное: «Гитлер капут! Их бин плен!»

То была тяжелая, кровавая борьба, которая к концу зимы все больше принимала характер позиционной войны. Множество болот и рек ограничивали возможности применения танков и другой тяжелой боевой техники, поэтому бои шли главным образом за небольшие высотки, дороги, узлы сообщений, и решающее слово в этой борьбе по-прежнему принадлежало пехоте.

В середине марта 1942 года Айвар участвовал в ночном бою за небольшую деревню. Наши войска заняли и удержали ее, но Айвара в ту ночь впервые ранило в плечо. Ранение было тяжелое, и Айвара вместе с другими ранеными эвакуировали в тыл. Молоденькая санитарка провожала их до Крестцов и всю дорогу, как Могла, заботилась о раненых, но это была не Анна.

В Крестцах Айвара поместили в санитарный поезд и увезли в Ярославль.

Через несколько дней в штабе дивизии был получен приказ командования фронта — группа стрелков, командиров и политработников награждалась орденами и медалями за героизм, проявленное в зимних боях. Среди награжденных орденом Красного Знамени в приказе значилось и имя младшего лейтенанта Айвара Тауриня.

...В тот вечер, когда Айвара поместили в санитарный поезд, Анну Пацеплис на очередном партийном собрании принимали в кандидаты партии. Девушке в тот день казалось, что она наконец достигла совершеннолетия и сравнялась со своими товарищами. Впервые за всю жизнь Анна услышала в тот день столько дружеских и ободряющих слов. Она не знала куда девать глаза, когда парторг рассказывал о ее старании в учебе и смелости на поле боя. Он говорил, как она помогает товарищам, как самоотверженно выполняет свои обязанности и как упорно занимается самообразованием. Анне думалось, что об этом совсем не стоит говорить:

ведь это только долг — кто же сейчас не отдавал всего себя Родине?

Со времени знакомства с Яном Лидумом Анна несколько раз навестила его, и не потому, что в ее жизни случались какие-нибудь осложнения и требовалась его помощь, а потому, что вблизи комиссара всегда становилось теплее на душе и, уходя, человек чувствовал, будто стал богаче. К тому же Ильза, с которой Анна все время усердно переписывалась, просила ее узнать, как живет брату: есть ли у него чистое белье, заштопаны ли носки, здоров ли он. Изредка Лидум и сам находил Анну, ведь Ильза всегда напоминала в письмах, чтобы он не упустил из виду девушку и в это тяжелое время был бы ей вместо отца. Они как-то сразу привыкли друг к другу, поэтому другие санитарки и начальство Анны думали, что батальонный комиссар Лидум приходится ей близким родственником.

В ту боевую ночь, когда Анна впервые увидела раненых, принесенных на плащ-палатке с переднего края, она плакала над ними и старалась всем им быть сестрой и матерью. По дороге в Москву один из тяжелораненых умер в санитарной машине, и девушка всю обратную дорогу всхлипывала, будто потеряла родного брата. Эта чувствительность сохранилась и позже; страдания других людей всегда находили отклик в душе Анны, ко со временем она научилась сдерживать себя. С помрачневшим лицом, с плотно сжатыми губами Анна выносила из боя раненых и ухаживала за ними; людям со стороны казалось, что эта красивая девушка или на всех сердита, или какая-то бесчувственная, но каждому, кто долгое время наблюдал ее, становилось ясным, что эта суровость чисто внешняя.

Первым, заметившим это, был Ян Лидум. Когда в дивизии стало шириться снайперское движение и Лидум узнал, что Анна хочет стать снайпером, он поговорил с товарищами, от которых зависел ее перевод, и Анну послали на курсы. Но сам комиссар ни словом не обмолвился ей о своей роли в этом деле.

Глава двенадцатая

1

До конца мая 1942 года Айвар пролежал в военном госпитале в Ярославле. Рана зажила быстро, только левая рука утратила былую подвижность — требовался массаж и разные физиотерапевтические процедуры. Лечение Айвар закончил в доме отдыха Латышской стрелковой дивизии под Москвой. Дачный поселок, где находился дом отдыха, соединяла со столицей электричка. Несколько раз в неделю Айвар ездил с товарищами в Москву и долгие часы посвящал осмотру столицы.

На улицах и площадях поражали здания, созданные за короткий срок советским человеком. Сказочным подземным дворцом показалось ему метро. Мосты, один красивее другого, соединяли берега Москвы-реки; парки, стадионы, гордые корпуса новыхстроек славилитруд свободного человека. И теперь Айвар со стыдом и негодованием вспоминал ложь и клевету о жизни советского народа, которыми в свое время пичкала его и других легковерных людей буржуазная пресса Латвии. Как только он мог верить даже крупнице этой лжи!

«Если бы со мною здесь была Анна... — думал он. — Все тогда стало бы прекраснее и величественнее. Ее мысли, переживания обогатили бы меня. Будет ли когда-нибудь так?»

Об Анне Айвар вспоминал и думал часто. Вечерами, перед тем как лечь спать, он мысленно вел с нею долгие разговоры, рассказывал ей обо всем, что видел и делал днем. Он постоянно чувствовал рядом с собой любимую девушку. Конечно, это был самообман, но он помогал Айвару жить.

В конце июня Айвар прибыл в Латышский запасный полк. Прожив несколько недель в лагере, где он уже побывал во время формирования дивизии, Айвар отбыл с одной из маршевых рот на фронт. Из писем товарищей он знал, что за боевые заслуги во время зимних боев награжден орденом Красного Знамени. Недавно Айвару присвоили звание лейтенанта.

...Ян Лидум был одним из первых, кого Айвар встретил в новом расположении Латышской дивизии. Теперь Лидум был уже военным комиссаром полка.

— Что, опять у своих, лейтенант Тауринь? — спросил Лидум и,

улыбаясь, пожал руку Айвару. Они встретились на берегу маленькой речки — здесь были землянки штаба полка. — Наверно, не могли дожидаться, когда вернетесь обратно?

— Так точно, товарищ комиссар... — ответил Айвар. — Чуть не умер с тоски. Зато теперь так хорошо, будто домой приехал, только все стало еще милей и ближе.

— И это верно, надо любить свою военную семью. Мы все здесь вместе на жизнь и смерть. Рука в порядке?

— Как будто ничего и не было, товарищ комиссар. Советские врачи знают свое дело.

— В какую часть зачислены?

— Обратно в свою старую роту, только на этот раз ротным командиром.

— Вот как? Да, правильно, — вашего предшественника посылают учиться в «Выстрел». ^[30]

Отпустив Айвара, Лидум посмотрел ему вслед и подумал: «Что ни говори, а этого парня я где-то раньше встречал. Такое знакомое лицо...»

Свою роту Айвар нашел во втором эшелоне дивизии, в хорошо замаскированных шалашах из еловых ветвей. Поговорив с командирами взводов и отделений, он обошел шалаша и познакомился со стрелками; среди них было много новых. В одном месте стрелки беседовали о последних успехах дивизионных снайперов. Айвар подсел к ним, угостил солдат папиросами.

— Снайперское движение у нас быстро ширится, — рассказывал ротный старшина Платонов. — И самое замечательное, товарищ лейтенант, — сказал он, обращаясь к Айвару, — что и девушки не отстают. Многие перешли из медсанбата в стрелковые роты и сменили санитарные сумки на снайперскую винтовку. Не знаю, товарищ лейтенант, помните ли вы такую Анну Пацеплис из санбата... Храбрая была девушка, за московские бои ее наградили Красной Звездой.

— Что с ней случилось? — спросил Айвар, и сердце его от волнения готово было выпрыгнуть из груди... — Я ее... хорошо знаю...

— Случиться ничего не случилось, — ответил старшина. — Сейчас она прикомандирована к нашему батальону и за один месяц уничтожила одиннадцать фрицев. Ведь здорово, товарищ лейтенант...

— Действительно, здорово... — согласился Айвар. К щекам его снова прилила кровь.

Бойцы заварили чай и пригласили Айвара разделить с ними скромный фронтовой ужин. Он достал из вещевого мешка печенье, бутылку

портвейна и выложил свой пай.

Да, он действительно снова вернулся домой. Товарищи встретили его как родного, близкого. Нигде он не чувствовал себя так хорошо, как среди них.

...Новый участок фронта был очень однообразен и тяжел для позиционной войны: открытая, хорошо просматриваемая равнина с разбросанным кое-где мелким кустарником и редкими небольшими холмиками. Каждая такая высотка в местных условиях имела большое значение и представляла как бы маленькую крепость, вокруг которой завязывались ожесточенные бои. Артиллеристы с трудом находили ориентиры, разведчикам чаще обычного приходилось поглядывать на компас.

Как-то ночью, когда Айвар уже успел ознакомиться с окружающей обстановкой и людьми, полк подполковника Виноградова сменил отходящий на отдых полк и занял передовые позиции. Рота Айвара стояла теперь на самом правом фланге полка и соприкасалась с левым флангом другого полка. Впереди, метрах в трехстах, находилась небольшая сильно укрепленная высотка, занятая немцами. Подходы к высотке были защищены проволочными заграждениями и спиралями Бруно.

Как кроты, зарылись стрелки в землю, наблюдая и изучая расположение противника, и про себя думали: «Как было бы хорошо, если бы высотки заняли мы...» То же самое думали командиры, командование полка и дивизии.

Когда рота разместилась на своих позициях, политрук роты Пакалн — мужчина лет пятидесяти, работавший до войны парторгом одного рижского завода, — разыскал в окопах Айвара и начал с ним разговор, о котором думал с момента возвращения Айвара на фронт.

— Товарищ Тауринь, теперь ты уже бывалый воин, награжденный орденом... Пролил кровь за Родину. Не пришла ли пора подумать о вступлении в партию?

Айвар смутился и долго медлил с ответом. Предложение Пакална застигло его врасплох. Партия... стать членом партии... Ведь это было высшее доверие, оказываемое человеку, но в его жизни не должно быть темных пятен, ничего такого, что приходилось бы скрывать от других.

— Но вы еще так мало меня знаете, — ответил Айвар. — Что это — десять месяцев...

— Зато какие месяцы, Тауринь! За эти десять месяцев была возможность сотни раз убедиться, что представляет каждый из нас.

Готовность отдать жизнь за Советскую Родину — какое доказательство преданности может быть убедительнее этого!

Айвар, немного подумав, сказал:

— Сегодня я еще ничего не отвечу. Мне хочется... мне обязательно надо поговорить по этому вопросу с одним очень близким человеком.

— Поговори.

Человек, с которым Айвар хотел посоветоваться, был Ян Лидум. Надо было рассказать ему все, ничего не скрывая. Пока отец не узнает всей правды и не выскажет своего мнения, до тех пор Айвар не хотел рассказывать ни одному человеку о своем запутанном прошлом.

В условиях боевой обстановки Айвар не мог ни на минуту оставить позиции своей роты, поэтому встретить военкома полка было трудно. Правда, Лидум ежедневно появлялся в батальонах и ротах, иногда заходил к Айвару, но разве в таких условиях, когда ни на секунду нельзя спускать глаз с коварного врага, можно было думать о серьезном разговоре с отцом? Для такой беседы нужно было подходящее место. И Айвар ждал, когда роту отведут на короткий отдых во второй эшелон.

Это были жаркие дни и ночи сплошных тревог. Враг ежедневно обстреливал позиции полка минами и артиллерийскими снарядами, бомбил с воздуха и несколько раз переходил в наступление, пытаясь вклиниться в нашу линию обороны, и почти всегда главная тяжесть удара падала на небольшой сектор, обороняемый ротой Айвара. За неделю им пришлось перенести три массированных налета авиации и несколько ураганных шквалов артиллерийского огня. Но враг ничего не добился.

Однажды ночью роту Айвара Тауриня сменила рота первого батальона, а второй батальон на несколько дней перевели в дивизионный резерв — на отдых.

2

В ясный августовский день на узкой тропе посреди ольшаника произошло то, о чем так страстно мечтал Айвар. Возвращаясь из батальонного штаба в расположение своей роты, он встретил Анну. Увидев внезапно в нескольких шагах от себя загорелого плечистого лейтенанта в стальной каске, Анна не узнала его и сошла с тропинки, уступая дорогу. Но лейтенант не торопился пройти мимо, он остановился и, взволнованно улыбаясь, смотрел на Анну.

— Добрый день, Анна... Разве не узнаете больше старых соседей?

Анна долго вглядывалась в смуглое лицо парня, словно не веря своим глазам, а потом пробормотала:

— Айвар Тауринь... вы тоже здесь?

— Как видите... — сказал Айвар. — Разве это так невероятно?

Робко и неловко пожали они друг другу руки и в первую минуту не знали, о чем говорить, куда глядеть.

— Это было трудно предвидеть... — сказала наконец Анна, отвечая на вопрос Айвара. — Я думала, вы остались у немцев. Где ваши родители?... Не эвакуировались?

— Таурини? Нет, им даже в голову не могла прийти такая мысль. В сущности говоря, они и не знают, что я ушел вместе с Красной Армией. Думают неизвестно что. Ну и пусть... какое мне дело!

— Как же это? Вас так мало беспокоит, что думают ваши родители?

— А вы о своих много думаете?

Анна посмотрела на Айвара и невольно улыбнулась:

— Мои родители — дело другое. У нас уже давно... не было согласия. Но скажите, почему вы не остались в Ургах? Вас-то гитлеровцы не тронули бы.

— А вы, Анна, остались бы дома, если бы определенно знали, что гитлеровцы вас не тронут?

— Ни в коем случае!

— Почему?

— Потому что не могу представить себе жизнь под их ярмом... Потому что я должна быть вместе с моими товарищами и бороться с захватчиками!

— Почему же мне не быть вместе с вами?

Они сели на пни и продолжали разговор. Айвар рассказал, как он ушел из дому, как вместе с группой советской молодежи дошел до Эстонии, Ленинграда... Дивизионный лагерь... первые бои под Москвой, затем ранение под Старой Руссой... госпиталь, дом отдыха, запасный полк... и снова фронт. Просто и скромно рассказывал Айвар о последних боевых эпизодах как о чем-то обыкновенном, и то больше о боевых товарищах-стрелках, чем о себе. Создавалось впечатление, что во время массированного налета немецких бомбардировщиков и позже — при отражении атак фашистской пехоты — на его долю выпала лишь роль статиста, а все сделали другие. Анна поняла — Айвар затушевывает свои заслуги. Не было ни малейшего сомнения, что он настоящий воин, способный командир, храбрый и хладнокровный в самой трудной обстановке. Его скромность и сдержанность понравились Анне, и с этого

момента она увидела его совсем в ином свете.

Анна рассказала Айвару о своей жизни с того времени, как оба они оставили родные края. И когда все было рассказано, у обоих возник один и тот же вопрос: «Как-то живется сейчас там, у Змеинового болота?» И они заговорили о том, что, по их мнению, могут делать их домашние и что случилось с их общими знакомыми.

— Мой брат Бруно теперь самый ярый помощник немцев, — сказала Анна. — Добром он не кончит.

— Мой приемный отец во всяком случае не отстанет от него и роет себе яму, — сказал Айвар.

— Все же мне не совсем ясно, — сказала Анна, — почему вы ушли из дому. Вы, по-моему, хорошо уживались со своими приемными родителями. А о своих настоящих родителях вы что-нибудь знаете?

— Долгие годы я ничего не слышал о них. Узнал только в день своего ухода из дому.

— И потому именно ушли, что узнали?

— Отчасти потому... и еще по одной причине, но о ней я скажу вам только после войны.

— А вы знаете, где они сейчас находятся? Встречались с ними?

— Скоро встречусь.

— Тогда я начинаю кое-что понимать, — сказала Анна и протянула Айвару руку, но он попросил не уходить.

— У меня к вам просьба, Анна... Недавно у меня был серьезный разговор с политруком нашей роты Пакалном. Он думает, что мне пора вступить в партию. Если бы это произошло, дали бы вы мне рекомендацию? Одну рекомендацию обещал мне Пакалн.

Анна изумленно посмотрела на Айвара.

— Меня только недавно приняли в кандидаты партии, — сказала она. — Я еще не могу дать поручительство.

— Я этого не знал.

— До свидания, Айвар.

— До свидания, Анна...

Как очарованный, смотрел ей вслед Айвар и чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Более получаса говорила с ним Анна, дружески и просто, а уходя, назвала по имени: Айвар... Так никогда не называют чужого, так никогда не говорят человеку, которого не желают знать.

— Спасибо, милое солнышко... — взволнованно шептал он. — Как я сейчас буду воевать, ох, как буду воевать! Тебе не придется стыдиться

знакомства со мной.

А у Анны на душе было невесело. Ей не давала покоя одна мысль: товарищи Айвара по роте, очевидно, ничего не знают о его прошлом. Он им ничего не рассказал или сообщил не все и не самое главное, что надо было знать рекомендуемым и партийному собранию. Как бы посмотрел Пакалн на то, что в Ургах было девяносто гектаров земли и много батраков и батрачек? Конечно, не дал бы тогда рекомендации. Но почему Айвар молчит об этом? От партии нельзя ничего скрывать. Если он это делает, то совершает преступление перед партией, и она никогда не сможет оказать ему доверия.

Чем больше думала об этом Анна, тем беспокойнее становилось у нее на душе. «Может быть, Айвар сам расскажет обо всем на партийном собрании? А если не расскажет? Я — единственный человек в дивизии, знающий прошлое Айвара. Мне молчать нельзя, ведь через некоторое время, когда все станет известным, Айвара придется исключить из партии как пробравшегося обманным путем в ее ряды».

В тот день должен был состояться слет снайперов полка. Анна отправилась на слет часом раньше, чтобы успеть поговорить с военкомом полка Яном Лидумом об Айваре Таурине. Она знала: этот седой, закаленный революционер сумеет во всем разобраться и дать ей правильный совет.

Лидум принял ее в своей маленькой землянке.

— Что у девушки на сердце? — спросил он ее и, как обычно, ласково улыбнулся. — Садись, Анныня...

Анна села и начала рассказывать. Лидум ни разу не прервал ее, спокойно выслушал необычайное сообщение, но глубокие складки на лбу показывали, что он недоволен. Когда Анна умолкла, военком задумался, барабанил по столу пальцами.

— Может быть, Тауринь только приспособливается? — спросил Лидум. — Весьма возможно, что он заслан в дивизию со специальными заданиями, о которых мы и понятия не имеем. Враг очень коварен и не отказывается ни от какой возможности повредить нам.

— Я думаю, что дело обстоит не так плохо, товарищ комиссар, — ответила Анна. — Считаю лейтенанта Тауриня честным человеком, но в партию принимать его рано. Поэтому я сочла необходимым рассказать все, что знала о нем.

— За это тебе большое спасибо... — сказал Лидум. — Пока никому не говори о нашей беседе. Хочу уточнить некоторые обстоятельства, тогда увидим, как быть с этим человеком.

Когда Анна ушла, помрачневший Лидум долго сидел, подперев голову кулаком. Он был недоволен собой.

«Неужели я так постарел, что не умею больше разбираться в людях? — думал он. — Мне он казался таким честным... сделанным из настоящего материала. Выходит, что я встретился с трусом. На передовой он не боится смотреть в глаза смерти... это он умеет как следует... а сказать о себе правду у него не хватает духа. Что теперь с ним делать?»

В дверь землянки постучали. Вошел ординарец.

— Товарищ комиссар, там пришел лейтенант. Очень просит принять его. Что сказать ему?

— Какой лейтенант? Что ему нужно?

— Командир роты, лейтенант Тауринь... — объяснил ординарец. — Он не сказал по какому делу. Я его спрашивал, а он говорит, что может сказать только вам.

Лидум сердито наморщил лоб. «Так, так... — подумал он. — Хочет оправдываться... Совесть мучает. Ну ладно, давай посмотрим, что за птица».

— Пусть войдет, — сказал Лидум. — Пока не кончу разговора с ним, никого не впускайте сюда.

— Ясно, товарищ комиссар, — отозвался, ординарец и вышел.

3

Лидум пристально взглянул на Айвара, затем, подавив неприязнь, сказал по возможности спокойно и вежливо:

— Присаживайтесь, товарищ лейтенант. Я вижу, что стоять на ногах в этом погребе для вас мучение. Таким голиафам, как вы, рост иногда причиняет некоторые неудобства.

Айвар сел на скамейку по другую сторону столика и скомкал в руках выцветшую пилотку. Он казался очень взволнованным. Снова и снова его пальцы сжимали пилотку, а потом разглаживали, чтобы опять скомкать.

— Мне нужно с вами поговорить, товарищ военный комиссар, по очень серьезному делу... — начал Айвар.

— Я слушаю... — сказал Лидум.

— Политрук нашей роты, товарищ Пакалн, заговорил со мной о том, что мне пора вступать в партию, — продолжал Айвар. — В моей жизни есть много такого, что бросает на меня тень, и я не хочу делать этот серьезный шаг, не рассказав предварительно все о своем прошлом. Я хотел

рассказать это вам, и от вас я хочу получить совет. Согласны ли вы меня выслушать?

— Пожалуйста, рассказывайте...

Айвар, опустив глаза, несколько секунд молчал, затем распрямил плечи, посмотрел на Лидума спокойным, грустным взором и начал:

— Это будет рассказ про искалеченную жизнь, товарищ Лидум. Была однажды семья — муж, жена и маленький мальчик. Они жили в нужде, как многие бат «рацкие семьи. Муж выполнял тяжелую работу батрака и мечтал о другой, лучшей жизни, которую простые люди могут завоевать только борьбой, поэтому он стал революционером. Единственному сынишке революционера было семь лет, когда полиция арестовала его отца и за «точила на долгие годы в тюрьму. Вскоре погибла от несчастного случая на работе мать, и мальчик остался на свете совершенно один. Так как он стал в тягость всем, его с торгов отдали людям, которые за его содержание требовали от волостного правления наименьшую доплату. Прожив там несколько месяцев, он попал в другую семью. Его взял на воспитание богатый кулак Тауринь из усадьбы Урги Пурвайской волости. У Тауриня своих детей не было, но ему нужен был наследник, поэтому кулак усыновил мальчика, дал ему свое имя и воспитал как своего сына. Мальчику объявили, что его родители умерли, чтобы он забыл о них, а своим отцом и матерью считал бы Тауриня и его жену. Из приемного сына старались сделать настоящего хозяйского сына, привить ему все качества кулака. Окончив сельскохозяйственное училище, он вскоре ушел на военную службу, а после демобилизации работал в хозяйстве приемного отца и помогал ему увеличивать доходы. В первый год Советской власти этот приемный сын имел возможность только издали наблюдать, как живут и работают советские люди. В те дни он встретил девушку, одну из тех, с которыми Тауринь не позволял ему дружить, — она теперь была на другом берегу, среди строителей новой жизни. Он полюбил ее, любит и по сей день, хотя она этого не знает и на его чувства не ответила даже простой дружбой. Когда началась война и девушка эвакуировалась вместе с активом волости, парень не находил себе места, чувствовал себя, как в пустыне. Приемный отец накануне войны ушел в банду, а когда нагрянули фашистские войска, вернулся домой и стал уговаривать своего приемного сына стать во главе банды убийц, убивать невинных людей. Но сын уже находился во власти сомнений, и предложение приемного отца возмутило его до глубины души. Он чувствовал, что его место на той стороне, где была любимая девушка, и что в этой великой борьбе он не может остаться с Тауринем и подобными ему хищниками. Но мысль об уходе, об эвакуации

родилась у него позже, когда он узнал нечто чрезвычайно важное...

Вслушиваясь в рассказ Айвара, Ян Лидум сидел, не проронив ни слова, только по временам руки его сжимались в кулаки. Иногда он незаметно взглядывал на Айвара — пристально, испытующе и взволнованно, словно ожидая желанного подтверждения какому-то неясному предчувствию, которое с каждой секундой все сильнее охватывало его.

— Что вы... узнали? — не выдержал Лидум. Голос у него вдруг задрожал.

— В тот день я узнал, что мой отец не умер, что он жив, — продолжал Айвар. — Я узнал его имя, где он живет и работает, и мне стало ясно, что этот человек заслуживает большой любви и надо постараться стать достойным его. Я оставил Урги, чтобы больше никогда туда не возвращаться приемным сыном Тауриня и чтобы найти своего родного отца.

— И вы... его нашли? — спросил Лидум и больше не спускал глаз с Айвара. Туманное предчувствие стало превращаться в уверенность; всей душой желая, чтобы так оно и было, он все же боялся ошибиться, поэтому сдерживал себя и всеми силами старался овладеть своими чувствами.

— Да, нашел... — вздохнул Айвар.

— И кто же он? — как стон, как мольба, вырвалось из груди Лидума.

Тогда Айвар посмотрел на него долго, нежно, губы его задрожали и глаза внезапно наполнились слезами.

— Отец... — прошептал он. — Неужели ты меня... еще не узнаешь?

Теперь наконец Ян Лидум понял, почему ему казалось, что он где-то видел этого человека, и на кого походил он, — его собственная молодость глядела на него этими грустными глазами, которые сейчас стыдились своих слез.

— Айвар!.. — воскликнул он, бесконечно счастливый. — Это ты?... Ты... мой сын...

Он обнял его и долго сидел рядом молча, а большие, сильные руки его все время, не переставая, гладили плечи Айвара, голову, волосы, и, как Ян ни крепился, в глазах его накапливалась соленая влага и крупными каплями скатывалась по щекам.

— Айвар, дорогой мальчик... наконец-то мы вместе... — шептал Лидум. — Все будет хорошо, все устроится... Мы заживем новой жизнью. А Тауринь... Забудь ты его... не думай больше о нем.

Несколько успокоившись, отец начал расспрашивать сына, с кем он дружит, как проводит свой досуг, много ли читает, каковы его планы на

будущее. Потом они говорили о текущих политических событиях, о причинах, вызвавших Великую Отечественную войну. И у Айвара вырвалась такая фраза:

— Немецкий народ — преступный народ, и пока не удастся его уничтожить, до тех пор человечество не сможет жить в мире.

«Бедный мальчик... — подумал Лидум. — Много еще хлама в твоей голове. И ничего удивительного — почти двадцать лет тебя пичкали такой «мудростью». Ну ничего, я все-таки сделаю из тебя настоящего, советского человека».

Айвару он сказал:

— О вступлении в партию пока не может быть и речи. Живи и работай как честный беспартийный большевик. Только не вешай головы, у тебя все впереди.

— Конечно, ты лучше знаешь, что правильно и что неправильно, — сказал Айвар. — Головы вешать не буду.

— А теперь, мой мальчик, оправь как Следует гимнастерку и подтяни ремень: мы пойдем к командиру полка. Пусть Виноградов первым увидит, какой сын у старого Лидума.

4

Подполковник Виноградов — стройный мужчина лет тридцати пяти, с маленькими черными усами и карими живыми глазами — только что вернулся от командира дивизии и изучал карту, когда к нему явился Ян Лидум с Айваром.

— Не помешаем? — спросил Лидум, сгибаясь в дверях землянки.

— Как раз наоборот, Ян Петрович, — отозвался Виноградов. — В самый раз. Нашему полку предстоит выполнить важное задание. Заходи... — только сейчас он заметил, что вместе с Лидумом пришел лейтенант Тауринь. — Здравствуйте, товарищ Тауринь. Вы тоже кстати, только что хотел послать за вами. У меня для вас задание. Понимаете — прямо для вас. Но, во-первых, присядьте, друзья. Нам придется поговорить. Что с тобой, товарищ Лидум? У тебя такой счастливый вид.

— Ты угадал, Кирилл Степанович... — ответил Лидум, широко улыбнувшись. — У меня сегодня очень счастливый день.

— Великолепно, Ян Петрович, — улыбнулся Виноградов. — В таком случае поздравляю. О твоём счастье побеседуем немного погодя, а сейчас первым делом отпустим лейтенанта Тауриня, так как ему до вечера

предстоит еще много сделать.

Когда все сели, Виноградов продолжал:

— Наш полк сегодня вечером должен вернуться на передний край и с утра начать действовать. Задача: оттеснить врага к болоту, вот сюда... — он показал на карте голубоватое заштрихованное пятно. — Пусть он там помокнет в грязи и воде, а мы посидим на суше. Ясно, что в самом болоте фриц не захочет сидеть. Когда загоним его в воду, он волей-неволей переберется на другой берег, и болото фактически тоже окажется в наших руках.

— Но тогда нам сначала надо занять высоту, — заметил Лидум. — Пока высота, Кирилл Степанович, находится в руках гитлеровцев, нечего думать о дальнейшем продвижении. Иначе операция потребует больших жертв.

Виноградов утвердительно кивнул головой, затем посмотрел на Айвара:

— Как вы думаете, товарищ лейтенант?

— Та «же, как... товарищ Лидум, товарищ подполковник, — ответил Айвар. — Сначала врага надо прогнать с высоты.

— Совершенно верно, — сказал Виноградов. — И прогнать сегодня ночью, и сделать это придется вам, товарищ Тауринь. Вы хорошо знаете место, две недели удерживали сектор под носом у этой высоты... а главное — как держали! Поэтому мы уверены, что вы сумеете отбить и удержать высоту. Как твое мнение? — обратился он к Лидуму.

На несколько мгновений лицо комиссара чуть побледнело и взгляд остановился на Айваре. Тот ободряюще улыбнулся отцу. Тогда Лидум сказал:

— Почему же нет... Думаю — удержит.

— Товарищ Тауринь, — продолжал Виноградов, — мы понимаем, что задача нелегкая. Здесь будут нужны железные ребята. Ударную группу составим из добровольцев. Думаю — охотников хватит.

— Хватит, товарищ подполковник! — воскликнул Айвар. Глаза у него блестели, видно было, что он уже во власти новых мыслей. — Я думаю, в нашей роте никто не отсеется. Сейчас по крайней мере не могу себе представить ни одного, кого нельзя было бы взять.

— Тем лучше, товарищ лейтенант. Теперь идите в роту, обеспечьте боезапасом и сухим пайком. Часа через два получите окончательные указания, а с наступлением темноты ударной группе надо быть на исходных позициях. Все ясно? Вопросов нет?

Айвар встал.

— Все ясно, товарищ подполковник. Вопросов нет. Разрешите выполнять?

— Можете идти... — Виноградов встал и подал Айвару руку. — Желаю удачи, товарищ лейтенант.

— Благодарю, товарищ подполковник.

Айвар повернулся и хотел было выйти из землянки, но задержался и взглянул на отца. Лицо Яна Лидума было серьезным и строгим. Он несколько замешкался, затем поднялся, подошел к сыну и обнял его. Поцеловал в обе щеки и сказал:

— Держись, мой мальчик... и помни, что старый Лидум в трудную минуту поддержит тебя. Ну, счастливого пути.

Когда Айвар вышел, Лидум вернулся и сел за стол напротив Виноградова; строгое выражение сошло с его лица, он теперь улыбался, но подполковнику показалось, что он заметил на глазах комиссара слезы.

— Что с тобой, Ян Петрович? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего... — ответил Лидум. — Ты только что дал почетное задание моему... сыну.

— Сыну? — воскликнул изумленный Виноградов. — Лейтенант Тауринь твой сын? Почему ты сразу не сказал об этом? Я ведь...

Лидум пристально посмотрел на подполковника.

— Что бы ты сделал? Не дал бы ему задания? Оставил бы в резерве?

Виноградов немного помолчал, затем сказал:

— Нет, друг, и тогда боевое задание получил бы он. Он — самый подходящий человек для этого дела.

— Мне приятно это слышать, Кирилл Степанович. Я надеюсь, что он оправдает доверие. Понимаешь ли ты теперь, о каком счастье я говорил? Как раз сегодня я нашел своего сына!

— Понимаю. Но как это случилось?

— Долгий разговор, — Лидум вздохнул. — Я тебе все расскажу потом, а сейчас подумаем, как лучше подготовить полк к выполнению боевого задания. Времени остается немного.

— Ты прав, времени немного... — сказал Виноградов, — Присаживайся ближе, товарищ комиссар.

В тот же вечер Яну Лидуму пришлось побывать в штабе и в политотделе дивизии. Не скрывая своей великой радости, он рассказал о ней товарищам. Через несколько часов об этом уже знали многие, и все они разделяли радость Лидума. Узнала об этом и Анна Пацеплис...

...В два часа ночи, когда полк подполковника Виноградова занял исходные позиции, усиленная рота под командованием лейтенанта Тауриня начала выполнять боевое задание. Другая рота должна была провести ложное наступление в лоб высоте и слева от нее. Строчили пулеметы, рвались гранаты, неприятель засыпал этот сектор минами и артиллерийскими снарядами, непрерывно взвивались ракеты. Ударная рота в это время скрытно приближалась к высоте; метрах в пятидесяти справа от нее бойцы сделали проходы в проволочных заграждениях и, продвинувшись еще метров на тридцать, с тыла ворвались в окопы противника. Несколько минут длилась ожесточенная рукопашная схватка. В дело были пущены ручные гранаты, штыки, приклады. Большинство гитлеровцев осталось на месте, на брустверах и в окопах, но часть отошла к ближайшим кустам и оттуда яростно обстреливала роту.

Бойцы ударной роты отнесли в сторону убитых немцев и наспех подготовили окопы для обороны. Все огневые точки надо было срочно перенести на другую сторону окопов — фронтом к неприятелю.

Опомнившись от неожиданного удара, противник пытался вернуть свои прежние позиции. Одна атака следовала за другой. В промежутках вражеская артиллерия осыпала высоту снарядами и минами, но стрелки не сдавали завоеванный рубеж и отбили все контратаки гитлеровцев.

Ян Лидум в это время находился в том батальоне полка, которому, согласно оперативному плану, следовало сразу после занятия высоты перейти во фронтальную атаку слева. Внешне спокойный и невозмутимый, он вслушивался в шум боя и наблюдал из окна за бушевавшим там, на высоте, адом. Только его пальцы по временам без всякой надобности ощупывали пуговицы гимнастерки и губы беззвучно шептали:

— Держись, Айвар... выдержи, мой мальчик... Я здесь и сейчас приду к тебе на помощь...

Вот взвились две красные ракеты — условный сигнал начала атаки. Полк пошел в наступление. С потерей высоты в системе обороны противника образовалась брешь, через нее вливался поток советских воинов; смяв первую линию, он в неудержимом порыве бросился на вторую линию обороны врага. Еще последнее сопротивление в окопах второй линии, еще последняя отчаянная попытка задержать, прижать к земле наступающих, но не выдержала и вторая линия обороны неприятеля, дрогнули ряды фашистов, и, выгнанные на равнину, батальоны гитлеровцев неудержимо откатывались назад, к большому болоту. Им не давали опомниться, найти более сухие тропы и обходные дороги: наступающие стрелки, как шквал грозной бури, загнали неприятеля в грязь и воду. Когда

рассвело, повсюду вдоль болота стали видны брошенные и увязшие в трясине пулеметы, ящики с боеприпасами, минометы. Болото молчало, только на другой его стороне перемазанные в грязи остатки гитлеровских батальонов зарылись в землю. Молчала и высота, которую в ту ночь заняла ударная рота лейтенанта Тауриня.

В шесть утра Яна Лидума вызвали к телефону.

— Немедленно явитесь на КП командира дивизии, — передал политработник из штаба дивизии. — Только поторопитесь. Вы здесь очень нужны.

Лидум сообщил Виноградову о вызове и немедленно отправился на командный пункт комдива. Там его встретил знакомый полковник.

— Поздравляю с победой! — сказал полковник. — Прекрасный успех, товарищ Лидум. Ваш сын великолепно выполнил боевое задание, еще раз поздравляю. Славно сработано... лучше и желать нельзя... А теперь... — полковник нагнулся и, не глядя на Лидума, быстро проговорил: — А теперь садитесь в мою машину и поезжайте скорее в медсанбат.

— С Айваром... с моим сыном что-нибудь случилось? — спросил Лидум, побледнев от волнения.

— Лейтенант Тауринь ранен, — ответил полковник. — Его будут оперировать... здесь, в медсанбате. Врач надеется, что все кончится благополучно.

Он сочувственно пожал Лидуму руку.

Через полчаса Ян Лидум стоял в палатке и смотрел на бледное, желтоватое от загара лицо сына. Айвар был в полуобморочном состоянии. Увидев отца, он попытался улыбнуться, но улыбка так и не вышла, вместо нее лицо исказила гримаса нестерпимой боли.

— Что фашисты... прогнаны к болоту? — спросил он шепотом.

— Да, сын, они уже за болотом... — тихо ответил Лидум.

Он достал платок и вытер пот со лба Айвара.

— Наверяд ли я вернусь в строй, когда их погонят дальше... — снова почти шепотом проговорил Айвар. — Как... хотелось бы... Еще так мало... сделано...

Он думал о дальнейшей борьбе. А у Лидума при воспоминании о разговоре с хирургом сжималось сердце. «Бедный мальчик... — думал он. — Ты считаешь дни, когда сможешь вернуться в строй... но никто не может сказать, выживешь ли ты...»

Когда Айвар в беспамятстве лежал на операционном столе, Ян Лидум стоял у входа в палатку и мысленно разговаривал с сыном: «Ты не умирай,

сынок... Ты должен жить, вместе со мною строить новую жизнь. Выдержи, не оставляй меня одного. Так мало пришлось нам быть вместе. Теперь бы можно было... Возьми себя в руки, Айвар, перебори все и живи...»

Спустя час к нему вышел хирург.

— Кажется, все будет хорошо... — сказал он Лидуму. — У вашего сына идеально здоровый организм.

— Значит, будет жить?

— Ручаться никогда нельзя, но если не будет осложнений, я думаю, он даже вернется в строй.

— Благодарю вас от всего сердца, дорогой товарищ... — сказал Лидум.

Лидуму разрешили посмотреть на спящего Айвара. Осторожно погладив по голове сына, он вышел из палатки и на маленькой фронтовой машине отправился на командный пункт командира дивизии. Теперь Лидум чувствовал себя гораздо спокойнее.

Недалеко от штаба дивизии на дороге стояла девушка в гимнастерке, с погонями младшего сержанта. Узнав Лидума, она помахала рукой, прося остановиться.

— Затормози, друг... — сказал Лидум шоферу.

Когда машина остановилась, девушка подошла к Лидуму, по-военному приветствовала его и торопливо спросила:

— Вы были в медсанбате? Как ему... как чувствует себя Айвар?

Лидум наконец узнал Анну.

— Будет жить, Анныня... — сказал он и погладил руку девушки. — Таких богатырей даже артиллерийский снаряд не берет. С ручательством — будет жить.

Он вспомнил, как говорил Айвар о девушке, которую любил и ради которой ушел от приемного отца, хотя она не отвечала на его чувства даже простой дружбой, и Ян Лидум подумал, что Анна Пацеплис и есть та самая девушка, которую любит его сын. Он с нежностью посмотрел на Анну: что было дорого Айвару, не могло быть безразличным и ему, Яну Лидуму.

— У меня просьба... — заговорила Анна и опустила глаза, полные слез. — Когда вы в следующий раз навестите Айвара, передайте ему от меня привет.

— Передам, милая... — прошептал в сильном волнении Лидум, — обязательно передам. Я думаю, это доставит ему радость и поможет скорее встать на ноги.

Глава тринадцатая

1

Окончив работу на фабрике, Ильза Лидум в тот вечер не пошла сразу в общежитие, где она вместе с тремя другими работницами занимала комнату во втором этаже. Подруга Ильзы по работе Полина Барабанова несколько дней тому назад наколола руку ржавым гвоздем; рана загноилась, рука вспухла до локтя, и пришлось обратиться к хирургу. Муж Барабановой был на фронте, а дома оставалось двое ребят — один двух лет, другой четырех. Зная, как трудно больной матери ухаживать за ними, Ильза утром и вечером заходила к ним, помогала по хозяйству.

Год тому назад Полина Барабанова обучила Ильзу и Анну Пацеплис работать на ткацких станках, и между ними установилась настоящая дружба. После отъезда Анны в Латышскую дивизию Ильза и Полина сблизилась еще больше. Они читали друг другу письма от своих близких, находившихся на фронте, вместе следили за военными событиями и вместе горевали о каждом советском городе, который попадал на время в руки врага. Узнав, что у Ильзы в начале войны пропал без вести сын, Полина утешала свою подругу.

— Он ведь не знает, где ты, потому и не пишет. Сейчас сотни и тысячи семейств разбрелись по разным областям и не могут найти друг друга. Вот погоди, кончим войну, прогоним врага, и все люди, как птицы весной, воротятся к своим гнездам. Тогда мы опять найдем друг друга. А если кто погибнет, то и тогда хватит времени погоревать и поплакать о них, и ты не печалься заранее. Сегодня негоже горевать — сегодня надо думать о борьбе, о победе.

Последние три месяца Полина не получала весточки от мужа, но ее уверенность, что ничего худого не случилось, была так непоколебима, что Ильза невольно заразилась этой силой надежды. Действительно, происходило ведь то, что при теперешних обстоятельствах было неизбежным и естественным; даже самое тяжелое и мрачное, что приходилось переживать, — гибель близких, любимых людей — соответствовало правде этой грозной эпохи, и каждому надо было быть готовым и к этому.

Надо быть готовой... Эта мысль не выходила из головы Ильзы, когда она шла к квартире Барабановой. На улице было много народу, а где люди,

там голоса, смех, улыбки, серьезные и задумчивые лица, мечтательные взоры — сама жизнь во всем своем многообразии, со всеми тонами и полутонами. В кустах щебетали птицы, где-то репродуктор передавал красивую песню, теплый летний ветерок ласкал лица людей, четко звучал согласованный шаг пехотной роты. Люди жили своей жизнью, поток бытия не остановился ни на мгновение, только во всем окружающем было что-то приподнятое, драматическое — слитное звучание общих чувств всего народа. Те, кто в этот вечер мечтали в тенистом парке о первой чистой любви, и те, кто стояли у своего рабочего места на заводе, ни на мгновение не забывали, что где-то на юге и западе дышал огнем огромный фронт и советские люди — их родные братья, отцы, сыны и дочери — геройски отстаивали настоящее и будущее своего народа. Великий долг объединял всех, во имя этого долга каждый готов и на подвиг и на жертву.

«И я готова...» — думала Ильза.

Полина Барабанова отворила дверь. Забинтованная рука висела на перевязи. Лицо молодой женщины было спокойно, взор ясен, и все же Ильзе показалось, что сегодня Полина не такая, как всегда.

— Тетя Ильза, тетя Ильза! — с веселым криком бросился навстречу Шурик, старший сынок Полины. В этот момент Ильза заметила, как дрогнули уголки рта Полины. Угостив Шурика и маленького Вову кусочками сахара, Ильза начала хозяйничать. Готовя ужин и убирая квартиру, она рассказала о новостях на фабрике, передала приветы от подруг. Полина долго молчала, будто наблюдая за своими малышами, которые, весело щебеча, возились около Ильзы.

— Что случилось, Полина? — спросила Ильза. — Почему ты молчишь? Не хуже руке?

— Рука... — из груди Полины вырвался тяжелый вздох. — Рука пройдет. Больше я не могу сидеть без дела и нянчить руку. Мне бы сегодня следовало стоять у станка и работать за двоих... нет, Ильза, за четверых. Как ужасно, что именно теперь я ничего не могу делать — теперь, когда мне надо занять место Сергея.

Ильза поставила к стенке щетку и под села к Полине.

— С Сергеем что-нибудь случилось?

Полина кивнула головой на этажерку. На верхней полке лежал серый конверт.

— Возьми, дорогая, прочти...

Ильза взяла письмо. Это было сообщение командира войсковой части, что старший сержант Сергей Барабанов пал смертью храбрых.

Ильза положила письмо обратно на этажерку, вернулась к Полине и

села рядом с ней. Они помолчали. Обняв Полину за плечи, Ильза тихо заговорила:

— Да, нет больше Сергея... Большое горе у тебя, милая моя. Но не у тебя одной болит сегодня сердце. Если бы в комнате не было этих малышей, я бы плакала, как маленькая. Для всех твоих друзей, для всего народа — это большое горе, подружка. Сердце наше болит за каждого советского человека, который отдал жизнь на поле боя. Я знаю, здесь словами не поможешь, но все-таки хочу оказать: пойми, что ты со своим горем не одинока. У тебя большая семья — весь народ. Он позаботится, чтобы твои Шурик и Вова не утратили счастливое детство. А ты, милая, не мучай себя, не противься горю. Поди в другую комнату и поплачь — станет легче. Я тут поиграю с детьми.

— Не надо, Ильза... — прошептала Полина. — Я умею плакать без слез. За твое доброе сердце — спасибо, дорогая... Как жалко, что именно сейчас, когда у меня такой долг перед Родиной, я совсем ничего не могу делать.

Уложив детей спать, обе женщины еще долго сидели в кухне, разговаривая. Полина рассказывала о Сергее, о своей короткой счастливой жизни с ним. Солнечный отблеск этой жизни никогда не угаснет — ведь там, за стеной, находились два милых существа — живое продолжение и высшее воплощение этого счастья.

— Теперь я буду жить для них... только для них... — шептала Полина. — Это моя обязанность перед Сергеем. Я должна любить их сильнее прежнего. Что бы со мной стало, если бы их не было у меня?

Далеко за полночь вернулась домой Ильза. Она тихонько разделась и легла, стараясь не потревожить соседей по комнате, но это ей все же не удалось: Мильда Эрдман, долгие годы проработавшая на льнопрядильной фабрике Гофа в Елгаве, проснулась и поспешила передать, что вечером ее искал представитель ЦК Коммунистической партии Латвии.

— Он обещал зайти утром, — сказала Эрдман. — У него есть какое-то известие лично для тебя.

Ильза не могла уснуть до утра. Какое известие мог передать ей представитель ЦК? Она вспомнила серый конверт с извещением о смерти Сергея Барабанова.

— Может, и мне... об Артуре или Яне? Надо быть готовой к этому...

Утром она не могла дождаться представителя ЦК. До работы надо было еще забежать к Полине и приготовить завтрак, поэтому Ильза вышла из дому на час раньше подруг. Представитель ЦК встретился с Ильзой в фабричной столовой во время обеденного перерыва. Это был ее старый

подпольный товарищ, а позже секретарь укома партии — Карклинь; он рассказал Ильзе, что Артур командует партизанским отрядом в тылу врага и что недавно его наградили орденом Красного Знамени.

Вечером Ильза получила письмо Яна: он наконец-то нашел сына!

«На другой день после нашей встречи Айвара тяжело ранило... — писал Ян. — Насколько мне известно, его эвакуировали в Иваново. Попытайся, Ильзит, разыскать его и напиши мне, как он себя чувствует. Только не справляйся об Айваре Лидуме: пока еще у него все бумаги на имя Айвара Тауриня».

Да, это был радостный день в жизни Ильзы.

Подруги по работе помогли ей, и через несколько дней они общими усилиями нашли Айвара.

Теперь у Ильзы не оставалось ни одной свободной минуты. Пока не выздоровела Полина Барабанова, Ильза делила свой досуг между ее детьми и племянником. Согревая людей заботливой лаской, Ильза сама согревалась среди них.

«Тетя Ильза...» — так ее звали малыши Полины, так называл ее Айвар, так ее прозвали товарищи по работе. Но чудеснее всего было то, что она ни одного дня не чувствовала себя на чужбине: ее жизнь была так же полна и содержательна, как и раньше, — настоящая, большая жизнь.

2

В те дни, когда гитлеровские полчища любой ценой старались пробиться к Волге и Каспийскому морю, у всех советских людей на устах было одно слово:

Сталинград...

С любовью и надеждами произносили они это слово. Затаив дыхание, весь мир прислушивался к гулу титанической битвы, понимая, что на широких степных просторах Придонья и Поволжья решается судьба будущих поколений. Как былинный богатырь, стоял советский воин на берегу Волги и творил свой сказочный подвиг — равного не знала история человечества. В нем воплотилась вся сила страны, все могущество духа, вся пламенная любовь к Родине, вся мудрость великого народа. Разбойник с большой дороги, у которого была лишь непомерная алчность и рожденная

безумной фантазией мечта о мировом господстве, осмелился думать, что этого богатыря — советского человека — ему удастся победить грубой силой, согнуть и подчинить с помощью металла и огня.

Сталинград...

Это слово повторяли советские люди, задыхавшиеся под игмом немецких оккупантов. Оно звучало по всему миру, как мощный колокол, находя отклик в сердцах миллионов. Оно звучало и в Ильменских болотах, где на страже Родины стояли полки латышских стрелков.

— Почему нас не посылают на юг, на помощь защитникам Сталинграда? — спрашивали бойцы командиров и политработников. — Там мы бы сейчас пригодились Родине больше, чем здесь.

И так же, как год назад, когда воины нетерпеливо рвались на фронт, им отвечали:

— Командование знает лучше, где мы нужны.

В это время на каждом собрании Яну Лидуму приходилось слышать от стрелков один неизменный вопрос:

— Почему союзники не открывают второго фронта? Чего ждут? Где обещание Черчилля?

Смешки, которыми обычно сопровождалась эти вопросы, доказывали, что стрелки сами не верят, ни в грош не ценят обещания Черчилля.

— Открытие второго фронта на Западе зависит от нас самих, — отвечал в таких случаях Лидум. — Чем крепче будем бить гитлеровцев и скорее выбросим их из Советской страны, тем живее станут наши союзники.

...Осенью 1942 года Латышской стрелковой дивизии было присвоено звание гвардейской. В то время дивизия находилась в резерве фронта и стояла в Вышнем Волочке.

В тот день, когда стало известно, как высоко оценило Советское правительство боевые дела латышских стрелков, во всех полках царило радостное оживление.

Ян Лидум обходил роты своего полка, поздравлял молодых гвардейцев и беседовал с ними о большом долге, который теперь предстояло выполнить.

— Будем воевать по-гвардейски! — заверяли стрелки. — Ни болота, ни леса, ни горы, ни реки не задержат нас! Пусть скорее пошлют нас на фронт!

На фронт!

Пробыв несколько недель в тылу, они уже тосковали по боевым делам.

В ненастный октябрьский день, когда леденящий ветер проносился над

осенними полями, дивизия приняла гвардейское знамя. Прямо с парада роты направились к железнодорожной станции и погрузились в эшелоны, отъезжающие на фронт. На груди у многих стрелков красовался значок гвардейца, а те, кто его еще не получил, завидовали товарищам.

И снова леса и реки встречали прибывших. Дойдя до своего места во втором эшелоне фронта, они ни за что не хотели рыть землянки: это означало, что на очереди длительная стоянка, а воины хотели скорее быть на фронте. Только строгий приказ командования дивизии заставил их приняться за постройку.

— Долго мы будем здесь бездельничать под кусточками? — ворчали стрелки. — Эти несколько дней и в шалашах из веток можно пожить. Не стоит землянки строить.

Ночные заморозки покрывали ледяной корочкой воду, и у некоторых «дачников» по утрам зуб на зуб не попадал.

Там, у реки Полы, младшего сержанта Анну Пацеплис принимали из кандидатов в члены партии. Ее снайперская винтовка уже отправила к праотцам сорок два фашиста, но Анна хотела в ближайшие месяцы довести это число до сотни. Поэтому она, так же как и другие молодые гвардейцы, не особенно радовалась долгой стоянке во втором эшелоне.

Айвара недавно выписали из госпиталя, и сейчас он находился в резервном полку. В своем последнем письме Яну Лидуму сын рассказал, что его хотят на несколько месяцев послать на курсы командиров среднего состава, и спрашивал, как на это посмотрит отец.

«Обязательно поезжай на курсы и учись так, чтобы из тебя вышел настоящий гвардейский офицер... — ответил ему Лидум. — Некоторое время мы обойдемся на фронте и без тебя, можешь в этом быть уверен».

На этих же Ильменских болотах они услышали радостную весть о разгроме под Сталинградом армии фельдмаршала Паулюса и великой победе Красной Армии. Через несколько недель полк участвовал в ликвидации Демьянского «мешка». После этого все ждали больших событий на Северо-Западном фронте, а Индрик Регут, встретив Яна Лидума у штаба полка, заявил:

— Теперь нашим ножкам достанется! Не иначе, как в один прием промаршируем до Балтийского моря — мой нос уже чует запах латвийских лесов. Ужасно надоело сидеть в этих болотах и кустарниках.

— У нас впереди еще много таких болот и кустарников, пока доберемся до моря, так что запасись терпением, — ответил Лидум.

— Нет, ты посмотри, какие марши они проделывают там, на юге! Не успеваю флажки переставлять на карте. Если бы нам только одну неделю

так пошагать на запад, мы бы в два счета были дома.

Лидуму нравились стремительность и нетерпеливость Индрика. Вообще этот парень был ему по душе, только уж очень часто приходилось его сдерживать. Узнав, что Индрик дружил в детстве с Айваром и они вместе учились в начальной школе, Лидум постарался выведать все, что еще удержала память Инги о тех временах, Приятель детских лет Айвара рассказывал ему про детские игры, про старого Лангстыня, про богатство и черствость Тауриня и про то, как мальчиками они с Айваром мечтали о далеких путешествиях. Яну Лидуму была дорога каждая мелочь, которая помогала ему узнать о детстве Айвара.

...Весной 1943 года Латышскую дивизию снова перевели во второй эшелон. Начались напряженные тактические занятия, продолжавшиеся все лето. Стрелки обучались вести наступательные бои, преодолевать болота, водные преграды, пользоваться взаимодействием различных родов оружия. Шлифовка, которую приобрели в этих учениях батальоны и роты дивизии, была дороже золота; усилия, потраченные на тренировку, окупались сторицей в дальнейших боях.

3

Только поздней осенью 1943 года с одной из маршевых рот вернулся в дивизию Айвар. После окончания курсов он несколько месяцев пробыл в резервном полку, где командовал ротой. Командование резервного полка хотело оставить Айвара в своих кадрах, и ему пришлось выдержать борьбу, пока он не переубедил непосредственное начальство и не доказал, что его место на фронте.

Дивизия в то время была передислоцирована на новый участок фронта в районе Великих Лук. Айвар нашел старых товарищей на равнине, где до самого горизонта не видно было ни перелеска, ни рожицы — только редкий куст можно было увидеть на дне оврага да местами торчали трубы сожженных деревень: отступая, гитлеровцы стремились оставить позади себя пустыню. С большими трудностями стрелки построили здесь землянки, зачастую напомилавшие обычные траншеи с крышей. Лес приходилось подвозить издалека. Даже дрова для железных печурок, у которых грелись и сушили портянки гвардейцы, было тяжело добыть.

Айвара назначили заместителем командира батальона, но не в прежнем полку.

— Так будет лучше... — объяснил Ян Лидум сыну. — Обоим служить

в одном полку не стоит — на службе семейственность не годится. А теперь расскажи, как выглядит наш лагерь. Все ли там по-старому?

— Ты бы не узнал его, — улыбаясь, ответил Айвар. — Ребята резервного полка сделали там нечто вроде курорта. Прекрасные землянки, светлые, сухие, клуб, цветочные клумбы, подсобное хозяйство с коровами и свиньями... Одним словом, живут хорошо.

— Как тебе понравилась твоя тетка? — спросил Лидум. — Успели хоть сколько-нибудь познакомиться?

— Если бы я знал раньше, что у меня такая славная тетя, давно бы ушел из Ург и стал бы ее вторым сыном. Мы расстались лучшими друзьями. Ты знаешь, что она делает с деньгами, которые ты посылаешь с фронта?

— Думаю, что в чулок не прячет.

— Какой там чулок! Ни одной копейки не тратит на себя. Все деньги по аттестату идут на детей эвакуированных или на танковые колонны и эскадрильи самолетов.

— Тогда придется посылать больше, — засмеялся Лидум.

— Я тоже хочу участвовать в этом. Буду посылать половину жалованья. Куда мне девать деньги? Тетя Ильза найдет им лучшее применение.

— На какую сумму ты подписался на заем?

— На четырехмесячный оклад — как раз столько у меня было на сберкнижке.

— Правильно сделал, Айвар. Самый верный способ сбережения. А книги читаешь? В госпитале у тебя времени было с избытком.

— Прочел «Диалектику природы» Энгельса вторично, на этот раз с карандашом в руках. Что за книга, отец! Какая простота и ясность в каждой строчке, и в то же время такая глубина мысли...

— Конспект сохранил?

— Конечно.

— После покажешь. Хочу узнать, как ты понял прочитанное. Может, некоторое время я еще смогу быть твоим консультантом — как ты думаешь? Ведь и я на своем веку кое-чему учился.

С этого времени Лидум начал заниматься политическим воспитанием Айвара. Фронтовые условия не позволяли им встречаться часто, но они старались пользоваться малейшей возможностью. Айвар сразу убедился в большой разнице между отцом и всеми, кто раньше помогал ему в политическом росте: теоретически они были, может быть, так же сильны, но им не хватало жизненного опыта Яна Лидума и его умения применять

теорию на практике. Он умел несколькими яркими, взятыми из окружающей жизни примерами сделать наглядным и до конца ясным любое теоретическое положение. Выяснив, что Айвар в каком-нибудь вопросе «плавает» или какой-нибудь тезис только зазубрил, не уяснив полностью смысла, Лидум останавливался на этом непонятном месте и до тех пор занимался с сыном, пока тот не вникал в суть вопроса.

— Зазубрить что-нибудь проще всего, — говорил он. — На это даже попугай способен. Но нам нужны не попугаи, а люди, которые умеют думать.

В отце Айвар приобрел лучшего воспитателя, какого только можно было пожелать, — строгого, требовательного и любящего.

...Когда Айвар вернулся на фронт, Анна вместе с двумя девушками-снайперами уехала в Москву, чтобы несколько недель провести в Удельной, в доме отдыха Латышской дивизии. Потом Анна на несколько дней заехала в Иваново к Ильзе и привезла с фронта целый альбом фотографий, который и остался у Ильзы. Когда Анна уезжала на фронт, ее походный мешок доверху набили письмами и подарками живших в Иваново латышей.

Ильза работала на фабрике последние месяцы: скоро она должна была уехать в Киров, на курсы партийных и советских работников, — вызов уже пришел.

— Вот видишь, Анныня, что получается, — говорила Ильза, помогая девушке собираться в дорогу. — На старости лет придется еще в школу ходить. Я думала, что хватит молодых, те будут учиться и заменят нас, но, оказывается, стариков тоже не хотят оставлять в покое. Даже и не знаю, что из меня выйдет.

— Выйдет то, что должно выйти: еще один хороший работник для нашей партии, — Анна улыбнулась. — Когда вернемся в Латвию, работы будет очень много. Поэтому и мы на фронте не только воюем, но и учимся.

В дивизии Анна узнала, что Айвар уже здесь, но встретить его ей удалось только после жестоких боев под Нарвой, где латышские стрелки вписали в историю своей дивизии новую славную страницу. В те дни далеко разнеслась боевая слава дивизии латышских стрелков; великолепный лыжный рейд батальона подполковника Рейнберга^[31] по тылам противника, взятие деревни Манокково, бессмертный подвиг сержанта Латышской дивизии Серова, сказочный бой Роланда Расиня с целым взводом фашистов, в котором победителем остался отдавший жизнь Родине герой, советский гвардеец, — все это подтверждало, что дивизия с честью носит гвардейское звание.

В этих боях Анна выполнила свое обещание — она уничтожила сотого

гитлеровца... В этих же боях чуть не погиб неугомонный Ян Лидум. Он не мог усидеть на наблюдательном пункте командира полка и, бросившись в атаку вместе со стрелками, попал под ураганный огонь фашистской артиллерии; разодранная осколками ушанка и полушубок могли засвидетельствовать, как близко была смерть... В тех же боях окончилась короткая светлая жизнь гвардии капитана Юриса Эмкална; его друг, гвардии старший лейтенант Айвар Тауринь, стоя с обнаженной головой у небольшого обелиска, где был похоронен Юрис, поклялся жестоко отомстить врагу.

До Латвии было недалеко. Может, там, у границ Латгалии, уже слышали канонаду советской артиллерии. Муки и вздохи подъяремных народов ветер проносил над полями и лесами, навстречу армии-освободительнице.

«Потерпите еще немножко... — думали советские воины. — Мы подходим, скоро придем — взойдет и для вас, дорогие братья, солнце нового утра свободы!»

4

Удивительно погожим было то лето. Снежно-белые острова облаков отражались в голубых озерах Латгалии. Шумели нивы, приветствуя освободителей, но им некогда было остановиться и слушать скорбную песнь родной земли. Загоревшие, запыленные на латгальских дорогах, спешили они дальше на запад — к Риге, к синему морю, ни на миг не давая передышки врагу. По краям дорог лежали трупы гитлеровцев. Разбитые танки виднелись рядом с застрявшими в трясины орудиями артиллерийских батарей. Во всех канавах валялись сожженные автомашины и брошенные повозки. На пригорках дымились остатки сгоревших построек, а от горького дыма у бойцов слезились глаза. Развалины взорванных мостов лежали в воде, мешая речкам свободно нестись к Даугаве, а ночью на западном крае небосвода ширилось пурпурное зарево пожаров, вздымаясь к самому небу и принося весть о новых преступлениях врага, которого сейчас по всем дорогам гнали из Советской страны.

— Все еще ему, проклятому, не довольно... — стискивая зубы, говорили латышские стрелки. — Еще не захлебнулся от крови и разрушения...

— Захлебнется, изверг, не тревожьтесь! — отвечали им русские

товарищи. — Дадим ему напиться его собственной крови, дойдем до самого Берлина, а если понадобится, то и дальше.

Видимое глазом было ничто в сравнении с тем, что рассказали советским воинам жители освобожденных областей. Люди вначале боялись выходить из лесных чащ, куда спрятались, чтобы враг не угнал их на запад. С ними приходилось разговаривать, как с перепуганными детьми: они долго не хотели верить, что пришедшие — их друзья. А потом завязывались дружеские разговоры, и простые, безыскусственные слова рисовали картину пережитых унижений и ужасов. Во всей Латвии почти не было дома, где враг не убил бы человека. Не было очага, который не был бы ограблен.

Полковник Виноградов спрашивал своего заместителя по политработе, подполковника Лидума:

— Где твой дом, Ян Петрович? Скоро ли мы дойдем до него? Ты не забудь мне показать.

И Лидум отвечал:

— Нечего мне показывать тебе, Кирилл Степанович... Моего дома нет нигде. Зато вся страна моя и я всюду у себя дома. Все разрушенное и разоренное, все спасенное и целое — все мое.

С приближением Красной Армии изо всех лесов выходили навстречу отряды партизан; кто был способен носить оружие, вступал в строй и продолжал борьбу с врагом в регулярных частях; старшее поколение и подростки расходились по домам, чтобы под руководством советской власти восстанавливать разрушенное и строить новую жизнь. И хотя огненный вал фронта уже перекатился через рубежи Родины и советские войска шагали по земле врага, война не закончилась. Много еще горячих боев впереди, много крови еще придется пролить, пока враг не будет поставлен на колени, но уже и теперь каждому человеку было ясно, что в этой страшной войне победил советский народ. И когда 13 октября 1944 года в столице Родины прозвучал салют победы в честь освободителей столицы Советской Латвии — седой Риги, все люди Латвии с чувством благодарности и глубокой любви обратились к народу, спасителю от гибели, принесшему им свободу и счастье, к Красной Армии, которая продолжала неуклонное движение к окончательной победе над врагом.

Конец первой части

Часть вторая

Глава первая

1

Ян Лидум демобилизовался летом 1945 года. Получив документы и сердечно распрощавшись с боевыми товарищами, он снял с мундира подполковничьи погоны и пошел в ЦК Коммунистической партии Латвии договариваться о дальнейшей работе.

Яна принял один из секретарей Центрального Комитета, с которым ему не раз приходилось встречаться во время войны, поэтому сразу же завязался непринужденный, простой разговор, как обычно бывает между старыми знакомыми.

— Как видишь, товарищ секретарь, я стал безработным, — сказал Лидум. — Такое положение мне не по вкусу, хочу просить помощи и совета, как скорее с ним покончить.

— Придется помочь старому другу, — улыбнулся секретарь. — А каковы твои соображения?

— У меня только одно соображение: работать. И чем скорее, тем лучше. Пойду, куда пошлет партия. Чувствую себя достаточно сильным, чтобы взяться за трудную работу.

— А как же с отдыхом? Если мне память не изменяет, то до войны ты тоже не был в отпуске, а потом все эти трудные годы... Как, товарищ Лидум, если мы тебе дадим путевку на юг или в Кемери? Отдохни немножко, полечи кости, а потом со свежими силами навалишься на работу.

— Это мы отложим на будущее, когда все войдет в норму, — сказал Лидум. — Куда это годится? Все мои старые товарищи будут работать, восстанавливать разрушенное хозяйство, укреплять Советскую власть, а я буду греть спину на южном солнышке или плескаться в серных водах Кемери? Нет, товарищ секретарь, мне это не подходит.

— Ну что же, придется пойти тебе навстречу, — снова улыбнулся секретарь. — До войны ты работал в Н-ском уезде первым секретарем. Там уже работает один из бывших командиров партизан. Работает хорошо — нет смысла его тревожить.

— Пусть работает, зачем его тревожить.

Секретарь помолчал, что-то обдумывая, потом, посмотрев на Лидума, сказал:

— А что, если тебе пойти работать заместителем наркома по кадрам?

Например, к Земдегу? У Земдега есть опыт в хозяйственных вопросах, он один из сильнейших работников, но наркомат большой, трудный, и как раз с кадрами там не все благополучно, а Земдег этому вопросу не уделяет должного внимания. Ему надо придать сильного, богатого опытом партийного работника — вроде тебя, товарищ Лидум. Что ты на это скажешь?

— Ты думаешь, я справлюсь? Раньше я никогда не работал в этой области.

— Мало ли чем мы раньше не занимались, а теперь занимаемся, потому что другого выхода нет. Работа не из легких, это надо сказать прямо...

— Легкой я не ищу...

— И правильно делаешь. Значит, согласен?

— Если партия находит, что я там буду полезен, какие могут быть разговоры?

— Отлично. Сегодня же согласую этот вопрос с остальными товарищами, и, если не будет возражений, а я думаю, их не будет, ты начнешь работать в ближайшие дни.

Разговор происходил в понедельник. А в среду Ян Лидум получил решение о назначении его заместителем наркома и представился Земдегу. Нарком — почти ровесник Лидума — встретил его с распростертыми объятиями.

— Наконец-то! Теперь я вплотную займусь восстановлением предприятий и расширением производства, ведь до сего времени приходилось прямо-таки на части разрываться, думать обо всем сразу. Что же тут удивительного, если некоторые дела остались вне поля зрения и план первого полугодия не выполнен!

Лидум внимательно выслушал рассказ Земдега об огромных трудностях, с которыми на каждом шагу приходилось сталкиваться при восстановлении заводов. Электричества не хватает, станки старые, изношенные, очень много трудностей и с сырьем. А кадры почти все новые, без достаточного опыта. Если не хочешь провалиться с программой, приходится изворачиваться, как угрю. Ох, не легко, — вот скоро сами увидите.

— Какие будут указания на ближайшее время? — спросил Ян Лидум. — Какими делами, кроме кадров, нужно заняться на первых порах? Может быть, что-нибудь надо выполнить безотлагательно?

— Ознакомьтесь, посмотрите... — ответил Земдег. — Пока ничего определенного сказать не могу, но вы скоро сами увидите, где надо в

первую очередь приложить руку. Инициативы — вот чего я жду от своих заместителей. Если у вас возникнет хорошая идея, приходите ко мне — я стараюсь поддерживать всякое ценное предложение. Одним словом, действуйте. Надеюсь, мы сработаемся.

Убедившись, что от Земдега более точных указаний не получишь, Лидум начал самостоятельно знакомиться с людьми и предприятиями. Он побеседовал с секретарем партийной организации, побывал на нескольких предприятиях, говорил с директорами, инженерами и старыми рабочими. И не так уж много времени понадобилось закаленному большевику, чтобы увидеть в основных чертах слабые и сильные стороны в работе наркомата.

Везде в центре внимания было выполнение плана, а все остальное считалось второстепенным. Управляющие трестами не знали, с какими людьми они работают и каковы резервы их кадров. Партийная работа в жизни почти не чувствовалась, и Лидум напрасно искал то организующее ядро, которое на каждом предприятии, в каждой системе составляет актив. Земдег работал не покладая рук, но все свое внимание сосредоточивал лишь на хозяйственной стороне дела. Он и не подумал о том, чтобы сколотить актив. Поэтому в работе было много лихорадочной суеты, штурмовщины и нервозности.

— Партия послала меня сюда, чтобы внести в жизнь высокий деловой накал, — говорил себе Лидум. — Если не добьюсь этого, обману надежды партии. За работу!

Он знал, что в один день всего не добьешься, понимал, что предстоит долгая борьба на месяцы и годы, которая потребует много труда и терпения, но разве вся прожитая жизнь не подготовила его как раз для такой работы? Загоревшись сам, он умел зажигать и людей: так было раньше — в подполье, в Н-ском уезде, на фронте, — так будет и сейчас. В этом не могло быть ни малейших сомнений.

...Однажды в воскресенье Лидума навестил Айвар. Он еще не демобилизовался, но собирался в ближайшее время сменить мундир на штатскую одежду.

— Что мне делать после демобилизации? — спросил Айвар.

— А тебе чего бы хотелось? — в свою очередь задал вопрос Лидум.

— Я хотел бы еще поучиться, но жить на твой счет не могу, значит — надо подумать о работе.

— Поступай на работу — я думаю, что в сельском хозяйстве ты найдешь что-нибудь подходящее, — и заодно устраивайся на заочное отделение Сельскохозяйственной академии. В твои годы это вполне возможно.

— Один мой товарищ демобилизовался вместе с тобой, сейчас он работает в Управлении мелиорации. Он зовет меня к себе. Меня интересует эта область.

— Вот и хорошо. Много не раздумывай, сразу принимайся за дело. Когда-то ты мне рассказывал о Змеином болоте, какие беды оно причиняет крестьянам и что виноваты в этом несколько поколений Тауриной. Вот тебе большая и прекрасная цель, Айвар...

— Одолеть Змеиное болото! — у Айвара заискрились глаза. — Возможно, сейчас это нам по плечу.

— Конечно. Сделай это сообща с другими советскими людьми, искорени зло, которое Тауринь оставил в наследство пурвайским крестьянам. Подумай, что это будет, когда на месте теперешнего Змеиного болота заколосятся поля, поднимутся новые постройки, зацветут сады. Стоит над этим поработать, а?

— Конечно стоит. Я об этом подумаю, отец... Мне сдается, у меня хватит сил и терпения, если ты мне немножко поможешь — вот как в последние два года на фронте.

Лидум улыбнулся, вспомнив, как ему на первых порах трудно приходилось с воспитанием Айвара. Нелегко было отучить сына от спешки и механического зазубривания готовых формулировок, приучить его добираться до самой сущности вопроса. У Айвара в то время еще сохранились иллюзии о возможности примирения различных классов. Яну Лидуму пришлось запастись терпением и постоянно помнить, в какой среде рос и воспитывался его сын. Заблуждения Айвара нельзя было вытравить суровыми замечаниями и нотациями: их надо было выжечь жарким огнем фактов, наглядными примерами, уничтожить мудростью непреложной жизненной правды. До окончания войны Ян Лидум достиг многого в этом направлении, но еще многое оставалось сделать, поэтому и сейчас, после демобилизации, он продолжал заниматься политическим воспитанием сына. В последние месяцы войны Айвар был уже капитаном и командовал батальоном, но отец по-прежнему считал, что ему еще рано вступать в партию.

— Я помогу тебе, как умею, — сказал Лидум. — Но сейчас пора тебе самому крепко стать на ноги и уяснить свою цель в жизни.

— Она мне уже ясна, — ответил Айвар. — Твои цели давно стали моими. От них я никогда не откажусь.

Почти такой же разговор вел Ян Лидум и с Анной Пацеплис, когда пришел срок ее демобилизации. Боевые подруги — снайперы и санитарки

— уговаривали ее не возвращаться к родным.

— Останься, Анныня, в Риге... — советовали они. — Мы поможем тебе найти квартиру и подходящую работу. Здесь ты сможешь учиться, а что там, в своей трущобе, станешь делать? Там и без тебя обойдутся.

Когда Анна рассказала Лидуму об этих советах, он покачал головой и посоветовал совсем другое.

— Здесь, в Риге, обойдутся и без тебя, а вот в той трущобе ты нужна, как воздух. Там нельзя оставлять все по-старому. Кто же будет перестраивать жизнь в твоей волости, если все пурвайские коммунисты и комсомольцы захотят остаться в городе? Тебе и надо заняться этим — за войну партия подготовила тебя к такой работе, и ты вполне с нею справишься. Стыдно будет, если в Пурвайскую волость придется посылать людей из Риги. Ты как думаешь?

— Ты прав... — сказала Анна. — Мне самой очень хочется вернуться домой и работать в родных местах.

— Вот и прекрасно.

Пробыв несколько дней в Риге, Анна уехала в Пурвайскую волость.

За советом к Яну Лидуму обратился и Артур. Он был вторым секретарем укома партии в том же уезде, где работал и до войны. Ильзу недавно назначили заместителем председателя уездного исполкома, и она жила вместе с сыном. За них Ян давно перестал беспокоиться: они стояли на правильном пути и с него не свернут. Навестив их как-то во время служебной командировки, он убедился, что здесь его совет не нужен, и когда племянник заговорил о своих планах, Ян прервал его.

— Раста для коммунизма! — сказал он. — Учись, учись и еще раз учись, Артур, — нам нужны мудрые и образованные люди. Постарайся вобрать в себя все, что дает наука. Я бы на твоём месте стал ученым, чтобы с большей пользой участвовать в строительстве коммунизма. Но мои годы...

Странно звучали слова Яна о его годах: трудно было представить, что этот человек — живое воплощение неустанного труда и творческого порыва — когда-нибудь может состариться.

...В Риге, в одной из редакций газет, работала чудесная девушка Валентина Сафронова — боевой товарищ Артура по партизанским дням. В последние годы войны партизанское соединение получило небольшую типографию и выпускало газету; ее распространяли в оккупированной гитлеровцами Видземе. Участвуя в этом подпольном издании, Валентина приобщилась к журналистике, и эта работа так пришлась ей по душе, что

она полюбила ее на всю жизнь. Этой осенью девушка поступила в двухгодичную школу партийно-советских работников.

Каждую неделю Артур и Валентина писали друг другу, а раз в месяц встречались. Им совершенно ясно было их настоящее и будущее: когда Валентина окончит партшколу, они поженятся. Свои мечты они пока держали в тайне, но люди ведь не слепые: Ильзе нетрудно было заметить, что конверты писем и фотография, которая стояла на столе Артура, надписаны одной рукой и что в сердце сына, рядом с матерью, заняла место еще одна женщина, с которой придется делить любовь Артура. Ильза приняла это спокойно, как естественное и неотвратимое событие в жизни сына, и не досаждала ему любопытством, пока Артур сам не заговорил об этом.

Отношения Артура и Валентины выяснились в тот день, когда партизанский полк встретился с частями Красной Армии и им пришлось расстаться.

— Теперь ты уедешь в Москву, и я больше никогда не увижу тебя... — сказал Артур. — А без тебя мне везде будет неуютно и холодно.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась к тебе? — спросила Валентина.

— Да, очень... Ведь я люблю тебя.

Валентина положила руку на голову Артура и долго гладила волосы, щеки Артура, потом поцеловала в губы и крепко прижалась щекой к его щеке.

— Смешной ты... как же я могу уйти от тебя? Ведь ты же мой, и никому я тебя не отдам.

В Москве Валентина узнала, что отец погиб в великой битве под Сталинградом. Из Лиепайи ему удалось уйти в последнюю ночь перед занятием города гитлеровцами. Получив свидетельство об окончании десятилетки и захватив вещи, сохранившиеся в квартире, она уехала в Ригу и поступила на работу в редакцию газеты.

В середине лета Валентина приехала в гости к Артуру. Знакомя ее с матерью, он сказал:

— Это Валя. Я был бы очень рад, мама, если бы ты полюбила ее, как меня, потому что... я сам ее очень люблю.

Ильзе понравилась эта ясноглазая стройная девушка, и между ними быстро установились простые, дружеские отношения.

— Осмотрись хорошенько, — говорил Артур Валентине, знакомя ее во время прогулки с уездным городом, — сможешь ли ты жить здесь круглый год?

Валентина серьезно посмотрела на него:

— Нет такого места в Советской стране, где мне не нравилось бы жить вместе с тобой. Ты это знаешь, поэтому и не надо говорить об этом. К тому же городок сам по себе приятный и окрестности очень красивые. А чтобы и жизнь здесь стала красивой — об этом надо позаботиться самим.

2

С поезда Анна сошла около полудня. До Сурумов оставалось километров двенадцать. Прошлой ночью здесь прошел сильный дождь; перемонтированная за время войны дорога утопала в грязи, и девушке очень пригодились ее высокие сапоги. В темно-зеленой юбке, в гимнастерке с орденами, медалями и гвардейским значком на груди, в пилотке, с полупустым вещевым мешком за спиной, она не спеша шагала по грязной дороге и внимательно осматривала знакомые места, которые не видела четыре года. Волость лежала в стороне от главных дорог войны, и здесь было сравнительно мало разрушений. По дороге Анна увидела взорванный мост, сгоревший молочный завод и несколько развалин хуторов, которые успели зарости крапивой и репейником. Остальное стояло на своих местах, но за эти годы обветшало, посерело. На пологих холмах виднелись старые крестьянские усадьбы, постройки с замшелыми крышами, покосившиеся и низкие, словно вросшие в землю. На новых, построенных перед войной домах краска вылиняла и местами облупилась, они выглядели обшарпанными и грязными.

Крестьяне косили. Пастушки, в немецких солдатских пилотках, присматривали за сильно поредевшими стадами и провожали любопытными взглядами одетую по-военному девушку. Иногда Айна останавливалась, чтобы посмотреть на усадьбу, фруктовый сад, рощу или перелесок, и, вероятно, в памяти ее воскресали какие-то былые картины: лицо становилось мечтательно-задумчивым, временами она улыбалась и что-то шептала.

Проходя мимо усадьбы Стабулниеков, Анна ускорила шаг, но предосторожность оказалась излишней: никто не выглянул в окно и ни одна собака не выбежала полаять на прохожего — усадьба пустовала.

«Так... — подумала Анна. — Побоялись остаться, когда подходила Красная Армия, удрали с фашистами...»

Она вспомнила, как мальчишки Стабулниека дразнили ее на дороге и стегали крапивой, а Бруно стоял тут же и ухмылялся.

Анна и не заметила, что с ближайшего луга за ней наблюдает какой-то

румяный, круглолицый человек с влажным, полуоткрытым ртом. Когда она подошла ближе, Марцис Кикрейзис воткнул вилы в землю и пошел ей навстречу.

— Послушай-ка... — неловко заговорил он, глупо улыбаясь. — Ты не Анна из Сурумов?

— Да, а что? — Анна посмотрела на парня. — Марцис Кикрейзис?

— Выходит, что так. Ты теперь опять будешь жить дома?

— Что вы сказали? — Анна пристально посмотрела Марцису в глаза.

— Я сказал, ты теперь будешь жить дома? — повторил парень.

— С каких это пор, Марцис Кикрейзис, вы со мной на «ты»? — спросила Анна. — Мы вообще-то разговариваем чуть ли не в первый раз. Вы что — со всеми на «ты»?

— Я не знал, что... вам не понравится. Мне разве трудно сказать «вы»! Хоть десять раз подряд. Знаете, Анна, вы стали еще красивее, чем до войны. — Как все глуховатые люди, он говорил очень громко, почти кричал.

— Не нравится мне, что вы так разговариваете со мной, — сказала Анна. — Прощайте.

— Прощайте... — пробормотал Марцис. Он посмотрел вслед Анне — жадно и самоуверенно. Он не сомневался в том, что Анна в скором времени станет его женой. Тогда она не посмеет сказать, что ей в Марцисе что-то не нравится, и обижаться ей тоже не позволят. «Неизвестно, за что у нее ордена и медали? — опасливо подумал Марцис. — Наверно, очень храбрая... навряд ли побоится меня?»

А Анна, продолжая путь, уже забыла о недалеком парне.

Наконец показались родные места. На холме горделивые постройки усадьбы Урги... кусты, загон для лошадей, старая аллея... а ниже, у самой дороги, серая, приплюснутая, покосившаяся от старости изба Сурумов. Лаяла собака. Где-то за кустами сирени хрюкали поросята. У хлева, несмотря на многочисленные подпорки, в конце концов одна стена обвалилась, и строение напоминало разбитое бурей и выброшенное на берег судно. Посреди двора копошились куры.

За время жизни в Сурумах Анна ничего хорошего не видела, но все же сердце ее забилось чаще, когда она подходила к отчему дому.

Заметив, что какая-то девушка в военной форме свернула с дороги к их

дому, Лавиза крикнула собаке:

— Возьми, возьми, Бобик!

Собака с лаем подбежала к дороге, но тут же умолкла и, радостно прыгая вокруг Анны, проводила ее до избы.

— Перестань, Бобик, — шутливо журила старого пса Анна, а тот не знал, как и проявить свою радость: вставал на задние лапы, пытался лизнуть в лицо, а когда это не удалось, Бобик заскулил так нежно, что девушке пришлось погладить его.

В двери кухни показалось серое, расплывшееся лицо мачехи. Под навесом старой клетки сидел на ступеньке Антон Пацеплис и чинил хомут. Анна подошла к нему и тихо поздоровалась:

— Здравствуй, отец...

У хозяина Сурумов выпало из рук шило, а хомут сполз с колен на землю. Он долго смотрел на Анну, оглядел ее с ног до головы, не зная что делать: радоваться или сердиться? Он не забыл, как четыре года тому назад Анна ушла из дому, не посчитавшись с его запретом. Но тогда обстоятельства были одни, сейчас другие. Антон и Лавиза думали, что больше не увидят Анну, и редко вспоминали о ней; только в последнее время, в связи с посещениями Марциса Кикрейзиса и его планами женитьбы, имя Анны снова стали упоминать в Сурумах. Но никто не пытался представить, что будет, когда она в самом деле появится здесь.

— Здравствуй... — конфузливо пробормотал отец. — Значит, вернулась?

Он встал, вышел из-под навеса и протянул Анне руку.

— Такой бравый солдат, что только держись... Разве ты тоже воевала?

— А как же иначе... — улыбнулась Анна, но тут же лицо ее стало серьезным: здесь никто не собирался отвечать на ее улыбку. Мачеха вышла во двор и издали приглядывалась к девушке. Узнав, она медленно подошла к клетки.

— Что за человек? — заговорила Лавиза. — Не Анька ли? Ну и чудеса — Анька все же объявилась!

— Вы, кажется, ошибаетесь... — сказала Анна, смело и вызывающе взглянув в глаза мачехи. — Аньку ищите в другом месте, а я попрошу вспомнить мое настоящее имя.

— Ой, какая гордая стала! — удивилась Лавиза. — Я, старая, простая баба, теперь и называть ее не сумею.

Подойдя совсем близко, она с назойливым любопытством стала осматривать Анну, все время усмехаясь, но руки не протянула. Анна повернулась к ней спиной и подчеркнуто не замечала ее больше.

— Жан дома? — спросила она у отца.

— Где ж ему быть... — ответил Пацеплис. — Он на лугу... убирает сено.

— Как Бруно?

Пацеплис переглянулся с Лавизой и, ответил, опустив глаза:

— С Бруно стряслась беда... еще в сорок первом году. Он спутался с немцами. Об этом узнали партизаны и... повесили.

Тщетно пытался Пацеплис заметить на лице дочери удивление, сострадание или радость. Анна даже бровью не повела, только проронила:

— Вот как? — и снова спросила: — А Таурини еще в Ургах?

— В Ургах теперь машинно-тракторная станция, — ответил Пацеплис. — Жена умерла еще при немцах, а сам, как фронт стал ближе к Латвии, уехал в город. Наверно, удрал с немцами. Здесь бы ему не поздоровилось. Сына тоже потерял в самом начале войны.

— Айвара? — спросила Анна.

— У Тауриня других ведь не было. Как в воду канул. Потом прошел слух, что его застрелили где-то на большаке.

— В последний раз я видела Айвара недели две тому назад, — сказала Анна. — Он сейчас капитан и командует батальоном в Латышской стрелковой дивизии.

— Приемный сын Тауриней заодно с красными? — Лавиза от удивления всплеснула руками. — Тогда Тауринь зря удрал. Кто бы его сейчас посмел тронуть? Сын — офицер Красной Армии!

— Нет у него сына, — отрезала Анна, — Айвар больше не Тауринь, он носит фамилию своего настоящего отца... Лидума.

— Ну и чудеса... — пожал плечами Антон Пацеплис — Разве родной его отец жив?

— Он заместитель народного комиссара, а на войне был подполковником, — ответила Анна. — Что, отец, моя комнатка свободна?

— Как ты ушла, так все по-прежнему осталось... — вместо Антона ответила Лавиза.

— Могу я положить там свои вещи? — снова обратилась Анна к отцу. Тот посмотрел на жену, развел руками и буркнул:

— Мне что, клади. Комнатенка все равно пустая.

— Там не мыто и не метено с начала войны, — добавила Лавиза. — Если хочешь там жить, берись сначала за воду и веник. С меня и так хватает уборки. Теперь ведь не то, что раньше: если наймешь человека подоить коров, пополоть в огороде, сразу запишут в кулаки и заставят платить большие налоги.

И мачеха, как будто ждавшая удобного случая высказаться, еще долго ругала Советскую власть. Она была недовольна и заготовкой сельскохозяйственных продуктов, и лесозаготовительными работами, и новым председателем волисполкома.

— Неужели не могли назначить в председатели человека получше? — возмущалась Лавиза. — Выбрали Регута — последнего бедняка: ни земли у него, ни скота, ни машин. Весь век только и знал что батрачил.

Анна молча слушала и все запоминала. Ее молчание придавало мачехе смелость, и она совсем расхотелась. Изредка Лавиза обращалась к Пацеплису:

— Разве не так, Антон?

— Так, так... — спешил подтвердить муж. — Нет никакого порядка. Слишком уж большую власть дали этой гольтьбе.

Наконец Анне надоело слушать эти причитания. Она принесла воды, разыскала тряпку, веник и вымыла свою комнату.

Пришел Жан с покоса, и Анна наконец увидела в Сурумах человека, от всего сердца обрадовавшегося ее возвращению.

Брат сразу забросал ее вопросами:

— Расскажи все по порядку, как ты жила в эти годы? За что у тебя ордена и медали? Ты участвовала в битве под Москвой? Сколько фашистов уничтожила своими руками?

— За один вечер все не перескажешь, — ответила, улыбаясь, Анна. — Но ты тоже должен рассказать, как прожил это время при немцах. Что, Жан, отец?., не запачкал себя во время оккупации?

— Он для этого слишком ленив и неподвижен, — усмехнулся Жан. — Жил, как барсук в поре.

— А ты? — Анна пристально посмотрела в глаза брату.

— Я? — Жан задумался. — Не бойся, сестренка, за меня тебе краснеть не придется. Если у меня и нет больших заслуг перед советским народом, то плохого я тоже не делал. А за то, что я делал, правительство наградило меня вот чем... — Он зашел в свою комнатку и минуту спустя вернулся с медалью «Партизану Великой Отечественной войны». — Почти два года был связным в партизанском полку Артура Лидума. Перед тем как прогнать гитлеровцев, полгода прожил в лесу и участвовал в разных операциях.

— Вот это хорошо, Жан... Как я рада, что ты такой. Иначе здесь, в Сурумах, было бы, как в кулацкой усадьбе.

— Отец подпеваает крупным хозяевам, — добавил Жан, — а Лавиза ведь дура и сама не знает, чего ей хочется. Теперь она попытается сделать из тебя батрачку... как раньше. Только ты не допускаяй этого. Пошли ее ко

всем чертям, если будет приставать.

— Мне думается, мачеху удастся переубедить без излишней резкости, — ответила Анна.

Антон Пацеплис ушел спать, Лавиза шмыгнула в комнатку Анны. Так же, как давеча, она все ухмылялась, а ее взгляд ползал по фигуре и лицу Анны.

Наконец она не удержалась и выпалила:

— Скажи, а у тебя жениха нет? Неужели за всю войну так-таки никого и не подцепила?

Анна покраснела и отпрянула от Лавизы.

— Как вам не стыдно... — с укором ответила она мачехе.

— Ну, уж быть не может, чтобы ни с кем не погуляла... — бросила, уходя, Лавиза. — Ну, посмотрим, посмотрим, как пойдет дальше. Только нос-то не очень задирай. Если думаешь испугать меня своими медалями — ошибаешься. Я походных невест не боюсь.

Анне стало ясно, что переубедить мачеху без излишней резкости не удастся. -

«Ну ладно, если хочешь, поборемся... — подумала Анна. — Только ты будешь иметь дело не с запуганной девчонкой, которая жила здесь раньше».

4

Рано утром Лавиза постучалась к Анне:

— Вставай, мамзель, пора коров доить...

Анна поднялась и быстро, по фронтальной привычке, оделась.

«Началось... — подумала она, причесываясь перед карманным зеркальцем. — Лавиза берет вожжи в руки, старается направить мою жизнь по старой колее. Интересно, если дать ей волю, как далеко она пойдет. Как ты думаешь, Анна... — улыбнулась она своему отражению в зеркале, — не попробовать ли? Пусть человек покажет себя до конца; как только станет неспособен, дам ей отпор».

При отъезде из Риги в Пурвайскую волость Анна намеревалась недельку-другую отдохнуть, присмотреться к жизни родной волости, а затем договориться в уюте партии о работе. Девушка хотела узнать, кто здесь работает из коммунистов и советского актива довоенного времени и что случилось с комсомольской организацией. Последний год Анна была ротным комсоргом, поэтому можно было ожидать, что после демобилизации ее пошлют на комсомольскую работу.

Анна вошла в кухню. Мачеха, стоя на коленях перед плитой, пыталась раздуть пламя в отсыревших ольховых сучьях.

— Вот так оно и получается, когда не подсушат, — сердилась она. — Фу... фу... проклятая труха! Шипит да трещит, а гореть не горит. Иди раздуй ты...

Анна разворошила и поправила слишком плотно набитый в топку хворост, зажгла кусочек бересты и положила под сучья. Вскоре языки пламени уже лизали сырой хворост, и он разгорелся сильно и жарко.

— Не забыла еще, шатаясь по фронтам... — удивлялась Лавиза. — Теперь будешь каждое утро растапливать плиту, только сама заботься с вечера о хворосте. А теперь иди подои коров. Работа пустяковая: две ведь только и остались.

Когда Анна вернулась из хлева и процедила молоко, Лавиза велела загнать коров в загон. После этого вся семья стала завтракать. Антон уже встал и выкурил первую утреннюю трубку, а Жан успел с часок поработать на лугу.

— Надо бы навоз из хлева убрать, — проговорил Пацеплис. — С весны не чищено. Скоро жижка будет заливаться за голенища.

— Так чего же? — сказала Лавиза. — Пусть Анна после завтрака беретя за вилы и до обеда вычистит хлев. После обеда надо будет намочить белье.

— Нет ли у вас еще какой работы погрязнее? — спросила Анна. — Такой, что копилась всю войну? Заодно бы все переделала.

— Печная труба давно не чищена, — сказал Пацеплис. — И в бане печь потрескалась — дымит. Надо бы замазать щели глиной.

Лавиза посмотрела на Анну.

— Вот видишь, сколько для тебя работы... Довольно погуляла белоручкой. Теперь снова сама зарабатывай себе хлебушко.

— Да, вижу... — ответила Анна. — Но трубу все же придется чистить кому-нибудь еще, я не трубочист. Не знакомо мне и ремесло печника. Я думаю, трещины в печи замажет сам отец.

— У меня на такие мелочи не остается времени, — проворчал Пацеплис.

— А какие же горы ты будешь ворочать? — спросила Анна. — Пойдешь сено косить?

— Когда же? — усмехнулся Жан. — Пока отвезет бидон молока на молочный завод, пройдет полдня, а тогда уж коса траву не берет.

— Попридержи язык... — Пацеплис, насупившись, посмотрел на сына. — Что ты, молокосос, понимаешь в делах взрослых.

— Я думаю, что вычистить навоз тоже придется или отцу, или тебе, Лавиза... — продолжал Жан, никак не реагируя на замечания Пацеплиса. — Кто накопил, пусть тот и чистит. Анна не для того воевала и не для того вернулась в Сурумы, чтобы работать на лентяев. Она сама знает, что ей делать.

— Ишь, какой адвокат! — зашипела Лавиза. — Говорит, как по нотам. А ты сама что думаешь? Будешь в Сурумах дармоедкой жить или станешь зарабатывать свой кусок хлеба?

— Дармоедкой я никогда не была и не буду, — ответила Анна. — Я не хотела спешить с этим разговором. Думала по крайней мере один день пожить под командой Лавизы, чтобы узнать ее теперешний нрав, но Жан расстроил мои намерения. Да и нечего приглядываться, все и так ясно. Вы, отец с мачехой, забыли одно: жизнь не стоит на месте. Вам обоим кажется, что я сегодня такая же, как была четыре года тому назад, но это грубая ошибка. Я уже не прежняя Анна и никогда такой не буду. Если хотите, чтобы дети не ушли из дому, в Сурумах должны установиться другие порядки и другие отношения. Я, например, никому не позволю сесть мне на шею, и Жан этого не потерпит. Старое больше не вернется, поймите это раз навсегда. Я ни одного дня не пробуду здесь на положении бессловесной рабочей скотины. Твое грубое, вызывающее поведение, Лавиза, оскорбительно, и я прошу никогда больше не разговаривать со мной в таком тоне. А ты, отец, хоть бы на старости лет устыдился и перестал лодырничать. С тех пор как я тебя помню, ты никогда себя не утруждал. Но должен когда-нибудь в доме установиться порядок. Когда-нибудь и хозяину надо начать работать. Мне не трудно убрать навоз из хлева, вычистить трубу и замазать печь в бане, но я не хочу отнимать у тебя, уважаемый отец, положенной тебе работы.

— Антон! — закричала Лавиза. — И ты это допустишь?

— Ты, девчонка, языку воли не давай, — Пацеплис погрозил пальцем. — Не доводи до греха, а то встану да возьмусь за тебя, тогда увидишь, кто распоряжается в этом доме.

— Потише, отец... — сказала Анна. — Если начнешь грозить, может случиться, что и я не промолчу.

— Что ты, котенок, мне сделаешь! — ухмыльнулся Пацеплис.

— Может, ты ответишь на вопрос: почему вы оба с Лавизой в начале войны так старались удержать меня дома? Сколько пообещали вам за это Бруно, Тауринь и другие подлецы?

Пацеплис смущенно уставился в пол. Побледневшая Лавиза кусала губы.

— Да что вспоминать такие старые дела... — пробормотала она. — Антон, чего сидишь — пора ехать на молочный завод.

— Да, пора ехать... — сказал Пацеплис и вышел.

— Ты молодец, Анна... — подмигнул сестре Жан. — Так им и надо.

Он ушел на луг. Анна убрала со стола, перемыла посуду, принесла в кухню дров и воды, затем сказала Лавизе:

— Я уйду на луг помочь Жану.

Лавиза подождала, пока Анна скрылась за углом избы, и, оставшись одна, погрозила кулаками вслед падчерице, обругав ее вполголоса самыми скверными словами. Ругаться так, чтобы слышали другие, она уже не осмеливалась.

Весь день Анна проработала с братом на лугу. В обед и вечером подоила коров, после ужина убралась в кухне и на дворе. Управившись со всем, девушка пошла прогуляться возле Змеинового болота.

С этого дня Анна действовала в Сурумах вполне самостоятельно: делала то, что считала нужным, работала много и усердно, но ни у кого не спрашивала разрешения, если хотела отдохнуть или на часок-другой уйти из дому. И никто больше не решался запретить или навязать ей что-нибудь.

Поздно вечером Анна, глядя из окна своей комнатки на темнеющее, курившееся после захода солнца болото, вспоминала свою давнишнюю мечту. «Теперь, старое болото, скоро кончится твоя власть. Мы, советские люди, заставим тебя отступить...»

Но пока что Анна не представляла себе, как это будет.

5

— Антон, скажу тебе откровенно: никуда ты не годный отец, — заговорила Лавиза однажды вечером, лежа рядом с Пацеплисом на старой кровати. — Никуда не годный. Перед детьми ты как теленок. Что хотят, то и делают, что им нравится, то и говорят в глаза родному отцу, а он только сопит да ворчит себе под нос.

— А что я поделаю? — оправдывался Антон. — Драться со взрослыми людьми? Выгнать обоих из дому? Кто ж тогда будет обрабатывать землю в Сурумах, кто будет пахать, косить? Может, ты, Лавиза?

— Зачем драться и гнать из дому? — удивилась Лавиза. — Надо сделать так, чтобы они исполняли малейшую волю отца и матери.

— Чего тебе, наконец, надо? — спросил Пацеплис. — Тебя сам черт не поймет.

— Чего надо? — Лавиза пожала плечами. — Того же, чего и тебе. Анна окончательно испортилась среди этих солдат на фронте: так бойка на язык стала, что и не думай ее переспорить. Если ей дать волю, она испортит и Жана — придет час, когда у тебя не будет больше ни сына, ни дочери. Этот мальчишка теперь так и норовит сдержит тебе или мне. Если теперь же не обуздать Анну, не ты, не я, а она станет хозяйничать в Сурумах.

— О какой узде ты болтаешь, Лавиза?

— О брачной. Анну надо выдать замуж, найти ей мужа. Жених тут же под носом. Хоть бы Марцис Кикрейзис, — дай только знать, он и ночью прискачет.

— Марцис — парень неплохой, — согласился Пацеплис. — На вид, правда, неказист, но зато какая усадьба, какие поля, да и постройки прекрасные! Дай бог каждой девушке такого мужа.

— Такая походная невеста лучшего и желать не может, — добавила Лавиза. — Радоваться должна, что он возьмет такую.

— Ты, Лавиза, насчет походной невесты немного полегче, — сказал Пацеплис. — Еще нарвешься на неприятности.

— Я ведь только тебе говорю!

— А я не хочу, чтоб про мою дочь всякую всячину болтали. Ты хорошо знаешь, какая Анна строгая, какая она серьезная. Не надо чернить человека ни за что ни про что. Ведь можно обойтись и без этого.

— Понятно — боишься, что Марцис узнает про это и откажется от Анны. Такую невесту он тоже не захочет.

— Лавиза, сказано тебе: перестань! Говори о деле, нечего чепуху молоть. Если Марцис хочет жениться и Анна согласна, я готов хоть завтра сыграть свадьбу. Пусть только Марцис сам придет в Сурумы и ведет себя, как полагается жениху... Пусть сделает предложение Анне, уговорит. Не мне ведь говорить за него.

— Ясно, — согласилась Лавиза. — Пусть Марцис приходит и сам потрудится для себя. А пока он будет любезничать с Анной, я попасу коров, иначе ты будешь беспокоиться, что я расскажу Марцису про похождения твоей дочери.

— Какие похождения? — спросил Пацеплис. — Что ты знаешь? Что ты видела или слышала?

— Видеть и слышать не приходилось, да ведь можно догадываться.

— Ах, вот как? Ты будешь ее позорить только из-за своих подлых догадок? По-про-буй!

Огромная рука Антона Пацеплиса с широко растопыренными

пальцами упала на лицо Лавизы. Пальцы впились в мягкие щеки и до тех пор вдавливали голову в подушку, пока женщина не стала задыхаться.

— Пусти, Антон... — застонала Лавиза. — Задыхаюсь.

— Не будешь болтать?

— Не буду...

— Ну, смотри у меня, змея подколотная...

На следующий день Антон Пацеплис, возвращаясь с молочного завода, остановился возле усадьбы Кикрейзисов и поговорил с Марцисом.

В тот же вечер принарядившийся молодой Кикрейзис пришел в Сурумы. На нем был черный суконный костюм, шею украшал стоячий воротничок с отогнутыми уголками и пестрый галстук, на голове была темно-зеленая шляпа. Весь вечер он увивался вокруг Анны, пытался блеснуть глупейшими остротами и все приглашал пойти погулять.

— В такой вечер нельзя сидеть дома, — говорил он.

— Спасибо за приглашение, — ответила Анна. — Только я сегодня очень устала... Покойной ночи... — и она оставила парня одного посреди двора.

Марцису ничего больше не оставалось, как отправиться домой. На следующий вечер он пришел снова, до того намадив свои светлые волосы, что от него за версту несло бриолином. Но Анна уделила ему лишь несколько минут.

Ни разу Анна не провожала наследника усадьбы Кикрейзисов, хотя он частенько заговаривал об этом.

— Ну как там у вас — все как полагается? — спросил как-то вечером Пацеплис у Марциса. — Обо всем поговорили?

— Куда там... — махнул рукой Марцис — Я каждый вечер собираюсь сказать, да она уходит спать вместе с курами. Только соберусь поговорить, она уже ушла в свою комнату.

— А ты пойди за ней, — посоветовал Пацеплис. — Выспитесь вместе.

— Разве это можно? — усомнился Марцис.

— Попытайся, там будет видно.

На следующий вечер, когда Анна собралась идти спать, Марцис поплелся за ней, собираясь войти в ее комнату, но у самых дверей был оставлен с носом.

— Вам далеко идти... — сказала Анна. — Торопитесь, а то не доберетесь до дому.

— Нельзя ли... остаться у вас? — спросил Марцис.

— Нет, нельзя... — ответила Анна. — И спрашивать так тоже нельзя. На этот раз прощаю, а если еще раз зададите такой вопрос, могут выйти

неприятности.

— Анна, зачем вы так? — Марцис сделал грустное лицо. — Я ведь с вами по-серьезному, по-настоящему... хочу на вас жениться.

— Очень жаль! — воскликнула Анна.

— Отчего жаль? — не понял Марцис.

— А оттого, что я совсем не собираюсь за вас замуж.

— Вы это всерьез? — спросил Марцис.

— Да, Марцис. Вам придется жениться на другой.

Марцис остался с разинутым ртом перед захлопнувшейся дверью.

«Вот тебе и красотка-невеста... — думал он. — Красива, да не для меня. Интересно, кто же меня обогнал? Хотелось бы посмотреть, что он за принц. Может, совсем не так страшен и я с ним справлюсь».

Марцис посоветовался с Пацеплисом. Хозяина Сурумов огорчил отказ Анны: такой состоятельный жених, такая хорошая усадьба — что ей еще нужно?

— Ты, однако, надежды не теряй, — подбадривал он Марциса. — Я поговорю с Анной. Надо разузнать, в чем тут загвоздка. С моей стороны тебе обеспечена поддержка, на меня как на гору надейся!

Но Пацеплису не пришлось поговорить с Анной: утром она объявила, что отдохнула достаточно.

— Уйду из Сурумов и начну самостоятельную жизнь, иначе не отобьешься от всяких Марцисов. Вам тоже будет спокойнее.

— Самостоятельную жизнь... — проворчал Пацеплис. — Как же ты ее начнешь?

— Поступлю на работу, отец... — ответила Анна. — Буду зарабатывать себе на жизнь.

— Надоело месить навоз в хлеву, — вставила Лавиза, — вот и все. Пока не подцепишь мужа, может, и поработаешь, а как придет в дом кормилец, и не заманишь тебя на работу, — попомни мои слова. Самостоятельная жизнь... Ха...

Но Антону не давало покоя другое.

— А как же все-таки будет с Марцисом? — спросил он. — Марцис — человек хороший. Не стоит его водить за нос. Коли да — так да, коли нет — так нет... должна быть полная ясность.

— И так все ясно, отец, — сказала Анна. — Пусть Марцис успокоится. Я ему ясно сказала «нет». Больше ничего не дождется.

— Неразумно ты поступаешь! — воскликнул Пацеплис.

— Слишком уж нос задрала! — добавила Лавиза.

— Анна — молодец! — спокойно сказал Жан. — Мне нравится, что

она отказала Марцису. Я не знал бы куда глаза девать, если бы моя сестра стала жить с таким обормотом.

— Вот так дети, вот так утешение! — издевалась Лавиза. — Ну-ка порадуйся, Антон. Хорошее воспитание! Ни в чем тебя больше не слушают.

Антон молчал и думал: «Хоть бы поменьше болтала Лавиза о моих детях — от ее слов все равно никакого проку».

6

Когда Анна сошла с поезда, лил дождь. Подняв воротники и выбирая места посуше, пассажиры спешили в город, только обладатели зонтов шагали спокойно и уверенно, не обращая внимания на холодные брызги дождя, которые ветер бросал в лицо.

Анна не боялась непогоды: ее шинель видела на своем веку и дождь и снег, да и армейские сапоги достаточно помесили грязь фронтовых дорог. Узнав на вокзале, как найти уездный исполком, она туда и направилась. Анна решила прежде всего зайти к Ильзе Лидум, которая работала там заместителем председателя. Из ее писем Анна знала, что она в эвакуации окончила курсы советских и партийных работников, была зачислена в оперативную группу и вместе с нею, следуя шаг за шагом за советскими войсками, вступила в свой уезд.

Ильза встретила Анну в своем кабинете, из окна которого была видна главная улица городка. В темно-синей юбке, в белой кофточке собственной вязки, красивая и крепкая, она и сейчас выглядела молодо, хотя недавно отпраздновала свое пятидесятилетие.

— Анныня, милая! — воскликнула Ильза, поднимаясь навстречу Анне. — Как хорошо, что ты вернулась домой. Была уже у своих?

Расцеловав Анну, Ильза подвела ее к окну и внимательно оглядела девушку, которую не видела несколько лет.

«Какие прекрасные, рослые дети у этого негодяя Пацеплиса...» — подумала она. А вслух сказала:

— Садись, Анныня, и рассказывай все от начала до конца — как тебя встретили дома, каковы твои дальнейшие планы?

Анна начала рассказывать, но вскоре ей стало ясно, что поговорить здесь с Ильзой не удастся: звонил телефон, все время заходили работники исполкома или посетители, которых нужно было выслушивать. Наконец Ильза сказала:

— Ничего, Анныня, скоро обеденный перерыв. Пообедаем в столовой

и пойдём ко мне на квартиру. Ты ведь сегодня не собираешься уезжать, переночуешь у меня?

— Я приехала поговорить в укоме относительно работы, — ответила Анна. — Мой отъезд зависит от того, когда уком решит это.

— Тогда тебе придется говорить с Артуром. Он второй секретарь \ кома и ведаёт кадрами. Он утром поехал по волостям проверять, как идет уборка, и к вечеру должен вернуться.

В обеденный перерыв они спокойно обо всем поговорили. Ильзе хотелось знать, как встретили Анну в Сурумах отец и мачеха.

— Хорошо сделала, что ушла от них, — сказала Ильза. — Ты уж давно переросла на целую голову семью, и, если останешься там, они будут тянуть тебя назад. А сейчас ты опять станешь самостоятельной и никто не помешает тебе расти.

— Скажи, дорогая Ильза, очень трудно работать на общественной работе?

— Работать *как-нибудь* никогда не трудно, но если хочешь работать *хорошо*, приходится стараться. Вначале, когда брат втягивал меня в общественную работу, мне думалось: пришел мой смертный час, теперь начнутся неудачи, неполадки и все будет надо мной смеяться. Первые недели я очень боялась. Мне казалось, что все видят мое неумение, недостаток опыта, что посетителям я кажусь смешной, потому что не умею разрешить каждый поставленный ими вопрос так, как они хотят. Со временем я поняла, что всех удовлетворить невозможно, потому что многие требуют того, на что не имеют никакого права.

— Ты думаешь, можно привыкнуть к этой работе?

— В этом ты, Анныня, скоро сама убедишься.

— Я хотела бы стать трактористкой и работать на машинно-тракторной станции. Рядом с Сурумами в Ургах организована МТС.

— В твои годы, Анныня, можно всего добиться. Выбери себе такую цель, для достижения которой потребуются не один год, — тогда у тебя будет за что бороться.

Когда Ильза вернулась в исполком, Анна пошла в кино посмотреть фильм о Заполярье. Поздно вечером, вернувшись домой вместе с Ильзой, она наконец встретила Артура. Он уже знал о приезде Анны и с нетерпением ждал ее.

— Жаль, что не удалось встретить тебя в начале войны, — сказал Артур. — Тогда бы ты всю войну провела в нашем партизанском отряде.

— У стрелков тоже было неплохо, — ответила Анна.

— Всюду хорошо, где человек может работать на благо Родины. Но в

партизанском отряде ты бы очень пригодилась.

— Возможно. Но я бы хотела и сегодня пригодиться где-нибудь, поэтому пришла говорить с тобой... товарищ секретарь.

— Работа найдется. Куда тебя больше тянет? В уезд? На партийную, советскую или комсомольскую работу?

— Мне не хочется уезжать из своей волости, — ответила Анна. — Если иначе нельзя, то, понятно, пойду, куда пошлют, но лучше всего работать в знакомых местах.

— Великолепно, Анна! — воскликнул Артур. — Признаться, я собирался рекомендовать тебя на работу второго секретаря укома комсомола, ну, а если ты не претендуешь на город, то пусть комсомольцы подождут еще недельку, пока найдем им второго секретаря. А ты, мой друг, отправишься обратно в Пурвайскую волость и возьмешься за работу парторга. Организуй и выращивай актив, создай крепкую партийную организацию, направь на верный путь молодежь, и тогда с этой силой ты горы своротишь. Как ты на это смотришь?

— Я еще не была на ответственной партийной работе, — сказала Анна. — Справлюсь ли?

— Мы поможем тебе стать на ноги.

— А какие у меня будут обязанности?

— Разъяснять жителям политику партии и советской власти, создать партийную организацию и руководить ею. Сплотить массы, организовать политучебу и еще многое, о чем поговорим после. Только не делай так, как некоторые незадачливые парторги: не пытайся подменять советские и хозяйственные органы и работать вместо них. Контролируй их, помогай им, но предоставь самим работать и отвечать за порученный участок. Не забудь — за тебя работать некому, а уком и ЦК прежде всего поинтересуются, как поставлена партийная работа и политическое воспитание масс в волости. А как хорошо, Анна, быть в самой гуще событий и слышать, как бьется жизненный пульс волости. Знать, что благодаря твоей деятельности он становится правильнее, ритмичнее. Ты увидишь, как отмирает старое, как зарождается и прорастает новое. Ты позаботишься о темпах, чтобы ничто не запаздывало и не начиналось раньше времени. Словно заботливый садовник, ты будешь возделывать и выращивать прекрасный сад, и когда он станет давать богатый урожай, ты скажешь, что в жизни нет ничего прекраснее этого. Понятно, не все потечет тихо и гладко. Встретишь много трудностей, будет напряженная борьба, старое станет сопротивляться до последней возможности, но разве большевики когда-нибудь боялись трудностей?

Анна увлеченно слушала Артура. Чем дольше говорил он, тем больше захватывала ее предстоящая работа.

...Анна прожила в городе еще два дня, пока уком согласовал с Центральным Комитетом ее назначение. Получив все необходимые материалы и документы, она снова вернулась в Пурвайскую волость.

Глава вторая

1

Вернувшись в свою волость, Анна не пошла в Сурумы, а сразу явилась в исполком и разыскала председателя Регута — немолодого, но еще крепкого мужчину с атлетической шеей и коротко остриженными жесткими волосами. За свою жизнь он наработался батраком у Тауриня, Стабулниека, Кикрейзиса и прочих кулаков, поэтому хорошо знал, на каких хлебах держали они своих работников и как жестоко эксплуатировали их. Во время войны Регут эвакуировался, прожил три года в одном из колхозов Алтайского края и там же вступил в партию. В волости он пользовался большим авторитетом.

Регут давно ждал парторга, но ему не понравилось, что на эту должность прислали женщину, да еще такую молодую. Когда на народное собрание придут бородачи и почтенные матери семейств, они посмотрят на молодую девушку с предубеждением, недоверчиво отнесутся к ее словам. Другое дело, если бы парторгом был мужчина в годах или по крайней мере пожилая, рассудительная женщина, которую все давно знают.

Всего в волости было три члена партии, два кандидата и шестнадцать комсомольцев. Актив до сих пор к работе не привлекался, так что интеллигенция волости — учителя, агроном МТС, участковый врач стояли в стороне от новых начинаний. Правда, при волисполкоме было несколько постоянно действующих комиссий, поработала всего одна — сельскохозяйственная. И уж совсем в стороне от общественной жизни стояли женщины волости. Анна сразу увидела, что работы здесь непочатый край.

Она начала с того, что поговорила со всеми членами и кандидатами партии, созвала партийное собрание и составила план работы на три месяца.

Регут был прав: вначале пурвайцы приняли молодого парторга очень сдержанно. Удивлялись, как это направили на такую ответственную работу женщину, копались в ее прошлом, собирали разные сплетни, но ничего особенного не узнали: до войны Анну в волости почти никто не знал. Отец ее, хозяин Сурумов, всегда пользовался дурной славой, его в расчет не брали, посмеивались над ним, как над ленивым, недалеким человеком, кулацким подпевалой, хотя самого его нельзя было причислить даже к

середнякам. Некоторые думали, что у Анны не хватит твердости характера, когда ей придется столкнуться с родственниками.

Анна не обращала внимания на эти толки. Чтобы не терять времени на лишнюю ходьбу, она перебралась из Сурумов в покинутый кулацкий дом по соседству с волисполкомом. В самом исполкоме у нее была небольшая рабочая комнатка, где она принимала посетителей и проводила совещания, но большую часть времени Анна находилась на машинно-тракторной станции, в Народном доме, в школе, на молочном заводе, в крестьянских усадьбах. Анна разыскала старшего агронома МТС Римшу и долго разговаривала с ним о его работе. Выяснилось, что крестьяне недоверчиво принимали различные агротехнические нововведения: ранний сев яровых в короткие сроки, разведение новых технических культур. Многие рассматривали кок-сагыз как обыкновенный сорняк, которому не место на полях Латвии.

— Пожалуйста, подготовьте несколько популярных лекций по этим вопросам, — попросила Анна Римшу. — Я позабочусь, чтобы во время наших лекций Народный дом не пустовал.

Такие же разговоры она вела и с директором неполной средней школы Жагаром и с участковым врачом Зултером. Она добилась того, что культурно-просветительная комиссия заработала, в волости образовали кружок санитарного просвещения. Актив помог обеспечить на всю зиму школу и врачебный пункт дровами и сделать необходимый ремонт. В Народном доме теперь два раза в месяц читались лекции и доклады на научно-популярные и политические темы. Возникли коллективы художественной самодеятельности: хор и драматический кружок. Все больше и больше людей втягивалось в общественную работу, они помогали строить новую, советскую жизнь. Число активистов в Пурвайской волости скоро выросло почти до сотни, и это были самые способные, энергичные люди.

Регут понял, что его опасения относительно Анны были необоснованы. Ободренная первыми успехами, девушка решила, что подошло время поговорить с крестьянами и о более важном.

На одном собрании, где обсуждался вопрос о выполнении хлебозаготовок и осеннего сева, Анна взяла под конец слово и предложила учредить в волости мелиоративное товарищество.

— Мы — советские люди и не можем больше терпеть, чтобы Змеиное болото душило нас и затопляло наши поля и луга! — сказала она. — На кулаков и всяких эксплуататоров мы уже надели намордник. Пришло время надеть его и на проклятое болото.

Энтузиазм, с каким было встречено это предложение, превзошел все ожидания: почти половина пурвайских крестьян выразила желание вступить в мелиоративное товарищество.

Анна поговорила об этом с Артуром Лидумом, Ильзой и председателем уисполкома Пилагом. Везде ее предложение встретили одобрительно. Исполком принял специальное постановление и направил вопрос в Ригу.

Через некоторое время Анна получила извещение, что в ближайшие дни придут специалисты, чтобы выяснить на месте объем работ.

Первый шаг был сделан. Не разрешенный на протяжении нескольких поколений вопрос наконец-то стал в центре всеобщего внимания, и Анна верила, что на этот раз дело кончится не только красивыми словами и пожеланиями: времена были другие и другие люди взялись за дело — люди, которые ничего не бросали на полпути, которых ничем нельзя было испугать, — советские люди, которым все по плечу.

2

Когда в Пурвайской области организовалось мелиоративное товарищество, Антон Пацеплис долго прикидывал, как ему быть: то ли вступить в товарищество, то ли сделать вид, что это его не касается. На всякий случай он посоветовался с Лавизой. Та решила сразу:

— Никаких товариществ нам не нужно. Ты, Антон, еще не рехнулся, не будешь же платить членские взносы за участие в пустом деле? Пусть платят, кому нравится, а мы без всякого товарищества осушим свою землю.

— Одним будет трудно, Лавиза... — попробовал возразить Антон. — Это дело не пустяковое.

— Ничего нам делать не надо, — пояснила Лавиза. — Пусть роют канавы и осушают болото те, у кого прыти много, а мы поглядим со стороны. Когда болото осушат, и в Сурумах земля подсохнет. Ведь не может быть, чтобы вокруг было сухо, а наша земля посредине осталась мокрой, это же не пруд.

— Ну и мудрая ты у меня, прямо Соломон! — восхищенно воскликнул Пацеплис. — Кому нравится, пусть роет и осушает, а пользу в первую голову получим мы.

В волисполкоме он заявил, что не желает вступать в мелиоративное товарищество и пусть его больше не беспокоят: угоды Сурумов как-нибудь обойдутся без канав и каналов.

Не помогли и уговоры соседей.

— Вы меня не стыдите, — резко оборвал их Пацеплис. — На своей земле я могу делать все, что мне вздумается.

— Ты хочешь, чтоб вместо тебя всю работу сделали другие, — упрекали соседи. — Чужими руками собираешься жар загребать. Нечестно, Сурум!

— Тогда не делайте ничего! — выкрикнул обозленный Пацеплис. — Разве я вас прошу, разве я вам велю что-нибудь делать? Сами походили с ума и сердитесь, что я не схожу с ума вместе с вами.

Соседи так и ушли ни с чем.

Когда началась заготовка зерновых, Лавиза дала Антону новый совет:

— Последним дураком будешь, если сдашь государству хоть один килограмм, когда твоя родная дочь сидит, в волисполкоме и заворачивает всеми делами. У Анны не хватит нахальства взяться за отца из-за нескольких мешков зерна. Пусть сдают другие, у кого нет родных в исполкоме.

— Я тоже думаю, Анна оставит нас в покое, — рассуждал Пацеплис. — Иначе зачем я дочь растил.

Получив извещение о количестве и сроках сдачи зерна, Антон спокойно засунул повестку в календарь. Его ничуть не беспокоило и напоминание уполномоченного десятидворки Клуги об истечении первого срока. Пацеплис не спешил с обмолотом нового урожая, а остаток прошлогоднего зерна ссыпал в мешки и спрятал в яму. Когда Клуга снова напомнил ему о задолженности, Антон рассердился:

— Чего ты привязался ко мне? Не видишь разве, что мне неоткуда взять зерно? Когда обмолочу, тогда и сдам.

— Почему же ты не молотишь? — спросил Клуга.

— А кто будет копать картофель да подымать зябь? Сразу все дела не переделаешь.

Через несколько дней Пацеплиса вызвали в волисполком.

Председатель Регут на вопрос Пацеплиса, зачем его вызвали, сказал:

— Зайдите к парторгу. Товарищ Пацеплис хочет поговорить с вами по какому-то важному делу.

«Парторг... товарищ Пацеплис... — Хозяин Сурумов пожал плечами. — Говорит так, будто не знает, что Анна моя дочь. Но если ей что-нибудь нужно, могла бы сама прийти к отцу и поговорить».

Угрюмый, с вызывающим видом, зашел он к Анне. У нее сидели директор МТС Драва и один из учителей местной школы. Они попрощались с Анной и вышли.

— Как живете в Сурумах? — спросила Анна. — Уже весь хлеб убрали и обмолотили?

— Что ж мне, разорваться? — проворчал Пацеплис. — У меня ни молотилки, ни зерносушилки нет. Урожай в этом году тоже такой, что глядеть не на что. Хорошо бы хоть на семена собрать.

Анна усмехнулась.

— Об этом рассказывай кому-нибудь другому, а не мне. Лучше скажи, почему ты не сдаешь зерно? Многие пурвайцы уже сдали государству все что полагается, другие на днях выполняют годовой план, и только мой уважаемый отец держится так, будто это его не касается.

— Слушай, Анна, разве государство обеднеет, если не получит мои триста-четыреста килограммов? Уж ты могла бы избавить родного отца от сдачи зерна. Ну, а коли уж обложила, то хоть норму бы дала пониженную, как бедняку или новохозяину. Не хватает еще, чтоб меня обложили по кулацкой норме. Разве так поступают дети?

— Перед государством мы все равны, — ответила Анна. — К твоему сведению, когда составляли план зернопоставок, некоторые товарищи хотели зачислить тебя в самую низшую группу. К счастью, я узнала об этом и исправила оплошность.

— Вот так счастье! — Пацеплис плюнул. — Удружила ты мне! Чужие люди готовы пожалеть, а родная дочь тебе на шею петлю. Спасибо, доченька, большое спасибо от старика отца...

— Напрасно ты сердисься, отец... — спокойно заметила Анна. — Я не могу допустить, чтобы мои родные не выполняли честно своих обязательств перед государством. Или ты хочешь, чтобы люди указывали на тебя пальцем: вот он, саботажник! Я этого не желаю, и, пока у меня будет хоть малейшая возможность, я не допущу, чтобы ты отставал от других.

— Ну, а если я не сделаю по-твоему? — Пацеплис выпрямился. — Что вы со мной, старым человеком, сделаете? Посадите в тюрьму? Ушлете в Сибирь?

— Я надеюсь, ты до этого не допустишь. Опомнись, отец, не иди по стопам кулаков. Не срами себя и своих детей. Послушайся моего совета и поверь, что я от души желаю тебе добра.

— Откуда вам, молокососам, знать, что мне к добру... — огрызнулся Пацеплис и, не попрощавшись, вышел из комнаты...

— Это все пустые угрозы, — сказала Лавиза, когда Антон рассказал ей о своем разговоре с Анной. — Хотят только запугать, а трогать не будут.

И, решив, что их на мякине не проведешь, они продолжали саботировать. Ни на второй, ни на третий день Пацеплис не повез зерно на заготовительный пункт.

Тогда произошло нечто невероятное: в Сурумы явились уполномоченный десятидворки Клуга, представители заготовительных и финансовых органов и составили акт. Лавиза как тень плелась за Пацеплисом и потихоньку язвила:

— Радуйся, Антон, кого ты вырастил... Вот так счастливый отец!

— Перестань болтать! — рявкнул на нее Пацеплис. — У меня и так черти на душе скребут, а тут еще ты точно тупым ножом...

Жан в это время был в поле. Вернувшись в обед, он увидел уходивших со двора людей.

— Зачем приходили? — поинтересовался он.

— Разорить нас до последней нитки, вот для чего приходили, — ответила мачеха. — Все по милости твоей любимой сестры.

— За что? — Жан сурово посмотрел на отца.

— За то, что не сдали зерно... — ответил отец, глядя в землю. — Им все равно, есть ли у человека зерно, нет ли. Доставай хоть из-под земли и вези на заготовительный пункт, иначе пустят тебя по миру, как последнего нищего.

Лицо Жана помрачнело.

— Знаешь что, отец, с этим пора кончать. Нам и сдать-то надо сущие пустяки. Зачем прикидываться такими бедняками? Если ты сегодня же не отвезешь на заготовительный пункт всю годовую норму, я утром пойду в волисполком и расскажу Регуту и Анне, где ты прячешь рожь и овес.

Взбешенный Пацеплис не находил слов, чтобы ответить сыну. Лицо у него искажилось, глаза готовы были выскочить из орбит, кулаки угрожающе сжимались...

Лавиза прищуренными глазами смотрела на пасынка и, почесывая голову, шептала:

— Весь в сестру. Два сапога — пара.

Как ни горько было Пацеплису и Лавизе, а пришлось вытащить из ямы спрятанные мешки с зерном, сложить их на воз и везти на пункт. Жан помогал грузить, проверил, достаточно ли чистое зерно, — только тогда он согласился поехать на заготовительный пункт. У отца внезапно заболел живот, и он не мог пуститься в этот неприятный путь.

Вся волость узнала об этом. Многие смеялись над тем, как просчитался Антон Пацеплис. Кулаки ругали Анну, зато у жителей волости ее авторитет после этого случая возрос.

Когда Пурвайская волость получила план заготовки и вывоза лесоматериалов, Анне впервые пришлось поспорить с Регутом. Тот хотел распределить план по хозяйствам в зависимости от размера земельной площади; Анна указывала, что прежде всего надо принять во внимание число работоспособных людей и количество лошадей в каждом хозяйстве.

— Какое мне дело, достаточно ли у кулака рабочих рук или нет? — спорил Регут. — Пусть хоть всю зиму работает, пока не вырубит и не вывезет свою норму. У кого больше земли, тому надо больше поработать в лесу.

— Тогда дай Стабулниеку самую высокую норму, а сам тут же позаботься о рабочих, — сказала Анна.

— Речь идет не о брошенных хозяйствах, мы говорим о тех, где хозяин на месте.

— Ну, тогда сделай это с Путринькалном и наперед знай, что план не будет выполнен. В административном порядке ты от этих двух стариков ничего не добьешься.

— Тогда выходит, что нам не подступиться ни к одному кулаку.

— Подступимся, товарищ Регут, только надо делать это, не обманывая себя. Нам надо учесть республиканский опыт. Надо учесть мощностность каждого хозяйства и только тогда давать задание.

— Если мы по такому принципу станем учитывать каждое хозяйство, то до Нового года не распределим плана, а когда же валить деревья и вывозить их из лесу? — сердито проворчал Регут.

— Лучше недельку посидеть и подумать, чем за один день определить на глазок нормы, а потом до самой весны только тем и заниматься что исправлять ошибки.

Распределение плана потребовало нескольких дней. Анне не раз пришлось поспорить с Регутом и остальными членами волисполкома: у каждого были родственники и близкие, хотелось дать им задание полегче. Чтобы показать пример, Анна начала с Сурумов и определила отцу правильную норму, так что никто не мог упрекнуть ее в пристрастии к родственникам.

Когда Пацеплис получил извещение о том, что ему полагается вырубить пятьдесят кубометров и вывезти на станцию тридцать кубометров древесины, он страшно рассердился и на следующее утро прибежал в волисполком к Анне.

— Что на тебя нашло? — без всяких предисловий накинулся Пацеплис на дочь. — Белены объелась, что ли? Как лютей зверь, обращаешься со своими. Пятьдесят кубометров! Понимаешь ли ты, что это такое? Пока Жан это вырубит...

— Почему Жан? — перебила его Анна. — А разве ты не можешь ему помочь? Лавиза одна управится со скотиной. Лесосеки здесь отличные: если будете работать как следует, за две недели вырубите норму, а в следующие две недели один из вас вывезет все на станцию. Как видишь, отец, ничего страшного.

Пацеплис только засопел.

— Ты действуешь, как чужая. Раньше среди родственников такого не случалось.

— А теперь случается и будет случаться впредь. Я никогда не допущу, чтобы моим родственникам делали поблажки. Хорошо, если бы вы с Жаном завтра же взялись за дело и показали пример всей волости — первыми начнете и выполните сезонное задание. Потом можете поработать сверх плана. Ну что тут особенного, если дополнительно вырубите и вывезете кубометров тридцать?

— Ты... ты это всерьез? — Пацеплис задыхался от злости. — Я... сверх плана?

— Почему же нет? Большинство людей нашей волости сделает это. Разве ты хуже других?

— Если ты так рассуждаешь, мне с тобой и говорить нечего! — Пацеплис плюнул и носком сапога растер плевков. — Я пришел в надежде, что мне снизят норму по меньшей мере на треть, а эта полоумная думает еще добавить.

— Значит, не согласен? — спросила Анна.

— Поищи дураков в другом месте! — вспыхнул отец.

— А если Жан согласится?

— Жан? При чем тут Жан? Мне наплевать, что он думает.

— А мне не наплевать, и я обязательно поговорю с ним.

— Попробуй только!

— Твоего разрешения мне не требуется. Тебе бы следовало, отец, помнить, что мы с Жаном уже взрослые и имеем право не спрашивать твоего одобрения.

— А я не позволю Жану в рабочее время идти в волисполком.

— Оказывается, у вас есть еще наемная рабочая сила? Может быть, внести Сурумы в списки кулацких хозяйств? Как ты думаешь, отец?

— Что тут думать... — Пацеплис поднялся. — Когда-то я думал, что у

меня есть дочь. Теперь вижу, что у меня нет больше детей.

— Ошибаешься, отец. У тебя есть дети, и они хотят тебе только добра. А ты все меришь на старый аршин, и поэтому мы еще пока не можем понять друг друга. Но ничего, когда-нибудь найдем общий язык.

— Никогда! Кем был, тем и останусь!

Ничего не добившись, сердитый и смущенный ушел домой Пацеплис.

В тот же день к Анне явился еще один посетитель — Марцис Кикрейзис. Он пожаловался, что Кикрейзисам этой осенью все задания даются такие, что дух захватывает.

— Почему по лесозаготовкам у нас такая норма, как ни у кого? — спрашивал он. — У нас земли не больше, чем у других. Почему такая несправедливость?

— Все правильно и справедливо, — ответила Анна. — В Кикрейжах трое работоспособных и три лошади. Вы всегда держали наемных рабочих, эксплуатировали батраков и наживались вовсю. Потому вас и отнесли к кулакам. Потому и норма такая. Советую не терять времени, а то не успеете вывезти по санному пути на станцию. У вас еще есть вопросы, гражданин Кикрейзис?

— В телеге у меня кадочка масла и половина окорока, — сказал Марцис. — Скажите, куда их положить. Сюда внести или отвезти на квартиру?

— Зачем? Лучше отвезите все это обратно домой. На лесозаготовках самим пригодится.

— Домой везти нельзя, — пояснил Марцис. — Отец велел оставить вам. Ну скажите сами, разве так трудно уменьшить норму на каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят кубометров? Ведь вам стоит черкнуть пером, а мы... мы бы отблагодарили за любезность. Вы не пожалеете... Разрешите внести кадочку?

— Двери там, — показала Анна. — Убирайтесь вместе со своим маслом и окороком. А если еще раз придете ко мне с такими предложениями, я вас отдам под суд за взяточничество.

— Ах, вот ты какая, Анна Пацеплис? — пробормотал Марцис, угрожающе посмотрев на Анну. — Мы тебе это припомним.

Он ушел.

Через несколько дней Анна получила анонимное письмо с угрозами и грязными ругательствами. Ей предлагали изменить курс или убраться из Пурвайской волости. «Если не послушаешься, мы тебя прикончим!»

Недели через две, когда Анна возвращалась вечером домой, в нее выстрелили из придорожных кустов. Пуля просвистела над самым ухом...

В Пурвайской волости до этого времени не было и признаков бандитизма. Теперь стало ясно, что кулаки взялись за оружие. Актив волости мобилизовал силы, чтобы дать сокрушительный отпор врагам.

Однажды вечером к Анне зашел Жан и рассказал:

— Марцис Кикрейзис вчера в лесу хвалился, что отомстит тебе. Грозился сделать что-то такое, что ты будешь помнить всю жизнь. Ты остерегайся этого непутевого.

— Хорошо, Жан... — ответила Анна. — Какие они все же недалекие: хотят запугать нас угрозами. Не запугают!

— Меня тоже... — сказал Жан. — Но и зевать не следует.

Его недавно приняли в комсомол. Анна много занималась политическим воспитанием брата. Она надеялась, что года за два он настолько вырастет, что его можно будет принять в партию. Не обращая внимания на вечное ворчание и упреки отца с мачехой, Жан активно участвовал в общественной жизни волости и часто существенно помогал Анне.

4

В ту зиму Пурвайская МТС получила несколько новых тракторов и много прицепного инвентаря, поэтому машинный сарай в Ургах стал тесноват и надо было подумать о постройке дополнительных помещений. План работы МТС тоже сильно возрос; теперь станция обслуживала десять волостей. В начале 1946 года, после того как правительственная комиссия закончила проверку отремонтированных тракторов и прочего инвентаря, был создан совет машинно-тракторной станции. Директор МТС Драва услышал немало резких замечаний относительно осенних работ и хода ремонта тракторов. Члены совета не скрывали своих сомнений в том, что МТС своевременно подготовится к весенним работам; больше всего было разговоров о доставке и хранении горючего, так как Драва не подготовил хранилища и не запаса бочками.

— Чего вы волнуетесь, впереди еще два месяца, — успокаивал он членов совета. — Время покажет, что делать. Наркомат обещает в начале второго квартала полностью обеспечить нас тарой для горючего. Наркомату-то верить можно, как вы думаете?

Финогенов — недавно назначенный заместитель директора по политической части — о прошлой работе станции мог судить только по рассказам трактористов и крестьян. Впечатление было не очень отрадное.

Олимпийское спокойствие и самоуверенность Дравы сильно встревожили Финогенова.

«Драва — флегматик... — думал он. — Нелегко будет с ним работать... Ну, посмотрим. Каждого человека можно чем-нибудь зажечь. Неужели Драва сделан из огнеупорного материала?»

Оба они были фронтовиками: Драва командовал батальоном в Латышской стрелковой дивизии, Финогенов кончил войну заместителем командира танковой бригады. Драве было лет сорок. Среднего роста, плечистый блондин с круглым красноватым лицом, он походил на многих пурвайских крестьян. Финогенов был лет на пять моложе его, выше ростом и жилистее, с темными, слегка вьющимися волосами.

Под вечер, когда участники заседания совета МТС разъехались по своим волостям, Финогенов вошел в кабинет директора и без всяких обиняков сказал Драве:

— Оба мы бывшие фронтовики, оба отвечаем за одно дело, поэтому поговорим начистоту, без дипломатии и недомолвок. Мне не понравилось твое выступление на сегодняшнем заседании совета. Совсем не понравилось.

— Говори яснее, что тебе не понравилось? — Драва спокойно посмотрел на Финогенова.

— Слишком ты невозмутим, самоуверен, — ответил Финогенов. — Очень ты легко ко всему относишься. Думаешь, если в нужный момент не забудешь о том, что следует сделать, то все само собой сбудется. В жизни не так все просто, товарищ Драва. На каждом шагу чувствуются последствия войны. Мы не все можем достать в нужном количестве и вовремя. Коммунист не должен полагаться на «авось». Он подготавливает успех своей работой, правильной организацией, не дожидаясь чудес и удач. Чем труднее задача, тем беспокойнее должен быть коммунист. В зависимости от силы сопротивления возрастает и сила активного воздействия коммунистов. Иногда достаточно спокойного наблюдения, а иногда надо взорваться динамитом. Если мы хотим вовремя обеспечить себя запасами горючего, правильно разработать маршруты тракторных бригад и не потерять ни одного дня во время весенних полевых работ, у нас много причин для беспокойства. Придется и не поспать, надо поехать по волостям и крестьянским усадьбам, все повидать своими глазами, чтобы к началу посевной не было ничего неизвестного, ничего непредвиденного для любой бригады, для любого тракториста. Представим себе, что завтра доверенная нам воинская часть переходит в наступление. До утра все следует привести в боевую готовность, каждый человек и каждая вещь

должны быть на своем месте. Разве мы можем спать в такую ночь?

— Ладно, Финогенов, давай не спать... — усмехнулся Драва. — Я не боюсь бессонных ночей, но очень опасаясь паники и истерики в работе. Мне кажется, нет ничего более противного и жалкого, чем истерик, который кричит, размахивает руками и нервирует других людей. Такая активность никуда не годится, и от такого стиля работы я категорически отказываюсь.

— Ты думаешь, я истерик? — спросил, улыбнувшись, Финогенов.

— Не знаю, это я увижу со временем, но уж сейчас говорю, что люди с таким характером мне не нравятся, — ответил Драва.

— Вот и хорошо, товарищ Драва. Я тоже не люблю кричать и суетиться, — сказал Финогенов. — В конце концов мы можем договориться без особого труда. Если не возражаешь — возьмемся за дело сейчас же.

— Согласен.

До поздней ночи они просидели с бумагой и карандашом в руках. Все взвесили, еще раз обдумали, часто заглядывая в календарь. Когда положение стало вполне ясным, Финогенов успокоился и начал более оптимистично смотреть на будущее, а Драва стал беспокойнее и нетерпеливее. Никакой беды еще не случилось и все еще можно было сделать вовремя, только нужно было включить в работу весь коллектив и действовать по твердому плану и графику, не упуская ни одного дня.

Они распределили между собой обязанности, условились о том, какие задания дать агроному и главному механику, а на следующий день созвали производственное совещание работников МТС и окончательно договорились обо всем с коллективом. Каждый теперь знал действительное положение вещей, понимал свою задачу в общем деле подготовки к весенним работам.

Через несколько недель, когда Драва и Финогенов объездили весь район и вопрос о хранении горючего не заставлял их просиживать ночами в конторе, в Урги приехал Айвар Лидум. В длинной армейской шинели, с вещевым мешком за плечами и объемистым портфелем в руках, он остановился посреди двора и окинул его долгим, пытливым взглядом. Затем улыбнулся и направился к белому хозяйскому коттеджу, где теперь была контора МТС.

В бывшей охотничьей комнате Рейниса Тауриня его встретили Драва и Финогенов. Драва узнал Айвара и, радостно улыбаясь, поднялся ему навстречу и долго тряс руку.

— Здравствуй, товарищ Тауринь! Хорошо, что не забываешь старых боевых друзей. Наверно, в наши края, на работу? Может, к нам?

Айвар улыбнулся.

— Ты немного отстал от жизни, товарищ Драва, — сказал он. — Я больше не Тауринь и прошу не называть меня чужим именем, которое мне и слышать не хочется. Все мои документы теперь переписаны на мое настоящее имя. Ты ведь знаешь, что подполковник Лидум — мой отец?

— Как же, еще в дивизии узнал, но все привыкли звать тебя Тауринем. Сразу ведь не отвыкнешь. Каким ветром занесло тебя?

Познакомившись с Финогеновым, Айвар снял мешок, положил портфель, сел и, достав из кармана кителя какую-то бумагу, протянул Драве. Заместитель министра сельского хозяйства (народные комиссариаты недавно были переименованы в министерства) предлагал Драве предоставить жилье Айвару и еще двум работникам министерства, которые до осени командированы по особому заданию в Пурвайскую волость. Руководителем бригады был назначен Айвар Лидум.

— А какое задание? — поинтересовался Драва.

— Расскажу потом, — ответил Айвар. — Прежде всего разреши мне устроиться. Где ты меня поместишь?

— Да ведь одной комнаты будет недостаточно? — рассуждал Драва. — Внизу свободна только одна маленькая комнатка, окнами в сад, во втором этаже пока свободны две небольшие комнатки. Посмотри и выбери.

— Себе я возьму нижнюю, — сказал Айвар. Это была та самая комнатка, в которой он долгие годы прожил у Тауриня. Об этом он пока ничего не сказал. Комнатка была в довольно хорошем состоянии. Простая железная кровать, маленький письменный стол, два стула, вешалка для платья и пустая этажерка в углу составляли все ее убранство.

Айвар поставил в угол мешок, спрятал в стол часть бумаг из портфеля и вышел из комнаты. Он зашел в кабинет директора, но там застал только Драву: Финогенов уехал проверить жалобу рабочих одного машинно-коннопрокатного пункта на незаконные действия заведующего.

— Теперь мы можем говорить, сколько душе угодно, — сказал Драва. — До вечера меня никто не потревожит. Давай рассказывай, Тауринь... то есть Лидум, какие горы собираешься своротить?

— Все расскажу, но отложим разговор до вечера, — ответил Айвар. — Чтобы не терять времени, я хочу пойти сейчас в волисполком, повидаться с председателем и парторгом. Мне нужна их помощь. Когда вернусь, буду в твоём распоряжении хоть до утра.

— Ты спешишь, как на пожар или на свидание, — усмехнулся Драва. Вдруг, вспомнив о чем-то, он хлопнул себя по лбу и посмотрел на Айвара с лукавой улыбкой. — Ну, конечно, свидание! Только сейчас дошло до меня.

Ведь ты, кажется, здешний?

— Я вырос здесь...

— Ну да. А парторг тоже из местных жителей. Всю войну прослужила в нашем полку. Незачем и спрашивать, знаешь ли ты Анну Пацеплис. Она сейчас здесь парторгом.

Айвар покраснел и смутился.

— Знаю, — ответил он Драве. — И это хорошо. Она нам во многом поможет при выполнении задания министерства. До свидания, товарищ Драва...

— До свидания, Тау... Лидум...

Драва смотрел в окно вслед Айвару, торопливо шагавшему по двору, пока тот не скрылся за постройками.

«Отчего ты покраснел, когда я упомянул про Анну Пацеплис? — мысленно спрашивал Драва. — Если человек краснеет, значит ему хочется что-то скрыть от посторонних глаз. Молодые люди, хорошие знакомые, боевые товарищи... ничего удивительного, если между ними началось что-то такое...»

Драва вышел и направился к кузнице, где с утра до вечера кузнец грохал по наковальне, наваривая лемеха плугов.

5

Айвар сидел в небольшой светлой комнате на старом, скрипучем стуле и смотрел через письменный стол на милое лицо Анны. Девушка была в темно-синей юбке, в пестром шерстяном джемпере, плотно охватывающем фигуру. Только маленькие высокие сапоги свидетельствовали о ее беспокойной жизни, о постоянных путешествиях по дорогам волости.

Они еще и разу не говорили друг с другом так долго, как сегодня. Анна рассказывала Айвару о своей работе в волости, о первых ростках новой жизни, которые уже взошли и обещали хороший урожай, говорила о яростном сопротивлении кулаков и подкулачников каждому начинанию Советской власти. Только об анонимных письмах и выстреле зимней ночью она не обмолвилась ни словом.

Потом пришла очередь Айвара рассказать все, что он знал про общих знакомых по Латышской гвардейской дивизии: где кто живет, что делает, кто демобилизовался и кто остался в армейских кадрах.

— Ну, а что ты сам делал это время? — спросила Анна.

— Работал и учился, — ответил Айвар. — Сразу после демобилизации

поступил на работу в Управление мелиорации... С прошлой осени учусь на заочном отделении Сельскохозяйственной академии.

— Ты что, хочешь остаться в аппарате министерства, стать кабинетным работником?

— Это меня не прельщает. Я бы с удовольствием перевелся куда-нибудь в уезд, заведующим сельскохозяйственным отделом уисполкома или агрономом. Через некоторое время, возможно, так и сделаю.

— В какой-нибудь уезд, все равно куда... — задумчиво произнесла Анна. — А тебе не хочется работать в родных местах?

— Именно потому я и приехал сюда. Я останусь тут до поздней осени, хотя в другом месте жить мне было бы гораздо спокойнее. Не тащилось бы за мной прошлое приемного сына Тауриня... Никто бы не удивлялся, не попрекал...

— И ты еще думаешь о попреках? — Анна встала, подошла к Айвару и кончиками пальцев коснулась ленточек орденов и медалей, которые в два ряда — по четыре в каждом — были приколоты на его груди, затем погладила золотые и красные ленточки ранений на правой стороне груди и сказала: — Разве они ничего не значат? Если кто-нибудь и начнет болтать о твоём прошлом, пусть посмотрит на них и подумает, за что их тебе дали. Но мне кажется, что ты сам слишком много думаешь о своём прошлом. Напрасно, гляди вперед, Айвар, ведь мы, советские люди, живем для будущего.

— Я пытаюсь это делать, Анна, но не всегда человек может приказать себе.

— Тебе что-нибудь известно о делах Тауриня при немцах и его бегстве?

— Все знаю. Только поэтому я ни разу не приезжал сюда. Теперь... теперь, наконец, я сбросил это грязное, мерзкое имя и вернул себе то, что мне принадлежало с рождения. Сегодня я опять Лидум, Айвар Лидум... и мне не стыдно смотреть в глаза любому человеку.

— Что делает твой отец... подполковник Лидум?

— С утра до поздней ночи в министерстве. В Риге у нас общая квартира, и когда Артур приезжает в командировку, он всегда останавливается у нас.

— Передай ему привет.

— Кому — отцу или Артуру?

— Конечно, отцу, Яну Лидуму... — Анна улыбнулась. — С Артуром я часто разговариваю по телефону. Ты сказал, что останешься здесь до осени?

— Да, буду работать по заданию министерства вместе с небольшой бригадой.

— Ваше задание — большой секрет?

— Об этом секрете я как раз и пришел посоветоваться. Мне нужна будет твоя помощь.

— Я слушаю, Айвар.

— Речь идет о подготовке проекта осушения Змеинового болота... — начал Айвар, серьезно глядя на Анну. — Министерство поручило нам произвести изыскательские работы на самом болоте и на прилегающей местности. До осени надо подготовить все необходимые материалы для технического проекта, чтобы будущей весной приняться за дело и наконец начать решительную борьбу с самим болотом.

— Чудесно, Айвар... — глаза Анны заблестели. Глубоко взволнованная, счастливая, она снова подошла к Айвару, схватила его руку и долго держала в своей. — Ты просто молодец, что берешься за такое дело. Ведь это моя давнишняя мечта. И теперь, я знаю, она исполнится. Спасибо. Желаю тебе всяческих успехов. Буду тебе помогать изо всех сил.

— Мне и сегодня нужна твоя помощь, — сказал Айвар.

— Слушаю, я в твоём распоряжении, — отозвалась Анна и снова села за стол.

— Мне хотелось бы по возможности скорее получить следующие материалы: какие крестьянские хозяйства хотят участвовать в этом начинании, какими материальными средствами, рабочей силой и транспортом располагает местное мелиоративное товарищество?

— Хорошо, Айвар. Все эти сведения ты скоро получишь. Это все?

— Пока все. Потом я буду беспокоить тебя чаще, но самая большая помощь потребуется следующей весной, когда начнем рыть канавы и каналы.

— Жаль, что тебе не требуется этой большой помощи сегодня. Но, может быть, это и лучше: я надеюсь, что к следующей весне в Пурнайской волости будет по крайней мере один колхоз.

— Тогда берегись, Змеиное болото! — засмеялся Айвар. — То, о чем не могли договориться несколько поколений единоличников, колхозники сделают в один год. Мельница на Раудупе нам уже не помеха.

Айвар был счастлив. Его радовал живой интерес Анны, блеск ее глаз, выступивший на щеках девушки румянец.

— Я буду тебя ждать на следующей неделе, — сказала Анна. — Нужные материалы начну собирать сейчас же.

...Вскоре после ухода Айвара к Анне пришел Жан и сказал, что

поступает на работу в МТС. Директор Драва говорит, что к следующей весне тракторный парк увеличится вдвое и нужно будет много новых трактористов.

— Зимой поступлю на курсы и научусь работать на разных сельскохозяйственных машинах, — сказал Жан. — Не буду же я всю жизнь ходить за однолемешным плугом.

— Правильно сделаешь, — сказала Анна. — Тебе нужно учиться. В самом недалеком будущем жизнь поставит перед нами совершенно новые требования. Если мы не будем вооружены знаниями, то не успеем за жизнью.

— Я стану учиться, Анна, больше не буду зря растрачивать свои силы в Сурумах. С меня хватит.

Анна посмотрела на брата ободряющим, полным гордости взглядом.

Глава третья

1

Рейнис Тауринь с лета 1944 года жил в Курземе, в глуши Кулдингского уезда. Усадьба, где он нашел приют, находилась в малонаселенной местности, недалеко от большого бора. Хозяин — бывший браковщик леса Пликшкис — знал Тауриня с давних времен. Когда Тауринь поздним июльским вечером явился в это уединенное место, Пликшкис ничуть не был озадачен. Не удивило его и то, что у хозяина усадьбы Урги в паспорте теперь стояло новое имя — Альберт Кампар — и что лицо его обросло густой седеющей бородой, которая сильно изменяла его внешность. Если принять во внимание непрерывное продвижение Красной Армии к восточным берегам Балтийского моря и некоторые примечательные факты в биографии Рейниса Тауриня, то следует признать, что он поступил предусмотрительно, не оставшись в Пурвайской волости. Он не был единственным в своем роде — вся Курземе в то время кишмя кишела всякими приезжими, поведение которых в годы немецкой оккупации было не безупречным. Пликшкис заявил в волостном правлении, что Альберт Кампар — близкий родственник его жены и очень несчастный человек: вся семья его погибла во время бомбежки, а усадьба сгорела со всем скотом и прочим добром. Когда после капитуляции немецкой армии часть беженцев пустилась в обратный путь к своим родным местам, Кампар остался у Пликшкиса.

— Что мне, старику, искать в разоренном углу... — вздыхал Тауринь. — Только сердце будет обливаться кровью, глядя на развалины. Если бы еще остались какие-нибудь родственники... Так и засохну, как старое дерево, здесь, в Курземе.

Он помогал Пликшкису по хозяйству, работал немного во время сева, пас скот и, как близкий «родственник», ничего не требовал, кроме пропитания и крова. Из усадьбы Тауринь никуда не отлучался, а если к Пликшкису заглядывали незнакомые люди, он прятался в свою комнату и не показывался, пока чужие не уходили. Положение было не из приятных, да и в будущем оно не сулило ничего хорошего, поэтому Тауринь часто ходил мрачный. Уезжая из усадьбы, а позже — из Риги, он лелеял совсем иные замыслы, но из них ничего не вышло. Виноват в этом отчасти был он сам. В последнюю военную зиму не одна моторка, не один рыбацкий

карбас добирались до Готланда и Швеции, и Тауриню неоднократно представлялась возможность удрать, но он надеялся, что гитлеровские дивизии удержатся в Курземе до лета (в теплое время путешествие по морю было бы легче и безопаснее). Но когда потеплело, об отъезде думать было поздно.

В воскресенье Тауринь проснулся несколько позже обычного. Первым делом он растворил маленькое, старинного фасона оконце и долго глядел на запущенный яблоневый сад и опушку леса, темнеющую тут же, за озимым полем Пликшкиса.

«Вот и сиди у моря и жди погоды, — думал он. — А чем плохо жилось бы мне теперь в Швеции? Никто бы не стал спрашивать, что я делал при немцах. Страдалец-политический эмигрант... Моя ненависть к большевикам помогла бы мне обзавестись друзьями в имущих кругах. Я был бы полезен англичанам и американцам. Мною интересовались бы, обо мне бы заботились. А когда начали бы составлять из эмигрантов новое правительство Латвии, вспомнили бы и про Тауриня, и я стал бы если не министром, то во всяком случае вице-министром или директором департамента. Прикатил бы в Урги в черном лакированном автомобиле и блеснул бы перед соседями... Знаменитый Тауринь! Государственный муж, его превосходительство».

«Его превосходительство» мечтал у окна, прислушиваясь к щебетанию птиц и задумчиво поглаживая бороду, которая, как комок пакли, щекотала шею. Надоело ходить таким неряхой, не мешало бы побриться: борода старит, и всегда кажется, что лицо нечисто.

— Тьфу... — Тауринь плюнул за окно и стал одеваться.

Семья хозяина уже позавтракала, поэтому Тауриню пришлось есть одному. Пликшкис смотрел, как ест гость, потом, подождав, пока жена уберет со стола, подсел к Тауриню и тихонько сказал:

— Около полудня вам надо сходить в лес. Вас хотят видеть. Есть что-то важное для вас.

— Так, так... — тихо ответил Тауринь. — Придется пойти. Как у них там, все по-старому? Никто ничего не пронюхал?

— Кто их там пронюхает... — пожал плечами Пликшкис. — В наших местах они ничего не делают. Вся музыка разыгрывается по другим волостям.

— Правильно делают, — сказал Тауринь. — Цыган тоже никогда не ворует в усадьбе, где живет. Почему же наши будут глупее.

— Значит, около полудня... — еще раз напомнил Пликшкис, поднялся

и вышел из комнаты. Тауринь немного помешкал за столом, поковырял в зубах спичкой, потом вернулся в свою комнатку и часа два провалялся в постели.

«Наверно, что-нибудь важное, — по пустякам в лес не вызвали бы, — думал он. — Хорошее или плохое? Может быть, задание? Но чем я могу помочь в теперешнем положении: нет у меня больше ни той власти, ни той силы, что в былое время. Как птица с подрезанными крыльями: хочется летать, а не могу. Может, кто-нибудь пронюхал про меня, и друзья хотят предупредить? Тогда придется переселиться в лес. Наверно, и для меня найдется винтовка или автомат, стрелять Рейнис Тауринь еще не разучился... А если будет винтовка, найдется и в кого стрелять».

С самого окончания войны Тауринь держал постоянную связь с лесом.

В банде, которая скрывалась в местных лесах, был кое-кто из старых знакомых Тауриня — бывших однополчан айзсаргов. Банда действовала активно: совершала террористические акты, стреляла, поджигала, грабила, а Тауринь до сих пор ничем особым помочь им не мог, только когда милиция прочесывала лес, он хорошо спрятал двух бандитов.

«Нельзя, чтобы такой видный человек — командир айзсаргов и деятель «Крестьянского союза» — отлеживался на печи, пока другие, мелкие сошки, действуют с оружием в руках. Когда подойдет наш день и будут делить добычу, свои же будут задавать неприятные вопросы и бросать тень на Тауриня. Надо действовать, дальше так продолжаться не может», — решил он.

Надумавшись и в досталь навалявшись в постели, Тауринь незаметно выскользнул из дому, на всякий случай взяв с собой уздечку: если встретится в лесу нежелательный человек, можно сказать, что разыскивает пропавшую лошадь Пликшкиса.

Тауринь вошел в темную и сырую чащу, наполненную птичьими голосами и запахом прели. В полуверсте от опушки леса на старом пне сидел человек, сам похожий на большой серый пенёк. Заметив Тауриня, он поднялся и пошел ему навстречу.

— Здравствуйте, господин Тауринь...

— Здравствуйте, господин Стелп...

Тауринь пожал руку бывшему офицеру связи айзсарговского полка и выжидательно замолчал.

— Что нового на свете? — заговорил Стелп. На нем был обтрепанный немецкий офицерский мундир без знаков различия. Из-под него выглядывал ствол спрятанного автомата.

— Ничего особенного, — отвечал Тауринь. — А я думал, что вы

сообщите мне что-нибудь интересное. Живу, как барсук в норе, ковыряю землю Пликшкиса... только и радости, что по вечерам послушаю по радио «Би-Би-Си» и «Голос Америки».

— М-да... теперь события поворачиваются в нашу пользу... — пробормотал Стелп. — Недолго придется ждать, скоро грянет. Трумэн затягивать дело не будет, и Черчилль тоже не из медлительных.

— Дай бог, дай бог... — отозвался Тауринь. — Вашими устами да мед пить.

— Устами Трумэна, хотите вы сказать, — Стелп усмехнулся.

— Можно и так, — согласился Тауринь. — Ведь на него сейчас вся наша надежда, вроде как на господа бога. Без него мы все равно что парусник в штиль посреди океана.

— Скоро задует настоящий ветер, и наш корабль быстро достигнет обетованных берегов, — с таинственным видом сказал Стелп.

— Так, так... значит, кое-что известно? — не удержался Тауринь.

— Два дня тому назад я встретился с резидентом...

— Ага, с тем самым баптистским проповедником, господин Стелп?

— Так точно, но об этом не следует говорить. Мы обсудили все вопросы, и ситуация сейчас вполне ясна. Новая война неизбежна, потому что она необходима и потому что у нас есть атомная бомба.

— У нас? — удивился Тауринь.

— У мистера Трумэна, а это все равно, что у нас. Получил новые инструкции. Нам надо активизироваться, развернуть деятельность вширь и вглубь. Вербовать кого только можно, проникать в органы власти большевиков, в хозяйственные организации, в партию и армию. Саботаж, вредительство, террористические акты и беспрестанная разведывательная работа — вот наша теперешняя задача. Поэтому я и встретился с вами.

Тауринь молчал и терпеливо ждал продолжения.

— Надо использовать каждую возможность, каждую Щель, через которую можно пробраться в лагерь противника, — продолжал Стелп. — Обстановка благоприятная. Каждый разумный человек захочет сегодня помочь нам и обеспечить себе хорошую будущность, когда вспыхнет новая война. Вы понимаете?

— Гм, да...

— Будет золото, будут и солдаты. Результат яснее ясного. Господин Тауринь, сам резидент назвал мне ваше имя. Вы нашему делу можете оказать большую услугу.

— С удовольствием... все, что в моих силах... на все готов. Но сами понимаете — моя деятельность при Ульманисе... и при немцах... Пролетзь

куда-нибудь будет нелегко. Сразу раскроют и предадут суду.

— Вам никуда не надо пролезать, — сказал Стелп и пристально посмотрел в глаза Тауриню. — Уже пролез кто-то другой, а вы помогите сделать так, чтобы он работал на нас и выполнял наши указания. Ясно?

— Пока ничего не ясно, — смущенно ответил Тауринь.

Тогда Стелп произнес, не спуская взора с лица Тауриня:

— Господин Тауринь, ваш сын Айвар нашелся...

— Айвар жив! — воскликнул Тауринь. — Жив? Господин Стелп, вы это точно знаете? — от волнения он схватил за локоть Стелпа и до тех пор тряс его, пока бандит не оттолкнул руку Тауриня.

— Да, жив, я это знаю точно. Он воевал в Красной Армии и кончил войну капитаном, командиром батальона. У него несколько орденов.

— Айвар! — воскликнул Тауринь, как будто его поразили в самое сердце.

— Конечно он... — усмехнулся Стелп. — И это очень выгодно для нас. Ваш сын пользуется доверием коммунистов. Он сейчас демобилизовался и работает в Министерстве сельского хозяйства, составляет проект осушения Змеинового болота. Его настоящий отец, Лидум, — заместитель министра, а двоюродный брат — секретарь партийного комитета нашего уезда.

— Уговорили мальчишку, переманили... — стонал Тауринь. — Труды всей моей жизни пошли прахом. Спустят воды в Даугаву, и тогда прощай моя мельница. Это сумасшествие!

— Ничего не пошло прахом, господин Тауринь... — улыбнулся Стелп. — Вам только надо переманить его обратно к нам, и тогда у нас будет один из самых полезных агентов в лагере противника. У него безусловно сохранились кое-какие привитые вами взгляды. Играйте на этих струнах. Мы, со своей стороны, поможем. Если он не круглый идиот, то поймет, за кого ему держаться. Чего не добьетесь словами, то сделают американские доллары. В худшем случае в нашем распоряжении будет целая куча таких фактов, которые припрут его к стене и заставят работать на нас, даже если он этого не захочет.

— Шантаж? — прошептал Тауринь.

— Если надо будет, то и это, — ответил Стелп, — Но я думаю, нам не придется пускать в ход такие сильные средства. Я довольно хорошо знаю вашего сына и уверен: он поведет себя разумно.

— А что мне сейчас делать?

— Сегодня же напишите Айвару письмо. Наш человек доставит его. Тот же человек поведет с ним все переговоры и... завербует.

— Но что ему написать? — Тауринь недоумевающе потирал лоб. — Могу я обещать ему что-нибудь? Вы меня уполномочиваете?

— Если хотите, я помогу написать письмо, — сказал Стелп. — Пойдемте, господин Тауринь, подалее в лес.

Усевшись на ствол поваленного бурей дерева, они сообща сочинили письмо. Первоначальное смущение Тауриня быстро прошло. Вернувшись в усадьбу Пликшкиса, Тауринь казался вполне спокойным, бодрым, полным энергии.

2

Айвар Лидум каждый день дотемна работал со своими людьми на Змеином болоте и на прилегающих к нему крестьянских землях. Карту местности с рельефом болота сняли раньше по найденным в уездном архиве и в министерстве материалам, но они оказались очень неполными, и по ним нельзя было составить проект мелиоративных работ. Недостаточно знать уровень заболоченной местности и главные, уже существующие и возможные стоки, — надо было получить полное представление о водном режиме района, свойствах почвы и окончательных размерах площади, подлежащей мелиорации, поэтому предстояла большая и сложная исследовательская работа.

По материалам, которыми располагала бригада, Айвар спланировал маршруты разведывательных работ. Для наглядности Айвар сделал даже довольно большой Макет, который стоял на отдельном столе в его комнате.

Змеиное болото напоминало огромную неглубокую ложбину, края которой местами были на одном уровне с болотом, местами — немного выше, и только южнее болото упиралось в полосу песчаных холмов. Они, как созданный самой природой вал, подымались на несколько метров выше заболоченной местности. Километрах в двух к западу находилось озеро Илистое, откуда избыточные воды стекали в небольшую речку. Со стороны Пурвайской волости самой близкой водной артерией была речка Инчупе, ее ближайшие извилины проходили километрах в шести от юго-восточного края Змеиного болота. Речка Инчупе впадала в один из притоков Даугавы. Если бы главный магистральный канал соединился с озером Илистым или речкой Инчупе, задача все равно не была бы решена, пришлось бы углублять и расчищать русло обеих речек на протяжении многих километров. Да и тогда значительный северный участок Змеиного болота остался бы в стороне, а именно с него-то, по рассказам стариков, и

началась вся беда — заболачивание местности. Этот конец болота можно было осушить, только пожертвовав плотиной старой раудупской мельницы: тогда бы понизился уровень воды в речке повыше мельницы. Раньше этого нельзя было сделать из-за упрямства и скардности Рейниса Тауриня. Сейчас мельница принадлежала сельскохозяйственной кооперации, но окрестные крестьяне возили молотье зерно на паровую мельницу, и только ближайшие хозяйства еще пользовались старой водяной мельницей. Если бы уровень воды в реке понизился, достаточно было бы двухкилометровой отводной канавы от края болота до русла реки, и окрестности болота вновь приняли бы свой прежний вид. Именно здесь и следовало искать разгадку тайны возникновения Змеиного болота.

«Здесь находится ключ от главных ворот, — думал Айвар. — Старый Тауринь и его сын Рейнис долго хранили его у себя, но теперь он в наших руках».

Целыми днями бродил Айвар в высоких резиновых сапогах по трясине, исследовал рельеф местности и дно болота. Местами он находил остатки строений, свидетельствовавшие о том, что здесь когда-то жили люди и колосились нивы. Айвар, усталый, забрызганный грязью, но счастливый, приходил вечером домой. Макет, стоявший на столе в его комнате, постепенно оживал. Огромное болото казалось уже чем-то целым, органическим, как живое существо — злое и безжалостное; теперь человек знал, как оно возникло, знал и как с ним покончить.

Работа предстояла большая — надо было прорыть восемнадцатикилометровую главную магистраль, около пятидесяти километров коллекторов, а общая протяженность мелкой сети — обычных канав — должна была достигнуть сотни километров. Таким образом, человек отвоевал бы у болота около восьмисот гектаров земли и столько же заболоченных, обреченных на гибель полей и лугов. Результаты должны были сторицей возместить затраченный труд. Айвар познакомил Анну с итогами работы бригады, и все, что они сегодня знали и могли предвидеть, уже казалось Анне большой победой.

...Однажды, когда Айвар, отойдя от товарищей, оказался на узкой тропинке посреди болота, он встретился с незнакомым человеком. Среднего роста, худощавый, это был мужчина лет тридцати, одетый, как большинство окрестных крестьян, в серую полусуконную домотканую одежду; на ногах у него были яловые сапоги, а на голове — фуражка немецкого армейского образца. Айвар заметил его, только когда человек очутился шагах в десяти от него.

— Добрый день... — поздоровался прохожий.

— Здравствуйте... — ответил Айвар и посторонился, чтобы он прошел мимо. Но незнакомец не собирался проходить. Он остановился и пристально посмотрел на Айвара.

— Вы не Айвар Тауринь? — заговорил он.

— Нет. Я — Айвар Лидум, — ответил юноша.

— Это одно и то же, — усмехнулся незнакомец. — Я вас разыскиваю. Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

— Со мной? — удивился Айвар.

— Да, с вами... по очень важному делу.

— Кто вы такой? — спросил Айвар.

— Скажу потом... когда переговорим.

— Но, простите, я совсем не намерен разговаривать с незнакомыми людьми... Как ваше имя? — строго спросил Айвар.

— Мои имя и фамилия вам ничего не скажут, — пояснил тот. — Вы никогда обо мне не слышали. Гораздо больше скажет вам это письмо, которое шлет ваш отец... Рейнис Тауринь. Прочтите его, потом продолжим разговор.

Незнакомец протянул Айвару обыкновенный голубовато-серый конверт, какие продаются во всех почтовых конторах. Айвар сразу узнал острый, несколько неровный почерк Рейниса Тауриня с необычно жирными заглавными буквами и опускающимися окончаниями слов. Письмо было написано простым карандашом.

— Вон как, вы знакомы с Рейнисом Тауринем? — пробормотал Айвар, взглянув искоса на незнакомца.

— Знаком... — ответил тот. — Прочтите письмо. А я пока выкурю папиросу.

3

Айвар прочел следующее:

«Где-то в Латвии, май 1946 года.

Сердечно приветствую тебя, мой сын Айвар!

Большую радость и глубокое удовлетворение принес мне этот день: теперь я снова знаю, что ты жив и ходишь по родным полям и лесам. Ты счастливее меня, так как можешь жить в родных местах и работать на избранном поприще, в то время как я волей судьбы принужден кочевать по чужбине и могу только с

тоской вспоминать наш любимый уголок, которому посвятил лучшие годы своей жизни. Вероятно, до тебя дошли всевозможные сплетни о моей деятельности во время немецкой оккупации. Люди завистливы, недоброжелательны и с удовольствием болтают дурное о своих ближних. Но не верь им, ибо они не хотят добра ни тебе, ни мне. Я всегда старался делать добро и при немцах поступал только так, как поступил бы настоящий латыш. На моем месте ты поступал бы так же. Когда человек больше не может распоряжаться собой, он приспособливается. Я приспособливался — вот и вся моя вина, которую теперь не хотят простить те, кто властвует в Латвии. Ты всю войну находился в других условиях и тоже приспособливался. Я отнюдь не собираюсь упрекать тебя за это. Наоборот, ты заслуживаешь всяческой похвалы и одобрения, с волками жить — по-волчьи выть. Ты добился в этом отличных успехов. Хорошо, что ты заслужил их доверие, высокие награды и звание капитана. Сохрани это доверие как можно дольше, пока оно будет нам нужно. В твоём теперешнем положении ты можешь принести больше пользы нашему делу, чем я, находясь в лесу вместе с такими же пасынками судьбы. Человек, который передаст тебе мое письмо, заслуживает всяческого доверия. Он расскажет, что надо делать, чего от тебя ждем и какие поручения тебе надо выполнить в ближайшее время: С ним ты можешь быть вполне откровенным, а его указания принимай как директивы, так как он является представителем высшего руководства нашего движения. Через него ты можешь послать мне ответ.

Дорогой Айвар! Желаю тебе большой выдержки и крепких нервов, ибо именно это больше всего необходимо в теперешней сложной борьбе. Действуй смело, твои услуги не забудутся. Мы победим, и ты станешь одним из тех, кому будут принадлежать власть и почет в нашем будущем государстве. Обнимаю тебя и осеняю отцовским благословением. С нетерпением жду твоего ответа. Не забудь рассказать, как теперь в Ургах и в Пурвайской волости. Скоро мы опять встретимся. Остаюсь с наилучшими пожеланиями, твой любящий отец

Рейнис Тауринь.

P. S. По понятным тебе причинам я пока не могу рассказать

подробнее о своей жизни и своем местопребывании, но не это сегодня самое важное. Важно — единство наших мыслей и стремлений. И еще вот что, Айвар: работая над проектом осушения болота, не забудь про нашу мельницу. Со временем она будет твоей, поэтому позаботься, чтобы ей всегда хватало воды.

Р. Т.».

Чувствуя, что незнакомец все время наблюдает за ним, Айвар читал письмо, стараясь ничем не выдать своих чувств. Его бывший приемный отец до сих пор мерил всех людей на свой аршин. Каждая строчка этого письма показывала, что у него не было ни малейшего представления о тех переменах, которые произошли за пять лет в сознании Айвара. Приспособленчество, военную хитрость, циничный расчет — вот все, что он увидел в действиях своего приемного сына. Он был убежден, что все люди руководствуются теми же побуждениями, той же ненасытной алчностью, что и он сам. Однако при всей своей хитрости он был большим простаком. Над его самомнением можно было посмеяться, но цинизм, бесстыдство его предложений привели Айвара в такое негодование, что он выругался бы и затоптал письмо в грязь, если бы за ним не наблюдали. И Айвар взял себя в руки. Словно задумавшись, он невидящим взором уставился вдаль и тихо вздохнул.

«Надо посмотреть, далеко ли они зайдут в своей наглости и что им нужно...» — думал Айвар и, повернувшись к незнакомцу, спросил:

— Вы знаете содержание письма?

— Знаю...

— Готов вас выслушать, — сказал Айвар.

— То есть как? — незнакомец немного смутился.

— В письме ничего конкретного не сказано, — сказал Айвар, — только так, в общих чертах. Отец пишет, что вам можно доверять и что от вас я получу более подробные указания.

— Итак, вы согласны? — незнакомец подошел ближе к Айвару и пристально посмотрел ему в глаза.

— В зависимости от того, что вы от меня потребуете и будет ли это мне под силу, — ответил Айвар, спокойно выдержав взгляд незнакомца.

— Никто не потребует от вас невозможного, — заговорил тот. Затянувшись последний раз, он бросил папиросу и торопливо продолжал: — Я знаю о вас все. Как человек интеллигентный, вы, по-моему, правильно оцените историческую ситуацию. Мы находимся накануне решительной

схватки двух миров. Эта борьба неизбежна и необходима, и об исходе ее двух мнений быть не может, так как на нашей стороне экономический и военный перевес и атомная бомба. Закон борьбы беспощаден. Среднего пути, нейтралитета нет и быть не может. Оставаясь с большевиками, вы обрекаете себя на неизбежную гибель. Становясь в наши ряды, вы обеспечиваете себе перспективу на будущее, к тому же на блестящее будущее.

— Вы можете обойтись без этой агитации, — усмехнулся Айвар. — Скажите, что я должен делать?

— Тем лучше... — усмехнулся в свою очередь незнакомец. — Тогда мы быстро столкнемся. Итак, я могу говорить о деле?

— Это будет самое целесообразное, — отозвался Айвар.

— Ладно. Первая часть ваших обязанностей уже указана в письме: вам надо как можно дольше сохранить свое теперешнее положение. Оставайтесь на службе и для вида выполняйте свою работу усердно. Если вас захотят выдвинуть на более ответственную работу, не возражайте. Делайте карьеру, подымайтесь вверх, только обо всем информируйте нас и в каждом случае действуйте по нашим указаниям. Как я вам уже сказал, для вида работайте усердно, а по существу вы должны быть тормозом, ржавчиной, разъедающей детали механизма. Сейчас вы заняты проектом осушения болота. Не спешите закончить его, затягивайте подольше, пусть он подороже обойдется государству и пусть население не так скоро получит от этого пользу. Когда больше нельзя будет тянуть, заканчивайте проект, но так, чтобы в нем был какой-нибудь существенный изъян: с одной стороны, чтоб болотная вода уходила отсюда, с другой — чтоб возвращалась окружным путем обратно в болото. Вода будет нужна вашей же мельнице. При таком сложном расчете этот заколдованный круг создать вполне возможно. Кроме того, вы будете информировать нас обо всем, что вам удастся услышать, наблюдать и собрать через своих сотрудников: о всяких хозяйственных, политических и военных мероприятиях и проектах, о настроениях отдельных работников и их личной жизни, о подходящих для вербовки людях, об их слабостях и так далее. Одним словом, вас ожидает весьма широкое, многостороннее и интересное поле деятельности.

— Это очень трудная работа... — сказал Айвар. — Трудная и опасная.

— Мы правильно и достойно ее оценим.

— А кто это — мы? Кто стоит за нашей спиной — реальная сила или иллюзия?

— Соединенные Штаты Америки и Британская империя — не иллюзия, а величайшая реальность... — многозначительно улыбнулся

незнакомец.

— А там, в Белом доме и на Даунинг-стрит, знают о нашей работе, о нас самих? — спросил Айвар.

— Вы разговариваете с их представителем.

— В таком случае мне все ясно.

— Что вам ясно?

— Что я имею дело с чем-то совершенно реальным и серьезным.

— Правильно. Когда вы сможете передать свой ответ на письмо Тауриня?

— В ближайшие дни.

— Может, завтра?

— Завтра? — Айвар задумался. — Не выйдет. Завтра мне надо быть в Риге, в министерстве, с очередным отчетом о работе бригады. Мне сегодня же придется уехать.

— Ладно. Передадите, когда вернетесь из Риги.

— Где и когда я вас встречу?

— Этого я сказать не могу. Я сам найду вас в нужное время и в подходящем месте. Если произойдут осложнения, вы получите записочку с подписью — Пикол.

— А если мне нужно будет сообщить вам что-нибудь срочное и важное, как мне, Пикол, известить вас об этом?

— Об этом поговорим в следующий раз. До свидания, господин Тауринь.

— До свидания... Пикол...

Незнакомец, оглядываясь, пошел по болотной тропинке в сторону леса. Айвар пожалел, что с ним не было оружия, — тогда не пришлось бы играть комедию и смотреть вслед уходящему врагу.

«Нельзя позволять таким выродкам свободно ходить по земле, — думал Айвар. — В следующий раз, Пикол, ты от меня не уйдешь».

Он направился в Урги, чтобы собраться в дорогу. На этой неделе ему не надо было ехать в Ригу ни с каким отчетом, но Айвар решил посоветоваться с отцом. Положение слишком сложное, и совет Яна Лидума мог весьма пригодиться.

Министерство легкой промышленности, в котором Ян Лидум работал заместителем министра, значительно перевыполнило план первого

квартала 1946 года, поэтому у многих работников было хорошее настроение. Но в начале мая положение изменилось-. Когда стали известны цифры оперативного отчета за май, члены коллегии министерства оставили кабинеты и разъехались по предприятиям, чтобы общими усилиями вытянуть отстающих и обеспечить выполнение производственной программы. За два первых месяца план второго квартала был выполнен только на шестьдесят процентов. В июне надо было дать сорок процентов. На первый взгляд это казалось выполнимым, но министр и несколько ближайших сотрудников, знавшие, каково положение с сырьем и материалами, понимали, чего будут стоить эти сорок процентов. До сих пор они работали со скрытыми резервами — остатками сырья. Некоторые люди наивно надеялись еще на неисчерпаемость этих запасов и, вместо того чтобы заботиться о своевременном снабжении фабрик нужными материалами и полуфабрикатами, спорили с министерством финансов об уменьшении сумм отчислений от прибылей подведомственных трестов. Когда министр Земдег время от времени справлялся, как дела со снабжением, начальник конторы Кулайнис каждый раз, широко улыбаясь, отвечал:

— Все в порядке, товарищ министр. Первое полугодие обеспечено полностью.

Заодно он не забывал похвастаться своими дружескими отношениями и широкими связями с центральными органами снабжения и некоторыми союзными министерствами в Москве: один телефонный звонок — и все необходимое потечет и по железной дороге и по морским путям прямо в склады его конторы. Когда кто-нибудь из членов коллегии пробовал заикнуться, что Кулайнис — пустомеля и своим легкомысленным отношением к делу может завести предприятия в тупик, руководитель конторы снабжения распространял среди работников аппарата слухов, что его хотят съесть, так как заместитель министра прочит на его место шурина.

Да, сейчас было жарко. Звонили телефоны, члены коллегии по неделям сидели на фабриках, а Кулайнис носил на подпись Земдегу одну телеграмму за другой.

При этом он, как бы невзначай, напоминал, что руководители контор снабжения некоторых министерств получают персональные ставки, а у иных есть и легковые машины.

В последнее время министр относился к Кулайнису очень официально и сухо, а Ян Лидум добился, чтобы в повестку дня следующего заседания коллегии был включен вопрос о работе конторы снабжения за первое

полугодие.

В день заседания коллегии у Яна Лидума с утра побывали два директора фабрик и делегация молодых рабочих. Все они хотели говорить с Земдегом, но тот был вызван в ЦК партии и не мог их принять.

— Товарищ Лидум, разве это дело? Кулайнис одну фабрику заваливает материалами на целый квартал и помогает победить в социалистическом соревновании, а нам каждый килограмм приходится вымалывать, как нищим, — жаловался один директор. — А почему он так делает? Потому что те с ним пьянствуют и по субботам присылают по целому узлу образцов продукции.

— Разве допустимо, что министр расценивает жалобы как личную обиду и, вместо того чтобы помочь, отзывает с фабрики способного главного инженера в аппарат министерства, а взамен присылает зеленого юношу, который не знает технологии и в лучшем случае может пригодиться для составления докладных записок? — сетовал другой. — Вместо государственного подхода в нашем министерстве царят семейственность и приятельские отношения.

— Почему вы не скажете об этом министру? Если вопрос поставить принципиально, он не оставит его без внимания, — сказал Лидум.

— Правильно, без внимания не оставит, но нам обоим придется тогда уйти с фабрик, потому что без помощи и поддержки министерства работать невозможно. Товарищ Лидум, сделайте что-нибудь — не для нас, а ради общего дела. Поговорите с министром, обуздайте Кулайниса.

— Я поговорю с товарищем Земдегом, — обещал Лидум. — После обеда приходите в министерство и будьте готовы к тому, что вас пригласят высказаться на коллегии.

Директора переглянулись и задумались.

— Бойтесь испортить отношения, так, что ли? — усмехнулся Лидум. — Что же это получается? Ведь вы коммунисты, а коммунисты не боятся говорить правду в глаза.

— Не то что отношения боимся испортить, а ни к чему эта излишняя резкость.

— Тупыми зубами жесткого мяса не разжевать. Не забудьте, что у всех бюрократов толстая кожа, надо их шилом колоть, пока почувствуют.

— Ну ладно, если уж иначе нельзя, будем колоть.

Делегация молодых рабочих жаловалась, что им в фабричном общежитии приходится ютиться в тесноте и в скверных условиях.

— По вечерам горит одна тусклая лампочка — нельзя ни газету прочесть, ни письма написать. Кипятку нет, умываться приходится во

дворе. И дело совсем не в том, что у фабрики нет средств на ремонт общежития. Деньги есть, рабочая сила тоже найдется, но контора снабжения не дает материалов. Директор уже несколько раз обращался к Кулайнису. Тот, конечно, обещает, но сейчас же забывает про свои обещания.

— Где же ему взять материалы для общежития, когда краска и доски нужны на ремонт дач! — воскликнул один из делегатов.

— Позавчера повезли на Взморье полный грузовик строительных материалов, наши ребята своими глазами видели... — добавил второй.

— Если ничего нельзя сделать, разрешите перейти на другую фабрику.

— И все обстоит именно так, как вы мне рассказали? — спросил Лидум.

— Точно так, товарищ Лидум. Если не верите, приезжайте, своими глазами посмотрите.

— Ладно, друзья, поедem вместе.

Лидум вызвал машину и вместе с рабочими поехал в общежитие. Во многих общежитиях, столовых, клубах, детских яслях он уже побывал и помог руководству предприятий навести там порядок, но это общежитие как-то ускользнуло от его внимания.

Вернулся он часа через два, сердитый и мрачный. Позвонил министру и попросил принять на несколько минут.

— Но сейчас ведь начнется заседание коллегии, товарищ Лидум... — ответил министр. — Мне надо подготовиться, посмотреть еще кое-какой материал.

— Вопрос слишком важный и имеет прямое отношение к сегодняшней повестке дня, — пояснил Лидум.

— Нельзя ли позже... после заседания?

— Нельзя, товарищ министр.

— Ну, тогда приходите... — Лидум услышал, как вздохнул Земдег.

«Вздохай, не вздыхай, а Кулайниса придется выгнать...» — подумал Ян.

Земдег сидел за письменным столом, уткнувшись в бумаги, и при появлении Лидума поднял бледное лицо. Его взгляд говорил, что ему все надоело, что он устал от бессонных ночей; пальцы нервно теребили бумаги. Рядом с министром стоял Кулайнис — наверно давая объяснения по некоторым материалам.

— Я пойду, товарищ министр, — сказал Кулайнис.

— Лучше бы вы немного задержались здесь, — сказал Лидум. — У меня к вам большой счет.

— Опять? — улыбнулся Кулайнис.

— По-прежнему, — отрезал Лидум. — И я боюсь, что на этот раз вам не рассчитаться.

— Только без лишних резкостей, товарищ Лидум... — заметил министр. — Ближе к делу. Давайте факты, выводы сделаем потом.

Он нахмурился, не скрывая досады. Кулайнис отошел в сторону и с деланным спокойствием наблюдал за Лидумом, но его борода клинышком все же дрожала, когда заместитель министра посмотрел ему в лицо.

Чтобы не задерживать Земдега, Лидум коротко рассказал о том, что видел в общежитии молодых рабочих.

— Почему же директор не принимает никаких мер? — заговорил Земдег. — Если сам ничего не может сделать, почему не просит помощи?

— Он просит, да ему не дают, — ответил Лидум. — Как нищий, ходит за Кулайнисом, а тот и пальцем не пошевелит.

— Я не понимаю, какая связь между общежитием и мной? — Кулайнис пожал плечами. — Кто запрещает им ремонтировать?

— А чем они будут ремонтировать — святым духом? Скажите, Кулайнис, куда девалась грузовая машина со строительными материалами, которую позавчера следовало отправить для ремонта общежития?

— Были более срочные нужды...

— Ах, вот как — наступает купальный сезон! — крикнул Лидум, не в силах больше сдержаться. — Надо подновить дачу! Пусть рабочие потерпят еще с полгода, потому что некоторым руководящим работникам министерства сегодня же нужен комфорт.

— Что за машина? — спросил Земдег и строго посмотрел на Кулайниса. — На какую дачу отвезли этот материал?

— На вашу, товарищ министр... — буркнул Кулайнис — Спешим достроить гараж. В самой даче тоже надо поставить заново две перегородки, иначе негде устроить столовую.

— Но я ведь не просил вас этого делать! — голос министра звучал сурово. — Кто вам разрешил вмешиваться в мои дела?

— Ваша супруга как-то позвонила... просила позаботиться... — пробормотал Кулайнис.

Всем троим вдруг стало неловко. Земдег поднялся и взволнованно заходил по кабинету. Кулайнис достал платок и долго сморкался. Лидум смотрел в окно.

— Идите, Кулайнис! — строго сказал министр. — Никакого гаража, никаких перегородок. Чтобы сегодня же в общежитие привезли все необходимые строительные материалы! После заседания коллегии лично

проверю. И смотрите, если что-нибудь не будет сделано.

Когда Кулайнис ушел, Лидум спросил:

— И вы хотите оставить его в аппарате министерства?

— Прогнать работника не трудно, гораздо труднее найти хорошую замену, — сказал министр.

— Я с вами не согласен, товарищ Земдег, — заговорил как можно спокойнее Лидум. — Моя партийная совесть не позволяет мне дольше молчать. Нет в нашем Доме порядка, и мы оба повинны в этом. Вы — потому, что слишком верите пройдохам и подхалимам, я — потоку, что недостаточно энергично противодействовал этому. Вы — потому, что сами не желали, а мне не позволяли до конца очистить аппарат министерства, я — потому, что примирился с этим и остановился на полпути. Знаете ли вы, почему некоторые фабрики не могут выполнить плана? Потому, что такие люди, как Кулайнис, их сознательно подводят.

Он рассказал о своей беседе с двумя директорами, о том, что говорят рабочие и члены партии. Он перечислял факт за фактом, а их было немало, и чем дальше, тем внимательнее слушал его министр. Когда Лидум наконец замолчал, излив всю накопившуюся в сердце горечь, обоим сразу стало легче. Немного помолчав, Земдег протянул Лидуму руку:

— Спасибо, товарищ Лидум. Вот это было слово коммуниста, это была настоящая помощь. А теперь пойдем в зал заседания.

Кулайниса сняли с работы, некоторые уважаемые работники получили вместо обычной похвалы головомойку и предупреждение, а некоторым из тех, кто обычно помалкивал, дали высказать все, что у них было на душе. Дуновение свежего ветра пронеслось по министерству, по всем коридорам и кабинетам, достигло трестов, контор, цехов ближних и дальних фабрик, и всюду легче стало дышать.

Неизвестно, что в тот вечер Земдег сказал жене, но разговор был не из приятных. После заседания он прежде всего поехал в общежитие молодых рабочих и убедился, что строительные материалы уже начали подвозить. Осмотрев общежитие, он заметно помрачнел.

Когда Ян Лидум после заседания коллегии зашел к себе в кабинет, там его ждал Айвар.

близ Видземского рынка. Если бы не Ильза, изредка навещавшая брата, в этой холостяцкой берлоге, как Лидум называл свою квартиру, до сих пор не было бы ни занавесок на окнах, ни половиков, ни приличных ламп — словом, тех мелочей, которые придают жилой уют. Самой большой роскошью здесь были книги. Они заполняли все полки, все углы в комнатах отца и сына. Сочинения Маркса и Ленина, Большая Советская Энциклопедия, произведения классиков мировой и советской литературы в нарядных переплетах и в простых обложках стояли рядом с географическими атласами, объемистыми монографиями и комплектами журналов. Все здесь свидетельствовало о разносторонних интересах хозяев.

Придя домой, Ян Лидум зажег газовую плитку и поставил чайник. Сняв пиджак, Айвар принялся помогать ему: нарезал хлеб, накрыл стол. Когда чай был готов, сосиски сварены, Ян Лидум достал рюмки и бутылку портвейна, месяца два хранившуюся для особого случая.

Пока продолжались приготовления, Айвар ничего не говорил о цели своего приезда. Отец устроил ему настоящий экзамен. Надо было рассказать, каковы успехи по заочному обучению в Сельскохозяйственной академии, что сделано на Змеином болоте. Если что-нибудь в ответах Айвара его не удовлетворяло, он объяснял сыну, в чем тот не прав.

— Как поживает Анна? — спросил Лидум, когда они уже сидели за столом. И хотя вопрос был задан без всякого умысла, Айвар опустил глаза.

— Анна не может обижаться, что ей не хватает работы, — ответил он. — Мне кажется, она довольна жизнью.

— Девушке не мешало бы немного подучиться, — задумчиво сказал Лидум. — Теперешнего запаса знаний ей ненадолго хватит. А советским людям надо беспрестанно расти и развиваться, вчерашней мудрости сегодня недостаточно.

— Насколько мне известно, Анна занимается прилежно... все свободное время. Правда, его у нее не слишком много.

— Неплохо бы послать ее учиться в двухгодичную партийную школу. Поговори с Артуром. Пусть учтет, когда будет отбирать новых слушателей. Анна заслужила, чтоб ей немного помогли.

— Хорошо, на обратном пути заеду в уком. Сомневаюсь только, захочет ли Анна уехать из волости, пока не будет закончена осушка Змеиного болота, — ведь это ее самая заветная мечта. И Анна много помогает мне.

— Болото осушат и без нее, — Лидум наполнил рюмки и чокнулся с Айваром: — За ваши успехи!

— За скорый конец болота...

— Когда вы думаете как следует взять быка за рога? — поинтересовался Лидум.

— Будущей весной, — ответил Айвар. — Осенью закончим разведывательные работы, зимой разработаем технический проект, а весной пустим экскаваторы, канавокопатели, грейдеры и бульдозеры. Министерство хочет создать при МТС специальный мелиоративный отряд и хорошо вооружить его механизмами. За зиму подготовим и нужные кадры.

— А что ты сам собираешься делать, когда будет готов и утвержден во всех инстанциях технический проект? Вернешься в аппарат министерства?

— Хотелось бы остаться в волости до завершения всех работ. Начальник управления почти обещал. Может, пошлют производителем работ... Если б ты поговорил в министерстве...

Лидум погрозил сыну пальцем:

— Бороться надо, Айвар, без всякой протекции. Вспомни, как мы уговаривались при демобилизации.

— Уговор остается в силе. Мне дядюшка не нужен, но для пользы дела можно бы и помочь. На работе по осушке болота я буду получать меньше, чем сейчас, так что корыстные соображения здесь исключаются.

— А если Анна поступит в партшколу? — Ян Лидум не удержался, чтобы не поддразнить сына.

— Тогда тем более нужно остаться на болоте, — горячо отозвался Айвар. — Одному из нас там быть необходимо. Нельзя же без энтузиастов.

— Ладно, я еще посмотрю, как у вас там с энтузиазмом.

Они выпили еще по рюмке и перешли в комнату Яна Лидума.

— Знаешь, отец, меня начинают тревожить тени прошлого, — сказал Айвар и, протянув отцу письмо Тауриня, стал рассказывать о своем разговоре с Пиколом. — Всего можно было ожидать, но не такой наглости, — заключил юноша. — За кого он меня принимает? Наверно, думает, что если человек по независящим от него обстоятельствам побыл в их стае, то всю жизнь будет тосковать по ней.

— Врага никогда нельзя недооценивать, — сказал Лидум, задумчиво посасывая старую походную трубку. — Но в этом случае их поведение не говорит о большом уме.

— Домогаться подобного могут только безнадежные идиоты! — с горячностью воскликнул Айвар. Его губы дрожали от волнения, глаза потемнели.

— Идиоты обычно безвредны и не способны на продуманные

действия из-за своего слабоумия... — продолжал Лидум. — А эти подлецы весьма ядовиты и опасны. Они знают, чего хотят.

— Это торгаши, отец. Они думают, что за золото можно купить все, что только пожелают... даже человеческую совесть.

— Это естественно, сын, что они так думают. Ведь золото — их религия. Совесть... неужели ты думаешь, что для них еще существует это понятие?

— Но что мне теперь делать? Что ответить Тауриню? Как поступить с Пиколом?

Лидум спокойно и серьезно посмотрел в глаза Айвару.

— А как ты сам думаешь действовать?

— Что тут раздумывать? Если бы дело было только в Пиколе, я при следующей встрече просто связал бы его и сдал органам государственной безопасности. Для меня это было бы делом одной минуты... он и охнуть не успел бы. Но этого мало. Пикол только один из этой волчьей стаи. Там есть еще Тауринь. Обезвредив Пикола, я еще не сведу счетов со всей их бандой, а у меня к ним большой счет.

Айвар говорил это нервно, шагая по комнате.

— Ты конкретнее, Айвар... — вставил Лидум. — Что именно ты хочешь сделать?

— Их хитрости противопоставить свою хитрость. Так действовать я имею право со всех точек зрения. Как это ни противно, я готов начать с ними самую опасную игру. Сделаю вид, что попался на их удочку, а сам заманю в капкан Пикола, Тауриня и всех прочих. Я не сделаю ничего такого, что хоть в малейшей степени причинит вред советскому народу. Буду действовать осторожно и смело, и они поверят мне. А когда все повернется так, как надо, одним ударом прекращу игру, и капкан захлопнется.

— И это все? — спросил Лидум, когда Айвар замолчал.

— Пока все...

— Так, так... Крупная игра, личные счета, капкан... Ты прав — со всех точек зрения ты имеешь право так действовать. И все же ничего у тебя из этой игры не выйдет.

— Почему не выйдет?

— Вот ты ответь мне на один вопрос. Как бы ты поступил, если бы Пикол или кто другой дал тебе задание убить какого-нибудь советского или партийного работника — Анну Пацеплис, Артура или агента по заготовкам, который заставляет кулака выполнять обязательства перед государством?

— Такие вопросы... даже задавать не надо... От меня они не получат

самой безобидной служебной бумаги.

— А если потребуют? Отговориться не удастся, невинными услугами не отделаешься. Прежде чем тебе довериться, они обязательно проверят тебя на деле, заставят сделать что-нибудь такое, чем ты неизбежно скомпрометируешь себя в глазах советского народа. Только после этого они станут доверять тебе, только после этого ты сможешь заманить их в капкан, но тогда будет поздно, ты тогда уже будешь не охотником, а участником их шайки. Дорога назад будет отрезана, и Рейнис Тауринь сможет ликовать: ты снова будешь принадлежать ему.

Айвара поразила эта мысль, он опустил на стул и сжал голову руками.

— А если бы мне все-таки разрешили попробовать? Может быть, они совсем не так умны и дальновидны?

— Не надейся, Айвар.

— Но попытаться-то можно. За меня не бойся, я свою дорогу знаю, с нее меня ничто не сманит.

— В этом я не сомневаюсь, мой мальчик...

— Если дело примет такой оборот, как ты предполагаешь, я прекращу игру и удовлетворюсь той добычей, какая будет возможна.

— Не знаю. В таких делах я не опытен, но как бы там ни было, тебе надо поговорить об этом в другом месте.

Они решили, что на обратном пути в Пурвайскую волость Айвар остановится в уездном центре и поговорит с начальником отдела Министерства государственной безопасности — Индриком Регутом.

— Ладно, я обязательно это сделаю, — сказал Айвар. — А как быть с ответным письмом Тауриню? Пикол скоро его попросит.

— И по этому вопросу тоже поговори с Регутом, — сказал Лидум.

Рано утром Айвар попрощался с отцом и уехал обратно в деревню.

6

Артур только в два часа ночи вернулся с работы, поэтому Ильза не спешила его будить. Она тихонько возилась в кухне, приготовила завтрак, собрала на стол. В открытое окно вливался свежий утренний воздух вместе с запахом цветов и уличным шумом. Крестьяне везли на приемный пункт бидоны молока, другие ехали к базару. На телегах лежали ранние овощи, в клетках хрюкали поросята, а иногда с воза вдруг раздавалось кукареканье петуха. С лесопилки доносилась монотонная песня электрической пилы. На

строительной площадке по другую сторону улицы слышались громкие голоса каменщиков и плотников — там строили здание школы на месте взорванной фашистами средней школы; развалины убрали во время зимних субботников и воскресников.

Ильза любила по утрам наблюдать жизнь городка. Бодрая, целеустремленная деятельность людей навевала светлое, жизнерадостное настроение. Как спокойный, ясный поток, текли дни. И в этой большой, содержательной жизни у Ильзы Лидум было свое место и своя ясно видимая цель. Все близкие ей люди шли вместе с нею к этой цели, жили общей мечтой, они делали одно общее дело. У всех у них, как у каждого советского человека, был какой-то молодой задор, ибо молод был мир, в котором они жили и строили. Артур, Ян, Айвар, Анна, Валентина... о них думала Ильза в этот ранний час, и сердце ее было спокойно, как у матери, которая знает, что ее детям не грозят нужда и унижение.

«Если бы отец с матерью дожили до этого... — подумала она. — Если бы им хоть денек побыть с нами, разделить нашу радость победы... Другие отцы и матери дождались, и светел сейчас их закат. Но некоторые из них даже и сейчас не могут постичь и оценить достигнутое, а есть и такие, которые оглядываются на вчерашнее».

На улице затарахтел мотоцикл и внезапно умолк. Ильза взглянула в окно. Айвар сошел с машины, улыбаясь посмотрел вверх и помахал рукой.

— Доброе утро, тетя Ильза! Артур дома?

— Доброе утро, заходи, заходи. Мы еще не завтракали.

Айвар закатил мотоцикл во двор и поставил его в угол, около дровяных сарайчиков, затем сбил с себя пыль кожаной перчаткой, выколотил о стену кожаный шлем и поднялся по узкой деревянной лестнице во второй этаж.

Ильза поставила на стол третий прибор. Поцеловав племянника в щеку, она засыпала его вопросами:

— Ты прямо из Пурвайской волости? Как сейчас в Ургах? Сенокос еще не начали? А твое самочувствие как, Айвар, раны не болят? Как поживает Анна? Я ее не видела с конца зимы.

Когда юноша рассказал, что он проездом из Риги, Ильза захотела узнать, не похудел ли брат.

— Ведь некому даже позаботиться о нем, вовремя приготовить обед, ужин. Трубку так же, наверное, сосет без передышки? Хоть бы кто-нибудь заставил его бросить курение — достаточно он испортил легкие в тюрьме, так нет, надо еще коптить их табачным дымом. В других делах у него характера и воли хватает, а в этом все равно, что малое дитя.

Айвар любил слушать воркотню Ильзы. Это бывало редко и получалось так мило и добродушно, в каждом упреке звучала истинная забота о близких.

— Ничего не поделаешь, тетя Ильза, если мужчины так слабы, — ответил он, улыбаясь. — Каждому из нас нужен друг-хранитель, не смыкающий глаз ни днем ни ночью.

— Ясно, что нужен, — тихо засмеялась Ильза. — Так почему же не привести к себе в дом этого хорошего друга? Вам с Артуром самое время жениться — неизвестно, чего вы еще ждете.

— Сначала надо жениться дяде Яну! — раздался голос Артура из соседней комнаты. — Пусть покажет пример, тогда и мы с Айваром не заставим себя долго ждать.

— Оставьте вы Яна в покое, — добродушно заметила Ильза. — Нашли с кого брать пример.

— А вы сами, тетя Ильза? — заикнулся Айвар. — Я еще не теряю надежды потанцевать на вашей свадьбе.

За стеной раздался веселый смех.

— Болтают невесть что... — рассердилась Ильза. — Уж если начнут, никак не остановятся. Будто не о чем больше разговаривать. Сваты объявились...

— Но ведь ты, мамочка, сама начала, как же нам не присоединиться, — сказал Артур, выходя из своей комнаты.

Он только что умылся и вытирал шею полотенцем. Поздоровавшись с Айваром, поцеловал мать и, подняв ее, два раза повернулся кругом, будто танцуя вальс.

Через минуту они уже сидели за завтраком. У обоих парней был такой хороший аппетит, что Ильзе не приходилось их угощать.

Айвар рассказал о работе своей бригады на Змеином болоте.

— Как на это дело смотрят крестьяне? — спросил Артур. — Перестали ворчать и сомневаться?

— Пурвайцы так воодушевились, что не могут дождаться дня, когда можно будет выйти на работу с лопатами и топорами, — ответил Айвар.

— На прошлой неделе я была в Айзупской волости, — заговорила Ильза. — Проводила собрание о подготовке к сенокосу и уборочным работам. После собрания айзупчане забросали меня вопросами: когда мы думаем начать осушение их большого болота, чем они хуже пурвайцев? До сего времени никто не шевелился, а как узнали, что делается на Змеином болоте, им стало невтерпех.

— Изыскательские работы на Айзупском болоте начнутся следующей

весной, — сказал Айвар. — Возможно, что разведку придется делать нашей бригаде, — к тому времени будут закончены все проекты осушения Змеинового болота.

Позавтракав, Ильза попрощалась с Айваром, велела передать привет Анне и ушла на работу. Артур с Айваром убрали со стола, вымыли посуду и пошли в комнату Артура. Их отношения были простыми и дружескими, только Артур выражал свои чувства свободнее и естественнее, тогда как Айвар всегда оставался несколько замкнутым.

Взгляд Айвара остановился на письменном столе Артура, где между книгами и письменными принадлежностями стояла фотография девушки в круглой рамке; Айвар ее никогда не видел.

Артур заметил, что Айвар долго и пристально смотрит на портрет.

— Это Валя... Валентина Сафронова... — объяснил Артур. — Она учится в партийной школе в Риге. Будущим летом кончает. Потом... мы поженимся. Во время каникул я постараюсь вас познакомить. Она замечательный человек и лучший мой друг.

Айвару тоже казалось, что Валентина Сафронова чудесный человек, великолепная девушка, если она стала лучшим другом Артура.

— Симпатичная девушка... Поздравляю, Артур, и желаю вам счастья.

«Лучший друг... — думал Айвар. — Почему я не могу так просто и естественно, как Артур, говорить о моих чувствах к своему любимому другу? Хватит ли у меня смелости рассказать кому-нибудь вот так же просто про Анну?»

Проводив Артура до укома, Айвар пошел в уездный отдел Министерства государственной безопасности. Начальник отдела — майор Индрик Регут — сразу принял Лидума. Айвар все изложил самым подробным образом, у Индрика оказались на это дело такие же взгляды, как у Яна Лидума, будто они обо всем уже успели посоветоваться и пришли к общему выводу.

— Они обязательно потребуют от тебя что-нибудь такое, что никогда не сделает советский человек, они заставят делами подтвердить готовность помогать им, — сказал Индрик. — Поэтому от большой игры надо отказаться и удовлетвориться тем, что ты можешь сделать, не запятнав себя. Пиколу мы наверняка схватим, но не следует думать, что это легко. Как видишь, он не указал время и место встречи, значит, появится, когда ты меньше всего будешь его ждать, и там, где ему меньше всего будет угрожать опасность. Но это ничего, достаточно и того, что Пикол вообще когда-нибудь появится около тебя. При первой встрече мы его не тронем, дадим уйти, а ты напиши ответ Тауриню и передай его Пиколу.

— А что мне ему написать? — спросил Айвар.

— Лучше всего что-нибудь совсем частное, о своей личной жизни, работе, так, как оно есть, чтобы совпало с теми сведениями, которые у них о тебе имеются. Между строк можешь намекнуть, что готов сотрудничать с ними.

Попрощавшись с Индриком, Айвар поспешил домой. Ему казалось, что там, у огромного болота, его ждет Анна. Он запустил мотор и как ветер понесся по улице.

7

Два дня Финогенов колесил по окрестным волостям, где работали бригады трактористов, и только что вернулся в Урги. Весенние полевые работы были закончены еще две недели назад. Только некоторые тракторы подымали еще старые залежи, покрытые толстым, плотным слоем дерна. Трактористы и рабочие мастерской готовили инвентарь к уборочной, поэтому сейчас в Ургах было много народу.

На просторном дворе вокруг сенокосилок, жаток и молотилок суетилось человек десять, а в механической мастерской с утра до вечера раздавался грохот металла, гудели моторы и новый сварочный аппарат рассыпал струи бенгальских огней.

— Где директор? — спросил Финогенов у механика Далдера, ремонтировавшего локомотив.

— Товарищ Драва в конторе, — отозвался механик, не отрываясь от дела.

Финогенов, понаблюдав за работой механика, хотел было уйти, но в это время во двор въехал Айвар Лидум. Заметив Финогенова, он еще издали кивнул ему и, поставив мотоцикл под навесом, пошел навстречу.

— Так рано с болота? — спросил Финогенов, здороваясь с Айваром. — Сейчас самая подходящая пора для работы: и не холодно и не жарко.

— На болоте я сегодня еще не был, — ответил Айвар. — Вчера пришлось срочно поехать в Ригу.

— И сегодня утром уже обратно? — удивился Финогенов. — Даже и в театре не успел побывать?

— Куда там... — улыбнулся Айвар. — Зимой побываем.

— Завтра парторг волости созывает собрание актива. Коммунисты и комсомольцы МТС тоже будут. Говорят, сообщат о каких-то изменениях в

проекте осушки болота.

— Да, небольшие. Сейчас кое-кто думает, что мы на болоте только даром время теряем. Теперь увидят, что мы там нашли.

Финогенов положил руку на плечо Айвара, и они медленно пошли к саду. С противоположного конца сада доносились звонкие детские голоса — там играли ребятишки под наблюдением жены механика.

— Драве кажется, — говорил Айвар, — что мы даром едим государственный хлеб. По его мнению, здесь нечего проектировать, а надо сразу рыть канавы и спускать воду в море. Если бы это было так просто, не нужны бы были ни инженеры, ни техники, а обошлись бы одними землекопами.

— Драва хороший практик, но иногда несколько мелочен. Для него главное — это перевыполнение плана.

— Я только один раз попросил на несколько дней отрядить двух человек в помощь нашей бригаде, и то он ни за что. Ну ладно, больше ничего не попрошу у него. Думаю, что и не потребуется. Помнишь, как было дело с образцами почвы... Лаборатория стоит без дела, старший агроном согласен сделать анализы, а директор нет — дескать, лабораторное обслуживание нашей бригады не предусмотрено планом. Словно мы в двух разных государствах живем. Черт его разберет, что с ним стало, на фронте был совсем другой человек.

— Это все потому, что комиссия в акте ревизии указала, что он слишком свободно распоряжается молоком и поросятами, принадлежащими хозяйству МТС. Теперь каждый литр учитывается и государству сдается все, что следует. Обжегся на молоке, сейчас дует на воду. Ничего, Лидум, все опять наладится, найдет правильное применение своему усердию и Драва. А ты напрасно отказываешься от помощи — не тебе она нужна, а общему делу, государству, советскому народу. Лучше посмотри, как растет наш новый машинный сарай. Недельки через две закончим. Осенью ни один болтик не останется под открытым небом, а скоро мы получим несколько новых «СТЗ-НАТИ» и две молотилки. Для механической мастерской обещают в третьем квартале новый токарный станок, тогда мы сможем изготавливать самые сложные детали и своими силами производить капитальный ремонт. Здорово?

— Скоро у вас здесь будет настоящий ремонтный завод, — засмеялся Айвар.

— Должен быть. Придет время, и мы здесь на месте будем пользоваться всеми благами цивилизации. А главное, у нас появятся новые люди, с более широким кругозором. Они же растут не по дням, а по часам,

и скоро им понадобятся в домах другие потолки — старые станут слишком низки. И это время не за горами. Скоро новая жизнь постучит в наши двери, уже слышны шаги. Вот почему мы не можем сегодня обижаться, если Драва не дает рабочих и не разрешает лаборатории делать анализы; у нас просто нет времени обижаться и дуться — надо спешно мостить большаки для завтрашнего дня, по проселку он прийти не сможет. О Драве не беспокойся, он тоже станет другим; если хочешь знать, его не приходится ни тащить, ни толкать — только нужен подход, надо уметь с ним говорить, вот и все. Человек любит, чтобы с ним считались, а разве это плохо? Это его право, ведь он отвечает за дело.

— Я ничего не говорю, — сказал Айвар. — Только иногда зло берет, когда человек не хочет понять очевидных вещей.

— Вот те на: произошла маленькая заминка, не получилось так, как хотелось и как, может быть, было необходимо, — и сразу же заело. Как же мы построим коммунизм, если будем так легко огорчаться из-за малейшей неудачи? А ведь для этого требуется совсем другая выдержка и терпение, чем при осушке Змеинового болота.

— Ты прав, товарищ Финогенов... — согласился наконец Айвар. — Мне надо научиться стать выше мелочей... быть терпеливее.

— Я полагаю, что ты уже научился, — улыбнулся Финогенов, — только иногда тебе надо оглядываться на себя...

Они зашли в клуб. Там сейчас не было ни души. Остановились у последнего номера стенной газеты «Острый лемех». Одна карикатура высмеивала молодого тракториста, который после хороших показателей на осенних работах почил на лаврах и проспал весну; все его товарищи давным-давно в поле — у кого выработано тридцать процентов сезонного плана, у кого СјроК, а у одного все пятьдесят, а тот все не может проснуться: ведь у него сто восемнадцать процентов... правда, за прошлый год. Несколько критических заметок посвящалось администрации; в литературном отделе было напечатано несколько довольно гладких стихотворений — в МТС был свой поэт, — а передовицу о новых задачах коллектива написал Финогенов.

— Наш «Острый лемех», конечно, еще совсем не так остер и пашет недостаточно глубоко, но с каждым номером режет все лучше, — сказал Финогенов. — Сначала нельзя было найти рабкоров, а сейчас от них отбою нет. С людьми надо работать. Если человек проявит какие-нибудь способности, надо обратить внимание, подбодрить его, сказать в глаза и про ошибки. Иногда человек и сам не знает, на что способен. Надо укрепить в нем веру в себя, заинтересовать, помочь развить свои

дарования.

— Как ты на все находишь время? — удивился Айвар.

— Надо находить, ведь для этого партия и прислала меня сюда.

— Не отнимаешь ли ты работу у волостного парторга?

— Только помогаю. Работы всем хватает.

В конце беседы Финогенов спросил вдруг Айвара:

— Что ты скажешь, если мы попросим тебя прочесть несколько лекций о новейших достижениях советской агрономической науки? На профессиональных лекторов нам пока надеяться нечего. Надо тебе дать какую-нибудь общественную нагрузку.

— Можно, — согласился Айвар. — Только я не знаю, как получится, — никогда не выступал в роли воспитателя.

— На фронте батальоном командовал? — напомнил Финогенов. — Своих стрелков воспитывал? Он не знает, как у него получится... Не беспокойся, товарищ Лидум, профессорской сноровки с тебя никто не требует.

И они договорились, что Айвар подготовит несколько лекций.

8

На собрании присутствовало человек тридцать: коммунисты и комсомольцы Пурвайской волости, несколько работников волисполкома, старший агроном Римша, директор неполной средней школы Жагар и председатель правления мелиоративного товарищества Мурниек.

Собрание происходило в зале заседаний волисполкома, председательствовал Регут, которого прозвали «старым» Регутом, чтобы не смешивать с его сыном Индриком. Протокол писал Жагар. На повестке дня стоял один вопрос: подготовка к работам по осушке Змеиного болота.

Повесив на стену план местности, Айвар ознакомил участников собрания с некоторыми общими соображениями, которые положила в основу работы бригада по исследованию болота.

— Инициатива принадлежит крестьянам Пурвайской волости, и это вполне естественно, потому что как раз их земли больше всего страдают от избытка воды. Поэтому вначале задание было составлено, исходя из интересов пурвайцев и только в объеме нашей волости. Теперь, когда бригаде вполне ясны основные направления отвода излишних вод к бассейну Даугавы, первоначальное задание больше не соответствует нашим требованиям и государственным интересам.

— Вот тебе и раз, уже не соответствует! — воскликнул Мурниек. — Опять начнем мудрить и топтаться на месте, а болото будет по-прежнему затоплять нас. Нам не философия нужна, уважаемый товарищ, а работа.

— Потерпи, Мурниек, дай Лидуму высказаться, — прервал его Регут.

— Да, оно уже не соответствует государственным интересам... — продолжал Айвар. — Змеиное болото частично находится между Пурвайской и Айзпурской волостями. Процесс заболачивания происходит на территории обеих волостей — с этой стороны интенсивнее, чем у айзпурцев. Мы не можем осушить заболоченный массив, осуществляя все работы только на территории одной Пурвайской волости, часть вод надо отвести в озеро Илистое и оттуда по реке — к бассейну Даугавы. Следовательно, мелиоративные работы придется вести на территории обеих волостей, и в этом начинании должно участвовать население и нашей и Айзпурской волости. Я думаю, что будет не трудно убедить айзпурцев, они ведь так же заинтересованы в осушении Змеиного болота, как и мы.

— Это другое дело! — снова воскликнул Мурниек. — А то я подумал, что ваша изыскательская работа не годится и все надо начинать сначала.

— Вся проделанная работа годится, ничего не делалось зря, — сказал Айвар. — Иначе бы в наших руках не было ключа к решению основного задания. Вот где он... — и Айвар указал на плане извилистую линию. — Это русло реки Раудупе. Много десятков лет тому назад все ее воды текли по этому руслу к притоку Даугавы. Тогда и Змеиного болота не было. Существовало только небольшое болотце. Когда на Раудупе построили мельницу и высокую плотину, вода в реке начала накапливаться и постепенно стала проклятьем для всей окрестности. Наша задача состоит в том, чтобы восстановить этот естественный сток — и с болотом будет покончено. По сравнению с первоначальным вариантом длина главного отводного канала сократится наполовину, а стоимость мелиоративных работ значительно уменьшится. Все это будет закончено к осени будущего года. Вот пока и все, что можно доложить о работе исследовательской бригады.

Участники собрания встали и некоторое время рассматривали план осушения местности.

— Гм... — пробормотал Драва. — Нельзя сказать, что ничего не сделано. Лежебоками их не назовешь.

— А мы им почти ничем не помогли, — добавил Финогенов. Драва покраснел и отошел в сторону. Потом он подошел к Айвару и тихо заговорил:

— Ты не дуйся, Лидум, что я в тот раз... ну, знаешь как... Мне некогда

было вникать в твои дела, вот и все. Теперь мне все ясно, и если будет нужна помощь, не стесняйся, проси. Все что могу, сделаю.

— Большое спасибо... — сказал Айвар и пожал руку Драве.

После этого выступила Анна. Она говорила о посылке представителей к айзпурцам и вызове их на социалистическое соревнование. Решили послать Мурниека, Айвара и Финогеиова, а условия социалистического соревнования поручили разработать группе товарищей во главе с Анной.

Затем слово взял старший агроном Римша.

— Товарищи, — сказал он, — я думаю, перспективы осушения Змеинового болота сейчас настолько ясны, что можно подумать и о ближайшем будущем — о нашей работе, когда болото будет осушено.

— Снимать шкуру с неубитого медведя! — засмеялся уполномоченный десятидворки, член партии Клуга. — Не рановато ли, товарищ Римша?

— Нет, не рано... — продолжал Римша. — Мы знаем, что через несколько лет в нашем распоряжении будет большой земельный массив — почти восемь квадратных километров. Я не думаю, что его разрежут на мелкие кусочки и отдадут полсотне новохозяев. Это было бы неправильно. Здесь надо будет создать мощное социалистическое хозяйство. Почва этого массива обладает такими качествами, каких нет у окружающих земель, и мы не должны об этом забывать. Это идеальная почва для кок-сагыза. Здесь мы можем добиться таких же урожаев, как на Украине. Но для того чтобы начать внедрять эту еще не известную в Латвии культуру, надо сегодня думать о семенах, о кадрах и об освоении агротехнических навыков. Мы не очень забежим вперед, если организуем специальный агротехнический кружок и если комсомольцы волости, которым, по-моему, нужно взять шефство над этой культурой, заложат несколько небольших опытных участков.

Предложение Римши было принято не ахти как горячо. Часть крестьян и агрономов все еще считала кок-сагыз нежелательной культурой, почти сорняком. Старый Регут и Мурниека стали на сторону скептиков, но остались в меньшинстве. Анна горячо поддержала инициативу Римши и добилась того, что часть коммунистов и все комсомольцы голосовали за предложение старшего агронома МТС. Римше поручили организовать агротехнический кружок, а волостному комсору обсудить на комсомольском собрании вопрос об опытных участках. После этого слово предоставили местному агенту министерства заготовок Бокмелдеру — он заявил Регуту, что хочет выступить по важному вопросу.

Бокмелдер лишь недавно приехал в Пурвайскую волость, поэтому многие пурвайцы увидели его впервые. Это был высокого роста

коренастый мужчина, с гладко выбритой головой, в сером костюме из домотканого сукна.

— Что у вас за вопрос, товарищ Бокмелдер? — спросил Регут.

Бокмелдер встал, окинул взглядом присутствующих и торжественно откашлялся.

— Вопрос весьма щекотливый, — заговорил он сочным басом. — Пусть меня извинят товарищи, если я ломлюсь в открытую дверь. Возможно, я плохо информирован, поэтому меня смущает одно обстоятельство, на которое, как я вижу, все вы не обращаете внимания. Сегодня мы слушали сообщение товарища Лидума о проекте осушки болота. Это очень большое и важное начинание, весьма нужное государству и каждому из нас. В него придется вложить немало средств и труда. Многие будут зависеть также от того, насколько сознательно, честно и по-государственному бригада исследователей и ее руководи гель товарищ Лидум отнесутся к своим обязанностям при разработке проекта. Это такая работа, исполнители которой должны пользоваться нашим полным доверием, и именно поэтому меня смущает одно обстоятельство, ставшее мне известным лишь недавно. Правда ли, товарищи, что руководитель бригады Лидум — сын богатого кулака Тауриня?

Айвар покраснел, переглянулся с Анной, затем поднялся и хриплым голосом сказал:

— Да, я был приемным сыном Тауриня...

— А если это так, меня интересует другой вопрос: чем этот человек заслужил такое доверие?

Ободряющий взгляд Анны на мгновение остановился на Айваре. Затем она поднялась и, заметно взволнованная, начала говорить:

— Удивление товарища Бокмелдера совершенно естественно, и нет ничего странного в том, что он поднял этот вопрос на нашем собрании. Разрешите мне кое-что разъяснить товарищу; он новый человек в нашей волости, и ему хочется знать всю правду про Лидума.

Кратко, в самых основных чертах, она рассказала собранию историю жизни Айвара. Когда она дошла до описания боев Латышской дивизии в районе Старой Руссы и второго ранения Айвара при штурме немецких позиций на высоте, Бокмелдер замахал рукой и крикнул с места:

— Хватит, хватит! Теперь мне все ясно! Все в порядке!

Он подошел к Айвару и протянул ему руку.

— Извини, товарищ Лидум, что я так спросил. Если бы я знал, никогда не коснулся бы этого старого дела.

— Ваш вопрос меня не обидел, товарищ Бокмелдер... — тихо ответил

Айвар. — Вы имели право спросить... Каждый человек имеет право интересоваться моим прошлым.

Многие участники собрания почувствовали себя неловко и старались скорее уйти. Айвар вышел вместе с Анной — она просила немного проводить ее.

Когда они вышли на дорогу, было уже темно.

— Неприятно получилось, — заговорила Анна. — Если бы я знала, что за вопрос у Бокмелдера, я бы попросила его немного задержаться после собрания и все бы ему объяснила. Мне и с другими приходилось говорить о твоём прошлом. Но ты не слишком принимай это к сердцу. Люди все понимают и правильно оценивают тебя. Такие вопросы тебе придется слышать еще не раз, поэтому и головы не вешай.

— Я головы не вешаю, Анна... — ответил Айвар. — И все же неприятно... даже больно, когда бередят старые раны.

— За свою теперешнюю жизнь тебе стыдиться нечего, со временем забудется и старое, — немного помолчав, Анна спросила: — Как ты живешь, Айвар? Часто ли тебе приходится обедать?

Нежной лаской были эти слова для Айвара. Простая забота Анны взволновала его до глубины души: ей было безразлично, как он живет, как себя чувствует.

— Спасибо, Анныня... — ответил он. — У нас в бригаде хозяйство общее. По очереди варим суп и печем оладьи, а белье стирает жена одного тракториста.

Он расстался с Анной у ворот ее дома. Короткий разговор, каждое сказанное ею в тот вечер слово запечатлелось в памяти Айвара, и он, счастливый, медленно шагал домой. Ночь была теплая. Хотелось подольше побыть на воздухе в одиночестве... и все время думать об Анне, о будущем — без Анны его будущее было невысказано.

Отойдя с полкилометра от квартиры Анны, он вдруг вспомнил, что забыл рассказать ей о поездке в Ригу и передать привет от отца и Ильзы. «Вернуться? Она может подумать, что я нарочно забыл, чтобы зайти к ней. Лучше я приду завтра вечером... после работы... или когда вернусь из Айзпурской волости, — решил он. — В конце концов так даже лучше: будет предлог встретиться с Анной в ближайшие дни и немного поговорить о личных делах. Если обстоятельства позволят и хватит духа... может, намекну ей как-нибудь о своих чувствах... и, может быть, она...»

Нет, представить себе, что может быть дальше, он не мог.

На полпути от волисполкома до МТС, где дорога сворачивала в лес, граничивший с болотом, возле группы молодых сосенок стоял мужчина. Луна светила ему в спину, на дороге было светло, почти как днем, а человек стоял в тени. Безмолвный и неподвижный, он сливался с окружающим; его темный силуэт не выделялся на фоне сосенок.

По дороге, громко разговаривая, шли коммунисты и комсомольцы, возвращающиеся с собрания. Они прошли всего в нескольких шагах мимо стоявшего в тени человека, но ни один не повернул головы в его сторону. Немного погодя на дороге показались двое велосипедистов. Один был Клуга, другой — директор школы Жагар. Маленькие светлые пятна от фонарей, бежавшие впереди велосипедов, бледнели на освещенной луною дороге.

— У Лидума сегодня был довольно горячий денек, — говорил Клуга.

— Но он от этого только выиграл, — отозвался Жагар. — Теперь его авторитет вырастет.

— Так-то оно так, но я не хотел бы быть на его месте, — продолжал Клуга. — Когда Бокмелдер задавал эти вопросы о прошлом Лидума, мне было как-то не по себе.

Жагар что-то ответил ему, но стоящий в зарослях уже не мог расслышать его слов, хотя прислушивался очень внимательно. После этого на дороге довольно долго не появлялась ни одна живая душа. В болоте квакали лягушки, откуда-то издали донесся неприятный крик филина. Тихо пищали комары. Наконец снова раздался звук шагов. Когда в лунном свете на повороте дороги показалась рослая фигура Айвара Лидума, незнакомец сразу узнал его. Убедившись, что у Айвара нет спутника, он оставил укрытие и бесшумно, как привидение, появился на дороге рядом с парнем.

— Добрый вечер, Тауринь, — окликнул он Айвара.

Айвар вздрогнул и быстро отпрянул. Узнав Пикола, он поздоровался.

— Добрый вечер, Пикол... — сказал Айвар. — Вы меня испугали. Мне и в голову не могло прийти, что здесь меня кто-то ждет.

— К этому вам надо привыкать, — тихо засмеялся Пикол. — Я всегда буду встречать вас, когда вы меньше всего ждете этого. Иначе нельзя — живя в окружении, приходится быть настороже.

— Ко мне это не относится, — заметил Айвар.

— Ко всем относится. И к вам, пока не изменятся обстоятельства, —

сказал Пикол.

Луна освещала лицо Айвара, и Пикол наблюдал за ним.

— Пойдем потихоньку, я вас провожу немного... до опушки леса, — продолжал Пикол. — Нам надо поговорить.

Он пропустил Айзара вперед и пошел на расстоянии шага от него.

— Значит, вы были в Риге... — заговорил после небольшой паузы Пикол. — Ну как, не слишком придирались к вашему отчету?

— Настоящего отчета делать не пришлось, — ответил Айвар. — Начальник принял письменный доклад, перелистал его, задал несколько вопросов и этим ограничился. С таким же успехом я мог бы послать этот отчет по почте, но нельзя — считается секретным материалом.

— В следующий раз захватите одну копию для меня.

— Когда?

— Я сказал — в следующий раз. Держите всегда при себе. Когда встретимся, передадите мне. Ведь пиджак у вас с карманами?

— Понимаю, Пикол...

— Итак, сегодня вечером у вас были маленькие неприятности. Начали интересоваться вашим прошлым. Кто бы мог ожидать этого от Бокмелдера — сам такой тюлень, а какое любопытство, какая бдительность!

— Откуда вы это знаете? — Айвар с изумлением посмотрел на Пикола, тот таинственно усмехнулся.

— Как видите, знаю, Тауринь. У меня повсюду уши и глаза. Все знаю, что мне нужно. Прошу это запомнить.

— Вот это здорово, — Айвар силился улыбнуться. — Не скроешь ничего от вас.

— Так и должно быть, — сказал Пикол. — Только тогда можно успешно бороться.

«Кто бы это мог быть? — пытался отгадать Айвар. — На собрании были только активисты волости, давно известные и проверенные люди. По-видимому, у Пикола имеется среди них агент. Но может, он узнал как-нибудь иначе? Говорят, что и стены имеют уши... Может, Пикол сам подсматривал, ведь ставни не были закрыты?»

Когда Айвар еще раз посмотрел на своего спутника, он заметил, как при лунном свете что-то блеснуло в его правой руке. Это был ствол небольшого револьвера. Айвар отвел взгляд и сделал вид, что ничего не заметил. «Продувная бестия... — подумал Айвар. — Не доверяет, в любой момент готов перегрызть горло. Взять голыми руками будет трудно».

— Я написал ответ... отцу... — заговорил он.

— Вот хорошо, давайте сюда, — сказал Пикол. — Через несколько

дней ему доставят.

Айвар достал из кармана незапечатанный конверт и протянул Пиколу. Засунув правую руку с револьвером в боковой карман, Пикол взял конверт левой и, повернув к свету, внимательно осмотрел.

— Хорошо, что не написали имя, — сказал он. — Пришлось бы менять конверт. Умно сделали, что не заклеили, мы все равно распечатали бы. Письма, содержание которых нам неизвестно, наша почта адресатам не передает, — и он снова тихо засмеялся. — Видать, вы находчивый парень. Недаром, Тауринь, вами так интересуется руководство.

— Вы думаете, что из меня выйдет что-нибудь дельное? — весело, в тон Пиколу, спросил Айвар.

— Почему не выйти, если есть желание и определенные способности... — отозвался Пикол. — Мы, со своей стороны, поможем освоить все необходимое.

Спрятав письмо в карман, Пикол замер и на минуту весь превратился в слух — его что-то встревожило. Айвару тоже показалось, что за их спиной в лесу раздался звук шагов. Но сейчас все было тихо, только лягушки на болоте продолжали концерт да изредка слышались одинокие голоса ночных птиц.

Пикол повернулся к Айвару. Его лицо стало серьезным, взгляд назойливо впивался в глаза.

— Ну, вы обо всем подумали, Тауринь? Нам нужна ясность. Согласны вы начать работу и получить первое задание?

— Я готов, Пикол... — ответил Айвар, спокойно выдержав его взгляд. — Надеюсь, что невозможного вы не потребуете.

— Нет, пока ничего трудного не предстоит, — ответил Пикол. — Поймите, мы хотим вас как можно дольше сохранить для работы в легальных условиях. На вас не должно пасть ни малейшего подозрения, тем более что местные коммунисты не вполне вам доверяют, — вспомните только выступление Бокмелдера.

«Ни черта ты не знаешь, — подумал про себя Айвар. — Здешние коммунисты мне доверяют, даже Бокмелдер. Ясно, что тебе неизвестно, как кончилось сегодняшнее собрание. Значит, свою информацию ты получил не от участника собрания, а схватил как-то иначе».

У него будто камень свалился с сердца! Все-таки пурвайские активисты здесь ни при чем!

— Во-первых, вы должны передать мне копии ваших отчетов, — продолжал Пикол. — Будете регулярно информировать обо всех ваших наблюдениях и обо всем слышанном. Регистрируйте каждый

отрицательный факт, о котором вам станет известно. Попробуйте выяснить, кто из местных жителей слушает радиопередачи «Би-Би-Си» и «Голос Америки» и как они реагируют на это, — кое-кто из них может нам пригодиться. Составьте список семейств, близкие родственники которых подвергались со стороны Советской власти репрессиям: национализации, обложению кулацким налогом, суду. Это наш резерв, и мы не можем не пользоваться им. Выясните, по каким числам и в какой сумме привозят заработную плату: нам эти деньги очень пригодятся, мы не можем ждать, чтобы все средства давали из-за границы. Разведайте, как охраняется машинный парк и механическая мастерская, местный молочный завод, магазин потребительской кооперации, склад зерна — одним словом, все общественное и государственное имущество. Мы хотим знать, как организована противопожарная охрана, расписание дежурств взвода истребителей и как они вооружены. Пока все. Действуйте осторожно, незаметно и слишком не торопитесь. Никто не должен заметить, что вы — человек любопытный. А теперь расстанемся. Некоторое время вы мне не понадобится, однако будьте готовы, что я вас опять где-нибудь встречу, и держите при себе все собранные материалы — пока вы это можете делать без риска. Позже придется действовать иначе, но об этом я расскажу в другой раз. До свидания, Тауринь.

— До свидания, Пикол.

Пикол немедленно скрылся в лесу, Айвар отправился домой, обдумывая, как известить работников государственной безопасности о своей встрече с врагом и полученных от него заданиях.

Когда впереди показалась темная группа строений Сурумов, Айвара нагнал Жан Пацеплис. После собрания он провожал к Народному дому библиотекаря и комсорга Гайду Римшу и немного задержался. Мысли Жана вертелись вокруг Гайды: в последнее время он довольно часто думал о ней, она ему нравилась больше всех девушек.

Жан скоро свернул к усадьбе Сурумы, вежливо попрощавшись с Айваром. Айвар не прочь был побеседовать с братом Анны, но побоялся показаться назойливым, поэтому не стал удерживать Жана и не спеша продолжал путь к Ургам. В загоне тихо заржала лошадь. Пролетела летучая мышь, почти коснувшись лица Айвара. Ночной ветерок принес с болота запах гнили.

Глава четвертая

1

В середине июля исполнился год с того дня, как Анна Пацеплис стала парторгом Пурвайской волости. Время пролетело незаметно, как один непрерывный рабочий день; со сменой времен года менялись задачи, но никогда не случалось так, чтобы не приходилось делать что-то важное и неотложное; вечно ненасытная жизнь диктовала свои требования, нуждалась в вечно новом содержании, которое давал человек своей беспрестанной работой и бурным устремлением навстречу завтрашнему дню. Пурвайская волость со своими несколькими тысячами жителей походила на маленький мирок, в жизни которого повторялось почти все то, что в больших масштабах происходило в огромном Советском государстве: отмирало и гибло старое, рождалось новое, и вместе с народом рос, изменялся каждый отдельный человек.

Год не такой большой промежуток времени, но когда Анна оглядывалась на пройденный путь, ее поражали объем и разнообразие проделанного и начатого. Теперь из общей массы населения выделилась небольшая горсточка врагов, которые еще жили воспоминаниями о вчерашних привилегиях, мечтали о возвращении былого благополучия и всячески старались мешать победному шествию новой жизни. Но большинство народа с самого начала восприняло Советскую власть как свою родную власть, и никакие нашептывания, никакие слухи и запугивания не могли поколебать это большинство. Свободное от сомнений, оно смело и вдохновенно прокладывало дорогу к будущему сквозь обломки старого. Много еще было этого лома, похожего на ржавый металл, оставшийся на полях великих сражений. В один день все это нельзя было убрать и переплавить, но с каждым днем мир все больше и больше очищался от него.

Ничто не рождалось само собою, все создавалось упорным трудом. Кому-то надо было разбудить дремлющие в недрах народа силы. Эту роль взяла на себя коммунистическая партия. И в утро новой жизни мощным колоколом звенел ее призывный голос, поднимались миллионы и, воспрянув от векового сна, начинали жить.

Волей партии на Анну была возложена почетная обязанность глашатая борьбы и строителя новой жизни в родной волости. Робко, неуверенно

делала она первые шаги, но одинокой себя не чувствовала. Сейчас рядом с Анной стоял сильный, хорошо спаянный актив. С улыбкой вспоминала она сегодня первые попытки привлечь к общественной работе лучших людей волости и как исподволь подходила она к этим людям; как сдержанно некоторые из них принимали ее приглашения, отделяясь неопределенными обещаниями; как настойчиво она пыталась разгадать стремления каждого человека, учесть его желания, интересы; как, наконец, ей удавалось заинтересовать его новыми задачами и он становился убежденным строителем новой жизни.

Несколько позже Анна перешла к другим методам работы. Она созвала различные собрания. На первом собрании встретилась с волостной интеллигенцией: учителями, агрономами, врачами, служащими учреждений. Анна внимательно прислушивалась к тому, что говорили собравшиеся, отметила бытовые и производственные нужды и предложения. Она рассказала собранию о роли интеллигенции и задачах в строительстве новой, советской жизни и скоро нашла общий язык с большинством этих людей. После собрания большая часть интеллигенции включилась в общественную жизнь, стала работать в постоянных комиссиях, участвовать в различных культурных начинаниях. Это было первым достижением Анны.

Через неделю Анна созвала молодежь. На этом собрании пришлось говорить другим языком: у молодежи были свои интересы. Этим парням и девушкам надо было рассказать о новом содержании жизни и показать это новое так, чтобы оно не представлялось им сухим и серым. Период фашистской оккупации оставил следы в сознании молодого поколения пурвайцев, и этого нельзя было изжить простым приказом сверху. Анна и не надеялась, что сразу после собрания вся молодежь вступит в комсомол и станет активно участвовать в общественной жизни. Но когда в волости вскоре после собрания организовался драматический кружок, хор, хореографический коллектив и физкультурная группа, Анна была довольна. Хореографическим кружком ведала библиотекаряша Народного дома, дочь старшего агронома МТС — Гайда Римша, которую вскоре избрали комсоргом волости. Руководить хором взялся директор неполной средней школы Жагар — старый, опытный хормейстер, а драматическим кружком — участковый врач Зултер. Агроном Римша помог организовать кружок мичуринцев и маленькую лабораторию, где молодежь волости и некоторые крестьяне пополняли агрономические знания. За год пурвайская комсомольская организация утроилась.

На третьем собрании Анна встретилась с женщинами. Собралась

самая разнородная и в то же время самая благодарная аудитория. Пурвайские женщины, отупевшие от тяжелого труда, вековых предрассудков и религиозного дурмана, жили, как и в любом провинциальном углу Латвии, серой, заполненной мелочами жизнью. Их интересы не выходили за пределы семьи. Запуганные, робкие, они с недоверием слушали смелые призывы Анны; возможно, многие в душе и соглашались с ней, но не осмеливались откликнуться: а что скажет муж, соседи, пастор? Каждая боялась первой сделать решительный шаг. Анне надо было найти среди этой массы более смелых, предприимчивых, энергичных женщин. Ей помогла жена директора школы Жагара, очень уважаемая жителями волости. Когда она сразу после Анны взяла слово и начала говорить о том, какую огромную роль играет женщина во всех областях жизни Советского государства и каким образом хозяйки могут принять участие в различных начинаниях волости, аудитория зашевелилась: посыпались вопросы и завязался оживленный разговор. В результате около двадцати женщин стали работать в постоянных комиссиях, две — уполномоченными десятидворок, и в дальнейшем более половины участников народных собраний всегда составляли женщины!

Нельзя сказать, что и мужчины остались сторонними наблюдателями. Некоторые иронизировали, некоторые сердито ворчали на такое «баловство» жен, но большинство довольно скоро примирилось. Только новохозяин Липстынь проявил характер и категорически запретил жене участвовать в общественной жизни.

— Сиди дома и нянчи детей, если нет других дел, а бегать на всякие там комиссии нечего! — сказал он ей. — Тоже нашлась ораторша. Уж мы, мужчины, как-нибудь обойдемся в государственных делах без вашей помощи. До сих пор обходились и дальше не пропадем.

Анна, узнав об этом, однажды вечером пришла к Липстыню.

— В каком государстве вы живете, товарищ Липстынь? — спросила она.

— Как в каком? — удивился Липстынь, еще довольно молодой мужчина. — Где, как не в Советском Союзе.

— Ходят слухи, что вы хотите ввести в нашей волости новую конституцию, — продолжала Анна. — Советская конституция вам не подходит.

— Конституция есть конституция, и я по ней живу, так же как вы и все прочие.

— А в своей семье стараетесь поддерживать такой порядок, как у турок. Жена да убоится мужа, не так ли?

— Вы не смешивайте семейные дела с государственными! — сердито крикнул Липстынь. — Никто вам таких прав не давал.

— В Советском государстве мужчины и женщины пользуются равными правами. Ваша жена — полноправная гражданка, а не рабыня. Почему вы запрещаете ей участвовать в общественной жизни?

— Еще раз повторяю вам: не вмешивайтесь в мои семейные дела. Это мое личное дело. Я беспартийный, поэтому особенно-то мною не командуйте.

— Ну, а если ваша жена через некоторое время вступит в партию? Может, вы и это ей запретите?

— Это мы еще посмотрим... — проворчал Липстынь. — У вас совета я не спрошу. Достаточно пожилы и сами знаем, что нам на пользу.

— Тогда не забудьте: вашего согласия в этом деле тоже никто не спросит.

Анна стыдила, убеждала Липстыня до тех пор, пока его не бросило в жар. Покрасневший, сердитый, он слушал парторга. Временами, когда жена тоже добавляла какую-нибудь колкость, его так и передергивало. Наконец у него вырвалось откровенное признание:

— На что же это будет похоже, если жена начнет работать в разных там комиссиях, а муж нигде? Все будут знать жену, а муж будет каким-то приложением. Прозовут мужем Липстыниене. Разве это порядок?

— Ах, вот в чем дело! — засмеялась Анна. — Да кто же вам мешает работать в комиссиях? Милости просим, хоть завтра начинайте. Общественники нам всегда нужны. Ведь это приветствовать надо, что вы не хотите отставать от жены.

Недоразумение ликвидировалось быстро и успешно: волостной актив приобрел еще одного нового члена, и он оказался отнюдь не малоценным.

2

Проработав весь день на ремонте прицепного инвентаря, Жан Пацеплис пришел под вечер домой, умылся и переделся в лучший костюм. Сегодня он должен был идти в Народный дом на репетицию хореографического кружка и заодно хотел обменять в библиотеке книги. И там и тут ему придется встретиться с Гайдой Римша. Вообще выходило так, что Жану всюду приходилось встречаться с этой девушкой; в кружках, в библиотеке, на комсомольских собраниях и даже в МТС, где отец Гайды был старшим агрономом и где она жила, — повсюду их дороги встречались

так неожиданно и просто, что даже самые завзятые любители сплетен не могли усмотреть в этом ничего подозрительного.

С весны Жан работал прицепщиком у самого лучшего тракториста — Васильева. Тот учил его обращаться с трактором и прицепным инвентарем. Жан обзавелся учебниками и уже давно усвоил технический минимум. Как большого праздника, ждал он того дня, когда сможет сесть за руль трактора «СТЗ-НАТИ» и самостоятельно провести первые глубокие борозды в каком-нибудь старом клеверище или на затвердевшей залежи. Но на этом Жан не хотел успокаиваться: если будущей зимой не случится ничего непредвиденного, он обязательно поедет на курсы. Молотилка, комбайн, сложные мелиоративные агрегаты и механизмы, которые вступят в работу следующей весной, давно заинтересовали парня, ему все надо было освоить, чтобы стать настоящим трактористом.

— Куда это опять наш инженер собирается? — иронически спросил старый Пацеплис, наблюдая за сборами сына. — Какая юбка поджидает тебя?

— Многие и разные, — ответил Жан, причесываясь перед потускневшим зеркалом на комод. — Никак не меньше десяти.

— Так, так, так... — покачал головой Пацеплис. — Только и носится, только и бегаёт. А на лугу трава переспеваёт. Ни ангелы, ни гномы помочь не придут.

— Зачем ждать ангелов и гномов? — возразил Жан. — Давно бы скосили по утрам, если бы ты помогал.

Жан каждое утро, до ухода в МТС, косил, предоставляя отцу и мачехе сушку и уборку. Раза два в неделю он работал и по вечерам, но отцу этого казалось мало — не для того он сына растил, чтобы сейчас самому гнуть спину на тяжелых полевых работах. Несмотря на свои пятьдесят шесть лет, хозяин Сурумов был еще полон сил, ему нельзя было дать и пятидесяти, наверно потому, что он никогда не надрывался на тяжелой работе. Отвезти бидон молока на молочный завод, для виду немного покопошиться во дворе, что-нибудь починить, потормозить остальных членов семьи и несколько часов поболтать за стаканом пива с пурвайскими хозяевами о мировой политике — разве этого недостаточно для такого почтенного человека? Только прошлой зимой (из-за этой самой Анны) пришлось несколько месяцев поработать в лесу и на вывозке бревен. Но пусть Анна не думает, что так будет продолжаться вечно. Пацеплис уже говорил с фельдшером и получил хороший совет. Надо раздобыть от участкового врача Зултера свидетельство о болезни, тогда никто не заставит его работать. Правда, Зултер слыл человеком довольно самостоятельным и

свидетельствами о болезни не разбрасывался, но если свезти ему кадочку масла или окорок, он станет сговорчивее и найдет у Пацеплиса какую-нибудь болезнь — не может быть, чтобы опытный врач не нашел во внутренностях любого человека какую-нибудь хворь.

Когда Жан сел за стол и стал торопливо есть, Пацеплис с Лавизой начали посмеиваться над молодым трактористом.

— Наверно, метишь в директора МТС... — говорил Пацеплис.

— Почему же нет? — ответил Жан. — Если хорошо буду работать да учиться, может быть, и стану когда-нибудь директором.

— Всю жизнь на других работать, — заговорила Лавиза. — Сам ни над чем не хозяин. Как придет старость, пойдешь с клюкой по миру.

— Неужели ни один колхоз не примет? — пошутил Жан. — Люди, которые умеют работать на машинах, всегда и везде нужны.

— Болтает, как полоумный! — крикнула Лавиза. — До тех пор будешь каркать об этих колхозах, пока не накаркаешь.

— Слышал я, что и у нас скоро возьмутся за это, — продолжал как ни в чем не бывало Жан. — Только, чур, не прозевайте со вступлением.

Пацеплис, выпучив глаза, посмотрел на Жана.

— Ты так много не мели. Пусть идет в колхоз, кто разум потерял. А я свой век проживу и без колхоза. Да чего тут разговаривать, с колхозами в Латвии у них ничего не выйдет. Здесь не Россия. Здесь деревень нет. Латыш привык хозяйничать в одиночку.

— Кто это тебе сказал? — спросил Жан. — Может... в библии вычитал?

— Библию ты оставь в покое, греховодник! — заверещала Лавиза. — Сам живет, как язычник, даже не подтвержден... святого причастия не принимал.

— Насчет библии ты полегче, — проворчал Пацеплис. — Я верю в своего бога, а ты можешь беситься как хочешь, все равно со мной ничего не сделаешь.

Набожным Пацеплис стал совсем недавно. Всю жизнь он свои обязанности прихожанина исполнял чисто формально: раз в год платил приходский налог, у пастора венчался, крестил детей, с пастором похоронил покойных жен, но в церковь ходил раз в десять лет. Наплыв религиозных чувств начался с прошлой зимы, и цель здесь была одна: досадить Анне и Жану, а заодно и всем волостным коммунистам и комсомольцам. Зная, что Анне и Жану это не понравится, Пацеплис разыскал в оставшемся после матери хламе старую библию в деревянном переплете и сборник церковных песнопений. Теперь обе книжки постоянно

лежали в комнате хозяина на столе, и песнопения открывали, когда на чету Пацеплисов находило настроение попеть, библия же все время была раскрыта на апокалипсисе — книге откровения Иоанна Богослова. Если в Сурумы заглядывали Анна или кто-нибудь из работников волисполкома, Антон Пацеплис тотчас садился к столу, для пущей важности надевал на нос очки и погружался в сосредоточенное изучение библии. Когда посетитель уходил, вслед ему звучала мелодия какого-нибудь известного церковного песнопения.

То же случилось и сейчас. Разозленный шутками Жана, Пацеплис достал книгу и, подсев к окну, медленно и торжественно затянул:

Господь бог наша крепость,
Что в бедах укрывает,
Высокий наш заступник,
К кому мы прибегаем.

Жан нервно заерзал и нагнулся над столом, делая вид, что пение его не задевает. Тогда к баритону Пацеплиса присоединился заунывный альт Лавизы.

— Хватит чудить! — не выдержал наконец Жан. — Меня все равно не обратите!

Но супружеская пара, казалось, по-настоящему воспылала ханжеским пламенем; голос Пацеплиса торжественно и угрожающе загудел, как орган, Лавиза визжала, вытаращив глаза на Жана, и каждое слово было нацелено прямо в него, как стрелы самого святого духа:

Пусть духов злых и сонмы
И нас пожрать хотят,
Мы все же божья паства —
Не одолеть им нас.

— Очень надо кому-то возиться с вами! — рассмеялся Жан и встал из-за стола. — Цирк устроили. Жаль только, никто не хочет слушать ваш концерт.

Надев пиджак, он поспешил уйти из дому, но и во дворе до него доносились голоса отца и Лавизы.

Спустя час Жан уже находился в ином мире. Обменяв в библиотеке

книги, он вместе с Гайдой пошел в Народный дом, где происходили занятия хореографического кружка. Один из комсомольцев играл на рояле плясовые мелодии, шесть парней и девушек под руководством Гайды разучивали «Колесико», «Мельницу» и «Ачкуп». Они собирались еще разучить несколько русских, украинских и молдавских танцев. Коллектив Пурвайской волости хотел этой осенью участвовать в смотре художественной самодеятельности: лучшие коллективы могли рассчитывать на участие в объединенном концерте самодеятельности уезда, а отличники должны были выступить в Риге, поэтому рвение было большое.

Первой парой во всех танцах выступали Гайда и Жан. Жан старался изо всех сил; сильный, ловкий, на полголовы выше Гайды, которая тоже была не из малорослых, он почти не чувствовал веса девушки, когда поднимал ее при исполнении какой-нибудь фигуры.

Во время танца им часто приходилось переглядываться и улыбаться друг другу. Хотя это была только игра, обязательный элемент их роли, Жану каждый взгляд Гайды казался полным скрытого, ему одному понятного смысла.

Серьезно исполняя все, что предусматривалось фигурами танца, Жан не позволял себе ни малейшей вольности, а когда пляска кончалась, он становился тем же робким, молчаливым парнем, каким обычно был в обществе Гайды.

— Айзупчане уже сшили себе национальные костюмы, — сообщила Гайда во время перерыва. — У нас только у половины кружковцев есть костюмы. Если мы решили участвовать в смотре, то без одинаковых костюмов не обойтись.

Это был довольно сложный вопрос. Материал как-нибудь нашли бы, но его надо было купить, а участники кружка большими деньгами не располагали.

— Несколько костюмов можно приобрести на средства Народного дома, — сказала Гайда, — у них есть небольшой остаток от последних спектаклей. Но нам придется серьезно подумать, как приодеть остальных. Сбирать пожертвования неудобно, а занять не у кого.

— Себе костюм я сделаю, — сказал Жан. — Помогите только найти портного, который знает толк. А чтобы сшить костюмы остальным, я предлагаю устроить концерт в Народном доме, когда разучим программу. Билеты платные. После концерта — танцы. Думаю, в публике недостатка не будет.

— Можно попробовать, — согласилась Гайда. — Умру, а наш кружок

должен попасть на уездный отборочный концерт. За две недели надо подготовиться как следует. Итак, за работу, ребята!

И снова зазвучал рояль и пол загудел под ногами танцоров. Они репетировали еще целый час. После репетиции некоторые устали больше, чем от работы на лугу или в поле, но, когда расходились домой, снова звонко и беззаботно звучали в вечерних сумерках их молодые голоса.

Гайда в тот вечер шла домой, к родителям, поэтому у Жана была попутчица. Разговор, как обычно, пришлось поддерживать Гайде, так как Жан редко отваживался задавать ей вопросы.

— Отец говорил, что ты скоро получишь трактор? — спросила девушка, когда они вошли в лес. — В какой бригаде будешь работать?

— Наверно, у Васильева, — ответил Жан. — Его собираются назначить бригадиром вместо Себра, а того посылают учиться на курсы директоров.

— А ты учиться не думаешь?

— Конечно, думаю. Но на курсы директоров мне еще рано. Надо несколько лет поработать на тракторе и у молотилки.

— Правильно. Но думать об этом надо. Ты еще всему можешь научиться.

— Я буду учиться, Гайда... — от волнения у Жана осекся голос. Как могло случиться, что Гайда знала его сокровеннейшие мысли? Будто думала о его жизни, о его будущем... «Неужели она вспоминает когда-нибудь обо мне? Кто я такой? Простой крестьянский парень. А она окончила среднюю школу. Отец агроном. Мне очень много надо учиться и расти, чтобы догнать ее и говорить с ней, как с равной. Сбудется ли это?»

Жан Пацеплис осмеливался мечтать об этой девушке, но он долго-долго, может быть несколько лет, будет молчать об этом, бороться и расти, а когда-нибудь заговорит, и тогда... тогда или двое станут счастливыми на всю жизнь, или на свете будет одним несчастным больше.

3

Спустя несколько дней после собрания в волисполкоме Айвар с Мурниеком и Финогеновым уехали в Айзпурскую волость и встретились там с местным партторгом и председателем волисполкома. Предложение об участии крестьян этой волости в работах по осушке Змеинового болота и о социалистическом соревновании между обеими волостями встретило горячий отклик. Айвар познакомил руководителей волости с проектом и

пообещал в следующее воскресенье приехать снова, чтобы участвовать в народном собрании и помочь парторгу и председателю волисполкома разъяснить населению предстоящую задачу.

В МТС они вернулись поздно вечером. Айвара ждал начальник уездного отдела Министерства государственной безопасности майор Регут. Переодевшись в штатское, в сером дождевике и кепи, он походил на обычного служащего.

Айвар повел Индрика в свою комнату, и там они разговаривали вполголоса почти целый час. Индрик уже знал, что Айвар позапрошлой ночью встретился с Пиколом. Выслушав рассказ Айвара о разговоре с бандитом, он сказал:

— Теперь тебе больше одного раза встретиться с ним не придется. Пиколо можно было арестовать в ту же ночь, когда вы с ним расстались у болота, но мы не сделали этого потому, что надо было напасть на след его банды. Банда новая, недавно организованная и не успела пока ничего натворить. Нам надо условиться о дальнейших действиях.

Индрик Регут дал Айвару несколько дельных советов, и они договорились, что при следующей встрече с Пиколом Айвар задержит бандита.

— В случае необходимости мы тебе поможем, — сказал Индрик. — Кое-кто из моих людей остается здесь, а я вернусь в город. Появлюсь снова, когда надо будет провести операцию.

На четвертый день он снова приехал в Урги и сообщил Айвару, что тот должен быть готов к встрече с Пиколом.

— Пикол снова ищет тебя. Поможем ему встретиться, только сделаем это днем. С наступлением темноты не выходи из дому.

Следуя совету Индрика Регута, Айвар стал теперь ходить только по одной дороге и всегда носил с собой кучу бумаг. Чтобы облегчить Пиколу подход, Айвар лишь два раза в день встречался со своими товарищами, а все остальное время работал на болоте особняком. Можно было предположить, что Пикол сперва хорошо изучит маршрут Айвара и постарается встретить его в наиболее выгодном месте и в удобное время. На совершенно открытом месте он вряд ли подойдет к нему, а Айвар избегал слишком густых кустарников. В распоряжении Пиколо оставались две небольшие площадки среди редкого кустарника, мимо которых два раза в день проходил Айвар. Как-то к вечеру, возвращаясь домой, Айвар встретился на одной из них с бандитом.

Так же как в прошлый раз, Пикол внезапно вынырнул на тропинку и преградил Айвару дорогу.

— Добрый вечер, Тауринь... — приветствовал он Айвара, протянув руку, но тут же сунул ее в карман.

«Держись, держись за револьвер, — думал Айвар. — Все равно тебе придется выпустить его».

Все было рассчитано до последней мелочи. Нужны были абсолютное хладнокровие и быстрота действий. Айвар с Индриком даже несколько раз прорепетировали всю сцену.

— Я не надеялся, что нам так скоро посчастливится встретиться, — сказал Айвар.

— Обстоятельства заставили поторопиться, — ответил Пикол начальственным тоном. — По решению руководства мне скоро придется отбыть в ответственную командировку. Не знаю, надолго ли, ясно только, что я не смогу с вами встречаться несколько месяцев.

— Жаль... — сказал Айвар. — У меня как раз сейчас наклеивается случай достать очень интересные и ценные материалы. Теперь они уплывут из-под носа.

— Почему уплывут? — Пикол пожал плечами. — Все нужно использовать. Именно поэтому я и поспешил с вами встретиться.

— Сегодня при мне только копии отчетов и еще кое-какие материалы, которые удалось собрать за это время, — сказал Айвар. — Но это не самое ценное, через несколько дней я буду точно знать, когда повезут заработную плату персоналу МТС и по какой дороге. Будет изрядная добыча.

— Очень хорошо, Тауринь. Это мимо нас не пройдет. Вы все это сообщите другому человеку. Начиная с нынешнего дня, вы переходите в подчинение моего заместителя. Завтра после работы не ходите домой, а направьтесь по дороге в сторону волисполкома. На полпути, примерно там, где мы встретились в прошлый раз, вы встретите человека. Условный знак — альпаковый портсигар с головой оленя на крышке. Он будет держать его в руке и спросит: «Нет ли у вас спичек, товарищ? Нечем закурить, а курить очень хочется». Вы ответите: «Только-то беды? Пожалуйста, бериге хоть всю коробку». После этого можете начать разговор и действовать в зависимости от обстоятельств. Ясно?

— Все ясно, Пикол.

— Повторите, что я вам сказал.

Айвар повторил пароль.

— Хорошо, только не забудьте ни одного слова.

Айвар лихорадочно обдумывал, как ему сейчас действовать. «Врет ли Пикол, говоря о скором отъезде? Может, он почуял что-то неладное и у него проснулось недоверие ко мне, вот и сочинил историю о своем заместителе

и портсигаре с головой оленя на крышке? Но если это не выдумка, то разве в таком случае разумно задерживать Пикола сегодня? Его возьмут, а заместитель останется на свободе — он ведь узнает, что Пикол попался, и не пойдет на свидание. Что посоветовал бы в этом случае Индрик?» И вдруг Айвар вспомнил, что Пикола все равно сегодня вечером задержат люди Индрика, если этого не сделает он, — они же ничего не знают о новом, непредвиденном обстоятельстве, а сообщить им нет никакой возможности.

«Нечего мудрить...» — и он решил действовать. Его план был построен на простом психологическом расчете: надо добиться, чтобы Пикол, эта сверхосторожная бестия, на несколько секунд выпустил из рук револьвер. Возможно, что и не Айвар был причиной этой осторожности — она вошла в плоть и кровь бандита: живя в лесу, он привык каждую минуту ждать опасности. Если Айвар даст ему возможность уйти подброду с оружием, он успеет выстрелить, когда его попытаются задержать люди Индрика Регута, может даже убить или ранить кого-нибудь. Чтобы не подвергать риску товарищей и захватить бандита живым, Айвар должен был справиться с ним сам.

— Пикол... — заговорил он. — А материалы, что я принес, возьмете вы или передать их вашему заместителю?

— Ах, материалы! — отозвался Пикол. — Давайте сюда. Что у меня в руках, то мое.

Айвар достал из карманов несколько пакетов и свертков, сложил их в кучу и подал Пиколу. Бумаг было столько, что нельзя было взять их одной рукой и рассовать по карманам. У Пикола разгорелись глаза при виде этого богатства.

— Вы дьявол, а не парень, — засмеялся он. — Видать, что старались не за страх, а за совесть.

Вынув из карманов руки, Пикол протянул их, трясущимися пальцами, как скупец, принимающий деньги, схватил бумаги, имевшие лишь макулатурную ценность. Прижав к груди левой рукой конверты и свертки, правой он торопливо отстегнул пуговицы френча и стал запихивать один сверток во внутренний карман.

Именно этого момента ждал Айвар. Когда правая рука Пикола на несколько секунд застряла во внутреннем кармане френча, Айвар бросился на него и сильным ударом в подбородок оглушил и сбил бандита с ног. В следующее мгновение он уперся коленом в грудь Пикола, еще раз ударил в подбородок, вытащил из его кармана револьвер и отбросил в сторону. Затем заткнул бандиту рот тряпкой и связал ему руки.

Айвар поднял револьвер Пикола и сунул себе в карман.

— Ну, завоеватель мира, подавился? — тихо сказал он. — Хотел меня купить, сделать своим слугой... Не выгорело...

...Через полчаса люди Регута схватили там же на болоте еще двух бандитов, следовавших за Пиколом и напрасно ожидавших в кустах возвращения своего шефа. В ту же ночь бойцы окружили в Аурском бору базу бандитов — две ловко замаскированные землянки. Трех бандитов пристрелили во время боя, четверых взяли живьем. У одного из них нашли в кармане альпаковый портсигар с головой оленя на крышке.

Теперь Айвару не было смысла идти на свидание с заместителем Пикола.

Индрик поблагодарил его за ценную помощь и в ту же ночь отвез бандитов в Ригу. На машинно-тракторной станции и в Пурвайской волости никто и не подозревал, какую роль сыграл Айвар в успешно проведенной операции.

4

Была середина октября...

На полях еще гудели кое-где молотилки. Запоздавшие крестьяне вспахивали холодную намокшую землю. В воздухе слышалось курлыкание журавлей. У мельниц стояли длинные ряды подвод с привезенным для помола зерном, а на дорогах по утрам раздавались звонкие, веселые голоса школьников.

Бригада Айвара Лидума давно кончила работу на болоте и перенесла деятельность на ближайшие окрестности. В портфеле Айвара накапливался материал для большого проекта, который надо было кончить зимой в проектной мастерской. Мысль о том, что через несколько недель можно вернуться в Ригу, вызывала у Айвара разноречивые чувства: ему и в городе хотелось пожить и пугала разлука с любимой; ведь Анна останется здесь, и, может быть, они не увидятся до самой весны.

В их отношениях пока ничего не изменилось. Несколько раз в неделю они ненадолго встречались, но их всегда окружали люди. Если в Народном доме шла постановка или концерт, Айвар не пропускал их, в надежде побыть возле Анны. Длинные дождливые вечера он проводил в своей комнате, готовясь к очередным экзаменам в академии. Дни проходили в напряженной, интересной работе, но Айвару все время казалось, что ему чего-то не хватает, что он находится накануне каких-то больших событий,

которые совершенно переделают его жизнь. Тридцать лет прожил он на свете, но ему казалось, что он только начинает жить, что все происходившее до сих пор лишь прелюдия к чему-то большому и прекрасному.

А как Анна? Где-то в сокровенных глубинах души и Анна чувствовала пустоту, эту пустоту не могли заполнить ни работа, ни учение, ни общение с другими людьми. На лице ее часто застывало задумчивое выражение. Она порой задумывалась на полуслове, стала молчаливой, редко улыбалась.

Как-то вечером, вернувшись с работы, Айвар в конторе МТС получил письмо. Судя по штампу, письмо пришло из уездного города, адрес был написан печатными буквами. Войдя в комнату, Айвар вскрыл конверт и прочел:

«Айвар Тауринь!

Мы хотели тебя спасти, указали верный путь, но ты отверг нашу помощь. Большое преступление лежит на твоей совести: ты обманул нас и перешел на сторону наших врагов. Мы это знаем, и тебе все равно придется держать ответ. Если хочешь спасти свою жизнь, делай то, что мы тебе приказываем; не ради тебя даем эту возможность, а ради твоего почтенного отца, Рейниса Тауриня. Работай для нашего дела, выполняй то, что тебе велел человек, с которым ты встречался и от которого получил письмо отца. Все сведения, что тебе велели приготовить, доставь в недельный срок и передай человеку, который придет к тебе с оставленным Пиколом паролем. Не пытайся тянуть и избегать встречи! Твоя судьба в твоих же руках. Если выполнишь, что от тебя требуют, будешь прощен. В противном случае тебе грозит беспощадная месть. Мы знаем про тебя несколько компрометирующих фактов, они тебя погубят, не забудь об этом.

Хозяева болота».

«Опять... — думал Айвар. — Не можете успокоиться, надеетесь сбить с толку. Когда же наступит конец этой подлой игре?»

Его размышления прервал Финогенов.

— Тебя к телефону!.. — крикнул он, постучав в дверь. — Кажется, парторг волости.

Айвар сунул письмо в карман и пошел в кабинет директора МТС. Драва уже несколько дней как уехал по делам в Ригу.

— Слушаю... — сказал Айвар, взяв трубку.

Он услышал голос Анны:

— Добрый вечер, Айвар. Ты сейчас сильно занят?

— Как обычно, Анна, — отозвался Айвар. — Ничего особо срочного и неотложного нет. Что ты хотела?

— Мне надо поговорить с тобой об одном... странном деле. Если можешь, приходи вечером в исполком. Я буду здесь еще долго.

— Приеду... хоть сейчас.

— Ладно, Айвар, буду ждать.

Предупредив Финогенова, что уезжает в волисполком, Айвар побрился, переоделся, сел на мотоцикл и помчался к Анне.

Работники волисполкома уже разошлись, свет горел только у Анны; Айвар это заметил сразу, хотя ставня были закрыты. Поставив мотоцикл во дворе, Айвар вошел в дом и, постучав в дверь маленькой комнатки, где все до последней мелочи было ему знакомо, вошел.

Анна поднялась навстречу и крепко пожала его руку.

— Я испортила тебе вечер, — заговорила она. — Прости, друг, но мне очень хотелось спросить у тебя совета. Садись...

Айвар сел, Анна вынула из письменного стола конверт и положила перед Айваром.

— Вот, прочти сперва, Айвар.

Айвар прочел письмо:

«Послушай, проклятая!

Хватит! Чаша терпения нашего переполнилась. Сук, на который ты вешала одну мерзость за другой, должен обломиться!

Мы тебя давно предупреждали, но ты не послушалась голоса народа. Не думай, что ты недосыгаема; грозная рука правосудия найдет тебя в любом месте, и тебе придется за все ответить. Делай так, как велит тебе народ: сразу же скройся отсюда! Даем тебе пять дней сроку. После этого чтоб духу твоего здесь не было. Если не выполнишь нашего приказа, пеняй на себя, ты будешь наказана. Красный петух пойдет по крышам, а тебя ждет пуля или петля.

Хозяева болота».

— Что ты на это скажешь? — спросила Анна, когда Айвар прочел анонимное письмо.

— Видно, майору Регуту еще не удалось обезвредить всех здешних негодяев, — ответил Айвар. Он вынул из кармана свое письмо и подал Анне. — Прочти. Почерк тот же, подпись одинакова.

Анна прочла письмо, потом, заметно смутившись, посмотрела на Айвара.

— Что за Пикол, Айвар? Ты... встречался с ними?

— Они разыскали меня и хотели завербовать. Пришлось несколько раз с ними встретиться. Но не беспокойся: все делалось с ведома Регута. Удалось ликвидировать целую банду — помнишь, летом, когда он приезжал со своими людьми.

Анна задумалась. Лицо ее стало озабоченным.

— Ты, Айвар, играешь в опасную игру... — наконец заговорила она так тихо, будто боялась, что кто-нибудь посторонний услышит ее. — Этого они не простят тебе.

— Что там простят или не простят! — с горячностью воскликнул Айвар. — Важно то, что я им не прощу. Меня оскорбляет одно то, что они вообще осмелились рассчитывать на меня. Это личное оскорбление, и как я на него отвечу — тоже мое личное дело. Ответ может быть только один — борьба!

— Правильно, Айвар, бороться надо, только ты ошибаешься, если думаешь, что это только твое личное дело. Ты не обижайся, но я должна сказать, что ты часто руководишься личными мотивами и подчеркиваешь их. А в нашей жизни нередко случается так, что ради общественного блага приходится забывать личные интересы. Ты не имеешь права поступать, как тебе заблагорассудится.

Айвар обиженно сжал губы.

— Выходит, мне надо уйти с линии огня и ждать, пока общество разрешит мне вступить в борьбу с врагом, — сказал он.

— Речь идет не о бездеятельности, а о разумной осторожности, — возразила Анна. — Не забудь, что ты принадлежишь не одному себе.

— А как ты думаешь ответить на это письмо? — спросил Айвар.

— О чем тут думать, Айвар? Ты сам сказал, что есть только один ответ — борьба. И я встану на этот путь. Мы постараемся, чтобы к весне в Пурвайской волости организовался колхоз, чтобы за несколько лет вся волость была сплошь коллективизирована одной из первых в Латвии. Но нельзя оставлять угрозы наших врагов совсем без внимания. Я не боюсь выстрела из-за угла. Боюсь другого, Айвар... Представь, Айвар, если ночью начнется пожар и сгорит молочный завод или МТС... Надо усилить бдительность, стать более нетерпимым к разгильдяйству и небрежности...

Следует обеспечить такой порядок, чтобы враг не смел подойти к государственному и общественному имуществу на расстояние пушечного выстрела. Ты солдат, у тебя опыт в таких делах. Завтра я поговорю с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества, с Регутом, с уполномоченным милиции. Необходимо правильно поставить задачу, мне нужен твой совет, поэтому я и просила тебя прийти. Но общими требованиями я ничего не добьюсь, мне нужно конкретно знать, что потребовать от каждого, что каждому поручить. Помоги мне, Айвар, я знаю, ты это можешь...

Тревога Анны была своевременна. До сих пор никаких пожаров и диверсий не случилось, и люди, которым была поручена охрана общественного имущества, стали относиться к этой обязанности спустя рукава, считая ее лишней и обременительной. В системе охраны не все было продумано до конца, оставались щели, через которые мог свободно проникнуть враг. Но самым большим злом была самоуспокоенность некоторых работников.

Долго в тот вечер совещались Айвар и Анна. Айвар дал много полезных советов, а в самом конце сказал:

— Не знаю, хорошо ли ты делаешь, что живешь во всем доме одна. Почему тебе не переселиться в исполком? Разве здесь не найдется лишней комнаты? Потом совсем не обязательно всем знать, где ты ночуешь. Борьба остается борьбой.

— Не преувеличивай, Айвар, — впервые за этот вечер усмехнулась Анна. — Это обычная угроза. Они сейчас мною заниматься не будут.

— Не говори так. Не надо впадать в панику, но и не надо слишком легко относиться к угрозам врага. Подумай о том, что я сказал.

— Ладно, подумаю... — обещала Анна.

Айвар отвез ее на мотоцикле домой, подождал под окном, пока она вошла в дом и зажгла свет. Уезжая, он думал о том, что окно Анны без ставней, — любой мерзавец может подобраться ночью, бросить в комнату гранату и безнаказанно уйти.

«Если она не переедет в исполком, я уговорю ее сделать ставни. Лучше даже не спрашивать ее согласия, а договориться со столяром, пусть сделает».

...На следующий день Анна поговорила с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества, с Регутом и другими руководящими работниками.

Ночью неизвестные злоумышленники пытались поджечь машинный сарай МТС, но пожар вовремя был замечен и потушен.

Прошло полторы недели. И вот однажды Айвар услышал, что накануне вечером, когда Анна возвращалась из исполкома, у самого дома в нее стреляли из револьвера и ранили ее. Легкое или тяжелое было ранение, никто сказать не мог. Известно было только, что Анну в ту же ночь увезли в городскую больницу.

Айвар бросил все дела и на мотоцикле помчался в город.

— Почему ты не послушалась меня, дружок, — шептал он, и сердце его сжималось от тяжелых предчувствий. — Ведь я предупреждал тебя, просил быть осторожнее.

Он был готов уничтожить на месте негодяя, осмелившегося поднять руку на Анну. Но где этот негодяй, где искать его?

5

Ранение было не тяжелым: пуля прошла сквозь левое плечо, разорвав мышечную ткань, но кость не задела. Когда врач промыл рану и сделал перевязку, Анна заикнулась о возвращении домой.

— Из-за такого пустяка не стоит лежать в больнице.

— Из-за такого пустяка вы можете остаться без руки, — ответил врач. — Недельки две придется провести у нас, ни одного лишнего дня мы вас в больнице не продержим.

Анну поместили в маленькую светлую комнатку с окном в сад. В комнате были две кровати. Больная, лежавшая на второй кровати, утром выписалась, и Анна осталась одна.

Для человека, привыкшего к напряженной работе, всего тяжелее вынужденное бездействие. Уже через несколько часов Анна заскучала и не знала, чем заняться. Ее тревожила мысль о множестве начатых и незаконченных дел — кто их сейчас будет двигать вперед? «Через несколько дней должно состояться партийное собрание... В политкружке сегодня первый осенний семинар... Еще не вся свекла доставлена на приемный пункт... Только бы Регут не затянул с началом лесозаготовок — сейчас самое лучшее время для рубки...»

Она глядела в окно на оголенные липы и каштаны, только редкие пожелтевшие листья еще дрожали на ветру, будто передавая печальный привет ушедшего лета. Небо потемнело, мрачные тучи неслись над городком. В окно стучали дождевые капли.

Давно не думала Анна о своей жизни, теперь было время подумать. И вдруг ей стало грустно и тяжело от этих мыслей. Двадцать четыре года

прожито на свете, и все больше трудные и горькие годы. Что она видела, пережила, почувствовала? «У тебя много хороших друзей, перед тобой ясные, благородные цели, за которые стоит бороться не щадя сил, но нет теплого, солнечного уголка, который принадлежал бы только тебе, — укромный уголок личного счастья... Где он, почему ты его еще не нашла? Единственный близкий человек, твой брат, все реже показывается на твоём пути; в его жизни заблестел какой-то свет, и он тянется к нему, не зная еще, что найдет — настоящее яркое пламя или обманчивый, блуждающий огонек».

Ныло плечо, а когда Анна шевельнула рукой, до самого локтя пронзила острая боль. Внезапно хлынул дождь с градом, стекла задрожали, все заглушило тоскливое завывание ветра. Осень... осень...

«Хватит... — сказала себе девушка. — Не поддавайся грусти. Все правильно и хорошо, придет время — снова засияет солнце, на деревьях распустятся листья. Твоя жизнь еще у истоков, ты не можешь даже представить, что придется пережить. Две недели в больнице — пустяк, а что если бы пуля нашла дорогу к твоему сердцу?»

В дверь постучали.

— Пожалуйста, — отозвалась Анна.

В комнату тихо проскользнул Артур Лидум в белом, слишком коротком для него халате. Лицо его было озабоченно. Легко и бережно пожал он руку Анны, осторожно сел на стул и долго смотрел на девушку, будто отыскивая ответ на какой-то трудный вопрос, который не давал ему покоя.

— Вот до чего мы дожили... — начал он. — В больнице, рука на перевязи, бледные щеки... Сильно болит, Анныня?

— Пустяки, Артур... — улыбнулась Анна. — У врачей дурная привычка все преувеличивать. Говорят, придется пролежать недели две. Но это совершенно зря.

— Тсс... — Артур приложил палец к губам. — Предоставим врачам право решать, что требуется больному.

— С таким же успехом я могла бы это время побыть дома. Раза два в неделю приезжала бы на перевязку... и работа не страдала бы.

— Работа не пострадает. Ничего не остановится, пока ты будешь в больнице. Вот потому, что ты слишком много думаешь о работе, врачи оставили тебя здесь, и правильно сделали. Тебе нужен покой, понимаешь — покой, а его пока еще не продают ни в одной аптеке. Я уже говорил с главным врачом. Все знаю и во всем согласен с ним.

— Что мне делать... я прямо поседею от тоски.

— Я пришлю тебе книги. Будем с мамой навещать тебя каждый день.

А ты не нервничай — тебе совсем не помешает немного отдохнуть.

— Отдохнуть... — Анна улыбнулась. — Каждый понимает отдых по-своему...

— Если тебе не трудно, расскажи, как это произошло.

— Рассказывать почти нечего. Было темно, я ничего не видела. Шла домой. У самой двери услышала выстрелы. Вот и все. Даже сознания не потеряла. Когда почувствовала боль, было уже тихо и стрелявший скрылся.

— Ты не разглядела его?

— Было слишком темно. Конечно, кто-нибудь из леса...

— Н-да... Мы его все равно найдем. Индрик Регут выехал туда еще ночью.

— Как поживает Ильза?

— Она поехала по волостям, все еще возится с сахарной свеклой, но скоро будет рапортовать о выполнении плана.

— Пурвайцы не отстают?

— Тсс... — Артур опять приложил палец к губам. — Забудь на время о таких вещах. Но, чтобы успокоить твое сердце, скажу: пока что Пурвайская волость идет второй по уезду. Лежи и не думай о свекле. Какие книги ты хочешь прочесть? Когда я в последний раз был в Риге, купил «Мертвые души» Гоголя, с иллюстрациями. Дома у меня весь Горький и несколько томов Чехова. Ты ведь по-русски читаешь?

Он просидел у Анны целый час, рассказывал смешные случаи из местной жизни и всячески старался подбодрить ее.

Когда Артур встал, собираясь уходить, в дверь постучали. В комнату вошел Айвар, тоже немного смешной в коротком халате. Он смутился, увидев двоюродного брата, но тут же успокоился и с тревогой посмотрел на Анну.

— Я приехал... но, может, ты устала?

— Хорошо, что ты приехал, Айвар... — сказала Анна. — Садись. Расскажи, что у нас нового.

Артур пожал руку Анне и сказал Айвару:

— Когда будешь уходить, зайди ко мне. Я буду в у ком е.

— Ладно, зайду, — пообещал тот.

Артур ушел.

Присев на краешек стула и положив руки на колени, Айвар смотрел на Анну и не знал, что сказать. Сердце его переполняла нежность, а слов не находилось. Хотелось осторожно погладить лоб Анны, поддержать в своих руках ее руку, чтобы вся ее боль перешла в его тело.

— Надо было послушаться тебя... — заговорила Анна. — Может, не

произошло бы этого.

— Если тебе трудно, не говори, Анныня, — перебил ее Айвар. — Я посижу так.

— Не преувеличивай, Айвар, — улыбнулась Анна, вспомнив, что эти же слова она произнесла несколько недель назад. И это показалось ей забавным. — Мои дела не так уж плохи, отделалась небольшой царапиной.

— Но что могло случиться! — из груди Айвара вырвался почти стон.

Анна удивленно посмотрела на него. Выражение его лица до глубины души взволновало девушку.

— Что могло случиться... — повторил Айвар. — Не стало бы тебя, и тогда... — он осекся.

— Ты бы пожалел обо мне? — Анна попыталась засмеяться, превратить разговор в шутку. — Ведь я ничего хорошего тебе не сделала.

Айвар грустно улыбнулся и молчал.

«Какой он добрый, сердечный... — думала Анна. — Да и все Лидумы чудесные люди».

Так разговор и не клеился. Они почти все время молчали. А через двадцать минут в комнату вошла дежурная сестра и сказала:

— Время истекло. Больной нужен отдых.

Сестра ушла. Айвар поднялся и протянул Анне руку.

— Если не возражаешь, я через несколько дней приеду опять.

Неслышными шагами вышел он из комнаты и осторожно затворил дверь, еще раз робко взглянув на девушку, а когда в коридоре затихли шаги Айвара, Анна подумала: «Он был сегодня какой-то странный... не такой, как всегда. Может, и с ним что случилось?»

Дождевые тучи уже прошли. Над городком снова сияло осеннее солнце. В комнатке стало светлее. Светлее стало и на душе у Анны.

6

В канун Октябрьской годовщины из Риги приехала Валя. Вечером вместе с Ильзой и Артуром она пошла в уездный Дом культуры на торжественное собрание и праздничный концерт, в котором выступали и местные коллективы художественной самодеятельности и столичные артисты. В перерыве Валентина встретила со старыми знакомыми из партизанской части Артура Лидума, которые после войны остались здесь работать. В разговорах о проведенных вместе боевых днях время летело быстро; все тогдашние трудные и опасные подвиги казались им теперь

увлекательными приключениями. И та пора казалась им самой прекрасной в их жизни.

Валентина шепнула Артуру:

— Я здесь чувствую себя как дома... словно я здесь родилась. Правда странно, Артур?

Артур улыбнулся и пожал ее руку.

— А Москва? — спросил он.

— Москва — родной дом для всех советских людей, — ответила Валентина. — Все равно, где бы ни качали его в зыбке, каждый чувствует себя в Москве как дома. Другого такого города нет во всем мире, я его люблю так, как только может человек любить самое близкое и дорогое. И ты ее полюбишь на всю жизнь, когда попадешь туда, — это для меня яснее ясного. Но после Москвы я нигде не чувствую себя так хорошо, как здесь. И знаешь, почему?

— Ужасно хочется знать.

— Потому что ты здесь... Если б ты знал, как это хорошо, что я в начале войны приехала в Латвию... И как это было бы ужасно, если бы я тогда не приехала сюда.

— Почему, милая? Тогда тебе навряд ли пришлось бы бродить по лесам, пережить все эти ужасы и трудности.

— Но тогда бы я не встретила тебя и мы никогда, никогда не знали бы друг друга. Если б я верила в судьбу, то сказала бы, что это было суждено. Я должна была найти тебя, а ты меня...

Прижавшись друг к другу, соединив в робкой ласке руки, как очарованные, сидели они среди этого множества людей и чувствовали себя так, будто находились здесь одни.

Артур познакомил Валентину с друзьями и товарищами по работе. Там были председатель уездного исполнительного комитета Пилаг, тот самый учитель, под руководством которого Артур начал революционную деятельность; стройный майор Индрик Регут с молодой женой Мартой, бывшей санитаркой дивизии; здесь же были старые подпольщики и молодое поколение, выросшее за время Великой Отечественной войны, — и все они крепко жали руку Валентине, все разговаривали с ней, как с близким другом, как с родной, и приветствовали ее простыми, дружескими словами. Никто не спрашивал, почему она здесь и кто ей Артур, — каждый понимал это и без слов.

Они возвращались домой пешком, а после ужина еще долго разговаривали.

Когда Артур рассказал Валентине о нападении бандитов на Анну, лицо

девушки потемнело. Она и раньше слышала про Анну Пацеплис, но ни разу не встречалась с ней.

— А можно ее навестить? — спросила Валентина. — Мне очень бы хотелось познакомиться с ней.

— Пойдем завтра в больницу, — предложил Артур. — Она будет рада тебе.

Ильза побывала в тот день у Анны и поэтому решила остаться дома.

— Врачи будут возражать, если сразу придет столько людей, — заметила она. — Не исключено, что и Айвар приедет.

— Наверно, приедет, — сказал Артур.

— Кто это? — спросила Валентина и посмотрела на Ильзу и Артура.

— Мой племянник... двоюродный брат Артура, — пояснила Ильза. Она замолчала, но ее серьезный, сосредоточенный вид заставил Валентину подумать, что Ильзе хочется многое рассказать про племянника.

— Он молодец парень, — добавил Артур. — Вместе с Анной был на фронте и дрался в рядах Латышской дивизии.

— Фронтовые друзья?... — сказала Валентина и лукаво улыбнулась. — Как мы...

— Почти... — тихо ответил Артур.

На другой день Артур с Валентиной пошли в уездную больницу.

Анна сидела в глубоком кресле у окна. Раненая рука по-прежнему висела на перевязи. На коленях лежала раскрытая книга.

— Поздравляю с праздником! — заговорил Артур и крепко пожал ей здоровую руку. — Сиди, сиди, не вставай, ты ведь больная. Разреши тебя познакомиться с Валентиной Сафроновой, моим боевым товарищем и дорогим другом.

Анна все же поднялась и сделала несколько шагов навстречу Валентине. Поздоровавшись, девушки несколько мгновений не знали, что сказать, и с некоторым смущением оглядывали друг друга, стараясь определить первое впечатление, которое так часто бывает решающим.

«Какая славная, — подумала Валентина. — Какие ясные глаза и милое лицо...»

«Она, должно быть, чудесная девушка, — решила Анна. — Может, мы станем близкими подругами...»

Валентина принесла букет поздних, осенних цветов. Пока она ставила их в воду, все стояли молча; когда вазу с цветами поставили на столик возле кровати, Анна пригласила гостей сесть, а сама вернулась на прежнее место у окна.

Вначале разговор не клеился. Артур рассказал Анне, как идут

очередные работы в Пурвайской волости, и уже готов был перейти к положению дел в уезде, если бы не вмешалась Валентина и не взяла нить разговора в свои руки.

— Судя по тому, что я слышала от Артура и Ильзы, вас очень угнетает больничная обстановка, — сказала она.

— Я была бы счастлива, если б меня выписали сегодня, — ответила Анна. — Чувствую себя виновной перед всем светом: все чем-то заняты, только я лодырничая. Это просто безнравственно.

— Вы не умеете болеть, вот в чем несчастье, — улыбнулась Валентина. — Этому тоже надо научиться, это большое искусство.

— Редкое искусство... — усмехнулся Артур. — Я знал одного такого виртуоза, который работал только четыре месяца в году, а остальные восемь бюллетенил, хотя был здоров, как мы с тобой.

— Я не говорю о симулянтах, Артур, — возразила Валентина. — Хотя по существу и они больны — ленью, а эту болезнь может вылечить только очень опытный врач.

— Для таких больных лучшее лекарство — это критика И голод, — заметил Артур.

— А если не поможет ни то, ни другое? — слабо улыбнулась Анна. Этот разговор забавлял ее.

— Тогда такого человека не спасти, он погибнет, — ответил Артур. — Общество станет беднее на одного себялюбца, и каменотес высечет на его надгробной плите бессмертные слова: «Здесь покоится шкурник — он жил только для себя и любил одного себя. Мир праху его».

— Почему «мир праху его»? — возразила Валентина. — Мир можно пожелать тому, кто прожил беспокойную, деятельную жизнь. Тогда уж лучше сказать так: «Хорошо, что его больше нет». Как вы думаете, Анна?

— Я думаю, что таким людям вообще не стоит ставить надгробные плиты, — сказала Анна. — Для чего вспоминать паразитов, плутов, негодяев, которые живут за счет ближних?

— Правильно, — весело подхватила Валентина. — Отвернемся от них и поговорим о другом. Когда вы в последний раз были в Риге?

— В начале июля.

— Так давно? Вам, наверно, не нравится жить в городе.

— Я так мало жила в городе, что мне даже трудно судить об этом. Нравиться или не нравиться может только то, что нам хорошо известно.

— А там... в волости, где вы живете, вам нравится?

— Мне там еще многое не по душе, но я надеюсь, что со временем мы изживем все плохое и все дурное, ненужное будет вытеснено. Приезжайте

когда-нибудь к нам и сами увидите, сколько нового, хорошего у нас и сегодня.

— Я обязательно приеду. Имейте в виду, что вы разговариваете с представителем печати, а это ужасно любознательный народ. Всегда боится, как бы не опоздать, не пропустить что-нибудь новое. Вашим приглашением я воспользуюсь при первой возможности. Но вы не пожалеете, что связались со мной?

Анна улыбнулась: эта смелая, энергичная девушка ей нравилась.

— Там видно будет. Пока нет причин жалеть.

— А если я напишу в газету о вас, расскажу о вашей работе в волости, о готовящемся наступлении на Змеиное болото?

— Только с одним условием: не захваливайте. Пишите о трудностях, которые приходится нам преодолевать, расскажите об ошибках и недостатках, критикуйте, где это нужно, только не прибавляйте чего-нибудь ради красного словца: люди ведь отлично во всем разбираются, и если увидят, что там что-нибудь присочинено, то не примут всерьез и остальное. Наша жизнь достаточно прекрасна и интересна без прикрас. Покажите ее такой, какова она на самом деле, укажите, что в ней надо исправить, и мы будем вам благодарны.

Они проговорили втроем целый час. Валентина рассказала Анне о своих занятиях в партийной школе, посоветовала и ей поступить туда.

— Не откладывайте это в долгий ящик. В наши годы учеба дается легко.

— Это зависит не от меня, — сказала Анна, многозначительно посмотрев на Артура. Валентина тоже обернулась к нему.

— Артур, ты слышал? — почти укоризненно сказала она. — И Анна хочет учиться в партийной школе. Почему же ты молчишь?

— Думаю, что Анна имеет право на это, — ответил Артур. — Убежден, что никто ни здесь, в уезде, ни в Риге не будет оспаривать это право.

— А ты не забудешь до следующей осени? Дал слово — держись, — продолжала Валентина.

— Если хочешь, могу подтвердить письменно, — сказал Артур так торжественно, что Валентина и Анна рассмеялись.

— Когда будете в Риге, обязательно навестите меня, — сказала, прощаясь, Валентина. — И если не возражаете, перестанем «выкать», перейдем на «ты». Можно?

— Конечно... — ответила Анна, растроганная простотой и сердечностью Валентины.

Когда Артур с Валентиной вышли, какой-то человек поднялся со стула в углу коридора и кивком головы поздоровался с ними.

— Ты, Айвар! — воскликнул Артур. — Давно здесь?

— Как тебе сказать... — ответил Айвар, смущенно улыбаясь.

— Почему вы не зашли? — спросила Валентина после того, как Артур познакомил ее с двоюродным братом.

— Боялся помешать, — сказал Айвар и неизвестно почему опустил глаза.

— Тогда не прохлаждайся в коридоре, — поторопил его Артур. — Заходи сейчас же. А поболтаем потом, ты ведь зайдешь к нам?

— Конечно...

Выйдя на улицу, Артур посмотрел на Валентину и улыбнулся.

— Ты слышала, Валюк, он боялся нам помешать. Что ты об этом скажешь?

— Что же тут смешного, Артур?

— Это мы бы им помешали, а не они нам. Ты понимаешь?

— Ты думаешь, они...

— Думаю, думаю. Но они, кажется, сами еще не понимают, что с ними происходит, вот это-то и смешно.

— В этом тоже нет ничего смешного, Артур. Я думаю, это прекрасно... Любить, чувствовать и не знать этого... Помнишь, Артур, сколько времени мы сами молчали?

— Почти три года, Валюк...

— И разве было плохо... или смешно?

— Нет, все было хорошо и правильно.

— Вот видишь. Поэтому разрешим и другим поступать так же.

— Один — ноль в твою пользу! — Артур нагнулся к самому уху Валентины и прошептал: — Я вижу, что у меня будет самая умная, самая лучшая жена в мире. Понимаешь ли ты, как мне везет?

— Если ты будешь так насмехаться, то... нет, лучше не скажу.

— Почему? Ну скажи. Мне ужасно хочется знать.

— Все равно не скажу. Я хотела немного попугать тебя, но вовремя поняла, что это никуда не годится: ведь другу не грозят, а кто грозит, тот не может быть другом...

— Два — ноль в твою пользу!

Вместо двух недель Анне пришлось пробыть в больнице целый месяц. Наконец ее выписали с условием, что она посидит еще несколько дней дома под наблюдением участкового врача Зултера.

Ильза пришла за Анной в больницу и увела ее к себе домой. Артур в тот день был на заседании бюро, ждать его можно было только к полуночи.

— Артур просил тебя не уезжать, пока не повидаешься с ним, — сообщила Ильза. — Он хочет поговорить с тобой по какому-то важному вопросу. Переночуй у нас. Утром шофер Артура отвезет тебя.

— Зачем беспокоиться, я могу поехать поездом, — сказала Анна.

— Чтобы потом два часа месить грязь до исполкома! Нет, Анныня, это ты будешь делать позже, когда совсем выздоровеешь. Разреши нам еще немного позаботиться о тебе, сама ты себя беречь не умеешь. Если ты устала, приляг на диван, полистай журналы. На несколько часов я оставлю тебя одну.

— Пойдешь в исполком?

— Нет, Анныня... — Ильза добродушно улыбнулась. — Сегодня мне надо навестить своих детей.

Анна с недоумением посмотрела на нее.

— У меня их много, — продолжала Ильза, — больше, чем у любой матери. Такие славные мальчики и девчушки... Сироты фронтовиков и партизан... Если бы ты не устала после болезни, я бы их тебе показала. Минут двадцать езды на машине.

— Ильза, милая, обязательно покажи! — воскликнула Анна и сразу встала. — Я поеду с тобой.

— Не тяжело ли будет? — засомневалась Ильза. — Дорога плохая, будет трясти...

— Ты ведь знаешь, сколько я ездила по фронтовым дорогам. Тяжелее, чем там, не будет.

— Ну, смотри...

И они пошли в исполком, где их ждал шофер с маленьким «газиком»...

Детский дом был устроен в одной из брошенных кулацких усадеб, километрах в двенадцати от города. Это было настоящее имение, напоминающее усадьбу Урги: большой фруктовый сад, красивый двухэтажный дом с шиферной крышей, за обширными полями озеро и похожий на парк еловый лес. Часть земли отдали сельскохозяйственной кооперации, остальная пошла подсобному хозяйству детского дома.

Когда «газик», в последний раз фыркнув, остановился перед крыльцом дома, в окнах нижнего этажа показалось много детских лиц. Узнав Ильзу, дети заулыбались, забарабанили пальчиками по стеклу и замахали

ручонками. На крыльцо вышел директор Креслынь — мужчина лег пятидесяти, с пышными, подернутыми сединой усами, с протезом вместо левой ноги.

— Инвалид войны, — шепнула Ильза. — Старый, опытный учитель. Потерял на войне двух сыновей.

— Мы уже думали, сегодня не приедете, — сказал Креслынь, помогая Анне и Ильзе выбраться из машины. — Малыши мои совсем было опечалились. Хорошо, что приехали, товарищ Лидум, — сегодня Андрису Эмкалну исполнилось пять лет.

— Я не забыла, товарищ Креслынь, — ответила Ильза. — Первый юбилей, как можно пропустить.

Сняв пальто в кабинете директора, Анна с Ильзой пошли за Креслынем. У старших детей были классные занятия, поэтому зашли к малышам.

В большой солнечной комнате, где было много разнообразных игрушек, их ожидали четырнадцать мальчиков и девочек от трех до шести лет. Они играли под присмотром воспитательницы: строили из разноцветных кружков, брусочков и дощечек разные башенки и домики.

Дети побросали игрушки и подбежали к гостям.

— Ильза! Тетя Ильза! — радостно щебетали они, окружив ее, ухватились за юбку и не отпускали.

У Ильзы для каждого нашлось ласковое слово; она гладила детские головки, а самых маленьких усадила на колени, и те сразу занялись пуговицами Ильзиной кофты. Подарки Ильзы — кулек конфет, маленькие цветные картинки, тетрадки для рисования и коробочка с красными, зелеными и синими карандашами — сейчас же были розданы, никто не остался в обиде. Сегодняшний юбиляр, сын павшего в боях у Насвы Юриса Эмкална, маленький Андрис, получил красивую книжку с картинками и губную гармошку.

Когда дети достаточно нарадовались, произошло то, что до слез растрогало Анну: каждый ребенок разыскал в своих игрушках что-нибудь такое, что ему казалось самым дорогим, и началось ответное отдаривание Ильзы и Анны. Гостям несли цветные картинки, собственные рисунки, бумажки от конфет, ракушки или гладкие гальки, найденные на берегу озера.

— Бери, тетя, я тебе отдаю, — говорили они. Это были подарки от чистого сердца, доказательства дружбы.

— Спасибо, милый мальчик, — шептала Анна. — Спасибо, девочка...

Она, так же как Ильза, по очереди брала на колени детей, ласкала их.

— Ты будешь моей мамочкой, — щебетали они, прижимаясь к ней. — Я тебя буду любить.

В детском доме им жилось хорошо, это было видно по их здоровому виду, чистым личикам, платью и доверчивому отношению к воспитателям и Креслыню, и все же тоска по родителям оживала при каждой встрече с добрым взрослым человеком. Каждый ребенок хочет иметь *своего* отца и *свою* мать.

Видя, с какой нежностью Ильза разговаривает с детьми, рассказывает им сказки и отвечает на вопросы о разных вещах и событиях, Анна поняла, что она заменяет всем этим детям мать.

«Какое любящее сердце, — думала Анна, глядя на Ильзу. — Не только Артур, и Айвар, и Валентина, и я сама — все мы для нее родные дети, о каждом из нас она заботится с материнской любовью, живет нашими радостями и горестями и свое счастье находит в нашем счастье. Ее душевное богатство так велико, что она в состоянии согреть и этих детишек. Милая, добрая Ильза... как хорошо быть такой, как ты...»

Они пробыли в детском доме до ужина, повидались и со старшими детьми, осмотрели все комнаты и подсобное хозяйство, побеседовали с воспитателями. Все виденное убедило Анну, что эти дети вырастут счастливыми, станут настоящими людьми, борцами и строителями коммунизма, какими были их родители. Об этом позаботится партия и Советская власть.

— Бедная Анныня, я тебя совсем замучила, — сказала Ильза, когда они ехали обратно. — Получу еще выговор от Артура.

— Очень хорошо, что ты взяла меня с собой, — ответила Анна. — Эта поездка у меня навсегда останется в памяти. Теперь я знаю, что у меня есть еще одна обязанность, о которой всегда надо думать.

...Поздно вечером, придя из укома, Артур поведал Анне, о чем хотел с ней поговорить.

— Как-то летом ты мне говорила, что у вас кое-кто из крестьян начинает поговаривать об организации колхоза. А как сейчас, не заглохли эти разговоры?

— Нет, Артур, разговоры все усиливаются, — ответила Анна. — До сих пор я не торопилась и дала людям выносить свою думу. Но, пожалуй, слишком тянуть с этим делом не следует.

— Тянуть не надо. Недавно мы обсуждали этот вопрос в укоме. После этого первый секретарь съездил в ригу и советовался в Центральном Комитете партии. Полагают, что можно начинать.

— Центральный Комитет одобряет? — обрадовалась Анна.

— Да, одобряет. Только советует не торопиться. Это ведь первые шаги в этой области. От того, насколько правильно и успешно мы их сделаем, зависит все дальнейшее. Первую борозду нам проводить не придется, это сделали елгавские крестьяне, они организовали первый колхоз в Латвии. Нам теперь надо создать первый колхоз в нашем уезде. Если ты готова к этой работе, то Пурвайской волости выпадет честь показать путь в будущее.

— Я готова, Артур...

— Ладно, Анна. Мы все тебе поможем. Первый колхоз в уезде — это дело не только пурвайцев, а и вопрос чести всей уездной партийной организации. Поэтому ни один коммунист не вправе стоять в стороне и смотреть, как ты будешь с этим справляться.

Они еще несколько часов обсуждали, как успешнее выполнить это ответственное задание.

Глава пятая

1

Вернувшись домой, Анна убедилась, что без нее действительно ничего не стояло на месте: Пурвайская волость закончила все виды заготовок, свекла была свезена на приемный пункт, работы по лесозаготовкам подходили к концу. Финогенов руководил вместо Анны политкружком и помогал в работе волостной комсомольской организации. Чувствовалось, что в Пурвайской волости вырос сильный актив.

Когда стало известно, что Анна снова вышла на работу, к ней пришли пионеры. Они с увлечением рассказывали, как помогали взрослым убирать урожай, как собирали на полях колосья и как агроном Римша занимался с ними в кружке юных мичуринцев. Больше всего они радовались тому, что им удалось получить семена ветвистой пшеницы и кок-сагыза: следующей весной можно устроить опытные площадки, а через несколько лет здесь будут первые поля кок-сагыза и ветвистой пшеницы.

Изыскательская бригада закончила работы на Змеином болоте и в его окрестностях. В одно из воскресений члены мелиоративного товарищества собрались в Народном доме, и Айвар познакомил их с проделанной работой. Теперь все собранные материалы надо было сдать проектной организации и до весны разработать подробный технический проект и сделать все расчеты. Когда все будет готово, членов мелиоративного товарищества познакомят с проектом, и затем его рассмотрит экспертная комиссия. Следовательно, Айвару придется до весны еще раз приехать сюда.

Когда Айвар пришел прощаться с Анной, он напомнил ей:

— Помнишь, ты сказала, что к следующей весне в Пурвайской волости будет колхоз. Газеты пишут, что в Елгавском уезде уже один организовали.

— Да, «Будущее»... — задумчиво сказала Анна. — Это значит, лед тронулся и у нас есть пример, которому можно последовать. Теперь я твердо уверена, что скоро и у нас будет колхоз. В ближайшее время мы займемся этим.

Айвар уехал, обещав в конце зимы навестить пурвайцев. Вместе с ним уехал Жан Пацеплис на курсы механизаторов сельского хозяйства.

В Пурвайской волости еще с прошлого лета стало заметно, что назревают важные события. Регут, проработавший во время войны

несколько лет в одном из колхозов Алтайского края, при каждом удобном случае рассказывал соседям об этом и сумел рассеять ложные представления о жизни в колхозе. У всех еще свежи были в памяти усердно распространявшиеся в буржуазной Латвии враки, анекдоты и ругань по адресу колхозов. Кулаки и подкулачники всячески заботились о том, чтобы эта клевета не забывалась.

Крестьяне часто спрашивали Анну об условиях жизни в колхозах, о личной и общественной собственности, об организации труда, о распределении доходов. Анна и сама старалась вызвать крестьян на разговоры, касающиеся этих серьезных вопросов. Она знала, что они не дают покоя крестьянам, и по возможности обстоятельно разъясняла их. В затруднительном случае она обращалась за советом в уком партии и Министерство сельского хозяйства. Анна тщательно изучала каждую строчку, посвященную колхозам, которая появлялась в центральных республиканских газетах, и даже организовала поездку делегации пурвайских крестьян в Елгавский уезд, где успешно развивалась первая в Советской Латвии сельскохозяйственная артель «Будущее». Члены делегации стали самыми лучшими агитаторами коллективизации. Затаив дыхание, слушали крестьяне и крестьянки Пурвайской волости рассказы членов делегации, их интересовали мельчайшие подробности жизни колхоза. Под натиском правды развеялась дымовая завеса лжи, а вместе с нею и сомнения крестьян. Ясно видимый, осязаемый, живой стоял сегодня колхоз перед глазами всего народа, и все чаще умы людей занимала настойчивая мысль: а что, если и нам попробовать?

Артур прислал Анне необходимую литературу по колхозному строительству, несколько экземпляров примерного устава сельскохозяйственной артели. Устав пошел по рукам, каждый параграф обдумывался до мельчайших подробностей, подвергался тщательному разбору на семейных советах, потом собирались несколько соседей и снова все взвешивали, а когда что-нибудь было неясно, шли к Анне или Регуте и просили разъяснения. Кулаки запугивали и продолжали пускать в ход клевету, кое-где по утрам находили грязные листки с угрозами и «добрыми советами»: «Бога ради не вступайте в колхоз, скоро начнется война, и американцы не простят тем, кто вступил в коммуны!» Некоторым крестьянам присылали по почте угрожающие письма. Пугали расплатой: если адресат не послушается и вступит в колхоз — усадьбу сожгут, а самого прикончат.

Так назревало большое событие, которое перевернуло в конце зимы всю жизнь Пурвайской волости. Анна успела поговорить почти со всеми

бедняками и середняками волости и знала их мнение. Сорок шесть семей решили объединиться в сельскохозяйственную артель, но только у тридцати двух земли были сосредоточены в одном конце волости, примыкавшем к Змеиному болоту, остальные хозяйства были разбросаны по всей волости подобно маленьким островкам. Все эти крестьяне уже были членами сельскохозяйственной кооперации и успели накопить небольшой опыт совместной работы: кроме своей земли, члены кооператива за прошлый год коллективно обработали поля заброшенных усадеб; товариществу принадлежал старый трактор, несколько косилок и две молотилки.

— По слогам уже разбираем, теперь пора начать читать, — шутил председатель правления сельскохозяйственной кооперации Клуга. — Вот только достать бы хорошую, умную книгу.

...В воскресное утро по всем дорогам к волостному Народному дому потянулись крестьяне — и пешком и на лошадях. Приехали председатель уисполкома Пилаг, второй секретарь укома партии Артур Лидум, а с ними Валентина Сафронова, которой Анна написала о предстоящем важном событии.

Пилаг в начале войны эвакуировался на Урал, а потом вступил добровольцем в Латышскую стрелковую дивизию и стал полковым агитатором.

— Если подумать, товарищи, ведь мы сегодня участники большого исторического события, — сказал Артур, когда в одной из комнат Народного дома собралось все руководство Пурвайской волости. — Первая сельскохозяйственная артель в уезде! Это начало целой революции, и мы имеем счастье быть крестными отцами этого события. А тебе, Валя, суждено увековечить это событие вдохновенной статьей.

— Кто знает, как у меня получится... — улыбнулась Валентина. — Слишком ответственное задание.

Наконец Регут сообщил, что собрание можно начинать:

— Зал переполнен так, что не проскочить и мышонку.

— Тогда пойдёмте, — сказал Артур.

Гайда Римша с комсомольцами всю ночь украшали зал. Вдоль стен, на окнах и у дверей стояло много горшков с цветами, в помещении пахло хвоей, и все это навевало праздничное настроение. Через весь зал были протянуты гирлянды красных флажков, над столом президиума сверкали золотыми буквами лозунги.

Анна, Регут, Пилаг, Артур, Финогенов и работники волостного исполкома сели за стол президиума, Валентина зашла в зал и села среди

крестьян.

В большом зале, положив на колени натруженные руки с узловатыми пальцами, сидели молодые и старые люди с обветренными лицами, полные напряженного ожидания. Спокойствие и уверенность, светлые надежды и затаенную злобу можно было прочесть на разных лицах. Каждый пришел сюда со своими мыслями и чувствами, и каждый верил в свою правду. «Почему так нужно?» — спрашивала сегодня не одна пара глаз. Предки этих крестьян из поколения в поколение шагали по знакомой дороге, протоптанной отцами и дедами, а теперь, когда впереди открывались неизведанные дали, они пугали их своей новизной. Но большинство не сомневалось, а верило, выносив свою веру за долгие дни и ночи размышлений.

Во взглядах кулаков тлела темная злоба и ненависть. Земля заколебалась под их ногами, трещали устои их мира; они не стояли на распутье — нет, им не суждено было переступить порог новой жизни, а старая была обречена на гибель; гнить, сгинуть — такова теперь была их участь.

Анна открыла собрание кратким вступительным словом. Она сообщила, что более сорока семей Пурвайской волости выразили желание объединиться в сельскохозяйственную артель, поэтому созвано это собрание. Анна призвала жителей волости всесторонне обсудить этот вопрос и рекомендовала каждому участнику собрания самостоятельно решить за себя — вступить ли в артель, или жить по-старому.

После этого она попросила Регута прочитать текст примерного устава сельскохозяйственной артели.

Регут надел очки и, став на маленькую трибуну, медленно и громко прочел текст устава. Пока он читал, в зале царила глубокая тишина. Крестьяне старались не пропустить ни одного слова. Наморщенные лбы, глубокая серьезность и задумчивость на лицах собравшихся показывали, что каждый из них напряженно обдумывает услышанное. Когда Регут кончил чтение, Анна попросила участников собрания задавать вопросы и высказываться.

— Чего тут долго мудрить? Надо организовать колхоз и приступить к работе! — крикнул с места Алкснис, один из сорока шести крестьян, которые давно уже заявили о готовности объединиться в артель.

— Свинью в стаде не откормишь! — раздался голос из задних рядов. — В старину латыши знали, почему так говорили.

— Потому-то бароны да кулаки могли так долго издеваться над нами, — послышался ответ Индриксона, крестьянина-бедняка.

— А что, жен и детей гоже объединить надо? — послышался вопрос, и присутствующие кулаки сразу зафыркали. — А как с собаками и кошками? У меня дома каждой твари по паре.

— Ты, сосед, наверно, по утрам уши не моешь, потому плохо слышишь, — спокойно заметил ему Регут. — Иначе услышал бы, что в уставе сказано.

— Чего мне слушать эту премудрость! — выкрикнул подогретый кулаками крестьянин. — Я и не подумаю вступить в ваш колхоз.

— Тогда не мешайте говорить тем, кто думает вступить, — сказала Анна. — Иначе собрание может попросить вас оставить помещение.

После этого выкрики прекратились и крестьяне начали задавать деловые вопросы: о размерах приусадебного участка, о личной собственности колхозников, о порядке начисления трудодней на различных работах, каковы обязанности членов семей колхозников в колхозе. Пришлось снова вернуться к уставу, еще раз прочесть некоторые статьи и на примерах пояснить непонятные места. На вопросы отвечали Анна и Регут, а иногда приходили на помощь Пилаг и Артур.

Кулаки тесной кучкой сидели в задних рядах и слушали. Только Кикрейзис несколько раз просил слова и задавал вопросы.

— Если я не желаю вступить в колхоз, что мне за это будет? А если вступлю, сколько мне заплатят за лошадей и машины? У многих есть только полудохлая лошаденка да старый плуг, а у меня четыре хорошие рабочие лошади и разные машины. Я думаю, что имею право на оплату если не за все, то хотя бы за часть.

— Вот что, сосед, — ответил Регут, — прежде всего нужно, чтобы колхоз согласился принять тебя в члены, но навряд ли кто этого захочет. Сельскохозяйственная артель — такое место, куда кулакам вход воспрещен.

По залу прокатился смех. С постным лицом сидел в одном из первых рядов Антон Пацеплис. Он не задавал никаких вопросов, только слушал и думал. Когда собрание осмеяло Кикрейзиса, лицо Пацеплиса осталось серьезным.

— Твоих лошадей, Кикрейзис, и все твои машины помогли тебе приобрести батраки и малоземельные, — продолжал Регут. — Мне самому пришлось два года отбатрачить у тебя. Если передашь лошадей колхозу, это будет справедливо, и об оплате лучше не мечтай.

— А если я не вступлю в колхоз, тогда что? — снова выкрикнул Кикрейзис. — Почему ты не отвечаешь на вопрос, Регут?

— Уговаривать тебя никто не станет, — сказал Регут. — Колхоз обойдется и без тебя.

Затем слово взял Пилаг. Поздравив инициаторов, он рассказал об опыте коллективизации в других Советских республиках, о хитрости и разных уловках кулаков, как они пытались пробраться в колхозы и захватить руководящие должности, чтобы потом разваливать артели изнутри; рассказал о разных перегибах, о борьбе с лодырями, лжеколхозниками, о правильной организации труда. Делая первые шаги и закладывая фундамент новой артели, надо воспользоваться этим опытом, чтобы избежать ошибок. Затем Пилаг остановился на преимуществах социалистического хозяйства перед индивидуальным, говорил о политическом значении коллективизации и об огромных перспективах, раскрывающихся перед крестьянством Латвии.

— Вдумайтесь, товарищи, во второй параграф примерного устава: «Все межи, разделявшие ранее земельные наделы членов артели, уничтожаются, а все полевые наделы превращаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели». Уничтожив межи на своих полях, вы уничтожите и все то, что до сих пор разъединяло людей, уничтожите старое и создадите новое, лучшее. Как на полях вашего молодого колхоза скоро заработают тракторы и комбайны, так и в вашей новой жизни начнут действовать новые, доселе вам неведомые силы: единство цели, согласованность стремлений, дружба и товарищество. А когда все это придет, перед вами расступятся горы и не будет таких крепостей, которые вы не смогли бы взять.

— Спасибо Советской власти и партии за нашу новую жизнь! — выкрикнул какой-то новохозяин из середины зала, и его сразу поддержало большинство участников собрания.

Отдельные возгласы слились в мощный хор. К ранее поданным сорока шести заявлениям прибавилось еще двадцать новых.

Каждого вступающего в колхоз обсуждали и оценивали, некоторым нерадивым дали почувствовать, что артель не потерпит в своей среде лодырей и лжеколхозников.

Антон Пацеплис встал и вместе с Кикрейзисом выбрался из зала. Он опасался, как бы Анна перед всем народом не стала допрашивать его, что они думают делать. В Сурумах он мог топнуть на нее ногой и прикрикнуть, чтобы не мешала молиться; здесь так действовать нельзя, лучше вовремя убраться с глаз долой.

Новые колхозники решили назвать свою артель «Ленинский путь». Избрали правление и ревизионную комиссию. Председателем правления, по предложению Анны, единогласно избрали Регута.

Когда собрание уже близилось к концу, к столу президиума подошла

пожилая крестьянка.

— Дорогие товарищи, разрешите один вопрос? — обратилась она к президиуму.

— Спрашивайте, не стесняйтесь, тетушка Гандрис... — с улыбкой ответила Анна.

— Теперь вот я вступила в колхоз, — начала Гандриене. — Скажите, а можно будет ходить в церковь и как быть с крещением детей? Ведь нас растили богомольными, и мы с малых лет привыкли к слову божьему.

— Вступить в колхоз — не одно и то же, что вступить в партию или комсомол, — пояснил Артур. — Убеждения члена партии, комсомольца несовместимы с верой в бога, посещением церкви и тому подобными вещами. Ну, а если колхозница не может обойтись без церкви и бога, никто ее за это не осудит. Молитесь себе, только не забудьте, что на колхозной ниве надо работать. За молитвы вам не зачтут ни одного трудодня.

— А, значит, можно! — обрадовалась Гандриене. — Большое спасибо, большое спасибо. Не думайте, что я так сильно верю в этого бога. Только так, немного, по старой привычке. Ведь трудно за один день отвыкнуть. Хочется иногда послушать, что Рейнхарт в своей проповеди скажет. Я коммунистов ужас как люблю и иногда молюсь за них богу, чтоб им все хорошо удавалось. Я и сама ведь такая же божья коммунистка, только вот церковная служба мне еще нравится.

Продолжая благодарить и довольно улыбаясь, она вернулась на свое место и долго что-то горячо рассказывала соседям.

Уже смеркалось, когда Анна проводила до машины Артура, Валентину и Пилага. Усталая, но счастливая, слушала она прощальные приветы отъезжающих крестьян и пожелания дальнейших успехов. Пилаг сел рядом с шофером, а Артур и Валентина — на заднем сиденье. Когда машина скрылась за углом Народного дома, Анна медленно зашагала домой.

2

Первые две недели колхоз существовал только формально. Коллективную работу решили начать с весенней пахоты и сева. Запасов сена не было, и правлению колхоза пришлось оставить лошадей и молочный скот до весны у колхозников, а молочно-товарную ферму организовать, когда скот начнет пастись.

В начале второй недели Регута и Анну вызвали в Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии. Бюро ЦК заслушало доклад

Регута об организации колхоза «Ленинский путь», подробно расспросило нового председателя о хозяйственной базе, о размерах земельной площади, о количестве скота, о сельскохозяйственном инвентаре, числе трудоспособных колхозников и о хозяйственных планах на ближайшее время. Бюро ЦК одобрило организацию колхоза, а Регута, выступление которого произвело хорошее впечатление, утвердило председателем артели, сильно покритиковав и исправив его хозяйственные планы. Правлению колхоза посоветовали незамедлительно организовать конеферму и молочнотоварную ферму.

Вернувшись из Риги, Регут созвал заседание правления и рассказал об указаниях ЦК партии.

— Пока мы будем ковыряться на своих клочках земли, а скот останется в усадьбах, колхозом и пахнуть не будет, — сказал Регут. — Изменится только вывеска, а жизнь пойдет по-старому. Все равно когда-нибудь придется освободиться от пут единоличной жизни. Так чем скорее, тем лучше. Если дожидаться весны, то мы очутимся у разбитого корыта, доживем до того, что не останется молочного скота для фермы.

— Да ведь колхозу трудно будет прокормить коров, — заметил член правления завхоз Мурниек. — В единоличном хозяйстве легче. Там каждый найдет выход, сумеет вытянуть.

— Вот это и есть неверие в коллектив! — воскликнул Регут. — Я прежде сам так думал, но когда мне в Риге указали на мои ошибки, сразу понял, что так дело не пойдет, что это отсталый взгляд. Что же получается: одиночка может сделать то, что не под силу коллективу! Если это так, тогда не стоило бы и объединяться. Мы объединились, чтобы стать сильнее и чтобы нам было по плечу то, на что раньше не хватало пороуху. Как же вдруг колхоз стал таким немощным, а единоличник таким сильным? В каждом их нас все еще сидит этот старый Адам, вот в чем беда. Нам его надо изгнать так, чтобы и духа его не было. А насчет корма коровам не тужите. Будет скот — будет молоко. Сдадим молоко государству, а государство поможет нам сеном и жмыхом, это мне в Риге обещали. Теперь подумаем, где нам устроить фермы и кого поставить заведующим.

— Коннеферму можно разместить в Мелдерах, — предложил Клуга, назначенный бригадиром первой полеводческой бригады.

— Но ведь там коннопрокатный пункт! — возразил Мурниек. — Государственное предприятие!

— Коннопрокатный пункт ликвидируют, — пояснил Регут. — Министерство сельского хозяйства согласно пойти нам навстречу. Я говорил с заместителем министра. При организации колхоза эти пункты

теряют значение.

— Тогда дело другое, — сдался Мурниек.

— А животноводческую ферму очень хорошо устроить в Стабулниеках, — продолжал Регут. — На первое время помещений хватит. Когда скота прибавится, построим новый коровник. Заведующей фермой рекомендую назначить Ольгу Липстынь. Женщина энергичная и предприимчивая, в молодости немало помесила навоз в кулацких хлевах. Лучшей заведующей и не придумать.

— Ольга Липстынь будет неплохой хозяйкой, — пробасил Мурниек. В глубине души он мечтал видеть заведующей свою жену, но это, вероятно, никуда не годится, если жена и муж будут на руководящих должностях. Сам Мурниек был назначен завхозом. — Она, пожалуй, подойдет, — добавил он. — Только не знаю, как Ольга управится с отчетностью и всей этой арифметикой, а так она честный человек.

На его лице появилось кислое выражение, но остальные члены правления этого, вероятно, не заметили.

— Заведующим конефермой можно назначить молодого Гандриса, — продолжал Регут. — Он большой любитель лошадей; посмотрите, каких коней вырастил на своих двадцати гектарах. Хоть на ипподром посылай состязаться с заводскими.

— Гандрис в кавалерийском полку прослужил полтора года, — добавил Клуга. — У него есть книги по коневодству. Лучшего заведующего фермой мы не найдем.

На этом и порешили. Труднее оказалось найти подходящего человека на должность счетовода. Для такой работы необходимы были хоть небольшие познания по финансовому законодательству и колхозной экономике, а главное, требовался работник, на которого коллектив мог бы всецело положиться. Анна Пацеплис обещала поискать подходящую кандидатуру среди комсомольцев.

— Некоторые из них закончили среднюю школу, — сказала она. — Если у них и нет специальной подготовки, можно подучить.

— Хотя бы за счет артели, — сказал Регут. — Это окупится. И потом я хотел бы попросить, чтобы уезд прислал знающего агронома. Он нам поможет спланировать все работы и севооборот на будущий хозяйственный год. Нам будет нужен и трехлетний план, иначе из коллективного хозяйствования ничего не выйдет.

— Мне кажется, товарищ Регут, здесь нам поможет Айвар Лидум, — сказала Анна. — Он окончил сельскохозяйственное училище и занимается в Сельскохозяйственной академии. Вырос он в этих местах и хорошо знает

наши условия. Он вместе с Римшей разработает все планы, какие только нужно.

— Это дело! — воскликнул Клуга. — Выходит, мы богатые люди; если немного поискать, окажется, что у нас все есть.

— Разве Лидум сможет работать и на осушке болота и в колхозе? — засомневался Мурниек.

— А это одно с другим связано, — ответила Анна Мурниеку. — Если Айвару... то есть Лидуму, будет известно направление хозяйственного развития колхоза, ему проще разработать генеральный проект мелиорации.

— Это опять правильно, — поспешил согласиться Мурниек.

Сразу после заседания Регут начал действовать.

Решение немедленно объединить крупный рогатый скот и организовать конеферму новые колхозники приняли по-разному. Многие лелеяли мечту, что вчерашнему единоличнику дадут возможность исподволь привыкнуть к переменам. Те, у кого было больше скота, некоторое время ходили задумчивые, мрачные.

— Значит, моей Пиектале так и придется привыкать к чужому корму и уходу, — вздыхала матушка Гандриене и так жалостливо гладила старую корову, будто животное собирались вести к мяснику. — Кто же теперь будет за тобой ухаживать и заботиться, Пиекталиня... чужие ведь любить не будут.

— А я думаю, что Пиектале можно преспокойно оставить дома, — сказал Петер Гандрис матери. — Ферме отдадим молодую Буренушку.

— Отдать лучшую корову! — воскликнула Гандриене и всплеснула руками. — Петер, да ты в уме? На одном подножном корму дает двадцать литров в день. Что мы станем делать с Пиектале, — скотина старая, доить-то осталось всего года два. А для фермы она будет хороша.

— Ферма тоже наша, — не соглашался Петер. — Ферме надо отдать самую лучшую корову: на первых порах нам вполне хватит молока и от буренушкиной телки — она не уступит матери.

— Ой, господи, ой... Что ты, Петер! Мало того, что двух молодых коней отдаешь колхозу... еще и самую лучшую молочную корову уводить из дому. Не к добру это, сын, вспомнишь мои слова.

— Не забудь и мои, мать, — улыбнулся Петер. — Это только к добру. Все самое лучшее надо отдать колхозу, тогда он будет процветать, и всем от этого будет польза. Я не знал бы, куда деваться от стыда, если бы мы сдали на ферму Пиектале. Ведь у соседей тоже есть глаза. Осмеют нас, скрягами назовут. Тебе этого хочется?

Старая Гандриене перестала ссориться с сыном, но не легко было у

нее на сердце, когда молодую Буренушку уводили в усадьбу Стабулниеки на молочнотоварную ферму. Гандриене пошла с сыном и, отведя в сторону заведующую фермой Ольгу Липстынь, начала подробно рассказывать, какая добрая скотинка ее Буренушка:

— Когда доишь, не брыкается, молочка не задерживает ни капельки, только любит, чтобы с ней обходились ласково. Ты приглядывай за ней, Ольга, присматривай за доярками, пусть не бьют и не ругают и чтоб всегда было чистое вымя.

— Будьте покойны, матушка Гандриене... — улыбаясь, успокаивала Ольга старую крестьянку. — С Буренушкой здесь ничего плохого не случится.

— Когда-нибудь и охапочку клевера надо подкинуть, — не унималась Гандриене. — Скотинка его страсть как любит. А то одной болотной осокой можно скоро заморить... На, Буренушка, на, моя коровушка, поешь хлебца... кто тебе теперь даст полакомиться... — она отламывала по кусочку от большого прихваченного с собой ломтя и кормила корову. Уходя, Гандриене уронила несколько слезинок и долго оглядывалась на большой коровник, откуда доносилось мычание приведенных коров.

— Видел ты, Петер, каких коров привел Мурниек? — заговорила она, когда коровник скрылся из виду. — Две старые передойки, еще старше нашей Пиектале. Не отдал на ферму свою лучшую скотину. Одному господу видно, что он будет делать с тремя молодыми коровами. На позапрошлой неделе я своими глазами видела их у него в хлеву. Как же так получается: одним оставляют по корове и телке, а этому целых три дойных. Разве это порядок — каждый делает, что ему вздумается?

Петер остановился среди дороги.

— Ты правду говоришь, мать? — спросил он. — Ты точно знаешь, что у Мурииека в усадьбе остались три молодые коровы?

— С какой стати мне врать! — Гандриене даже обиделась. — Своими глазами видела. Если не успел продать, куда же им деваться? И такому человеку доверяют колхозное имущество, в таких руках будут ключи от амбара...

— Знаешь, мать, ты иди домой, а я вернусь на ферму, — сказал Петер. — Так это оставить нельзя.

— А почему обязательно тебе ввязываться в это дело? — вдруг стала сокрушаться Гандриене. — Разве другие ослепли, разве у них языка нет? Еще обозлится, врагов наживешь. Мурниек и так горластый, попробуй перекричать его.

— Я не для себя стараюсь! Это не мое личное дело, а дело всего

колхоза, поэтому молчать нельзя.

Петер вернулся на ферму и разыскал Регута, который весь день провел в Стабулниеках.

— Товарищ председатель, нет у нас порядка, — начал молодой Гандрис. — Собрание постановило одно, а как доходит до дела, поступаем совсем по-другому. Так мы далеко не уедем.

— Что случилось? — спросил Регут.

Петер рассказал о Мурниеке.

— Ишь, какой ловкач... — пробурчал председатель колхоза. Лицо его помрачнело. — Я ходил к телефону, когда Мурниеке привел коров. Хорошо, что сказал. Мы это дело так не оставим. Нельзя оставлять сорняки, где заметишь, сразу надо выпалывать, иначе все поле зарастет. Ну, а как, Петер, с конефермой, в Мелдерах уж был? Помещение осмотрел?

— Был, товарищ Регут... — ответил Петер. Глаза его заблестели. — Если приспособить коровник и еще кое-какие хозяйственные постройки, можно разместить около полсотни лошадей. Для жеребят, правда, придется новую конюшню строить. Когда будем собирать лошадей?

— Через несколько дней начнем. Из уезда звонил Пилаг. Сказал, что решение правительства о ликвидации коннопрокатного пункта уже принято. Так что ты держись на линии: скоро начнем хозяйничать.

Когда Гандрис ушел, Регут послал за Мурниеком и велел завхозу артели немедленно явиться на молочнотоварную ферму.

— Что за спешка? — осведомился Мурниеке, встретив Регута во дворе усадьбы.

— Придется вечером созвать правление, — ответил Регут, мрачно взглянув на Мурниека.

— Опять? — удивился Мурниеке. — Только два дня назад заседали. Когда же работать, если так часто будем заседать.

— Ничего не поделаешь, — сказал Регут. — Я совсем не тоскую по заседаниям, но обстоятельства заставляют. Приходится срочно выбивать старый душок из некоторых колхозников. Понятно, Мурниеке?

— А что случилось? — Мурниеке с тревогой посмотрел на Регута. — Кто-нибудь напакостил?

— Да, и самым подлым образом. Придется искать нового завхоза! — Регут внезапно повысил голос. — Давай сюда ключи! У тебя их нельзя оставить. В кладовой нужен честный хозяин, который не обманет артель и не будет думать только о своем благополучии. Понял? Ты потерял доверие коллектива.

Мурниеке смутился, но пытался держаться непринужденно.

— Потерял? Когда? Где же я успел его потерять? Наверно, кто-нибудь наболтал.

— Здесь, на молочнотоварной ферме, ты потерял доверие колхозников. Привел своих старых передоек! Осенью придется пустить на мясо. По какому праву ты оставил себе три дойные коровы? У остальных по одной, а у тебя целых три.

— Вот чудеса... — пожимал плечами Мурниек. — Откуда у меня могут взяться три, когда дома всего одна корова да прошлогодняя телка.

— Несколько недель тому назад, до собрания, у тебя было пять дойных коров.

— Тогда... да... Но я увидел, что для пяти коров у меня не хватит корма. Две... продал шурина в Айзпурскую волость. В то время колхоза еще не было...

— Но ты знал, что он скоро будет.

— Разве я не имел права продать?

— Не разыгрывай простачка, Мурниек. Одно из двух: или ты приведешь этих коров, или убирайся вон из колхоза. Завхозом оставить тебя нельзя ни в том, ни в другом случае.

— Ругут... — тихо заговорил Мурниек. — Так уж вышло... послушался я жены, очень она плакалась... Коров приведу — денег еще за них не получал. Завтра засветло передам ферме. Нельзя ли это все без шума?

— Нельзя, Мурниек, давай ключи.

Правление освободило Мурниека от обязанностей завхоза артели, а вместо него назначило члена партии Индриксона. Мурниек на следующий день привел двух коров и передал ферме; однако своим поступком он так сильно скомпрометировал себя в глазах колхозников, что скоро его освободили и от должности председателя правления мелиоративного товарищества.

Анна, возвращаясь из Риги, с заседания Бюро ЦК, зашла в Сурумы. Пацеплис не стал дожидаться, пока она заговорит, и грубо сказал:

— Если ты пришла агитировать, чтобы я вступил в колхоз, то уходи, доченька. Ты здесь дурачков не найдешь.

— Вступить или не вступить — это твоя воля, — ответила Анна. — Силой тебя никто не заставит, но я думаю, что здравый смысл подскажет тебе правильный путь.

— И не понимаю, чего ты так назойливо суешься в мои дела? — сердито спросил отец, поглаживая свою изрядно поседевшую бороду. — Сам знаю, что мне на пользу, а что во вред. Разреши мне жить по своему

разумению.

— Ты не знаешь, что тебе на пользу, — не отступала Анна. — Если бы ты все спокойно взвесил, ни одного дня не тянул бы со вступлением. Детский каприз. Не можешь преодолеть свое упрямство.

Разговор происходил на дворе, у порога избы. Лавиза была на кладбище — в тот день хоронили ее дальнюю родственницу, — а Жан еще не вернулся с курсов. Видя, что от Анны легко не отделаться, Пацеплис повернулся и ушел в избу. Анна последовала за ним и даже не обиделась, когда он перед ее носом демонстративно захлопнул дверь. Войдя в комнату, она заговорила примирительным тоном:

— Поговорим, отец, серьезно. Почему ты бежишь от правды?

Пацеплис достал книгу церковных песнопений, надел на нос очки, сел за стол и, открыв, видно, уже на заранее выбранном месте, спокойно запел.

Пропев стих, он поверх очков взглянул на Анну. Увидев, что она села к окну и приготовилась терпеливо прослушать пение до конца, сердито крикнул:

— И что ты не даешь мне молиться? Что тебе нужно? В колхоз я все равно не пойду, хоть ты до утра седи.

— Отец... — тихо и взволнованно заговорила Анна. — Почему ты позоришь и себя и своих детей? Неужели вы не понимаете, что мы с Жаном желаем тебе добра?

— Я свободный советский гражданин и делаю так, как мне нравится! — ответил отец. — Вы еще молоды, чтобы учить меня. Я прожил всю жизнь на своей земле и был сам себе хозяин, а вы хотите, чтобы теперь, на старости лет, я стал батраком какого-то Клуги и Регута? Теперь они мною будут командовать, давать по утрам распоряжения, что делать и как быть. И слышать я об этом не желаю! Лучше грызть сухую корку и запивать холодной водой, чем плясать под чужую дудку. Я не из такой породы.

— Ты неправильно понимаешь это, — ответила Анна. — В колхозе нет ни батраков, ни господ. В колхозе у всех одинаковые права...

— Довольно, хватит, оставь меня в покое! — не выдержав, крикнул Пацеплис — Здесь у тебя ничего не выйдет. С такими делами больше ко мне не приходи.

Анна встала.

— Ладно, отец, сейчас я уйду, но в покое тебя не оставлю.

Вместо ответа Пацеплис снова запел. Когда он кончил стих, Анны в избе уже не было. Тогда Пацеплис поднялся, подошел к шкафу и достал бутылку водки, которая была хорошо спрятана от Лавизы за старым

тряпьем. Вытерев тыльной стороной ладони губы, он отпил несколько глотков, усмехнулся и заговорил сам с собой:

— После слова божьего не грех и хлебнуть. Сам спаситель пил вино и угощал своих учеников, неужели я должен жить всухую.

Он хлебнул еще раз и, спрятав бутылку, вышел во двор. Сев на скамейку перед домом, он долго глядел на свои поля и луга. Большая часть земли осенью не была вспахана — кому же пахать, если Жан ушел на курсы, вздумал учиться на какого-то там механика. Вдали, на колхозных полях, работали люди, спешили вывезти навоз, пока не стаял снег.

«Вот так жизнь... — думал Пацеплис. — Суетятся, как муравьи, не глядя на погоду, а я делаю, что хочу. Если выглянет солнышко, выхожу из избы и работаю сколько вздумается, а когда валит снег, сижу в комнате у окна и спокойно гляжу на божий мир. Никто меня не гонит, ни перед кем не надо отвечать. Хозяин!»

Но у хозяина давно протерлись брюки так, что местами проглядывало голое тело — Лавиза не любила возиться с иглой и нитками. Как пережиток старины, с погнившими венцами, серая и покосившаяся, стояла у дороги изба Пацеплиса. Все рушилось. И Антон это видел, но подняться, начать борьбу и сопротивляться беде, надвигавшейся на него, подобно черной туче, не хватало ни силы, ни воли. Вздохать, сетовать на плохие времена и неблагодарных детей, бросивших отца на старости лет, — вот все, что оставалось делать хозяину Сурумов.

За углом дома слышались шаги. Вскоре показалась плотная фигура Марциса Кикрейзиса.

— Чего прохлаждаешься? — еще издали крикнул он. — Сидит, как блаженный, да на небо посматривает.

— А что мне еще делать? — проворчал Пацеплис. — Такова судьба человеческая, Марцис. Приходится смиренно нести свой крест.

Марцис присел рядом с Пацеплисом. Молча уставился вдаль — в сторону колхозных полей. Затем прохрипел:

— Ну и гонят, ну и неистовствуют... все делают по указке мудрецов-агрономов. Раньше времени хотят яровое посеять в холодную землю. А ну как пойдет прахом... а ну как придется переборонить, засеивать сверху хотя бы гречихой — вот порадуются!

— Дай боже, дай боже, Марцис...

— Давно ли сошлись вместе, а уже, слышать, началась потасовка, — рассказывал Марцис — Мурниека прогнали с должности завхоза — уже успел провороваться. Недолго придется ждать, когда и Регут замарает руки. Вот я посмеюсь, когда придет прокурор забирать его в кутузку.

— Куда он денется... — поддакнул Пацеплис — Как только дорвется до артельного добра, сразу замарается.

— Суций цирк, Сурум... Ну и молодчина ты, что на послушался Анны. А знаешь, что говорят сейчас умные люди?

— Ну, ну?

— Говорят, что твоя Анна всех согнала в колхоз, а тебе не позволила вступить, потому что сама знает, что там ждет разорение. Пусть чужие разоряются, лишь бы уцелела отцовская усадьба. Вот как теперь говорят.

— Кто говорит?

— Многие говорят... и мой старик... и еще разные люди.

— Ну, запрещать-то она не запрещала, — не согласился Пацеплис — Еще, наоборот, уговаривала, да я сам не хочу.

— Я ведь знаю, Сурум, но что плохого в том, если люди высказывают правду с другого конца! Так на так и выходит — что уговаривай, что запрещай. Ну, чего там болтать — не нам их учить. Пусть поживут с годик и, когда нечего будет жевать, тогда поймут, в какое пекло бросились.

— Тогда-то поймут, да будет поздно... — заметил Пацеплис.

Марцис хитро подмигнул, вытащил из кармана бутылку водки и круг домашней колбасы.

— На, освежись, тестюшка...

— Это можно... Мы этого дела никогда не боялись.

Когда Пацеплис отнял от губ горлышко бутылки, уровень водки в ней заметно понизился. Марцис глотнул несколько раз, поставил бутылку рядом на скамейку, и оба молча стали грызть колбасу.

— Отец говорит, что с тебя можно брать пример, — после продолжительного молчания заговорил Марцис. — Вот это настоящая выдержка, а там пусть весь свет делает, что хочет. И правильно, Сурум. Тебе не стоит связываться с ними. Держись вместе с нами, и ты всегда будешь на верном пути. Настанут другие времена, мы снова заживем, и ты будешь уважаемым человеком в своей округе.

— Разве меня когда не уважали? — усмехнулся Пацеплис.

— Ну, конечно, разве я что говорю. Только вот Анна... эх, эта Анна... испортит она тебе жизнь, если ей дать волю...

Молодой Кикрейзис спаивал Пацеплиса и науськивал, науськивал... Для кулаков Пурвайской волости не было большей потехи, как напоить Сурума, а потом слушать, как он ругает дочь — парторга волости. А Пацеплису по-прежнему казалось куда как лестно выпить с кулаками — тогда он чувствовал себя с ними на равной ноге.

Когда бутылка Марциса опустела, Пацеплис притащил свою. Скоро

опорожнили и ее. Марцис опьянел окончательно, а Пацеплис только начал разогреваться: такой пустяк не мог свалить его с ног. Бормоча что-то невнятное, шатаясь и спотыкаясь, как спутанная лошадь, молодой Кикрейзис заковылял к своей усадьбе, а Пацеплис убрал пустые бутылки и снова сел на скамью. Он долго сидел так — дородный, плечистый, похожий на монумент. В хлеву ржала лошадь, мычали коровы и жалобно визжали свиньи, в ожидании, когда хозяйка принесет им корм; но хозяину Сурумов не было дела до скотины. Как маленький король, он сидел на своем троне и обдумывал великие и важные дела...

На другой день, под вечер, приехал Жан. Лицо парня было мрачное, как осенний вечер. Он без всяких подходов спросил отца:

— Скажи мне прямо, вступаешь ты или не вступаешь в колхоз? Мне нужно знать твой окончательный ответ.

— Я уже давно сказал, что буду делать, и все так ясно, что яснее некуда, — ответил Пацеплис.

— Значит, нет? — переспросил Жан.

— Ни в коем случае. Раз я решил — так тому и быть.

— В таком случае мне больше здесь делать нечего. Дольше я не буду терпеть, чтобы надо мной все смеялись!

— Отчего же им так смешно?

— Из-за тебя смеются! Дочь коммунистка, сын комсомолец, а вдвоем не могут переубедить отца и вывести его на верпую дорогу.

— Пусть смеются... — пожал плечами Пацеплис. — Наплюй ты на них, а меня оставь в покое со своей агитацией.

— Я и наплюю, только не на них... Они смеются поделом. Плюну на Сурумы, понимаешь? Ни одного дня больше не останусь.

Жан пошел в свою комнату и собрал вещи. Он решил перебраться в МТС, в общежитие трактористов, там для него уже была приготовлена койка.

Пацеплис позвал Лавизу, и они оба сели петь молитвы. Вскоре раздался мощный дуэт. Немного погодя с узлом и вещевым мешком вышел из своей каморки Жан.

— Будьте здоровы, — сказал он. — Пока не вступите в колхоз, ноги моей здесь не будет, — и ушел.

— Изверг... собака! — крикнула Лавиза. — Побойся бога, греховодник! Так-то ты считаешь и любишь своих родителей?

— Чего ты так лаешь? — пробурчал Пацеплис. — Пусть бежит, пусть поскитается по свету. Когда-нибудь завизжит у порога. Подтягивай.

И снова зазвучало пение.

Но только низкий потолок и бурые, покосившиеся стены слышали их. Собака на дворе, прислушавшись к заунывным звукам, начала жалобно подвывать — наверно, решила, что следует поддержать хозяев.

4

В ту зиму Валентина часто навещала Яна и Айвара Лидумов. Илья просила ее заглядывать к ним, узнавать, как они живут, и, если нужно, вмешиваться в хозяйство брата.

— Мужчины в этих вопросах беспечный народ, если им дать волю, то самую лучшую квартиру так запустят, что нельзя будет никого пригласить.

Возможно, что мнение это было преувеличенным, так как Лидум с Айваром заботились о своем жилище: два раза в неделю жена дворника вытирала пыль, проветривала комнаты и выбивала дорожки. Но этого было мало для того, чтобы в доме всегда царили чистота и уют, поэтому вмешательство Валентины пришлось как нельзя более кстати.

Она не довольствовалась тем, что оконные занавески были вовремя выстираны и не чувствовалось во всех углах запаха застоявшегося табачного дыма; она интересовалась и кухней, регулярно ли они едят, что едят? Заметив на ком-нибудь из них плохо выглаженные брюки, Валентина сердилась, говорила, что это ни на что не похоже, тем более что тут же, в нижнем этаже, есть мастерская бытового обслуживания. Больше всего она была недовольна тем, как ее «подопечные» отдыхали: собственно, здесь ни о каком отдыхе не могло быть и речи. После напряженной недели Айвар и Ян Лидум хотя и оставались дома, но с утра до вечера просиживали за книгами или деловыми бумагами.

— Так жить нельзя... — решительно заявила Валентина. — Так вы быстро заплесневееете. Каждый человек нуждается в отдыхе, и это не только наше право, но и обязанность.

В первое же воскресенье после окончания зимней экзаменационной сессии она с самого утра пришла к Лидумам и объявила, что сегодня всем троим придется провести день по разработанному ею плану.

— Одевайтесь и поедem за город. Обедать будем в лесу. Айвар, покажите, где у вас продукты и приготовьте термосы и корзину. Вы, товарищ Лидум, оставьте свою трубку дома, а если уж без нее не можете жить, то возьмите в кисет топлива не больше, чем на три зарядки.

— Слишком мало... — озабоченно промолвил Ян. — Нельзя ли немного добавить? Пожалейте старика, дорогая Валентина.

— Ну ладно, еще одну порцию можно добавить, но больше ни-ни... — великодушно разрешила Валентина.

В темно-синем лыжном костюме, в пестрой вязаной шапочке, она весело суетилась по квартире, как мальчишка, задумавший шалость. Ее веселость и жизнерадостность передались и мужчинам, и они изо всех сил старались побыстрее и поаккуратнее выполнить каждое ее приказание. Пока отец с сыном брились, а Валентина варила кофе и готовила еду, прошло около часа. К тому времени подъехала машина, и они тронулись в путь. Валентина прикрепила поверх кузова две пары лыж.

Лидум подозрительно покосился на лыжи, потом заглянул в машину и облегченно вздохнул:

— Господь миловал — только две пары... Я могу остаться зрителем.

— Почему? — засмеялась Валентина. — Лыжами будем пользоваться по очереди. Неужели вы думаете, что мы с Айваром такие эгоисты и не дадим вам поразмять ноги?

— Н-да... — задумчиво протянул Лидум. — Боюсь, что из этого ничего не выйдет. К вашему сведению, я на редкость консервативный старик. Меня никак не приучить к некоторым широко признанным вещам. Наверно, потому, что в молодости они были мне недоступны.

— Например? — спросила Валентина.

— Расскажу по пути, — ответил Лидум. — А куда мы, собственно говоря, направимся?

— Туда, где есть лес, холмы и много снега. Неплохо, если там будет река или озеро. Назовите что-нибудь подходящее — ведь вы лучше знаете окрестности Риги, чем я.

— Айвар, что ты скажешь? — Лидум посмотрел на сына.

— Поедем в сторону Саулкраста, — сказал Айвар. — Там за Гауей, не доезжая Лиласте, есть такие места.

— Ладно, поехали.

Лидум сел рядом с шофером, Валентина с Айваром позади.

Когда машина набрала скорость, Лидум начал рассказывать:

— Перед войной, когда я работал в Н-ском уезде, некоторые товарищи решили во что бы то ни стало сделать из меня охотника. Старались убедить, так же вот как сейчас вы, Валентина, что мне нужен отдых, свежий воздух, что надо рассеяться и тому подобное, и охота все это якобы обеспечивает вполне. Я, конечно, отговаривался, что у меня нет времени, что стрелять я умею только из боевой винтовки, к тому же страдаю ревматизмом, но разве таким что докажешь! «Только разок попробуйте, и вас не вытащишь из лесу...» — уговаривали они. Ладно, если уж так,

попробуем. И вот однажды, в начале зимы, я поехал с ними в лес. Местность прекрасная: красивый хвойный лес, снег по щиколотку, воздух — как на курорте. Поставили меня на просеку, в некотором отдалении от других, а загонщики криками и шумом выгоняли прямо на нас лесных обитателей: козуль, зайцев и лисиц. Зверей там было, что в охотном ряду на базаре, — можно было настрелять хоть целый воз, но верите ли, за весь день я выстрелил только раз — и то для того, чтобы отпугнуть красивого самца козули, который бежал прямо на моего соседа и неминуемо бы погиб, если бы я не предупредил его. Весь день я ужасно скучал и нетерпеливо ожидал отъезда домой, но мне еще пришлось участвовать в общей трапезе охотников, слушать, как они хвалятся своими успехами и врут друг другу в глаза. Может, я человек ограниченный, может, у меня чего-нибудь не хватает, но я никак не могу понять одного, какая радость без нужды уничтожить живое существо? Я понимаю промысловых охотников: они зарабатывают себе на жизнь, стреляют в зайца или птицу, чтоб приготовить себе обед, — это имеет определенный смысл; но в моем мозгу никак не укладывается то, что люди убивают безвредных лесных зверей только для того, чтобы видеть кровь, — свою добычу от такой охоты они чаще всего отдают друзьям и знакомым. Нет, охотник из меня не вышел, да и навряд ли когда-нибудь выйдет.

— Вам все равно придется научиться отдыхать, — сказала Валентина. — Это необходимо.

— Слишком я непоседлив, — продолжал Лидум. — Лежать в гамаке могу не больше десяти минут, потом должен встать и походить. Прошлым летом наш министр Земдег потащил меня на озеро — он страстный рыболов и может простоять с утра до вечера на одном месте, поджидая, когда клюнет рыба. Я и на это оказался неспособным. Мне все равно, клюет или не клюет. Собирать ягоды, ходить по грибы — вот это я понимаю. Тогда человек может прогуляться, всласть подумать, помечтать, а заодно надышаться свежим воздухом. Мне нужно движение, деятельность, напряжение, иначе я конченный человек.

— Жаль, что мы не взяли с собой третьей пары лыж... — заметила Валентина. — Ведь вы по своему характеру настоящий кроссист, товарищ Лидум.

— Какой из меня сейчас кроссист...

— Об этом поговорим вечером. Иногда вечер бывает мудренее утра.

...Там был прекрасный сосновый бор, горы и холмы, отлогие подъемы и крутые спуски для смельчаков, а внизу, справа от шоссе, замерзшее озеро. И такая тишина, что слышно было, как падали в снег сосновые шишки.

Посредине озера сидел на своем ящичке одинокий рыболов и не спускал глаз с маленькой проруби, как кот, стерегущий щель в ожидании мыши.

Валентина и Айвар до полного изнеможения ходили на лыжах. Ян Лидум прохаживался по берегу озера в теплых фетровых сапогах и выкурил первую трубку. Он все еще никак не мог примириться с тем, что ничего не делает, просто так прогуливается по опушке леса, дышит свежим воздухом и любит природой. Почему он не может, как Земдег, выключаться, целый день совсем не думать о фабриках и производственном плане, бездумно отдаться своему хорошему настроению?... Почему у министра по понедельникам, а иногда и в середине недели, красные глаза и воспаленные веки? Выпивает, такой-сякой, больше положенного, портит здоровье и теряет работоспособность... После этого плохое настроение, все виноваты и никто ему не угодит. Книг не читает, в журналах смотрит только картинки, о содержании газет судит только по заголовкам статей, полагаясь на старый багаж, хотя от него давно уже ничего не осталось.

Ян силился отогнать эти непрошенные думы, но заботы не покидали его, навязчиво лезли в голову всякие неприятные мысли. Тогда он начал собирать сухие сучья, хворост, наносил огромный ворох и развел огонь. На старом пне он приготовил обеденный стол. Впрочем, немного погодя Валентина несколько изменила «сервировку» по своему вкусу: накрыла пень чистой бумагой, вилки и стаканы велела взять в руки, а «стол» устала термосами и бутербродами. Каждый сам накалывал на деревянный вертелочек охотничью колбасу и поджаривал ее над костром. Лидум удивлялся — он уже давно не ел с таким аппетитом, как сейчас.

— Так можно проесть всю свою зарплату! — смеялся он, уплетая четвертый бутерброд и поджаривая неизвестно какую по счету колбаску. — Валентина, наверно, прибавила к еде какого-нибудь зелья.

— Не иначе, товарищ Лидум! — Валентина взмахом руки показала на окрестность. — Прибавила все это — солнечный свет, запах хвои, дым костра и лесной ветерок, — такие витамины еще не изготавливают ни в одной лаборатории.

Кончилось тем, что они запели. Как серебряный колокольчик, звенел голос Валентины, которому вторили густой бас Лидума и баритон Айвара. Грустную песню сменила удалая, и вместе со словами песен лица певцов отражали разнообразнейшие чувства: грусть, нежность, упорство, боль и светлую радость. Певцы не заметили, как потемнело небо и внезапно наступил глубокий сумрак, не слышали они, как налетел ветер и закачались верхушки сосен; они пришли в себя, только когда порыв ветра бросил в их

лица горький дым костра и одежду осыпало хлопьями золы. Тотчас же посыпался мелкий колючий снег, будто кто-то высыпал огромный мешок крупы.

— Спасайся кто может! — вскрикнула Валентина. Все бросились собирать посуду и скрылись в машине. Только там, схоронившись от непогоды, Ян Лидум что-то вспомнил и сердито проворчал:

— Леший тебя возьми! Ведь я еще не выкурил второй трубки! Как можно стать таким забывчивым...

Все рассмеялись. Смеялся и Лидум. Но когда закурил трубку, признался, что никогда раньше не пробовал такого душистого курева.

— Впредь придется чаще ездить в лес — дело стоящее...

— И реже курить... — заметила Валентина. — Тоже дело стоящее.

Айвар весь день вспоминал Анну: вот бы и она была здесь, вместе с ними... Все, что они сегодня делали, было бы тогда еще лучше, прекраснее, полнее...

Приехав домой, Ян Лидум сказал Валентине:

— Я очень признателен, что вытащили старого барсука из норы. Согласен провести так еще не один выходной день. Большое спасибо, девушка!

— Вам спасибо, что согласились... — улыбнулась Валентина. — На следующее воскресенье придумаем что-нибудь другое — соревнования, театр, концерт или кино... может, все вместе.

— Гм... — Лидум задумался. — День все равно пропал. Что вы скажете, если мы сегодня все втроем отправимся в оперу? Право, не мешает послушать хорошую музыку и помечтать.

Предложение Лидума было принято с большой радостью.

5

Через несколько дней Яна Лидума впервые в жизни вызвали на партийную коллегию не как свидетеля, а как обвиняемого. В дивизии он участвовал в работе партийной комиссии, поэтому с первого же заданного ему вопроса он понял, что его подозревают в каких-то проступках.

Лидум спокойно отвечал на все вопросы и совсем не чувствовал себя обиженным. Скоро из разговора стало ясно, что его и Айвара кто-то подло оклеветал.

— Прости, что тебя оторвали от дела, — сказал член коллегии, когда они кончили разговор, — но мы иначе поступить не могли. Нам прислали

на тебя и твоего сына материал, несколько писем. Ты, как старый партийный работник, отлично знаешь, что мы не можем оставить без внимания ни одного сигнала.

— Это мне хорошо известно, — ответил Лидум. Член коллегии был ему давно знаком, они несколько лет просидели в одной камере рижской Центральной тюрьмы. — У меня только одна просьба к партийной коллегии: строго проверить все факты. Я не желаю, чтобы даже малейший пустяк, если он вызывает подозрение, остался непроверенным. Ты сам понимаешь почему. Почти тридцать лет я в партии, и до сего дня на моей совести нет ни одного пятнышка. Хочу верить, что этого не будет и в будущем.

Яна Лидума и Айвара обвиняли в разных преступлениях: в присвоении государственных средств, во взяточничестве и спекуляции промышленными товарами; Лидум якобы присваивал промтоварные ордера, предназначенные для сотрудников министерства и лучших производственников предприятий, а полученные по ним товары продавал на рынке через посредников. Айвара обвиняли в том, что он, демобилизовавшись из армии, присвоил трофейный мотоцикл и путем разных махинаций зарегистрировал его в автоинспекции как собственный.

Все выдвинутые обвинения можно было опровергнуть без особых усилий. Когда специальная комиссия произвела проверку, оказалось, что все от начала до конца выдуманно, но доносчики отчасти достигли своей цели: на честных советских людей была брошена тень, несколько занятых работников были на продолжительное время оторваны от работы, занимаясь проверкой злостной лжи. И хотя Ян и Айвар в конце концов были полностью реабилитированы, одно то обстоятельство, что их делом занималась специальная следственная комиссия, дало обывателям повод для ядовитого шепота и злобных сплетен. Клеветник, выдававший себя за члена партии и честного советского патриота, оплевав избранную им жертву, спрятался за углом и злорадно наблюдал, как оплеванный очищал себя от грязи.

«Докажи, что ты не верблюд... — издевался он втихомолку. — Теперь утирайся и оправдывайся. А пока ты занят этим, работа у тебя стоит».

Айвар в первое время ходил подавленный. Как хорошо, что рядом с ним стоял отец — сильный, закаленный, не теряющий хладнокровия человек.

— Не вешай головы, Айвар, — подбадривал сына Ян Лидум. — Мы имеем дело с особым приемом борьбы. Нужны спокойные нервы и ясный взгляд, и мы победим, разобьем их. Не падай духом, сынок...

Когда первая атака была отбита, неизвестный враг перешел в новое наступление. За всевозможными подписями, то написанные явно измененным почерком, то напечатанные на пишущей машинке, в разные учреждения плыли бесконечным потоком письма. Попутно со старыми, давно опровергнутыми фактами приводились новые, некоторые из них касались времени, когда Лидум был в тюрьме; чтобы их проверить, приходилось рыться в архивах, доставать свидетельские показания старых подпольщиков. Опять люди, которые в другом месте принесли бы большую пользу, занимались расследованием гнусной клеветы, а Лидум и Айвар вооружились терпением и снова и снова ходили по вызовам в разные учреждения, чтобы давать объяснения по поводу новых выдвинутых против них обвинений.

— Очень уж крепко взялись за нас, — рассуждал Лидум. — Видать, здорово озлоблены. Так взъелись, что не могут уняться.

— Мне кажется, все происходит из-за меня, — как-то сказал Айвар. — Это та же рука, которая тревожила меня прошлым летом, — Пикол и компания. Пикол сидит, а его единомышленники на свободе. Они не могут простить, что не удалось заманить меня в их преступную банду. Выходит, ты страдаешь из-за меня.

— Во-первых, мы не страдальцы, а борцы, Айвар, — указал отец. — Борясь за свою честь, мы боремся за честь советского общества. Это не только наше частное дело, и мы не имеем права уставать и падать духом. А те, кто по вечерам орут из радиостудий «Би-Би-Си» и «Голос Америки» или в своей безумной ненависти заполняют полосы желтой прессы всяческой ложью по адресу Советского Союза, разве они отличаются от тех, кто сейчас беснуется вокруг нас? Отличаются только масштабом. И было бы неправильно, если бы мы просто плюнули на них и не обращали внимания на их злобные крики. Лжи всегда надо противопоставлять правду и только правдой побеждать злобную силу лжи, чтобы народам стало ясно: кто, как и зачем их обманывает.

Второе нападение врага было отбито так же, как первое. К концу зимы органы государственной безопасности раскрыли и арестовали значительную террористическую группу буржуазных националистов. После этого поток клеветы прекратился. Лидум и Айвар снова могли спокойно заняться своими делами. Айвару надо было подтянуться, чтобы к лету сдать все экзамены за второй курс.

Сразу после организации колхоза «Ленинский путь» Айвар по приглашению Анны приступил к разработке трехлетнего плана новой сельскохозяйственной артели. Он не успел еще закончить его, когда

технический проект осушения Змеинового болота был готов и с ним можно было познакомить колхозников. Договорившись с Анной и Регутом, Айвар в конце зимы приехал в Пурвайскую волость и пробыл в колхозе несколько дней. Он предложил организовать из колхозников бригаду мелиораторов, во главе с новым председателем мелиоративного товарищества Алкснисом. Бригада должна была заготовить крепежный лес, плетенки из прутьев и хвороста, камни. Материалы эти начали подвозить к трассам будущих каналов, пользуясь последними днями санного пути.

6

Однажды, когда Айвар и агроном Римша еще работали над трехлетним планом «Ленинского пути», Лавиза узнала от какой-то соседки, что одну из главных отводных канав предполагают рыть через луга и пастбища Сурумов. Последний год Лавиза часто болела и вечно возилась с разными знахарями и знахарками, пила приготовленные ими чудодейственные лекарства, позволяла старухам дурачить себя всякими суевериями, а к участковому врачу Зултеру за советом не обращалась. Она сильно похудела и пожелтела, но Пацеплис не проявлял особых забот о здоровье жены. Узнав новость, Лавиза разыскала мужа и, дрожа от негодования, рассказала ему об этом.

— Как же ты, Антон? — дивилась она. — Хозяин ты в Сурумах или нет? Без твоего согласия делают с твоей землей все, что взбредет на ум. Сейчас они мудруют над всякими отводными канавами да каналами, а скоро позарятся на твои строения и скотину. Хоть бы поговорили с тобой, спросили бы, как ты на это смотришь. Нет, решат, да и начнут здесь хозяйничать, как в своем доме. Сущие разбойники!

— Так, так, без моего ведома... Ничего у них не выйдет, Лавиза. Только через мой труп пройдут эти канавокопатели на мои луга. Есть еще на свете закон и власть. Я им покажу, что получается, когда забывают поговорить с хозяином. В суд подам! Чего бы мне это ни стоило, я добьюсь правды! Тоже нашлись вершители...

— Если хочешь чего-нибудь добиться, тянуть нечего, — сказала Лавиза, — иначе упустим время, а потом скажут, где вы были раньше, почему молчали? Может, поговорить с каким аблакатором? Да и волостной писарь кое-что понимает в законах.

— Я сам знаю, что мне делать! — оборвал ее Пацеплис. — Ты меня не учи.

Он приделся, повязал на шею цветной платок и пошел запрягать лошадь.

— Куда поедешь, Антон? — спросила Лавиза. Энергичные действия мужа пришлись ей по душе. — К писарю?

— У меня есть советчик получше, чем все твои писари да адвокаты, — отрезал Пацеплис — Поеду на пасторскую мызу, к самому Рейнхарту.

— К Рейнхарту... — удивленно и благоговейно прошептала Лавиза. — Вот это ты хорошо придумал, Антон. Ну и голова же у тебя.

— А ты только сейчас смекнула? — отозвался муж и, стегнув лошадь, выехал со двора. Старая, давно не смазанная рессорная телега визжала, как собака во время порки. Кляча тихонько трусила по мерзлой дороге, делая вид, что бежит рысью. Телегу сильно трясло. Пацеплис еще больше разозлился, но сорвать сердце можно было только на лошади, ей и попало.

Старый Рейнхарт умер несколько лет тому назад, теперь обязанности пастыря прихода исполнял его сын. Немного старше сорока лет, высокий, плотный, с гладко выбритым лицом, жидковатыми волосами и совершенно коричневыми от курения зубами, молодой Рейнхарт мало чем напоминал покойного отца — тот был худощавый, с маленькой бородкой клинышком. Когда жена сказала ему, что прибыл какой-то крестьянин, Рейнхарт для пущей важности заставил посетителя минут десять подождать, облачился за это время в поношенную визитку, раскурил трубку и только тогда вышел в кабинет. Почтительно зажав под мышкой шапку, по возможности сгорбив свою рослую фигуру, Антон Пацеплис смиренно предстал перед слугой господним.

— Преподобный отец, со мной стряслась большая беда... — жалобно начал Антон. — Дети оставили меня одного на старости лет, сейчас мир хочет совсем разорить меня. Право, не знаю, чем заслужил такую немилость божью.

Рейнхарт сел за письменный стол, уставленный книгами, показал Пацеплису рукой на стул и спросил:

— Чем могу быть полезен?

Антон рассказал все: как он не пошел в колхоз, как из-за этого поссорился со своими детьми, как сейчас без его согласия мир хочет разорить его луга и пастбища.

— Разве на других участках им места не хватает? Если у них такая нужда, пусть роют через свои участки, а мою землю оставят в покое. Я там хозяин и своим имуществом могу распоряжаться как хочу. Если бы вы дали благой совет, я бы вас по гроб жизни благодарил.

Пастор погрузился в раздумье, посмотрел, будто обращаясь за советом,

на небольшое распятие и торжественно вздохнул.

— Крест свой надо нести терпеливо. Не теряйте надежд, добрый христианин.

— То есть как это, преподобный отец? — смутился Пацеплис. — Как мне это понимать?

— В смирении и страхе божьем должны мы проводить дни свои. Как отец небесный предназначал в своем милосердии, так все и свершится, и человек не должен идти против рожна, — ответил Рейнхарт.

— Вы же не хотите сказать, что мне надо уступить, — воскликнул Пацеплис, и голос его задрожал от негодования.

— Еще предки мудро советовали: с сильным не борись, — продолжал пастор. — Попробуйте добром. Может быть, они признают ваше право.

— Нечего пытаться! — Пацеплис ударил кулаком по столу с такой силой, что опрокинул распятие. — Им нужна канава, а мне земля, и это мое право. Если вы только такой совет даете, не стоило приезжать.

Рейнхарт пожал плечами и встал.

— К сожалению, так. Вмешиваться в мирские споры не мое дело. Господь поручил мне пасти своих овец.

— И это все, что вы можете мне сказать? — удивился Пацеплис и тоже встал.

— Это все, добрый человек, — сказал Рейнхарт, спокойно посасывая трубку. — Но вы не тревожьтесь; все сбудется так, как предназначал господь.

— Этого я никак не ожидал... — пробормотал Пацеплис. — Прощайте, преподобный отец.

— С богом, да благословит вас господь...

Смущенный Пацеплис вышел от пастора. Уже сидя в телеге, он досадливо сплюнул и, погнав лошадь в сторону волисполкома, оглянулся на дом пастора.

— Тьфу... чучело, — злобно бормотал он. — А еще считается христовым воином... Трусливый заяц! Хитрая лиса! Хорошо, что не взял с собой кошелку яиц и старого петуха — за что ему давать? С сильным не борись... такой мудростью можно дураков пичкать, но не меня. Поборемся! Я не боюсь! Они еще увидят, кто такой Сурум!

Пацеплис подъехал к волостному исполкому в воинственном настроении. Привязав лошадь, он направился к Анне.

В кабинете парторга были только двое — Анна и Айвар, который пришел попрощаться перед отъездом в Ригу.

— Ага, очень хорошо, что и вы здесь! — сказал Айвару Пацеплис. —

У меня с вами серьезный разговор.

— Добрый день, отец... — Анна напомнила, что он не поздоровался.

— Добрый день, — резко ответил Пацеплис и сейчас же разразился: — Это по какому праву вы суете нос в мою землю? Кто вам разрешил проектировать отводную канаву на моем владении?

— Через ваши луга лежит кратчайший путь от Змеинового болота к Раудупе, — спокойно ответил Айвар. — В другом месте пришлось бы рыть в обход или через холмы, а это удорожает строительство. От этой канавы польза в первую очередь будет вам же. Я бы на вашем месте радовался.

— Я вам порадуюсь! — Пацеплис повысил голос. — Я расстрою весь ваш проект! Ройте, где хотите, только не на моей земле!

— Почему ты упрямисься, отец? — спросила Анна. — Садись. Поговорим обо всем спокойно.

— У меня нет времени сидеть тут и торговаться с вами, — отрезал Пацеплис. — Земля моя, и я над ней хозяин. И как я говорю, так тому и быть. Никаких канав вы у меня рыть не будете!

— Но тебе же польза от этого... — возразила Анна. — Каждый разумный человек сказал бы спасибо, что ему помогают осушить луга и поля. Я не понимаю, почему ты упорствуешь?

— Яйцо улит курицу! — Пацеплис насмешливо посмотрел на Анну. — Побереги свою мудрость, доченька, а я обойдусь без твоих советов.

Анне было стыдно, что отец в присутствии Айвара выказывает всю свою тупость и безрассудное упрямство, терпение ее истощилось.

— Делай как знаешь, — ответила она отцу. — Если не хочешь послушать моего совета, потом не жалуйся. Запомни одно, отец, коллектив не позволит тебе без конца привередничать и мешать ему. Если ты из одного упрямства будешь противиться рытью отводной канавы через твою землю, мы переселим тебя из Сурумов в другое место. В другом конце волости есть бесхозные усадьбы. Одну из них отведут тебе, а землю Сурумов присоединят к колхозу. Не удивляйся моим словам, я говорю совершенно серьезно. Мы не позволим тебе мешать жизни всей округи.

Пацеплис понял, что Анна действительно не шутит. Он испугался, побледнел.

— Ты... ты меня выгонишь из дома? — растерянно пробормотал Пацеплис. — За то, что вырастил тебя, сделал человеком? — он молитвенно сложил руки, поднял их кверху и громко воскликнул: — Отче, прости им, ибо не ведают что творят! Не оставь меня, господь Саваоф!

Но его ханжеские крики ни на кого не подействовали, и, поняв, что борьба проиграна, Антон Пацеплис насупил, горестно покачал головой и

удалился.

— Видал, какой крепкий орех мой отец? — сказала Анна. — Но сейчас я его, кажется, раскусила.

— Да... это орешек... — покачал головой Айвар. — Какое ему дело до остальных, лишь бы настоять на своем.

...Приехав домой, Пацеплис выпряг лошадь, закатил телегу под навес, разыскал старые вожжи и с помрачневшим лицом вошел в избу.

В кухне его встретила Лавиза.

— Ну как, Антон? — вяло спросила она. — Куда несешь вожжи, разве под навесом некуда повесить?

Не проронив ни слова, угрюмо, как грозовая туча, приблизился хозяин Сурумов к жене, схватил ее за волосы, повалил на пол и начал безжалостно стегать вожжами.

— Ты... ты злой дух, ты довела меня до этого!.. Твое науськивание... твой змеиный язык отнял у меня детей!.. Теперь отнимут еще усадьбу! И зачем только живет такая подлюга!

— Зверь! — не своим голосом кричала Лавиза. — Люди добрые, спасите! На помощь! Этот изверг убивает меня.

Но никто не слышал ее отчаянных криков и не пришел на помощь. А Пацеплис не унимался, пока не устала рука.

7

Приехав в Ригу, Айвар узнал от отца, что его спрашивала какая-то молодая женщина. Не представляя, кто бы это мог быть — своей фамилии она не сказала, — он не стал утруждать себя догадками и поэтому очень удивился, когда однажды вечером к нему на квартиру пришла... Майга Стабулник.

— Ведь правда, не ожидал? — смеялась Майга, заметив смущение Айвара. — Испугался, будто я воскресла из мертвых.

И она снова захохотала, а настойчивый взгляд ее не отрывался от лица Айвара.

— Удивляться есть чему... — ответил Айвар, переборов смущение. — Люди говорили, что ты... за морями.

— А вот оказалось, что я жива, здорова и хожу по той же латвийской земле. Вот оно как, Айвар.

Айвар помог ей снять пальто и, после того как Майга пригладила перед зеркалом волосы, повел в свою комнату. Майга похудела, и это ей

шло. Судя по темно-синему в полоску шерстяному костюму и модным туфлям, жилось ей неплохо.

«Что ей от меня надо?» — думал Айвар. Он жалел, что отец еще не пришел с работы, тогда можно было бы быстрее отделаться от гостыи.

Когда он закурил, Майга тоже попросила папиросу. Потом Айвар узнал о ее жизни за прошедшие шесть лет. Про своих братьев она ничего не знала; когда немецкая армия капитулировала в Курземе, они служили в латышском легионе. Старики с Майгой добрались до западных областей Германии и там, в каком-то лагере для перемещенных лиц, старики Стабулниеки умерли прошлой осенью от тифа. Оставшись одна, Майга репатриировалась и уже третий месяц жила в Риге и работала в ресторане буфетчицей.

— Я не жалею, жить можно... — говорила она. — Но когда узнала, что ты в Риге, мне захотелось повидать тебя и поговорить о некоторых важных вещах.

— О чем же? — спросил Айвар.

— Во-первых, насчет усадьбы отца. Я слышала, что там теперь организован колхоз. Как ты думаешь, Айвар, могу я надеяться, что мне, как наследнице Стабулниеков, вернут хоть часть нашей земли, строений и движимого имущества? Стоит хлопотать?

— В усадьбе Стабулниеков сейчас организована молочнотоварная ферма, — сказал Айвар. — Я думаю, что тебе не стоит поднимать этого дела.

— Жаль... — вздохнула Майга. — На многое я и не рассчитывала, хоть бы получить что-нибудь из мебели. Когда устрою свою жизнь, всякая мелочь пригодится. У нас была хорошая мебель. Но если ты считаешь, что не стоит, то я не буду.

— Если ты устроишь свою жизнь, обойдешься и без старой рухляди, — пошутил Айвар. — Для новой жизни нужно все новое.

— Понятно, так было бы лучше. А ты, видно, устроился хорошо.

— Как умели, так и устроились с отцом. Какой у тебя еще вопрос ко мне?

Майга помешкала, стала серьезной и, уставившись в пол, заговорила:

— Насчет нас... Насчет нас с тобой, Айвар. Когда-то мы были близки, и все складывалось так, что мы... ну, ты сам понимаешь, Теперь, конечно, времена другие, и мы оба стали тоже другими. Может, ты никогда серьезно и не думал, может быть, я ошибаюсь. Если бы я знала, что ты... что у тебя серьезные намерения, я могла бы еще подождать сколько надо.

Айвар давно не находился в таком тягостном положении. Ему было

ясно, что Майга еще надеется. Он понимал, что самое правильное и честное, хоть это могло показаться и жестоким, откровенно сказать Майге, что он никогда ее не любил и что ей придется искать свое счастье в другом месте.

— Я никогда не любил тебя, — сказал Айвар.

— Может, ты вообще еще не любил женщины? — спросила Майга. В глазах ее вспыхнула робкая надежда.

— Любил и люблю, но другую, — ответил Айвар.

— Понимаю... — блеск в глазах Майги потух. — Прошло столько времени... жизнь требует свое. А она хорошая?... Лучше меня? Сильно любит тебя?

— Она не знает о моих чувствах...

Майга покачала головой и с грустной усмешкой сказала:

— Ах ты, бедняжка. Значит, тебе все еще приходится обходиться без женской ласки. А я эту девушку знаю? — спросила Майга.

Айвар молчал.

Тогда Майга встала.

— Ладно, Айвар, я все понимаю. Но если тебе когда-нибудь станет очень тяжело, вспомни про меня. Я никогда ни в чем не упрекну тебя, но тебе будет со мной хорошо. Помни об этом, Айвар. А чтобы не пришлось меня разыскивать, вот мой адрес.

Она написала на клочке бумаги несколько строк, улыбнулась Айвару и ушла. Айвар не стал задерживать ее.

Оставленную Майгой бумажку с адресом он разорвал на мелкие клочки, не прочитав написанного. Потом сел за стол и, прежде чем раскрыть учебник, долго думал об Анне. И его мысли снова стали светлыми, ясными, и ему опять было хорошо.

Глава шестая

1

Антон Пацеплис постепенно разорялся, в Сурумах все рушилось. Этот развал начался уже давно. Даже Кристина, добровольная и самоотверженная рабыня, не могла приостановить его. Да и что мог сделать один человек, когда остальные члены семьи не помогали ему. Затормозить, временно замедлить неминуемое разорение — вот все, чего добилась Кристина своим нечеловеческим трудом. После ее смерти уже ничто не препятствовало этому распаду. Сейчас наступило последнее действие трагикомедии, где Антону Пацеплису принадлежала одна из главных ролей.

Хозяйство было запущено до крайности.

Стиснув зубы, работал Пацеплис в ту зиму на лесозаготовках, выполняя норму. Только сейчас он понял, как много потерял, оттолкнув от себя детей. Теперь, когда всю тяжесть хозяйственных работ пришлось нести на своих плечах, у Пацеплиса раскрылись глаза. Ему стало ясно, какую непосильную тяжесть взваливал он на детей, которые не слышали от него ни единого слова благодарности. Лавиза с трудом управлялась со скотиной и на кухне, все полевые работы сваливала на хозяина.

Да, теперь он сетовал, наживал мозоли и проклинал весь свет, но себя считал безгрешным, как агнец божий. После разговора с пастором Антон чувствовал себя обманутым и одураченным. Он убрал со стола библию и больше не пел по вечерам. На этом и кончилась кратковременная вспышка ханжества.

И наконец грянул последний удар, который Пацеплис перенес с редким спокойствием и мужеством: проболев несколько месяцев, умерла Лавиза. В Сурумах, под крышей амбара, уже лет десять хранился сосновый гроб, приготовленный хозяином для себя: так когда-то делали его дед и отец, и так по старой традиции сделал и он. Теперь это посмертное обиталище пришлось уступить Лавизе. Кикрейзиене пришла помочь обмыть и уложить в гроб покойницу, пономарь отзвонил на церковной колокольне, а в воскресенье после обеда третью жену Антона Пацеплиса отвезли на кладбище. Надгробную речь произнес Рейнхарт. Провожающих было мало: Кикрейзис с женой да несколько любопытных старух, не пропускавших ни одних похорон.

У могилы Пацеплис долго тер глаза, пока они не покраснели и не стали слезиться. Лавизу похоронили рядом с Кристиной, а между Кристиной и Линой Мелдер осталось свободное место для самого Пацеплиса; когда он умрет, его похоронят здесь, между трех жен, чтобы и после смерти его близость могла осчастливить покойниц.

«Странно, однако, устроена жизнь... — думал Пацеплис, глядя на три могильных холма — два старых и один, еще пахнувший свежей землей. — Вот ты, человек, живешь, надрываешься, суетишься, добиваешься неизвестно чего, и вдруг тебя больше нет и ничего тебе не нужно... Другие продолжают надрываться, гоняться неизвестно за чем, а ты лежишь в своем ящике, и мало-помалу о тебе все забывают. Но еще удивительнее то, что они все три похоронены, а ты еще живешь, бодрый, здоровый, как крепкий дуб, с которым ничего не поделает никакая буря. Наверно, так нужно, иначе этого не случилось бы. Ты должен жить, ибо ты нужен в этом грешном мире...»

Ни Жан, ни Анна не пришли проводить мачеху в последний путь. Им, наверно, не понравилось, что хоронили с пастором, ведь коммунисты этого не признают, иначе пришли бы если не ради Лавизы, то ради отца.

После похорон Пацеплис со старым Кикрейзисом выпили бутылку водки и закусили мерзлым свиным салом, поминая покойницу и рассуждая о своей жизни.

— Так, значит, теперь ты опять попал в женихи, — шутил Кикрейзис, когда водка ударила в голову. — В четвертый раз. Ну и везет тебе, Сурум.

— У каждого человека своя судьба, сосед, — ответил Пацеплис, тяжело вздохнув, и сделал печальное лицо. — От судьбы не уйдешь. Иной, так сказать, всю жизнь проживет гладко, а другого, как скорлупу, кидает по волнам моря житейского.

Большую часть пути они ехали вместе и переговаривались, сидя каждый в своих санях.

— Эх, Сурум, жить ты не умеешь... — говорил Кикрейзис. — Дети твои у власти, а тебе от этой власти ничего не перепадает. Я, на твоём месте, с такой родней сейчас управлял бы всей волостью. А теперь я кто... кулак... вредный элемент, сиди смирно да гляди, как бы с тобой чего не случилось. Я даже ничего сказать не могу: за каждое слово против большевиков отвечать придется. А ты можешь говорить смелей, и молодец, что говоришь в глаза. Сейчас ты для нас, старохозяев, вроде как заступник. Но жить ты все же не умеешь, это я тебе говорю от души, как хорошему другу.

— Кто как умеет, так и живет... — отозвался Пацеплис. — Не у всех

одна сноровка.

Дома хозяин Сурумов задал корму коровам, свиньям и разогрел себе обед, — прямо срамota, чего только не приходится теперь делать самому. Поев, он достал старый семейный альбом и принялся рассматривать фотографии. Мать и отец... друзья молодости... знакомые девушки в день конфирмации в белых платьях с евангелием в руках... лихой парень Антон Пацеплис, статный, молодцеватый, с завитыми усами и серебряной часовой цепочкой на белом жилете... веселые компании на легких гуляньях, на свадьбах, крестинах... дети Пацеплиса — Бруно, Анна, Жан...

И перед глазами Пацеплиса прошла вся его жизнь. Из разорванного конверта выпало несколько забытых фотографий, неизвестно как очутившихся в этом хранилище семейных реликвий. С одной на Пацеплиса задумчиво смотрела серьезными, грустными глазами красивая девушка.

«Ильза Лидум... — прошептали губы Пацеплиса. — Самая красивая из всех девушек, которых я знал. Сколько времени прошло с тех пор, как я ее видел в последний раз, сколько времени...»

Он вспомнил зимний день, свадебный поезд, бубенцы, счастливую, влюбленную Лину Мелдер, крепко прижавшуюся к его плечу... и молодую женщину с маленьким мальчиком в санках на краю лесной дороги. Много воды утекло с тех пор. Не было больше Лины, не было Кристины, нет больше Лавизы, но есть еще Пацеплис, есть Ильза и ее сын. Было время, когда они нуждались в тебе, но ты их не пожалел, у тебя были другие заботы. Теперь не мешало бы, чтобы кто-нибудь пожалел и тебя, но кто это сделает? Кто, Антон Пацеплис? Какой мерой ты мерил, такую мерой возместится и тебе...

И Пацеплису стало жалко себя.

Он знал, что Ильза одна вырастила сына; от людей он узнал, что теперь Ильза — заместитель председателя уездного исполкома (боже праведный, кто мог ожидать этого от такой тихой, простой девушки!) и что ее сын — видный партийный работник, секретарь укома партии. Да, это он знал давно, но только сегодня ему пришло в голову, что Ильза и Артур близкие ему люди и что от них может кое-что перепасть и ему. А что, если он, жалкий и разоренный, наказанный грозной судьбой, предстанет перед Ильзой и своим сыном? От Анны помощи ждать нечего, она только и знает, что строит родному отцу всякие пакости, но те двое, одинокие и обиженные... может, у них есть сердце в груди? Силы и власти у них много, может, и милосердия и душевной ласки тоже хватит.

Чем больше думал об этом Пацеплис, тем крепче становилась его уверенность в том, что в его жизни осталось неиспользованным важное

обстоятельство, которое могло полностью изменить его положение. Разжалобить, пробудить в сердце Ильзы давнишние чувства, вызвать любовь сына к отцу, которая долгие годы таилась в сердце юноши, и во второй половине жизни взлететь на такие высоты благополучия, какие ему никогда еще не снились, — разве это не было благородной и стоящей задачей?

Он уже вообразил себя в роли любимого отца и уважаемого друга молодости: его ласкают, балуют, усаживают в кресло перед затопленной печью и укутывают старые, уставшие ноги в теплое шерстяное одеяло, чтоб он не озяб... Больше не надо будет заниматься тяжелым и грязным трудом, ведь он в своей жизни достаточно надрывался и истязал себя на работе.

— Отдохни, дорогой отец, ты это честно заслужил... Не выпьешь ли стакан грога или коньячку?

Пацеплис наслаждался картинами будущего благополучия, и ему казалось, что он действительно достоин его.

Всю ночь он не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок, и в три часа поднялся с кровати.

— Теперь ничто не мешает мне сделать это... — разговаривал он сам с собою, расхаживая из угла в угол. — Пока Лавиза жила, неудобно было показываться им на глаза. Сейчас все изменилось. Лавиза умерла в самое подходящее время, как подобает разумному человеку. Я не умею жить? Посмотрим, Кикрейзис, что ты теперь скажешь?... Кто теперь будет выше, ты или Сурум?

Он набил полные ясли сена, чтобы коровам хватило на целый день (доить их не надо было; недели через две они должны были отелиться), насыпал свиньям полные кормушки мелкой картошки, набросал зерна курам и собрался ехать в город. Он надел лучшую одежду, начистил до блеска сапоги, а к жилету прицепил старую часовую цепочку. Заперев все двери и оставив собаку сторожить усадьбу, Антон Пацеплис еще до рассвета выехал со двора.

В городе он заехал в парикмахерскую и велел сбрить бороду, постричь волосы. На вопрос парикмахера, каким одеколоном побрызгать, Пацеплис ответил:

— Самым крепким и самым стойким. У меня сегодня торжественный день.

Во время последней поездки по волостям Ильза Лидум простудилась и впервые за всю свою жизнь очутилась в положении больной. Ей казалось смешным и несправедливым, что человек с температурой чуть повыше тридцати семи должен лежать в постели, принимать лекарства и ничего не делать. Но ни врач, ни Артур не хотели слушать ее возражений. Пилаг даже побранил ее, когда в понедельник утром она заявила по телефону, что думает после обеда выйти на работу.

— Пока не разрешит врач, я запрещаю вам появляться в исполкоме! — строго ответил Пилаг.

— А проверка готовности волостей к весеннему севу... — попыталась возразить Ильза. — Такое горячее время...

— Проверим без вас. Когда начнется весенний сев, вы будете уже на работе. Неужели вы ничего не можете нам доверить, товарищ Лидум? Как будто мы никуда не годимся.

Ильза сдалась. Хотя врач велел ей лежать в постели, она сама готовила обед, убирала квартиру: ведь легкое головокружение она не считала помехой.

Шел снег — вероятно, последний за эту зиму.

«Это хорошо, — думала Ильза, глядя в окно. — Минеральные удобрения завезут по санному пути. Лошади смогут отдохнуть и накопить силы к весенней пахоте».

Снег сыпал, как из решета, белой шерстяной шалью покрывал землю, улицы, накапливался на крышах и голых ветвях деревьев. Скрипели полозья, фыркали заиндевелыми ноздрями лошади, последний мороз румянил людям щеки. Снаружи по подоконнику прохаживался сизый голубь, время от времени поглядывая, не растворит ли Ильза окно, не насыплет ли ему корму?

Ильза думала о своей поездке. В Айзупской волости, к которой она была прикреплена как член исполкома, вступила в строй новая школа, и теперь дети будут учиться в просторных, хорошо оборудованных классах. Какое это было радостное событие! Лица школьников светились счастьем, когда они впервые вошли в светлые классы и сели за новые парты. А что за концерт устроили в красивом айзупском Народном доме! Какой хор, какой хореографический кружок! Не стыдно и в Риге показать.

С каким напряженным интересом слушали люди доклад о великих победах советских людей в послевоенной пятилетке... За примером далеко не ходить: здесь же в уезде было достаточно таких побед, которые могли убедить каждого в творческой силе советского строя. Жизнь с каждым днем становилась светлее, лучше, заживали нанесенные войной раны, груди

развалин уступали место вновь воздвигаемым заводам, Дворцам культуры, жилым домам. Вместо взорванных мостов были построены новые, более крепкие и красивые. Снова гудели телефонные провода, а электрический ток нес свет и энергию. Как радостно работать, отдавать свои силы расцветающей жизни, видеть, как на твоих глазах вырастает новый, советский человек.

Хорошо жить в такое время и в таком обществе. Пусть за морями и далекими горами шипят темные силы, куют оружие, кричат о новой войне. Не испугают, не смутят они советского человека, не сойдет он со своей светлой дороги, ибо в самом его существовании все честные люди мира черпают веру в будущее и силы для сегодняшней борьбы.

Ильза так задумалась, что и не услышала стука в дверь. Она очнулась, когда стук повторился громче и настойчивее. Ильза вышла в переднюю и отперла дверь.

Вошел высокий человек, в заснеженном полушубке, в заячьей ушанке, с заиндедевскими усами. В руках он держал мешок.

Ильза узнала этого человека, хотя не видела его больше двадцати пяти лет. И разом рассеялось ее приподнятое настроение, потускнел солнечный свет.

Антон Пацеплис поставил мешок в углу передней, снял шапку и, не зная, куда ее деть, мял в своих больших руках.

— Здравствуй, Ильза... — сказал он и, неловко улыбаясь, посмотрел на подругу юности. Потом протянул ей руку, но Ильза руки не подала.

— Здравствуй... Что тебе здесь нужно, Антон Пацеплис? Не перепутал ли ты адреса?

— Нет, не перепутал... — ответил Пацеплис, становясь смелее: если Ильза не прогнала его сразу, то дело совсем не так безнадежно. — Мне надо было повидаться с тобой. Был в исполкоме, разыскивал по всем комнатам... там сказали, что сегодня ты на работе не будешь, поэтому пришел сюда. Секретарь исполкома дал мне адрес.

— Что тебе нужно, Пацеплис? — снова спросила Ильза. — Тридцать лет я тебе была не нужна, а теперь вдруг понадобилась.

— У меня серьезное дело, в одну минуту не расскажешь, — пояснил Пацеплис. Его взгляд, как луч прожектора, ощупывал лицо и фигуру Ильзы, в глазах мелькало удивление и удовлетворение: хорошо сохранилась женщина, прямо картинка, хотя ей уж за пятьдесят... каждому бы лестно иметь такую жену.

А Ильза думала: «Стоит ли вообще выслушивать этого человека, может быть, лучше сразу показать ему на дверь. Нет, она ведь не просто

Ильза Лидум, она заместитель председателя уисполкома. Может быть, Пацеплис пришел по какому-нибудь общественному делу? Неужели у него хватит наглости навязываться со своим знакомством».

— Заходи в комнату... — холодно сказала она.

Пацеплис снял полушубок, повесил его, затем покосился на мешок в углу: развязать сейчас или немного погодя? Он оставил мешок в передней и вошел в комнату. Сел без приглашения и долго с грустью смотрел на Ильзу (он ведь умел немного играть). Закутав плечи шалью, Ильза села у окна и смотрела на улицу. Пацеплис заговорил первый.

— Вот мы и встретились через несколько лет... Кто бы мог подумать, что пройдет столько времени, пока увидим друг друга. («Какая она, однако, приятная и свежая...») Что я видел за свой век? Только горе да невзгоды. И теперь такая кругом пустота, что и жить не хочется... — он тяжело и громко вздохнул.

— Пацеплис, что тебе нужно? — сурово спросила Ильза. — Мне-то что до твоей пустоты? Говори о деле.

Пацеплис снова вздохнул, сделал постное лицо.

— Не будем вспоминать старое. Что было, то прошло. Человек должен думать о будущем. А мне жить тяжело. Один я, как надломленное дерево, и никому до меня нет дела.

— Не ври! — не выдержала Ильза. — У тебя есть дети — Анна и Жан. Хорошие дети. Ты не достоин их.

— Какой в них прок, когда они бросили отца на произвол судьбы, — продолжал Пацеплис. Его голос становился все плаксивее. — Оставили родной дом... Я сейчас в Сурумах совсем один. Недавно похоронил жену. Нельзя сказать, что хорошая женщина была... Ведь у меня есть еще один сын, Ильза...

— У тебя нет сына, Пацеплис! Ты эти мысли выбрось из головы. У меня есть сын, но он никогда не будет твоим. Ты от него отказался, когда ему был нужен отец. А теперь он обойдется и без тебя.

— Отцовская любовь ему нужна, как любому человеку, — не смущался Пацеплис — Зачем ему жить всю жизнь, оставаясь сиротой? Нехорошо, конечно, я поступил, что раньше не исправил своей ошибки. За это ты меня побрани, я это заслужил. Но исправить ошибку никогда не поздно. Нашему сыну, Ильза, надо вернуть отца. Я готов искупить свой грех.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ильза впервые за время разговора посмотрела на Пацеплиса, и в ее глазах было такое удивление, такая насмешка, что Пацеплис даже съежился.

— Вот что... — смешался он. — Сама судьба показала, что мы с тобой подходим друг другу... И если на то пошло, сегодня мы даже больше подходим друг другу. Ты женщина одинокая, я тоже бобыль, одним словом, люди свободные... Сложим наши косточки вместе. Старая любовь, говорят, не ржавеет.

— Ты... Ты... — Ильза от негодования не могла говорить.

— Я делаю тебе предложение, Ильзит, предлагаю руку и сердце! — торжественно произнес Пацеплис. — Будь моей женой перед богом и людьми!

— И для этого ты пришел? — спросила Ильза, еле сдерживаясь.

— Для этого, моя милая, — подтвердил Пацеплис.

— Да как ты посмел? — Ильза встала. — У тебя хватило наглости? Негодяй, хоть бы постыдился! Ведь ты не человек, а скотина. Уходи отсюда, Пацеплис. Я не хочу тебя видеть. Ты мне противен!

— Не надо расстраиваться, Ильзит... — успокаивал ее Пацеплис. Он пытался приблизиться к ней, дотронуться до ее руки, но она оттолкнула его. — Не расстраивайся. Ведь я желаю тебе только добра, я к тебе со всей любовью, я пришел вот покаяться. Ты постарайся простить меня. Подожди одну минутку.

Он выскочил в переднюю и вернулся с мешком.

— Я кое-что привез тебе. Может, пригодится.

Вытащив из мешка завернутый в тряпку окорок, он оглянулся, куда бы его пристроить. Стол был накрыт чистой скатертью — туда нельзя. Тогда Пацеплис постелил на стул старую газету и положил гостинец, потом достал кадочку с маслом и поставил рядом с окороком.

— Погляди, Ильзит, какой жирный. Разве на базаре такое мясо достанешь? А здесь маслице... Это все тебе. Ты только не сердись, твой старый Антон совсем не такой плохой, как ты считаешь. Эх, и заживем мы с тобой, Ильзит.

У Ильзы на языке было какое-то безжалостно насмешливое слово, но в комнату вошел Артур — он пришел пообедать. Заметив незнакомого мужчину, он вопросительно посмотрел на мать.

— У тебя гости, мама?

Пацеплис быстро обернулся к Артуру, лицо его расплелось в широкую улыбку, и он с удовольствием посмотрел на молодого человека.

— Какой рослый, Ильзит, прямо как молодой дуб! — воскликнул он. — На такого сына родители не нарадуются.

— Гм... — Артур удивленно смотрел то на Пацеплиса, то на мать. Незнакомый мужчина доброжелательно улыбался Ильзе, а ее лицо было

мрачным, враждебным.

— Что здесь происходит, мама? — спросил Артур. — Что за мясо и посудина?

— Вот этот человек... — Ильза пальцем показала на Пацеплиса, — он за это мясо и масло хотел купить нас с тобой. Посмотри внимательно — это твой отец.

— Правильно, молодой человек, таков он и есть, — подтвердил Пацеплис. — Отец остается отцом. У каждого человека есть отец, один-единственный на свете. Дай-ка я обниму тебя, сынок.

Он широко раскрыл объятия, но Артур смущенно и враждебно смотрел на Пацеплиса. Как-то в детстве Ильза рассказала ему про отца, он уже точно не помнил, что именно, что-то плохое, и больше об этом человеке не упоминалось ни слова. Артур вспомнил, как Лудис Трей и другие мальчишки когда-то прозвали его в школе «Ильзин сын» и как ему было больно, когда люди насмехались над его любимой матерью. Так вот он каков, этот негодяй, искалечивший ее жизнь.

— Что ему нужно здесь? — спросил Артур. — Кто ему разрешил прийти сюда?

— Никто не разрешил, — сказала Ильза — Явился нас осчастливить. Говорит, ты-де не можешь обойтись без его любви... и я тоже... — усмехнулась она мрачно. — Сделал мне предложение, понимаешь, Артур, предложил мне руку и сердце!

— Что ж тут плохого! — вмешался Пацеплис. — Почему я не имею права делать предложение матери своего сына? Ведь это доброе дело.

— Артур! — не выдержав, крикнула Ильза. — Будь добр, выбрось этого негодяя за дверь.

Артур выразительно посмотрел на Пацеплиса и показал рукой на дверь.

— Вы слышали? Берите свое масло, мясо и... и убирайтесь, — его голос дрожал.

— И это называется сын... — лепетал Пацеплис. Улыбка сошла с его лица; теперь он действительно выглядел жалким. Полными слез глазами смотрел хозяин Сурумов на своего сына. — Я пришел к вам со всей душой, а вы меня вот как встречаете.

Он вздохнул, спрятал в мешок кадочку и окорок и, опустив голову, вышел из комнаты. Артур последовал за ним в переднюю, подождал, пока он надел полушубок, заячью ушанку, и выпустил его-

— Господи... господи... — шептал Пацеплис — Что теперь со мной будет? Отчего ни один человек не понимает меня, не хочет любить?

Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и в квартире наступила тишина.

Артур вернулся в комнату, сел на диван рядом с матерью и обнял ее за плечи. Когда Ильза немного успокоилась, Артур спросил:

— Кто он, мамусенька? Расскажи... если тебе не слишком трудно говорить. Мне все же надо знать о нем, каков бы он ни был.

3

И Ильза рассказала сыну повесть своей молодости — до того момента, когда они, перебираясь к Яну Лидуму в Лаверы, встретили в лесу свадебный поезд.

— Ну, а дальше говорить не стану, Артур, ты и сам все знаешь. Только запомни одно: этот человек ни разу не вспомнил о тебе и не пытался помочь. Ты ему ничем не обязан. Он отказался от тебя еще до того, как ты появился на свет. Ты можешь смело заявлять, что у тебя нет отца, и никто не упрекнет тебя за это. Ты вправе отвернуться от него. Его собственные дети — те, которых он признал своими, — ушли от него, потому что он смотрел на них как на батраков.

— Как его имя, мама? — спросил Артур.

Ильза задумалась.

— Почему ты молчишь, мама? — спросил Артур. — разве тебе так трудно назвать его? Кто бы он ни был, я все равно останусь Артуром Лидумом.

Ильза посмотрела на сына и грустно улыбнулась.

— Не сомневаюсь, Артур, — она опять немного помолчала и сказала: — Это Антон Пацеплис. Он хозяин усадьбы Сурумы в Пурвайской волости и отец Анны Пацеплис...

— Отец Анны?... — Артур встал и взволнованно заходил по комнате. — Отец Анны...

— Да, Артур. Анне, как и тебе, не хватало отцовской любви и забот. Разница лишь в том, что она рано лишилась и материнской ласки. В этом отношении ты счастливее ее.

— Жаль, что я не знал этого раньше, — сказал Артур.

— Ты съезди к ней и все расскажи.

— Я поеду. Сегодня же вечером. Мне все равно надо в ту сторону по делам, заодно заверну к Анне.

После обеда Артур вернулся в уком, поработал несколько часов, а потом сел в «газик» и поехал в Пурвайскую волость. Дорога была сильно

занесена снегом, местами машина буксовала и застревала в сугробах, поэтому Артур добрался только поздно вечером. Оказалось, Анна уже ушла домой.

«Ничего, сегодня не буду ее беспокоить, — решил Артур. — Успею и утром поговорить».

Он попросил делопроизводителя волисполкома открыть кабинет председателя Бригиса, постелил себе на старом просиженном диване и за полночь читал захваченный с собой роман Фадеева «Молодая гвардия».

Анна пришла на работу ровно в девять. Артур уже успел умыться, побриться и позавтракать. Анна с первого взгляда поняла, что произошло что-то серьезное: Артур был чем-то взволнован, ходил по комнате и никак не мог начать разговор.

— Что-нибудь случилось, Артур? — спросила она, с беспокойством глядя на раннего гостя. — У тебя неприятности? Может, мы сделали что-нибудь не так?

— Действительно случилось... — сказал Артур. — Я и сам не знаю, приятное или неприятное. Может быть, и то и другое.

— Почему ты не сядешь?

— Ничего, мне так лучше, но ты сиди, Анныня, не обращай внимания на это.

Наконец он остановился у письменного стола, о чем-то подумал немного, затем повернулся к девушке и неловко улыбнулся:

— Ты знаешь, что я вырос без отца. Ничего о нем не знал и привык думать, что его совсем нет. А вчера я имел честь увидеть его.

— Правда? — воскликнула Анна. — Вот чудесно-то! Ты нашел отца... Воображаю, какая для тебя это большая радость.

— Да, большая радость... — в голове Артура прозвучала ирония. — У тебя тоже есть отец, а ты очень ему рада?

Анна опустила глаза.

— Не все отцы, Артур, такие, как у меня... Есть среди них люди честные, и таких большинство.

— Но наш принадлежит к мерзкому меньшинству.

— Наши — хотел ты сказать... — поправила Анна.

— Нет, именно наш, — сказал Артур. — У нас один отец, Анныня, Антон Пацеплис из Сурумов. Вчера я удостоился наконец чести увидеть его собственными глазами. Он приезжал к нам и сделал предложение моей матери.

— Не может быть! — возмутилась Анна. — Только позавчера он похоронил жену. Нет ли тут какого недоразумения, Артур?

— Какое там недоразумение. Вчера твой отец был в городе и совершенно официально предложил руку и сердце моей матери. Конечно, она его прогнала, а мне стало известно, что он мой отец. Выходит, мы родственники, — мы с тобой, Анныня, а не с ним, конечно. Он никогда не будет моим родственником.

— Брат и сестра по отцу? — Анна радостно посмотрела на Артура.

— Да, выходит, — улыбнулся тот. — До сих пор мы были хорошими друзьями, думаю — друзьями и останемся. Мы дети, вернее падчерица и пасынок, одной судьбы. О чем ты задумалась, Анныня?

— Какой ты добрый, Артур... — сказала Анна. — Ведь тебя ограбили, и тебя и Ильзу. И я тоже, сама того не зная, виновна в этом.

— Неверно. Анныня. Ты никого не грабила. И если хорошенько поразмыслить, разве мы что-нибудь потеряли? Чего он стоит, этот наш так называемый отец? Хорошо, меня он просто забыл, но ты-то выросла у него на глазах. Скажи, что он тебе дал? Намного ли больше моего ты получила от него? Да я ничуть не завидую тебе. Наоборот, ты можешь позавидовать мне: я по крайней мере не рос в атмосфере такого ужасного эгоизма, жестокости и равнодушия, как ты. Мы случайно нашли друг друга, и сама жизнь сделала нас хорошими товарищами и друзьями. Теперь будет еще лучше: вместо одного брата у тебя будут два, а я приобрел сестру, которой у меня не было.

— Как я теперь богата... — прошептала Анна.

— Что же нам теперь делать с отцом? — спросил немного погодя Артур. — Он, конечно, плохой человек, но дать ему совсем пропасть не хочется. В конце концов мы советские люди и хотя бы из чувства долга перед обществом должны подумать о нем.

— Да, Артур, из чувства долга перед обществом! — сказала Анна. — Большого пока он не заслуживает.

Зазвонил телефон, Анна сняла трубку.

— Товарищ Пацеплис? — раздался не то испуганный, не то радостный голос Регута. — Я хочу сообщить вам одну приятную новость...

— Я слушаю, товарищ Регут... Что за новость?

— По телефону говорить неудобно, — ответил Регут. — Вы еще побудете у себя?

— До обеда никуда не пойду.

— Ладно, тогда я сейчас приеду. Только не уходите. Эта новость вас очень обрадует.

Анна положила трубку и улыбнулась.

— Регут хочет чем-то удивить меня. Видать, что-нибудь серьезное,

если не хочет сказать по телефону. Подожди, Артур, пока он приедет, может, и тебе будет интересно услышать. А пока подумаем, что нам делать с отцом. Может, и впрямь применить самые крутые меры?

4

После обеда поднялась настоящая метель.

Почувяв, что хозяин забыл про нее, лошадь перешла с рыси на шаг и лениво тащила сани по занесенной дороге, временами косясь назад. Хотя кожа клячи испытала и удары кнутом и пинки ногой, все же мало приятного, когда завязанные на кнуте узлы жалят бок. Хозяин умел бить жестоко, прямо по ногам, где меньше мяса и потому больнее всего.

Но сейчас сердитому хозяину было не до лошади. Он так задумался, что ничего и не слышал.

«Такой позор, такой позор... родной сын выставил за дверь, как назойливого нищего, только не хватало, чтобы схватили за шиворот и выбросили на улицу. Куда девались прекрасные мечты о совместной жизни в дружбе и любви? Как на собаку крикнули и показали на дверь. Куда делось мягкое кресло и стакан грога? За что? Почему?»

Он хотел обидеться, рассердиться, выразить протест, но не хватало злости. Пацеплис испытывал только простодушное недоумение. «Почему все люди отворачиваются от меня, почему меня презирают? — снова и снова спрашивал он себя. — Что я такого плохого сделал? Кажется, никого не убил, не ограбил. Откуда такая ненависть? Анна... Жан... теперь Ильза и Артур — все сторонятся, как от прокаженного. Даже чужие люди, и те не хотят разговаривать. Только Кикрейзисы... но у них свой расчет: стараются натравить на весь свет, как старую собаку, чтоб потом посмеяться над тобой. Почему? Разве ты грешнее своих соседей? Или ты проклятый какой-то?»

Пацеплис чувствовал себя отверженным, одиноким, он отыскивал объяснения этой загадки и не мог найти, потому что был слишком самоуверен и самовлюблен.

«Тридцать лет я тебе была не нужна, а теперь вдруг понадобилась...» — звучали в ушах безжалостные слова Ильзы.

«Может, я не с того конца завел разговор? Надо было исподволь, немного подольститься, сильнее покаяться в старых грехах, разжалобить... Дать Ильзе посердиться, успокоиться, а потом уж и с предложением».

Но нет, в глубине его души уже затрепетало сомнение. Пацеплис уже

не верил, что можно было достичь и другого результата. Ошибка произошла не сегодня, ее нельзя было исправить ни словами, ни обещаниями. Следовало бы начать жизнь сызнова, но это так же невозможно, как невозможно родиться второй раз.

Моментами он возвращался к окружающему, принимался понукать лошадь и гнал ее рысцой. Но скоро вожжи опять ослабевали, кнут переставал щелкать, и животное могло снова передохнуть.

Стемнело. Ветер разогнал тучи, в небе замерцали звезды. Мороз крепчал, и Пацеплиса стал пробирать холод. Он вылез из саней и зашагал сбоку. Как на грех утром надел сапоги, теперь сильно мерзли ноги. «Прямо смех: будто лоск сапог мог кому-нибудь ослепить глаза! Наверное, и не взглянула на твои начищенные голенища, а ты-то прихорашивался, ты-то душился, как старая обезьяна!»

Почти к полуночи вернулся домой Пацеплис. В хлеву беспокойно мычала и визжала проголодавшаяся скотина. Жалобно скулила собака. Неприветливо встретила хозяина пустая, нетопленная изба. Пацеплис разделся и, не поужинав, улегся в холодную постель, но сон не шел. В окно глядела яркая луна, призрачный полумрак царил в комнате. Провалившись около часа без сна, Пацеплис сел на край кровати, затем оделся и, как лунатик, заходил по комнате. Вышел на кухню, зачерпнул ковшом воды и долго пил, хотя пить совсем не хотелось. Коровы продолжали мычать. Теперь и собака завывала. Хоть бы скорее утро...

Не в силах больше слышать жалобы скотины, Пацеплис набросил на плечи полушубок и, разыскав кусок хлеба, вышел во двор.

— На, жри и перестань выть! — крикнул он собаке и бросил ей хлеб. Собака тотчас умолкла и, схватив кусок, легла на порог и стала его жадно есть.

Пацеплис пошел в хлев, набил в ясли сена, налил воды, а свиньям насыпал картошки. Как призрак, ходил он по двору, освещенному луной. Станным казалось, что никто его не окликнет, не позовет в избу. Собака, покончив с хлебом, медленно ходила за хозяином, аппетитно позевывая и виляя хвостом, хотя Пацеплис не обращал на нее внимания.

«Что теперь будет? — думал он. — Как я буду жить? Кто мне станет варить обед, убирать избу, ходить за скотиной? Так и буду сидеть в своей норе, как зверь. Никто ко мне не зайдет, никому я не нужен. Если куда-нибудь пойти, усадьба останется без присмотра... Все растащат, без рубашки останешься. За что такое наказание?»

Он остановился у клетки, посмотрел на дорогу.

«Хоть бы какой прохожий появился, все равно кто, лишь бы

человек, — можно было бы поговорить, услышать человеческий голос. Все бы легче стало. Страшно жить одинокому».

Дорога была тиха и пустынна, только вдали кричал какой-то зверек — видно, на него напал сильный хищник.

Пацеплис вздрогнул и вернулся в избу. Он ходил из угла в угол, не находя покоя.

В бывшей комнатке Анны он долго смотрел на пустую кровать и прислушивался, как возятся под полом мыши. Воздух в комнате был спертый, чувствовался запах плесени — комнатка не проветривалась со дня ухода Анны.

«В таком воздухе и жить нельзя, — подумал Пацеплис. — Задохнешься».

Потом он так же стоял в тесной комнатке Жана и снова смотрел на пустую кровать. Здесь тоже пахло плесенью и под полом возились мыши. Когда Антон вернулся в большую комнату, ему казалось, что и здесь нечем дышать. Грудь сдавило, на сердце легла какая-то тяжесть. Сев на лавку, хозяин заплакал. Он знал: никто не придет его утешить, никто его не пожалеет. Ужас неизбежного одиночества навис над ним, как черные крылья гигантской птицы.

Да, наконец он понял все. Понял, что всю жизнь был скрягой и никому ничего не дал: ни крупницы любви, ни капли ласки. Вот поэтому нет у него сейчас права на любовь и ласку. Мерзни теперь в мрачной, холодной берлоге!

Стоит ли вообще жить? Сухостойные деревья рубят на дрова и жгут, чтобы человеку было теплее, а на что годится он?

Антон вышел в кухню и разыскал вожжи, которые валялись в углу с тех пор, как он бил Лавизу. Словно замороженный, сжимал он грубую веревку, ища глазами по стенам подходящий крюк. Но не было ничего подходящего, что бы выдержало тяжесть его тела. Надо пойти в клеть, там под навесом вбит в стену железный костыль, тот выдержит...

Костыль, возможно, выдержал бы, но не выдержал человек. Антон Пацеплис крепко держался за жизнь; нет, он был не из таких людей, которые могут добровольно расстаться с нею, как с изношенной, старой одеждой. Пальцы разжались, вожжи упали на глинобитный пол кухни, хозяин вздохнул в последний раз и вошел в комнату. Он сел у окна и в ожидании утра стал смотреть на освещенный луной двор. А когда рассвело, все было решено — что делать и как жить.

Пацеплис запряг лошадь и рано поутру поехал в правление колхоза. Никого из работников правления еще не было. Ему пришлось прождать

почти целый час, пока не явилась счетовод Марта Клуга. Девушка подивилась на раннего посетителя и спросила, что ему нужно.

— Председателя Регута. Он сегодня будет?

— Должен скоро прийти, — сказала Марта и занялась бухгалтерскими книгами.

Через полчаса пришел Регут. Увидя Пацеплиса, он удивился еще больше, чем Марта, однако и виду не подал.

— Что у соседа на сердце? — спросил Регут.

— Мне надо с тобой поговорить по очень важному делу, — сказал Пацеплис. Только без свидетелей.

— Говорить так говорить, — пробасил Регут. — Пойдем ко мне.

«Наверно, опять пришел ругаться из-за отводной канавы...» — подумал председатель колхоза и начал прикидывать, как лучше убедить упрямого крестьянина.

— Слушаю, Пацеплис... — сказал Регут, когда оба вошли в его комнату.

Пацеплис выпрямился во весь рост и подошел поближе к столу, за который сел Регут.

— Товарищ Регут, я пришел просить, чтобы меня приняли в колхоз... — тихо и торжественно заговорил он. — Дальше я так жить не могу. Что я должен сделать, чтобы меня приняли в вашу артель?

...Такова была приятная новость, о которой Регут хотел рассказать в то утро парторгу. Когда он наконец пришел в волисполком и рассказал обо всем Анне и Артуру Лидуму, Анна так и просияла.

— Вот теперь я должна пойти к отцу, — сказала она. — Если он решился на это, его нельзя оставлять одного.

5

Земельная площадь колхоза «Ленинский путь», включая усадьбы Мелдеров и Стабулниеков, составляла около восьмисот гектаров. Пахотной земли было почти пятьсот гектаров, остальное было под лугами, пастбищами, лесами и поросшим кустарником болотом. Из пятисот гектаров пахотной земли примерно одна треть находилась в низине и начала заболачиваться. В середине общего массива небольшими разбросанными островками выделялись несколько индивидуальных хозяйств — земли кулаков и середняков; эти земли можно было считать резервом артели, поэтому при разработке планов землеустройства,

севооборота и перспективного хозяйственного развития колхоза Айвар Лидум, Римша и Регут брали в расчет и эти земли. Уже сейчас можно было предположить, что до осени к колхозу присоединится не меньше половины этих хозяйств.

На новой конеферме колхоза было сорок восемь рабочих лошадей и двенадцать жеребят, а на молочнотоварной ферме — сорок шесть дойных коров и два породистых быка-производителя, полученных от сельскохозяйственного кооперативного товарищества. В колхозе на первых порах организовали одну животноводческую и две полеводческие бригады, их закрепили за участками, снабдили сельскохозяйственным инвентарем и рабочими лошадьми.

Анна нашла среди комсомольцев волости подходящего человека на должность счетовода — дочь бригадира Клуги Марту. Девушка в прошлом году закончила среднюю школу и работала в волисполкоме. Бухгалтер МТС обязался помогать ей советом и первую неделю проработал вместе с Мартой в правлении колхоза.

Вскоре после объединения скота начались коллективные работы. В клеть засыпали семена для весеннего сева, новые колхозники завезли на обе фермы сено, клевер, солому. Небольшая строительная бригада начала ремонт и переоборудование конюшни, коровников, клетки и других построек. Для каждого, кто хотел работать, дела хватало.

Первую неделю после объединения коров двор усадьбы Стабулниеки по вечерам был полон женщин. Гандриене приходила проведать свою Буренушку, то же желание приводило сюда многих жен и матерей колхозников. Критически наблюдали они за работой доярок и проверяли, чем наполнены ясли их любимой скотины, правильно ли разбросана подстилка, щупали коровам ребра, гладили их и бормотали ласковые слова.

— Ну, как ты теперь живешь, моя коровушка? Хватает ли те корма? Не бодают ли чужие коровы, не лежишь ли в навозе?

Скотинушка потряхивала ушами и отвечала тихим мычанием.

Особых нареканий не было: Ольга Липстынь оказалась хорошей и строгой хозяйкой фермы и с первого дня старалась приучить доярок к настоящему порядку. Скотину кормили и доили всегда вовремя, в коровнике всегда было чисто. Но виданное ли дело, чтобы пожилой и многоопытной крестьянке, любившей свою скотинку, как детей, не бросилось что-нибудь в глаза, чтобы она не нашла повода для горестного вздоха и критического замечания. Ольга Липстынь примирилась с посещением фермы колхозницами, терпеливо выслушивала их замечания и все дельное принимала во внимание. Этот добровольный общественный

контроль, по правде говоря, помог быстрее поставить ферму на ноги и установить нужный порядок. Скоро число посетителей стало уменьшаться, придирок становилось меньше, колхозницы успокоились и перестали печалиться о «горькой судьбинушке» своих коров.

Почти то же самое творилось первое время на конеферме. Никто не сомневался, что Петер Гандрис знает толк в лошадях и что он честный парень, но разве он мог один уследить как положено за всеми сорока восемью лошадьми и двенадцатью жеребятами, вовремя заметить, в чем нуждается каждый конь.

— Лошадь, Петер, лучший друг и помощник человека, — напоминали колхозники заведующему конефермой. — С лошадьми надо обходиться, как с человеком. Животное не может сказать, что у него болит, нет у него языка. Или накололо ногу, или седелка натерла хребет, или надорвалось — все надо видеть и понимать человеку. Одним кнутовищем коню силы не подбавишь, самое главное не дать надорваться, не обижать животное.

Они хорошо понимали, что Петеру Гандрису все это так же ясно, как им самим, а все же на душе было спокойнее, когда они высказывали свои заботы и еще раз напоминали всем известные истины, — лишним напоминанием и хорошим советом никогда и ничего не испортишь.

Петер Гандрис, как и Ольга Липстынь, терпеливо выслушивал замечания колхозников и обещал все намотать на ус.

Отправляясь в поле, колхозники стремились получить своих бывших лошадей, а кому приходилось работать без лошади, тот пытался обязательно поговорить с Петером с глазу на глаз и шепотом уговаривал его:

— Мой Анцис не очень уж сильный, ты не отряжай его на тяжелую работу. Пусть пашут на рослых, крепких лошадях.

Или так:

— Моя кобылка еще молодая, горячая, наряжай ее понимающему человеку, иначе надорвется и пропадет.

Один старичок, которому давно пора было сидеть на лежанке и рассказывать внукам сказки, отказался от должности ночного сторожа и до тех пор не давал покоя правлению, пока его не назначили конюхом. А там были две лошади его сына. Когда вечером лошади возвращались в конюшню, старый крестьянин так внимательно осматривал своих бывших лошадей и ощупывал их копыта, точно был членом закупочной комиссии. И если колхозник-возница чего-нибудь недосмотрел, старик стыдил и бранил его, пока тому не становилось жарко. Вечером старичок незаметно совал в ясли «своим» лошадям лишнюю охапку клевера, засыпал лишнюю

горсть овса, и поило с мучной подболткой у его лошадей всегда оказывалось гуще, чем у прочих.

Граница между «моим» и «нашим» еще не была уничтожена. Вчерашний единоличник продолжал смотреть на бывшую собственность глазами частного владельца, в его сознании она оставалась чем-то более близким, дорогим, чем общественное имущество.

Регут был прав: ветхий Адам еще крепко сидел в сознании многих колхозников, и надо было хорошо поработать над перевоспитанием людей, чтобы они сбросили с себя путы былого, чтобы понятие «наш» слилось с понятием «мой». Они понимали, что смешно держаться за обломки старой жизни, стыдились этого, но сразу избавиться от этой привычки все же не могли.

«Выздоровление» быстрее всего протекало в семьях вчерашних батраков, испольщиков, постояльцев-бобылей; они меньше оглядывались и с первых шагов коллективизации смело и уверенно смотрели в будущее. Свой уголок, свой клочок земли их не притягивал, как магнит. Им было все равно, какое поле пахать и где сеять, — всюду они работали с одинаковым трудолюбием. Середняк, между которого уничтожил трактор, просил бригадира, чтобы тот разрешил ему хоть эту весну поработать на своей бывшей земле.

— Колхозу ведь все равяю, а мне здесь привычнее. Каждая пядь земли исхожена, каждый камень посреди поля знаком. Разве вам не все равно, где я трудодень заработаю?

Регуту и Клуге пришлось немало потрудиться, чтобы найти людей для работы на дальних участках, где не хватало рабочих рук. У одного сразу же начинал болеть живот, у другого занемогла жена, у третьего появлялись неотложные дела в городе. И пока они так препирались, время шло, лучшие сроки посева минули, а почти восемьдесят гектаров ярового клина остались незасеянными. Положение спасли комсомольцы; они заявили о своем желании работать на дальних участках, им удалось увлечь за собой и часть остальной молодежи. В бригаде Клуги организовалась особая молодежная ударная группа, и яровой клин засеяли целиком. Так молодежь воздействовала на сознание своих родителей — иной крестьянин немного ослабил руки, цепко державшиеся за бывшую единоличную землю. С уничтожением межевых знаков постепенно отмирали и старые представления в сознании людей.

Когда новохозяину Яну Липстыню осенью 1944 года отвели пятнадцать гектаров земли, он работал на них до седьмого пота, но когда он вместе со всей полеводческой бригадой вышел впервые на колхозное поле,

то уже не утруждал себя, не понукал лошадей. Медленно и спокойно шагал он за плугом, а в конце борозды обязательно останавливался и закуривал трубку. Если случалось, что пахарь соседнего загона был поблизости, Липстынь подходил к нему, и они долго беседовали, хвалились своими женами, обсуждали волостные сплетни. Они не спешили, будто кто-то им говорил: «Нечего торопиться, успеется, ведь не своя земля...»

Липстынь первое время чувствовал себя на колхозном поле, как поденщик. Не работать нельзя было, ведь он для этого вступил в колхоз, но не хватало той особенной заботливости, которая прежде заставляла вставать до свету и постоянно думать о том, как бы вовремя вспахать, засеять, скосить и убрать урожай со своего клочка земли. Ему казалось: не его дело думать, что станется с полями артели; об этом должны беспокоиться Регут, Клуга, правление колхоза, ведь для того их и выбрали. Свою приусадебную землю он, конечно, успеет обработать и выжмет из нее все сполна.

В конце недели бригадир Клуга обмерил вспаханное и записал в книжку трудодни. Результат заставил Липстыня задуматься: в среднем он выработал не больше восьмидесяти процентов дневной нормы. Он, известный во всей волости своим трудолюбием, — и восемьдесят процентов! Ведь это скандал. Когда Ольга Липстынь узнала об этом, у них произошел крупный разговор.

— Скажи, Ян, есть у тебя стыд или нет? — говорила она. — Куда тебе теперь глаза девать? Восемьдесят процентов... это же курям на смех. Завтра в правлении вывешат таблицу с выработкой колхозников. Люди будут пальцами тыкать и насмехаться. Говорят, и качество пахоты у тебя неважное. Ты что, пахать разучился, что ли!

— А ты что хочешь, чтоб я разорвался на артельной работе? — огрызнулся Липстынь, избегая взгляда жены. — Ко всему надо привыкнуть... и к артельной работе. Нормы, качество, трудодни... об этом раньше никто и понятия не имел. На глазок пахали и сеяли, как кто умел, и ладно было. Теперь приходит какой-то Клуга и начинает копать в моей пахоте: и то не хорошо, и то никуда не годится. Разве я агроном?

— Постыдись, Ян, не пристало так говорить активисту, — сказала Ольга. — Ты должен показывать другим пример, и ты это можешь, надо только захотеть. Не на чужого работаешь, сам на себя, для своего колхоза.

Липстынь понимал — жена права, но ему было неприятно, что она так говорит, поэтому он пытался с ней спорить. На следующей неделе он, однако, работал иначе и ежедневно выполнял норму, а на третьей неделе начал давать по сто двадцать и более процентов. Только тогда он набрался

храбрости и зашел в правление колхоза посмотреть на большую доску, где среди прочих было записано и его имя. Уже двадцать семь трудодней было на его счету. Неплохо.

Были еще и такие колхозники, которые не особенно полагались на хозяйственные успехи артели и в первый год ее существования не верили, что из колхозного дохода, когда его разделят на трудодни, что-нибудь получится — поди знай, можно ли будет на это прожить. Некоторые работали ровно столько, сколько нужно для того, чтобы не вызвали в правление и не называли саботажниками, а в остальное время понемногу спекулировали, покупали у единоличников масло, мясо, картофель, зерно и возили продавать на базар. Нашлось даже двое таких ловкачей, которые обзавелись батраками и, выдавая их за родственников, посылали на колхозные работы: трудодни записывали на свое имя, а батракам платили деньги. Так продолжалось недели две. Когда Регут узнал об этом, обоих крестьян вызвали на заседание правления.

— Что же, соседушки, или в колхозе жить надоело? — спросил Регут. — Хотите действовать по-кулацки, заниматься эксплуатацией? Кто разрешил вам держать наемную рабочую силу и присваивать себе трудодни, которых не заработали?

— Какая там наемная рабочая сила, — оправдывались те. — Близкие родственники. У них нет пристанища, поэтому временно живут у нас. Никто их не посылает на работу, сами попросились немного поразмять руки, а заодно отработать за кров и харчи.

— Смотрите, как бы вам не вылететь из колхоза! — сказал Регут. — Не знаю, можно ли оставить вас в артели. Пользы от вас никакой, работать не хотите, занимаетесь эксплуатацией. Таких нам не надо.

Смекнув, что дело принимает серьезный оборот, оба предприимчивых крестьянина обещали сделать все, чтобы искупить свою вину, лишь бы их оставили в колхозе.

— Это может решить только общее собрание, — сказал Регут. — Как коллектив решит, так и будет.

И только после того, как оба провинившихся усердно потрудились в полеводческой бригаде вместе со своими семьями, общее собрание оставило их в артели, ограничившись основательной головомойкой и предупреждением. Этот случай положил конец попыткам возродить кулацкие повадки.

Однако рядом с проявлениями отмирающего прошлого в колхозной жизни было много нового, хорошего, радующего. Большая часть колхозников с увлечением включилась в работу и не жалела сил для общего

дела. На каждом шагу проявлялась забота о коллективном имуществе, сознательное отношение к своим обязанностям, непримиримость ко всему уродливому, отсталому, корыстному. Люди стояли на страже интересов колхоза, смело обличали каждое замеченное безобразие, нерадивость, беспечность и общими усилиями добивались того, чтобы жизнь колхоза «Ленинский путь» быстрее потекла по правильному руслу.

Анна неустанно следила за всем, что происходило в колхозе, и всячески помогала Регуту, а иногда и вмешивалась, если это было нужно; учила и воспитывала других, а чтобы учить, много читала и училась сама.

6

В колхозную собственность перешла часть имущества, принадлежавшего ранее кооперативному сельскохозяйственному товариществу: небольшая пилорама, грузовик и разные сельскохозяйственные машины. Колхоз получил несколько вагонов суперфосфата, а когда в самый разгар весенних работ иссякли запасы кормов, а на пастбище трава еще не подросла, Пилагу разрешили продать колхозу несколько тонн сена из запасов заготовительного пункта.

— Чтобы мы в первый и последний раз кормили свою скотину чужим сеном, — объявил Регут. — Хоть кровь из носу, а сено и клевер в этом году заготовим. Обкосим края всех до одной канав, заполним все силосные ямы.

В середине апреля Регут, Анна и бригадир мелиоративной бригады Алкснис поехали в Ригу на заседание экспертной комиссии, где рассматривался технический проект осушки Змеинового болота и прилегающих к нему земель. Проект был утвержден с небольшими изменениями. После этого колхоз заключил договор с мелиоративной строительной конторой, которая взялась провести все осушительные работы, а колхоз обязался дать необходимое число рабочих.

На большом дворе Пурвайской МТС появились новые машины: два экскаватора, бульдозер, грейдер и несколько тракторов. Машины и инвентарь для дальнейших работ было решено доставить позже, когда мелиоративные работы значительно продвинулись. Вместе с машинами появились и новые люди.

Заветной мечтой Жана Пацеплиса было перейти на экскаватор и рыть магистральный канал. Драва сначала ворчал, что МТС сама нуждается в таких работниках, но когда Финогенов напомнил о данном Айвару Лидуму обещании всячески помогать мелиораторам, директор разрешил Жану

перейти на работу в мелиоративную строительную контору.

Старший машинист экскаватора Дудум, старый, опытный специалист, полжизни проработавший на осушке болот, взялся познакомить Жана с особенностями управления и вождения экскаватора и подготовить его к самостоятельной работе.

— Смотри в оба и наматывай на ус, — сказал Дудум. — Я только в самом начале буду рядом с тобой, а как пустят в работу второй экскаватор, мне придется работать на другой стороне болота, на второй магистрали. Стыдно будет, если такой славный парень не выполнит норму. Ну подумай сам, что значит для такой машины двадцать пять кубометров в час.

— За первую смену я не ручаюсь, но если, начиная со второй, не дам нормы, гоните меня в шею и скажите, что из меня экскаваторщик не выйдет, — самоуверенно ответил Жан. Кое-какое представление об этой работе у него было: прошлой осенью он по дороге на курсы завернул на какое-то болото и долго наблюдал за работой экскаватора, поэтому был уверен, что дело пойдет.

Вернувшись с курсов, Жан опять поселился в Сурумах. С тех пор как отец вошел в колхоз, Анна тоже вернулась домой, и благодаря ее заботам здесь воцарился известный порядок: в комнатах стало чисто, пропал запах сырости, отец не ходил оборванным, в грязном белье.

Первое время Антон Пацеплис был молчалив и замкнут. Вначале он возил сено и суперфосфат, потом его отрядили на конную ферму помогать Петеру Гандрису, потому что в хозяйстве Пацеплиса с молодых лет интересовали только лошади. Изо дня в день работал он в бывшей конюшне Мелдеров и часто думал о превратностях судьбы. Разве не лелеял он сладкой надежды провести свою старость в Мелдерах, под боком у Бруно? Наследник Мелдеров давно лежал где-то в Аурском бору — «собаке собачья смерть», — говорили про него пурвайцы; старые Мелдеры вместе со Стабулниеками скитались неизвестно где, не то в Швеции, не то в западных зонах Германии, и грехи их были настолько велики, что они не смели показаться на родину. А вот Антон Пацеплис работает на конюшне Мелдеров — хотя и без особого увлечения, но с обязанностями справляется. Пацеплису не особенно нравилось его новое положение, но он старается никому не показывать этого. Надломилось давнишнее упрямство, успокоилась душа, и жить стало лучше; иногда только какой-то бесенок не давал ему покоя, нашептывал на ухо: «Подумай только, кем бы ты мог быть: богатым владельцем Мелдеров, одним из самых крупных землевладельцев волости! А сейчас?»

Он отгонял эти мысли и начинал в таких случаях думать о своих детях.

Все они были на правильном пути, и люди уважали их. Артур пользовался большим влиянием в уезде, без участия Анны в волости не начинали ни одного дела, а Жан крепко стоял на ногах и, наверное, пойдет далеко. Когда на людях о них заходила речь, Пацеплису никогда не приходилось опускать глаза, наоборот, он всегда мог гордиться ими. И выходило, что правда новой жизни не признавала никаких богатеев Мелдеров — богатеев поприжали, чтобы могла подняться беднота и чтобы каждый работающий стал зажиточным. Против такой жизненной правды не было причин роптать и Пацеплису.

Но роптали другие — вчерашние воротилы. Узнав, что Пацеплис Естupil в колхоз, старый Кикрейзис среди ночи прибежал в Сурумы.

— Антон, ты в уме? Куда ты лезешь, чего ты ищешь в этой артели? Разве тебе плохо жилось?

Он стыдил, стращал Антона всякими злобными предсказаниями, пытаясь уговорить его выйти из колхоза, пока еще не поздно.

— Колхоз вылетит в трубу за один год, и ты разоришься вместе с ним! — уверял Кикрейзис. — Разве ты хочешь на старости лет пойти с сумой?

— Что сделано, то сделано, — ответил Пацеплис. — Раз я дал слово, обратно брать не имею привычки.

— Пустая гордость, — не унимался Кикрейзис. — Вот так и получается: был у меня друг и надежный сосед, а сейчас его нет. Кому теперь поведать свои беды, когда на сердце тяжело?

— Ты не особенно печалься, — поучал его Пацеплис. — Учись жить. Примиришься с тем, что произошло. Прежних времен тебе все равно не вернуть.

— Легко сказать — примиришься. Влезь в мою шкуру, тогда узнаешь, сладко ли, когда из-под ног уходит земля. Наваливают такие налоги, что дышать невозможно, — кулак!

Пацеплис терпеливо выслушал нытье Кикрейзиса, сказал несколько утешительных слов и дождался, когда друг молодости наконец оставит его в покое.

Через несколько дней его навестил Марцис Кикрейзис. Тот не плакался, а пришел поиздеваться.

— Как ни работай, Сурум, председателем колхоза тебя все равно не выберут, даже бригадиром не поставят. Так конюхом всю жизнь и проработаешь, а Регуты и молодой Гандрис станут командовать тобой с утра до ночи. Будет на что посмотреть, когда всякие голодранцы начнут распоряжаться хозяином Сурумов, а ты станешь носиться, как

ошпаренный, и лезть вон из кожи, чтобы угодить своим новым хозяевам. Вот на что я хотел бы поглядеть.

— Ты, Марцис, ничего не смыслишь в колхозных порядках, оттого и болтаешь всякий вздор, — защищался Пацеплис. — Ну что б я стал делать один со своей землей в Сурумах? Только маялся бы, не знал, как со всем управиться. А теперь я спокоен — отработал день и заработал свое.

— Кто тебе напел это, не Анна ли? — смеялся Марцис. — Ты только развесь уши, тогда далеко пойдешь. Вот что, Сурум, я тебе скажу: на твоей Анне я теперь ни за какие деньги не женюсь, пусть она мне хоть на шею вешается.

— А разве она тебе вешалась на шею? — съязвил Пацеплис. — Я что-то не замечал.

— Ну и слава богу, а то спутался бы с нею, теперь не знал бы, как отделаться. Скоро у меня будет другая невеста. Приедет из-за границы Стабулник вместе с англичанами и американцами, и ему будет нужен зять. Чем плоха Майга? Соединим земли Стабулников и Кикрейзисов — целое имение будет.

— Значит, все в порядке, тогда жди Стабулника и англичан, — сказал Пацеплис. — Только смотри не состарься, ожидаючи.

— Эх ты, дурья башка, — вздохнул Марцис. — Хотел из тебя сделать человека, но ничего не выходит. Давай выпьем бутылочку по случаю расторжения сватовства и пойдем в разные стороны. Только ты не очень сердись, Сурум, что я бросаю твою красавицу Анну. Мне одной красоты недостаточно, надо, чтоб у жены было что-нибудь и за душой.

К великому удивлению Марциса, Пацеплис отказался от водки и попросил гостя поскорее убираться. Когда Марцис ушел, Пацеплис достал из шкафа свою бутылку и хватил порядочный глоток.

«Подавься ты своей водкой, — мысленно сказал он Марцису. — У нас найдется что выпить».

Жить совсем всухую он все же не мог — слишком сильна была старая привычка.

...Однажды ночью в окрестных домах заметили у Кикрейзисов огонь. Петер Гандрис и несколько колхозников, добежав до усадьбы, увидели, что горит большой коровник. Второй очаг огня был в конце жилого дома, но там огонь только занимался. Сильно пахло керосином. Колхозники стали стучаться в дверь, окна, но им никто не отвечал. Тогда прибежавшие взялись за дело и в полчаса погасили пожар. Жилой дом почти не пострадал, а у коровника сгорела часть крыши.

Усадьба по всем признакам была оставлена еще прошлой ночью, так как на дороге не видно было свежих следов скотины, а в коровнике не оказалось ни одной коровы. Уложив на подводы самое ценное добро, Кикрейзис, как вор, удрал ночью из усадьбы, оставив на месте только то, что нельзя был взять с собой. Единственным живым существом, оставленным в Кикрейзисах, был старый серый кот. В жилом доме валялись разрубленные стулья, кровати, шкафы. Зерно в клетки было перемешано с битым стеклом, навозом, ржавыми гвоздями и облитом керосином. Убегая из своей усадьбы, взбешенный кулак старался навредить, но ему это не удалось: пожар в усадьбе был замечен вовремя.

Сгоревшую часть крыши восстановили и в бывшей усадьбе Кикрейзисов организовали второе отделение молочнотоварной фермы колхоза. Землю Кикрейзисов присоединили к колхозному массиву.

Антон Пацеплис вздохнул с облегчением: Кикрейзисы убежали, и теперь никто не придет его высмеивать и подзуживать.

Позже, когда в усадьбе снова поселились люди, одна из доярок нашла в саду приколотую к яблоне старую, написанную когда-то записку.

«Если нет у меня, пусть не будет ни у кого!» — с трудом можно было прочесть расплывшуюся надпись. Хотя записка была без подписи, все понимали, кто ее написал.

Глава седьмая

1

В начале апреля в Пурвайскую волость приехали Айвар Лидум и работники проектного бюро. Они должны были перенести на местность технический проект — отметить столбиками и колышками трассы отводных каналов.

Работу закончили в несколько недель. Теперь обрабатываемый массив с многочисленными столбиками, колышками и отметками казался специалисту гигантским планом, глазу же неопытного человека — какой-то непонятной путаницей. Главный отводный канал от Змеинового болота до реки Раудупе начинался около усадьбы Сурумы и пролегал по бывшим лугам и пастбищам Пацеплиса. Кустарник рос и на самой трассе и по обеим сторонам ее. Как только проект перенесли на местность, к работе приступила мелиоративная бригада «Ленинского пути». Колхозники, вооруженные лопатами и топорами, во главе с бригадиром Алкснисом направились к старой раудупской мельнице и принялись вырубать кустарник по берегам реки, выше мельничного пруда, расчищая место для экскаватора. После того как бригада в двенадцать человек проработала там несколько дней, стало очевидным, что ей одной не справиться с заданием, так как берега реки почти на всем своем протяжении — от мельничного пруда до устья канала — заросли кустарником.

Работами на берегах болота интересовалась вен волость и в особенности комсомольцы. Когда Гайда Римша узнала от Жана Пацеплиса об этой трудности, она переговорила с Анной и в тот же вечер созвала комсомольское собрание.

— Нам надо помочь осушить болото, — сказала Гайда. — Одни мы, конечно, ничего существенного не сделаем, так как нас мало и у каждого есть свое дело. Я предлагаю устроить в следующее воскресенье большую толоку — воскресник и пригласить на нее молодежь со всей волости. Все, может быть, не придут, но все же откликнутся многие. Если такая сила выйдет на работу, к вечеру немного останется от кустарника на берегах Раудупе.

— А как же с репетициями кружков, Гайда? — спросил кто-то. — Они назначены на воскресенье.

— Разок можно и пропустить или устроить как-нибудь среди

недели, — ответила девушка.

Комсомольцы оповестили всю молодежь, ходили от усадьбы к усадьбе и разговаривали с каждым в отдельности. Редко кто отказывался, большинство с радостью соглашалось.

В воскресенье рано утром у машинно-тракторной станции собралась молодежь и школьники. У каждого была с собой лопата или топор. Всего пришло около двухсот человек. Здесь была и Анна Пацеплис и почти все коммунисты, не занятые в этот день другими неотложными делами.

— Целая армия! — воскликнул Айвар, когда Анна показала на собравшихся толочан. — С такой армией можно штурмовать крепости.

— Тогда становись во главе и начинай командовать! — смеялась Анна.

— Если доверят, буду командовать, — отшутился Айвар. — Я считаю, что людей надо разделить примерно на десять бригад, по двадцать человек, каждой бригаде отвести определенный участок и...

— И начать соревнование — какая бригада раньше очистит свой участок от кустарника! — воскликнула Гайда.

Так и сделали. Толочан разбили на десять бригад с таким расчетом, чтобы уравнивать силы, и веселая армия с песнями направилась к Раудупе. Айвар отвел бригадам определенные участки — метров по сто.

Жан Пацеплис скинул пиджак и, не теряя ни минуты, с топором в руках показывал пример своей бригаде. Песни на время умолкли. Слышался только стук топоров да треск ломающихся кустов. Парни срубали кусты, а девушки относили их подальше от берега. Более толстые стволы, которые могли пригодиться для крепления берегов отводного канала, складывали отдельно. По временам кто-нибудь из бригады уходил к соседям разведать, как у них спорится работа. Если результаты разведки были благоприятны, в передовых бригадах затягивали песни; если угрожала опасность отстать от товарищей, лица толочан становились серьезнее, чаще и тревожнее стучали топоры. Тех, кто хотел на работе пофлиртовать, товарищи брали на зубок, и им волей-неволей приходилось приниматься за работу по-серьезному.

Жану очень хотелось попасть в одну бригаду с Гайдой, но она назначила его бригадиром шестой бригады, а сама руководила четвертой и сейчас работала на двести метров ближе к мельнице. Анна Пацеплис со второй бригадой вырубала кусты еще ближе к мельнице.

«Как там справляется Гайда? — думал Жан, когда примерно двадцатиметровая полоса его участка была очищена от кустарника. — Ведь она не привыкла к такой работе. Надо посмотреть ее лопату, нет ли на черенке трещин, а то за полчаса натрет мозоли».

Поработав еще немного, Жан наконец не утерпел и пошел по берегу посмотреть работу четвертой бригады. Когда он увидел в кустах Гайду с топором в руках, у него рот раскрылся от удивления. Лицо ее разругалось, прядь волос выбилась из-под клетчатого платочка и спадала на глаза. В теплых лыжных брюках и тонкой полосатой кофточке девушка действовала, как заправский лесоруб.

— Что скажешь хорошего? — спросила она, повалив средней толщины ольху. Жану пришлось отскочить, иначе деревце свалилось бы на него.

— Разве в вашей бригаде парней не хватает? Почему девушки работают топором? — ответил вопросом Жан.

— Разрешите спросить, какое до этого дело шестой бригаде? — отрезала Гайда.

— Скажи, где ты так научилась рубить? — переменял тон Жан.

— Дома, колола дрова, где же еще, — засмеялась Гайда. — Физкультурник ведь не боится физической работы, не так ли?

— Смотри, какая... — пробормотал Жан. То, что он увидел на участке четвертой бригады, встревожило его: здесь было вырублено заметно больше, чем на шестом. Еще вопрос, кто сегодня победит в соревновании. По правде говоря, ему надо было спешить обратно и поднажать, пока Гайда с товарищами не слишком опередила его бригаду. Но как он мог уйти, когда такая сильная и ловкая девушка стояла перед ним, лукаво улыбаясь.

— А как дела в твоей бригаде? — спросила Гайда, выбирая новую жертву для своего острого топора.

— Вырублено примерно столько же, — соврал Жан.

— Ах, так? — Гайда вытерла лоб рукой и начала рубить. Жан с удовольствием наблюдал, как врезался топор в ствол ольхи почти у самого корня, как после второго удара отскочил белый душистый кусок древесины, а после третьего удара с другой стороны ольха покачнулась и начала валиться. Но слишком долго любоваться ловкостью Гайды было опасно, и поэтому Жан исчез так же незаметно, как появился.

— В лужу мы сядем, если не поднажмем, — сообщил он своим товарищам. — Четвертая бригада почти половину участка вырубил, а у нас дай бог треть.

— У них, наверно, кустарник не такой густой, — заикнулся кто-то.

— Кустарник такой же, — возразил Жан. — Только люди по-другому работают. Ребята, нечего смотреть, поплюем на ладони да покажем, какие мы работники.

Спустя час шестая бригада догнала четвертую. Убедившись в этом, Жан с товарищами решили позавтракать и покурить. Но пока они ели и

курили, четвертая бригада снова ушла вперед, и «шестым» почти целый час пришлось догонять ее. До пяти часов обе бригады еще два перегоняли друг друга, но последний куст на своем участке первым срубил Жан. Громкое «ура» возвестило о победе шестой бригады. Захватив с собой топоры и лопаты, они пошли вдоль реки к мельнице, чтобы поработать на новом месте, пока остальные бригады закончат свои участки. Проходя мимо четвертой бригады, они увидели, что ей осталось вырубить кустов двадцать.

«Вот так номер... — подумал Жан. — Еще немного, и Гайда оставила бы нас на втором месте».

— Поздравляю! — крикнула Гайда и, выйдя навстречу, крепко пожала Жану руку.

Парень покраснел и не знал, что ей ответить. Он чувствовал себя так, будто его наградили орденом.

До вечера толочане очистили от кустарника почти полтора километра берега реки. На долю бригады мелиораторов осталось очень мало. Айвар сказал Анне:

— Дальше ждать нечего, надо разобрать мельничную плотину и пустить раудупские воды в море, чтобы скорее начали работать экскаваторы. Если у тебя выдастся время, приходи завтра утром на мельницу, посмотришь, что здесь будет.

— Обязательно приду, — ответила Анна. — Разве такой случай пропустишь?

В вечерних сумерках звучали песни расходившейся в разных направлениях молодежи. Жан ушел вместе с Гайдой. Он вслушивался в ее голос, восхищался и гордился ее успехом больше, чем собственным.

«Хоть бы чаще устраивали воскресники, — думал он, — вот это была бы жизнь! Только чтобы Гайда обязательно участвовала, иначе будет не то».

Айвар и Анна ушли после всех. Анна расспрашивала о жизни в Риге, о Яне Лидуме.

— Как хорошо, что вы в конце концов нашли друг друга, — заговорила она, когда Айвар кончил свой рассказ. — И встретились на поле боя, где человек раскрывается до конца. Откровенно говоря, я тоже начала тебя узнавать только там. До того ведь мы были совершенно чужие друг другу.

— Я для тебя — возможно... — тихо сказал Айвар, хотя вблизи не было ни души. — А тебя я знал... еще со дня твоей конфирмации.

— Вот как... — Анна посмотрела на него и смутилась. — Для меня это новость. Ведь мы тогда не сказали друг другу и двух слов.

— Я много думал о тебе, Анна...

Анна снова взглянула на Айвара, опустила глаза и замолчала.

«Почему Айвар говорит так? Что он хочет этим сказать? Много думал обо мне...» Анна вспомнила их встречи, начало дружбы, скромную задушевность Айвара в отношениях с ней. В дивизии и позже, после войны, у него не было ни одной подруги (во всяком случае Анна об этом ничего не знала). Не значит ли это, что он и сейчас продолжает думать о ней?

Анне очень хотелось еще раз взглянуть на Айвара — может, на его лице она прочтет/ подтверждение смутившей ее догадки. Но теперь у нее не было силы сделать это, она уже не могла держаться с ним так непринужденно, как раньше. Странная тревога, сладкая, щемящая боль охватила сердце Анны.

«Что он хотел этим сказать? — все спрашивала и спрашивала себя Анна, когда осталась одна. — Неужели он... нет, это невероятно, неужели я для него что-нибудь значу? А он для меня?»

Никогда она об этом не думала, поэтому сейчас, задав себе впервые этот вопрос, не сумела сразу найти ответ. Но отчего она сегодня так беспокоится, будто ей чего-то не хватает? Может, всему виной весна? Ведь во всей природе пробуждались новые силы...

2

Старую раудупскую мельницу уже лет десять тому назад следовало капитально отремонтировать или закрыть. Тауринь не хотел делать ни того, ни другого: он чинил только самое необходимое, продолжая эксплуатацию мельницы, где все давно изнашивалось и трещало. Люди говорили, что мельничный постав держится молитвами и скупостью Тауриня. Когда мельницу национализировали, она проработала некоторое время, пока на паровой мельнице не обзавелись новым приводным ремнем вместо похищенного гитлеровцами и не починили локомобиль. После этого только редкий крестьянин, не желавший мерить дальний путь на паровую мельницу, заворачивал сюда со своим возом. Уездному промкомбинату эта мельница приносила одни убытки.

Теперь судьба ее была решена.

В понедельник утром у раудупской мельницы собралось довольно много народу: мелиоративная бригада колхоза и любопытные из соседних усадеб. Они не отрывали глаз от зеркальной поверхности полноводного

мельничного пруда и поросших водорослями бревен плотины, зная, что видят эту картину в последний раз. В разных местах заслона через узкие щелки между бревнами просачивалась вода и тонкими струйками стекала в речку. Уровень воды в пруду был так высок, что она переливалась через верхнее бревно заслона.

Расплавленным серебром мерцали в лучах весеннего солнца брызги, в водяной пыли вспыхивали маленькие радуги. Укрывшись за плотиной, стояло серое каменное строение мельницы с замшелой черепичной крышей.

«Вот оно — преступление рода Тауриней», — думал Айвар, глядя на плотину и широко разлившиеся воды пруда. Как символ нелепой и преступной власти частной собственности глядели на него темные воды пруда, а тихий утренний ветерок доносил какой-то приторный запах — гнилостное дыхание большого болота. Проклятье поколений... благополучие одной семьи и разорение сотен других... Теперь этому будет положен конец. Он, Айвар Лидум, которому советские люди доверили почетное задание, уничтожит это зло. Бесконечная радость и гордость наполнили его, от нетерпения дрожал каждый мускул, глаза блестели.

Анна, может быть, единственная из присутствующих, заметила и поняла душевное состояние Айвара.

— Это большой день в твоей жизни, Айвар... — тихо сказала она, став рядом с ним. — Я рада, что именно тебе поручили это дело.

— Да, большой день... — еле слышно отозвался Айвар. — И хорошо, что ты рядом со мной, ведь это не только мое, но и твое заветное желание.

— Это воля народа, Айвар, мы только ее исполнители.

Айвар повернулся к людям, стоявшим на мельничной плотине с топорами, баграми и крючьями.

— Пора приниматься за дело, товарищи!

И люди, разделившись на небольшие группы, встали по обе стороны заслона и взялись за верхнее бревно. Подняли его из гнезда, но не успели затащить на плотину — бревно подхватил поток, хлынувший через Заслон.

— Ничего, оно больше здесь не понадобится, — сказал Айвар.

Бревно уперлось в берег и перегородило русло. Двое колхозников спустились и вытащили его.

— Высохнет, пригодится на дрова, — посмеялись они. А вода пруда, внезапно вырвавшись на свободу, рокоча и пенясь, скатывалась в речку. Стоявшие на плотине люди смотрели, как она бурлила и как там, внизу, быстро наполнялось узкое русло речки. Каждый камень, каждая застрявшая на дне коряга образовывали пороги, на которых пенился резвый поток.

Вода мельничного пруда постепенно отступала, обнажая берега.

Наглядевшись, как освобожденная вода, подобно широкой стеклянной стене, сползает в речку, часть колхозников из бригады Алксниса ушла вырубать оставшиеся кусты. На плотине остались Айвар, Анна и колхозники, которым надо было вынуть остальные бревна заслона. Они ждали, когда уровень воды в пруду спадет и позволит сделать это. Разобрать весь заслон сразу было бы опасно: огромное количество освобожденной воды могло разрушить фундамент мельницы и снести в нижнем течении мосты, поэтому пруд спускали постепенно.

Через час вынули второе бревно заслона. К этому времени на берегах пруда собрались почти все дети из соседних усадеб, с нетерпением ожидая, когда обнажится дно пруда и можно будет собрать не успевшую уйти рыбу. Но им пришлось ждать несколько часов. В этот день маленькие рыбаки наловили много щук и налимов.

К вечеру разобрали весь заслон. Мельничного пруда больше не существовало. Раудупе, притихшая и уставшая, спокойно текла в своем русле, унося к морю воды верховья.

Анна ушла раньше, когда заслон был разобран только наполовину. Айвару почему-то казалось, что она сегодня избегала оставаться с ним наедине, чувствовала себя неловко в его присутствии. После вчерашнего короткого разговора он тоже не мог свободно и просто подойти к Анне. Может быть, он несвоевременно высказал свое туманное признание? А может быть, надо было договорить все до конца? Возможно, Анна с полуслова поняла его и ее молчание означает отказ. А может быть, не поняла и все осталось по-прежнему... Айвар хотел, чтобы это было так, тогда по крайней мере остается хоть небольшая надежда. Как тяжела неизвестность, а сердце не в силах переносить одиночество.

Уровень воды в реке медленно спадал, и Айвар ушел домой.

«Что ты скажешь теперь, Рейнис Тауринь, — мысленно спрашивал он. — Если бы ты увидел это — позеленел бы от злости. Справедливость восторжествовала, жадный Тауринь, ты можешь шипеть и неистовствовать сколько хочешь».

...Подождав несколько дней, пока Раудупе унесла последние вешние воды и уровень воды стал нормальным — не выше полуметра в самых глубоких местах, — мелиораторы принялись за работу. Экскаватор должен был углубить и выровнять русло речки от раудупской мельницы до устья магистрального канала на протяжении трех километров. Трудились в две смены и надеялись закончить работу за месяц.

Чтобы облегчить работу экскаватора, построили перемычку поперек речки на сто пятьдесят метров выше участка работ. Ниже запруды русло становилось сухим, и теперь машинист хорошо видел, куда направлять ковш, не приходилось черпать и выливать на берег вместе с землей и воду.

Пока углубляли русло, Дудум работал на экскаваторе первую смену, а Жан Панеплис помогал ему и внимательно присматривался к работе старого мастера. Научиться управлять машиной, опускать и поднимать ковш, поворачивать стрелу было делом несложным; самое главное, от чего зависела производительность экскаватора, заключалось вот в чем: опустить ковш так, чтобы он, вгрызаясь в землю, равномерно скользил вперед и целиком наполнялся. Приятно было смотреть, как работает Дудум. Он не делал ни одного лишнего движения, и со стороны казалось, все идет слишком медленно. Поворачивая экскаватор в нужном направлении, подтягивая одни тросы и ослабляя другие, Дудум раскачивал ковш, выбрасывая его вперед и опуская именно там, где это было нужно. Ковш сразу наполнялся и поднимался в воздух. Экскаватор поворачивался вокруг своей оси, стрела направлялась к берегу, и ковш опорожнялся. На все это Дудум тратил не больше двадцати секунд, только изредка, когда ковш заполнялся не сразу, операция затягивалась до тридцати секунд.

Вырубив кустарник, бригада колхозников работала теперь по очистке русла от больших коряг и занесенных песком деревьев. С помощью особого крюка экскаватор поднимал их на берег. Вечером, после окончания второй смены, перемычку убрали, давая уйти накопившейся воде. Утром в другом месте снова строили перемычку с таким расчетом, чтобы экскаватор мог работать на обезвоженном участке целый день.

Понаблюдав несколько дней за работой Дудума, Жан попросил позволения испробовать руку. Еще раз выслушав советы старшего машиниста, он сел в машину и начал действовать.

— Только не торопись, пока привыкнешь ко всем движениям! — советовал Дудум. — Торопливостью тут ничего не добьешься.

Первые четыре-пять экскаваций были сплошной потехой: ковш ни за что не опускался на землю там, где хотелось Жану. Он валился набок и скользил по дну, не забирая и четверти нужного количества земли, а когда Жан поднял ковш и пытался повернуть его к берегу, экскаватор со всем ковшом описал полный круг, и стрела снова повисла над серединой реки. Пришлось сделать новый поворот, чтобы остановить стрелу над берегом и опрокинуть ковш.

— Полторы минуты... — сказал Дудум, когда Жан закончил первую экскавацию. — Не смущайся. Я думал, будет еще хуже.

Жан даже вспотел от волнения. Еще немного, и он бы заплакал. Он понимал, что главное сейчас — хладнокровие и спокойствие, но откуда взять их, когда нервы так напрягались, будто по ним бежало электричество. А внизу на берегу стоят Дудум с Айваром, дальше, по руслу реки, — колхозники из бригады Алксниса, и все с улыбкой смотрят на мучения молодого машиниста. Стыд и позор. Хорошо, что хоть Гайды нет здесь.

Стиснув зубы, Жан продолжал работать. Он не торопился, сначала спокойно соображал, что нужно сделать, и только тогда производил следующее движение. Экскаватор уже не сделал полного круга, поворачивая стрелу к берегу. Жану казалось, что прошла целая вечность с начала второй экскавации, поэтому он не поверил своим ушам, когда Дудум объявил:

— Одна минута и пять секунд.

С каждой минутой работы все больше сказывался некоторый уже приобретенный навык. Многие движения Жан начал делать автоматически, не обдумывая, как вначале, и когда в конце первого получаса ему удалось три раза подряд произвести операцию за тридцать секунд, Дудум сказал:

— Теперь ты почти освоил ремесло. Если у товарища Лидума не будет возражений, можно разрешить тебе самостоятельно проработать вторую смену.

Нет, у Айвара возражений не было. Жан проработал самостоятельно целых восемь часов — от двух до десяти вечера. Только после этого он почувствовал, что не провалится и ему не придется с позором уйти с этой работы.

Когда русло речки было вычищено и углублено до устья главного отводного канала, Дудум перешел работать на второй экскаватор, отвезенный на другой край болота, к берегу Илистого озера. На этой стороне остался Жан и второй машинист, ставший на место Дудума.

3

Пока углубляли русло Раудупе, любопытных всегда хватало. Школьники, возвращаясь из школы, обязательно заворачивали к землекопам и наблюдали за работой экскаватора. После окончания весеннего сева берег каждый вечер был усыпан людьми, а позже, в конце мая и в начале июня, когда экскаватор начал рыть отводный канал от реки к Змеиному болоту, любопытных стало еще больше.

Однажды вечером Жан Пацеплис, работая во второй смене, заметил в

толпе отца. С напряженным вниманием наблюдал Антон Пацеплис за работой сына, внимательно следил, как колхозная бригада, разделившись на две группы — по три человека, — очищала трассу от кустарника и укрепляла берега вырытого канала. В одних местах было достаточно выровнять лопатой откосы берегов и дно, в других приходилось делать крепление подпорками, хворостом, дерном и даже камнями. Из верхнего торфяного слоя, как будто из-под пресса, просачивалась вода, скапливалась на дне канала и мутной струйкой текла к речке.

Ковш экскаватора легко вгрызался в мягкую почву, потом его поднимали, и через его края на землю стекала б\роватая вода. По обе стороны канала тянулись насыпи вырытой земли, так называемые «кавалеры», — колхозники в шутку прозвали их «женихами». Когда канал был прорыт примерно на полкилометра, в работу пустили бульдозер — мощный гусеничный трактор с широким ножом впереди. Как огромный дикий кабан, с яростным ревом, лязгая гусеницами, набрасывался он на кавалеры и раздвигал в стороны землю. Мощный нож, подобно громадному рубанку, срезал кучи земли и торфа и не унимался до тех пор, пока многочисленные бугры по обе стороны отводного канала не образовывали ровные, гладкие берега.

В одном месте магистраль пересекала полосу песка-пльвуна. Айвар еще прошлым летом, исследуя окрестности болота, наткнулся на нее, поэтому сюда заранее был доставлен материал для крепления стен и дна канала. Одним дерном и хворостом здесь нельзя было обойтись, требовались камни и крепезный лес.

Антон Пацеплис долго наблюдал за работой и чем дальше присматривался, тем сильнее охватывало его беспокойство: через две-три недели магистраль должна подойти к бывшим лугам усадьбы Сурумов — каково тогда будет ему смотреть, как чужие люди копошатся в его земле?

Он дождался окончания второй смены и вместе с Жаном пошел домой.

— Когда ты думаешь добраться до болота? — спросил Антон.

— Не раньше середины июля, — ответил Жан. — Сам видишь, как подвигается работа. Сегодня вырыл всего триста шестьдесят кубометров, только иногда удается вырыть свыше четырехсот, больше из этой машины не выжмешь. В среднем продвигается вперед по шестидесяти-семидесяти метров в день.

— А потом, когда доведете канал до болота, что тогда?

— Тогда придется немного подождать, чтобы болото осело. Пока можно будет рыть канавы мелкой сети. Мне, наверно, придется прорывать отводную канаву в том конце, от Инчупе до болота.

Пацеплис хмыкнул и ничего не сказал.

Следующий день, как обычно, он проработал на конеферме, а вечером, возвращаясь домой, встретил возле правления колхоза Регута.

— Вот и хорошо, что встретил тебя, — сказал Регут. — Одному колхознику из бригады Алксниса придется лечь в больницу, у него аппендицит. Что ты скажешь, если мы на рытье канала вместо него поставим тебя? Изба у тебя рядом, по утрам не надо так рано вставать.

Пацеплису это предложение не понравилось.

— Дай мне немного подумать... — пробурчал он.

— Чего тут думать, — не отступал Регут. — Твои дети живут этой работой: для Анны и Жана это кровное дело, а ты, глава семьи, неужели ты хочешь стоять в стороне? Я думаю, тебе это особенно не к лицу, твое место среди осушителей болота, товарищ Пацеплис...

Пацеплис озабоченно почесывал щеку.

— Если ты так считаешь, Регут... я ничуть не боюсь работы. Придется попробовать.

— Хорошо, я так и скажу Алкснису. С утра пойдешь на отводный канал.

— Идти так идти... — сказал Пацеплис и поспешил домой, чтобы засветло насадить лопату на новый черенок: старый был сделан много лет тому назад и для такой работы не годился.

Обтесывая черенок, он думал, что в конце концов Регут прав: все его дети активно участвовали в этой осушке болота. Для Артура, Анны и Жана это было действительно кровное дело, только он — Антон Пацеплис до сего времени стоял в стороне и смотрел, как работают другие. Каково ему придется, когда победят болото и другие будут справлять праздник? Если бы это было только общественным начинанием, ну тогда можно было бы и остаться в стороне, но ведь это семейное дело Пацеплисов — как оно может идти без участия главы семьи?

Рано утром Пацеплис вышел из дому. Почти час простоял он у экскаватора и от нечего делать осматривал машину. Механизмы никогда не интересовали его, даже обычная косилка казалась ему чем-то очень сложным и непостижимым для простого человека.

«Сорванец, мальчишка... — думал он про своего сына. — Как только он справляется со всеми этими рукоятками, тросами и ковшом? Откуда у него берется смекалка?»

В половине шестого пришел Алкснис со своей бригадой, без четверти шесть явился экскаваторщик, а ровно в шесть началась работа.

Весь день проработал Пацеплис на большом отводном канале, ровнял стены, дно и крепил ненадежные места. Он облип грязью, сапоги начали

пропускать воду, и ноги промокли, поэтому настроение у него было неважное. Когда первая смена кончила работу и на экскаватор сел Жан, Антон Пацеплис договорился с Алкснисом, что впредь будет работать в одной смене с сыном.

Айвар все время был на ногах. Ему, как производителю работ, надо было присутствовать всюду, где происходило что-нибудь важное. Дважды в день он навещал оба экскаватора, проверял качество сделанных работ. Он и сам часто спускался в отводный канал, брал шаблон и проверял, правильно ли выведены откосы стен магистрали, соблюден ли требуемый уклон дна, чтобы на пути к реке вода не встречала препятствий. Долог был теперь рабочий день Айвара, а в редкие свободные часы, когда не надо было думать о горючем, механизмах и крепежном материале, он садился за книги и готовился к последнему экзамену за второй курс Сельскохозяйственной академии.

Если бы Анна не вспоминала о нем и не навещала иногда на большой магистрали, они, наверно, не виделись бы целыми неделями. На деревьях распустились листья, везде запестрели цветы, в гнездах уже пищали птенцы скворцов, воробьев и соловьев, но прекраснее цветущей весны был труд человека.

4

Около середины июня землекопы отводного канала наткнулись на новую полосу пльвуна. Она была шире первой. Мелиоративной бригаде при креплении стен и дна пришлось немало потрудиться и применять всевозможный крепежный материал.

Однажды утром землекопы увидели печальную картину: в канале, где накануне работал со своими товарищами Пацеплис, все крепления были разрушены, камни и крепежный лес сброшены в кучу на дно канала, а поверх кучи накопилось по колено воды.

Колхозники немедленно принялись за работу, но прошло почти два часа, пока удалось очистить дно и заново укрепить стены. Это не был обычный обвал, который мог случиться в результате неряшливой работы.

— Это дело какого-то негодяя... — мрачно рассуждал Пацеплис. — Кому-то не нравится то, что мы здесь делаем. И как раз в том месте, где я своими руками крепил.

Разозлившись, он спешил поправить разрушенное до прихода прораба, но в то утро Айвар пришел на магистраль раньше обычного.

— В чем дело? — удивился он, застав Пацеплиса на том же месте, где тот две смены назад кончал крепежные работы.

— Какой-то гад пакостит, — отозвался из канала Пацеплис.

Узнав о происшедшем, Айвар помрачнел.

— Так, так... Значит, теперь придется бороться не только с водой и грязью, но и с вредителями! Ну ладно, бороться так бороться. Справимся и с ними. Без ответа этого вызова мы не оставим, — сказал Айвар.

Вечером, когда закончилась вторая смена, один колхозник из мелиоративной бригады остался сторожить экскаватор и вырытый за день участок. В два часа ночи его сменил другой. Далеко от экскаватора сторожа уходить не могли, поэтому большая часть вырытого канала по-прежнему оставалась без охраны.

Утром рабочие обнаружили новое разрушение: в одном из самых опасных мест вредители снова разобрали крепления, а на дне канала сделали запруду из дерна и крепежного леса. На гладкой стене отводного канала печатными буквами было нацарапано:

«НАПРАСНО СТАРАЕТЕСЬ!

БОЛОТО БЫЛО И БУДЕТ!»

И опять разрушение было сделано именно там, где работал Пацеплис. Он стал темнее тучи. Стиснув зубы, восстанавливал он разрушенное и обдумывал тайный план.

«Неспроста эти подлости творят как раз на моем участке. Знает гад, что делает. Меня ненавидит, против меня все направлено. Кто же это так обозлился на старого Пацеплиса? Кого берет зависть, кого я обидел?»

Весь вечер Пацеплис работал у себя на дворе: рубил хворост, оттачивал топор. Жан эту неделю работал в первой смене и сейчас ушел в Народный дом обменять книги, а заодно немного поболтать с Гайдой. Когда Гаида кончит работу в библиотеке, можно будет проводить ее домой. От такой перспективы забывались и усталость и трудности предстоящей работы.

У Анны в тот вечер было совещание с руководителями политкружков, и, хотя она могла на купленном недавно велосипеде в четверть часа доехать до дому, раньше полуночи ждать ее не было смысла.

Когда начало смеркаться, Антон Пацеплис запер двери, спрятал ключ

под камнем у колодца и окольным путем, через поросшее кустарником пастбище, направился к отводному каналу. Он хотел добраться до канала так, чтобы даже сторож, охранявший экскаватор, не заметил его, поэтому двигался с большими предосторожностями, как браконьер, хоронящийся от зоркого глаза лесника.

5

Была теплая летняя ночь. При лунном свете в лужицах спокойно поблескивала вода. В кустах какая-то птица пела свою песню, точно так же, как пели ее древние предки и как, возможно, через тысячу лет будут петь ее потомки, ничего не изменяя в ней, будто песня эта была само совершенство и к ней не относились никакие законы развития.

По узкой тропинке, которую даже при луне трудно было разглядеть на однообразном фоне большого болота, медленно шагал человек. Временами его темная фигура сливалась с тенью кустов и сосенок, иногда, попав на открытое место, выделялась на окружающем фоне и походила на скользящую по земле черную тень большой летящей птицы.

Через каждые пятьдесят-шестьдесят шагов одинокий путник останавливался, оглядывался по сторонам и напряженно прислушивался к ночному хору, стараясь уловить из-за монотонного кваканья лягушек, стрекотания насекомых, шелеста листьев, журчания невидимых ручейков и голосов ночных птиц какой-нибудь звук, указывающий на присутствие другого человека. Не заметив ничего подозрительного, он продолжал путь к шаг за шагом приближался к краю Змеиного болота. Там он еще раз остановился и постоял подольше. Луна освещала его лицо; каждый житель Пурвайской волости признал бы в нем Марциса, сына сбежавшего кулака Кикрейзиса.

Он выглядел не очень нарядным в серых домотканых брюках и черной блузе с застежкой «молния». Злобная гримаса искажала обросшее рыжей бородой лицо; оно осунулось, как у невыспавшегося человека: в темной берлоге за болотом, где он в последнее время жил со старым Таурином и другими участниками бандитской шайки Стелпа, особенных удобств не было.

«Им, проклятым, хорошо, они могут спокойно спать у себя дома... — думал Марцис. — Никто им не угрожает, не потревожат их сна шаги на дороге». Даже старому Кикрейзису жилось лучше. Как удрал из усадьбы, не уплатив за два срока сельскохозяйственный налог, так проехал без

остановки через всю Видземе и осел в одном из отдаленных городков. Старый знакомый устроил его дворником в каком-то домоуправлении. С отросшей за последние месяцы бородой, которая до неузнаваемости изменила его внешность, бывший хозяин усадьбы каждое утро и после обеда надевал брезентовый передник, выходил с метлой на улицу и делал свое дело. Когда крестьяне везли на рынок раннюю картошку и поросят, дворник заговаривал с ними и выспрашивал о всех новостях, а сам сетовал на дороговизну и на бедствия ожидаемой в скором времени войны.

— Не стоит выращивать скот и корчевать пни. Начнется война, опять все пойдет прахом.

Он не спорил, когда кто-нибудь не соглашался с ним, но ядом сомнения и неверия старался отравить каждого, кто вступал с ним в разговор.

После неудавшегося поджога усадьбы Марцис последовал за родителями и несколько недель прожил в далеком городке, но скоро ему все это надоело. Как только потеплело, он установил связь с бандой Стелпа и перебрался в лес. Ему хотелось действовать в своих краях, поэтому Стелп зачислил его в группу Тауриня, которую неизвестно почему именовали батальоном, хотя там было не больше восьми бандитов и двое из них даже не умели держать в руках оружие. Тауринь был командиром, а Марцис рядовым. Когда в банде узнали, что на раудупской мельнице разрушен заслон, Тауринь стал темнее тучи.

— Так это оставить нельзя! — повторял он сотни раз. — Мы не можем допустить, чтобы они прорылись до болота. Будь я моложе, взорвал бы все их машины, а на землекопов нагнал бы такой страх, что они и не подошли бы к болоту. А теперь что... годы не позволяют, а у кого есть силенка, у того душа в пятки ушла. Только и знают что спать да жрать.

И вот Марцису Кикрейзису захотелось доказать этому ворчуну, что есть в лесу по крайней мере один настоящий мужчина. В то время экскаватор уже начал прорывать главный отводный канал от Раудупс к болоту. Несколько дней Марцис издали наблюдал за землекопами и однажды ночью взялся за выполнение своего замысла.

После второй диверсии Тауринь советовал сделать небольшую передышку, но опьяненного удачей Марциса уже нельзя было удержать. В эту ночь он хотел разрушить крепление канала на обоих участках, где проходили полосы пльвунов, и, если представится случай, покончить со сторожем у экскаватора.

«Эх, если удастся отправить на тот свет сторожа, вот будет переполох, — думал он. — Тогда никакими калачами не заманить,

никакими угрозами не выгнать ночью к отводному каналу ни одного пурвайца. Придется сидеть у канала самому Лидуму и Анне с ее коммунистами, а я... уж мне-то удастся отправить кого-нибудь из них на тот свет...»

Марцис нащупал в кармане брюк пистолет и медленно двинулся к каналу. Сначала он хотел разрушить крепление, а после этого подкрасться к экскаватору и напасть на сторожа.

Был второй час ночи, когда Антон Пацеплис, спрятавшийся между двумя кавальерами, заметил в лунном свете какую-то темную фигуру. Она скользнула через кучу вырытой земли и медленно спустилась в канал. Их разделяло метров тридцать. До экскаватора, где прохаживался взад-вперед сторож, было примерно с полкилометра.

Пацеплис настороженно прислушивался к шороху. Мускулы его напряглись до предела.

«Ага, явился... — подумал он. — Теперь я с тобой разделаюсь, проклятая сволочь».

Прячась за кучи вырытой земли, он медленно пополз к своему противнику.

«Гадина... опять разрушает... — думал Пацеплис, и его нетерпение усиливалось. — Надо поторопиться, не то он опять все разорит. Но теперь он получит... из моих рук ты, птичка, не вырвешься».

Подобравшись поближе, он приподнял голову над кучей песка, чтобы лучше видеть диверсанта. Прямо под ним, метра на два ниже, какой-то человек торопливо выламывал из стен канала крепезный лес, камни и складывал в кучу на дно.

Луна светила Пацеплису в спину, его голова и плечи отбрасывали неестественно длинную тень на противоположный откос канала. Когда он немного пошевелился, шевельнулась и тень на откосе. В тот момент, когда он вскочил на ноги, чтобы броситься на вредителя, тот заметил движение тени и быстро отстранился.

Пацеплис узнал Марциса Кикрейзиса.

— А, это ты? — крикнул он, не помня себя от ярости.

Антон прыгнул на Марциса и повалил его на землю. Как клещи, сжали пальцы Пацеплиса шею Марциса, ногти впились в тело и застыли. Он тряс своего врага и тыкал лицом в грязь.

— Негодяй... теперь я знаю, почему как раз на моем участке...:

Марцис бился и брыкался, стараясь вырваться из рук Пацеплиса. Он уже стал терять сознание, в ушах звенело, перед глазами поплыли огненные круги. Почувствовав что тело Марциса становится вялым,

Пацеплис наконец разжал пальцы на его шее, снял с себя ремень и крепко скрутил ему руки.

Через два часа пойманный бандит сидел в грузовике между двумя истребителями и ехал в уездный городок, так как Индрик Регут хотел его допросить поскорее.

После этого Пацеплис долгое время был героем дня. О его подвиге много говорили, кое-что даже преувеличивали.

— Велика важность — одолеть придурковатого парня... — обычно отвечал он на похвалы. — Главное, что теперь он оставит в покое мой канал. А если еще кто вздумает браться за такие дела, пусть заранее закажет себе гроб — второй раз такой гад живым от меня не уйдет.

Но никто после этого не пытался вредить, и Пацеплису так и не пришлось исполнить свою угрозу.

6

Двадцать третьего июня, в канун Янова дня, к Айвару приехал в гости отец. В начале года происходили выборы в Верховный Совет республики, и Ян Лидум был избран депутатом, а вскоре после того назначен министром на место Земдега. Он побывал в своем избирательном округе — в том уезде, где до войны работал секретарем укома, выступил на нескольких собраниях, беседовал с избирателями, а потом заехал в Пурвайскую волость, решив провести вечер «Лиго»^[32] вместе с сыном. На следующий день ему надо было снова вернуться в свой округ и встретиться в двух волостях с избирателями. Записная книжка Лидума была уже вся исписана после бесед с избирателями-крестьянами. О чем только там не говорилось: спорили по поводу налогов и жаловались на неправильные действия некоторых работников, просили обеспечить деталями сельскохозяйственные машины и построить новую школу. На одном молочном заводе приемщик, очевидно, надувал крестьян, устанавливал слишком низкий процент жира в сдаваемом молоке. В другом месте крестьяне сигнализировали, что директор лесхоза берет взятки и тайком продает древесину спекулянтам. Надо было все проверить, устранить безобразия, помочь простым советским людям добиться правды — словом, работы депутату хватало.

Предприятия министерства работали лучше, чем а прошлом году, хотя производственная программа была больше и трудности с сырьем не кончились. Яну Лидуму и в голову не приходило приписывать эти

достижения себе, своим организаторским талантам: сила успеха заключалась в спаянной и дружной работе коллектива, в оперативности аппарата министерства, быстро реагирующего на все запросы и предложения предприятий, — новый министр уже успел приучить к этому своих сотрудников.

Как старый партийный работник, Ян Лидум привык интересоваться всем, что встречал на своем пути. Машинно-тракторная станция как будто не имела никакого отношения к его теперешней работе, но, приехав в Урги, он тотчас разыскал Драву и просил показать все хозяйство. От его зоркого взгляда не укрылась ни одна мелочь. Первое замечание Драва получил за подъездную дорогу от большака ко двору МТС, до невозможности измолотую гусеницами тракторов.

— Скоро вам нельзя будет выбраться отсюда иначе как на самолете, — сказал Лидум. — Можно ли допустить, чтобы дорога в МТС была в таком состоянии?

— Ничего не поделаешь, товарищ Лидум, — пытался оправдаться Драва, — эти гусеницы безобразно портят дорогу. Вот если бы замостить бульжником...

— Почему же не замостите? Ведь сущие пустяки, не больше трехсот метров будет.

— Если бы министерство отпустило деньги и материал...

— Надо просить, тогда дадут. Министерство само не станет навязываться с деньгами и материалами.

После этого у Дравы пропала охота показывать Лидуму все, что было здесь интересного, но гость не отступал, и волей-неволей пришлось водить его по всем местам. Не везде Лидум замечал только плохое. За механическую мастерскую и общежитие Драва услышал не одну похвалу. Тогда он снова приободрился.

— А что, Лидум, не отпразднуешь ли сегодня вечером у меня свои именины? — заикнулся Драва, когда осмотр был окончен. — Мог бы уважить старого боевого товарища.

— Благодарствую. Я поговорю с Айваром. Неизвестно, какие у него планы.

— Айвар... — Драва развел руками. — Где уж нам, старикам, угнаться за молодыми? Пусть они танцуют, а мы посидим, поговорим о жизни, выпьем по кружке пива.

Но тут пришел Айвар, сразу завладел отцом и потащил его в колхоз «Ленинский путь»; колхозники сообща справляли праздник «Лиго». От имени правления Регут пригласил в гости и работников мелиоративно-

строительной конторы МТС.

Колхозники устроили складчину и приготовились к празднику на славу. В клетки стояли две бочки домашнего пива. В саду за домом правления были накрыты праздничные столы. На блюдах лежали толстые ломти тминного сыра. От пшеничных лепешек еще поднимался пар. Возбуждали аппетит и пирожки с копченой грудинкой и студень. Не одному петуху и поросенку пришлось расстаться с жизнью в честь этого празднества.

В канун «Лиго» работы, как обычно, кончили раньше, чтобы дать возможность мужчинам еще засветло соскрести с лица щетину и переодеться в чистые льняные рубашки, а женщинам и девушкам нарядиться в праздничные платья. Ворота, двери, столы с угощением утопали в зелени и цветах. Головы девушек украшали венки из полевых цветов, на веранде правления колхоза лежала большая куча больших дубовых венков: они ждали, когда их возложат на головы, так сказать, виновников торжества — Янов. Повязав белые передники, суетились вокруг столов жены и дочери колхозников, расставляя блюда с угощением и большие пивные кружки. В углу сада уже был приготовлен большой шест с укрепленным на нем бочонком смолы, а на земле лежали еще несколько шестов со старыми жестяными ведрами, набитыми берестой и смоченными керосином тряпками, — их должны были зажечь с наступлением темноты.

Большими группами, распевая песни «Лиго», стали прибывать гости. Первый венок возложили на голову Регута, как хозяина и главного Ян-батюшки; его, кстати сказать, на самом деле звали Яном. После этого стали чествовать обрядовыми песнями всех прочих Янов. Узнав, что среди них находится член правительства Ян Лидум, колхозники спели и ему «Лиго» и надели на голову дубовый венок.

В нарядных национальных костюмах появились хористы и танцоры волостного Дома культуры, во главе с директором школы Жагаром и Гайдой Римша. Одна за другой полились песни «Лиго», а когда кончил хор, запевалой выступила Ольга Липстынь и к ней присоединились все собравшиеся колхозники. Завязалось состязание — бой песен. В веселых, остроумных строфах народ высмеивал скупых, лентяев и нерадивых, прославляя добросовестных тружеников.

Ян-батюшка Регут пригласил всех к столу, и сразу стали убавляться запасы сыра, пирожков и пенистого пива.

Одним из самых примечательных гостей в этот вечер был Антон Пацеплис; все еще помнили о его поединке с Марцисом Кикрейзисом, поэтому Антону снова и снова пришлось во всех подробностях

рассказывать о своем подвиге. Он это делал с явным удовольствием, особенно после того, как осушил с полдюжины кружек пива. Ян Лидум с явным интересом слушал Пацеплиса, временами поглядывая на него пристальным, пытливым взглядом: теперь и он знал, какую роль сыграл этот человек в жизни его сестры... «Сложный тип... — думал Лидум. — Был ведь порядочным мерзавцем, ему и руки-то не хотелось подать, а теперь в нем появилось кое-что человеческое».

Анна сидела за столом между Регутом и Айваром. Когда языки развязались и полились шумные речи, она обратилась к Айвару с вопросом:

— Помнишь, Айвар, как мы летом сорок второго года впервые встретились на фронте?

— Очень хорошо помню...

— Ты мне тогда обещал одну вещь.

— И не выполнил обещания? — Айвар посмотрел на Анну с тревогой: он не мог вспомнить, что тогда обещал. — Неужели что-нибудь важное?

— Даже очень... — улыбнулась Анна. — Но и срок ведь был дан порядочный.

— Прости, у меня плохая память, ей-ей, не помню.

— Ты сказал, что после войны расскажешь мне, почему ушел из дому и эвакуировался.

Айвар не сразу нашелся с ответом, потом сказал:

— Теперь вспоминаю. Ты хочешь... чтоб я это сказал сейчас?

— Война давно кончилась!

— Верно, война кончилась. Обещание надо выполнять. Ладно, Анныня, скажу, — Айвар нагнулся и сказал так тихо, что Анна поняла скорее по движению губ... — Ради тебя ушел: мне хотелось быть там, где ты...

Теперь пришел черед замолчать Анне. Смущенная, порозовевшая, она, потупив глаза, сидела рядом с Айваром и думала о чем-то, не имеющем ничего общего с веселой суетой праздника «Лиго».

Опять зазвучали песни. Колхозное трио — скрипка, флейта и гармонь — заиграло танцевальную музыку. И стар и млад вылезли из-за стола и пустились в пляс. Ян Лидум пригласил жену Регута. После этого и Пацеплису стало невозможно сидеть за столом — на что это будет похоже, если он. один из самых лихих танцоров и кавалеров своего времени, не покажет себя. Ольге Липстынь выпала честь стать первой дамой, которую он удостоил своим вниманием.

Тщетно поискав глазами среди толпы гостей своего партнера по танцам, Гайда Римша поняла, что один из сегодняшних именинников, Жан

Пацеплис (ведь он тоже был Яном), еще не закончил работу и если его не поторопить, навряд ли он вообще придет на вечер. Она пошептала с девушками и парнями и, сказав что-то Жагару, скрылась с толпой молодежи за углом сада.

Экскаватор рыл первые метры отводного канала на бывшем лугу усадьбы Сурумов. В те мгновения, когда мотор и валы переставали шуметь, до Жана Пацеплиса доносились песни «Лиго». По правде сказать, и он мог сегодня кончить работу пораньше, но парню хотелось дорыть канал до луга Сурумов. Земля здесь была мягкая, ковш легко заполнялся и не хотелось прерывать работу, когда все так хорошо спорилось.

«Янова ночь еще впереди, — думал он. — Поработаю, как положено, до десяти часов, а потом буду праздновать до утра. Спать, конечно, не придется, но это ничего — завтра день свободный».

И звенел металл, тяжелый ковш вгрызался в торф, рядом с каналом вырастали кучи земли.

В половине десятого, когда экскаватор надо было отвести на несколько метров назад, Жан услышал поблизости громкое пение. Через луг к нему шли друзья — в национальных костюмах, в цветах и венках. В середине шагала Гайда с большим дубовым венком в руках.

Сердце Жана забилося.

«И про меня вспомнили... — взволнованно подумал он. — Какие славные ребята. Только жаль, что я такой чумазый...»

Певцы подошли ближе и запели про одного землекопа. Гайда знаками приглашала Жана сойти с экскаватора, и когда он, смущенный и неловкий, с потным лицом и испачканными руками, стал перед нею, надела ему на голову большой венок.

— А теперь кончай работать и пойдем с нами на праздник! — сказала Гайда.

— Упаси бог! — воскликнул Жан. — В таком виде я не могу. Дайте хоть умыться и переодеться.

— Ладно уж. Только собирайся не особенно долго, — ответила Гайда. — Иначе Яновы огни отгорят без нас.

Жан взял пиджак и вместе со всеми поспешил в Сурумы. Навряд ли кто-нибудь в тот вечер был в таком праздничном настроении, как он.

В это время в колхозном центре приветствовали песнями новых гостей: приехал на своем «газике» Артур Лидум, а с ним Регут. Приехала и Валентина. Поздоровавшись с колхозниками, Артур отозвал в сторону Анну, Регута и Айвара. К ним присоединился и "Индрик Регут.

— Сегодня надо быть начеку, — тихо заговорил он. — Утром ко мне

явился один бандит, которому надоело жить в лесу. Он сдал автомат, четыре ручных гранаты и рассказал, что нынешней ночью банда собирается напасть на колхозный центр — хотят отомстить за Марциса Кикрейзиса.

— Думают, что мы здесь перепьемся и всех можно будет взять голыми руками, — проворчал старый Регут. — Но мы вовсе не такие простачки. У всех ферм дежурят по двое вооруженных колхозников, а многие наши истребители находятся здесь. С тех пор как произошло несчастье с Анной, дремать не приходится, ты это учти, Инга.

— Хорошо, отец, — сказал Индрик. — Я думаю так: пусть люди веселятся, только надо выставить посты. Если среди колхозников и гостей находится их человек, хотя это едва ли так, он не должен заметить наши приготовления. Через час, когда стемнеет, прибудет группа бойцов, пусть тогда кто-нибудь попытается подойти к нам.

Музыка продолжала играть, люди танцевали, пели, и в праздничной сутолоке никто не заметил, как по одному исчезли несколько молодых людей. Айвар помог Индрику расставить вокруг колхозного центра посты, Анна со старым Регутом вернулись к остальным, и праздник «Лиго» продолжался как ни в чем не бывало.

Старый Регут отмахивался от комаров, которые непрошеными явились на праздник в огромном количестве и тоненькими голосами старались разнообразить веселый хор.

— Попищи, попищи у меня... — смеялся Регут, убив на щеке одного комара, — Недолго вам здесь пиццать. Вот одолеем болото, куда вам тогда деваться, кровопийцы...

Когда Айвар вернулся, Валентина подозвала его и уселась рядом на скамью. За прошлую зиму они очень подружились, отношения стали простыми, непринужденными. Хотя Айвар ни полусловом об этом не обмолвился, Валентина давно заметила, что в его сердце таятся нежные чувства, старательно оберегаемые от любопытных, для нее также не было секретом, кто является объектом этих чувств; достаточно было перехватить один из тех взглядов, которые Айвар бросал на Анну, чтобы понять, как он ее любит.

«Почему они так тянут? — думала Валентина, наблюдая за Анной и Айваром. — Посмотришь на них — знакомые, в лучшем случае — друзья. Неужели Анна не отвечает ему взаимностью? Может, она и не подозревает, что Айвар ее любит? А возможно, они давным-давно сговорились и только водят за нос друзей и знакомых? В таком случае эти обманщики великолепно умеют притворяться, особенно Анна...»

Валентине они оба очень нравились, она была убеждена, что Айвар и

Анна созданы друг для друга, поэтому от всей души желала им счастья. Несколько раз Валентина в очень деликатной форме пыталась заводить с ними разговор на эту тему, но ее намеки или не достигали цели вследствие их туманности, или те были слишком ловкими артистами и нарочно делали вид, что ничего не понимают, но до сих пор все старания Валентины оставались безуспешными.

— Почему ты не танцуешь, Айвар? — спросила Валентина, когда он подсел к ней. — Ведь ты умеешь?

— Когда-то умел, — ответил Айвар. — Не знаю, как сейчас, семь лет не танцевал.

— Почему же не попробовать?

— Боюсь отдавить ноги другим танцующим.

— Твой отец, наверно, не танцевал лет тридцать, а посмотри, как у него здорово получается.

В эту минуту Ян Лидум провальсировал мимо них, действительно с большим искусством ведя свою даму в кругу танцующих.

— Если тебе не жаль новых туфель и не страшно получить несколько синяков, то пожалуйста! — Айвар поклонился Валентине, приняв комически-церемонную позу.

— Ладно, рискну... — сказала Валентина.

Они вошли в круг танцующих. Оказалось, что Айвар почти не забыл этого галантного искусства. Ему казалось, что он еще никогда так хорошо не танцевал. Впрочем, что тут удивительного, когда у него сегодня такая партнерша, как Валентина; это ведь не толстуха Майга, с которой ему когда-то приходилось танцевать в угоду приемным родителям.

— Ах ты, хитрец, — погрозила пальцем Валентина. — Он разучился танцевать. Ты просто обленился, вот и все, но общими усилиями мы эту лень из тебя выбьем.

Они шутили, смеялись и танцевали один танец за другим. Непосвященным могло казаться, что это флиртующая парочка.

Но Артур Лидум ничуть не сомневался в истинном характере их отношений.

«Валя хочет встряхнуть Айвара... — подумал он. — Это ему не вредно. Ему давно пора стать немного веселей и живее».

Музыка замолкла. Разгоряченные танцоры вернулись к столам, чтобы утолить жажду пивом. Айвар угостил Валентину и отца, не забыв и себя; он был признателен девушке за то, что она втянула его в общее веселье. Когда музыка снова заиграла после перерыва, у Айвара хватило смелости подойти к Анне, чтобы пригласить ее, но он опоздал, Индрик Регут на

несколько мгновений опередил его. Тогда Айвар вернулся, надеясь, что Валентина вызовет его и еще раз рискнет пройтись с ним в танце, но оказалось, что он опоздал и тут: Артур уже кружился с нею. Валентина взглянула на Айвара через плечо партнера и многозначительно покачала головой, будто говоря:

— Сам виноват. Проспал...

Именно так и сказал ему отец, остановившись за его спиной. Айвар неловко усмехнулся и что-то буркнул себе под нос.

Со двора доносилось дружное пение. Вернулась Гайда Римша со своей молодежью. В мощном хоре молодых голосов теперь звучал и сочный баритон Жана Пацеплиса.

Настало время зажечь Яновы огни. Парни подняли шест с горящим смоляным бочонком, и вскоре словно в ответ то там, то здесь на дальних пригорках зажглись новые Яновы огни. Вся Латвия в эту ночь горела несчетным числом костров, вся округа перекликалась ликующими возгласами «Лиго» — людям было хорошо.

7

Когда в колхозном центре загорелись Яновы огни, Стелп решил, что пора начать нападение.

— Сейчас все будут смотреть только на смоляную бочку, — сказал он Тауриню, сидевшему рядом с ним у опушки леса. — Пока мы не подойдем к ним вплотную, нас никто не заметит, а мы их будем видеть еще издали. Стелп только несколько дней как прибыл в «батальон» Тауриня с заданием активизировать деятельность банды. Узнав про арест Марциса Кикрейзиса, он страшно рассердился на Тауриня.

— Разве это настоящая борьба — возиться около жалкой канавы? — набросился он на него. — Чистое мальчишество и больше ничего! Даже дурак понял бы, что нельзя одну и ту же диверсию повторять три раза подряд.

— Я отговаривал его, но разве этому лопухому втемяшишь! — оправдывался Тауринь.

— Какой вы командир, если подчиненные вас не слушают! — сердился Стелп. — В таких случаях непослушных расстреливают, чтобы сохранить в войсковой части дисциплину.

— Много ли у меня этого войска — пять-шесть человек. Если начнем расстреливать своих, скоро некем будет командовать. Что касается этой

канавы, то дело совсем не в мальчишестве. Это был ответ на разрушение моей мельницы. Если они разбирают запруду, как я могу оставить это без ответа, господин Стелп? Сомневаюсь, чтобы вы на моем месте удержались.

— Отвечать надо так, чтоб почувствовали. Подорвали бы экскаватор, покончили бы с кем-нибудь из работников — вот это дело. Те несколько метров крепления, которые молодому Кикрейзису удалось выломать, ничего не стоят.

— Так-то оно так, господин Стелп, так что же делать... пролитую воду не соберешь...

Вместе со Стелпом их было семь вооруженных бандитов. Восьмой с разрешения Стелпа ушел накануне к родным в уездный город и должен был вернуться только после праздника. Стелп и не подозревал, что тот уже давно явился к Регуту и рассказал о планах банды. Вожак банды надеялся, что предстоящее нападение на колхозный центр поднимет воинственное настроение бандитов, а то в последнее время, по мнению Стелпа, они больше ходили на мокрых куриц. Может быть, кое-кто втихомолку подумывал о легализации; если они сейчас не обагрят руки кровью большевиков, навряд ли удастся удержать их в лесу. Стелп решил не только сжечь колхозный центр и расстроить праздник «Лиго», но и убить всех ведущих работников колхоза, коммунистов, которых он захватит врасплох на празднике. Приготовленные к празднику продукты и прочее добро им пригодятся. А когда будет пролита кровь советских людей, участники банды сожгут за собой все мосты и никому из них не придет в голову уходить из лесу.

«Батальон» разбили на две группы. Четверо во главе со Стелпом должны были пробраться со стороны сада, а Тауринь с двумя бандитами получил приказание приблизиться к колхозному центру со стороны дороги и отрезать колхозникам путь к отступлению; когда те, услышав первые выстрелы, побегут к двору, их остановят пули. Поднимется паника, Тауринь крикнет: «Руки вверх! Ложись лицом к земле!» — и тогда семеро бандитов смогут сделать с ними все, что только вздумают. За малейшую попытку сопротивляться — пуля. Некоторых можно будет пристрелить на месте, а самых главных взять с собой в лес и постепенно замучить. Стелп жаждал крови, да и Тауринь не отставал от него. Сегодня ночью они надеялись утолить эту жажду.

В каждой группе один из бандитов хорошо знал местность. Тауринь, подождав, когда Стелп со своей командой исчез в полумраке летней ночи, медленно пошел к дороге, пролегающей между двумя большими полями. Достигнув дороги, он внимательно прислушался, но ничего

подозрительного не заметил. Впереди на пригорке, за домом правления колхоза, раздались песни — наверно, собрались вокруг Яновых огней, а до остального им и дела нет.

— Пошли... — шепнул Тауринь и первым выполз из ржи на дорогу.

Медленными, бесшумными, воровскими шагами приближались бандиты к строениям колхоза. Проскользнули мимо машинного сарая на широкий двор. Один бандит ушел к северному концу жилого дома, второй следовал за Тауринем к воротам, которые вели в сад. Это были последние согласованные шаги группы.

— Стой! — прорезал тишину повелительный окрик. — Руки вверх!

В ту же минуту раздались выстрелы из-за дома правления колхоза и еще дальше, в поле, по которому Стелп приближался к саду. Позади Тауриня раздался стон, и когда бандит оглянулся, то увидел, что двое колхозников разоружали его спутника. Мысль о дальнейшей борьбе в один миг вылетела из головы Тауриня. Он вбежал в сад, бросился на землю и пополз.

Автомат мешал; забросив его в густую траву, Тауринь, подобно громадному насекомому, полз на четвереньках вдоль забора, пока не нашел щель, через которую с трудом выбрался из сада. Погони не было. Тауринь пролежал несколько минут, встал и бросился в колосившуюся рожь.

«Вот будет взбучка от Стелпа за брошенный автомат...» — озабоченно подумал он, но быстро забыл об этом, стараясь уйти как можно дальше от места стычки.

В колхозном центре вновь наступила тишина. Выстрелы прекратились, на верхушке шеста ярко горел смоляной бочонок.

Напрасно опасался Тауринь упреков Стелпа: нарвавшись на истребителей и не послушав их окрика, он был ранен в ногу и взят в плен, даже не успев выстрелить. Кроме Стелпа, поймали еще двух бандитов; троих бойцы майора Регута убили во время стычки. За всю перестрелку только один истребитель был ранен в плечо.

Седьмого бандита, оружие которого нашли в саду у забора, поймать не удалось. Разбившись на несколько групп, истребители, бойцы и колхозники почти до свету искали его по всем закоулкам. Следы убежавшего были видны в истоптанной ржи, но затем он вышел на дорогу, и дождь, непрременный спутник Яновой ночи, сделал невозможными дальнейшие поиски.

Среди убитых бандитов колхозники опознали младшего сына Стабулниека, из живых они знали только Стелпа, остальные, видимо, были издалека. Когда Индрик Регут спросил Стелпа, кто был убежавший, тот

поспешил ответить, что это один латгалец по фамилии Спрудзан.

Догорали Яновы огни. Женщины убрали со столов посуду. Участники праздника с песнями расходились по домам.

Артур с Валентиной уехали в город. Индрик Регут решил задержаться еще на несколько часов, в надежде поймать скрывшегося бандита. Айвар ушел с Анной, Жаном и Гайдой Римша, так как им было по пути; немного погодя направились домой Ян Лидум, Драва и Финогенов. Пиво ударило Драве в голову, и он громко рассказывал, как, по его мнению, следовало бы организовать охрану колхозного центра; по временам он останавливался и пытался показать, как расставлять посты.

— Почему они не поговорили со мной, старым фронтовиком? — сердился он. — Теперь одного из наших ранили в плечо, а можно было сделать так, чтобы из своих никто не пострадал.

8

Выбравшись на дорогу, Тауринь торопливо зашагал в сторону Змеинового болота. Вскоре пошел дождь.

«Теперь они не найдут меня и с собаками, — подумал он. — Пусть льет, чем сильнее, тем лучше».

Он не знал об участии, постигшей остальных бандитов, но понимал, что нападение на колхозный центр провалилось. Может, Стелпу удалось добраться до леса и он сейчас бродит в темноте, а возможно, один из выстрелов, раздавшихся за садом колхозного центра, уложил его на месте. Трудно сказать, что больше пришлось бы по душе Тауриню...

«Куда деваться? Идти обратно в лесную землянку? Если кто-нибудь из наших схвачен, в землянку ночью нагрянут непрошенные гости. Нет, туда возвращаться нельзя. Завтра истребители и бойцы обыщут все окрестные леса и кустарники. В этой стороне спрятаться невозможно, а до ближайшего пункта связи тридцать километров — до утра не доберешься. Что делать?»

Как загнанный зверь, Тауринь сверлил взглядом темноту, останавливался и прислушивался. Казалось, каждый придорожный куст грозил ему, каждый звук нагонял на него ужас. Тауриню чудилось, что рядом раздаются шаги: то здесь, то там что-то шевелилось в темноте. Вдруг он увидел шагах в двадцати трех мужчин, стоявших у самой дороги. Тауринь ясно расслышал, как один из них тихо сказал:

— Ты, Клуга, останься здесь, а мы пойдем по той тропинке и

посмотрим, не помята ли рожь.

Тауринь бросился в другую сторону и стал ползком пробираться по канаве, чтоб удалиться от дороги. Добравшись до кустарника, он встал и осмотрелся. Снова по обе стороны от него слышались шаги. Невдалеке двигался темный силуэт.

«Окружают... — сообразил Тауринь. — Напали на след. Неужели конец?»

Он, продолжая прятаться, перебежал небольшой луг, некоторое время полз по картофельным бороздам, а когда поднялся на колени и посмотрел вокруг, страх снова прижал его к земле: слева и за спиной двигались человеческие фигуры; только вправо — в сторону усадьбы Урги — путь оставался свободным.

«Конец...» — подумал он, и ему казалось, что кто-то громким голосом сказал это слово. Он полз дальше, шаг за шагом приближаясь к Ургам. Вот и большой машинный сарай и дом рабочих; Тауринь некоторое время смотрел туда и о чем-то думал, насколько он в состоянии был связно мыслить. Из рассказов Марциса Кикрейзиса он знал, что Айвар жил в прежней своей комнате. Окно выходит в сад... если ставни не закрыты, выдавить стекло пустячное дело...

Последняя надежда... последняя отчаянная попытка ускользнуть от преследователей...

«Может, в сердце Айвара еще тлеет искра благодарности? Укрыться только на день... до вечера... может быть, даже на несколько часов, пока преследователи обыщут все углы в Ургах... Может, Айвар пожалеет... приютит на несколько часов... такая небольшая услуга в знак признательности...»

Другого выхода у Тауриня не было, только этот последний сулил ему спасение или западню. Он пробрался в сад усадьбы и на цыпочках приблизился к окну комнаты Айвара. Прижавшись лицом к мокрому стеклу, Тауринь силился разглядеть что-нибудь в комнате. На дворе слышались чьи-то шаги. В доме рабочих пели.

Тауринь больше не мешкал. Он выдавил стекло, отворил окно и пролез в комнату. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел кровать, стол и несколько стульев. В углу, рядом с дверью, висел дождевой плащ и рабочий костюм Айвара.

Тауринь задернул окно занавеской и, присев на край кровати, стал ждать. От намокшей одежды и сапог на полу натекла лужа.

Прошел час, может быть больше, когда наконец хлопнула наружная дверь и в коридоре раздались осторожные шаги — видимо, кто-то шел на

цыпочках, опасаясь разбудить соседей. У двери, за которой тихо, словно мышь, сидел Тауринь, человек остановился, и слышно было, как он возится с ключом. Через несколько секунд двери отворились. Щелкнул выключатель, маленькую комнату озарил яркий свет.

Тауринь встал, выдавил на лице подобие улыбки и тихо сказал:

— Здравствуй, Айвар... Извини, что без твоего ведома вломился в комнату. На дворе такая ужасная погода. Не хотелось будить чужих людей, поэтому...

И он показал на окно.

Айвар остолбенел от неожиданности.

— Что вам надо здесь, Тауринь? — спросил он, немного придя в себя. Он сделал вид, что не замечает протянутой ему руки.

— Искал тебя... — ответил Тауринь. — Надеюсь, что не откажешь в ночлеге. Мне сегодня некуда деваться.

Его глаза настойчиво изучали лицо Айвара, ища ответа на вопрос, мучивший его все время, пока он сидел в этой комнате. И он нашел его. Мрачный, отчужденный взгляд, крепко сомкнутые губы и сжатые кулаки показали яснее всяких слов, что Айвар не пощадит его. Правая рука Тауриня нырнула в карман пиджака и нащупала револьвер.

Айвар понял: Тауринь готов на все и без борьбы в руки не дастся. Только крайнее отчаяние привело его в Урги, в эту комнату. «Если я сейчас выскочу в дверь и запру его, — думал Айвар, — удастся ли поднять людей и окружить сад, прежде чем он удерет?»

На дворе уже рассвело. «Скоро должен прийти отец вместе с Дравой и Финогеновым. Как предупредить их, чтобы не входили?» — Айвар опасался за жизнь отца.

— Почему вам некуда деваться? — спросил он, остановившись у двери и откидывая назад пряди мокрых волос, упрямо спадавших на глаза. — У всех людей есть пристанище, только у вас его нет.

— Потому что они... — Тауринь кивнул в сторону коридора, — отняли у меня все. У меня нет больше ни дома, ни семьи. Приходится, как зверю, скрываться в чаще леса.

— Не надо было становиться зверем, тогда не пришлось бы скрываться! — сурово ответил Айвар.

— И это говоришь ты, кому я сделал столько добра! — плачущим голосом сказал Тауринь, но его глаза горели по-волчьи. — Так ты благодаришь за то, что я тебя вырастил, дал образование, сделал человеком!

— Вы старались воспитать меня не человеком, а зверем, — ответил

Айвар. — Если сегодня я действительно человек и мне не стыдно смотреть в глаза народу, я обязан этим не вам, а честным людям, которые вовремя вырвали меня из-под вашего влияния.

— Что я тебе сделал плохого? — удивился Тауринь. Пальцы его правой руки судорожно сжимали револьвер.

— Вы искалечили мою юность, старались замарать меня в глазах моих товарищей! — воскликнул Айвар. — Я вас ненавижу, Рейнис Тауринь! Запомните это навсегда!

— Я воспитал тебя в духе лучших традиций нашего народа, — шипел Тауринь. — Какое мне дело, что большевики не признают моей правды? Я вот тоже не признаю их правды. Я был и всегда останусь в своих глазах правым.

— Правда может быть только одна, и ей я отдаю всего себя, до последней капли крови, до последней искорки моего разума, — ответил Айвар. Он был так взволнован, что не слышал шума в передней. Не расслышал его и Тауринь.

— Если хотите обманывать себя, — продолжал Айвар, — убеждайте себя, что вы с вашей черной душой, с обгаренными кровью руками правы и невинны, но не пытайтесь заставить так думать других. Для меня вы — преступник!

Сверкающими от ярости глазами Тауринь смотрел на Айвара, а в уголках его тонких, жестоких губ скользила усмешка.

— Итак... ты не позволяешь мне спрятаться здесь ненадолго? — спросил он.

— Нет, но я и уйти не позволю, — ответил Айвар. Сделав несколько шагов, он встал у окна и заслонил собою Темную дыру, через которую в комнату врвался сырой ночной воздух. Теперь они стояли в нескольких шагах друг от друга и смотрели мрачно, угрожающе. У обоих от волнения кровь прилила к вискам, в ушах звенело.

— Не дашь уйти? — злобно спросил Тауринь. — Еще неизвестно, кто из нас уйдет и кому придется остаться на месте. Получай, проклятый!

Лицо Тауриня страшно перекошилось. Он хотел вытащить револьвер, но Айвар на несколько десятых секунды опередил его. Сильные пальцы тисками сжали руки Тауриня повыше кистей. Пальцы бандита разжались, револьвер упал на пол. Отбросив его ногой, Айвар повалил Тауриня на пол. Тот, вырываясь, кусался, царапался, старался ткнуть пальцами в глаза. В борьбе они опрокинули стул и сдвинули стол. Наконец Айвару снова удалось схватить Тауриня за обе руки, и он прижал его к полу.

Приотворилась дверь, и появилось лицо Яна Лидума, голубые глаза

его серьезно и напряженно глядели в комнату.

— Что здесь такое? — заговорил он, переступив порог. Заметив валявшийся на полу револьвер, он понял, что происходит что-то очень серьезное.

— Возьми полотенце, отец!.. — крикнул Айвар. — Надо связать ему руки.

Спрятав револьвер и связав руки Тауриня полотенцем, Ян Лидум спросил:

— Кто этот человек, Айвар?

— Это он — Рейнис Тауринь...

Ян Лидум долго смотрел на скорчившегося бандита, который, сощурившись, исподлобья наблюдал за ним.

— Так вот ты каков... — прошептал Лидум. — Тебе мало того, что ты раз уже ограбил меня, отнял сына. Теперь ты хотел убить его. Ах ты... презренная гадина...

Второй раз в жизни встретился он с этим человеком. Много лет прошло с того зимнего вечера у железнодорожной станции, когда батрак Лавера Ян Лидум поспорил с крупным землевладельцем Рейнисом Таурином. Много лет они боролись не на жизнь, а на смерть, всю жизнь были непримиримыми противниками. Один из них отдал многие годы борьбе за счастье народа и за великую, единственную правду, которая победила и в этой стране; другой прожил свой век как враг народа: злой, кровожадный, ненасытный. Долгие годы не видя один другого, они все время мерились силами, обмениваясь сокрушительными ударами, и даже сейчас, когда у обоих давно поседели головы, не иссяк боевой дух Яна Лидума и не улеглась злоба Рейниса Тауриня.

В воображении Яна Лидума проходили картины воспоминаний, полные потрясающего драматизма и величавой красоты, но самой драматической из них была последняя, свидетелем и участником которой снова стал Лидум. У его ног, точно раздавленная змея, у которой вырвано жало, наконец-то лежал навсегда побежденный враг. Борьба завершилась полной победой Яна Лидума. За такую победу стоило отдать всего себя, но Ян Лидум знал, что самая лучшая пора его жизни впереди.

Еще раз взглянув на Тауриня, он обратился к Айвару: — Пойди позвони в правление колхоза. Может, молодой Регут еще не уехал с теми тремя бандитами. Пусть заедет сюда и заодно захватит в город и этого.

Глава восьмая

1

Неподалеку от машинно-тракторной станции находился сухой и ровный участок земли площадью гектара в два. Прежде здесь был загон для лошадей усадьбы Урги. Финогенов обратил внимание на этот участок с первых дней своей работы в МТС.

Каждый раз, проходя мимо, он останавливался и подолгу смотрел на него, а иногда даже перелезал через изгородь и обходил полянку, проверяя, тверд ли грунт.

Машинно-тракторная станция не нуждалась в этом старом загоне. Весной Драва хотел было вспахать его и разбить на маленькие участки под огороды для рабочих и, наверно, сделал бы это, если бы не вмешались старший агроном Римша и Финогенов. Римша доказал директору, что под огороды куда больше годится обработанное поле рядом с домом рабочих, а Финогенов удивил всех неожиданным предложением: оборудовать старый загон под спортивную площадку.

— Спортивная площадка? — протянул Драва. В последнее время он стал осторожнее в своих выражениях, не высказывал скоропалительных выводов, потому что извиняться за оброненные в горячке слова было не особенно-то приятно. — Для чего она нам? Где у нас спортсмены?

— Хотя бы мы, например! — пошутил Финогенов. — Чем не спортсмены? Время от времени будем разминать по вечерам кости. Неплохо бы на старости лет сдать нормы ГТО и получить значок.

— Ну уж меня ты оставь в покое! — засмеялся Драва. — Я лучше запишусь в зрители. Пусть бегают да прыгают молодые. Мое время прошло.

Финогенов посвятил его во все подробности своего плана.

— Площадь ровная, земля так утрамбована, что ее легко приспособить для спортивных целей. Только кое-где надо сровнять маленькие бугорки и кочки, убрать камни, устроить беговую дорожку. С левой стороны, у «трибун», надо обязательно сделать несколько дорожек для бега на стометровую дистанцию, а по концам поля площадки для прыжков и метания. Поставим футбольные ворота, купим кое-какой спортивный инвентарь, измерительную ленту, секундомер — и спортивная жизнь начата.

— Но спортсмены-то, спортсмены, Финогонов, где ты их наберешь? На пустую спортплощадку скучно глядеть!

— Будет спортивная площадка — будут и спортсмены. В волости молодежи хоть отбавляй, а где молодежь, там и дух соревнования. Общими усилиями всей волости за несколько воскресников построим стадион. А через месяц уже устроим первые состязания. Когда наши молодые чемпионы подрастут, пригласим для них достойных противников из других мест. Чтобы дело двигалось успешнее, тебе придется взять на себя обязанности шефа и главного судьи.

— Разреши мне еще немного подумать об этом, — сказал Драва; заметно было, что предложение Финогонова его заинтересовало.

После этого разговора события стали разворачиваться чрезвычайно быстро. Всего за две недели, работая по вечерам и устроив два воскресника с большим количеством участников, закончили все земляные работы, проложили беговую дорожку, разбили секторы для прыжков и метания, разметили футбольное поле. Столяр МТС сделал футбольные ворота, скамейки для «почетных гостей», а комсомольцы изготовили круги для метания диска, толкания ядра и барьеры для прыжков в высоту. МТС, правление колхоза и волостной Народный дом приобрели сообща несколько ядер, большой и малый диски, копье и измерительную ленту. Гайда съездила в Ригу и договорилась с республиканским комитетом физкультуры и спорта о том, что к ним в день открытия Пурвайского стадиона приедут опытные легкоатлеты на показательные соревнования.

Однажды, в воскресенье, произошло торжественное открытие стадиона. В «центральной ложе», у финиша стометровой беговой дорожки, сидели на почетном месте председатель организационного комитета Драва и члены — Регут, Финогонов, Анна и Гайда Римша. Зрителей набралось больше, чем иногда в Риге на республиканские состязания по легкой атлетике. Деревенские люди не были избалованы подобными зрелищами и пока еще не считали футбол единственным достойным внимания видом спорта, что, к сожалению, наблюдается в некоторых больших городах.

Играл духовой оркестр, участники состязаний прошли парадным маршем вокруг стадиона; после этого Драва выступил с речью и под торжественные звуки государственного гимна был поднят флаг.

Финогонову и Гайде не удалось найти среди местной молодежи более трех желающих участвовать в состязаниях по легкой атлетике: деревенские парни и девушки робели, боялись попасть в смешное положение. Сначала они хотели посмотреть выступления настоящих спортсменов, запомнить их приемы и только потом, без зрителей, испробовать свои силы. Иное дело

велокросс, который весьма кстати был включен в программу состязаний: пурвайские парни и девушки с малолетства исколесили на велосипедах все проселки, узкие лесные, полевые тропинки и чувствовали себя на велосипедах, как рыба в воде, поэтому без всяких увещаний чуть ли не все выехали участвовать в велокроссе. Для парней установили примерно двадцатикилометровую дистанцию вокруг Змеино́го болота, для девушек — восьмикилометровую по пересеченной местности от стадиона до волостного исполкома и обратно.

Первой стартовала женская команда — двенадцать девушек на обычных велосипедах во главе с Гайдой Римша. Минут через пять, когда девушки скрылись за первым пригорком, дали старт мужской команде. После того как парни исчезли в лесу, начались легкоатлетические состязания с участием рижских гостей. С большим интересом следили юноши и девушки, как стартовали хорошо натренированные столичные спортсмены в беге на сто метров, как прыгали в высоту и длину, как дискоболы, раскачивая диск и повернувшись вокруг оси, красиво выбрасывали его вверх, а особенный интерес вызвало появление двух скороходов — один из них был чемпионом Советского Союза.

Пятка — носок, пятка — носок... быстро мелькали перед глазами зрителей ноги скороходов. Только что они были у «трибуны», а вот уже на той стороне поля. Многие зрители думали про себя: «Ничего, это и у меня пойдет...»

Жан Пацеплис очень жалел, что не участвует в кроссе. Когда Га́йда вышла со своим велосипедом на старт и сразу после взмаха флажка вырвалась вперед, глаза его восторженно заблестели, а сердце защемило от досады: ну почему он сидит среди зрителей, когда у него дома ржавеет купленный прошлой осенью прекрасный велосипед. Он ведь тоже мог бы сейчас показать свое мастерство перед всей волостью.

Жан очень обрадовался, когда на опушке леса у Змеино́го болота показалась далеко оторвавшаяся от своих соперниц девушка. Зрители гадали — кто же кандидатка в победительницы, но Жан с первого взгляда узнал Га́йду. Метров за тридцать до финиша у нее что-то случилось с цепью, но девушка не растерялась. Спрыгнув с велосипеда, она пустилась бежать и на полминуты раньше следовавшей за ней соперницы коснулась ленточки финиша.

Га́йда стартовала от коллектива МТС, Драва был очень доволен ее успехом и так хвастался, будто сам был победителем в женском велокроссе.

— Вот что значит правильно поставленная физкультурная работа! — восклицал он. — Мы с Финогоновым днем я ночью заботились об этом.

Само собою ничего не дается. Самый лучший талант может заглохнуть, если не создать ему подходящих условий.

Он еще больше возгордился, когда узнал, что достижение Гайды можно считать республиканским рекордом.

— Берегитесь, рижане, в будущем году мы отнимем у вас звание чемпиона в женском велокроссе! — ликовал Драва.

Финогенов улыбался, добродушно наблюдая за Дравой; теперь физкультура пойдет в гору, если самого директора так волнуют успехи спортсменов. Воспользовавшись настроением Дравы, он заметил, что машинно-тракторной станции не мешало бы организовать свою футбольную команду.

— Конечно, не мешает! — отозвался Драва. — Обязательно надо создать команду. Кое-когда и я соглашусь быть судьей.

— Тогда придется обзавестись двумя футбольными мячами и по крайней мере одной парой бутсов.

— Ну и что же? У нас ведь еще осталось несколько тысяч рублей от премиальной суммы за победу в социалистическом соревновании. Как хорошо, что не истратили все сразу. Теперь как раз пригодятся.

В мужском кроссе победил с хорошим результатом представитель колхоза «Ленинский путь» — сын завхоза Эвальд Индриксон. Теперь настала очередь радоваться Регуту и всей колхозной семье. Председатель уездного комитета физкультуры и спорта, присутствовавший на торжественном открытии стадиона, обещал послать молодого Индриксона и Гайду в Ригу на республиканский велокросс.

«Но ведь я с ручательством обгоню его, — думал Жан Пацеплис — Если б я принимал участие в кроссе, не Эвальда, а меня послали бы в Ригу... вместе с Гайдой...»

У парня испортилось настроение, и состязания уже не доставляли ему никакого удовольствия. Он оживился, лишь когда закончилась официальная часть и на стадионе осталась одна молодежь. Предоставленные самим себе, молодые люди стали пробовать свои силы. Одним лучше удавалось толкание ядра, другим прыжки в высоту, но в беге на сто метров у некоторых парней оказались настолько равные силы, что трудно было решить, чьи показатели лучше.

С того дня на бывшем загоне каждый вечер царило оживление. Босиком, в одних трусах, тренировалась дотемна местная молодежь. Часто на большаке можно было видеть парней, упражняющихся в ходьбе, а маршрут кросса проделали почти все, у кого был велосипед.

В волости организовались две футбольные команды: колхоз не хотел

отстать от МТС. Нередко по воскресеньям, когда происходили товарищеские встречи между командами пурвайцев и соседних волостей, на футбольном поле можно было видеть Драву с судейским свистком в руке. Но ему было трудно поспевать за резвой молодежью, поэтому он скоро окончательно утвердился в роли зрителя. Радоваться или рвать на себе волосы по случаю забитых и пропущенных в ворота мячей все-таки было легче, чем бегать по полю и руководить игрой. Если побеждала команда МТС, Драва весь вечер просиживал с футболистами, пророчил им славную будущность — чуть ли не победу в состязаниях на кубок республики, но если им случалось проиграть, он заболел от огорчения и ни с кем не хотел разговаривать.

Гайда Римша и Эвальд Индриксон участвовали в республиканских состязаниях, и не только в кроссе, но и в шоссейных гонках. В одной из шоссейных гонок Гайда вышла на третье место, а в кроссе очутилась в числе первых пяти. Молодой Индриксон в последнем круге кросса, идя позади велосипедиста, занявшего второе место, наехал на сосну и сломал руль. Остальной путь — около двух километров — он пробежал пешком, но попасть в первый десяток ему все же не удалось.

Узнав об этой неудаче, Жан плюнул с досады:

— Несется, как шальной! Не видит, куда едет! Со мной никогда бы этого не случилось. Подожди, Эвалдынь, в будущем году увидим, о ком из нас будут говорить...

Вечерами, если Жан не работал во второй смене и Гайда была свободна, они вместе ездили по лесам и полям, выбирая самую труднопроходимую местность и самые тяжелые маршруты. Много разговаривать в таких случаях не удавалось, но Жану было достаточно и того, что Гайда здесь же, рядом.

2

В последнее время Жан пользовался велосипедом не только для тренировочных поездок; в середине июля, как и предполагалось, раудупский отводный канал был дорыт до берега Змеинового болота у самой усадьбы Сурумы, и экскаватор перевели на новую трассу к речке Инчупе. За неделю до этого Дудум закончил на втором экскаваторе рытье отводного канала от озера Илистого до болота и теперь углублял русло Инчупе. Другие машины проводили мелкую сеть по обе стороны магистралей. Огромный лемех канавокопателя, который тащили два мощных трактора,

оставлял в заболоченной земле почти готовую открытую канаву, по которой вода потекла к магистральному каналу. Бульдозер и грейдер разравнивали вырытую землю, сметали все кочки и неровности, а кусторез снимал заросли можжевельника. Там, где хлеба и сено были убраны, пускали в работу болотный плуг; он выворачивал и опрокидывал мощные пласты поросшей мохом и клюквой, десятилетиями нетронутой целины, открывая слои плодородной почвы. Острые ножи тяжелой дисковой бороны разрыхляли ее, и колхозники получили возможность впервые засеять отвоеванную у природы землю. В обработанных местах заболоченная почва заметно садилась. До того как отправить экскаватор на Инчупе, Айвар несколько дней пытался продолжать работы на самом болоте, но из этого ничего не вышло: тяжелая машина вязла в трясине, не помогали ни подпорки, ни двойной бревенчатый настил.

— Нечего здесь время терять... — решил Айвар. — Дождемся зимы. Сам дед-мороз построит мост для наших экскаваторов.

Вот поэтому Жану Пацеплису и приходилось два раза в день по проселкам, сырым тропинкам выгонов спешить на своем велосипеде на работу, и каждая такая поездка была настоящей тренировкой.

В конце июля, когда отводный канал прошел через землю Сурумов, Антон Пацеплис переселился на конеферму, где ему отвели отдельную комнату. К этому его побудили многие обстоятельства. Во-первых, от строений было мало проку: коровник покосился, изба грозила обвалом, и только старую клеть, которая еще кое-как держалась, можно было разобрать и перевезти в колхозный центр. Во-вторых, ни у Анны, ни у Жана не было времени ухаживать за скотом и обрабатывать приусадебный участок. Кроме того, осенью Анна собиралась уехать в Ригу учиться, и в усадьбе совсем некому было вести домашнее хозяйство.

Вот почему в конце июля в Сурумах наступила глубокая, печальная тишина, свойственная брошенному человеческому жилищу. Жан опять перебрался в общежитие МТС, а Анна подыскала себе небольшую комнатку в одной из усадеб вблизи волостного исполкома. Жить им стало со всех точек зрения удобнее. Старый коровник разобрали на дрова, он больше ни на что не годился. Избу решили разобрать осенью, когда колхозники управятся с полевыми работами.

В этом году на полях «Ленинского пути» вырос обильный, по местным условиям, урожай.

На лучших участках, которые меньше пострадали от сырости и сорняков, собрали до тридцати центнеров пшеницы и ржи с гектара. Хорошо уродились картофель, и другие овощи, а силосные ямы были

полны зеленого корма. У Регута больше не болела голова от забот о кормах.

В середине сентября правление колхоза, предварительно подсчитав и обсудив виды на доходы, решило выдать колхозникам первый аванс за трудодни деньгами и натурой.

Счетовод Марта Клуга теперь целые ночи просиживала в конторе и подсчитывала, что полагается получить каждому колхознику.

Для кладовщика Индриксона наступили горячие дни. С утра до вечера он взвешивал, считал. Как в прежние времена в Юрьев день на всех дорогах Латвии были видны крестьянские повозки с мешками зерна и скромными пожитками, так и теперь в том конце волости, который прилегал к большому болоту, можно было наблюдать веселое оживление: колхозные кони тащили груженные возы, а рядом с повозкой шагал довольный, улыбающийся человек; если в конце мощеной приусадебной дороги возы встречал любопытный сосед-единоличник, колхозники не торопились проехать мимо, не рассказав о своих достижениях.

— Все это заработано в колхозе. И это только аванс, в конце года получим еще больше.

Кто не ленился и не предавался сомнениям, у того нашлось чем наполнить свою клеть. Случалось, что иная колхозница, усердно работавшая на молочнотоварной ферме, увозила домой больше, чем муж, который прилежно обрабатывал приусадебный участок и старался обеспечить себя разным побочным заработком. Прямо-таки удивительно, сколько могла заработать обыкновенная женщина! Совершенно естественно, что у мужа появлялось желание сложить вместе и свой и женин заработок — это выглядело приличнее и можно было сказать не краснея: «Это наш аванс...»

Но случалось и так, что жена говорила: «Не смешивай свою бедность с моим богатством! Пусть люди видят, что ты лодырничал, тогда, может, тебя проймет стыд».

Именно так сказала своему мужу сестра Петера Гандриса — Зента Риекстынь. Сам Риекстынь не верил, что одной работой в артели можно обеспечить семью продовольствием, поэтому его чаще всего видели на базарах и у лавки потребительского общества, куда он сбывал ягоды, грибы и лекарственные растения, а не на колхозных полях.

Когда рядом с жениным зерном положили заработанное им зерно, все увидевшие это не могли сдержать усмешки. Послышалось многозначительное побрякивание.

— Откуда я мог знать, что так получится... — пробормотал Риекстынь, не зная куда девать глаза.

— Это потому, что вообразил себя умнее Советской власти, — заметил Регут. — Верил всяким остолопам, а общему делу не верил. Хорошо, что жена у тебя такая рассудительная, иначе неизвестно, чем бы ты сейчас кормил своих детей.

Когда мешки Зенты начали укладывать на телегу, Риекстынь пытался и свой мешочек пристроить, но та сурово его отстранила:

— Не порть картины! Пусть все видят, что твое и что мое! Если Регут даст лошадь, вези свои крохи, а не даст, тащи на спине. Там не так уж много, как-нибудь донесешь.

— Ну чего ты кричишь, Зента... — пытался утихомирить ее муж. — Неужели тебе это представление по душе? Ну, разок ошибся. Второй раз такой картины не увидят.

— Говоришь, не увидят? — переспросила Зента. — Чем ты это докажешь?

— Скоро сама узнаешь. Подожди до конца года.

— Честное слово?

— Честное слово, не сойти мне с места.

Тогда Зента сжалилась над ним и разрешила погрузить на общий воз и его долю. Но по дороге она еще раз пробрала его:

— Ты думаешь, мне не стыдно? Было бы приятнее, если бы твоя доля была больше моей. Погляди на Липстыней, они сейчас заживут, как никогда не жили. У обоих вместе шестьсот трудодней. Разве у нас не могло быть столько же? Мужик — как дуб, не знает куда силу девать, а ходит с кузовками по лесу, собирает ягоды да грибы. Раньше времени в старики записаться хочешь.

— Тише, женушка, тише... — успокаивал ее Риекстынь.

— Тьфу... — ответила Зента. — Прямо хоть плачь со стыда.

Что касается Липстыней, то Зента была права: они еще ни разу в жизни не были так обеспечены на зиму. Половину полученных в аванс продуктов они увезли на базар. После этого Ольга Липстынь сшила детям новую одежду, а себе заказала шерстяной костюм. В доме появился радиоприемник и новый мужской велосипед.

Эти факты не могли пройти незамеченными для окружающих. Многие единоличники, которые все лето и осень с недоверием наблюдали за колхозом, стали теперь призадумываться. Не проходило дня, чтобы в правление не заходил какой-нибудь ходок от единоличников или даже целые делегации. Как в свое время пурвайцы ездили на экскурсию в первый колхоз Советской Латвии, так сейчас к ним приезжали из ближних и дальних мест. Опять какие-то крупные события назревали в волости, и

Анна Пацеплис понимала, что осенью ей предстоит большая и ответственная работа. Семя коллективизации, посеянное в тщательно обработанную плодородную землю, приносило теперь первые плоды. Не надо было больше говорить о преимуществах колхозного строя, не приходилось ссылаться на чужие примеры — лучшим примером был первый колхоз Пурвайской волости. А так как это был одновременно и первый колхоз во всем уезде, то за его деятельностью и достижениями заботливо следило все уездное руководство.

Артур Лидум недавно был избран первым секретарем укома. Энергичный и неутомимый, он не мог усидеть в кабинете и большую часть времени проводил в волости и поселках. Он появлялся всюду, где пробивались робкие ростки новой жизни, и, как опытный садовник, заботился о том, чтобы равнодушные люди не вытоптали их. С его помощью Анне удавалось два раза в месяц получать квалифицированных лекторов и устраивать в Доме культуры лекции и по сельскому хозяйству, и по вопросам культуры, и по международному положению. Но Артур не мог сосредоточить все внимание на одной Пурвайской волости, которая во всех начинаниях шла первой по уезду, поэтому его здесь видели не больше раза в месяц, ни одно его посещение не проходило бесследно; он помогал многое упорядочить и разрешить, хоть на шаг продвинуть вперед новую жизнь. Весь свой опыт он передавал Анне, и это очень помогало ей в работе, поэтому нечего удивляться, что республиканские газеты все чаще и чаще писали о Пурвайской волости. На все слеты и совещания передовиков сельского хозяйства Пурвайская волость посылала своего делегата. Обычно ездили Анна, Регут или кто-либо из передовиков колхоза, а на последнее совещание послали заведующую молочнотоварной фермой Ольгу Липстынь.

...После выдачи первого аванса Риекстынь стал очень беспокойным. Регуту и бригадиру Клуге почти каждый день приходилось разговаривать с ним. На рассвете этот колхозник находил то одного, то другого и требовал:

— Давай работу. Что мне сегодня делать?

И не один Риекстынь старался исправить до конца года баланс своих трудодней; в дни осеннего сева и зяблевой вспашки можно было наверстать многое.

После уборки урожая в колхоз «Ленинский путь» вступили еще двадцать три единоличника. И снова трактор уничтожал межи, а территория колхоза постепенно превращалась в единый массив.

Одновременно с этим происходили еще более значительные события: одно за другим в Пурвайской волости прошли три собрания, и после

каждого рождалось по новой сельскохозяйственной артели. Рядом с «Ленинским путем» в строй молодых колхозов встали коллективные хозяйства «Радупе», «Победа» и «Комсомолец» — почти половина всех крестьянских хозяйств волости объединились в колхозы. Некоторые кулаки, увидев, что победная волна новой жизни рано или поздно потопит их, старались пробраться в колхозы, но у трудового крестьянства были достаточно зоркие глаза.

3

Уже второй день лил дождь. Анна стояла у окна и глядела на мокрую мураву двора, где паслось стадо гусей. Не обращая внимания на больших птиц, воробьи хозяйничали, как у себя дома, и клевали под носом у огромного гусака насыпанный хозяином корм. Перед коровником, спрятавшись от дождя под широким навесом, сладко позевывала собака.

На диване стоял раскрытый чемодан с вещами Анны. Рядом с бельем и туалетными принадлежностями лежали книги, несколько общих тетрадей и маленькая коробочка с янтарными бусами, которые подарил Жан ко дню рождения.

«Что еще взять с собой?» — думала Анна. То одно, то другое казалось ей лишним. Пальтишко, перешитое из военной шинели, отслужило свой срок, его заменило хорошее зимнее пальто. Темно-коричневый костюм надо взять, а как быть с лыжным костюмом? При обходе разбросанных крестьянских усадеб приходилось месить осеннюю грязь, шагать по снежным сугробам, и костюм был незаменим, а что с ним делать в Риге? «Пусть лежит. Может быть, когда-нибудь понадобится...»

Она давно стремилась поехать в Ригу учиться, но сейчас, когда вызов из партийной школы лежал на столе, было как-то жалко отрываться от любимой работы. Анна не сомневалась, что после ее ухода в жизни волости ничто не остановится, но весь день чувствовала себя беспокойно. С грустью всматривалась Анна в знакомый, незатейливый пейзаж, и в ее сердце пробуждалась нежность к этой однообразной, простой, овечьей осенней сыростью картине, ко всем людям, остающимся здесь.

Казалось, будто оголенные поля, мелкие рощицы тихо молят: «Не уходи, останься с нами, ты ведь видишь, что мы нуждаемся друг в друге».

Она вспомнила Айвара, и ей стало еще грустнее; он ведь останется здесь на всю зиму продолжать работы по осушке болота. Уезжая отсюда, она уедет и от Айвара, и все опять останется по-прежнему: смутные

догадки, предположения, недоговоренность. После праздника «Лиго» они ни разу не встретились наедине, и все, что между ними было, — это полные робких намеков слова Айвара. Временами Анне казалось, что он ее избегает, но в то же время девушка понимала, его отношение ничуть не изменилось: если раньше скромность Айвара не вызывала мыслей о том, что он сторонится ее, то теперь она довольно часто задумывалась над этим, и только потому, что сама стала иной. Поняв, что они с Айваром любят друг друга, Анна переменялась — вместе с мечтами пришла и робость, от нее только наглечь может освободиться без особых усилий, всем остальным она доставляет мучения.

Было ясно как день, что если бы Айвар пошел дальше в своих полупризнаниях, Анна не оставила бы его в неведении и кончилось бы их одиночество, как кончается власть тьмы с наступлением рассвета.

Сегодня Анна должна уехать. Через несколько часов она сядет в поезд и завтра будет ходить по улицам Риги.

«Знает ли он о моем отъезде?» — думала Анна. Сообщить об этом Айвару почему-то не хватало духу. Вся партийная организация знала, что парторг уезжает учиться и его место займет Клуга; комсомольцы приходили утром прощаться. Неужели никто ни слова не скажет Айвару? Было бы горько уехать, не пожав ему руки, не сказав несколько дружеских слов, в которых он, быть может, расслышит еле уловимое, ему одному понятное обещание.

«Напишет ли он мне? А если напишет, то о чем? Что я ему отвечу? Как все сложно, а могло бы быть просто, если бы сами люди не усложняли все...»

За стеной, в комнате хозяина, часы прокуковали три раза. Через пять часов ей надо быть на станции... Через полчаса в исполкоме ее будут ждать Клуга и Бригис, чтобы в последний раз поговорить о начатых и еще не оконченных делах. Социалистическое соревнование с Айзпурской волостью, рапорт руководству уезда и республики о выполнении плана хлебопоставок... открытие сезона в Доме культуры... Ничего, все будет хорошо.

Анна закончила сборы. Вещи, которые она не возьмет в Ригу, могут остаться здесь, Жан их сохранит до ее возвращения.

В половине четвертого она пришла в исполком и... застыла на пороге от неожиданности: ее комната была полна народа. Айвар, Финогенов, Регут, Бригис, Гайда, Жан, еще несколько членов партии и три председателя организованных осенью колхозов, как по уговору, улыбнулись Анне. Она поняла, что пришли сюда эти занятые люди только из-за нее и,

может быть, расстроили свои планы на субботний вечер. От их улыбок в комнате стало светлее. Волнение сдавило Анне горло. Как могла она думать об одиночестве, когда вокруг так много настоящих, надежных людей? И Айвар такой же сердечный и простой, как и остальные, только почему-то он в праздничном костюме и белом крахмальном воротничке, будто собрался на какое-то торжество.

Анна поздоровалась со всеми и села у окна.

Девушка заметила, что на столе лежали какие-то свертки и пакеты, а присутствующие переглядывались, будто без слов спрашивали о чем-то друг друга.

Но вот поднялся Финогенов, откашлялся и, застенчиво улыбнувшись, заговорил:

— Дорогой товарищ и прекрасный человек, милая Анна Антоновна... Мы пришли попрощаться с вами и пожелать вам наилучших успехов. Но прощаемся мы с вами ненадолго, через два года будем ждать вас обратно. Можете быть уверены, что кое-что вы здесь уже не узнаете, об этом позаботимся мы, ваши товарищи, остающиеся здесь, на месте. Вы найдете полностью коллективизированные деревни, новые нивы заколосятся на месте сегодняшнего болота. Всегда помните — мы ждем вашего возвращения. Чтобы ежедневно вам об этом напоминать, мы решили положить в ваш чемодан несколько подарков, без которых вам нельзя обойтись ни одного дня.

Развязав один из свертков, Финогенов поднес Анне двухтомник избранных произведений Ленина.

Глубоко растроганная, Анна поблагодарила товарищей.

Потом говорила Гайда, ее недавно вместе с Жаном Пацеплисом приняли в кандидаты партии и назначили заведующей Народным домом. Комсомольцы подарили Анне альбом фотографий, отражавший послевоенные достижения Пурвайской волости.

— Как мне все это доставить на станцию? — смеялась Анна. — Придется просить подводу.

— Если понадобится — хоть две, — сказал Регут. — Но, по всей вероятности, запрягать не придется. Я слышал, что ты поедешь не поездом.

— А как же я попаду в Ригу?

— Это тебе скажет товарищ Лидум.

Анна вопросительно посмотрела на Айвара. Тот улыбнулся так же странно и лукаво, как Клуга:

— Скажу после. Есть одна новость...

Анне очень хотелось узнать эту новость, очевидно уже известную

остальным.

Наговорившись вдоволь, все стали расходиться. Анна попрощалась с Гайдой, а Жана попросила пойти с ней на квартиру и захватить оставшиеся вещи, в том числе и новый велосипед. Жан сейчас же привлек к этому делу и Гаиду: ей, мол, удобнее отвезти дамский велосипед.

Айвар тоже пошел к Анне на квартиру, которая находилась тут же, по другую сторону большака. Жан и Гаида торопливо собрали вещи и ушли, показывая этим, что у них есть определенное представление о взаимоотношениях Анны и Айвара и что они не хотят мешать их прощанию.

Когда Жан и Гаида ушли, Анна посмотрела на Айвара и спросила:

— Что это за великая тайна, почему мне не придется ехать поездом?

— Тебе придется ехать по другой дороге... — ответил Айвар. — Давеча, когда тебя еще не было в исполкоме, звонил Артур. Он искал тебя, но когда узнал, что я здесь, просил позвать меня к телефону. Сегодня вечером, Анна, нам обоим надо быть в городе...

— Зачем, Айвар?

— Мы приглашены на свадьбу. Мой двоюродный брат женится. Кажется, для тебя не секрет, кто она?

— Нет, Айвар, это ни для кого уже не секрет, — улыбнулась Анна. — Как жаль, что я не знала раньше, ведь надо подумать о подарке.

— И я не в лучшем положении, — сказал Айвар. — Но это беда поправимая. Свадебный подарок можно послать и потом.

— Тогда сейчас же и отправимся?

— Выходит так. Мой мотоцикл в боевой готовности. Между прочим... — Айвар смущенно улыбнулся, — Артур хотел прислать за нами машину, но я его отговорил.

— Почему?

— Чтоб хоть немного побыть с тобой наедине.

Глаза Айвара смеялись, но в общем он казался почти торжественным, и Анна не могла понять, шутит он или говорит всерьез.

Вскоре она уже сидела в боковой коляске, и Айвар с такой тщательностью укутывал ее ноги шерстяным пледом, будто они отправлялись на Северный полюс.

Они выехали засветло. На полях еще работали крестьяне. В колхозном сарае гудела молотилка, а поодаль трактор тащил большой многолемешный плуг, луцивший стерню.

Дождь перестал, но было очень сыро и холодно.

Когда поля Пурвайской волости остались позади, Анна сказала

полушутя:

— Ты говорил, что хотел бы остаться со мной наедине. Разве только для того, чтобы молчать всю дорогу?

— Нет, Анныня... — вздохнул Айвар. — У меня есть одно предложение, но... я не знаю, как ты на него посмотришь.

— Какое же? — Анна попыталась произнести это как можно непринужденнее, но голос ее осекся. Он сказал «Анныня» так смущенно и робко, будто что-то запретное.

— Мой отец тоже будет сегодня на свадьбе, — продолжал Айвар. — Ты можешь поехать в Ригу с ним на машине.

— С удовольствием, вот хорошо-то! И это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет... это не все.

Айвар осторожно объехал какую-то лужу и только тогда взглянул на Анну.

— Я думаю, тебе не стоит устраиваться в общежитии. У нас с отцом удобная квартира из трех комнат в самом центре. Этой зимой меня почти не будет дома. Если бы ты согласилась жить... в моей комнате.

— Почему тебе этого хочется? — спросила Анна, хотя вопрос был совершенно лишним; она отлично знала почему, но все же хотела, чтобы Айвар сказал это сам... очень, очень хотела.

— Тебе это неприятно?

— Я этого не сказала... Но разве ты не можешь объяснить...

— Ладно, Анныня, скажу... Но только потом, когда ты согласишься жить в моей комнате.

— Позволь мне немного подумать, Айвар.

— Ладно, я подожду до утра.

Остальную часть пути они проехали молча. Айвар казался очень грустным. Анне стало жаль его, и она хотела уже признаться, что предложение Айвара обрадовало ее и что она принимает его, но та же нежная робость, которая до сих пор заставляла их обоих скрывать свои чувства, не позволила и на этот раз произнести искренние слова, которые мгновенно согнали бы грусть с лица Айвара.

В кабинете Артура Лидума происходило заседание бюро уездного комитета партии. Надо было обсудить несколько неотложных вопросов: о

подготовке школ к новому учебному году, о работе уездного партийного кабинета, об организационно-хозяйственном укреплении новых колхозов и разобрать персональные дела нескольких членов партии. Дела эти возникли после недавней ревизии уездного промкомбината и требовали незамедлительного разрешения.

Заседание началось в четыре. Артур надеялся кончить его часам к семи, так как основные вопросы были тщательно подготовлены, — неподготовленные вопросы он вообще не включал в повестку дня.

— Нельзя превращать заседание в совещание, — имел обыкновение повторять Артур совет своего дяди. — На совещаниях можно часами дискутировать по каждому вопросу, пока не будет достигнута полная ясность, а на заседании все вопросы уже должны быть настолько ясны, чтобы участники могли сразу определить свое отношение к ним. Если этого нет, значит вопрос недостаточно подготовлен.

Принимая решение, он строго придерживался принципа коллегиальности и давал каждому высказать свое мнение, но длинных речей не выносил, поэтому докладчики старались говорить деловито и лаконично, сберегая красноречие для более подходящего случая.

Если Артур видел, что докладчик начинает доклад от Адама или готовится прочесть академическую лекцию, он короткими направляющими вопросами выводил оратора на нужный путь и добивался того, что тот укладывался в несколько минут.

Но как он не сдерживал ораторов, с некоторыми ему все же не удавалось справиться. Самыми опасными были двое: заведующий отделом народного образования Рудзит и заведующая партийным кабинетом Эглите. Они оба обладали способностью хорошо начать любое выступление, но поставить в нужном месте точку не умели. Рудзит любил говорить пространно и академически о самых простых вещах, нанизывая одну цветистую фразу на другую и наслаждаясь модуляциями хорошо поставленного голоса, как певчая птица, которую захватывает собственное пение. Он не говорил: «Директор школы Н. работает плохо и его надо заменить более способным работником...», а излагал эту мысль примерно так: «Принимая во внимание индивидуальные качества директора школы Н., которые в конкретных условиях на данном этапе не соответствуют специфическим требованиям, какие выдвигает переживаемое время и историческая ситуация перед ответственными работниками народного образования, нам следует прийти к выводу, что практическая работа директора Н. не находится на должной высоте и было бы весьма желательно в возможно короткий срок сделать соответствующие

организационные выводы, выдвинув на вышеупомянутую должность другого, более подходящего работника». У Эглите было другое опасное свойство: она говорила быстро, без остановок, и прервать ее было так же невозможно, как задержать на полпути камень, катящийся по крутому склону с вершины горы. Она любила блеснуть к месту и не к месту длинными цитатами и сложными формулировками, которые скореегодились бы на семинаре политкружка повышенного типа.

И как раз в этот вечер основными докладчиками по повестке дня были Рудзит и Эглите, а поэтому заседание не сулило Артуру ничего приятного. Рудзит заговорил не торопясь, с удовольствием прислушиваясь к своему голосу. Его самодовольство было так велико, что даже повторные напоминания секретаря укома о том, что надо говорить короче и держаться ближе к делу, не сбили его. Подкрепляя свои положения, он не ограничился одним характерным примером, а демонстрировал их целую серию, к тому же со всеми подробностями. Проговорив полчаса, он еще не собрался переходить к выводам и предложениям, а когда наконец дошел до них, Артур не выдержал и, остановив Рудзита, сам прочел революционную часть проекта решения. Две-три минуты делового обмена мнениями, несколько дополнительных предложений, небольшое изменение проекта — и вопрос был решен. Рудзит вытирал со лба пот и довольно улыбался; члены бюро тоже вытирали пот, но на их лицах улыбок не было. Когда в конце стола с толстым портфелем в руках поднялась Эглите, члены бюро, как по уговору, тяжело вздохнули и каждый инстинктивно посмотрел на большие настенные часы.

О том, чтобы окончить заседание к семи часам, не могло быть и речи. В половине восьмого «тяжелые» пункты повестки дня были решены, Рудзит и Эглите ушли и бюро получило наконец возможность работать нормальным путем. Артур уже давно примирился с мыслью, что его гостям придется сегодня сесть за стол без него.

В одном из соседних домов в маленькой комнатке сидела Валентина Сафронова и читала верстку очередного номера уездной газеты. В последнюю корректуру вкралось несколько досадных ошибок, а когда все было исправлено, позвонили из Риги и сообщили, что на первой полосе завтрашнего номера надо обязательно поместить новый важный материал. Надо было высвободить место для этого материала, переверстать всю первую полосу и ждать, когда принесут из типографии новую корректуру.

В восемь часов Валентина получила наконец верстку. Снова затрещал телефон. Девушка сняла трубку и услышала голос Ильзы.

— Ты, детка, наверно, забыла, какое у нас сегодня событие? Артур

меня не удивляет, на него это похоже, но тебе-то уж следовало бы вспомнить.

— А который теперь час? — спросила Валентина. — Батюшки! Уже восемь! А я думала, что еще нет семи. Нас уже ждут?

— Все съехались: Анна, Айвар, Ян. Не хватает только главных героев и тех, кого Артур пригласит с собой. Поторопи их. Мои слова сегодня не действуют. Может, тебя послушают.

— Ладно, мама. Сейчас я ему позвоню...

Валентина прочла первую полосу и, подписав очередной номер, позвонила в уком партии. Секретарша Артура сообщила, что на бюро начали обсуждать последний вопрос.

Через четверть часа Валентина попросила соединить ее с Артуром.

— Сейчас кончаем, Валек... — быстро ответил он. — Когда освобожусь, позвоню тебе.

Валентина терпеливо ожидала обещанного звонка. Через пятнадцать минут решила, что ждала достаточно, и позвонила снова.

— Сейчас, сейчас!.. — уверял Артур. — Ты можешь надевать пальто и идти сюда, я тебя подожду на улице.

Валентина так и сделала, но не Артур, а она прождала его на улице минут двадцать.

— Неужели девять? — удивился Артур. — Прямо опомниться не успеешь, как летит время.

Взявшись за руки, они торопливо зашагали к дому. Пилаг и Индрик Регут, которые тоже были приглашены на свадебный ужин, зашли домой за женами.

— Валек, скажи мне правду, — шептал Артур, нагнувшись к ее уху, — ты меня еще хоть чуточку любишь или уже разлюбила?

Валентина ответила тем же шутливым тоном:

— Чего можно ждать от нелюбимой женщины, которую муж забывает в день свадьбы?

Они так весело рассмеялись, что серый кот, вышедший в ночной поход, как подброшенный пружиной взметнулся на высокий забор и, сверкнув зеленоватыми глазами, исчез в чужом дворе.

Только в десять вечера у Лидумов наконец сели за стол. Гостей было немного: Ян Лидум, Анна и Айвар, Пилаг и Индрик Регут с женами, — поэтому за столом все чувствовали себя просто и весело. Хотя в самом начале и было дано торжественное обещание не говорить о служебных делах, но минут через десять все о нем забыли.

Умолчим о том, что происходило за столом. Достаточно знать, что все

чувствовали себя уютно и от всего сердца желали Валентине и Артуру счастливой будущности. А Ян Лидум, наблюдая за радостными лицами новобрачных, время от времени тайком бросал взгляды на Айвара и Анну и думал, что сегодня приятно было бы видеть две пары вместо одной, но эта вторая пара, неизвестно почему, тянет и так неумело скрывает свои чувства, что просто смешно на них смотреть. Можем добавить, что немного позже и потанцевали, а Ильза, вырастившая сына, но сама не изведавшая семейного счастья, вышла в кухню и немного всплакнула — не от горя, конечно, а от избытка радости.

В три часа Пилаги и Регуты, попрощавшись, ушли, а Артур, Валентина, Айвар и Анна проводили их.

На обратном пути Айвар с Анной не спешили возвращаться. Медленно брели они по улицам.

— Обдумала ты мое предложение? — спросил Айвар.

— Да... обдумала, — тихо ответила Анна.

— Ну и что?

— Думаю, это очень хорошее предложение.

— Правда? Ты будешь чувствовать себя как дома, тебя никто не будет беспокоить и стеснять.

— А теперь ты скажешь, почему тебе хочется, чтобы я жила в вашей квартире?

— Скажу, Анныня, но только при одном условии.

— Опять условия? — улыбнулась Анна.

— Не условия, а дружеская просьба.

— Слушаю, Айвар.

— Обещай, что твое решение не изменится и в том случае, если тебе будет неприятно то, что я скажу. Это тебя ни к чему не обяжет.

— Ладно, Айвар, я обещаю... — Анна знала, что он скажет, и хотя еще не было произнесено ни слова, ее сердце чуть не выскочило из груди и только темнота помогла ей скрыть счастливое смущение.

— Причина очень простая и очень важная... — Голос Айвара дрожал от волнения. — С того часа, как я увидел тебя у церкви в день конфирмации, я полюбил тебя... С каждым днем ты становилась мне все милее и доро же... и нет у меня сил больше молчать. Прости, Анныня, что я так ворвался в твою жизнь. В твоей власти ответить на мое предложение или отвергнуть его, но только не лишай меня своей дружбы. Без нее я не могу жить.

Они дошли до подножия стоявшего на пригорке старинного замка. Сырой ветер раскачивал верхушки деревьев, срывал и разбрасывал целыми

пригоршнями пожелтевшие листья. Кое-где еще виднелись освещенные окна, в одном доме громко играл патефон, и собака откликнулась на звуки музыки прерывистым лаем.

Тогда Айвар впервые в жизни услышал слово «милый», звучащее такой искренностью, такой лаской; еще никто не говорил с ним так. Все воплощало в себе это коротенькое слово: и солнечную радость исполнившейся мечты, и нежный призыв, и клятву в верности, и невыразимую красоту жизни.

Они еще долго не возвращались домой. Взявшись за руки, бродили они по улицам темного города, словно плутая по лабиринту своего счастья. Для них все было новым, неизведанным. Теперь они хотели узнать друг у друга все, что когда-то думали и чувствовали при встречах. Как прекрасно было в эту ночь оглянуться на пройденный путь их любви, полной сомнений, неизвестности и одиноких мечтаний, и сознавать, что наконец-то этот путь соединил их жизни и что они никогда больше не потеряют друг друга.

Когда они наконец вернулись на квартиру Артура и Ильзы, Валентина сказала:

— Мы уже хотели искать вас, думали, что заблудились.

Айвар посмотрел на Анну, и оба улыбнулись.

— Заблудились? — сказал Айвар. — Нет, друзья, мы нашли самый правильный путь.

Нежный блеск в глазах Анны подтвердил, что они действительно нашли его.

— Так, так... — тихо сказал Ян Лидум, но больше ничего не добавил: он опасался сказать что-нибудь необдуманное и неподходящее, что могло нечаянно задеть эти юные души.

На следующий день после обеда Анна уехала с Яном Лидумом в Ригу. Айвар вернулся к Змеиному болоту. И хотя теперь там не было Анны, он знал — ее думы, ее чистая любовь будут сопутствовать ему на каждом шагу.

Глава девятая

1

Пронзительно затрещал будильник.

Айвар проснулся, нащупал в темноте часы и заглушил звонок. Обычно он без всякого будильника просыпался в половине седьмого, независимо от того, когда ложился спать. Более шести часов настоящего, глубокого сна ему не требовалось. Организм привык к постоянному режиму и легко переносил большую духовную и физическую нагрузку. Когда Айвар откладывал в сторону книгу и ложился в постель, он немедленно засыпал, а утром пробуждался свежим и сразу мог браться за работу.

Два раза в неделю он поднимался на час раньше и тогда требовалась помощь будильника.

Минут десять он занимался гимнастикой. Приятно было чувствовать себя здоровым и довольным жизнью. В последнее время Айвар не знал никаких противоречий между желаниями и действительностью. Его моральное состояние полнее всего выражало маленькое слово «счастье». Да, он был счастлив в самом подлинном значении этого слова — не околдован, не опьянен нахлынувшими чувствами, а сознательно счастлив. В таком состоянии человеку свойственно искать во всех вещах и явлениях прекрасное, и он находит это на каждом шагу. Сама многокрасочная и необъятная картина жизни становится для него воплощением красоты, наблюдая которую можно прийти только к одному выводу: жить хорошо!

Наступил тот тихий, неопределенный час, когда живое существо как бы находится еще на перепутье и не знает, что делать; у горизонта на востоке черный занавес постепенно превращается в серую вуаль, из-за которой все явственнее проступают голубоватые тона. Тогда запекает первая птица, и, повинувшись знаку невидимого дирижера, все новые и новые голоса пробуждающейся жизни вливаются в великий хор — скоро их будет такое множество, что не отличить один от другого. Шумит грядущий день!

Айвар сел к столу и начал писать Анне. Они писали друг другу два раза в неделю, и письма эти открывали что-то новое в каждом из них — то, что не удалось заметить, распознать за долгие годы знакомства. Многие уже не было тайной для Анны и Айвара, но что-то все же еще оставалось неясным, и, наверно, никогда не будет так, чтобы для человека раскрылся внутренний мир другого человека до последней подробности. Незвестное

не только привлекает, но и пугает; безгранично любя другого человека и изо дня в день сталкиваясь в повседневной жизни с различными проявлениями вульгарности и эгоизма, мы боимся обнаружить такие же качества в любимом человеке и страстно хотим, чтобы он остался гармоничным и тогда, когда узнаем его целиком. Того же хотели и Айвар с Анной. До сих пор каждое письмо было светлым, радостным ответом на их чаяния и робкие предположения. Они не ошиблись друг в друге. Это совсем не означает, что оба были совершенными. У них, как у каждого человека, можно было найти недостатки, но не следует забывать и той великой готовности прощать, которая характерна для любящих, — почему бы Анне и Айвару быть исключением?

Целый час писал Айвар, целый час разговаривал с Анной. Потом, съев завтрак, который приготовил на скорую руку, отправился на трассу.

Был конец осени, в воздухе чувствовалась близость зимы. Мерзлая земля по утрам покрывалась инеем, в канавах под тоненькой корочкой льда журчала вода. Когда солнце поднималось выше, земля оттаивала и ледок исчезал; но местами зимние приметы сохранялись до самого вечера. С колхозных полей убрали картофель, сахарную свеклу и все овощи, а озимые уже покрывали землю зеленым бархатом. Вся стерня была взлущена, хлеб обмолочен, и наступила та спокойная пора, когда люди больше заняты во дворах, выполняя работу, до которой раньше не доходили руки. Последние перелетные птицы — дикие гуси, утки и лебеди — улетали в теплые края. В лесах протяжно пели пилы, стучали топоры и дымились большие костры; один-другой возчик бревен уже отправлялся к лесным складам на станцию или на берег реки.

Рабочие мелиоративно-строительной конторы спешили закончить устройство мелкой сети в тех местах, куда могли подойти со своими машинами до уборки урожая. На многих полях было достаточно открытых канав, но местами, где процесс заболачивания зашел слишком далеко, приходилось снимать слой торфа и культивировать землю, поэтому работы хватало и болотному плугу и тяжелой дисковой бороне. Были вспаханы и все луга бывшей усадьбы Сурумы, та же участь постигла и пастбища.

Айвара ждали Регут и Алкснис: в этот день сдавали колхозу проделанную за прошлую десятидневку работу. Более часа обмеряли они канавы и культивированные участки земли, проверили возведенные устройства, дороги, мостики, сверили все с техническим проектом и составили приемо-сдаточный акт.

— Жаль, что в самом начале не остановились на дренаже вместо открытых канав... — сказал Регут, окинув взором сточную сеть. — С

деньгами было туговато. Теперь денег достаточно, но не хочется все переделывать наново. Подумай сам, товарищ Лидум, какая была бы картина — громадное, гектаров пятьдесят, поле без единой канавы и межи! Совсем другие условия для работы трактора. Со временем можно было бы пустить и комбайн.

— От этой мысли нельзя отказываться, — ответил Айвар. — Дренаж можно устроить и после, когда начнем работы на самом болоте, только надо предусмотреть это заранее.

— Придется подумать. Соберемся как-нибудь вечерком и подсчитаем, во что это обойдется. Может, осилим.

— Обойдется, конечно, намного дороже, чем открытая сеть, зато наша работа пойдет впрок колхозу. Затраченные средства окупятся в несколько лет. Ведь мы живем не только один год.

— Правильно, Лидум, я тоже думаю об этом. Если сегодня сделаешь что-нибудь потруднее, завтра этого не надо будет делать. Подумать только, какая жизнь будет у наших детей!

— Но мы не собираемся завидовать им... — засмеялся Айвар.

— Чего там завидовать. У них тоже будут свои большие трудные задачи.

— И еще какие, Регут! Сегодня мы это не можем даже представить.

Они закурили и разошлись, договорившись встретиться в следующее воскресенье, чтобы окончательно обсудить вопрос о дренаже. Регут отправился на молочнотоварную ферму проверять, как спорится работа у строителей нового коровника, а Айвар ушел на инчупскую трассу.

Там его ждал помрачневший и молчаливый Дудум: моторист второй смены испортил мотор экскаватора, и сейчас надо было срочно достать хоть из-под земли несколько запасных частей.

— Наверно, спал за работой, — ворчал Дудум. — Как это человек не чувствует, что с мотором что-то не ладится? Теперь простоим несколько дней.

Айвар записал, какие нужны детали, и обещал в тот же день связаться с министерством.

— Некоторыми деталями нас выручит товарищ Драва — не может быть, чтоб у них в МТС не было никакого запаса. Пока будут приводить экскаватор в порядок, надо будет побольше выжать из второй машины. Организуем третью смену, Дудум.

— Другого выхода нет, товарищ Лидум. Иначе мы здесь проканителиться до самого Нового года.

«Проканителиться...» — это было сказано слишком сильно: на

шестикилометровой магистрали, которая должна была соединить болото с Инчупе, осталось прорыть небольшой конец — метров четыреста, так что ни о каком Новом годе речь идти не могла.

— Ладно, товарищ Лидум, тогда я сегодня вечером перейду в третью смену на машину Пацеплиса, а тот теленок пусть сидит у моря и ждет погоды.

«Тот теленок», второй моторист экскаватора, молодой жизнерадостный парень, стыдливо стоял в сторонке и предоставлял Дудуму отводить душу: он знал, что любая попытка оправдаться еще больше рассердит механика.

Немного спустя Айвар разговаривал с Жаном Пацеплисом, который работал на втором экскаваторе.

— Как дела? Не надоело черпать это черное золото?

— А разве кому-нибудь уже надоело? — весело отозвался Жан, приостановив работу.

— Дудум больше не черпает.

— А, наконец-то и ему хватило. Удивительно. А я думал, что он хочет вычерпать все болото.

— На экскаваторе Дудума испортился мотор.

— Что говорят метеорологи? — поинтересовался Жан. — Скоро возьмемся за болото? До сих пор мы вроде как отрываем паучьи ноги, а хотелось бы добраться до самого паука.

— Теперь недолго ждать, — сказал Айвар. — Если метеорологическое бюро не подведет, через несколько дней над Змеиным болотом прокатится волна похолодания и вымостит дорогу твоему экскаватору.

— Нельзя ли поторопить метеорологов, чтобы скорее направляли сюда мороз? Если бы ты знал, Айвар, как я его жду!

— Все ждем, Жан. Тебе привет от Анны...

— Спасибо... — Жану почему-то стало неловко. Он хорошо знал, что между Анной и Айваром что-то есть, но никак не мог найти подходящий тон и притворялся, что ничего не понимает. Против дружбы Анны с Айваром (а там, наверное, было нечто больше обычной дружбы) у него не было возражений, а вот войти в роль будущего родственника ему было так же трудно, как, например, представить Римшу своим будущим тестем. — Эх, пусть только ударит мороз, тогда держись, болото!..

Экскаватор заработал снова.

Айвар взял шаблон и спустился в канаву. Поговорив с рабочими из колхозной бригады, он вернулся на машинно-тракторную станцию.

— Товарищ Драва, теперь тебе снова придется помочь мне, — обратился Айвар к директору МТС.

— Выкладывай. Если сумею, помогу с удовольствием. Когда Айвар изложил свои нужды, Драва вначале задумался, словно в чем-то сомневаясь, — больше, конечно, для виду, чтобы услуга казалась дороже, — а затем обещал узнать, нет ли в машинном сарае и в кладовых подходящих частей. Они нашлись. Потом Айвар связался по телефону с министерством, и ему обещали завтра же прислать недостающие части с работником, который едет в командировку.

Под вечер он снова отправился на трассу, принял работу за день и на обратном пути завернул на болото. Заиндевелый мох хрустел под ногами, вода между кочками замерзла, но когда Айвар попробовал каблуком прочность льда, нога погрузилась по щиколотку в грязь.

— Мало подморозило. Не выдержит машины. Хоть бы скорей подошла обещанная волна похолодания.

Айвар вернулся домой и, как обычно, хотел взяться за книги, но из этого ничего не вышло: в своей комнатке он нашел... Майгу Стабулннек, ждавшую его больше часа.

2

Они сидели в комнатке Айвара за столом и разговаривали. Майга чувствовала себя как дома, а Айвар никак не мог избавиться от ощущения скованности. Приход Майги поставил его в затруднительное положение, ее присутствие казалось чем-то неправильным, предосудительным. Словно угадав его мысли, Майга нарочно говорила громко, в коридоре безусловно было слышно каждое слово. Наконец Айвар не выдержал и попросил Майгу говорить потише.

Майга усмехнулась и, кивнув головой на фотографию Анны, спросила:

— Ты боишься, ей передадут о нашем свидании? Разве она такая ревнивая?

— Тебе обязательно хочется, чтобы люди сплетничали? — в свою очередь спросил Айвар.

Майга засмеялась.

— Ладно, как хочешь, но я бы никогда не подумала, что ты считаешься с такими мещанскими предрассудками. Ну, не сердись, не сердись. Чтобы успокоить тебя, скажу, что никаких плохих или коварных намерений у меня нет. Завернула сюда просто как к старому приятелю. Хотелось рассказать тебе про свою жизнь и посмотреть, как ты выглядишь, — ведь в этом ничего плохого нет. Знаешь, Айвар, ты похорошел.

— Не надо льстить, Майга.

— И не думаю. Почему ты сегодня ко всему относишься так подозрительно?

— Потому что мне до сих пор не ясна цель твоего прихода. Ведь не из любопытства же ты приехала сюда из Риги?

— Конечно, нет. Мне надо было получить метрику, иначе не выдают паспорта. Поэтому и приехала.

— И ты получила?

— Да, получила. Заодно завернула в Стабулниеки и посмотрела, как там хозяйничает Ольга Липстынь.

— Как тебе понравилось?

— Ничего... конечно, суетни и шума больше, чем раньше, а в общем — ничего не скажешь. Все чисто, во всем порядок. Даже мебель не растаскана.

— И ты все еще думаешь о ней?

— Нет, это просто так. Я примирилась. В конце концов, если бы даже все осталось по-прежнему, я все равно никогда не получила бы ни отцовской усадьбы, ни обстановки, — все досталось бы братьям. Нет, Айвар, с этим я примирилась. Нельзя до бесконечности жить воспоминаниями о прошлом и жалеть утерянное. Надо жить настоящим, надо думать о будущем.

— А ты подумала как следует?

— Мне кажется, да... — Майга немного помолчала, потом продолжала: — Я не из тех, кто всю жизнь может прожить в одиночестве. Заменять семью кошками и собаками тоже не желаю. Я выхожу замуж, Айвар...

— Поздравляю... и желаю счастья.

— От души или просто гак, ради приличия?

— От души, Майга.

— Спасибо. Он человек хороший. Работает главным бухгалтером в одном тресте. Был на войне, как и ты. А я и после свадьбы не думаю бросать работу. Между прочим, ты еще не знаешь, что я с июля не работаю на прежнем месте. Теперь я заведую столовой. Там я познакомилась с будущим мужем.

Айвар кивнул головой и ничего не сказал. Майге следовало бы уйти, но она не спешила.

— Почему ты ни разу не наведишь меня, когда бываешь в Риге? — спросила Майга.

— Я не обещал заходить к тебе, — ответил Айвар.

— Боялся... из-за нее? — Майга снова кивнула на фотографию Анны. — Ведь об этом никто не узнал бы.

Айвар посмотрел Майге прямо в глаза и сурово, спросил:

— Скажи правду: ты хоть немножко любишь своего будущего мужа?

— Конечно, люблю, но тогда ведь я его еще не знала и никаких обещаний ему не давала. Если бы я тогда немножко пожила с тобой, большой беды не было бы, но ты не можешь расстаться со своими старомодными предрассудками.

— А где ты собираешься сегодня ночевать?

— Не знаю. Неужели так никто и не сжалится надо мной и не впустит переночевать? От тебя, конечно, такой любезности не дождешься... ты боишься сплетен.

— Какие у тебя здесь еще дела?

— Никаких.

— Тогда ты еще успеешь на рижский поезд. Посмотрев на часики, Майга покачала головой.

— Поезд отходит через час, а до станции двенадцать километров.

— Я отвезу тебя на мотоцикле.

Майга, вздохнув, встала.

— Если ты действительно такой негостеприимный, то мне ничего другого не остается, как ехать.

— Тут гостеприимство ни при чем, Майга... но так будет лучше для нас обоих, — сказал Айвар. — Пойми меня правильно: я желаю тебе добра. Хватит теней былого, не бросай еще новую тень на свою жизнь.

— Да, теперь я вижу — ты никогда не был моим... — прошептала Майга. — А я, глупая гусыня, годами надеялась...

Пять минут спустя они уже ехали по большаку. Все покрыла густая осенняя темень. Кое-где мерцали огоньки в окнах крестьянских изб, лаяли собаки и шумели старые сосны. Когда до станции осталось километра два, Майга заговорила:

— Ты, конечно, считаешь меня легкомысленной, но это не так. Мне только хотелось на прощание взять с собой в новую жизнь хотя бы одно настоящее яркое воспоминание — один миг настоящей близости за все долгие годы нашего знакомства. Тогда было бы о чем вспоминать. Я знаю, ты меня никогда не любил, но я тебя очень любила. Знаю, ты не можешь быть моим, и я не домогаюсь невозможного, но с меня хватило бы одного мига счастья. Хотя бы одно мгновение чувствовать, что я твоя... но ты мне отказал в этом. Может, так оно и лучше, кто его знает...

— Мне очень бы хотелось, чтобы не пришлось тебе презирать себя в

будущем.

— Можешь не беспокоиться. Я буду верной женой и хорошей матерью...

Не доезжая немного до станции, Майга попросила остановить мотоцикл.

— Расстанемся здесь. Будь здоров... моя скупая мечта.

— Будь счастлива, Майга.

Она крепко пожала Айвару руку и ушла, ни разу не оглянувшись. Айвар смотрел ей вслед; когда она достигла станции и скрылась за дверью, он повернул мотоцикл и поехал домой. Весь вечер он сердился на Майгу, и в то же время ему было жаль ее. Но виноватым перед ней он себя не чувствовал.

3

Однажды ночью в начале декабря задул северо-восточный ветер: казалось, что где-то за лесами и полями внезапно растворилась заиндевелая дверь огромного ледника и из нее вырвалось наружу холодное дыхание, замораживая все, что попадалось на пути. Утром край небосвода вспыхнул бледно-зеленым светом. Воробьи нахохлились и искали убежища под теплыми стрехами. Трещал мороз, разрисовавший за одну ночь оконные стекла сверкающими цветами, и люди спешили в тепло.

— Ну и щиплет! — говорили они, потирая замерзшие руки.

Деревья покрылись инеем и снова стали пышными, будто на них выросли белые мерцающие листья. Земля под ногами звенела, как камень.

Проснувшись, Айвар взглянул на сказочно разукрашенное окно и понял, что произошло то, чего он ждал всю последнюю неделю. Быстро одевшись, он поспешил к болоту и еще до света обошел всю главную трассу. Он пытался пробить каблуком лед и добраться до слоя торфа, но лед не поддавался. Рыхлый верхний слой земли превратился в толстую прочную корку, она не прогибалась, когда на нее наступал человек.

«Скоро начнем... — думал Айвар, — Если мороз продержится хоть сутки, можно будет смело пустить на болото машины».

Отводный канал от речки Инчупе до болота был уже вырыт, второй экскаватор починен и отправлен на другой конец болота — туда, где раудупский канал упирался в трясину. Рабочие всю последнюю неделю вырубали кусты, срезали кочки и освобождали болотную землю от редких пней, которые свидетельствовали, что когда-то на этом месте высились

стройные ели. Для каждого экскаватора были заранее построены деревянные мостки. Колхозники подвезли к трассам крепёжный материал, а Айвар проверил пикетные знаки, кое-где заменил колышки и возобновил отметины.

И вот однажды, когда солнце уже поднялось над болотом, люди столпились у экскаватора Дудума, чтобы посмотреть, как старый мастер въедет со своей машиной на болото. Болото заскрипело под гусеницами, будто застонав в бессильной злобе, но не было у него больше силы засосать непрошеного нарушителя покоя.

Стрела, описав плавную дугу, повернулась к концу вырытого канала, и далеко по просторам болота отдался металлический грохот, когда могучий ковш начал вгрызаться в мерзлую землю. Большими кусками отламывалась твёрдая торфяная кора, на солнце сверкали вмерзшие в поры почвы ледяные кристаллы. Сняв твёрдую верхнюю кору, ковш экскаватора скоро достиг незамерзшего слоя и стал легко наполняться до краёв. Вместе с рыхлой землёй в воздух поднималась грязь, и по обе стороны магистрали медленно росли кучи вынутой болотной земли. Когда было вырыто несколько метров нового канала, Дудум подал машину назад, въехал на следующий настил, а первый с помощью тросов вынули из углубления и поместили позади машины.

Убедившись, что здесь все в порядке, Айвар направился к противоположному концу болота. Жан Пацеплис был уже у своего экскаватора. Дождавшись Айвара и колхозников из мелиоративной бригады, Жан со своей машиной медленно въехал на установленный в конце канала настил и после небольшой подготовки принялся за работу. И снова хрустел лёд, злобно стонало болото, будто в его чёрную грудь безжалостно вонзилось огромное копьё, острие которого нащупывало самое сердце.

«Попиши, понищи... — думал Жан. — Сколько хочешь моли, никто тебя не пожалеет, так же как не жалело никого ты».

Холодный, насквозь пронизывающий ветер обжигал лицо, когда Жан высовывал голову из моторной будки; в воздухе носились редкие снежинки, повсюду вокруг трассы, как темные злые глаза, угрюмо глядели застывшие болотные окна. Одну за другой перерезали жилы болота, и грязная, мутная жидкость мелкими струйками стекала по откосам вырытого канала и, скрываясь под ледяным покровом ранее вырытой магистрали, стремительно бежала к реке.

Бульдозер спешил выровнять кавальеры, пока земля еще не замерзла, а колхозники заглаживали и укрепляли участок нового канала, поэтому на

трассе царило большое оживление. Везде грохотали машины, и, разговаривая, приходилось громко кричать. Время от времени люди похлопывали по бокам озябшими руками и переминались с ноги на ногу. Рядом с трассой в кустах горел костер, к нему по очереди подходили рабочие погреться и покурить.

Жан оставил на несколько минут моторную будку и, присев на кочку у костра, съел кусок хлеба. На душе у него было радостно и немного тревожно. Поколения людей не осмеливались начать борьбу со страшным врагом, и болото, как огромный дракон, неутомимо пожирало плодородные земли, с каждым днем становясь все огромнее и прожорливее. Теперь человек осмелился, наконец, подняться на борьбу, и он, Жан Пацеплис, находится в самом авангарде — разве это не счастье, не огромная честь? Сердце его билось от гордости и радости; он готов был целыми сутками сидеть у руля машины и не уходить, пока не будет закончена вся работа.

Айвар весь первый день провел на болоте, переходил от одного экскаватора к другому, наблюдая за их работой, помогая рабочим не только советом, но часто и руками.

Словно угадав мысли Жана, Айвар присел рядом с ним к костру и, закусывая ломтем мерзлого хлеба и жареной свининой, обратился к парню:

— Ну как, дождался все-таки? Жан улыбнулся и кивнул головой.

— Да. Больше мне ничего не надо.

— Что ты думаешь делать, когда осушим болото? Останешься здесь или уедешь с Дудумом на какое-нибудь другое болото? Ведь теперь у тебя новая квалификация. Да и заработок неплох.

— Все это верно, но на комбайнах будет еще интереснее.

— Вернешься к Драве?

— По всей вероятности. Он обещает взять меня бригадиром, а я договорился, что вернусь только, когда на болоте больше не будет работы экскаватору.

— К весне мы должны все закончить.

Поев, Жан вернулся к машине. Стемнело рано. На экскаваторе засветился мощный прожектор и, как громадное золотое копьё, далеко-далеко впереди себя рассек темноту. На противоположном краю болота вспыхнул другой прожектор, он зажигался и потухал, как огромный глаз, приветливо мигающий издали. Жан повернул кабину и ответил на приветствие Дудума.

Не зная, сколько времени продержится мороз, Айвар организовал работу в три смены. В десять часов вечера Жан Пацеплис сдал машину сменщику, но не спешил уходить. Отойдя немного в сторону, он долго

наблюдал за его работой и остался ею недоволен.

«Халтурит, поганец... как бы не свалился с платформы... еще разобьет машину... — думал он, с тревогой наблюдая за нервными, дергающими движениями ковша. — Новичок остается новичком. Словами ему ничего не вдолбишь».

Он, наверно, долго простоял бы здесь, если бы не подошел Айвар.

— Идем, Жан, домой. У меня для тебя новость, — сказал он.

— Вот как? — Жан посмотрел на Айвара. — Ладно, идем...

«Наверно, что-нибудь про Анну... — подумал он, шагая рядом с Айваром. — Видно, получил письмо».

Айвар шел таким быстрым и широким шагом, что Жану пришлось как следует поднажать, чтобы не отставать от него, хотя и сам он был не из малорослых. Всюду между кочками был лед, и приходилось все время балансировать, однако, пока они дошли до края болота, каждый успел растянуться во весь рост.

4

Жан ошибся: то, о чем хотел рассказать ему Айвар, не имело отношения к письму Анны.

Почувствовав под ногами ровную почву, Айвар, будто между прочим, заметил:

— Организуется несколько новых МТС. Одна здесь же, на севере нашего уезда.

— Вот как? — отозвался Жан. — Старые, наверно, не справляются. Теперь стало больше колхозов, не успевают обрабатывать всю землю.

— Пока еще справляются, но когда волна коллективизации прокатится через всю Латвию, тогда будет поздно организовывать. Мы должны быть готовы сегодня же.

— К тому, кажется, идет, Айвар.

— Несомненно. Я слышал, что директором одной из новых МТС будет кто-то из работников нашей машинно-тракторной станции.

— Наверно, Финогенов? — довольно равнодушно заметил Жан.

— Нет, Жан, Финогенов пока останется здесь, — ответил Айвар. — Директором уходит старший агроном Римша.

— Римша? — от неожиданности Жан даже остановился. Его равнодушие как рукой сняло. — Не может быть!

— Почему не может быть?

— Тогда я что-нибудь услышал бы от... — он осекся и стал глядеть в сторону, — от рабочих. Никто ничего еще не знает.

— Это стало известным только вчера. Римшу вызвали в Ригу — в министерство и в Центральный Комитет партии. Если его кандидатуру найдут подходящей, ему сразу же придется переехать на новое место.

— Вместе с семьей? — вырвалось у Жана. Он готов был откусить себе язык за неуместный вопрос, но уже было поздно. Айвар невольно улыбнулся, он понял, чем встревожен юноша.

— А как же иначе, — сказал Айвар. — Если уедет глава семьи, уедет и семья... Что же тут удивительного?

— Нет... я ничего... просто так... чему ж тут удивляться.

Весь остальной путь Жан молчал. Нарочно отстав немного от Айвара, он с грустью думал: поедет Гайда с отцом или останется здесь? Вряд ли — Гайде оставаться здесь незачем. Она и на новом месте найдет подходящую работу... и новых друзей. Но тогда развалится хореографический кружок, некому будет руководить им... Прощай мечта об участии в республиканском Празднике песни! Если Гайда уедет, все остановится и развалится. Кончатся тренировочные поездки на велосипеде, республиканские соревнования на первенство по велокроссу пройдут без Жана Пацеплиса. И даже Пурвайская МТС перестанет привлекать его. С одинаковым успехом можно будет водить трактор в каком-нибудь дальнем уезде.

Агроном Римша был хороший человек, простой и искренний в обращении с людьми, и Жан желал ему всяческих успехов, но в тот вечер он никак не мог совладать с одним эгоистичным желанием: как бы хорошо было, если бы министерство или Центральный Комитет нашли, что Римша не подходит на должность директора. Все бы осталось по-старому, жизнь текла бы по прежнему руслу, и рано или поздно произошло бы то, о чем уже давно мечтал Жан. Он не был уверен в чувствах Гайды, но был убежден, что потеряет ее навсегда, если она уедет отсюда. Забудет, подружится с другим и станет жить счастливо, будто никакого Жана Пацеплиса и нет на свете.

— А далеко это? — вырвался у него другой необдуманый вопрос, когда до усадьбы Урги оставалось всего несколько сот шагов.

— Что? — спросил Айвар.

— Эта новая МТС...

Айвар назвал дальнюю волость. После этого Жан ни о чем больше не спрашивал. На дворе МТС они попрощались. Айвар пошел к себе, а Жан еще немного постоял посреди двора, смущенно глядя на освещенные окна

второго этажа. Там, за этими окнами, была Гайда... и скоро ее здесь не будет.

В рабочем общежитии хлопнула дверь, кто-то шел по двору. Жан поспешил уйти, пока его не увидели.

В общежитии все уже знали об уходе Римши: под вечер он позвонил из Риги, говорил с женой и велел собираться, на новом месте уже была приготовлена квартира для директора.

Жан поужинал и лег спать, но через каждые полчаса вставал и выходил во двор. Немного повертевшись перед окнами Римши и ничего не увидев, он возвращался обратно.

— Что с тобой, живот заболел, что ли? — спрашивали его товарищи. — Наверно, на болоте надорвался.

— Побудьте в моей шкуре, тогда узнаете, что это... — пробормотал Жан, предоставляя им думать все что угодно.

— Нелегко это, целый день поворочайся в болоте, — сочувственно заметили товарищи.

Около полуночи со двора донесся шум мотора «газика». Не иначе как приехал Римша. Не обращая внимания на замечания товарищей, Жан опять поднялся и вышел из общежития. Он не ошибся: агроном Римша стоял у машины и доставал из нее какие-то узлы. Когда Римша вошел в дом, Жан подошел к шоферу и как ни в чем не бывало спросил:

— Что нового?

— Новости разные, — ответил шофер. — Наш агроном уезжает.

— Это я уже слышал. А скоро?

— Завтра. Вещи повезут на грузовике, а я отвезу семью.

— Им для погрузки, наверное, нужны будут помощники?

— Все может быть... — ответил шофер и поспешил с «газиком» к гаражу.

Жан вернулся в общежитие. «Весной, когда кончим работы на болоте, — думал он, — я с успехом могу поступить трактористом в новую МТС. Римша будет еще больше нуждаться в людях, чем Драва. Если нельзя устроиться бригадиром, пойду трактористом».

Эта мысль немного успокоила его, и он проспал несколько часов. Утром, поднявшись сразу же после ухода первой смены, Жан вышел во двор. Ну конечно! Грузовик уже стоял перед домом, вся семья Римши и рабочие МТС выносили вещи.

Жан подошел к ним, поздоровался с Гайдой и стал помогать. Очевидно, вещи были упакованы заранее, поэтому погрузка шла быстро и закончилась раньше, чем Жан успел расспросить обо всем Гайду. Она не

спешила рассказывать и была так спокойна, будто в ее жизни ничего не изменилось. Ее уравновешенность, деловитость даже немного задела Жана.

«Странная какая... — подумал он. — Такое равнодушие, будто я вовсе не существую. Даже не собирается попроситься как следует».

Когда же вся семья Римши, одетая по-дорожному, вышла из дому, произошло что-то совсем непонятное. Гайда вела свой велосипед, но укладывать его на машину не стала. Когда в «газик» сели отец и мать, Гайда расцеловала их, помогла укутать ноги одеялом, но сама с ними не села. Грузовик тронулся и не спеша выехал со двора, за ним последовал «газик». Гайда помахала всем рукой, затем спокойно села на велосипед и уехала по направлению к волисполкому. Жан понял — происходит что-то непонятное, и ему надо немедленно действовать. Он стрелой метнулся в дом и выкатил свой велосипед. Он только еще вскочил на седло, а велосипед Гайды уже скрылся в лесу у старой, наполовину разобранный усадьбы Сурумы, но Жан был бы плохим кандидатом в чемпионы по велокроссу, если бы не догнал девушку на полпути к Народному дому.

...Прошлой ночью, когда Жан, охваченный тревожными мыслями, ворочался на кровати, в квартире Римши происходил серьезный разговор. Узнав, что отец завтра же должен переехать со всеми пожитками на новое место, Гайда села у окна и долго смотрела на темневшее в глубине двора общежитие. Когда мать напомнила, что пора бы и ей уложить вещи, Гайда спокойно сказала:

— Я никуда не поеду.

— Как не поедешь? — мать всплеснула руками, а отец от удивления пожал плечами. — Куда же ты денешься?

— Останусь здесь. Может, переберусь поближе к Народному дому, в комнату Анны Пацеплис. Она сейчас свободна.

— Что за вздор?! — возмутилась мать. — С каких это пор тебе надоело жить с родителями?

— Вовсе не надоело, — возразила Гайда тем же спокойным тоном. — Но меня никто еще не освободил от работы, и я не могу бросить на произвол судьбы все, что мне доверено. Пока не найдут нового заведующего Народным домом, мне придется остаться, ведь это естественно.

— Гайда права... — сказал отец. — Работа остается работой.

— Но ты ведь ненадолго останешься здесь? — спросила мать. — Неужели в волости не найдется другого заведующего? Через неделю ты уже сможешь приехать, а вещи, которые тебе пока не нужны, мы завтра

захватим с собой.

— Я думаю, что останусь здесь дольше, чем на неделю, — ответила Гайда. — Какая же я буду коммунистка, если брошу недоделанную работу. Как-никак, за все культурные начинания в волости отвечаю я. Мы возлагаем большие надежды на предстоящий Праздник песни... Кроме того, физкультурная работа, она было так хорошо наладилась... Я уж не говорю о комсомольской организации — ведь за нее я отвечаю не меньше, чем за Народный дом... Нет, об отъезде нечего и думать. Я должна остаться и продолжать работу.

— Но как же ты будешь жить одна? — не успокаивалась мать. — Что люди скажут?

— Скажут, что поступаю правильно! Рано или поздно мне все равно придется жить самостоятельно. Не маленькая, мне уже двадцать два года. Подумай, мама, на что это будет похоже: молодая коммунистка ведет интересную работу, приносит обществу пользу, вдруг все бросает и становится безработной барышней, иждивенкой родителей! Со стыда можно сгореть!

Она принялась помогать родителям упаковывать вещи. Когда мать попыталась снова вернуться к прерванному разговору, Гайда объявила, что она все решила окончательно и бесповоротно и об этом не стоит столько говорить. Скоро мать вышла в кухню. Агроном посмотрел на дочь, свою любимицу, лукаво улыбнулся и спросил:

— Ну, давай начистоту: правда ли, что тебя задерживает только Народный дом и комсомольская организация? Не замешано ли здесь и сердечко?

Внезапный румянец на щеках Гайды подтвердил подозрения отца.

— Поступай, как найдешь нужным, — сказал отец. — Я не сомневаюсь, что ты проживешь и одна, но нас с матерью все же не забывай.

— Папа, как ты можешь так говорить! — воскликнула Гайда и, взяв голову отца в свои руки, тормошила его до тех пор, пока он не признался, что последние слова сказал только в шутку. Тогда Гайда расцеловала его в обе щеки и отпустила.

Так это было прошлой ночью. А сейчас велосипед Гайды ловко лавировал между замерзшими рытвинами большака. Вдруг посреди леса рядом с велосипедисткой затрещал звонок другого велосипеда.

— Что все это значит? — Жан не нашел более умного вопроса.

— Что? — удивилась Гайда.

— Ну, вот то, что ты... что твои родители уехали, а ты осталась...

Гайда пожалала плечами и сошла с велосипеда.

— Разве я не имею права остаться здесь? Или ты недоволен, что я не уехала с родителями? Жаль, не знала раньше, что я нежелательный человек в Пурвайской волости.

— Что за вздор, — горячо запротестовал Жан. — Хорошо, что ты осталась. Я как раз приветствую твое решение.

— Почему? — улыбнулась Гайда.

— Просто так. Мне нравится, что ты здесь, вот и все. Мы сможем вместе тренироваться к велокроссу... и тому подобное. — Гайдаostroила серьезное, почти сердитое лицо и пристально посмотрела в глаза Жану.

— Ты думаешь, что я только потому осталась, чтоб кататься с тобой по лесу? Спасибо. Вы, уважаемый товарищ, довольно высокого мнения о себе.

— Почему ты всегда понимаешь меня превратно и ловишь на слове! — огорчился Жан. — Ясно, что у тебя были свои серьезные причины. В конце концов мне все равно, почему ты осталась, важно только, что так получилось. Ты не хотела оставить работу, пока она не доведена до конца, вот и все.

— Конечно. Разве ты на моем месте поступил бы иначе?

— Ни в коем случае!

Гайда внимательно посмотрела на Жана, как бы проверяя, так ли он думает, и снова села на велосипед. На опушке леса, неподалеку от волостного исполкома, она еще раз остановилась и сказала:

— Я хочу снять ту комнату, где прошлым летом жила твоя сестра. Но ты со мной не ездил. Так будет... лучше.

— Ладно, Гайда... у меня и времени-то нет. На следующей неделе я буду работать в первой смене, тогда мы как-нибудь вечером опять проедемся по маршруту кросса, а?

— Если ты будешь столь великодушным и разрешишь мне участвовать в поездке... — насмешливо ответила Гайда, нахмутив брови, но потом не выдержала и весело рассмеялась.

Жан смотрел ей вслед, пока она не подъехала к дому, где когда-то жила Анна, затем сел на велосипед и понесся обратно к машинно-тракторной станции.

«Замечательная девушка... ну, такая... ну, прямо такая... даже не выскажешь словами...» — думал он, изо всех сил нажимая на педали, будто они были самыми заклятыми его врагами... Жан с улыбкой глядел на заиндевелые деревья, мимо которых проносился, многозначительно кивнул головой старой ели и сказал:

— Так-то!

И казалось, старое дерево от неожиданности вздрогнуло, задрожали

его густые ветви, и на землю упало облако белых блестящих цветочков инея.

5

В конце декабря с экскаватором Дудума произошло несчастье: поздно ночью, когда на машине работал один из молодых мотористов, экскаватор, отступая на несколько метров от конца вырытой канавы, сполз правой гусеницей с настила, накренился и опрокинулся. Как будто только этого и ожидая, предательское болото раскрыло пасть и грозило поглотить своего покорителя. Когда Айвар, узнав об этом, прибежал на трассу, экскаватор уже наполовину погрузился в трясину.

Никто не хотел признавать себя виновным в случившемся. Айвар донельзя обозлился, но, понимая, что этим делу не поможешь, поспешил организовать спасательные работы: поднял на ноги людей свободных смен, колхозников мелиоративной бригады и попросил в помощь людей из МТС. Наскоро изготовили несколько новых настилов, и на следующий день к месту аварии удалось подвести мощный трактор с лебедкой.

На твердой земле поднять экскаватор не составляло бы никакого труда, но как это сделать на предательском болоте, которое только того и ждет, чтобы заманить в свою глубину еще одну жертву — трактор? С огромным терпением и настойчивостью воля людей вырвала у болота его жертву. Как только удавалось немного приподнять опрокинувшийся экскаватор, люди подсовывали под него доски, камни, крепежный лес. К следующей ночи борьба за машину продвинулась настолько, что и под вторую гусеницу подвели новый настил.

Айвар ни на минуту не покидал места аварии, не спал двое суток. Голодный, грязный, весь в поту, он работал за троих. Когда экскаватор наконец был установлен на трассе, Финогенов стал уговаривать Айвара пойти домой и немного отдохнуть, но тот отказался.

— Пока машина не начнет работать, я останусь здесь. Иначе, того и гляди, опять провалится.

Дул леденящий ветер, на морозе стыли лица. У Айвара по спине бегали мурашки. Не обращая на это внимания, он пробыл на болоте до зари, пока удалось, наконец, вынуть первые ковши земли. Убедившись, что все наладилось, Айвар ушел в МТС. Всю дорогу его знобило. Дома он немедленно разделся и лег в постель.

Вечером пришлось пригласить врача. Зултер сказал, что у него

воспаление легких.

— Придется недельки две пролежать в постели, если все будет благополучно. А в случае осложнения эта штука может обойтись гораздо дороже.

— Что за ерунда! — заволновался Айвар. — Вы знаете, что мне некогда валяться. Сделайте так, чтобы я дня через три смог вернуться в строй.

— Это от меня не зависит.

— Но я не могу лежать дома, когда начались самые горячие работы. Понимаете, товарищ Зултер, не могу...

— Вам надо было подумать об этом раньше. Это же сущее безумие — простоять потным всю ночь на морозе!

В конце концов Айвар сдался, но просил ничего не сообщать о его болезни отцу и Анне.

— Если уж со мной случилась такая беда, дадим хоть другим людям спокойно жить и работать. Что пользы, если они будут тревожиться и не спать по ночам?

Две недели боролся он с болезнью... за две недели ни разу не позвонил Анне, а если иногда поздно вечером раздавался звонок из Риги, Айвар просил Финогенова сказать Анне или отцу, что он уехал и неизвестно, когда вернется.

В середине января, когда Айвар начал вставать с постели, в одно из воскресений приехали Ян Лидум и Анна. Айвар был еще очень слаб, и Анна сразу догадалась, что с ним что-то случилось. Айвар все рассказал и долго выслушивал упреки Анны и отца.

— Ведешь себя, как мальчишка, — сердился Лидум. — А ну как не поднялся бы с постели, вдруг пришлось бы отдать концы, — чудесно сберег бы нас от неприятностей. Задай ему, Анныня, как следует — он тебя боится больше, чем родного отца.

Когда Лидум оставил их вдвоем, Анна действительно хорошенько пробрала Айвара.

— Я слышала, что партийная организация вашего министерства будет на следующем собрании решать вопрос о приеме в партию Айвара Лидума. Мне свою рекомендацию придется взять обратно. Думаю, что так же поступит и второй рекомендуемый — Инга Регут. Улыбаться нечего, я говорю вполне серьезно.

— Почему же такая немилость, Анныня? — продолжая улыбаться, спросил Айвар.

— Потому что ты жестокий человек, Айвар, — заключила Анна, —

жестокий и беспощадный. Меня, например, ты ни чуточки не жалеешь. Ни одного звонка, ни одного правдивого слова... Я могла подумать все что угодно, а он...

— Он готов искупить свою вину и обещает в другой раз так не делать! — воскликнул Айвар. — Если хочешь, буду теперь каждое утро телеграфировать, какая у меня температура.

Наконец Айвар был прошен.

Вечером, навестив Жана и отца, Анна уехала вместе с Яном Лидумом в Ригу. А Айвар снова засел за книги, чтобы наверстать упущенное: через неделю надо было ехать в Ригу, и он хотел сдать очередной зачет в Сельскохозяйственной академии.

6

В середине февраля экскаваторы кончили работу на болоте и их направили в Айзупскую волость (летом будущего года там предполагали развернуть большие мелиоративные работы). Жан Пацеплис сдержал данное Драве слово и перешел обратно на работу в МТС бригадиром только что организованной новой бригады трактористов: в Пурвайской МТС сейчас стало три тракторных бригады.

Болото оседало медленно, словно нехотя.

За зимние месяцы Айвар не раз совещался с председателями окрестных колхозов, а те в свою очередь — в обширной семье колхозников, и все признали, что вместо открытых канав на Змеином болоте надо устроить сеть закрытого дренажа. Технический проект был исправлен, и теперь на месте работ лежали большие юры керамических труб.

После небольшого перерыва, необходимого для подготовки завершающего, решительного наступления на болото, после смены некоторых машин и заготовки всех необходимых материалов работа на Змеином болоте закипела с новой силой.

Айвар несколько раз побывал в Риге по служебным делам и каждый раз, пользуясь случаем, сдавал экзамены в Сельскохозяйственной академии. В конце мая он сдал последние за третий курс. В ту же весну Артур Лидум окончил заочное отделение Высшей партийной школы и сдал кандидатский минимум. В связи с этим ему пришлось провести несколько недель в Москве и поработать под руководством известного ученого. Артур уже выбрал тему для диссертации на звание кандидата экономических наук и

энергично собирал материалы, решив закончить эту работу за два года. Тема была весьма актуальная и интересная — о проблемах коллективизации сельского хозяйства в Советской Латвии. Бывая в новых колхозах, Артур интересовался всем новым и характерным. Нередко он советовался с Айваром и уточнял ту или иную подробность, которая ему была еще недостаточно ясной. Он не сомневался, что после завершения сплошной коллективизации, то есть в ближайшие два-три года, одной из самых насущных проблем в Советской Латвии должна была стать ликвидация хуторской системы, и в этом случае недопустимо было никакое упрощенчество, не пригодны никакие шаблоны — нужно было глубоко продуманное практическое решение с учетом всевозможных мелочей. Вот это сейчас занимало Артура Лидума, это было главной темой его бесед с Айваром, с председателями колхозов и с различными работниками сельского хозяйства.

Вместе с руководителями колхозов и уездными работниками сельского хозяйства Айвар много думал о землеустройстве Змеинового болота после окончательной осушки. Здесь имелась полная возможность развить крупное образцовое молочное хозяйство с большими лугами, клеверными полями и пастбищами. С таким же успехом можно было организовать и зерновое хозяйство, механизировав все полевые работы, используя тракторы и комбайны. Все это, конечно, должно быть вполне современным и соответствовать последним достижениям науки и техники.

«Хорошо, когда человек умеет красиво и смело мечтать, — думал Айвар, мысленно обозревая свою работу и работу других, — но какое огромное счастье, когда у людей есть возможность воплотить свои мечты в действительность». Такая возможность была дана ему и всем советским людям, которые сегодня в стране победившего социализма строили коммунизм под водительством коммунистической партии. Самая простая, казавшаяся заурядной работа становилась творчеством, а каждый маленький работник в этой огромной семье — творцом.

Валентина быстро сжилась со своей новой семьей. По правде говоря, процесс полной духовной спайки начался давно — еще в грозные годы войны; поэтому Валентина, Артур и Ильза, став членами одной семьи, только окончательно завершили его. Это произошло безболезненно, никому из них не надо было чем-то жертвовать, отказываться от чего-то такого, что

раньше было важной и неотъемлемой частью личности. Наоборот: ничего не теряя, ничем не жертвуя, все они обрели что-то новое. Узнав о замужестве дочери, мать Валентины, как это свойственно многим тещам, вначале пыталась хоть издалека, в письме, опекать новую семью, давала многочисленные советы Валентине, как вести хозяйство, как закрепить в семье и обществе положение хозяйки дома, не забывая она намекнуть и на необходимость «взять вожжи в руки с первого же дня, так как потом сделать это гораздо труднее». Валентина решительно ответила матери, что ее беспокойство напрасно, что менее всего она хочет держать мужа под каблуком. Когда Артур сдал государственные экзамены в Высшей партийной школе, он несколько раз навестил тещу, и она убедилась, что зять — хороший, умный и культурный человек и что нет никаких причин опасаться за счастье единственной дочери. Но окончательно ее сердце успокоилось только, когда она в самой середине лета приехала в Латвию и несколько недель прогостила у Валентины. Она быстро подружилась с Ильзой и убедилась, что та так же мало походит на старый тип «лихой свекрови», как день на ночь. Ян Лидум, с которым она познакомилась незадолго до отъезда в Москву, прямо-таки очаровал ее своею простотой, искренностью и меткостью суждений.

— Чудесные люди... — говорила она дочери. — В твоей семье чувствуешь себя свежей, бодрой, даже не хочется уезжать, так легко у вас дышится...

Почему там было так хорошо? Не потому, конечно, что Валентина, Артур и Ильза старались прочесть в глазах другого каждое желание. Изредка и здесь спорили, иногда даже тучка заволакивала солнце, но они не давали злой силе себялюбия властвовать в их жизни, никогда не делали из мухи слона и честно старались понять друг друга. При таких отношениях было нетрудно первому подать руку примирения, общими усилиями вытащить невзначай уколывшую занозу, пока ранка не загноилась, и превратить в шутку то, что еще недавно угрожало семейному согласию. Валентина иногда любила подразнить Артура; он отвечал ей тем же, и обычно дело кончалось веселым смехом, потому что оба они обладали на редкость развитым чувством юмора, — у кого этого чувства не хватает, тому опасно шутить, но еще опаснее шутить с таким человеком. В жизни Валентины и Артура смех был неотъемлемым элементом, и они не опасались, что дружеская шутка может когда-нибудь превратиться в злую насмешку, как это иногда бывает, если вместо дружбы источником остроумия является недоброжелательность, досада, желание блеснуть и показать свое превосходство. Обычно самые острые споры возникали,

когда на «семейном совете» решали, на что истратить общие доходы, что купить и кому первому сшить новое пальто, костюм или платье. Каждый старался убедить остальных, что ему ничего не нужно, а в первую очередь надо позаботиться о других членах семьи. Решающее слово в таких спорах принадлежало Ильзе. Но когда выяснилось, что Валентина с Артуром ждут прибавления семейства, все согласились, что теперь в первую очередь надо заботиться о нем, о будущем советском человеке, — со дня появления на свет он ни в чем не должен чувствовать недостатка.

8

В Народном доме Пурвайской волости всю зиму и весну кипела работа. Драматический кружок под руководством участкового врача Зултера разучил несколько пьес и выезжал с некоторыми постановками на гастроли в Народные дома соседних волостей. Директор школы Жагар без устали готовил хор для большого Праздника песни, и Гайда тщательно шлифовала мастерство участников хореографического кружка, шаг за шагом добиваясь того, чтобы в исполнении танцев чувствовалось артистическое изящество, легкость и слаженность. Удивляться этому не приходилось — большинство членов коллектива уже почти три года участвовало в открытых выступлениях. Прошлым летом на смотре художественной самодеятельности хореографический коллектив Пурвайской волости занимал одно из первых мест по уезду и теперь твердо рассчитывал на поездку в Ригу.

Подготовка к республиканскому Празднику песни и участие в уездном Дне песни совпадали с началом спортивного сезона, и кое-кому из молодежи нередко приходилось разрешать трудную задачу: чему больше уделять внимание — художественной самодеятельности или физкультурным занятиям? Гайда и Жан иногда попадали в затруднительное положение, не зная, как распределить свое время: тренировку к велокроссу нельзя было совместить с репетициями хореографического кружка. Гайда уже хотела отказаться от поездок в пользу кружка, ведь в первом случае дело касалось только ее, тогда как второе было делом целого коллектива.

Республиканское состязание по велокроссу и шоссейным гонкам состоялось в середине мая; в них от Пурвайской волости участвовали трое: Гайда Римша, Жан Пацеплис и Эвальд Индриксон. В состязаниях участвовало много представителей сельской молодежи, и старым мастерам приходилось считаться с этими серьезными конкурентами. В женском

велокроссе Гайда получила один из призов. В мужском кроссе Жан вышел на второе место, а Эвальд Индриксон, тренировавшийся специально к шоссейным гонкам, занял третье место. Благодаря достижениям пурвайцев к концу состязаний команда их уезда выдвинулась на второе место по республике и увезла домой диплом и приз.

Узнав по радио о результатах состязаний, Драва прислал Гайде и Жану восторженную поздравительную телеграмму. Эвальда Индриксона он не поздравил, считая, что это дело Регута. Зато Регут показал себя человеком более широкого размаха: в своей телеграмме Эвальду он не забыл поздравить Гайду и Жана, хотя они не были членами его колхоза.

...Уездный День песни был проведен во второй половине июня, когда у крестьян было больше свободного времени: весенние полевые работы закончены, а сенокос еще не начался. Пурвайцы послали на праздник объединенный хор четырех колхозов волости — это была новая черта в культурной жизни республики. И хор и хореографический кружок завоевали право участвовать в республиканском Празднике песни и за несколько дней до большого фестиваля народного искусства поехали в Ригу, чтобы принять участие в репетициях объединенного грандиозного хора и хореографических коллективов.

Словно огромный цветник, запестрела столица республики тысячами ярких национальных костюмов. Как гигантский сказочный орган, зазвучала обширная эстрада на площади Коммунаров, когда запели многие тысячи голосов.

Большой праздник начался парадным шествием участников по центру города, мимо здания Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии к стадиону «Динамо» — вечером там должны были состояться выступления танцоров. Город за городом, уезд за уездом во главе с секретарями партийных комитетов и председателями исполкомов прошла перед рижанами колонна участников. Если бы собрать все цветы, что несли в руках участники шествия, все венки, украшавшие головы женщин, выросла бы огромная гора, и кто в состоянии охватить и измерить всю радость, счастье и гордость, выраженные в улыбках, в восторженных взглядах, в биении сердец освобожденных людей!

На второй день праздника на площади Коммунаров пел объединенный хор. Звучали старинные латышские народные песни и песни братских советских народов. Над рижскими башнями плыли волны звуков, лило свое золото солнце, и казалось, что реки, ручьи и само синее море стремятся присоединить свои голоса к величавому гимну, который пел человек

своему народу и Отчизне.

...В заключительном концерте в Театре оперы и балета, где выступали только премированные коллективы, участвовал и объединенный хореографический коллектив пурвайских колхозников. Гайда получила присужденную ей жюри награду — прекрасный деревянный ларец с янтарной инкрустацией, выполненной в национальном стиле, и почетную грамоту. Почетную грамоту получил и хор пурвайцев. Большая, длившаяся годами работа увенчалась заслуженным успехом.

Большинство пурвайцев после окончания концерта сразу же уехало домой. Только те, у кого в городе были родственники и друзья или неотложные дела, остались в Риге. Среди них были Гайда Римша и Жан Пацеплис. Ян Лидум пригласил их погостить несколько дней на даче, где сейчас жила и Анна.

Жан и Гайда впервые увидели море. Спокойное и ласковое, озаренное июльским солнцем, лежало оно в необозримых берегах, покоряя своим простором. Человек полей и лесов, впервые очутившийся на побережье, чувствует простор моря глубже и острее, чем тот, кто всю жизнь прожил на его берегу.

Словно хмельные, бродили Жан и Гайда по пляжу и прислушивались к лепету волн, который не прекращался ни днем, ни ночью, как бы тиха ни была погода. Крики чаек, сверкающие в открытом море паруса яхт, черные силуэты пароходов на горизонте и шуршание нагретого песка под босыми ногами навевали чудесное, не то мечтательное, не то тревожное настроение. Хотелось петь, улыбаться, слиться с великой природой, как отдельные капли воды сливаются с океаном.

Они купались несколько раз в день, а по вечерам, когда к ним присоединялась Анна, втроем сидели на дюне и смотрели, как солнечный шар, подобно красноватому раскаленному углю, медленно погружался в море; казалось, что солнце вот-вот начнет шипеть, коснувшись воды, а море закипит в том месте и над ним поднимется белый пар.

Ян Лидум редко приезжал с работы раньше полуночи, но никто без него не садился ужинать и не ложился спать.

— Почему вы не взяли с собой Айвара? — шутливо упрекал он своих гостей. — Неплохо бы и ему несколько дней подышать морским воздухом и проветрить мозги, иначе они скоро пропахнут торфом.

— Мы его приглашали, да он отказался, — оправдывался Жан. — Сейчас у него самая страдная пора. До осени он хочет закончить культивацию болота, чтобы колхозники могли в нынешнем году засеять всю площадь.

Анну, успешно закончившую первый курс партийной школы, Ян Лидум уговорил провести каникулы у него на даче; таким образом, впервые за всю жизнь она получила возможность отдохнуть. Два раза в неделю она ездила в город, ходила в музеи и на выставки, побывала на гастрольных спектаклях Московского Художественного театра; два спектакля ей удалось посмотреть вместе с Айваром, который приезжал по служебным делам на несколько дней в Ригу.

Ян Лидум предоставил Гайде и Жану свою «Победу» и рекомендовал им несколько маршрутов. Они побывали на нескольких фабриках и заводах, построенных и реконструированных после войны, в Музее народного быта, прошлись по маршруту велокросса в Межа-парке, где несколько недель тому назад состязались с лучшими велогонщиками республики. Под конец они съездили в Сигулду.

Великолепно отдохнув и, как выразилась Гайда, чуть не лопааясь от обилия впечатлений, они вернулись через неделю в родные края и с новой энергией взялись за работу. Жану и его бригаде пришлось поработать несколько месяцев на колхозных полях соседней волости, поэтому до наступления зимы он редко встречался с Гайдой.

Глава десятая

1

Прошел еще год...

По Латвии прокатилась волна коллективизации; теперь в колхозах республики было объединено около девяноста процентов всех крестьянских хозяйств.

Летом 1949 года Анна Пацеплис окончила партийную школу. Она собиралась отдохнуть вместе с Айваром на одном из южных курортов, а после этого должна была приступить к работе в Пурвайской МТС — ее назначили заместителем директора по политчасти на место Финогенова, а он уходил директором в одну из новых МТС. Комиссия, распределявшая выпускников партийной школы, наметила было Анну вторым секретарем укома партии, но, приняв во внимание семейные обстоятельства Анны (месяца два назад она вышла замуж за Айвара), изменила свое решение.

Весной Айвара приняли из кандидатов в члены партии. Закончив недавно четвертый курс Сельскохозяйственной академии, он вернулся на работу в министерство и руководил одним из отделов управления. Ему приходилось много времени проводить в уездах и новых колхозах, что соответствовало его склонностям: Айвара увлекала практическая работа в сельском хозяйстве, непосредственное общение с новой, формирующейся на его глазах жизнью, с живыми людьми. Видя это, руководство обещало после окончания академии назначить его директором селекционной станции или опытного хозяйства, но Айвар мечтал о другом. Когда однажды он поделился своими планами с отцом, Ян Лидум счел нужным помочь ему.

Вскоре после того как Анна закончила партийную школу, Ян Лидум собрался в очередную поездку по своему избирательному округу и будто случайно предложил Анне сопровождать его. Но совсем не случайно министерство предложило Айвару быть в ближайшее воскресенье в Пурвайской волости, где в тот день должно было произойти что-то важное и необходимо было присутствие представителя министерства. Недаром несколько дней тому назад Регут и председатели трех других колхозов волости целый час просидели в кабинете министра и вышли от него с таким видом, будто добились большой победы.

Ян Лидум с Анной выехали из Риги в четверг утром. По дороге Лидум

завернул в один уездный центр, где было предприятие его министерства. В последнее время у директора завода возникли недоразумения с главным инженером. Причина раздора, как потом выяснилось, заключалась в том, что оба уважаемых работника слишком доверяли своим женам и принимали за чистую монету все то, что те рассказывали за обеденным столом. Они не замечали, что между женщинами разгорелась борьба за ведущую роль в местном обществе. Было смешно и грустно, когда два честных и разумных работника смешивали свои личные дела со служебными, и Ян Лидум считал, что авторитет министра не пострадает от того, что он вмешается в этот спор двух семейств, — и не такие конфликты приходилось ему разрешать. Пока Анна осматривала старый, еще при тевтонах основанный город, Лидум около двух часов беседовал со спорщиками. Он объяснил, как нелепа и недостойна вражда, и добился того, что недавние противники пожали друг другу руки и обещали всегда иметь в виду, что общественное дело надо ставить превыше всего — даже выше хорошего или плохого настроения жены.

После этой операции Лидум отправился дальше.

Когда он в субботу вечером после собрания поразмыслил над всем услышанным, еще раз прочел вопросы, пожелания и предложения избирателей и сравнил их с теми, какие ему приходилось разрешать несколько лет тому назад, его поразила широта новых интересов крестьян, их смелость, размах, стремительный рост сознания. Почти заглохли споры по налоговым вопросам, сетования на мелкие бытовые неурядицы, на взяточников, неудовлетворительную работу торговой сети не потому, конечно, что не было больше этих недостатков, что исчез последний взяточник и торговая сеть работала идеально, а просто люди научились разрешать вопросы другим путем, с помощью органов партии и советской власти, не дожидаясь вмешательства депутата. И здесь, в молодой советской республике, простой советский человек почувствовал себя наконец хозяином, смело заговорил обо всем, что ему казалось необходимым для продвижения жизни вперед.

— Послушай, Анныня, — сказал Ян Лидум, когда машина выехала со двора Народного дома и понеслась по отремонтированному шоссе к уездному городу, — ведь это лучший ответ всем поджигателям войны и мракобесам. Чего только не поручили избиратели своему депутату! Вот опять одно болото осточертело окрестному населению, и люди решили его осушить. Или вот восемь колхозов предложили объединенными усилиями построить сельскую электростанцию на многоводной реке. Приходилось ли тебе раньше слышать такие речи? И кто мог так говорить? Понимаешь ли,

что все это значит? Ну, отвечай, ученый марксист...

Анна улыбнулась.

— Закон диалектики доказал свою несокрушимую силу в условиях Советской Латвии. Новое победило старое и, вступив в свои права, продолжает победное шествие.

— Правильно, Анныня, но это еще не все. Жизнь нашей республики и народа наконец достигла той ступени, когда она целиком сомкнулась с жизнью всего великого советского народа, и мы вместе, как единое целое, строим коммунизм. До сих пор нам надо было во многом наверстывать упущенное, на каждом шагу приходилось встречаться с особенностями и исключениями, для ликвидации которых требовалось время. И на это была дана нам известная историческая скидка, как новичкам. Теперь нам больше не надо никаких скидок. В одном темпе, плечом к плечу — вперед!

Ты понимаешь, Анныня, что это значит? Это значит, что наш народ совершил громадный скачок в своем хозяйственном и политическом развитии, и это только потому, что нам на каждом шагу помогали все советские народы, потому, что о нуждах латышского народа всегда думали и заботились Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство. Только поэтому мы сегодня ушли так далеко.

Он снова углубился в записи и откровенно радовался каждой новой черте, которую ему удавалось разглядеть в общей картине жизни. Какой-нибудь вчерашний единоличник, поработав некоторое время в колхозе, внимательным глазом следил за всем, что происходило в общественном хозяйстве; заметив, что у председателя слишком щедрая рука и коллективное добро начинает уплывать, он не молчал и не глядел по сторонам, а бил тревогу, призывал на помощь депутата, если ему казалось, что другие работники слишком медлят и долго раскачиваются. Его уже не могли запугать никакие административные окрики и угрозы задетых критикой обывателей, — уверенный в правильности своих действий, он знал, что в советской жизни всегда побеждает правда.

— Быстро, очень быстро растут люди, — сказал Лидум. Хотя он говорил это уже много раз, но каждая новая встреча с народными массами вновь приводила его к этому выводу и каждый раз вывод имел новое обоснование.

Впереди замелькали огни города. Гладкая дорога вдруг кончилась, и машина до тех пор прыгала по выбоинам и колдобинам булыжной мостовой, пока не достигла главной улицы, залитой асфальтом. Это наблюдалось возле почти всех маленьких городов. Остряки болтали, что горсовет нарочно не ремонтирует этот переходный пояс между городом и

деревней, чтобы дремлющие при езде по гладкому большаку шоферы проснулись в нужном месте и без происшествий въехали в город. На самом деле это был один из пережитков старого строя; это было запоздалое отражение векового спора между городом, волостью и государством, напоминание об уродливом принципе «мое и твое». Испытав на своих старых костях неприятное влияние этого «принципа», Ян Лидум еще раз достал свою записную книжку и что-то отметил в ней.

— Чистейший позор, не могут сделать такой мелочи... — проворчал он. — Ничего, я не дам им покоя, пока не исправят мостовые.

Машина остановилась у дома, где жили Ильза и Артур, — здесь решили переночевать.

2

Спать в ту ночь пришлось мало. Пока сын Артура и Валентины, маленький Янит, не закончил свои дневные дела, он находился в центре внимания. Отметив недавно свой первый юбилей, он сделал в день своего рождения первые шаги и мог теперь самостоятельно, без посторонней помощи, добраться до любого угла того маленького мира, который состоял из трех комнат, передней и кухни. Новые открывшиеся перед ним возможности стали причиной новых забот всей семьи: от Янита, как от огня, приходилось беречь газеты, книги, бумаги — все, что попадало ему в руки, он безжалостно рвал на клочки, находя в этом занятии особую радость, которую понять не суждено взрослому человеку. После того как малыш завладел копией диссертации Артура и две первые страницы превратил в мелкие клочки, даже Ильза, которой все, что вытворял внучек, казалось хорошим и умным, признала, что нового гражданина надо кое в чем ограничить: лексикон его обогатился одним веским словом «нельзя».

Весной Артур опять провел несколько недель в Москве и успешно защитил кандидатскую диссертацию, вскоре она должна была выйти отдельной книжкой.

— А что ты думаешь делать дальше? — поинтересовался Ян Лидум.

— На следующую пятилетку запланировал докторскую диссертацию. Тема окончательно еще не выработана, но думаю, она будет связана с нашей аграрной политикой. Что бы ты сказал о такой теме: «Пути строительства коммунизма в колхозной деревне»?

— Хорошая и интересная тема.

— Пока дело дойдет до защиты диссертации, сама наша

действительность предоставит столько конкретного материала, что хоть отбавляй.

— А как с Академией наук? — спросил Лидум.

Сразу после присвоения Артуру кандидатской степени один из институтов латвийской Академии наук пригласил его научным сотрудником.

— Пусть еще подождут, — ответил Артур. — Научной работой можно заниматься не только в стенах института, а в любом месте, где живут и работают люди. Вся наша жизнь — наука. Когда поднакоплю побольше знаний и опыта от самой жизни, тогда можно будет подумать о каком-нибудь академическом кабинете.

— А если партия признает, что ты и сегодня более необходим в академическом кабинете, чем в уездном комитете?

— Тогда я подчинюсь требованию партии. Но надеюсь, что несколько лет мне еще дадут поработать здесь.

— Сомневаюсь.

— Ты, дядя, что-нибудь знаешь? — Артур озабоченно посмотрел на Яна Лидума.

— Краем уха слышал, что тебя хотят перевести в Ригу и поставить во главе одного нового управления, об организации которого имеется правительственное постановление, — ответил Лидум. Вокруг глаз у него собрались мелкие морщинки, он прикусил губу — видимо, ему было известно что-то совершенно определенное. Поняв это, Артур задумался.

— Тогда с докторской диссертацией навряд ли что выйдет, — тихо проговорил он.

— Почему? — удивился Лидум. — Деятельность управления будет тесно связана с темой твоей диссертации. Приятное, как говорится, будет соединено с полезным. В конце концов для чего тебя партия пестовала, закаляла и учила, если ты хочешь полжизни коптеть на одном месте? Так не годится, дорогой мой, мы с каждым днем должны давать партии все больше и больше.

— Я так и предполагал делать.

После этого Ян обратился к Ильзе:

— Каковы твои планы на завтра? Сможешь ты поехать с нами в Пурвайскую волость?

— И думать нечего, Ян... — ответила Ильза. — Завтра в нашем детском доме большой праздник. Приедут гости из Риги — два Героя Советского Союза и детский писатель. Я организовала встречу, поэтому надо быть и самой. Дети подготовили выступления — декламация, песни,

танцы. Будет небольшая выставка — покажем изделия старших воспитанников, рисунки, рукоделия.

— Да, тогда тебе обязательно надо быть там, — сказал Ян. — Ведь это твоя большая семья.

— Я и маленького Янита возьму с собой, — продолжала Ильза. — У него там будет много новых друзей. Пусть Валентина спокойно едет с вами — ей, как редактору, непременно надо поехать.

— Редактору следовало бы пойти и на детский праздник, — вставила Валентина. — Не каждый день бывают встречи с такими замечательными людьми. Наша газета не может пройти мимо этого события.

— Попрошу писателя, пусть он для вас напишет, — сказала Ильза. — А если у него не будет времени, попробую сама, так что о статье, дочка, не беспокойся.

— Спасибо, мама! — Валентина поцеловала Ильзу. — Ты прямо-таки незаменима. Наша газета приобретет нового постоянного сотрудника, и я спокойно могу поехать на Змеиное болото.

Редактируя уездную газету, Валентина в то же время сотрудничала в республиканской печати и давала очерки в один из журналов. Она не старалась блеснуть сенсацией, не сгущала краски и не прикрашивала факты вымыслом; то, что являла сама жизнь, было интереснее и прекраснее всех выдумок. Артур говорил в шутку, что Валентине опасно показывать все, что происходит в уезде, — она в своих очерках и корреспонденциях не замалчивала недостатки и называла собственным именем то или иное неприятное явление, не щадя ответственных работников. Случалось, что после этого некоторые товарищи по нескольку недель ходили насупившись и недружелюбно посматривали на Валентину, но ее не смущали такие мелочи.

На следующее утро Ян Лидум, Анна, Валентина и Артур уехали в Пурвайскую волость, а Ильза, взяв с собой внука, отправилась на вокзал встретить гостей. В ожидании великого события в детском доме отсчитывали минуты и с нетерпением наблюдали за дорогой: не покажется ли «газик» тети Ильзы?

...Выдался солнечный жаркий день, так что шофер опустил тент. Почти на каждом километре машина останавливалась, так как Ян Лидум не мог равнодушно миновать ни одной новостройки, ни одного большого поля или сада. Артур хорошо знал свой уезд и давал пояснения.

— Этот Народный дом кончили строить только весной. На обратном пути заедем его посмотреть. Знатоки утверждают, что зрительный зал обладает превосходной акустикой, даже шепот на сцене слышен в самом

дальнем углу зала.

А через десять минут ему приходилось объяснять еще что-нибудь.

— Вот в этом стаде есть корова Магоне, которая дала за прошлый год пять тысяч литров молока, в этом году надеются увеличить удой еще на пятьсот литров. Доярка награждена орденом Трудового Красного Знамени. Посмотри туда, на новый коровник. Он принадлежит колхозу «Память Ильича». Там все механизировано, даже доение. У них свое электричество от воздушного ротора. Дрова и то не пилят вручную.

— Гм, да... — проговорил довольный Лидум. — Как видно, над твоей докторской диссертацией работает много народу. А ты еще сомневаешься — вряд ли что выйдет?!

На одном перекрестке Ян Лидум вышел из машины и прочел многочисленные указатели на столбе:

— «Борьба», «Коммунар», «Будущее», «Путь Ильича», «Золотая нива», «Дзирнупе», «Первое мая», «Сельскохозяйственная артель имени Ленина»... Куда теперь девались все эти Кална-Бренчи, Дундури и Путринькалны?

— Туда же, куда и серые бароны, — они остались лишь в горькой памяти народа, — сказала Анна. После двух лет отсутствия она на каждом шагу замечала что-нибудь новое, а чем ближе подъезжали к Пурвайской волости, тем больше было поводов для удивления.

В одном месте пришлось свернуть с большака и по объездному пути подъехать к временному мосту. Метров на двести ниже по течению, где раньше был железобетонный мост, оба берега реки были сильно изрыты; видны были штабеля стройматериалов, какие-то механизмы начатого строения.

— На это стоит поглядеть, — сказал Артур.

Машину остановили и пешком направились к месту стройки.

— Будущая гидроэлектростанция, верно? — спросил Ян Лидум.

— Да, здесь будет электростанция, — ответил Артур, и глаза его заблестели. — Хотим будущей весной к Первомаю сдать в эксплуатацию. Двенадцать колхозов получают свет и электроэнергию для всех своих нужд.

— Конец керосиновым лампам и прочим копилкам, похоронный гимн старым уютгам и примусам! — воскликнула Валентина.

— А пурвайцам что-нибудь достанется от этого? — спросила Анна.

— В том-то и штука, что они заберут почти половину энергии, — ответил Артур. — Но это будет честно заработано: до сих пор большую часть рабочих и возчиков для строительства давали колхозы Пурвайской волости.

— Беспокойный народ, — шутливо заметил Ян Лидум. — Если будут все так работать, быстро достигнут коммунизма.

Через несколько километров они снова были вынуждены остановиться. На огромном ржаном поле колхоза «Ленинский путь» они увидели комбайн.

— Вот это я понимаю! — сказал Лидум. — Комбайн на полях Латвии! Чувствуете, друзья, — комбайн!

Да, действительно, это был самоходный комбайн «С-4», прекрасный подарок братских советских республик. Подобно кораблю, спокойно плыла по золотистым волнам могучая машина, оставляя за собой через ровные промежутки кучки обмолоченной соломы и широкую полосу коротко остриженной стерни. Сверкали на солнце светлые крылья хедера, гудел молотильный барабан, и струя обмолоченного зерна равномерно текла в зерно-приемник.

Когда комбайн приблизился к большаку, Анна узнала в комбайнере своего брата Жана. Достигнув края поля, он повернул машину параллельно большаку, сошел с нее и подошел к «Победе». Лицо его изменилось, маленькие темные усики делали его старше и мужественнее.

— Что ты делаешь, голубчик, что ты делаешь! — Лидум покачал головой. — Пока другие в церкви молятся, ты хочешь один скосить и обмолотить все озимые. Оставь что-нибудь и другим.

Жан широко улыбнулся.

— А где они, эти богомольцы, товарищ Лидум? Кроме матушки Гандрис, Рейнхарт на своих проповедях никого из наших не видит.

— Давно ты плаваешь на этом корабле? — спросила Анна.

— Позавчера впервые выехал в поле. Еще два-три дня, и озимые «Ленинского пути» будут скошены и обмолочены.

— А зерно не слишком влажно? — поинтересовался Артур.

— Как раз впору, что надо. Прямо с комбайна можно везти на заготовительный пункт и сдавать государству. Поглядели бы вы, что здесь творилось позавчера...

— А что? — спросил Лидум; сорвав колос, он растер его на ладони и, когда высыпались зерна, попробовал на зуб. — Да, ждать нельзя, надо скорее убирать, иначе начнет осыпаться.

А Жан, улыбаясь, сказал:

— Когда комбайн впервые выехал в поле, дома, наверно, не осталось ни одного человека. Большие и малые, старые и молодые — все высыпали поглядеть, как работает эта «чертова машина». Именно так прозвали ее раньше женщины. Старая Гандриене даже поплакала, теперь, мол, наступит

голод — половина зерна останется в колосьях, а у соломы скосят только верхушку. Когда комбайн тронулся, большая толпа шагала следом, люди мерили стерню и щупали обмолоченные колосья, старались найти в них зерна. Хотя бы одно попало им за все их труды! Теперь комбайн не будут называть «чертовой машиной». Теперь даже старая Гандриене день и ночь хвалит того умного человека, который выдумал такое устройство.

Лидум от души рассмеялся.

— Быстрая капитуляция. Тебе повезло, Жан, что при первом выезде попало такое хорошее поле. Попадись поле с сорняками или где хлеб еще не совсем дозрел, тогда бы так дешево не отделался.

— Что правда, то правда — комбайн не терпит сорняков, — ответил Жан. Надо поля держать чистыми, вот и все.

— Ты сегодня долго будешь работать? — осведомилась Анна.

— Если не будет дождя, то еще несколько часов.

— Значит, вечером встретимся.

Жан вернулся к комбайну, сел за штурвал, и корабль полей снова уверенно отправился в плавание.

Возле правления колхоза прибывших встретили Регут, Бригис и Айвар. С час как приехал Индрик Регут с женой.

— Батюшки, вот дорогие гости! — крикнул издали старый Регут. — Милости просим, товарищи! Как раз вовремя приехали. Только-только успеете закусить с дороги, осмотреть, что у нас нового, и — на собрание.

— У вас сегодня собрание? — удивилась Анна.

— И еще какое, милая, если б ты знала! — отозвался Регут. — Такого еще не было с тех пор, как мы здесь живем. Как хорошо, что ты опять дома. Люди обрадуются, когда увидят тебя. Не могут дождаться, когда вернешься.

Все пошли за Регутом в комнату, где было приготовлено угощение, только Анна взяла под руку Айвара, и они направились в большой фруктовый сад. Здесь два года назад колхозники, собравшись отпраздновать Янову ночь, боролись с бандитами; здесь впервые слетело с губ Айвара робкое признание, и все, что было связано с этим признанием, казалось им обоим бесконечно дорогим.

3

В доме правления колхоза гости долго не задержались. Познакомившись с некоторыми данными о посевной площади, о поголовье

скота, о видах на урожай, о предполагаемых доходах, поинтересовавшись таблицей, где отмечались выработанные каждым колхозником трудодни, они вместе с Регутом и Бригисом обошли и объездили главные достопримечательности колхоза. Айвару все было хорошо известно, он как свой человек ходил по фермам, теплицам, опытным площадкам, мичуринской лаборатории и многое сам объяснял приезжим.

Регут недавно купил машину «Москвич» и сам правил им — хотя и не так виртуозно, как профессиональный шофер, но достаточно смело и уверенно; труднее было только с обратным ходом.

— Для чего нам учиться отступать? — шутил Регут. — Мы ведь всегда будем двигаться только вперед.

Он очень гордился колхозным клубом, устроенным в жилом доме бежавшего с немцами кулака. В библиотеке насчитывалось тысячи полторы книг, там было почти все, что издали в Латвии после войны по вопросам социалистического земледелия. Во втором этаже была лаборатория мичуринцев, читальня, красный уголок, комната отдыха с разными играми и мощным радиоприемником.

— Каковы ваши успехи по новым культурам? — поинтересовалась Валентина, когда Айвар показал лабораторию мичуринцев.

— У них большие успехи, — ответил за Регута Айвар. — Нынешней осенью уберут первый гектар ветвистой пшеницы и, таким образом, полностью разрешат вопрос о семенах — и себе хватит и с соседями можно поделиться. Они уже начали опыты с соей, чумизой, а Регут — он ведь большой сластена — мечтает о винограде и арбузах. Про апельсины и мандарины еще не слышно, но не ручаюсь, что не начнут ломать голову и над ними.

— Он так рассказывает, будто кто-то другой выдумал эти вещи, — усмехнулся Регут. — А сам главный зачинщик. Как приедет к нам, начитавшись всякой премудрости, так обязательно начинаются разные новшества. Наши ребята и девочки ходят за ним табунчиками и верят каждому слову больше, чем старушки — пасторской проповеди.

— Совсем не так обстоит дело, но молодежь эти вещи интересуют, — заметил Айвар.

На конеферме они встретились с Антоном Пацеплисом и Петером Гандрисом. На груди Петера красовался орден Трудового Красного Знамени, а когда он водил гостей по конюшне, Регут шепнул Анне и Яну Лидуму, что Петер Гандрис сейчас кандидат на звание Героя Социалистического Труда: от двадцати кобыл вырастил двадцать жеребят.

— Ага, что вы на это скажете — свой собственный Герой? —

улыбнулся он. — К будущему году обязательно будет, как пить дать.

— Если человек заработал, пусть получает, что заслужил... — сказал Лидум.

— Ведь он днюет и ночует на конюшне, домой ходит только раз в неделю, чтоб попариться в бане. Что же тут удивительного.

Анна подошла к отцу.

— Как тебе живется, отец? — спросила она.

— А чего мне не хватает... — усмехнулся Пацеплис. — Лошадки хорошие, сыт по горло, трудодней хватает.

Какой я был хозяин, когда всю жизнь не знал, как свести концы с концами?... А как ты?

— Теперь опять буду работать здесь, на машинно-тракторной станции, вместо Финогенова.

— А как же вы с Айваром думаете жить? Врозь, что ли? Что это за жизнь?

— Может, и не придется жить врозь. Иначе я не приехала бы сюда на работу.

— Значит, и он будет работать здесь?

— Возможно. Ты на собрании будешь?

— Придется пойти послушать, — Пацеплис неожиданно засмеялся. — Ну и обработали вы свое дело, так тихо, что и воды не замутили, а я-то надеялся на твоей свадьбе водочки отведать. Не взыщи, дочка, если я когда-нибудь отплачу тебе тем же. Ты меня на своем веку достаточно расстраивала. Невесту я уже облюбовал, а про день свадьбы не скажу ни слова. Как аукнется, так и откликнется!

— Ты думаешь... опять жениться? — Анна растерянно посмотрела на отца.

— А позволь узнать, почему бы мне не жениться? Я еще не такой старый. Мне еще жить да жить.

— Да, конечно... — ответила задумчиво Анна.

Но когда она присоединилась к остальным, Пацеплис лукаво усмехнулся и покачал головой:

— Эх, напугал. Наверно, поверила. Не хочет получать еще одну мачеху. Ну, обойдемся, обойдемся без женитьбы. На семейном кладбище не хватит места для четвертой жены, только для меня и осталось.

На молочнотоварной ферме царил тишина, как обычно в летнее время, когда скот на пастбище, поэтому Регут после осмотра конефермы повез гостей прямо на Змеиное болото. Маленький «Москвич», управляемый новичком, и «Победа» Яна Лидума не спеша проехали мимо

МТС и того места, где когда-то стояли покосившиеся постройки усадьбы Сурумы. Теперь только несколько кустов сирени и две старые яблони показывали, что здесь когда-то жили люди: все постройки были разобраны, старый колодец засыпан, и до самого бывшего двора расстилось картофельное поле колхоза. Анна посмотрела в ту сторону, но ни одна грустная мысль не шевельнулась в голове, не забило в тревоге сердце. Она стала смотреть на большое болото, к которому сейчас подъезжала машина. Неподалеку от бывших Сурумов, слева от большака, проходил новый проселок. Регут, сбавив газ, медленно повернул «москвич» влево и спокойно, будто это было обычным делом, въехал на болото — туда, где несколько лет назад не могла ступить нога человека. «Победа» последовала за ним. Анну охватила горячая волна радости и счастья. Она схватила руку Айвара и, глубоко взволнованная и сияющая, посмотрела ему в глаза.

Айвар понял ее без слов и, не желая развеять чудесное чувство, которое дано испытать только победившему в тяжелой борьбе человеку, улыбнулся и молча кивнул головой.

А перед ними лежало огромное, зеленое, чистое от кустарников, кочек и пней поле, дальний конец которого сливался с темнеющим бором. На длинных стожарах сушился скошенный клевер, везде виднелись большие стога сена. Проехав еще километр, они увидели большое стадо коров бурой масти, которое мирно паслось на новых пастбищах.

Посреди болота высился какой-то длинный, еще не достроенный корпус с венком над белыми стропилами, и возле него полукругом стояли другие незаконченные постройки. Регут, не останавливая машины, проехал наискось через болото. Все молчали, все были взволнованы до глубины души. Перед ними, как чудо, развернулась величественная картина возродившегося плодородия земли.

Машины достигли края болота, прилегающего к территории Айзупской волости, и здесь по обе стороны отводного канала, идущего к озеру Илистому, раскинулись луга, пастбища и большие поля. Отводные каналы разрезали Змеиное болото на большие участки; их в свою очередь пересекали на длинные полосы коллекторы, между которыми не было ни одной канавы, ни одной межи — только ровные луга, поля и пастбища; вся мелкая водоотводная сеть находилась под землей в виде закрытого дренажа. Любой сельскохозяйственной машине хватало места, чтоб работать во всю мощь.

На обратном пути машины остановились в одном месте, все прошли по скошенному полю многолетних трав. И казалось странным, почти невероятным, что недавняя трясина, где и зайцу трудно было петлять от

одного островка к другому, сейчас покорно лежала под ногами человека и всюду видна была щедрость земли.

— А знаете, сколько мы в этом году убрали клевера и сена на этом болоте? — заговорил Регут. — В среднем девяносто шесть центнеров с гектара! И какой корм — чистый концентрат! Жаль, что маловато скота, — еще голов на сто хватило бы этого добра.

— Как со змеями? — спросила Анна. — Много коров покусали этим летом?

— Таких случаев не было.

— Тогда придется изменить название болота, — засмеялся Артур. — Что это за Змеиное болото, если нет больше змей.

— Болото? — Айвар с удивлением посмотрел на двоюродного брата. — Может, ты будешь так любезен и покажешь нам, где здесь болото?

— Прости, Айвар, вырвалось по старой привычке! — оправдывался Артур. — Я еще не могу привыкнуть к этому чуду.

Здесь, посреди бывшего болота, они встретились с Финогеновым, который полчаса тому назад узнал о приезде гостей. Поздоровавшись со всеми, он спросил у Анны:

— Ну как, Анна Антоновна, сдержали мы слово, которое дали вам в тот дождливый день при прощании?

— Все обещанное выполнено, товарищ Финогенов, — ответила Анна, крепко пожимая ему руку.

— Кое в чем даже перестарались, — заметила Валентина.

— Например? — Финогенов добродушно улыбнулся.

— Все время дожидалась, что запищит какой-нибудь комар, но так и не дождалась, — сказала Валентина. — Скоро ученым придется ехать в далекие северные тундры, чтобы разыскать экземпляр для своих коллекций.

Все весело рассмеялись.

— С комарами я давно веду борьбу, — заговорил Регут. — У меня, как видите, крови достаточно, и невелика беда, если какая-нибудь мошка и пососала бы, но как-то не хочется откармливать паразитов. Пусть ученые не печалются: кое-где по лесам, где много папоротника, еще найдут один-другой рой комаров, но только им надо поторопиться со своими коллекциями, — слышать, что и леса скоро избавят от лишних вод. Куда тогда скроется бедный комарик?

А Ян Лидум осматривался кругом, взволнованный до глубины души, и думал:

«Вот она — часть нового мира, который своими руками строит

советский человек. И тебе, Ильза, надо бы это увидеть, — мысленно обратился он к сестре, и ему казалось, что Ильза стоит рядом посреди побежденного болота. — Долгий путь прошли мы, Ильзит... за это время выросли новые люди, но разве мы, старые да седые, уже стали лишними? Нет, ничуть. Это наши дети, выпестованное нами поколение, творят сегодня великие дела, а завтра перейдут к еще большим, а мы все еще с ними в одном строю и вместе создаем коммунистический мир. Стоило бороться и страдать, велика наша победа... нам не о чем жалеть в своей жизни, не так ли, Ильзит?»

Долго стоял Лидум, погруженный в думы, и, понимая его состояние, другие старались не тревожить его.

— Когда я смогу сдать дела? — тихо спросил Финогенов у Анны. Он уже знал, что Анна будет его преемницей. — В отпуске, наверное, еще не были?

— Я прямо и не знаю, как быть с этим отпуском, — ответила Анна. — Самая страда... и на что это будет похоже, если заместитель директора станет разъезжать в такую пору по курортам.

— Не хочу хвастаться, но свое хозяйство я оставлю в довольно хорошем состоянии, — продолжал Финогенов. — Ничего страшного не случится, если вы с месяц и отдохнете.

Они уговорились встретиться утром в МТС и оформить прием и сдачу.

Под вечер к середине Змеинового болота по всем дорогам и тропинкам стали стекаться потоки людей. Они собрались на просторном дворе новой молочной фермы. Многие стояли, другие сидели на простых деревянных скамьях, на грудах бревен и строительного материала или прямо на зеленой траве. В конце площадки поставили длинный стол, накрытый красной скатертью, и возле него несколько скамей и стульев.

Когда собрался народ, за стол сели председатель волостного исполкома Бригис, Артур Лидум, парторг Клуга, председатели колхозов «Ленинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» и несколько знатных людей колхозов, среди которых была и заведующая молочной фермой Ольга Липстынь. На груди у нее блестел орден Ленина. Прошлой осенью Ольга стала членом партии. Бригис попросил Финогенова, а также приехавших гостей занять места за столом президиума. И когда те, немного помешкав, уселись во втором ряду, собрание объявили открытым...

— Товарищи... — обратился Бригис к колхозникам. — Несколько дней тому назад в четырех колхозах нашей волости состоялись общие собрания. Взвесив все условия и перспективы дальнейшего развития своих колхозов,

члены сельскохозяйственных артелей «Ленинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» единодушно признали, что для более успешного ведения коллективного хозяйства необходимо объединиться в один колхоз «Ленинский путь».

Продолжительные аплодисменты прервали Бригиса. Получив наконец возможность говорить, он продолжал:

— Волисполком познакомился с решениями и протоколами колхозных собраний. Вот они лежат на столе президиума. Мы снесли с уездным исполкомом и партийным комитетом, и общий вывод такой, что это объединение надо приветствовать. Такого же мнения придерживается правительство республики и Центральный Комитет партии. Итак, объединение этих четырех колхозов утверждено, и вам, дорогие товарищи, надо сегодня выбрать председателя объединенного колхоза, а также правление и ревизионную комиссию. Я думаю, что будет правильно, если сначала выберем председателя. Имеются ли какие возражения? Я вижу, что нет. В таком случае прошу выдвигать кандидатов...

— Регута! — послышался голос.

— Прошу слова! — крикнул Регут. — У меня другое предложение.

— Слово товарищу Регуту, — объявил Бригис.

Став у стола, чтобы все могли его хорошо видеть, Регут внимательно оглядел собравшихся и просто, спокойно сказал:

— Как вам известно, я уже два года проработал председателем колхоза. Этого вполне достаточно, чтоб человек выяснил, что он может и чего не может. За это время я, правда, научился кое-чему такому, чего два года тому назад не знал. Но я сильнее, чем тогда, чувствую, чего мне не хватает. У меня, возможно, достаточно практической сноровки и опыта, но они пригодны лишь в том случае, если мы пожелаем жить, работать и хозяйничать по старинке — сегодня так же, как вчера. А чтобы уметь заглянуть в будущее, чтобы вовремя организовать все так, как будет нужно потом, через пять, десять и двадцать лет, взять от природы то, что наши отцы и мы сами не умели брать раньше, недостаточно одних практических знаний, нужно специальное образование, нужно знание сельскохозяйственной науки. Вот этого-то мне и не хватает. Если я до сих пор кое-как справлялся с нашим артельным хозяйством, то только потому, что оно было невелико и что мне очень много помогали советами люди, у кого этих знаний больше. Теперь, когда придется руководить объединенным колхозом, моих силенок недостаточно, и я с этим огромным хозяйством не справлюсь. Поэтому у меня есть предложение, о котором я уже беседовал с председателями остальных колхозов и со многими

колхозниками. Уездные организации и министерство уже знают и поддерживают его. Настоящего человека, которому мы спокойно можем доверить руководство объединенным колхозом, искать далеко не придется, он находится среди нас, и вы все его хорошо знаете. Этот человек был среди нас, когда мы делали первые, нетвердые шаги по пути колхозной жизни, провел землеустройство и разработал первый трехлетний план. Это он помог нам превратить в плодородную землю огромное болото, на котором мы собрались сегодня, чтоб решить вопрос о дальнейшей жизни. Вот я и предлагаю выбрать председателем нашего объединенного колхоза нашего товарища, Айвара Лидума.

Уже с середины речи Регута многие отыскивали глазами Айвара, и чем дальше, тем яснее становилось всем, что именно о нем говорит Регут. Когда Регут умолк, раздались такие аплодисменты, что последний болотный гад, если он прятался в какой-нибудь норе, должен был удрать с перепугу.

— Правильно! — раздавались один за другим громкие возгласы. — Айвара Лидума председателем! Он справится! Голосуй, Бригис, чего ждешь!

Смущенный Айвар сидел во втором ряду за столом президиума и не знал куда девать глаза. Регут высказал то, о чем он давно втайне мечтал, это было самым заветным желанием Айвара — работать в самой гуще народа, отдать свои силы и знания строительству новой жизни именно здесь, в Пурвайской волости.

— Товарищ Лидум, — прервал его мысли Бригис, — собрание хочет слышать ваше мнение. Иначе мы не можем приступить к голосованию.

Айвар встал и пробрался к концу стола. Наверно, он никогда еще не казался таким высоким, мужественным и в то же время таким ребячески взволнованным, как в этот момент.

— У меня не хватает слов, дорогие товарищи, чтоб выразить вам свою благодарность за огромное доверие, которое вы оказываете мне сегодня, — сказал он. — Скажу откровенно, без всякого притворства: меня обрадовало ваше предложение, и я не представляю себе ничего лучшего и более прекрасного, чем работа вместе с вами здесь, на этой земле, которую мы общими силами отвоевали у природы. Что касается лично меня, то я согласен остаться у вас и руководить колхозом, но есть два обстоятельства, которые я сам разрешить не могу.

— Что за обстоятельства? — спросил Артур.

— Первое: я работаю в министерстве сельского хозяйства и без согласия министра не могу перейти на другую работу.

— Уже сделано! — крикнул Регут, широко улыбаясь. — Мы на

прошлой неделе были у министра и обо всем договорились.

— Вот как? — улыбнулся Айвар. — Еще одно обстоятельство. Мне остается закончить пятый курс Сельскохозяйственной академии. Я должен сдать государственные экзамены. Это значит, что до будущего лета мне придется часть своего времени отдать учебе.

— Успеешь и академию окончить! — кричали с мест. — И с колхозом справишься и экзамены сдашь! Как же осушал болото и учился? У нас труднее не будет!

Айвара Лидума единогласно выбрали председателем объединенного колхоза. Старый Регут стал его заместителем.

А когда были избраны все органы управления, Айвар снова взял слово и рассказал колхозникам, какие планы он уже продумал, совсем не зная, что ему придется здесь работать.

Люди слушали и понимали, что это не фантазия мечтателя, а близкая, почти осязаемая действительность, начало прекрасного и счастливого завтрашнего дня.

Так будет, так должно быть, так хочет выросший в бурях и грозах советский человек, которого учила мечтать и бороться за претворение своих мечтаний в действительность великая коммунистическая партия.

Кончилось большое собрание посреди бывшего болота, но люди не расходятся. Звучит музыка, веселые песни, на дворе новой фермы в лунном свете мелькают танцующие пары. Если хорошо всмотреться, можно заметить там многих наших старых знакомых и друзей, вместе с которыми мы исходили далекие и сложные пути. Только двоих — Айвара и Анну — напрасно искали бы мы здесь. Чтобы увидеть их, надо пройти дальше, в глубь бывшего болота, и найти тихое, уединенное место, где магистральный канал соединяется со второй отводной канавой. Там, у маленького устья, стоят они на низком берегу и смотрят, как, переливаясь в лунном свете, течет и журчит вода... течет к реке, к далекому морю. Она течет, ни на мгновение не останавливаясь, темная и густая, как кровь старого болота.

— Наконец-то ты побеждено, ненасытное болото... — говорит Айвар, пожимая руку Анны. Он смотрит на яркий огонь, сияющий в центре бывшего болота. Оттуда доносится музыка и веселые голоса. И рука Анны доверчиво, с нежной силой отвечает на крепкое пожатие руки мужа.

— Ты больше никогда не воспрянешь, злая, разрушительная сила, — говорит Анна — Мы не позволим. Мы, советские люди, говорим тебе это.

Огненной чертой вспыхивает и гаснет в темном ночном небе путь

падающего метеора. Легкий ветерок приносит пряный запах скошенной травы и тихое мычание оставленного на пастбище скота. Вся живая природа набирается сил для наступающего дня.

1949–1959.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Роман «К новому берегу» был закончен автором в 1951 году и тогда же опубликован на страницах газеты «Циня», а в русском переводе — в журнале «Звезда».

Автор неоднократно возвращался к роману и вносил в него значительные изменения и дополнения. Публикуемая в данном томе авторизованная редакция перевода представляет собой новую редакцию текста романа.

Полубатрак — несовершеннолетний батрак, которому кулаки выплачивали не более половины заработка взрослого рабочего.

Юрьев день — в этот день (23 апреля) в досоветской Латвии обычно кончались годовые контракты, заключенные батраками с хозяевами, и батраки, как правило, нанимались к новым хозяевам.

Шестьдесят *пурвиет* соответствуют приблизительно двадцати гектарам.

Лурих — известный в двадцатых годах эстонский тяжелоатлет и борец.

Бобыли — беднейшая прослойка крестьянства в дореволюционной буржуазно-демократической и ульманисовской Латвии. Бобыли батрачили в кулацких хозяйствах и обязаны были отработать квартирную плату хозяину той усадьбы, в которой они жили.

Айзсарги — военно-фашистская организация кулацкого «Крестьянского союза» в Латвии, главная опора ульманисовского фашистского режима, а в годы Великой Отечественной войны — гитлеровских захватчиков на временно оккупированной территории Латвии.

«*Остров смерти, Тирельское болото, Пулеметная горка...*» — места кровопролитных боев латышских стрелковых полков с германской армией в годы первой мировой войны.

«*Старая Сурумиене*». — В досоветской Латвии владельца и владелицу крестьянской усадьбы именовали по ее названию (в данном случае Сурумы).

«*Јунакас Зиняс*» («Последние новости») — рижская буржуазная газета в досоветской Латвии.

Янов день — день «Лиго». См. примечание к стр. 547

Айзсардзе — женщины-айзсарги (писари, связистки, медицинские работники в частях айзсаргов).

В досоветской Латвии вплоть до 1940 года применялся действовавший с июля 1917 года «закон Керенского», согласно которому любой латыш «в целях обеспечения общественной безопасности» мог содержаться в тюрьме без суда и следствия.

«*Rīts*» («Утро») и «*Latvijas Sargis*» («Страж Латвии») — рижские реакционные газеты в досоветской Латвии.

В начальной школе досоветской Латвии было шесть классов. В средней — четыре.

«События 15 мая». — 15 мая 1934 года Ульманис и другие латышские гитлеровцы произвели фашистский государственный переворот, захватив власть в свои руки и уничтожив последние остатки буржуазно-демократических «свобод».

Автор имеет в виду лидера латышских фашистов Карла Ульманиса и произведенный 15 мая 1934 года под его руководством государственный переворот.

Намей (Намейсис) — «Король Земгалии» — в 1279 году руководил восстанием земгалов против рыцарей Ливонского ордена.

Виестур (Виестард) — правитель Западной Земгалии в начале XIII века. В 1219 году выступил против немецких захватчиков и нанес поражение их войскам под Межотне.

Имеется в виду Людвиг ван Бетховен (1770–1827) — гениальный немецкий композитор.

Военные курсы для солдат, имеющих среднее образование, дававшие право командовать взводом и ротой во время войны.

Валяй-Берзинь — прозвище Берзиня — министра общественных дел в ульманисовской Латвии, одного из заправил фашистской клики.

Лапуасцы — финские фашистские военные формирования типа гитлеровских штурмовиков, латышских айзсаргов, эстонских кайцелитовцев и др.; название получили от местности Лапуа в Эстерботнии — центра кулацко-фашистского движения в Финляндии.

Пробст — старший протестантский пастор.

«Красно-бело-красные флажки» — цвета государственного флага буржуазной и ульманисовской Латвии.

Свободен от евреев (*нем.*).

Карл Маннергейм (1867–1951) — фельдмаршал Финляндии, бывший генерал-адъютант царской армии, один из лидеров финских реакционеров, агент гитлеровской Германии. В 1939 году руководил военной авантюрой против СССР, ликвидированной советскими войсками в результате прорыва и разгрома «линии Маннергейма» — мощных укреплений на Карельском перешейке.

Лев Михайлович Доватор (1903–1941) — Герой Советского Союза, генерал-майор. В годы Великой Отечественной войны командовал кавалерийским корпусом, отличившимся в боях на подступах к Москве. Пал смертью храбрых 19 декабря 1941 года на поле боя под Рузой.

Иван Васильевич Панфилов (1893–1941) — Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор, командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени Панфилова, отличившейся в боях на подступах к Москве на Волоколамском направлении. Пал смертью храбрых 19 ноября 1941 года.

«*Выстрел*» — сокращенное наименование Высших стрелковых курсов усовершенствования командного состава Советской Армии. В годы Великой Отечественной войны здесь готовились кадры для стрелковых частей Действующей Армии.

Ян Людвигович Рейнберг (1901–1944) — Герой Советского Союза, гвардии подполковник. Пал смертью храбрых 14 января 1944 года в бою под деревней Моноково, командуя батальоном лыжников, прорвавшихся в тыл противника.

«Лиго» — латышский народный праздник в честь урожая, отмечаемый в день Ивана Купалы (24 июня). Во время праздника исполняются обрядовые (купальские) песни с неизменным припевом «Лиго». Праздник «Лиго» начинается вечером в канун Иванова дня и напоминает подобные ему народные праздники и обряды в Белоруссии и на Украине.